

РУССКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

РУССКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

Серия самых выдающихся книг великих русских мыслителей, отражающих главные вехи в развитии русского национального мировоззрения:

Св. митр. Иларион	Лешков В. Н.	Соловьев В. С.
Св. Нил Сорский	Погодин М. П.	Бердяев Н. А.
Св. Иосиф Волоцкий	Беляев И. Д.	Булгаков С. Н.
Иван Грозный	Филиппов Т. И.	Хомяков Д. А.
«Домострой»	Гиляров-Платонов Н. П.	Шарапов С. Ф.
Посошков И. Т.	Страхов Н. Н.	Щербатов А. Г.
Ломоносов М. В.	Данилевский Н. Я.	Розанов В. В.
Болотов А. Т.	Достоевский Ф. М.	Флоровский Г. В.
Пушкин А. С.	Одоевский В. Ф.	Ильин И. А.
Гоголь Н. В.	Григорьев А. А.	Нилус С. А.
Тютчев Ф. И.	Мещерский В. П.	Меньшиков М. О.
Св. Серафим Саровский	Катков М. Н.	Митр. Антоний Храповицкий
Муравьев А. Н.	Леонтьев К. Н.	Поселянин Е. Н.
Киреевский И. В.	Победоносцев К. П.	Солоневич И. Л.
Хомяков А. С.	Фадеев Р. А.	Св. архиеп. Иларион (Троицкий)
Аксаков И. С.	Киреев А. А.	Башилов Б.
Аксаков К. С.	Черняев М. Г.	Концевич И. М.
Самарин Ю. Ф.	Ламанский В. И.	Зеньковский В. В.
Валуев Д. А.	Астафьев П. Е.	Митр. Иоанн (Снычев)
Черкасский В. А.	Св. Иоанн Кронштадтский	Белов В. И.
Гильфердинг А. Ф.	Архиеп. Никон (Рождественский)	Распутин В. Г.
Кошелев А. И.	Тихомиров Л. А.	Шафаревич И. Р.
Кавелин К. Д.		

ВЛАДИМИР ЧЕРКАССКИЙ

**НАЦИОНАЛЬНАЯ
РЕФОРМА**

**МОСКВА
Институт русской цивилизации
2010**

Черкасский В. А. Национальная реформа / Составление, предисловие и комментарии А. К. Голикова / Отв. ред. О. А. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2010. — 592 с.

В книге впервые после более чем столетнего перерыва издаются труды выдающегося русского мыслителя-славянофила и государственного деятеля князя Владимир Александровича Черкасского (1824–1878). Только неуклонным служением началу народности, считал Черкасский, укрепляется государственный организм, стягиваются с ним его окраины и создается то единство, которое было неизменным историческим заветом наших предков. И ничто не может быть пригоднее для России, как введение системы, скрепляющей союз народной массы с властью и неизбежно представляющей ей опеку и руководство.

На этих принципах он разработал Положение о крестьянах, которое сыграло большую роль в проведении крестьянской реформы. Предложенный Черкасским путь освобождения крестьян от крепостной зависимости основывался на славянофильских идеях реформирования общества и сохранения общины. России необходимы реформы, но эти реформы должны быть национальными, русскими, а не повторением революционных экспериментов Запада.

ISBN 978-5-902725-55-8

© Институт русской цивилизации, 2010.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Он был, бесспорно, человеком государственным и принимал деятельное участие в величайших государственных деяниях. Это был ум сильный, обширный, деятельный, просвещенный многосторонними познаниями, чрезвычайно ясный и обладающий необыкновенно творческой способностью низводить абстракты на реальную почву, запутаннейшие, отвлеченные теории приводить к конкретной, практической формуле, и многотрудным задачам отыскивать простое решение.

И. С. Аксаков

1

Князь Владимир Александрович Черкасский – славянофил, выдающийся русский государственный и общественный деятель, автор национальных проектов крестьянских реформ в России и Царстве Польском и устройства гражданской администрации в освобожденной от турецкого господства Болгарии.

Духовным истоком славянофильской мысли была русская православная традиция с ее идеями монархической государственности, национально-культурного своеобразия, со-

циокультурной самобытности развития России, охранения духовно-нравственных ценностей. Главным фактором разрешения всех противоречий славянофилы считали крестьянскую общину с ее общинным землевладением. По их мнению, в мудрой системе политического управления соединяются свободомыслие народа (внутренняя свобода) с самодержавной властью (внешняя необходимость).

Ложность западноевропейского политического порядка славянофилы усматривали в том, что западное общество пошло путем «внешней правды, путем государства». Учение же славянофилов нацелено было на возрождение исторической памяти национального самосознания, на воспитание русского народа в духе московской старины, сбережения древнерусских традиций, российского уклада жизни: патриархальности, религиозной смиренности, соборности, патриотизма, защиты самобытной исторической судьбы русского народа. В итоге вывод: «Нам нечему учиться у Запада, в Древней Руси все было» (К. Аксаков).

Идеологи славянофильства и представители возникшего в 60-х годах на основе идейного родства со славянофилами почвенничества (А. Григорьев, братья Достоевские, Н. Страхов) видели спасение русского народа не в радикальном преобразовании структуры общества и государства, а в традициях народа, в его правде, духовных ценностях, в чистоте идеалов христианской справедливости и братства. Их консерватизм органично сочетался с элементами стихийного демократизма, либерального консерватизма и «социализма народа русского» (Ф. М. Достоевский).

Примыкая к славянофилам, Черкасский не принадлежал ни к одному из идеологических течений или к какой-либо политической партии. В отличие, скажем, от Ю. Самарина, он не был партийным человеком. По поводу его партийной «лояльности» к славянофильской идеологии славянофил А. Кошелев писал в своих «Записках» следующее: «Хотя Черкасский впоследствии часто считался так называемым славянофилом, и иногда даже ставили его и

во главу этой партии, но он никогда таковым не был и расходился с нами в самых существенных направлениях¹. В славянофильстве либеральный элемент, несмотря на консервативную доминанту, со временем рождает умеренно-либеральное течение, превратившееся в партию земского либерализма. *Но именно в точке пересечения славянофильства и элементов умеренного либерализма сформировалось мировоззрение кн. Черкасского.*

Оно проявилось в его антикрепостнических взглядах, в стремлении к гражданской свободе, в борьбе против крайнего индивидуализма и за утверждение личностного начала в общинной религиозно-нравственной среде; в глубокой симпатии к свободной, независимой личности и истинному свободомыслию; в критике правительства, ущемляющего свободу слова, печати, свободу совести.

В его мировоззрении просматривается убеждение в необходимости последовательной децентрализации и проведения в жизнь земского устройства общественной жизни с целью ограничения сферы деятельности государства; в активной борьбе государства за развитие местного самоуправления, за самобытное и свободное развитие народной жизни, сдерживаемой пока «насильственным воспитанием общества посредством государства»; в критике бюрократических проявлений в политической жизни общества; в признании силы и значения свободы печати и общественного мнения и др.

В 1870 году по инициативе Черкасского Московская Дума составила по случаю объявления самостоятельности действий России на Черном море (ограниченной прежде Парижским трактатом) и введения всеобщей воинской повинности всеподданнейший адрес государю, расцененный министром императорского двора как составленный «в неуместной и неприличной форме». В этом послании защита суверенных прав народа через верховного его представителя (монарха) виделась Черкасским прежде всего в расширении «простора мнению и печатному слову, без которого никнет дух народный и нет ме-

ста искренности и правде в его отношениях к власти; свободы церковной, без которой недействительна и сама проповедь; наконец, свободы верующей совести – этого драгоценнейшего из сокровищ души человеческой».

Политическое мышление Черкасского отличалось глубокой проникновенностью в дела практические. Князь умел находить реальные способы реализации великих целей.

Своей главной обязанностью он считал, во-первых, обеспечить начала собственности, соблюдая закон; во-вторых, дружеской рукой, без насилия вести крестьян по пути развития; в-третьих, приобрести любовь общества к мировым учреждениям, без которой сознание необходимости их не укоренится в общественном сознании.

Отстаивание Черкасским мировых учреждений часто воспринималось многими славянофилами любезно-критически: в князе не находили приверженца старины, преданий, должного почтения к народу и христианству. Так К. Аксаков в письме к кн. Черкасскому писал: «Русский Вы далеко не полный, что надыхались вы с детства французским воздухом и вообще иностранным. Славянофильство освежило бы Вас до некоторой степени от иностранного чада, окунувши Вас в народную крепкую прорубь по своей суровой методе. А теперь Вы опять на иностранной дороге. Жаль мне Вас, потому что люблю Вас. Но народ люблю больше. А потому делать нечего: пока Вы на этой дороге, между нами война, решительная и беспощадная. При всем том, искренне Вас любящий. К. А.»². Черкасский, поддерживая искренние дружеские отношения с лидерами славянофильства, печатаясь в их журналах, свое служение народу выражал по-своему. Защищая крестьянскую реформу, он считал, что только «неуклонным служением началу народности укрепляется государственный организм, стягиваются с ним его окраины и создается то единство, которое было неизменным историческим заветом наших предков. И ничто не может быть пригоднее для России, как введение системы, скрепляющей союз народной массы с властью, неизбежно представляющей ей опеку и руководство».

2

Владимир Александрович Черкасский родился 5 февраля в 1824 года в деревне Журавлевка (Одинцово) Чернского уезда Тульской губернии. Старинный княжеский род Черкасских ведет начало от кабардинского владетеля Инала, происходившего от султанов египетских. В XVI веке потомки кабардинского князя Идарова (Темрюковичи, Камбулатовичи, Сунчалеевичи) входили в состав княжеской группировки, ориентированной на Москву. Выехав на службу в Россию, стали известны здесь как Черкасские. Будучи князьями служилыми, они установили тесные родственные связи с крупными русскими княжескими родами и в разное время входили в высшую иерархию России. Активно участвуя в политической жизни русского общества, Черкасские занимали высокое положение в аппарате управления, были крупными землевладельцами. Среди них немало военных и государственных деятелей – полководцы, канцлеры, реформаторы. Своим устойчивым положением в социально-экономической и политической структуре русского государства Черкасские во многом обеспечили стабильность кабардино-русским взаимоотношениям.

Отец Владимира Александровича, князь Александр Александрович Черкасский, служил в Преображенском полку, затем был атташе при посольстве в Лондоне. Вернувшись на родину, женился на Варваре Семеновне Окуновой и проживал с семьей зимой в Москве, а летом – в Тульской губернии. Кроме Владимира в семье А. А. Черкасского было три сына и дочь.

С детства овладев французским, английским, немецким языками, получив солидное домашнее образование, шестнадцатилетний юноша поступает на юридический факультет Московского университета, где обращает на себя особое внимание университетской профессуры как первый студент. По воспоминаниям Черкасского, сильное влияние на него оказали профессора М. П. Погодин, Н. И. Крылов, И. Д. Беляев,

влившие в молодые души «задатки народного самосознания», понимания значимости России, «устоявшего в бурях истории славянского государства, умевшего принести ради сохранения своего самостоятельного бытия великие жертвы». От них он получил самые точные и дельные сведения об истории крестьян на Руси и русской общине.

Занимаясь историей русского права, Черкасский пишет конкурсное сочинение «Очерк истории сельского сословия в России». В нем он изложил историю политического развития русской волости, указывая на единственный нормальный выход из крепостного состояния – «общинный политический быт волости, основанный на твердой поземельной собственности». За это сочинение Черкасский удостоивается университетской серебряной медали. Именно в эти годы в сознании молодого правоведа утвердилась мысль о «вожделенном дне» – об освобождении крестьян от крепостного права.

После смерти отца в 1844 году семья переезжает в Тульскую деревню Горбатовка. Владимир остается в Москве, где готовится к экзаменам на степень магистра. Но занятия сельским хозяйством отвлекли его от ученых работ и заставили ближе познакомиться с положением крестьян.

Живя в деревне, Черкасский чутко следил за всеми изменениями во взглядах правительства на крестьянский вопрос и старался возбудить местную инициативу, организуя кружки из помещиков для обсуждения этого вопроса. К этому времени относится один из первых составленных им проектов освобождения крестьян. В 1847 году, по почину тульского губернатора Н. Н. Муравьева, образовался кружок тульских помещиков для составления проекта освобождения крестьян в их собственных имениях. Князь принял деятельнейшее участие в разработке проекта, приложив свой вариант раскрепощения крестьян, но в связи с революционными событиями во Франции 1848 года все работы и рассуждения по крестьянскому вопросу были прекращены.

В 1850 году князь Черкасский женится на Екатерине Алексеевне Васильчиковой, принадлежавшей к высшим кру-

гам московского общества. Кн. О. Трубецкая в своем труде упоминает о патриархальном характере этого семейства, «отличавшегося глубокой религиозностью, богатством хозяйства, благоустройством дома и значительной образованностью в сочетании с высокими нравственными качествами»³.

После женитьбы Черкасский живет в Москве. В эти годы вопрос об освобождении крестьян становится предметом горячих обсуждений в кружке славянофилов. Еще раньше познакомившись с А. Хомяковым, И. Киреевским, К. Аксаковым, князь активно участвует в его деятельности. Здесь он близко сходитя со славянофилами Ю. Самариным, И. Аксаковым, А. Кошелевым, с которыми сохранит дружбу и будет сотрудничать до конца жизни. Славянофилы оказали сильное влияние на склад мировоззрения Черкасского. Позже, в ответ Самарину по поводу его мнимых разногласий со славянофилами по вопросу об общине, князь писал в аксаково-кошелевском журнале «Русская беседа» следующее: «Одним участием своим в “Русской беседе”, несмотря на многие коренные мои, не вполне согласные с ней убеждения, я до некоторой степени доказал свою верность общему знамени. В “Сельском благоустройстве” я ради общего дела ни разу не высказывал коренного и притом важного разногласия своего по вопросу об общине; в комиссиях даже поддерживал ее, хотя видя, что мой голос мог бы содействовать слишком враждебному против нее настроению»⁴.

В 1851 году Черкасский готовит статью «Юрьев день» для второго тома славянофильского «Московского сборника». Статья была признана цензурой недозволительной. Автора статьи и редакторов обязали подпиской ничего не печатать без пропуска их сочинений высшей цензурой в Петербурге. Подвергнутый ограничению в правах печатания и полицейскому надзору, Черкасский покинул на время литературное поприще и принял на себя управление многочисленными именными Васильчиковых, рассеянными по всей России.

Зимой 1852–1853 годов князь Черкасский, невзирая на частые болезни, продолжал свою деятельную и хлопотли-

вую жизнь. По вечерам он часто встречается с Хомяковым, Самариным, Кошелевым. Помимо религиозных вопросов общим интересом их было сельское хозяйство и проблема освобождения крестьян.

После Крымской войны и воцарения Александра II (1855 г.) в России повеяло новым духом, открылось широкое политическое поле деятельности для научного и литературного таланта Черкасского. Сотрудничая с журналом «Русская беседа», разрешенным правительством после долгого цензурного запрета «Московского Сборника», в апреле 1856–1857 годов он публикует статьи: «Обозрение политических событий в Европе 1855 г.», «Протоколы Парижского конгресса», «Тройственный союз 15 апреля 1856 г.», «Обозрение внутреннего законодательства», «О сочинениях Монталамбера и Токвиля».

По поводу первой статьи Кошелев с радостью сообщает Черкасскому: «Статья Ваша решительно нравится всем и ее хвалят более. В Вашу статью здесь многие просто влюблены. Ради собственной славы и процветания “Беседы” не отказывайтесь от обозрений». По этому же поводу в письме к князю Самарин замечает: «Мне особенно нравится, кроме мастерской слитности, совершенно свободное, самостоятельное отношение к Европе. Это отсутствие подобиюстрастия – совершенная у нас новость»⁵.

Как политический обозреватель, в своих статьях Черкасский высказывался по целому ряду практических вопросов социально-политической жизни прежней и современной России. Неразрывное единство дел внешних и внутренних было одним из важнейших принципов его политических обозрений, которые касались как наиболее важных международных, так и внутренних проблем.

Залог успеха в области внешней, полагал Черкасский, лежит в независимой силе народного самосознания и самоуважения, которую государство вносит, в свою очередь, во все отправления внешней жизни. В этом смысле его политические обозрения отличались глубиной проникновения в суть дел практических. Характерным для князя было умение через сво-

бодное печатное слово ставить великие задачи и предлагать разнообразные рациональные способы их реализации.

В области внутренних проблем два верования постоянно руководили Черкасским: «верование в необходимость и спасительность начал широкого местного самоуправления и не менее твердая вера в необходимость для успеха деятельности общественных учреждений полной, строгой, безусловной законности их действия»⁶.

Трудности с цензурой, однако, вскоре начали всерьез утомлять князя. В связи с этим он теряет надежду попасть на поприще деятельной службы и решает исполнить свою мечту – побывать с женой в Риме, Берлине, Франции. Крестьянский вопрос вновь отодвинут на неизвестный срок.

В 1857 году Черкасский выезжает за границу, где фрейлиной баронессой Э. Ф. Раден был представлен Вел. кн. Елене Павловне, для которой написал две записки «О главных и существеннейших условиях успеха нового положения».

3

Особенно ярко проявился политический талант Черкасского во время его участия в подготовке крестьянской реформы. В начале 60-х годов он становится одним из главных политических деятелей страны, выполнив роль законодателя в величайшем из преобразований, которые изменили всю российскую жизнь.

В 1858–1861 годах Черкасский с Самариным работают в редакционной комиссии над разработкой Положения Манифеста по крестьянскому вопросу, и вскоре князь становится не только главным редактором, но и составителем первоначального проекта Положения. Этому предшествовали его статьи: «Записка о лучших средствах к постепенному исходу из крепостного состояния» (1857) и «О положении крестьянского дела» (1859), где изложены основные положения и принципы подхода к крестьянской реформе.

В крепостном праве Черкасский видел основную причину слабости общественного организма – как во внутренней, так и внешнеполитической ситуациях (негативный исход военной кампании 1805 г., поражение в Крымской войне 1855 г.). Крепостной труд, по мысли реформатора, недостаточен для быстро развивающегося общества. Современная фабричная и земледельческая промышленность «настоятельно начинает требовать образования массы свободного труда, способного по зову нужд частных и общественных свободно передвигаться с места на место». Черкасский настаивает на необходимости установления переходного периода при передаче земли крестьянам. Гарантом крестьянского права на землю должно стать государство.

«Записка» предусматривала отпущение крепостных крестьян на свободу с землей в целом, и освобождение на волю двух-трех миллионов крестьян без земли в целях обеспечения быстро развивающейся промышленности свободным трудом; приведение всей системы законодательства в строгое соответствие с современными действительными потребностями народа; осуществление на завершающем (подготовительном) этапе законодательной деятельности (т. е. через 15–20 лет) коренного преобразования сельских отношений, связанных с освобождением остальных крепостных крестьян, с сохранением за ними поземельной собственности и общинного управления (дворянство при этом обеспечивается справедливым вознаграждением за утрату части своей собственности). В итоге обеспечивается «правильное и точное влияние правительства на историческое развитие государства».

Черкасский был противником революционных преобразований. Он предвидел то жесточайшее сопротивление, которое могут оказать консервативные круги земледельческого сословия, побуждаемые в своих действиях эгоистическими материальными выгодами, «готовые принести им в жертву государственное спокойствие в будущем и честь правительства в настоящем». И вскоре он со всем этим действительно столкнулся.

В статье «О положении крестьянского дела» Черкасский писал: «Слепые защитники крестьянского быта не пренебрегают никакими средствами... пытаюсь остановить всякое движение по крестьянскому вопросу... сходясь со всеми оттенками оппозиции, они защищали то освобождение вовсе без земли, то наделение крестьян самым скудным количеством ее, то выкуп по ценам баснословным, то сохранение барщины на неопределенное время, то мнимо-свободные договоры в условиях самых невыгодных для крестьян»⁷.

По мнению Черкасского, существуют два способа, две политики реформы – политика коренных преобразований и политика паллиативов, полумер, применяемых лишь для временного облегчения. К сожалению, правительство, желая общественной пользы, опасалось крайнего недовольства высших слоев дворянства и народных бунтов, «искало слишком общих и спешных результатов, пыталось само изобрести новые жизненные формулы и извне привить их обществу», не доверяя его самостоятельному развитию.

Предлагаемые правительством меры, по сути, означали отсрочку постепенного преобразования сельских отношений до окончательного завершения административных реформ в высших звеньях руководства (министерских областях), что и вызвало возражение Черкасского против односторонности принятых мер. Он обратил внимание на необходимость одновременного преобразования «ближайших к народу слоев, где язвы его во всей наготе своей доступны взорам всех и каждого», преобразования, связанного со всеобщим упрощением делопроизводства, с сокращением разорительного числа судебных инстанций, с установлением достаточного жалования чиновнику, чтобы был неподкупен и не страдал от искушений. Важны и установление контроля над деятельностью губернских властей со стороны местного дворянства, и организация приходских управлений и т. п. Но не менее необходимо, считал Черкасский, «твердо предпринятое и неуклонно преследуемое постепенное преобразование отношений крестьян к помещикам».

Жизнь государственная и народная для князя – области неразделимые. Как бы предваряя взгляды будущих теоретиков системного подхода, он пишет: «Государство не есть механически сложившееся целое... Государственное устройство и государственная администрация, жизнь сословия и народное управление не суть друг другу чуждые, взаимно друг на друга не воздействующие... взаимная живая связь коих могла бы быть безнаказанно забываема или отрицаема государственным деятелем... Скажем более: совершить оба преобразования одновременно, дружно и между собой связно не в пример легче, чем достигнуть в одной какой-либо из этих областей сколько-нибудь значительного результата без воздействия на другую; ибо при совокупном преобразовании всех частей всякий добытый результат в одной сфере немедленно служит точкой опоры и вместе с тем точкой отправления в другой»⁸.

Черкасский понимал, что вслед за крестьянской реформой должны последовать серьезные изменения во всех формах социально-политического управления российским обществом. Особое внимание он уделяет развитию системы местного самоуправления – земской, крестьянской, городской. Он ставит вопрос о сближении центральной власти, центральных учреждений с земскими, т. е. с работой на местах, полагая, что реформа России «снизу» может «качественно преобразовать, сблизить самодержавие и народ».

Идея народного самодержавия, считал он, будет свидетельством укрепления авторитета самого монарха, как верховного представителя народа, воплощения народного суверенитета. Именно по этой причине он, как и другие представители славянофилов, был противником конституционных преобразований, аналогичных западноевропейским.

По мнению Черкасского, важно хорошо продумать и осуществить на практике основные политические принципы преобразований, многие из которых успешно применялись в прошлых царствованиях. Рассуждая об успехах долгого правления Екатерины II, он еще в статье «Обозрение внутреннего законодательства» отмечал следующие принципы правиль-

ного государственного и местного управления в эпоху ее царствования: простота способов управления; неторопливость, последовательность законодательной деятельности; эффективность, рациональность действия власти, умение незамедлительно проникать «всюду, где требует того истинная польза и слава народная».

Свое понимание лучших принципов политического управления Черкасский дополняет характеристикой выдающихся черт государственного деятеля, достойных подражания, имея в виду все ту же Екатерину II: во-первых, государственное правление такого монарха основано на разумном доверии к местным властям и не допускает сосредоточения всех мелочей управления в высших сферах; во-вторых, в нем отсутствует стремление поддерживать хозяйственные монополии и есть готовность дать «свободный простор личной деятельности каждого», выполняющего свою политическую роль; в-третьих, сохраняется искреннее уважение к умственным преданиям старины в сочетании с редким сочувствием власти ко всему полезному в учреждениях иностранных⁹.

Главной задачей подготовки в России реформы Черкасский считал постепенное проведение большой подготовительной работы в системе законодательства, систематической работы по разъяснению этого политического мероприятия, а также осуществление усилий, направленных на формирование единого положительного общественного мнения во всех слоях общества. Нельзя – пишет он, – «мгновенно, без всякого предварительного приготовления перевести всю огромную массу юридических отношений сельской жизни из мягкой области обычного права, где привыкли они покоиться, в жесткую сферу печатного законоположения и полицейского вмешательства»¹⁰.

Согласно его пониманию, закон есть гарант обеспечения прочной связи местных общественных учреждений с верховной властью, их создавшей. Он налагает узду на человеческие порывы, на произвол администрации. В речи на прощальном обеде, который был дан в честь Черкасского Московской Городской Думой по выходе его из должности

городского головы 6 апреля 1871 года, князь говорил о значимости местных общественных учреждений и учреждений судебных, которые, по его мнению, «являются двумя твердыми точками опоры для государственной власти, созданные для удовлетворения местных и общественных нужд, для ограждения общества и государства не только от произвола частных лиц, но также и от произвола самой администрации, за которой государственная власть не могла бы иначе достаточно уследить»¹¹.

Черкасский разработал ряд важных законодательных мер, в полной мере востребованных при проведении реформ. И все же не было единства среди тех представителей общественного мнения, которые были искренними защитниками крестьянского дела. Вот почему так важно было разобраться в причинах разногласия, правильно понять истинные намерения, цели и предугадать возможные последствия реализации этих целей. Часть деятелей реформы принадлежала к крупным земельным собственникам, великопоместному дворянству, другая преимущественно к образованному и небогатому дворянству.

Первые хорошо понимали коренную причину политического несовершенства дворянского сословия и испытывали искреннюю потребность в освобождении от крепостных отношений. Но их главная цель – создание олигархической аристократии; этот класс надеялся основать ее на грубом, исключительно вещественном преобладании поземельного капитала над классом безземельных сельских работников. Желая освободить крестьян без земли, они признавали законным развитие массового пролетариата, как необходимого средства общественного развития, а голод и нужду – единственным побудительным мотивом к труду.

Эту позицию, эти интересы Черкасский считает опасным европейским рецидивом. «На этом пути, – пишет он, – не могут они, конечно, не видеть перед собой тех горьких последствий, которые столько раз волновали и волнуют Европу и которых не избежала бы и Россия; но заранее к тому приготовленные, они успокаивают себя мыслью, что многоземелье

на время спасет Россию, другими словами, что неизбежные волнения народной массы, бездомной и безземельной, не застанут их в живых»¹².

Иными словами, логика такой позиции, по его мнению, неизбежно ведет к господству капитала над бездомной и безземельной массой, а следовательно, неизбежны революции, бунты, которые волнуют всю Европу. И то обстоятельство, что «здоровые начала (приобретение крестьянами земли в собственность) были слишком поздно осознаны европейскими правительствами, сельский пролетариат успел в западных государствах сделать слишком быстрые успехи» – в этом причины бедствий и тревог современной Европы¹³.

Вторая часть представителей общественного мнения – среднее дворянство – выражала ясное сознание потребностей обоих сословий и необходимость освобождения крестьян с землей, утверждая, что в противном случае все «обратится в исключительную выгоду одним лишь богатейшим, многоземельным владельцам». Среднее дворянство всегда являлось опорой, крепким охранителем начала самодержавного правления и выступало против непрерывных попыток олигархов установить в России иноземные формы правления. Черкасский, безусловно, выступал на стороне этих представителей дворянства, имеющих богатый жизненный опыт. В образованнейших его слоях он видел перспективу для успешного движения России по пути нереволюционного, стабильного развития.

Воззрения Черкасского близки в этом идеям К. Кавелина, также полагавшего, что политическое спокойствие России – в опоре на среднюю интеллектуальную часть дворянства при полном освобождении с землей крестьян, раскрепощении личностного начала, с сохранением общинного начала, как условия предотвращения революционных ситуаций.

Будучи прекрасным теоретиком, и в еще большей степени практическим деятелем, князь Черкасский хорошо чувствовал желания и опасения той части русского дворянства, на стороне которой выступал. Именно в этот период, когда Россия стояла на пороге новой жизни, он решительно ставил вопрос перед

правительством: «Останется ли правительство верно историческому ходу народной мысли, пойдет ли оно рука об руку с образованнейшей частью среднего дворянства... Спаяет ли через это еще неразрывное начало императорской власти с народными верованиями; или оно в угоду отжившим или незрелым олигархическим мечтаниям навеки внедрит в Россию семена пролетариата и неразлучно связанных с ним революционных движений?... Ничто не может быть теперь пригоднее для России, и особенно для монархического принципа, как введение системы, скрепляющей союз народной массы с властью и неизбежно представляющей ей опеку и руководство»¹⁴.

4

После Польского восстания 1863 года Черкасский совместно с Н. Милютиным и Самариным становится проводником в Царстве Польском политики умиротворения. В 1864 году ими разработаны «Положение о крестьянской реформе в Польше». В документе ставилась цель наделить польских крестьян землей и освободить их от шляхетского гнета. В качестве главного директора правительственной Комиссии внутренних дел в Царстве Польском Черкасский в течение трех лет (1864–1866) проводит это «Положение» в жизнь, проявив блестящие способности администратора. В ходе работы с марта 1866 по декабрь 1868 года Черкасский заложил основы для возрождения в Царстве Польском духа русской народности и православия, определил способы и средства движения к этой цели.

Все предпринятые князем по греко-униатским делам меры можно разделить на две группы. Одни шаги имели целью пресечь влияние на униатский организм чуждой ему жизни, уничтожить искусственные сети, которыми полонизм и латинство опутало униатское население, за многие века привыкшее к полному произволу власти. Другие действия предусматривали возбуждение и развитие собственной жиз-

ни в этом расслабленном русском организме, оживление связей его с общерусской жизнью.

Деятельность Черкасского способствовала коренным преобразованиям всего общественного строя в Польском крае и ослаблению политического влияния Римско-католической Церкви. Важнейшими первоочередными мерами против влияния полоно-латинства были следующие: 1) преобразование Холмского капитула в епархиальную консисторию, 2) закрытие в пределах Холмской епархии василианских монастырей и уничтожение василианского ордена, 3) уничтожение патроната польских помещиков над греко-униатским приходом, 4) меры против сохранения униатов в латинстве¹⁵. Все эти реформы, исключаящие бюрократический произвол, дали краю новую жизнь.

Черкасский как государственный деятель, исполнитель великой реформы, не мог обойти народ в великом деле совести его. Главной заботой князя было воссоединение народа с Православной Церковью. Путь медленного поворота от полоно-латинского влияния лежал для него в религиозном обустройстве, поскольку религия была в Польском крае единственной в народном быте силой, не закрепощенной польскими помещиками.

Черкасский понимал, что только обновление всего быта может подточить корни унии и прояснить народное сознание, распутив хитрое смешение политических интересов с религиозной мыслью в совести и религиозном чувстве народа. Единственное средство ограждения униатского края от посягательства полонизма и католицизма – учреждение русских средних учебных заведений для греко-униатского населения, чтобы оно пользовалось одинаковыми правами с населением польским. Устройство гимназий с привлечением в них воспитанников из народа ставило целью воспитать в будущем уездных и губернских чиновников, учителей гимназий, мировых судей, дружно работающих для возрождения своего народа.

В соответствии с Высочайшим указом об устройстве края к работе были привлечены надежные деятели из среды униат-

ского духовенства. Задача была огромной, масштабы необходимых действий – огромны: восстановление пришедших в ветхость или разрушенных греко-униатских церквей, разыскание и объяснение народу памятников родной старины, оживление обломков церковного братства, проведение мер к свободному развитию местным населением собственных сил, обеспечение правительственного пособия на церковно-строительные нужды, наблюдение за производством выборов и многое другое. Крепостники, реакционеры, польские паны, ксендзы, имущественные и политические интересы которых пострадали от реформ, совершенных при деятельном участии князя, питали к нему непримиримую ненависть, всячески настраивая и народ. Однако эти враждебные силы не могли подорвать силу воли князя в деле реализации реформ. В тесном соединении заботы о духовенстве с заботами о народе автор проектов крестьянских реформ в России и Царстве Польском видел залог прочности задуманного дела.

Как крупный политический деятель, Черкасский был удостоен звания почетного члена Московского университета, а Дума в 1869 году избрала его на должность московского городского главы. Однако уже в 1871 году он сложил с себя эти полномочия и несколько лет путешествовал по Европе как частное лицо.

Во время русско-турецкой войны 1877–1878 Черкасский – уполномоченный при действующей армии от центрального управления Общества Красного Креста. После разгрома Турции князь участвует в возрождении общественной жизни задунайских славян. Пройдя пешком Балканы и вступив вместе с торжествующими войсками в Адрианополь, он с восхищением говорит о русском солдате, который на своих могучих плечах принес свободу болгарскому народу. Черкасский был уверен, что и во многих других делах «этот простой, этот сиволапый мужик все одолеет, все вынесет наш добрый, наш великий страстотерпец – русский солдат!»

В качестве заведующего гражданским управлением Болгарии на освобожденных от турок территории он занимается

устройством гражданской администрации, способствуя развитию сельского, земского и городского самоуправления, применив турецкие порядки к потребностям политической жизни независимой Болгарии. Благодаря этому молодая страна получила «орудие необходимое для самостоятельного национального развития и правильного беспрепятственного отправления гражданской жизни».

По свидетельству самих болгар, кн. Черкасский представлял населению самое широкое самоуправление. Административные и городские советы выбирались без малейшего чуждого вмешательства. Были, конечно, среди болгар и недовольные: одни не нашли в князе покладистости, которую привыкли встречать у турецких пашей, готовых на любые корыстные сделки, а другие, преимущественно из молодежи, домогались высоких должностей и не получили их. «Однако что бы ни говорили о деятельности князя Черкасского, – заметил болгарин С. С. Бобчев, – я знаю одно: князь всей душой предан своему делу, неустанно трудился, чтобы дать по возможности более прочные основания освобождаемой Болгарии. И искал, так сказать, со свечкой в руках способных наших соотечественников, которых, к несчастью, не всегда мог найти»¹⁶.

Решая задачи по установлению болгарской политической автономии, Черкасский полагал, что идея возрождения задунайских славян должна осуществляться не через прививку к их жизни последних плодов западной цивилизации, а через восстановление природных начал славянства. И эту задачу могла выполнить только Россия, именно в этом ее историческое призвание. Подготовленная князем соответствующая записка открывала возможность самостоятельного национального развития и создания твердых оснований для свободной деятельности социально-политических учреждений. Одобренная Императором, она легла в основу Конституции Болгарии 1879 года.

День смерти князя Черкасского, 19 февраля 1878 года, символично совпал с днем освобождения Болгарии от турец-

кого господства и годовщиной выхода в свет Манифеста освобождения русского крестьянства.

Имя князя Владимира Александровича Черкасского, как видного политического деятеля, политического реформатора России навсегда вошло в историю русской политической мысли и оказало большое влияние на всю систему российского государственного управления и самоуправления. Его идеи, его практическая деятельность способствовали созданию условий для развития личностного и общественного начал при содействии реформированной системы государственного управления. Твердые убеждения, сила характера, обширные познания, светлый ум – всем этим обладал Черкасский. Князь глубоко верил в здравый смысл и силу русского народа, способного реформировать русский государственный строй на основах традиционных духовных ценностей России.

А. Голиков

I

СТАТЬИ КНЯЗЯ В. А. ЧЕРКАССКОГО

Обозрение политических событий в Европе за 1855 год

1855 год открылся для России двумя чрезвычайными событиями: первое – кончина императора Николая I, почти тридцать лет управлявшего судьбами России, державшего в течение этого долгого времени в руках своих поочередно судьбы почти всех государств Европы и против которого в последние годы его царствования вдруг ополчился весь, неоднократно охраняемый им от внутренних междоусобий, Запад; второе – мирные переговоры, открытие которых с самых первых дней года уже ожидалось в Вене и возбуждало напряженное внимание всех государственных людей и всех политических партий. Последствия обоих этих событий не соответствовали, однако, по влиянию своему на отношения России к Европе тем ожиданиям, которые естественно должны были возбудить во многих умах изумительная неожиданность первого и несомненная важность того и другого. Красноречивый манифест императора Александра I скоро убедил западные державы, что от русского Государя невозможно им было ожидать принятия условий, для России унижительных; а последовавшее за тем подтверждение инструкций, данных российским уполномоченным в Вене,

показало всему свету готовность Государя возвратить мир до основания потрясенной и взволнованной Европе, лишь бы сама она добросовестно пожелала его и от него не отказалась.

Под влиянием этих миролюбивых, но исполненных достоинства расположений русского правительства должны были открыться Венские конференции. Политическое положение Европы и взаимные отношения государств ее были уже совсем не те, какие установлены были Венским конгрессом 1815 года и июльской революцией. Союз Франции с Англией, эта *entente cordiale*^{*}, которого с такими усилиями домогался Людовик Филипп в смысле оборонительного союза и с единственной целью вывести Францию из тягостного для нее одинокого положения, – этот самый союз сделался в руках смелого преемника его орудием системы наступательной против отдаленной, чрезмерно могущественной России. Наследник имени и престола Наполеонов искал удобного поприща для своего славлюбивого духа, искал случая вновь потешить Францию давно забытым слухом военного торжества и возвратить ей, как сам выразился он впоследствии, почетное место в советах Европы. Берега Рейна и Италия были для этого поприщем слишком скользким; по этой дороге не последовала бы за ним Англия, да и русские знамена еще раз, без сомнения, осенили бы Германию. Константинополь и Турция представили ему более удобства для его цели, – разъединения континентальных держав. С другой стороны, уже прекратилось существование тройственного Священного союза¹, этого хитрого изобретения корифея Венского конгресса, кн. Меттерниха, который умел с таким искусством связать все политические нити Восточной и Средней Европы в один узел и средоточием его поставить выгоды и судьбы Габсбургского дома. Не думал первенствующий министр Австрии, что он переживет свое творение, и что преемники его сами разорят его дело, сами нарушат Священный союз заключением с западными державами Декабрьского трактата². В самом деле, вся эта хитрая группировка европейских

^{*} Сердечное согласие (*фр.*) – название англо-французского союза в 1840-х. – *Прим. ред.*

государств, с таким тщанием и трудом устроенная Меттернихом и Людовиком Филиппом, и достаточная для уравнивания сил Европы, покуда она покоилась на прежних началах, должна была разлететься в прах при появлении новой, могучей, ничем не связанной с этим порядком вещей личности, при первом позыве к деятельности и жизни, с какой бы то ни было стороны. Этот внешний повод скоро явился: то было, с одной стороны, непростительное, безумное ослепление Турции, решившейся отвергнуть знаменитую ноту князя Меншикова, заключавшую в себе справедливые требования покойного Государя в пользу восточных единоверцев наших; с другой – домогательство Франции к восстановлению давно утраченного дипломатического влияния своего в Царьграде.

Дружественные связи с Турцией составляют одно из древнейших преданий французской дипломатии, и непрерывное поддержание их есть одна из главнейших ее забот. В прошедшем веке, когда Оттоманская империя, покинутая всеми, изнемогала под ударами екатерининских орлов, одна Франция простирала к ней дружественную, хотя и бессильную, руку помощи. Из обнародованных в прошлом году французскими и сардинскими официальными газетами дипломатических документов, относящихся к 1782 и 1783 годам, мы видим, как настойчиво и горячо ходатайствовало за Турцию у всех дворов европейских правительство Людовика XVI, несмотря на всю внутреннюю беспомощную свою слабость. Оно обращалось поочередно ко всем государям, – к Иосифу II, но он верно служил Екатерине и не внимал воплям Порты³; к Фридриху Великому, но тот мало доверял последовательности и силе версальского кабинета и заботливо взвешивал его финансовые и военные средства; к Сардинии и Испании, но союз их, хотя и искренний, был слишком недостаточен; наконец, и к Англии, но Фоксу было не до того: Англия страшилась в то время лишь одного, – союза России с Америкой, и она была не прочь досадить Франции и чужими руками ее унижить. К этому времени относится и первое возникновение мысли об ограничении русского черноморского флота, которое было тогда предло-

жено императрице Екатерине французским кабинетом через посланников его в Вене и Лондоне и было ею отвергнуто*. Впоследствии Наполеон I был также верным другом Турции, и одна только настоятельная нужда в союзе с императором Александром I могла побудить его временно изменить ей. Наполеон III спешил воспользоваться спорным вопросом о святых местах иерусалимских, чтобы усилить французское влияние на диван и постараться поколебать преобладание в нем России. Когда возникли первые несогласия России с Портой, австрийскому правительству легко было положить им предел. Если бы Австрия осталась верна консервативной мысли престарелого и оставившего политическое поприще канцлера, ей следовало бы потушить в самом начале первые искры возникшего несогласия; для этого стоило только поддержать в Царьграде справедливые требования князя Меншикова точно так же, как незадолго до этого Россия содействовала там же успеху дипломатического поручения графа Лейнингена. Турция, конечно, не дерзнула бы противостать соединенному влиянию обоих императорских дворов. Но Австрия спешила оправдать пророческие слова князя Шварценберга и удивить мир великостью своей неблагодарности: государственные люди, ставшие с 1849 года во главе правления, не сделали ни шагу для предотвращения грозившей войны России с Турцией и добровольно зажгли ее на берегах Дуная, поставив тем отечество свое в самое затруднительное положение. Отныне политическая роль Австрии является исполненной всевозможных трудностей: занимая центральное положение между всеми воюющими державами, связанная еще с Россией свежими воспоминаниями благодеяний ее в 1849 году, страшась законного влияния ее на земли славянские, боясь за Италию и потому угождая Франции и Англии, боясь за всегда готовое

* Разговор о сем с русским посланником при британском дворе французского посланника Адемара сообщен подробно в депеше последнего ко французскому министру иностранных дел г. Верженю от 30 октября 1783 года. Предписание г. Верженя г-ну Бартелеми, французскому поверенному в делах в Вене, касательно того же предмета, заключается в депеше от 22 августа 1783 года.

ускользнуть из рук первенство в Германском союзе и потому недоверчивая к Пруссии и вынужденная делать частые уступки дружественному расположению к России, она должна была отселе беспрестанно приводить в действие все пружины своей дипломатической хитрости, чтобы удержать за собою вместе и выгоды мира, настоятельно требуемого грустным положением ее финансов, и политическое влияние, доставленное ей честолюбием ее государственных людей.

Первые попытки венского кабинета вовлечь в круг своих действий весь Германский союз были безуспешны. Пруссия с крайней осторожностью определила отношения свои к австрийской политике трактатом 20 апреля, оговорив в нем, что имеет при этом в виду, по мере возможности, избегнуть всякого участия в возгоревшейся войне между Россией с одной стороны и западными державами и Турцией с другой. Когда дошли до нее слухи о приготовляющемся сближении венского кабинета с Францией и Англией, она опять употребила все усилия свои для предотвращения этого, как казалось, решительного шага к разрыву; но граф Буль подписал трактат 2 декабря и 24 числа того же месяца поручил графу Эстергази пригласить Пруссию к приведению своего контингента в подвижное состояние. Предложение это было отринуто прусским двором и, будучи передано 22 января 1855 года на рассмотрение германского сейма, вызвало в нем сильную оппозицию со стороны прусского кабинета. Сейм, поставленный в затруднительное положение разногласием двух первенствующих германских держав, по обыкновению своему, согласился на меру среднюю и, отвергнув требуемую Австрией мобилизацию, согласился только на так называемое *Kriegsbereitschaft*, т.е. на приведение союзных войск в такое положение, чтобы они всегда могли, по решению сейма, быть приведены в подвижное состояние в течение двухнедельного срока.

Между тем Австрия постоянно стягивала италийские войска свои и сосредотачивала их в Галиции, но вместе с тем, постоянно верная своей двойственной политике, передавала западным державам плоды конфиденциальных сношений

графа Буля с русским уполномоченным в Вене. После двух свиданий посланников четырех держав в Вене 28 декабря и 7 января 1855 года решено было созвать конференции. Пруссия в них не участвовала, невзирая на несомненное свое право, как первостепенная европейская держава и участница в трактате 1841 года; но она не согласилась купить это участие присоединением своим к Декабрьскому трактату Австрии с западными державами.

Конференция Венская открылась 3 (15) марта; она длилась 14 заседаний и кончилась только 23 мая (4 июня), представив свету странное зрелище переговоров, в которых все участники дошли до убеждения в возможности восстановить нарушенное согласие, но из коих при всем том не вышло желанного мира, потому что на самом деле мира не хотел ни император французов, ни лорд Пальмерстон. И тот, и другой согласились на переговоры единственно в надежде встретить упорное сопротивление России и окончательно увлечь за собою Австрию; но бедствия, постигшие союзные войска во время зимовки в Крыму, стойкое мужество защитников Севастополя и независимое, исполненное опасений для Австрии положение Пруссии уже успели поколебать минутную решимость венского министерства, и Австрия еще раз ускользнула из объятий императора французов, вместо войск и оружия своего, оставив в руках его только один лишний проект мирного соглашения, повлекший за собою падение Друэна де Льюиса и лорда Росселя. Лорд Кларендон в заседании палаты лордов 14 (26) июня вскоре обнаружил всю радость своего правительства по случаю неудавшихся переговоров, поспешив торжественно объявить, что отселе Франция и Англия считают себя освободившими от всех принятых ими на себя обязательств и признают за собою право предъявлять впредь всякие новые требования. Как бы то ни было, состав лиц, участвовавших в конференциях, казалось, представлял сначала некоторые залогов успеха. Главный представитель Англии, лорд Джон Россель, за три недели до этого внезапно с шумом покинувший министерские скамьи и заживо похоронивший всю админи-

страцию лорда Абердина, по дороге в Вену заезжал в Берлин и имел случай на месте убедиться в непоколебимости прусского нейтралитета; приехав в Вену, он был свидетелем уступчивости барона Буркенея, французского уполномоченного и, как говорят, писал даже о ней императору; сам французский министр иностранных дел, Друэн де Льюис, прибывший уже в половине переговоров, в скором времени втайне подчинился миролюбивой венской атмосфере. Заседания открылись прямым заявлением князя Горчакова, что если кем бы то ни было предложат условия мира, несовместные с честью России, то она на принятие их ни в каком случае не согласится, какие бы последствия ни повлек за собой ее отказ. Со своей стороны лорд Россель должен был признаться, что мир прочный должен по существу быть миром честным для России.

Начались прения о знаменитых четырех пунктах. С совершенной уступчивостью действовали князь Горчаков и г. Титов, нелицемерно стремясь к добросовестному соглашению выгод России и Европы и непрестанно оговаривая права, купленные Россией для пограничных княжеств ценой собственной крови. Первые пять заседаний привели к полному обеспечению и утверждению политических прав и независимости Сербии, Валахии, Молдавии, и к установлению новой системы охранения торгового судоходства по Дунаю. Вопрос о третьем пункте, о нейтрализации Черного моря, явился неустрашимым камнем преткновения. Уполномоченные союзных держав, сознавая сами несоразмерность своих требований, хотели предварительно выслушать русских уполномоченных и, до получения последними наставлений от своего правительства, упорно отказались приступить к предварительному обсуждению четвертого пункта, обеспечивавшего права христиан на Востоке. Тщетно настаивала на том и Австрия; тщетно обращались по телеграфу сами Друэн де Льюис и лорд Россель к своим правительствам с требованием от них на то разрешения: в Париже и Лондоне было хорошо известно, что требования эти возвысят положение России, дадут ей решительное влияние на ход переговоров и отодвинут третий пункт на степень вопроса вто-

ростепенного. Когда пришедшие из Петербурга наставления предписали выждать предварительного сообщения видов союзных держав насчет Черного моря, последние должны были, наконец, высказать свои требования, немедленно в основании своем отвергнутые Россией. Затем князь Горчаков сообщил конференции свои предположения (contrepropositions), основанные на открытии Черного моря военным флагом всех наций; и когда сообщение это было отвергнуто, когда лорд Россель уже уехал, князь Горчаков, желая истощить все средства примирения, просил созвать еще раз конференцию, чтобы сделать ей последнее предложение, уже на старом начале, *mare clausum**, поддерживаемом и Австрией. Эта попытка имела успех не более первой. Зато она позволила Австрии извлечь из разногласных мнений, выразившихся на конференции, еще последний средний проект, который она взялась передать кабинетам французскому и английскому, обязываясь в случае согласия их предложить его России в виде грозного ультиматума. Но ожесточенное унижительными неудачами общественное мнение в Англии и неудовлетворенное еще славолубие императора французов требовали продолжения войны. После бурных прений в нижней палате лорд Джон Россель вторично вышел из министерства; равно и Друэн де Льюис, конфиденциально одоббивший венский проект, покинул портфель свой, передав его графу Валевскому, и война разгорелась с новым ожесточением. Циркуляр русского канцлера возвестил всем нашим посольствам неудовлетворительное окончание конференций, не хотевших воспользоваться великодушной уступчивостью нашего правительства; граф Валевский отвечал на него со своей точки зрения другим циркуляром от 23 мая. Наконец, две официальные статьи, помещенные в «Journal de S. Petersbourg» и в «Moniteur», заключили прения; оружие должно было решить спор. Австрия, еще раз искусно избегшая войны, усердно занятая внутренними преобразованиями, продолжала с напряженным любопытством наблюдать за изменчивым ходом от-

* *Закрытое море (лат.)* – море, для которого установлен особый правовой режим плавания. – *Прим. ред.*

чаянной борьбы, не воспрещая посланникам своим принимать участие в торжествах союзных государей, которыми праздновали они самые двусмысленные успехи своего оружия. В конце июня месяца правительство предписало первое, значительное сокращение армии; а 18 августа спешило заключить с Папой выгодный для Рима конкордат, дабы по возможности противодействовать в Италии французскому и сардинскому влиянию.

Со своей стороны, западные державы продолжали начатую войну, не прерывавшуюся и во все время конференций, заранее стараясь обеспечить себя новыми союзниками. 26 января Сардиния подписала с ними в Турине трактат, по коему обязалась выставить в Крым вспомогательный корпус в 15 000 человек, получив в замену того от Франции и Англии заем в 50 000 000 фр. по 4%, из которых 1 % должен ежегодно быть обращаем на постепенное погашение долга. С теми же предложениями дружбы своей и теми же просьбами о военной помощи обратились около того же времени в феврале месяце союзники и к королю Неаполитанскому; но он остался непреклонен, и все усилия Австрии, все позднейшие угрозы Франции и Англии не могли изменить его образа мыслей и заставить его отступить от самого строгого нейтралитета.

Излишне было бы повторять подробности достопамятной войны 1855 года. Свежа еще в памяти каждого русского исполтинская борьба, длившаяся одиннадцать месяцев на севастопольских насыпях; памятен ему и на веки незабвенны имена героев, «легших там костями, да не посрамится земля Русская»; памятен также подвиги оружия нашего, в других местах совершившиеся, где в больших, где в меньших размерах, но всегда и везде одушевленные удивительным геройством, безграничной любовью к отечеству и полной преданностью Вере Православной. Блистательное отбитие приступа в мае, неудачный, но тем не менее честный бой на Федюхиных высотах, славная защита Севастополя в роковой день последнего приступа, наконец, беспримерное отступление войска из пылающих развалин южной части города на северную сторону, стяжали как всему черноморскому флоту, так и офицерам и солдатам крымской

армии бессмертие в летописях военных. Нельзя не сказать также, что ошибки союзных полководцев не были ни маловажны, ни редки, и что всех их, даже и счастливого маршала Пелисье, ожидает в будущем строгий суд военной истории. На долю ее придется сказать со временем – позволительно ли было штурмовать Севастополь в мае месяце, не достигнув сперва ни одного из предварительных результатов, необходимых для успеха приступа; не благоразумнее ли было бы заменить продолжением бомбардировки и второй приступ, стоивший обоим союзным войскам таких страшных потерь; наконец, простительно ли было неприятельским полководцам после падения южного Севастополя провести целый месяц в бездействии, имея в Евпатории большое, совершенно бесполезное войско, тогда как самый нехитрый здравый смысл указывал им на Николаев, как на естественную цель немедленного похода.

Не менее честна для России была борьба ее с врагами и в море Балтийском, под стенами Свеаборга, и в особенности в турецкой Азии и в водах Тихого океана. Падение Карса, этого оплота азиатских областей Турции, после продолжительной упорнейшей блокады, делающей особенную честь мужеству и безропотной дисциплине русского солдата, было событием громким в азиатской политике и, независимо от временной стратегической важности своей, надолго нанесло тяжкий удар английскому преобладанию в Средней Азии. Бедственный опыт вторжения в Мингрелию Омера-паши, кончившийся совершенным расстройством последней турецкой армии и доказавший Европе, что владычество России в Грузии основано на прочных началах любви и приверженности к ней всего христианского народонаселения, довершил в этой части света успехи русского оружия и заставил Англию трепетать, на случай продолжения войны, за судьбу Эрзерума и англо-азиатской торговли. Все эти события имели естественно немаловажное влияние на отношения Персии к России и Англии; дружественное расположение к нам шаха возрастало с каждым днем и побудило его, наконец, отправить в С.-Петербург чрезвычайное посольство для окончательного скрепления взаимных уз. Английское

влияние, уж с самого начала войны постепенно слабевшее в Тегеране, потерпело последний удар вследствие ссоры с персидским правительством английского поверенного в делах, Муррея, подражавшего в Тегеране приемам сэра Стратфорда Редклиффа. Вспыльчивый Муррей принужден был оставить столицу шаха и удалиться в отдаленный пограничный город Персии, оставив полный простор в ней русскому влиянию. Наконец, взятие Герата, этой важнейшей станции сухопутного сообщения с северной Индией, афганским князем Юсуфом при деятельном участии в том персидского двора и объявление Юсуфа себя подручником Персии заключает картину постоянных неудач британской политики в Средней Азии в 1855 году. Они повторялись и в другой, самой дальней восточной области Азии, в устьях Амура и водах Тихого океана, где труднее всего было бы России ожидать успеха по незначительности своих там средств и страшной отдаленности от средоточия государственного управления. Но и там мужество и деятельная распорядительность главных действовавших лиц, вице-адмирала Путятина, генерала Завойки, генерал-губернатора Восточной Сибири Н. Н. Муравьева и преосвященного Иннокентия успели, при обычном русском самоотвержении вверенных им войск, превозмочь все трудности, свято сохранить честь отечественного флага и упрочить навсегда за Россией существенные выгоды. Памятником им останутся навеки многообещающие новые поселки наши на Амуре и заключенный адмиралом гр. Путятиным трактат с Японией, без сомнения, богатый последствиями для влияния нашего на Восточную Азию. Если внимательно проследить и разобрать все военные действия 1855 года, то нельзя не признаться, что они представили весьма различные результаты для славы оружий французского и английского; еще и теперь существуют во всей своей силе все нелестные для последнего сравнения, вызванные уже первыми событиями предшествовавшей кампании. Военный дух французской нации и крепкая, могучая организация военных сил французских, основанная Наполеоном I и с тех пор преемственно развиваемая, как драгоценное наследие, всеми друг за

другом следовавшими правительствами, особенно же семейством Орлеанским, с самого начала войны доставили французской армии тот огромный нравственный перевес, который еще более, нежели перевес числительный, немедленно выдвинул Францию на первый план и сделался предметом постоянной, но бессильной зависти британского правительства и всей английской нации. День падения Малахова кургана был днем торжества французских легионов не над русскими войсками, в коих привыкли они в течение одиннадцатимесячной осады видеть достойных преемников героев бородинских, но над опозоренными своими британскими союзниками, и он омыл для них горькие воспоминания бедствий Франции под Ватерлоо.

Эта унижительная роль, разыгранная английским войском в хвосте французских легионов, отозвалась громовыми ударами в настроении общественного мнения и в политической конституции острова, уже давно привыкшего к преобладающему голосу в делах Европы и к легким торжествам извилистой и всегда своекорыстной политики. Настал день горьких размышлений: зимой 1854–1855 года английская публика с ужасом, уже более 40 лет ей незнакомым, узнала, что крымская армия ее уже не существует, что от всего блистательного войска, при столь громких надеждах и похвальбе отправлявшегося на Восток, остались одни незначительные кадры полков; что рядом с хорошо содержимым и исправным французским войском беспрестанно умирает от болезней и лишений цвет английских солдат, что конница лишилась всех лошадей своих, офицеры спешат покинуть полки и возвратиться в отечество, а рядовые толпами перебегают к неприятелю, предпочитая неминуемой гибели позор дезертирства. Полуофициальный орган министерства, «Morning post», должен был 25 февраля официально признаться, что в Крыму состоит под ружьем только 24 631 человек; «Times» жесточно и, как впоследствии оказалось, справедливо обличал его во лжи, утверждая, что из 53 000 отправленного на Восток британского войска осталось действительно годных к службе не более 10 000 человек. Неуместная искренность

газет в обсуждении явлений крымской кампании дошла, наконец, до того, что грозная статья французского «Монитера», от 11 февраля, взялась напомнить им об опасности подобной полемики и признаний в военное время и настоятельно потребовала большей скромности. Впечатление, произведенное этими грустными известиями на английский народ, как нельзя лучше выражается недавними словами одной английской газеты: «Зима 1854–1855 года, – говорит она, – несомненно будет забыта англичанами. То было время страшных предзнаменований, страданий невыразимых; народ предался самым сильным обвинениям, как бы каким сатурналиям... Всякий, кто только мог писать или говорить, самовольно облакал себя в звание члена комитета общественной безопасности; конституционное учение об ответственности министров было с полным ожесточением вызвано к жизни; всякий требовал немедленного отправления комиссаров в крымскую армию, подобно тому, как посылал их некогда французский революционный Конвент для освидетельствования армий Республики; мы увидели, наконец, истинную, совершенную революцию в домашнем управлении нашем; само правительство отправило таковых комиссаров в Крым для произведения следствия над нашими генералами...».

Что можно прибавить к подобной картине?

Среди этого страшного волнения общественного мнения министерские кризисы с невероятной быстротой следовали один за другим, доставляя, впрочем, публике лишь частное удовлетворение. Первый толчок был дан знаменитым предложением г. Робока, требовавшего, чтобы нижняя палата нарядила комиссию для исследования действительного состояния крымской армии и истины сыпавшихся со всех сторон обвинений. Несколькими днями позднее сэр Чарльз Непир на официальном обеде лорда-мэра лондонского осыпал бранью и сарказмами лордов Адмиралтейства и громогласно вызывал их на объяснения в парламенте, требуя, в случае несправедливости его показаний, немедленного исключения своего из списка состоящих на службе адмиралов.

Предложение Робока, благодаря враждебному настроению общественного мнения, а отчасти и двусмысленному поведению лорда Джона Росселя, поспешившего изменить своим товарищам и выйти в отставку 25 января, накануне обсуждения возвещенного предложения, имело новый, дотоле небывалый успех: оно прошло большинством 305 голосов против 148. Лорд Абердин и товарищи его, выслушавши в полном смысле справедливый приговор над ними нации, сложили с себя власть и немедленно подали в отставку. Настало долговременное, так сказать, междуправление. Тщетно обращалась королева к вождям главных партий – к лорду Ландсдоуну, к графу Дерби, испрашивая их советов и поручая составить новые управления. Партии, раздробившиеся до бесконечности, существовали уже только по имени, и Англия должна была с ужасом убедиться в несостоятельности своей старой парламентской системы; лучшие люди Англии – и Баринг, один из первых лондонских банкиров, и Ленг, известный директор многих компаний железных дорог, – отказывались принять участие в управлении. За отсутствием политической партии, довольно сильной, чтобы твердой рукой взять кормило правления, кинутого на произвол слепого случая, оно опять досталось в руки человека, несмотря на лета и аристократическое положение свое в обществе умевшего сохранить и развить в себе удивительную способность применять мнения и убеждения свои к изменчивым течениям народного произвола. Лорд Пальмерстон окончательно составил новое министерство или, лучше сказать, в качестве первенствующего министра остался во главе правления с прежними товарищами своими, за исключением только троих. Лорд Россель назначен уполномоченным на венских конференциях; а для удовлетворения взволнованного общественного мнения две до тех пор разрозненные ветви военного управления, взаимная независимость коих была, конечно, одной из причин крымских неудач, поручены были ведомству лорда Панмюра, отныне сделавшегося уже в истинном смысле министром военных сил. Но общественное мнение не удовлетворялось еще такими незначительными уступками:

временный представитель его, Робок, спешил возобновить предложение свое и просить нижнюю палату окончательно назначить состав следственной комиссии, избрав в нее членов из среды своей. Не имея силы отклонить от правительства новую грозу и твердо решившись во что бы то ни стало сохранить за собой с такими усилиями приобретенное звание первенствующего министра, лорд Пальмерстон согласился теперь на предложение, отвергнутое им за месяц, когда он еще был простым министром иностранных дел в кабинете лорда Абердина, и заранее согласился только с Робоком в выборе лиц, которые должны были составить комиссию. Не так думали пилисты⁴, немедленно поспешившие расстаться с первым министром, которых он заменил людьми совершенно незначительными. Лорд Джон Россель, в то время уже отсутствовавший, опять назначен министром: ему вручили управление колониями, но он также недолго оставался в этом столько уже раз подвергавшемся преобразованиям министерстве и рассорился с ним в конце по случаю дипломатического поручения своего в Вене.

Кроме дробности обмелевших и разбившихся на многие оттенки политических партий, эти беспрерывные колебания власти вызывались еще другим обстоятельством, тесно связанным со всей внутренней британской жизнью. Дело в том, что с изданием билля о реформе и с развитием промышленности, железных дорог и компаний, политическое влияние перешло совершенно из рук аристократии в руки среднего и даже, еще более, в руки второстепенного торгового класса. Этот класс с крайним нетерпением смотрел на старый порядок вещей, испещренный всякого рода привилегиями, которые в настоящей английской конституции лишают его, несмотря на многочисленность и действительное могущество, всякого прямого влияния на дела, предоставляя ему вместо участия в нижней палате лишь право шумно выражать мнения на митингах. Явление это не ускользнуло от взоров благородных лордов и в настоящую войну вызвало отчаянный вопль их, хотя, конечно, не навело их на истинную причину зла. Лорд Элленборо уже в мае месяце говорил в палате пэров⁵: «Я внимательно наблю-

даю за ходом событий в нашем отечестве и убеждаюсь, что пред глазами нашими совершается великий и опасный переворот в конституционном механизме. Было время, когда общественным мнением руководили парламентские прения, когда, даже после кратковременного влияния агитаторов на народ, в промежутках парламентских заседаний собравшиеся палаты постоянно вновь успевали овладевать общим направлением умов. Боюсь сказать, но все это теперь уже изменилось. Я с ужасом вижу, что теперь общественное мнение образуется уже вне палат и извне на них напирает». Еще яснее выразился граф Дерби, обращаясь к тем же лордам, и притом с тем наивным сожалением об отжившем порядке вещей, которое может служить лучшим ручательством за откровенность замечаний. «До билля о реформе, – говорит он, – мы имели значительное число избирательных коллегий, находившихся под непосредственным контролем аристократических или богатых семей и обыкновенно называвшихся „гнилыми местечками”. Как бы ни были эти коллегии недостаточны в устройстве своем и противны духу конституции, они доставляли удобный и легкий вход в парламент людям молодым, еще не известным публике и с ранних лет избравшим себе политическое поприще не столько из денежных выгод, сколько по своей врожденной склонности к этого рода занятиям. Билль о реформе закрыл эту постоянно растворенную дверь в парламент, и вдруг иссяк этот плодovitый рассадник государственных людей. Теперь большие города стали избирать людей, конечно, весьма способных, но зато зрелых, сделавших себе уже имя на разных жизненных путях, – адвокатов, промышленников, погруженных в значительные дела... Из всего этого следует, что парламент заключает в себе теперь несравненно менее людей, воспитанных и возвращенных для политической профессии, чем их было до издания билля о реформе...».

Весьма замечательно это наивное сожаление об отживших злоупотреблениях в ту самую минуту, когда злоупотребления, еще сохранившиеся, ополчают против себя единогодушный протест всего народа; но оно изобличает вместе с тем и

присутствие в ныне существующей системе парламентского представительства явных и несомненных недостатков, грозящих английской конституции действительной опасностью, если не будут они устранены новым полнейшим преобразованием системы избирательства. Впрочем, вопрос об электро-ральной реформе еще не был поднят, и самое имя ее не было произнесено в 1855 году, хотя ей, без сомнения, суждено в скором времени сделаться существеннейшим вопросом внутренней британской политики. Зато общественное мнение, подстрекаемое ежедневными требованиями войны, стало единодушно настаивать на необходимости преобразования всех частей управления, преобразования полного, безусловного. В мае месяце составилось, наподобие прежней кобденовской лиги, общество административной реформы и произвело сильное движение по всему королевству: пилисты соединились с ториями⁶ и другими врагами министерства; протест коснулся всех злоупотреблений, – отсутствия централизации, продажности военных чинов, монополии должностей в руках аристократии, привилегий королевской гвардии, независимого положения главнокомандующего армией, награждающего офицеров помимо и вопреки военного министерства, наконец, даже самого состава палаты пэров. Ожидая исправления зла лишь от напряженного состояния, в коем война содержала все умы, общественное мнение настойчиво требовало продолжения ее, страшась, чтобы с восстановлением мира не заснуло правительство; и только впоследствии стало оно вновь прислушиваться к заглушенным дотоле голосам Кобдена и Брайта.

Впрочем, это вмешательство общественного мнения в дела государственные было для Англии в высшей степени спасительно: раскрывая зло, оно с неподкупной откровенностью указывало вместе с тем и на лучшие способы врачевания, и доставило через то правительству средство ввести значительные улучшения в военном устройстве. Огромное усиление флота, преимущественно бомбардами и канонерскими лодками, доведение сухопутного войска до цифры, прежде в Англии никогда не слыханной, наконец, исправное и бодрое состояние крым-

ской армии к весне 1855 года были прямыми и непосредственными последствиями годового движения и еще раз явили свету выгоды свободного слова и развитого общественного мнения перед невежественным самодовольством коснения.

Война, внезапно вызвавшая Европу к деятельности на новом, давно покинутом ею поприще, стоила ей страшных усилий и огромных вещественных пожертвований: когда довершится нынешний год и представлены будут всеми правительствами Европы отчеты за него, тогда финансовая статистика исчислит с совершенной точностью и определенно скажет, чего стоило Европе разрушение севастопольских доков. Теперь можно представить уже несколько отрывочных данных, которых совокупность достаточна, чтоб обнаружить совершенную несоразмерность употребленных средств и достигнутых политических целей.

Еще яснее делается она тогда, когда, по обнаружении правительством нашим отчета за нынешний год кредитных учреждений, можно будет приблизительно указать на финансовые последствия для нас настоящей войны, далеко не обременившей государственного нашего казначейства таким страшным долгом, в какой вовлечена Европа. Вот главные данные для определения финансового положения последней. В течение 1854 года война стоила Англии уже 16 милл. ф. ст.; бюджет за 1855 год определил содержание войска и флота в 49 812 000 ф. ст., из которых 33 500 000 вызваны были исключительно чрезвычайными военными издержками. Скажем, однако, к чести английских финансов, что эти страшные издержки покуда повлекли за собой меньшие займы, чем во Франции; английское казначейство с начала войны до 1856 года удовлетворялось займом в 16 000 000 ф. ст. и выпуском билетов казначейства в 7 000 000 ф. ст. И в возвышении налогов оно нашло для ведения войны такие средства, каких ни одно другое европейское государство не в силах извлечь внезапно из этого источника: кроме усиления подати на чай и сахар, одно удвоение прямой подати с доходов немедленно доставило правительству излишек годового дохода в 8 милл. ф. ст. и доказало, что усиле-

ние до 10% этого справедливейшего и разумнейшего во всяком развитом обществе источника государственных доходов может доставить британскому правительству до 24 000 000 ф. ст. в год, т.е. около $\frac{2}{5}$ всего государственного бюджета в мирное время. Нельзя не изумиться подобному развитию народного благосостояния! Император французов, по самому положению своему естественно менее скупой на займы, ввел лишь несколько незначительных налогов, из которых главный состоял в возвышении всех прямых податей еще на десять процентов, что должно доставить казначейству около 50 милл. фр. в год; чрезвычайные военные расходы удовлетворились во Франции почти исключительно тремя друг за другом последовавшими утвержденными займами в 250, 500 и 780 милл., из коих к 1 января 1856 года французское правительство получило уже 1,12 милл. фр. и, как видно из отчета министра финансов от 15 января этого года, издержало уже на войну целый миллиард в течение 1854 и 1855 годов. Из официальных сообщений, сделанных туринским законодательным палатам сардинскими министрами, следует, что война до нынешнего 1 января должна была обойтись Сардинии в 74,5 милл. фр., почему, кроме первоначального займа, сделанного у Франции и Англии в 50 милл., открыт еще второй заем в 30 милл. фр....

Наконец, и Турция недешево купила мнимое освобождение свое от иноземных влияний. Конечно, невозможно исчислить всех страшных пожертвований, наложенных на нее войной и извлеченных из нее правительством турецким в виде разных натуральных повинностей и поборов, которых невыносимая тягость для народа усиливалась еще неизбежным отсутствием уравниения их и постоянными злоупотреблениями при взимании; но кроме этих всегда тощих и скудных средств, обыкновенно составляющих первую основу всех необразованных и мало развитых финансовых управлений, турецкое правительство было вовлечено и в немалые расходы денежные. Из обнародованного им отчета видно, что с 27 мая 1853 года по 27 августа 1855 года, в течение 28 месяцев, одни чрезвычайные денежные издержки дошли до баснословной для Турции циф-

ры в 11,2 милл. ф. ст. Издержки эти, кроме выпуска ассигнаций почти на 1,5 милл. ф. ст., удовлетворялись еще двумя займами, в 3 милл. ф. ст. в августе 1854 года и в 5 милл. ф. ст. в июне 1855, из каких последний обеспечен ручательством Франции и Англии и, кроме того, в виде специального залога, египетской данью и таможенными доходам сирийскими и смирнскими.

Если взять в соображение, что первоначальные сметы всегда и везде оказываются ниже действительных расходов, что, несмотря на заключение мира, чрезвычайные европейские вооружения не могут быть вдруг сокращены и переведены на мирную ногу и что обратная перевозка войск и снарядов из Крыма будет стоить огромных сумм: то можно уже теперь с достоверностью предположить, что совокупность этих последних расходов с 1 января 1856 года никак не может быть ниже половины всех военных издержек, предшествовавших этому дню и, согласно вышеприведенным официальным цифрам, простиравшихся до громадной суммы в 2,6 милл. фр. Таким образом, к 1857-му году одни чрезвычайные военные издержки обойдутся Англии, Франции, Сардинии и Турции в 4 миллиарда; не говоря о тех расходах, в которые самая обыкновенная осторожность должна была вовлечь Пруссию с Германским союзом, Швецию и Данию, и которые добровольно нажила себе Австрия своей двойственной политикой. Одна Пруссия, несмотря на благоразумную бережливость и примерное управление свое, издержала на чрезвычайные военные расходы, по исчислению «Газеты берлинской биржи», в течение 1854 года 4 135 000 талеров, а в течение 1855 года ежемесячно по 1 685 000 талеров.

Спрашиваем у каждого беспристрастного человека в Европе: не слишком ли дорого куплено ценой этих вещественных жертвований и всей пролитой человеческой крови то временное преобладание западной политики в делах Турции, которое вовсе не естественно и вовсе не законно, а потому и не может долго продолжаться в нынешней мере своей, вопреки ничем не сокрушимому влиянию единоверия и вековых преданий? Спрашиваем также у каждого добро-

совестного англичанина: неужели капитал в 75 милл. ф. ст. (47,5 милл. руб. сер.), издержанный одной Англией для временной отсрочки неминуемой судьбы Турции, может когда-нибудь окупиться для нее успехами торговли ее в Леванте, особенно при неизбежном совместничестве промышленности австрийской, когда и теперь, под влиянием самых благоприятных обстоятельств для ввоза туда товаров взамен грубых произведений, потребляемых в Турции английскими войсками и флотом, ввоз этот, по словам английского же журнала «Экономист», в 1854 году не превзошел 8 119 000 ф. ст.? Не очевидно ли всякому, что капитал, однажды непроизводительно поглощенный издержками военными, не успеет вновь составиться этим косвенным путем?

Впрочем, отличительной чертой только что прожитой Европой эпохи кровопролитной брани может служить то обстоятельство, что рядом и одновременно с этим страшным непроизводительным потреблением капиталов шло повсеместно энергическое движение народов на поприще промышленного преуспеяния. В Англии, водрузившей с 1846 года знамя свободной торговли и издавна сильной самостоятельностью общества на всех путях жизни, правительство не имело нужды в искусственном направлении народа на эту знакомую ему стезю, где он уже давно привык являться вожатым европейской гражданственности. В Пруссии и Северной Германии дело также сделалось само собой, при содействии благоразумной либеральной политики правительства в вопросах народной промышленности и под влиянием благоприятной для северогерманской торговли блокады русских прибалтийских портов, направившей весь транзит наших торговых отношений с Западной Европой через Пруссию и сопредельные с ней немецкие государства и сделавшейся для них источником самых выгодных оборотов. Зато в Австрии и во Франции, вследствие особенных обстоятельств, сами правительства спешили стать во главе промышленного движения и тем сообщить ему усиленную жизнь, нечуждую, быть может, и некоторого лихорадочного характера.

Во Франции такое направление общественной деятельности, без сомнения, в высшей степени соответствовало личным выгодам Людовика Наполеона, для которого лучшим ручательством собственного владычества над Францией служит, конечно, всецелое, полное поглощение всех способностей и всей деятельности народа не одной войной, но и разнообразнейшими предприятиями промышленности и торговли. Кипящий труд в обширных мастерских, наполняющих предместья Парижа и Лиона, развитие земледелия, долженствующее по возможности противоборствовать чрезмерному притоку сельского населения в столицу, учреждение огромных казенных работ в самом Париже для занятия праздных, всегда готовых к волнению ремесленников, естественно должны были сделаться первой и главной заботой хитрого правителя. Эти небескорыстные заботы о развитии всякого рода промышленной деятельности находили себе отчасти оправдание и в постигшем Западную Европу, и в особенности Францию, голоде, непосредственно последовавшем за годом (также довольно скудным по урожаю хлебов), когда цены на муку дошли в Париже в конце августа месяца до 100 фр. и 25 сант. за куль в 157 килограммов (около 9,5 пудов), а к 1 декабря 1855 года возвысились даже до 111 фр.; когда «Монитор» должен был официально возвестить Франции необходимость ввоза извне, по крайней мере, 7 милл. гектометров (9 600 000 четвертей) в пополнение необходимого годового запаса для народного продовольствия, а самые умеренные и основательные из неофициальных газет французских показывали хлебный недостаток в полтора раза больший. Впрочем, кроме этих случайных поводов и эгоистических расчетов действиями императора французов руководили также более обширные помыслы, почерпнутые им из внимательного изучения современных потребностей французского общества и ошибок предшествовавших ему правлений. Соображаясь с добытыми уже значительными успехами внутренней промышленности, настоятельно требовавшей более свободного ввоза всех предметов, необходимых для фабричной разработки и отселе в свободном

соперничестве других народов долженствовавшей найти себе полезное поощрение, Людовик Наполеон спешил отменить обветшалую охранительную политику, нажившую столько врагов Орлеанскому дому. Переход правительства к новому воззрению и новой системе был, так сказать, торжественно возвещен официальной газетой, поместившею в июле месяце в столбцах своих длинную статью, доставленную из Министерства торговли, где подробно исчислялись все разнообразные выгоды, извлеченные Англией из экономического переворота сэра Р. Пиля. Вскоре новые начала стали получать и практическое приложение: несколько одно за другим последовавших постановлений значительно понизили привозные пошлины с чугуна, разных сортов железа и стали, всяких паровых машин, железных инструментов и орудий, с шерсти, с поташного гидрохлората и смолистых веществ, изменили сами основания раскладки многих из этих пошлин; наконец, в виде временной меры, допустили беспошлинный привоз во Францию всех предметов, необходимых для корабельной постройки, и разрешили саму покупку готовых судов за границей, с платой в казну только десятипроцентной пошлины со стоимости. В то же самое время счастливое подражание первой Всемирной лондонской выставке собирало в Париже все чудеса современной промышленности, в течение 198 дней ежедневно созывая в стены роскошных палат своих средним числом около 23 000 частью любопытных, частью праздных зрителей*.

В Австрии, где с первых годов настоящего столетия неоднократно повторявшееся государственное банкротство сделалось явлением как бы естественным и должным, все меры, предпринятые правительством для возбуждения успехов народной промышленности, естественно должны были клониться главным образом к возможному улучшению этого бедственного порядка вещей, а потому и носить на себе отпечаток постоянной, преимущественной заботы о финансовой прибыли казны. Трудно решить, соответствует ли силам одно-

* Известно, что лондонская выставка в течении своего 165-дневного существования имела средним числом ежедневно 36 000 посетителей.

го человека, как бы ни был он даровит, многосложная задача, павшая на долю нового министра финансов, г. Брука, успеет ли он восстановить жизненные силы в отживающем организме и спасти государство от окончательной несостоятельности, подготовленной полувековыми систематическими ошибками и лишь посредством сверхъестественных усилий со дня на день донныне отсрочиваемой. Как бы то ни было, беспристрастному наблюдателю нельзя смотреть без истинного уважения на благородную личность человека, посвятившего отечеству своему обширные способности и неутомимый труд и не отчаявшегося в будущем родной земли своей, невзирая на все видимые признаки ее упадка. Коротко знакомый с потребностями областей турецких, он прежде всего приложил все заботы свои к поощрению и усилению деятельности торгового общества Ллойда и к открытию ему обширного поприща на богатом рынке Балканского полуострова и малоазиатского побережья. С другой стороны, обращено внимание на приведение таможенных тарифов в ближайшее соотношение с северогерманскими и утверждено, по образу парижского «Кредит Мобилер», на 90 лет императорское австрийское привилегированное учреждение для торговли и промышленности с капиталом во 100 милл. гульденов (65 милл. руб. сер.) звонкой монетой, основанное банкирами Ротшильдом и Леммелем в соединении со знатнейшими австрийскими дворянскими домами. Учреждение это возымело немедленно полный успех и во всех отношениях обещает венскому рынку блистательнейшие выгоды. Для пополнения всепожирающего дефицита финансов, для расплаты с Венским банком и возможного утолнения монетного кризиса Брук должен был прибегнуть к самым решительным мерам и принести в жертву все мало доходные имущества государственные. Сперва он продал компании франко-австрийских банкиров за 200 милл. фр. всю сеть австрийских железных дорог в 1100 верст, из коих 900 верст уже открыто для проезда, с Богемскими угольными копями, медными рудниками, казенными железными заводами и 110 000 дес. земли и лесов, причем казна обеспечила покупателям 5% чистого дохода. Далее

он вступил в торг с другой компанией для продажи ей сети железных дорог в северной Италии; а Венскому банку в погашение должных ему австрийским правительством 155 милл. гульденов передал в собственность разные государственные имущества на сумму 156 485 000 гульденов. Наконец, и остальные таковые имущества также назначены в распродажу. Просвещенный министр хорошо понял, что мертвые во владении правительства капиталы немедленно оживут и сделаются производительными в руках частных лиц, что таким образом с народным благосостоянием значительно усилятся косвенные источники государственных доходов, а выгоды казны против прежде поступавшего в нее ничтожного дохода с недвижимых имуществ, по крайней мере, учетверятся сбережением процентов на необходимые новые займы*.

Должно сказать, однако, что до сих пор Брук далеко не успел еще вполне совладать со сверхъестественными трудностями финансового положения Австрии и победить грозный фатум, наследованный им от своих предшественников. Из последнего отчета его видно, что в совершившемся обыкновенном бюджете 1855 года новый дефицит в 138 899 297 гульденов опять последовал за дефицитом 1854 года, достигавшем еще высшей цифры; он главным образом вызван был огромными чрезвычайными издержками Австрии на войско, дошедшими в прошедшем году до 101 721 117 гульденов и был покрыт доходами случайными. Наконец, государственный утвержденный долг также возрос в 1855 году на 243 527 490 гульденов, по случаю изъятия из обращения большого количества бумажных знаков. Вследствие всех этих обстоятельств австрийские фонды не пользуются благоприятным курсом на европейских биржах: к 1 января нынешнего года австрийский пятипроцентный национальный займ стоил в Вене $76\frac{12}{16}$; а металлические: пятипроцентный – $73\frac{7}{8}$, $4\frac{1}{2}$ -процентный – $64\frac{1}{4}$; на гамбургской

* Это новое направление, данное австрийским финансам, исполнено такого живого интереса, а история и развития так любопытна и важна, что мы постараемся в одной из следующих книг «Русской беседы» представить более подробный очерк того и другого.

бирже ценились они еще гораздо ниже. Даже теперь, в половине апреля, устранение страшной для Австрии опасности военной грозы не в силах было поднять их выше $89\frac{13}{16}$, $86\frac{1}{16}$, $77\frac{1}{2}$. Любопытно сравнить с этими данными курс государственных $4\frac{1}{2}$ -процентных облигаций прусских, с самого начала года твердо стоящий свыше ста, между $100\frac{1}{4}$, и $100\frac{3}{4}$. Очевидно, что общественный кредит австрийский, даже при благоприятнейших для него обстоятельствах, относится к прусскому, как $77\frac{1}{2}$ к $100\frac{3}{4}$.

Между тем как государства европейские, таким образом, наперерыв друг перед другом старались развивать свои внутренние сокровеннейшие силы, одряхлевшая и чуждая в семье их империя Оттоманская, со своей стороны, подчинялась тому же всеобщему движению, но не вследствие собственного развития, а из-под гнета внешней необходимости, под строгой указкой грозных и, в сущности, мало сочувствующих ей покровителей. Трудно решить, до какой именно степени доверяли в начале войны западные державы возможности искусственного возрождения мусульманского Царьграда, которого неисцелимая порча и естественная близость к разложению не могли, конечно, ускользнуть от наблюдения людей, близко знакомых со всем турецким бытом, каков, например, английский посланник, сэр Стратфорд Редклифф. Как бы то ни было, но они пытались достигнуть этой цели. Они хотели, с одной стороны, посредством разных вещественных преобразований снабдить Турцию теми внешними средствами и орудиями, которые казались им необходимыми для самостоятельного ее противодействия возможным в будущем притязаниям России; с другой, — старались отвлечь от последней сердца греческих и славянских ее единоверцев на Востоке, манили их к себе лъстивыми обещаниями, старались доказать им, что они от одного вмешательства западных держав могут получить свободу и законное обеспечение; наконец, они действительно успели исторгнуть для них от бессильного турецкого правительства положительное на бумаге признание их гражданской полноправности. Материальные приобретения Европы в Тур-

ции несомненны: европейские компании допущены на свободное состязание в учреждении на турецкой почве дорог, банков и других промышленных предприятий; задумывают связать Константинополь железными дорогами с Сербией и Европой, и решено провести во все направления телеграфы подземные и подводные; утверждена компания и открыта подписка на давно желанное прорытие Суэцкого перешейка и устройство прямого водного сообщения между Европой и полуденной Азией. Наконец, Совет из верховного визиря, министра иностранных дел и представителей Франции, Англии и Австрии, возвестив предварительно свободу всем невольникам, решил, что Порта принимает меры (в 23 статьях) для преобразования внутренних отношений политических и гражданских: объявлена свобода вероисповеданий всех ее подданных, христиане допускаются к службе военной и гражданской и в свидетели в турецком суде, иностранцам дано право на приобретение земельной собственности в Турции, и пр. и пр.

Замечательно, однако, что по мере того, как изнеможенная Порта соглашалась на эти пожертвования и торжественно возвещала своими «хатами» все эти добытые западным влиянием улучшения, преобразования и благодетельные для христиан постановления, тот же Запад и все лучшие его газеты, в особенности английские, так долго прославлявшие турецкое возрождение, постепенно меняли тон свой, раскрывали глаза свои на дело и более и более удостоверались в окончательной несостоятельности турецкого мира. Нам невозможно не согласиться с ними в этом явном, осязательном деле, которого война не изменила, которое также несомненно и теперь, как было верно и несомненно до начала последней войны. Турция, где глава правоверных в полузападном наряде скитается по балам европейских дипломатов; Турция, охраняемая сбродным войском англо-турецкого контингента под начальством английских офицеров, безусловно подчиненная велениям пяти или шести иноземных посланников, покрытая сетью непонятного ей устройства железных дорог и телеграфов; Турция, в которой не существует ни семейства, ни гражданской

свободы, ни самого понятия о гражданстве, ни общественной нравственности, где многоженство и личное невольничество составляют коренные основы частной жизни, где исчез, наконец, и религиозный фанатизм, единственное живое начало мусульманского государства, – Турция является нам безжизненным трупом, разукрашенным в блестящие наряды прихотливой волей погребальных распорядителей, домом без хозяина, плодоносной нивой без орастая. Что же касается до христианских подданных Порты, то разрозненные ныне стада православных греков и славян всегда вновь опознают голос своего природного пастыря, лишь бы тот не забыл их, и всегда сумеют отличить любовную руку, триста лет питавшую их сладостными надеждами, от хищной руки наследников Балдуина и латинских крестоносцев.

Среди этого неблагодарного хозяйничанья во внутренних делах Турции союзные державы не забывали и других второстепенных государств и поочередно обращались ко всем, принуждая их к союзу с собой против одинокого врага своего. После тщетных попыток получить какое-либо действительное пособие от Испании, изнеможенной внутренними раздорами и упадком государственных финансов и почти вовсе лишившейся своей армии, они должны были обратиться к двум государствам скандинавским, тесный сорокалетний союз с Россией которых очень давно возбуждает неудовольствие Англии. Западные державы рассчитывали, что на ход переговоров будет иметь влияние падение южного Севастополя, и поручили вести их Канроберу, прибывшему сперва в Стокгольм 4 октября. Впрочем, успех оказался не вполне удовлетворителен. Дания, куда отправился французский генерал по окончании дел в Стокгольме, твердо помнила бедствия, претерпленные ею от Англии в начале нынешнего века, и спасительную помощь, недавно поданную ей русским двором против притязаний франкфуртского Национального Собрания, тогда, когда она всеми была оставлена; к тому же, исключительно занятая важным вопросом о зундских пошлинах⁸, а еще более вопросами внутренней политики (стремлениями правительства к централи-

зации государственного управления, противодействием тому местным сеймов и приходившим к концу судом над королевскими министрами), она решительно отказалась выйти из принятого ею с самого начала положения строжайшего нейтралитета. На это решение датского правительства, конечно, немало должна была подействовать известность неминуемого в будущем влияния России на датское престолонаследование. Но, во всяком случае, невозможно не отдать вполне заслуженной чести твердости и благоразумному мужеству короля, умевшего презреть все возможные новые опасности от британского вероломства. Швеция была уступчивее, но и она не вышла пока из пределов строгой осторожности: 20 ноября подписала она трактат с Францией и Англией, которым обязалась не уступать России ни малейшей части своих владений, а союзные державы обещали ей вооруженную помощь свою в случае предъявления Россией требований или прав своих на какую бы то ни было часть шведских владений. Излишне говорить, что опасения эти были основаны на чистейшем вымысле. Впрочем, предусмотрительное шведское правительство спешило вместе с тем циркулярной депешей от 18 декабря сообщать всем посланникам своим при иностранных дворах объяснение насчет побуждений, руководивших им при сем, где выражения недоброжелательства к России искусно сочетались с обещанием продолжения нейтралитета и уверениями, что новый союз есть лишь оборонительный и имеет исключительно ввиду одну безопасность Швеции от внешних притязаний.

Между тем Североамериканские Штаты продолжали соблюдать и даже громко вновь заявляли политические предания свои о невмешательстве в дела Старого Света и о невнимании к вопросам европейского равновесия. Всего резче была вновь выражена ими эта теория в том, что они отказались признать за Данией право на сбор зундских пошлин с американских судов. Американский министр иностранных дел, выражая в депеше своей от 3 ноября отказ президента принять участие в предлагавшемся европейском конгрессе для решения вопроса об этих пошлинах, говорит: «Правительство Соединенных

Штатов никогда не согласится на это притязание Старого Света пользоваться его влиянием для поддержания своего собственного политического равновесия... Мы не будем здесь разбирать, полезна ли и благоразумна ли эта теория равновесия в приложении своем к семье европейских государств; но правительство Соединенных Штатов довольно долго наблюдало действия ее, чтобы ни под каким видом не дать себя вовлечь в круг ее деятельности. Таково издавна любимое основное начало нашей политики, от которого президент ни в каком случае не отступит...» Соединенные Штаты и в настоящей борьбе России с Англией и Францией остались верны политическому воззрению своему, чему, конечно, немало способствовали и заботы внутренней политики – близость срока для избрания вновь президента Штатов и борьба аболиционистов с приверженцами невольничества. Невзирая на всеобщее сочувствие североамериканского мира к нашему отечеству, единственному из государств Европы, представляющему по юному и могущественному развитию своему несомненную аналогию с его собственным развитием; невзирая на осязательные выгоды вмешательства в войну, отвлекшую все живые силы Англии на восток, Америка не вступила в состязание и упустила благоприятный случай вырвать морское владычество из рук прежней своей метрополии. В этом случае правительство американское, так безусловно и рабски последовавшее дипломатическому преданию своей страны, подчинилось какому-то как бы внешнему, лишенному жизни политическому формализму, какого не привыкли мы до сих пор видеть в американской политике и которое решительно чуждо ее внутреннему духу и разумному свойству. Оно неясно сознавало ошибку свою и не прочь было вступить в ссору с Англией по поводу какого-нибудь частного американского вопроса, – вопроса о вербовке рекрут в Штатах или вопроса о центральной Америке. Но на этой почве уклончивая при случае Англия тщательно избегала решительного столкновения, всячески старалась отделяться от прямой ответственности за своих агентов и с видимой готовностью исчисляла средства к мирному соглашению; тут, перед

очевидной опасностью, умела смириться британская гордость. Даже и теперь, когда прошли для нее дни тревожной борьбы с Россией, она охотно уступит опасной американской настойчивости, и потому можно с достоверностью предположить, что несмотря на обоюдные военные угрозы, на этот раз война едва ли возгорится. Но для Америки урок без сомнения не будет потерян, и она, конечно, вскоре сознает, что мало для государства иметь естественных себе союзников между другими народами, но что должно уметь ценить их сочувствие, не отталкивать их от себя и в черный день должно уметь подать им руку помощи... Нельзя не заметить при этом, что цветущее состояние финансов в Североамериканских Штатах дает им полное право на участие в делах не одной Америки, но и всего света, и право на почетнейшее место в семье первостепенных государств, из которой выделиться они, без сомнения, не могут. Из последнего официального послания президента к палатам видно, что в течение уже нескольких лет государственные доходы Штатов постоянно и значительно превышают расходы, оставляя ежегодно в государственном казначействе огромный излишек или остаток, употребляемый на погашение и без того ничтожного государственного долга, не превышающего 200 милл. фр. Такой долг в скором времени, без сомнения, будет вовсе погашен. Ежегодный излишек доходов в 1852–1855 простирался до 73, 80, 100 и, наконец, до 150 милл. и заставил даже правительство Штатов стараться изыскивать средства к выгоднейшему для народа сокращению государственных доходов. Удобнейшим к тому путем признало оно значительное уменьшение таможенных пошлин, составляющих около 85% всего государственного дохода. Этим путем президент и его министр финансов, г. Гутри, хотят поощрить народную промышленность, удешевив сырые произведения, получающие на американских фабриках дальнейшую обработку, и в то же время допустив на американские рынки с умеренной пошлиной те европейские мануфактурные изделия, кои уже не представляют предмета опасного соперничества для американских производителей. Согласно этому предположению, все вышесказанные сырые

произведения должны быть впускаемы в Североамериканские Штаты беспошлинно; железо, сталь, сахар, вино и все изделия шелковые, льняные, бумажные и пеньковые, за исключением немногих изъятий, должны быть обложены пошлиною от 25 до 30% их стоимости; наконец, на все прочие товары, не вошедшие ни в один из этих разрядов, предполагается наложить привозную пошлину от 15% до 20%.

В таком положении находились дела Европы, когда запоздалая Кинбурнская экспедиция вновь доказала союзникам невозможность для них действовать иначе, как у самого морского побережья, а взятие Карса дало России решительный перевес в Малой Азии и в азиатской политике.

Последнее событие весьма различно подействовало на общественное мнение и газетный мир в Англии и во Франции. До сих пор памяты нам (да и теперь они еще не умолкли) проклятия и обвинения, посыпавшиеся впервой на беспечность министерства и сэра Стратфорда Редклиффа; французы же с трудом скрывали свою радость, несмотря на хранение, наложенное на уста их политическим союзом с англичанами и строгой дисциплиной Людовика Наполеона. Как бы то ни было, но отसेле замечаем мы в последнем значительное отклонение от прежнего его политического пути. Очевидно, в мыслях его общие обеим державам дела были уже достигнуты, и начиналось разногласие видов и побуждений, которое могло быть скрыто на время, но рано или поздно должно было обнаружиться. Переход императора от старой политики к новой, долженствовавшей принести с собой мир и, без сомнения, новое распределение элементов европейского равновесия, совершен был им с той благоразумной осторожностью и неподражаемой скрытностью, которая до сих пор отличала все важнейшие его решения. Первые признаки изменившихся намерений императора можно открыть в двусмысленной речи, произнесенной им 15 ноября при закрытии парижской Всемирной выставки, где, обращаясь к собравшимся там промышленникам всех народов, он прославлял благоденствия мира, косвенно сетовал о продолжительности войны, взывал к общественному мнению Европы и

торжественно приглашал все нейтральные народы, если хотят они мира, решительно объявить себя за Францию или против нее: «Ибо, – говорил он, – среди великой европейской распри равнодушие есть худой расчет, а молчание есть ошибка...». Это искусное и рассчитанное сочетание угроз и мирных обещаний, в то время не вполне еще понятое, не осталось, конечно, без действия на многие нерешительные умы, особенно в германском мире. За этим следовала знаменитая брошюра о необходимости европейского конгресса, появившаяся 20 декабря в Париже и уже заведомо носившая полуофициальную печать, где рядом с утверждением непоколебимости англо-французского союза ясно указано было разногласие целей обеих политик и настоятельно требовалось умиротворение Европы. Рядом с этими косвенными выражениями мирного настроения французского императора завязывались вновь и шли решительные переговоры о том же предмете между Австрией и Россией, и даже передавались, кажется, русскому двору некоторые особенные, прямые сообщения от императора французов через посредство саксонского поверенного в делах в Париже, г. Зеебаха, в конце декабря месяца приезжавшего в С.-Петербург. Официальные документы, касающиеся всех сих событий, еще не изданы правительством, а потому преждевременно было бы, на основании одних показаний газет и журналов иностранных, входить в подробное их изложение. Мы представим лишь подлинные слова журнала «Санкт-Петербург», заключающие в себе краткое обозначение существеннейших сторон переговоров.

«Общественное внимание Европы было сильно возбуждено известием, что императорскому с.-петербургскому кабинету были сделаны через посредство венского кабинета мирные предложения, в которых союзные державы условились с Австрией».

«Императорский российский кабинет уже сделал со своей стороны первый шаг к примирению, объявив в депеше от 11 (23) декабря, напечатанной во всех иностранных журналах, о тех уступках, какие он расположен сделать для достижения мира».

«Эти двойственные попытки с той и другой стороны доказывали обоюдное намерение воспользоваться прекращением, вследствие дурной погоды, неприязненных действий и удовлетворить всеобщей, всюду проявляющейся потребности в скором заключении мира».

«В депеше, упомянутой выше, российское императорское правительство допускает основанием переговоров четыре пункта обеспечений, принятые на венских конференциях, и только относительно третьего пункта, который один повел к прекращению переговоров, предложило решение, разнствующее более по форме, нежели по сущности, от того, какого в то время желали союзные державы».

«Переданные теперь австрийским правительством предложения истекают из того же основного начала, то есть нейтрализации Черного моря посредством прямого между Россией и Портой трактата, которым, с общего согласия этих держав, будет определено число военных судов, какое оба государства, владеющие берегами Черного моря, предоставят себе содержать для безопасности своих берегов. Эти предложения существенно отличаются от объявленных в депеше 11 (23) декабря только предположенным округлением границ между Молдавией и Бессарабией взамен пунктов, занятых неприятелем на русской земле».

«Здесь не место рассматривать, более ли в этих предложениях, нежели в объявленных императорским правительством, соединяется условий, необходимых для упрочения спокойствия на Востоке и безопасности Европы. Достаточно сказать, что на деле во многих основаниях мира уже существует соглашение».

«По причине этого соглашения, вследствие желаний, изъявляемых всей Европой, ввиду коалиции, которой размеры клонились к большому распространению, и пожертвованный, какие в случае продолжения войны Россия должна была бы принести, императорское российское правительство сочло нужным не отдалять прениями второстепенной важности дела примирения, которого успех согласуется с его собственными желаниями».

«Итак, императорское российское правительство согласилось принять предложения, переданные австрийским правительством, за предварительный проект для открытия переговоров о мире».

Наконец, Высочайший манифест, последовавший от 19 марта, окончательно возвестил России мирный исход собравшегося в Париже конгресса. Самые условия мира, неизвестные до окончательной ратификации трактата всеми державами, вероятно, уже будут объявлены во всеобщее сведение, когда эти строки появятся в печати. Выражения императорского манифеста, без сомнения, памятны каждому, и потому мы не станем приводить его во всей его полноте. Но не можем не вспомнить с чувствами искреннейшей радости последних слов его, представляющих для нашего отечества столько прекрасных и несомненных залогов счастливого развития. Да будут они лучшим напутствием для Русского мира на новую указуемую ему от Государя дорогу, где ожидают его гражданское просвещение, обеспеченный свободный труд и благословения Веры Православной.

Протоколы Парижского конгресса¹

Весь политический интерес первой трети текущего года, без сомнения, сосредоточивается в одном главном явлении, в Парижском конгрессе и обнародованных его протоколах; тем любопытнее для наблюдателя взглянуть в это явление пристальнее и изучить, так сказать, живую физиономию конгресса, где естественно должны были отразиться последние судорожные движения утихающей борьбы и первые, еще неясные следы новой жизни, нового развития; ибо естественно, что после сильного, едва прожитого Европой сотрясения бессильны были мгновенно возвратиться к нормальному положению своему все разнообразные элементы, из которых слагается

ее политическое тело, и переходная минута от ожесточенной борьбы к спокойствию, несмотря на всю обычную скрытность дипломатии, не могла не изобличить, хотя слегка, существенных черт грядущего жизненного строя.

С той самой минуты, как наступила полная уверенность в возобновлении мирных переговоров, уже было решено созвать полномочных всех держав в Париже. На это избрание французской столицы местом совещаний естественно указывали как взаимные отношения воевавших держав, так в особенности и личные соображения императора французов. Верный давнему убеждению своему в важности в деле правления внешней обстановки и эффекта, всегда готовый потешить парижскую чернь видом внешнего великолепия, уже поочередно выведши перед нею в предшествовавшем году верных своих союзников – королеву английскую и сардинского короля, Людовик Наполеон не мог, конечно, отказать себе в удовольствии воспользоваться этим случаем, чтобы внешним, наглядным для всех образом перенести средоточие дипломатической жизни из Вены в Париж, соответственно тому, как и самое политическое влияние уже действительно в то время перешло с тихоструйного Дуная на заподозренные некогда всей Европой берега Сены. Парижский съезд полномочных заранее облечен на звание не простой уже конференции, а настоящего конгресса, в который беспрепятственно могли быть внесены на обсуждение все вопросы, более или менее близко касавшиеся европейского равновесия; и французские газеты заранее спешили сравнить его по значению и важности с пресловутым конгрессом Венским, так долго остававшимся краеугольным камнем всей европейской политики, покуда наконец и его не постигла общая участь всего человеческого – участь одряхления и обращения в историческую древность. Между тем нет никакого сомнения, что Парижский конгресс, ни по положению договаривавшихся сторон, ни по минуте появления своего в политическом мире, не представляет с Венским ни малейшей аналогии. В самом деле, Венскому конгрессу суждено было завершить и увенчать всеобщим миром целый ряд войн, первым

источником которых была французская революция, и которых отличительным характером постоянно оставалось это революционное направление, низвержение повсюду старого порядка вещей и замещение его новым, как в области политики, так и в области жизни гражданской. В распоряжение мужей Венского конгресса досталось богатое наследие первого Наполеона и некоторых оставшихся ему верными союзников, и обломки старого, ему самому предшествовавшего политического устройства Европы; здесь было чем наделить и насытить всех, алкавших корыстолюбцев и если не окончательно, то по крайней мере надолго успокоить их тревожные позывы. Распорядившись наличным наследием, Венскому конгрессу оставалось только изобрести и привести в действие совокупность мер для погашения во всей Европе возможных вспышек революционного духа. С другой стороны, он явился решателем судеб Европы в минуту совершенного истощения вещественных сил всех государств ее, и притом не только материковых, но даже и самой Англии, которой один последний год славной борьбы с Наполеоном стоил так же дорого, как все продолжение нынешней войны ее с Россией, невзирая на страшные и здесь употребленные ею напряжения сил; низверженная же с высоты своей Франция лежала у ног Европы безгласной свидетельницей собственного позора, одному великодушию императора Александра одолженная сохранением границ, близких к пределам прежнего французского королевства. При таких условиях нетрудно было всех согласить и умиротворить. Очевидно, не таково было положение конгресса Парижского, призванного прекратить первую значительную войну, возгоревшуюся после глубокой сорокалетней тишины, обильной промышленным развитием, утвердить более или менее прочное перемирие между государствами, равноцветущими силой, и народами, едва еще выучившимися друг друга ненавидеть, разрешить в восточном мире, с сохранением по крайней мере внешности филантропического чувства, политические вопросы, уже 25 лет со дня на день откладывавшиеся европейской дипломатией, но все неисчислимы трудности которых

еще в первый раз теперь осязательно для всех обнаружались. Все эти неизбежные препятствия к прочному успеху вызвали уже в стенах самого английского парламента невольное сближение Парижского конгресса со знаменитыми Амьенскими конференциями². Как бы то ни было, первая ближайшая цель конгресса, открывшегося 13 (25) февраля, умирение России с западноевропейскими государствами и Турцией, была весьма быстро достигнута предварительными переговорами, съехавшимися уполномоченными, при посредничестве Австрии. Уже были давно установлены главные основания будущего мира в отношении к России; а русские уполномоченные, строго держась однажды принятых оснований, в третьем же заседании отказались от всякого изменения хода переговоров по случаю взятия Карса, весть о котором, как известно, пришла в Европу уже после предъявления Австрией своих решительных мирных предложений. Излишне было бы повторять здесь всем известные, ныне окончательные, условия мирного соглашения; достаточно будет только сказать, что уступчивостью своей в вопросах о Карсе и об Аландских островах уполномоченные наши успели достигнуть менее невыгодной для России новой границы в Бессарабии. Даже граф Валуевский, от имени Франции председательствовавший на съезде, должен был засвидетельствовать пред конгрессом о миролюбивой готовности их на всякое соглашение.

Шести заседаний достаточно было для полного удостоверения во взаимном расположении всех воевавших держав, так что на седьмом заседании, 10 марта, уже было решено пригласить и Пруссию к принятию принадлежавшего ей в них по праву участия. Затем, после окончательного установления буквы самого договора и материального изготовления единственным письмоводителем конгресса, г. Бенедетти, всех многочисленных актов мирного договора, трактат был подписан всеми уполномоченными в торжественном девятнадцатом заседании конгресса, 30 марта.

Все заседания эти были покрыты непроницаемой тайной для публики и даже для наиболее посвященных в политиче-

ские дела газетных редакций. Даже и теперь, когда все умы уже успокоились и парижские переговоры перешли в область истории, тайна эта еще не совсем раскрыта, и парламентские прения далеко еще не исчерпали и не разгласили всего их политического и анекдотического содержания. Изданные же протоколы заседаний, как слышно, подверглись предварительной очистительной работе, по возможности изгладившей следы несомненных жарких прений и непримиримых разногласий. Впрочем, внимательно перечитывая протоколы, предшествовавшие 30 марта, мы уже и в них невольно останавливаемся на некоторых знаменательных особенностях. Отраднo видеть, что и здесь опять так же, как и в Вене, русские уполномоченные первые из всех потребовали, во втором же заседании конгресса, формального обеспечения самим договором судьбы христиан, поселенных в турецкой империи, основываясь на 4-м пункте тех самых мирных предложений, которые были предъявлены России австрийским правительством. Это требование возбудило в 11-м заседании конгресса протест лорда Каули, спешившего объявить, что и другие христианские государства не менее России заботятся о восточных христианах. Между тем очевидно, что, не говоря о числительном превосходстве православных единоверцев наших на Востоке, уже и то обстоятельство естественно должно было возбудить более горячее к ним сочувствие наших уполномоченных в Париже, что настоящим договором уничтожены все предшествующие наши соглашения об этом предмете с Портой и известным хатти-гумаюном³, отменены некоторые политические преимущества греческой церкви, тогда как частные капитуляции с Турцией западных государств не отменены формально, как видно из четырнадцатого протокола. В этом заседании, на замечания старшего турецкого полномочного, искусно воспользовавшегося возникшими жалобами на неизбежные для торговли стеснения от бесчисленного множества разнообразных частных капитуляций, чтобы намекнуть на возможность их уничтожения (через что турецкое правительство освободилось бы от всяких внешних препятствий к исполнению своих

благих намерений) барон Буркенеи отвечал, что, без сомнения, желательно было бы, согласив выгоды всех сторон, изыскать средства к отмене этих капитуляций, отчасти, к сожалению, ограничивающих власть Порты, но что необходимо прежде всего соразмерить эти средства с преобразованиями, которые введет Турция в управлении своем, так, чтобы согласить добытые капитуляциями для чужестранцев необходимые обеспечения с теми выгодами, которые для них возникнут из новых законодательных мер самой Порты.

Точно так же русские уполномоченные первые напомнили о необходимости посвятить особенную статью договора обеспечению политической самобытности Сербии. Когда дошла речь до двух княжеств Придунайских, Молдавии и Валахии, тогда возникло явное несогласие всех участников конгресса со своекорыстными видами Турции и Австрии. Представители Англии, Франции и Сардинии единогласно требовали слияния обоих княжеств воедино, сообразно пользе и желаниям самих валахов и молдаван. Основываясь на тех же соображениях, предложение это поддерживал и граф Орлов; но граф Буль и Али-паша решительно отказались от подобного преобразования, и двухдневное совещание не могло убедить их в его пользе. Очевидно и Турции, и Австрии приятнее в будущем иметь по-прежнему дело со слабыми управлениями отдельных областей, чем с правительством одного довольно сильного, сосредоточенного и географически округленного государства, исключительно владеющего ключами дунайских вод. Встретив такое решительное сопротивление, но немало, впрочем, напугав австрийских дипломатов, конгресс отложил окончательное решение этого вопроса до того времени, когда официально огласится общественное мнение в самих княжествах. После нескончаемых прений решено отправить в Бухарест комиссию, составленную из поверенных европейских держав, к которым должен там присоединиться и турецкий комиссар. В столицы обеих областей созваны будут чрезвычайные диваны, по составу своему служащие искренним выражением народной воли; международная комиссия, как видно из речи

лорда Пальмерстона в нижней палате, состоящая только из представителей Франции, Англии, Австрии и Турции, должна будет пересмотреть все ныне действующие статуты и законы, согласно положениям и желаниям, выраженным диванами. Затем окончательные результаты занятий ее передадутся в Париж, где сделаются предметом решительной дипломатической конвенции между договаривающимися сторонами, и условленное учреждение княжеств обнародуется султанским хатти-шерифом⁴. Начертание образа созыва диванов и формы их делопроизводства, а равно и принятие нужных мер к временному замещению близкой к срочному прекращению своему власти нынешних государей, возложено после долгих прений на совокупную заботу турецкого правительства и представителей европейских держав в Константинополе.

По закрытии конгресса, когда английские министры предстали перед парламентом возник новый вопрос: каким образом оградить прения валахского и молдаванского диванов от неминуемого на них военного влияния в продолжение занятия княжеств австрийскими войсками? Действительно, во время парижских переговоров графом Булем было объявлено, что придунайские княжества очищены будут ранее, чем из Константинополя выведены будут последние англо-французские войска; но вслед за тем затруднения при обратной перевозке последних заставили Порту заключить с западными державами конвенцию, по которой на окончательное очищение турецкой империи положен шестимесячный срок. Неужели и придунайские княжества подвергнутся такому же продолжительному занятию австрийскими войсками? Пальмерстон, объясняя нижней палате сомнительные статьи парижского договора, решительно объявил, что прения валахо-молдаванских диванов должны быть освобождены от влияния австрийских штыков, и что покуда в областях этих будет продолжаться военное занятие австрийское, выборы депутатов в диваны не могут считаться свободными. В том же смысле, хотя несколько уклончиво, отвечал и лорд Кларендон в палате пэров на вопрос лорда Линдгорста. С другой стороны, некоторые важные по влиянию

своему немецкие газеты, и в том числе «Аугсбургская», передавая известие о выступлении половины австрийских войск из княжеств, видели в самом образе официального объявления об этом событии достаточный повод думать, что остальные войска еще не скоро покинут их, и усердно и долго настаивали на необходимости для венского правительства сохранить в руках своих как можно долее этот значительный залог своего влияния; даже более официальные источники австрийские глухо обещали очищение княжеств лишь к тому времени, когда выполнены будут в отношении к ним все условия Парижского договора. Важный предмет этот, как кажется, подлежит ныне оживленному дипломатическому обсуждению, которое, быть может, в настоящую минуту уже достигло каких-либо положительных результатов.

Другой вопрос, также непосредственно касающийся княжеств и еще более важный, значительно озабочивал в последнее время газеты французские: это избрание европейскими правительствами государя для обоих княжеств, в случае, если бы чрезвычайные валахо-молдаванские диваны изъявили желание и Европа согласилась бы на слитие их воедино. Случай этот далеко не невозможен: ибо, как известно, старый диван молдаванский уже в мае месяце единогласно утвердил адрес государю, поручивший ему требовать этого соединения княжеств. Разумеется, французские газеты сулят княжествам государя-католика, родом из которого-либо из ныне правящих на Западе домов. Определительнее и яснее они покуда не выражались, но уже и эти самые намеки довольно прозрачны. Впрочем, на этот раз, не говоря даже о России, в настоящем случае, без сомнения, непосредственно призванной отстоять законные права Православия, и сама Австрия, столько уже стесненная французским влиянием в Италии, едва ли может допустить в такое близкое соседство к венгерским границам своим князя, слишком преданного выгодам и политике французской.

Наконец, в числе других особенностей, до некоторой степени обрисовывающих характер первой половины парижских совещаний, невозможно умолчать о том постоянно враждеб-

ном к русским выгодам настроении австрийской дипломатии, которое на каждом шагу встречали наши уполномоченные. Изданные протоколы сохранили до четырех случаев, в которых граф Буль и барон Гюбнер явно пытались действовать в ущерб русским выгодам – в прениях то об Аландских островах, то о Бессарабии, то об участии христиан турецких, то, наконец, вызвав сами всеми пройденный без внимания вопрос об отношениях России к издревле преданным и любезным нам черногорцам, – отношениях, составляющих драгоценное нравственное для России наследие славного екатерининского века. Странно, конечно, должны были поражать эти новые звуки русское ухо, уже со времен Иосифа II и Суворова привыкшее исключительно слышать если и далеко не искреннюю, то по крайней мере всегда льстивую и вкрадчивую речь австрийской дипломатии.

В этих-то прениях, в этом-то сведении старых итогов и установлении мира прошли, как мы сказали, первые девятнадцать заседаний конгресса. Но по давнишней ли подготовке всех умов в Европе к добытым условиям мирного договора, лишившей его прелести новизны, или по общему невольному сознанию, что, вопреки заключению его, политическая атмосфера Европы еще пропитана легковоспламенимыми началами, не этим первым и многочисленнейшим заседаниям конгресса суждено было обратить на себя главное внимание света. С первых же дней по закрытии парижских совещаний стало ясно, что по истечении кровопролитной брани главный современный интерес сосредоточился на время для всех умов в позднейших прениях конгресса, и особенно в двадцать втором и двадцать третьем его протоколах.

И действительно, в этих последних заседаниях, когда все предметы совещаний казались уже совершенно исчерпанными, были под влиянием разнообразнейших политических отношений внезапно вызваны графом Валевским все современные вопросы европейские и подвергнуты самому разноречивому обсуждению, неоднократно доходившему даже между некоторыми уполномоченными до явного раздора. Француз-

ский министр иностранных дел в искусном очерке представил конгрессу быстрый перечень всех политических запутанностей, которые, по мнению его, настоятельно требовали глубокого изучения, врачевания и совокупного действия главных европейских кабинетов. Начав с бедствующей Греции, он поочередно останавливался на противоестественном положении государственного управления в областях папских и королевстве Неаполитанском, спешил произнести грозную филиппику против бедного королевства Бельгийского, виновного перед Францией лишь своим 25-летним мирным, благоденственным, свободным национальным развитием, и в заключение кончил воззванием к чувству славолюбия в самих членах конгресса, предложив им обессмертить себя не менее конгрессов Вестфальского и Венского провозглашением во имя человечества новых начал военного и морского права. В этой бесспорно искусной речи решительно все заслуживает особенного внимания: как самое расположение в ней предметов, методически расставленных по степени возрастающего в них интереса французской политики, так, конечно, и самое содержание, без сомнения, первоначально обусловленное предварительным, быть может, уже давнишним соглашением с сардинским двором, и вместе с тем, конечно, рассчитанное на особенное действие и впечатление на уполномоченных австрийских. Само заключительное воззвание касательно новых начал морского права носит на себе несомненный отпечаток личной политики императора Людовика Наполеона и его глубокого знакомства со свойствами и складом ума французского народа, никогда не довольствующегося одной действительностью, как бы ни была она блестяща, но постоянно требующего громкой фразы и ей одной безусловно отдающего себя в плен.

Несчастливая Греция, послужившая для графа Валуевского вступлением в его речь, и желание Франции очистить ее при первой возможности упомянуты были, конечно, лишь во избежание возможного упрека в явной политической непоследовательности при громогласном заявлении уполномоченными Франции о настоятельной необходимости очистить северную

Италию от австрийских войск. Сам граф Валуевский и вторивший ему лорд Кларендон должны были относительно Греции ограничиться одними общими местами о неуважении к ней сочувствию и необходимости, вместе с тем, твердым образом обеспечить в королевстве порядок и спокойствие. Очевидно, союзные державы, заняв насильственным образом сочувствующую нам Элладу, не спешат покинуть ее, но вместе с тем не могут иметь видов на какие-либо важные в ней преобразования, которые они бессильны были бы совершить без полного на то соизволения третьей и главной из держав-основательниц Греции, без России, славным Адрианопольским миром впервые исторгнувшей формальное признание ее у изнемогающей, но упрямой Порты. Второй из уполномоченных с нашей стороны, барон Брунов, заметил при этом случае, что Россия со своей стороны охотно примет участие во всем том, что может упрочить и улучшить ныне существующий в Греции порядок вещей, но что с восстановлением ныне мирных отношений между тремя покровительствующими державами настало уже время подумать и согласиться насчет прекращения военного занятия королевства. На этом остановились прения конгресса о греческом вопросе. Слышно, что правительство греческое, справедливо негодующее на насилие Франции и Англии, собирается протестовать против него и хочет прибегнуть к посредничеству дружественных себе держав.

Для Франции в настоящую минуту, и лично для французского императора, важнейшим из всех поднятых графом Валуевским частных вопросов был, конечно, вопрос о свободе книгопечатания и журналистики в сопредельной и одноязычной с ней Бельгии, убежище многих французских политических выходцев.

Ко всем этим явным и несомненным причинам и поводам ко вмешательству во внутренние дела Бельгии, быть может, присоединялись еще и тайно руководили действиями французского кабинета какие-нибудь нераскрытые, дальнейшие виды на привлекательные всегда для французского воображения устья Рейна; по крайней мере, всем известно, что хи-

трый правитель Франции, постоянно отличающийся во всех действиях своих осторожностью и скрытностью необычайной, любит всем предприятиям своим предпосылать неясные намеки и постепенно готовить умы к необычайнейшим событиям двусмысленными, загадочными поступками и речами. Как бы то ни было, графом Валевским употреблены все старания и истощены все средства, чтобы завлечь конгресс на стезю, избранную себе французской политикой, и вынудить у него против Бельгии соборную угрозу от имени всей Европы. Впрочем, виды эти удалось только наполовину. Как ни поспешно ухватились австрийские уполномоченные за это верное и подручное средство угодить на первых же порах Франции, не отступая при этом и от собственной политики, дабы тем по возможности успеть отклонить речь от слишком щекотливого итальянского вопроса, как ни обрадовались они вместе с тем случаю заподозрить в глазах Франции Сардинию и ясно намекнуть на мнимые опасности для всех соседних государств, скрывающиеся в ненавистном конституционном устройстве Сардинии: но представители прочих держав большей частью осторожно отклонили постановления слишком ясного и определенного решения. Прусский уполномоченный, барон Мантейфель, хотя естественно склонный поддержать Францию и возвысить вновь допущенный на конгресс голос своего правительства в деле общеевропейском, выразил только готовность свою участвовать в рассмотрении мер, которые конгресс сочтет нужным принять на сей случай; лорд Кларендон, оговорив уважение английского правительства к повсеместной свободе книгопечатания, удовольствовался лишь общим осуждением людей, преступно употребляющих ее во зло; его примеру последовал и граф Кавур; граф же Орлов ранее всех объявил, что, уполномоченный только на заключение мира, он в наказах своих не находит ничего, что дало бы ему право принять участие в подобном совещании. Таким образом, спасена, по крайней мере, свобода дальнейшего определения русским правительством отношений его к Европе. Правительство же бельгийское, столь заслуженно пользующееся славой мудрого

управления, конечно, и в нынешних трудных обстоятельствах своих вполне сумеет согласить собственное достоинство и независимость с благоразумным удовлетворением, по мере возможности, требованиям сильного соседа.

Несравненно большую суматоху в политическом мире суждено было наделать совещаниям конгресса о делах итальянских, хотя Франция, конечно, не принимала в них далеко такого искреннего участия, какое приписывалось ей газетным миром. Без сомнения, связанная в этом отношении давнишними обещаниями, сделанными сардинскому правительству еще в то время, когда исполинская борьба с Россией поневоле заставляла ее везде искать себе помощников; к тому же, вероятно, подстрекаемая и лордом Пальмерстоном, этим вечным стряпчим итальянских дел, Франция не могла отказаться замолвить о них слово на конгрессе, тем более, что при отсутствии прямой себе и непосредственной выгоды она, тем не менее, должна была видеть в этом превосходное средство не на шутку напугать графа Буля и разом поставить его в полную и безусловную от себя зависимость. И действительно, расчет этот удался безошибочно. Со своей стороны сардинский уполномоченный, граф Кавур, нетерпеливо ожидал минуты, когда удастся ему пожать плоды вмешательства его правительства в Восточную войну, и прежде даже, чем мирный договор был окончательно подписан, спешил 27 марта вручить графу Валевскому длинную и искусно составленную ноту, где, напомнив прежние, давнишние судьбы северных папских областей, известных под именем легатств, и яркими красками описав нестройства папского управления, он предлагал для них целый план преобразования, связанный с удалением оттуда австрийских войск и заменением их национальной военной силой; план этот состоял главным образом в полной и совершенной замене в этих областях духовного управления гражданским, во введении вновь в действие французского гражданского уложения и совершенном отделении от Рима управления этих областей, которые, состоя под начальством срочного, но бессменного папского наместника из лиц светских, должны были платить

Папе ежегодно дань и зависеть от него лишь в отношениях церковном и дипломатическом.

Само собою разумеется, что в речи своей конгрессу граф Валевский не упомянул ни о ноте графа Кавура, ни о предложенном им преобразовании легатств. Он обратил только внимание всех держав на несчастное положение римских владений, выразил искреннее желание Франции скорее вывести войска свои из Рима и вызвал графа Буля на подобное же заявление либеральных видов от имени Австрии. Наконец, он пригласил конгресс единогласно выразить правительству неаполитанскому совет о настоятельной необходимости изменить старую систему правления и прибегнуть к мерам кротости и милосердия. Слова графа Валевского об Италии послужили приступом к ожесточенному спору между представителями Англии, и в особенности Сардинии и Австрии: лорд Кларендон естественно не поспешил на язвительные упреки римской закоснелости и невежеству и жестокости управления неаполитанского, которому пришлось при этом удобном случае поплатиться за отказ свой в последнюю войну вооружиться против России. Австрийские уполномоченные, столь охотно рассуждавшие о свободе книгопечатания Бельгии, вспомнили теперь, что им невозможно подвергать обсуждению своему действия государств, не имеющих представителей на конгрессе; а граф Кавур со всей пылкостью негодующего итальянского патриотизма настойчиво изобличал Австрию в умышленном погублении Италии и нарушении постановлений Венского конгресса. Русские уполномоченные оставались верны принятой системе; а барон Мантейфель, косвенно выгораживая короля Неаполитанского, спешил передать выгоды Австрии защите и попечению собственных ее представителей. Как далеко зашло разногласие видов и начал между графом Кавуром и гр. Булем, это лучше всего видно из отчета графа Кавура в своих действиях, поданного туринским палатам, где он не усомнился объявить во всеуслышание, что никогда еще политики обоих государств так далеко не расходились между собою. Как бы то ни было, прения кончились засвидетельство-

ванием в протоколе, что австрийские уполномоченные приступили к выраженному графом Валевским желанию – видеть Италию очищенной от войск австрийских и французских, как скоро только позволит это положение занимаемой ими страны; а большая часть членов конгресса одобрили принятие некоторых мер милосердия итальянскими правительствами, и в особенности неаполитанским.

Последний важный вопрос, служивший предметом для совещаний конгресса, был вопрос об установлении и провозглашении новых начал военного морского права. Начала эти были выражены графом Валевским в следующем порядке и следующей форме:

1-е. Отмена каперства⁵.

2-е. Нейтральный флаг покрывает неприятельский товар, кроме военной контрабанды.

3-е. Товар нейтральной державы, за исключением одной только военной контрабанды, не может быть захвачен даже под неприятельским флагом.

4-е. Блокада считается обязательной лишь только тогда, когда она есть действительная блокада, т.е. производится при помощи достаточных сил.

Предложение торжественного провозглашения этих правил конгрессом не было, как кажется, никем серьезно оспорено. Лорд Кларендон немедленно объявил, что вопреки преданиям он охотно от имени Англии соглашается на окончательное единожды-навсегда принятие последних трех начал, но единственно с тем условием, чтобы нераздельно с ними было бы утверждено всем конгрессом и первое правило, и чтобы, следовательно, отныне каперство считалось делом навсегда запрещенным. Граф Буль одобрил мысль подобного международного постановления, но, объявив уже себя по поводу дел итальянских не уполномоченным ни на какие дальнейшие прения, должен был ради соблюдения обряда спросить разрешения у правительства своего, и в следующем же заседании конгресса заявил получение из Вены окончательного согласия Австрии. Барон Мантейфель немедленно, не обращаясь к теле-

графу именем правительства своего, приступил к предложенной декларации начал морского права, издавна составляющих предмет домогательства Пруссии. Наконец, и граф Орлов обратился в С.-Петербург за решительным наказом. Предложения графа Валуевского заключали в себе и смешивали два предмета, явно различные и разнородные, которые до сих пор в дипломатии постоянно обсуждались отдельно и независимо друг от друга: это вопрос о нейтральном флаге и вопрос собственно о каперстве. Лорд Кларендон, как мы сейчас видели, с одной стороны, немедленно опознал это существенное различие и указал на него, но с другой, вместе с тем, подчинил согласие правительства своего непременною слитию конгрессом обоих вопросов воедино. Отзыв британского уполномоченного, сохраненный протоколами, косвенно указывает нам вместе с тем и на участие каждой из двух главных союзных держав в установлении предложенных начал. Очевидно, мысль о провозглашении вновь правильных начал блокады и нейтрального флага принадлежит Франции, издавна ставшей, за исключением только кратковременного периода революционного и наполеоновского, в ряды держав-защитниц этих начал, и ее-то всемогущим влиянием мысль эта навязана в настоящем случае английскому правительству. Напротив, положение об отречении от каперства есть уступка по крайней мере равноценная, выторгованная себе у Франции Англией ввиду новых возможных распрей в Старом и Новом Свете, а притом уступка Франции, объясняющаяся только славлюбивым желанием настоящего императора французов во что бы ни стало сделаться законодателем международных сношений и записать имя свое на скрижалях международного права под славным и любезным для нас именем Екатерины II.

Против правильных понятий о блокаде и нейтральном флаге Англия до сих пор боролась с тем настойчивым терпением и той неуклончивой последовательностью, опыт которых в новейшей истории умели явить лишь ее собственная политика и политика другой державы, бесспорно несравненно менее счастливой в выборе путеводных начал своей жизни,

но не менее замечательной по тем же драгоценным свойствам в практическом применении их; мы говорим о невольно пришедшей уже вероятно каждому на ум Австрии. Уже несколько раз принуждена была Англия, под влиянием изменявшего военного счастья или ради сохранения драгоценных для себя приятных отношений, отступить в большей или меньшей мере от самовольно присвоенного ею себе права осмотра нейтральных кораблей; и каждый раз при первом удобном случае, т.е. при первом же начале войны, представлявшей малейшую возможность корысти за счет какого-либо нейтрального флага, она немедленно смешивала с грязью торжественно принятые обязательства и вновь предпринимала ряд возмутительных насилий, поскольку внешнее принуждение не налагало на нее вновь обязанности большей умеренности в действиях своих. Так было после Утрехтского мира⁶ (1713), по которому главные тогдашние морские державы, Англия, Франция и Голландия, утвердили законы нейтралитета, выработанные прежними частными договорами; так было и после Парижского⁷ и Губертсбургского⁸ мира (1763), подтвердивших Утрехтские постановления при согласии на то Франции, Англии, Испании и Португалии. Эти непрерывные нарушения Англией данного слова вызвали провозглашение императрицей Екатериной в 1780 году знаменитого вооруженного нейтралитета, к которому спешили приступить, в защиту от Англии, все второстепенные морские державы Европы. Как униженно тогда искала себе милости у императрицы озабоченная войной с Францией и возмущившимися Североамериканскими Штатами Англия, о том неоподозримо свидетельствует слишком, к сожалению, не известная у нас книга, составляющая драгоценнейший материал для отечественной истории XVIII века, дневник и переписка графа Мальмсбери, в то время еще под именем господина Гарриса состоявшего при дворе Екатерины британским посланником*.

* Diaries and Correspondence of James Harris, first earl of Malmesbery. Second Edition. London, 1845. 4 vol. Напечатаны ныне по-русски в «Русском Архиве» 1874 г. П. Б.

Изображенный в ней столько же яркими, сколько и невольными красками упадок тогдашней Англии, порожденный безумным обращением ее с подвластными ей землями, несноснейшей надменностью в сношениях с иностранными державами и продажным внутренним управлением ториев, эта печальная картина Англии времен лорда Норта, изумляет разительной противоположностью с современным блистательным состоянием той же страны и ярким светом озаряет для мыслителя тот единственный путь постепенных, но вместе с тем неуклончивых реформ на основании самобытных народных потребностей, во имя просвещения и свободы, каким современное государство успевает исправить вековые ошибки, победоносно выйти из накопленных поколениями трудностей и вознестись из заслуженного уничижения на степень не менее заслуженного и потому прочного величия.

В ту счастливую эпоху русского преобладания Екатерина, сказали мы, мало внимала сокрушенным воплям очнувшегося, наконец, от усыпления британского правительства и твердой рукой впервые начертала и силой своей утвердила в международных сношениях те истинные начала нейтралитета, которые отныне получили явное преобладание в европейской жизни и более или менее подражательное повторение которых составляет существеннейшую часть учения о морском праве, предложенного конгрессу графом Валевским. Но, внося постоянные правила в запутанные вопросы нейтрального флага и блокады, Екатерина не отменяла каперства, а подчиняла его только в отношениях его к нейтральным судам неизменным разумным законам, и в 1787 году издала полный устав о частных арматорах. Эти же самые начала, в Европе выставленные Екатериной под знаменем вооруженного нейтралитета, были в Америке провозглашены и распространены Североамериканскими Штатами и под могущественным их покровительством вскоре всем светом приняты без борьбы, по общему непридуманному согласию. Впрочем, и по смерти императрицы Екатерина Англия каждый раз, когда заставляла континентальные государства разделенными и между собою враждующи-

ми, немедленно пользовалась этим случаем, чтобы прилагать свое стародавнее учение о праве произвольного обыска и притеснения нейтральных судов. Так действовала она в эпоху континентальной системы, которой Наполеон I отвечал на стеснительные меры британских адмиралтейств; точно таким же, невзирая ни на предварительные торжественные посулы союзных правительств нейтральным флагам, ни на действительную готовность Франции руководствоваться правилами более просвещенными и человеколюбивыми, видели мы англичан даже и в последнюю войну, особенно когда дело шло о бедных датских или северогерманских судах. Грядущее покажет, успеет ли побудить Англию к добросовестному соблюдению на будущее время торжественно признанных ею в Париже законов добытая ею себе ныне бо́льшая обеспеченность торговли от иностранных каперов. Эта обеспеченность мореходной ее торговли, без сомнения, составляет для нее предмет существеннейшей и неоспоримой важности, при огромном развитии в последние годы ее торгового судоходства, которому не чуждо ни одно из отдаленнейших морей и которое по численности своей почти во всех водах земного шара первенствует между торговыми флагами всех народов. В случае внезапного открытия войны с другой морской державой, например с Америкой, военно-морские станции английские, несмотря на всю многочисленность свою, явно бессильны были бы оградить купеческие суда от немедленных нападений каперов: хотя впоследствии английское правительство и успело бы в скором времени защитить свою торговлю значительным усилением всех военных морских стоянок своих, соразмерно открывшейся нужде, но на первых же порах Англия необходимо должна была бы потерпеть страшные, не легко вознаградимые убытки. От этой-то страшной случайности избавится вполне Англия, если удастся ей склонить все государства к добровольному отречению от каперства. Тогда, оградив себя от единственной невыгодной для себя случайности истребления своего купеческого флота при самом начале возгоревшейся войны, она всегда успеет при дальнейшем продолжении ее воспользоваться огромным пре-

восходством своего военного флота, чтобы восстановлением старого права обыска, вопреки Парижскому договору, в скором времени стереть все нейтральные флаги с лица морей.

Французское правительство уже начало заботиться о распространении принятого Парижским конгрессом учения о морском праве, и с этой целью обратилось уже к франкфуртскому сейму, приглашая его приступить к тем же началам. Успех здесь почти несомненен. Но с достоверностью можно сказать, что Североамериканские Штаты едва ли когда-нибудь согласятся признать новое европейское учение о каперстве, прямо противоречащее их исконному обычаю и существеннейшим выгодам. Это-то обстоятельство, без сомнения, имели в виду русские уполномоченные в Париже, когда в 23-м и предпоследнем заседании конгресса, приступая от имени императорского правительства к единогласному мнению прочих уполномоченных о вопросе морского права, граф Орлов присоединил, что русский двор отнюдь не приемлет, однако, на себя обязательства поддерживать это новое начало отмены каперства против тех держав, которые не заблагорассудят сами принять его; вместе с тем, когда конгрессом постановлено, что договаривающиеся державы отныне лишаются права вступить с какими бы то ни было другими государствами в соглашения, основанные на началах, противных новопринятому учению о морском праве, уполномоченные наши оговорили, что правило это не должно иметь обратного действия на те договоры, которые по сему предмету уже были заключены до настоящего Парижского мира.

В самом деле, Североамериканские Штаты, руководствуясь иными политическими жизненными началами, далеко не с европейской точки зрения рассматривают каперство, и американцы при обыкновенном практическом настроении своем не подчиняются слепо европейскому воззрению ради одной лишь чести прославления себя в англо-французских журналах людьми, ставшими в уровень с современными требованиями. Не имея почти вовсе сухопутного постоянного войска и, сравнительно с европейскими державами, в мирное время со-

держа на иждивении своем лишь самое незначительное число военных судов, внешнему блеску постоянных чрезмерных военных вооружений систематически предпочитая обогащение граждан своих через сбережение необходимых на все эти расходы податей и повинностей, американское правительство искусно пользуется одиноким, отдаленным от Европы положением своим и вместе с тем на случай нужды изыскивает для себя иные своеобразные средства безопасности, более дешевые и для него пригодные. Известно, что весь бесчисленный купеческий флот американский строится таким образом, что в случае нужды он немедленно может быть вооружен и обращен в военные суда; по объявлению войны немедленно раздаются всем каперские патенты (*lettres de marque*), и все отдаленные от Европы, наименее защищенные морскими стоянками воды покрываются густой тучей ловцов, от которых трудно ускользнуть неприятельским купеческим судам. В случае войны сухопутное войско также составляется из немедленно ополчаемых охотников. Таким образом, и на море, и на суше американское правительство на случай войны почти исключительно прибегает к народному ополчению, как к средству защиты от врагов и даже наступления; каперство вместе с тем принимает высшее разумное значение, являя вполне законное участие народа в защите своего отечества и представляя на американской почве нечто совершенно аналогическое нашему русскому ополчению или прусскому ландверу и ландштурму. Понято поэтому, что Америка, без сомнения, неохотно отречется от столь подручного, дешевого и страшного для неприятелей орудия своего; это орудие, это всегда готовое ополчение составляет предмет справедливой ее гордости, и не было до сих пор примера, чтоб оно когда-нибудь изменило ей в день опасности; напротив, американскому правительству несравненно всегда труднее умерить, чем возбудить народный жар и патриотические чувства. Справедливо и то, что американский гражданин всегда заранее уверен в чисто национальном характере того подвига, к которому призывает его отечество; он знает наверно, что будет сражаться не за отвлеченные какие-либо начала

или за чьи-либо чужие выгоды, но за родную ему Америку, за преобладание в ней своего отечества или за охранение ее от вмешательства в ее дела держав чуждого ему Старого Света.

Другое государство, еще более нам близкое и которого также непосредственно касается новая теория о каперстве, это – маленькое греческое королевство, по слабости своей лишенное всякого другого оружия против сильных западных морских держав в случае разрыва с ними, но вместе с тем по географическому положению своему, известной предприимчивости и неукротимому патриотическому духу своих островитян призванное, в случае каперской войны, нанести страшные раны западной торговле на Леванте. Особенно важно станет в этом отношении положение Греции, когда имеющее по всем вероятностям вскоре осуществиться прорывие Суэцкого перешейка немедленно обратит на этот новый кратчайший путь всю индийскую мореходную торговлю и сделает из греческого архипелага передовую морскую стоянку, подчиненную русскому влиянию и всегда держащую в руках своих судьбу главной артерии всемирной торговли. Понятно, что при этих обстоятельствах невольно возникает в уме каждого вопрос: успеют ли западные державы, совокупно с Россией носящие звание покровителей возрожденной Эллады, навязать и ей свои новые законы?..

16 апреля (по новому стилю) произошло последнее, двадцать четвертое, заседание конгресса, и большая часть членов его немедленно разъехались после двухмесячного пребывания своего в Париже, куда теперь, в свою очередь, спешили король Вюртембергский, эрцгерцог Фердинанд Австрийский и принц Оскар Шведский. Шумный Париж оживился более чем когда-либо: во время продолжительных дипломатических совещаний родился императору многожеланный им наследник, и пышный город, с равным ликованием всегда встречающий всякого нового цезаря, спешил нести к новой колыбели обычную дань официальных восторгов и обетов неизменной верности.

Между тем накануне дня закрытия конгресса, 15 апреля, подписан в Париже новый тройственный союз Франции, Ан-

глии и Австрии. Новый договор этот довольно долго оставался неизвестен всем, покуда английские министры не внесли его, наконец, в палаты, и оживленные прения не очертили явственным образом его происхождения, существа и цели.

Содержание его изложено в трех коротеньких статьях: договаривающиеся державы гарантируют независимость и целостность Оттоманской Империи, обязуются почитать за *casus belli** всякое нарушение Парижского мирного договора 30 марта 1856 года и обещаются в таком случае немедленно согласиться с Портой и между собой насчет лучшего употребления своих сухопутных и морских военных сил.

Договор, внезапно, таким образом, обнаруженный после окончательного обмена всех ратификаций Парижского мирного трактата, естественно должен был изумить все оставшиеся ему чуждыми европейские кабинеты и вместе с тем сделаться предметом самых разнообразных суждений и пытливых догадок газетного мира. Всех несказанно поражало наружное противоречие, невольно бросавшееся всякому в глаза: явного с одной стороны несогласия двух западных держав с Австрией насчет итальянских дел, с другой, не менее явного и твердого соглашения их насчет Восточного вопроса. Каждый невольно спрашивал себя, как могла Франция в одно и то же время ласкать сослужившую ей службу Сардинию и вступать в теснейшие связи с венским кабинетом, смертельным врагом Савойского дома; как мог лорд Пальмерстон, при всей обычной изворотливости своей, предлагать палатам усиление ссуды, сделанной Сардинии, громогласно уверять их, что не ручается за сохранение австрийского владычества в Северной Италии, поощрять из-под руки преданные себе газеты к самым ожесточенным ненападениям на австрийскую политику в этой несчастной стране, и в то же время с той же самой Австрией входить в искренние тяжеловесные и бессрочные обязательства по вопросу европейской политики, так недавно еще стоившему человечеству потоков слез и крови? Все эти кажущиеся противоречия стали понемногу уясняться лишь

* Повод к войне (*лат.*).

с тех пор, как с раскрытием многих новых фактов начало созревать сознание, что, невзирая на минование кровавой брани, Восточный вопрос не потерял, однако, своей важности, остался по-прежнему главным, существенным элементом европейской политики, хотя, быть может, под временно видоизмененной формой; и что по отношению к нему все прочие политические запутанности занимают лишь далеко второстепенное место, служа западным державам или дешевым средством расплаты со старыми союзниками за отбытые уже услуги, или полезным пугалом для содержания в постоянном страхе и обеспечения себе сколько-нибудь искреннего содействия кабинета, известного своим неисправимым двуличием. Ряд замечательных статей о новом договоре, помещенных в одной из старейших французских газет и не чуждых, говорят, официального внушения, взялся объяснить многое, нам долго непонятное, и напомнить нам многое, что нам невозможно было забыть. Мы узнали из них, что первая мысль этого нового союза принадлежит предусмотрительному венскому правительству, которое, в ту самую минуту, когда бралось предъявить в С.-Петербурге свое решительное ходатайство о прекращении войны, меморандумом от 14 ноября прошлого года уже испросило себе у Франции и Англии обещание союза на случай примирения их с Россией; мы узнали далее, что непосредственной целью западных держав при подписании договора было воспрепятствовать, по возможности, новому сближению трех главных участников отжившего Священного союза и разъединить Германию, где искренняя дружба Пруссии с Австрией легко могла увлечь последнюю в сферу, чуждую влиянию Франции и Англии, и снабдить ее слишком сильными против них гарантиями; мы вспомнили, наконец, что новый тройственный договор не есть в сущности новость, а только повторение и воспроизведение другого подобного же союза, правда, по игре случая, недолго существовавшего, но в глубокой тайне заключенного 3 февраля 1815 года, назло Александру Благословенному, между Людовиком XVIII, за несколько дней до этого им возведенным на престол, и Ав-

стрией с Англией, обязанными русскому оружию низвержением злейшего врага своего.

Сравнительно с существенной важностью этих выгод, французскому правительству, конечно, могли показаться довольно мелкими политические отношения в северной Италии, где значительное усиление Сардинского королевства едва ли не нанесло бы ущерба его собственному влиянию; ему покуда достаточно поддерживать к себе симпатии итальянского народонаселения посредством миролюбивого исходатайствования ему путем дипломатическим некоторых существенных гражданских преобразований и правительственных улучшений.

Лорд Пальмерстон, быть может, охотно пошел бы и далее; но он явно боится переступить грани, положенные его тревожной деятельностью волей французского императора; да и в самой Англии не вполне рассчитывает на поддержку общественного мнения. Над соединенным королевством нависла грозная туча, тяжелым камнем залегшая на сердце государственных мужей ее всех мнений и всех партий: это возможность разрыва с упрямыми и дерзкими янки (уапкее), в густых дебрях и плодоносных степях своих забывшими утонченное обращение, учтивую уступчивость и медоточивую речь европейской дипломатии. Британское правительство согласно на всякую сделку, сколько-нибудь спасающую его честь перед Старым Светом, готово даже принять посредничество недавнего врага, уверено будучи в его высоком беспристрастии; оно сделает все, что может, дабы избегнуть разрыва с неучливым племенем, желающим ведать дела своего полушария помимо всякого постороннего влияния, и столько ограниченным, что никогда не поймет, что вмешательство Англии также законно в Никарагве, как и в Царьграде или Бухаресте. Но, увы! Все дело зависит от слепого случая, от нечаянного, быть может, обмена в американском полушарии между английскими матросами и американскими искателями приключений двух-трех выстрелов, которых лорду Пальмерстону невозможно ни предупредить, ни загладить, если действительно произошла бы такая беда; и поневоле должен Джон Буль готовиться на всякий

случай к новым военным подвигам, усилить свои американские морские стоянки и пересылать подкрепления в Канаду, производя все это втихомолку, чтоб еще пуще не раздражить сварливого противника. Между тем даже и для предприимчивого, дерзкого американца Англия представляет в настоящую минуту опасного врага: еще не разоружившись после упорной брани с Россией, обогатившей ее в деле морской войны немалой долей нового опыта, она недавно потешила себя и венценосную королеву свою зрелищем бесспорного величия своего на море; и гордо должно было забиться сердце каждого британца в Спитгедде, когда раскрылось перед ним море, усеянное и поработанное сотнями паровых судов, большей частью совершеннейшего из ныне существующих устройств, и в полной мере дающих родному острову его право на громкое название «царицы морей». Тщетно пророчили ей враги ее, что введение в судостроение Архимедова винта уравнивает с ее флотом флоты всех народов: она немедленно присвоила себе новое изобретение и немедленно приложила его в огромных, невиданных размерах; и теперь, при бесчисленном множестве принадлежащих ей во всех морях островов и гаваней, при заботливом скоплении на всех, даже отдаленнейших точках огромных запасов каменного угля, при искусном сочетании всех этих необходимых условий для повсеместного успешного действия винтовых судов, она успела как бы укрепить за собою преимущественное употребление нового двигателя и удесятерить для себя пользу его сравнительно с государствами, не имеющими вблизи от главных, даже домашних гаваней своих собственного дешевого угля и принужденными добывать его себе из Англии.

Положение Германии новым тройственным союзом изменилось в том смысле, что взаимные отношения различных составных элементов ее стали яснее и определительнее, и степень прусского влияния на мелкие немецкие правительства несомненно и благотельно усилилась в ущерб австрийскому. Причины, побудившие венский кабинет искать себе нравственной опоры в союзе с западными державами, до того ясны, что распространяться о них было бы, кажется, излишне. Но,

дружелюбно протягивая им руку ради получения от них помощи, Австрия тем не менее не вдруг отказалась от надежды в одно и то же время снискать себе еще важнейшее для себя сочувствие и услуги германского мира – Пруссии и франкфуртского сейма. Даже неудовлетворительная и несколько сухая благодарность последнего за мнимые подвиги, подъятые Австрией на пользу германских выгод в Париже и на дунайских берегах, бессильна была сразу убедить ее в охлаждении к ней чувств Германии. Прекращение Восточной войны положило конец действию оборонительного и наступательного союза 20 апреля 1854 года, доставившего австрийской империи драгоценное обеспечение Пруссией (а вслед за нею и целым Германским союзом) всех разнообразных владений ее, не только немецких, но и внегерманских, славянских, маджарских и итальянских, и совершенно обезопасившего ее на время войны от всякого враждебного притязания, с которой стороны оно ни проявилось бы, с Востока или Запада. Естественное пламенное желание Австрии, при настоящих сложных обстоятельствах своих, достигнуть возобновления в свою пользу этой полезной успокоительной гарантии и притом возобновления ее на возможно долгий срок, если бы посчастливилось, – пожалуй, и на вечные времена, по крайней мере во столько, во сколько в жизни действительно осуществляется формула вечности, с неизменной важностью сопутствующая всем дипломатическим сделкам. Вот почему все газеты наполнены были последнее время слишком правдоподобными слухами о тайном поручении, данном при прусском дворе отправленному туда из Вены престарелому князю Виндишгрицу, появление которого в Берлине было вообще по многим семейным его обстоятельствам неожиданно и возбудило во всей Германии сильнейшее любопытство. Слухи эти усилились до того, что полуофициальные венские газеты, обыкновенно столь почтительно скромные, в сердцах разболтались не на шутку и в самых желчных выражениях спешили опровергнуть неблагоприятные известия, как ложь и клевету на мнимую слабость австрийского правительства. Как бы то ни было, публика осталась при своем

мнении; и по крайней мере отныне стало ясно для всех, что ни Пруссия, ни сам франкфуртский сейм не согласны в настоящую минуту слепо прислуживать Австрии, покуда она будет держать себя в таком недвусмысленном отдалении от прежних своих доброжелателей.

После всего сказанного можно поверить словам лорда Пальмерстона в английских палатах и некоторых газет французских и австрийских, пользующихся высшими внушениями, что последнему договору 15 апреля не сопутствуют никакие статьи, втайне между собою обусловленные всеми тремя державами. Действительно, самая непосредственная цель договора так же ясна, как явно и открыто была выражена всеми газетами: никто уже давно не скрывает ни сущности его, ни побуждений трех правительств, как некогда скрывали три кабинета договор 1815 года. Да и, с другой стороны, трудно было бы отыскать другой какой-либо вопрос, кроме разрешенного обнаруженным договором, в котором все три правительства имели бы столь общие интересы и убеждения, что могли бы прийти до общего предварительного установления целей своих, нуждающегося в тайне. Заранее заготовленный раздел Турции столько же немислим, сколько был бы безрассуден ввиду чуждых этой политике России и Пруссии; а тайно связать руки Сардинии в Северной Италии никогда не посмеет ответственный министр Англии и не захочет император французов, бесспорно нуждающийся в сохранении полной свободы своих действий на этом поприще. И без того уже обманутая западными державами в ожиданиях своих, Сардиния бессильно протестовала нотой французскому правительству от 16 апреля против недостаточных, по ее мнению, решений конгресса относительно итальянских дел. Она ищет ныне сближения с другими государствами, прежде всего с дружелюбной к ней Россией, Испанией, Бельгией, франкфуртским сеймом, Пруссией, и спешит при первых четырех аккредитовать своих поверенных; бодрая и твердая в убеждениях своих, она мужается против встреченных препятствий, подобно пылкому юноше, переходящему в зрелый возраст, впервые изведавшему недостаточность одного

заботливого лелеяния любимой мечты, чтобы на деле достигнуть осуществления ее, и убедившегося в необходимости тяжелого, упорного, часто неблагоприятного труда.

Жертва предупредительной дружбы, Оттоманская империя изнемогает под бременем предписанных ей улучшений. Улицы всех городов ее, больших и малых, непрестанно обгаются кровью, проливаемой то во имя вводимых преобразований, то ради упорного их отвержения. Верховный визирь, странствуя между Лондоном и Парижем, непрестанно и, может быть, безнадежно, передает по телеграфу государю своему советы, нелегко осуществимые. В некоторых местах империи, особенно в Северной Аравии, правоверные отменили в мечетях молиться за прежде священную для них особу султана, непрестанно издающего мудреные законы для непонятого мусульманину уравнивания всех племен и всех вероисповеданий. А между тем министры английской королевы утверждают в палатах, что обеспечить целостность Турецкой империи не значит гарантировать владычество турок в Турции*.

Для России вместе с миром наступила новая дипломатическая эра, и заслуженный ветеран европейской политики, многолетнее поприще которого протекло между двумя знаменательными эпохами конгрессов Венского и Парижского, дожив до глубокой старости, передал кормило дипломатических сношений России новому министру иностранных дел, князю Горчакову. Тройственный союз 15 апреля только возвратил России полную свободу действий ее во внешнем мире, ибо безрассудно было бы мечтать, что может быть извне ослаблена и изолирована держава в 65 миллионов жителей. Для убеждения в том западных держав достаточно было бы им вспомнить у всех на глазах находящийся пример, конечно, менее могущественной Франции. В настоящую минуту развития человечества важно прежде всего внутреннее, самобытное, духовное развитие и преуспеяние народов, естественно за собой влеку-

* Лорд Абердин публично говорит, что без деятельного вмешательства европейских правительств торжественный фирман султана не стоит и того лоскутка бумаги, на котором он написан.

щее вещественные улучшения и размножение предметов народного богатства и вместе служащее лучшим залогом разумных сочувствий извне. К этим мирным подвигам призвано ныне отечество наше благой державной волей Государя и к ним побуждается также собственным влечением.

Будем твердо надеяться, что Провидение благословит совокупные действия царя с его народом и подарит России в грядущем неизменно счастливые дни на благо всему Восточному миру.

Обозрение внутреннего законодательства

Мы пытались в первых книгах «Р. беседы» изложить в главных чертах политические отношения России к Европе и рассмотреть исход последней ожесточенной борьбы их, борьбы, завещанной им историей и ныне на время прекратившейся. Но рядом с этими явлениями внешней жизни идет внутренняя жизнь народа и государства, всегда составляющая существеннейшую, драгоценнейшую сторону развития народного духа, а ныне в особенности представляющая нам явление тем любопытнейшее, тем важнейшее, что она должна заключать в себе ответ на многие запросы и требования, возникшие вследствие последней войны. В этом-то неразрывном единстве, в этой взаимной ответственности внутренней и внешней жизни народов и заключается, без сомнения, нравственная законность тех кровавых международных столкновений, которыми государства взаимно испытывают свою внутреннюю крепость, это единственное и непреложное мерило и внешнего их влияния. Война, искусственно возбуждая напряжение всех сокровенных сил государства, натягивая все струны внутренней жизни до возможных пределов, вместе с тем безжалостно изобличает все слабые или темные стороны ее, обнаруживает сравнительную несостоятельность одного государства перед другим

в том или другом отношении и спасительно охраняет народы от преждевременного усыпления. Это явление в значительных размерах обнаружилось в Англии, ему, без сомнения, суждено отозваться и во всех прочих государствах, принимавших деятельное участие в последней борьбе.

Тем не менее самое время продолжения военных действий есть минута, без сомнения, мало благоприятствующая немедленному развитию внутренних учреждений; достаточно уже и того, если в такую трудную минуту кинуты хотя первые семена их, положены первые начинания тому, чему со временем суждено на твердом основании упрочить вещественное благосостояние и духовное развитие народа. В особенности важно, когда таковые начинания сопряжены с делом милосердного забвения давно минувших заблуждений. Теперь, когда еще теснее скреплена едва совершившимся торжественным венчанием Государя на царство и принятием Святого Миропомазания неразрывная связь народа со своим царем, будет более, нежели когда-либо, кстати изобразить в быстром очерке совокупность законодательного движения с 18 февраля 1855 по 26 августа текущего года.

Законы, изданные в этот краткий промежуток времени, говоря вообще, не весьма многочисленны: законодатель, очевидно, имел в виду, не расточая вотще деятельности своей, ограничиться воздействием на существеннейшие стороны народной жизни, вековым опытом убежденный, что не численность мер, но внутреннее достоинство их и строгое соответствие действительным современным потребностям народа обеспечивают правильное и прочное влияние правительства на историческое развитие государства. Весьма любопытно сравнение чисел законодательных распоряжений, завещанных Полному Собранию Законов четырьмя последними царствованиями; числа эти представляются нам в такой последовательности: от императрицы Екатерины II (1762–1796) осталось 5 948 узаконений; от императора Павла I (1796–1801) – 2 249; от императора Александра I (1801–1825) – 10 821; от императора Николая I (1825–до 1 января 1855) – 30 366. Таким обра-

зом, среднее число указов, ежегодно выходившее в течение этих четырех царствований, постоянно колеблясь сообразно самой системе управления и, конечно, отчасти усиливаясь также вследствие неизбежного с течением времени развития дел государственных, доходило от 175 до 500, 450 и 1047. Незабвенная для России эпоха Екатерины вновь поражает нас при этом, независимо от внешнего блеска и величия своего, еще и той неподдельной простотой в приемах управления, которая внушается лишь истинным гением и глубоким умением пользоваться для достижения мудрых своих целей могучими средствами, всегда присущими самодеятельности общественной. Благоразумно доверчивая к местным властям и чуждая теоретической мысли сосредоточения в высших сферах всех мелочей управления, чуждая также стремлению к хозяйственным монополиям и всегда готовая дать свободный простор личной деятельности каждого, счастливо сочетав искреннее уважение к умственным преданиям старины с редким сочувствием ко всему полезному в учреждениях иноземных, Екатерина умела довольствоваться неторопливой законодательной деятельностью и тем не менее действием власти своей проникать всюду, где требовали того истинная польза и слава народная.

Предметом настоящего обзора, без сомнения, не может быть исчисление всех без изъятия законоположений, изданных в течение последних годов, мы должны будем удовольствоваться перечнем лишь главнейших и существеннейших из них, тех именно, в которых наиболее ясно отразилась связующая их мысль, высказанная в обещании памятного для всех Манифеста 19 марта: «При помощи Небесного Промысла, всегда благодеющего России, да утверждается и совершенствуется ее внутреннее благоустройство: правда и милость да царствуют в судах ее; да развивается повсюду и с новой силой стремление к просвещению и всякой полезной деятельности; и каждый под сенью законов, для всех равно справедливых, всем равно покровительствующих, да наслаждается в мире плодом трудов невинных. Наконец, и это есть первое, живейшее желание наше, свет спасительной веры, озаряя умы, укрепляя сердца,

да сохраняет и улучшает более и более общественную нравственность, – сей вернейший залог порядка и счастья».

Изданные законы относятся частью к распространению народного образования, к развитию общественного богатства, частью к усовершенствованию государственного устройства и управления; они довершаются, наконец, целой драгоценной совокупностью мер милосердия. О многих существенных преобразованиях, введенных в ведомстве военном, и особенно в устройстве морских сил, с недавнего времени, под влиянием особенных обстоятельств, принявших новое, живое и чрезвычайное развитие, мы, к сожалению, здесь упоминать не будем, как о предметах, требующих по преимуществу изучения специальных ценителей и знатоков.

Стремление к распространению света образования, как необходимого начала народной жизни и вместе с тем существеннейшего орудия правительственной власти во всех ее благих предназначениях, всегда является первой заботой последней. Эта простая и ясная мысль, лишь изредка затемняемая в истории непонятным страхом мнимой непримиримости духа истинного просвещения с необходимыми внешними условиями порядка и тишины, постоянно сопутствовала всем лучшим эпохам нашей отечественной истории. Воле ныне благополучно царствующего Государя обязаны полным возрождением своим университеты, эти могущественнейшие и вернейшие рассадники общественного образования, ведущие у нас родословную свою от дочери Петра Великого и в круге деятелей просвещения решительно не заменимые никакого другого рода учебными учреждениями; несколькими друг за другом вскоре последовавшими Высочайшими повелениями, от 23 ноября 1855 и 5 марта 1856 года, вновь разрешен прием на все факультеты университетов неограниченного числа студентов, утверждены права их при вступлении в военную службу, и повелено вновь отправить от университетов за границу по несколько человек для усовершенствования в науках и ознакомления с ними в том виде, в каком они ныне выработались на Западе. Вместе с тем указом от 27 декабря

1855 года вновь предположено отделить учебные округа от ведомства местных генерал-губернаторов и подчинить по-прежнему особым попечителям, что постепенно и приведено уже везде в исполнение; Императорская публичная библиотека, вследствие особенного относительно ее распоряжения, сделана еще доступнее и еще более открытой для любознательной публики; в Москве разрешено основание двух новых повременных изданий – «Русской беседы» и «Русского вестника»; в учебных заведениях гражданского ведомства не приказано помещать военных чинов в должности надзирателей; наконец, именным указом Правительствующему Сенату от нынешнего 5 мая Министерство народного просвещения взыскано высокой честью быть поставленным под непосредственное наблюдение Государя императора; вновь определены отношения министра к Главному правлению училищ, важнейшие журналы последнего повелено представлять непосредственно на императорское воззрение в подлинниках; в случае разногласия министра и Главного правления предписано оба мнения особым докладом повергать на Высочайшее решение, и при Главном правлении восстановлен Ученый комитет. «Признавая, – гласит указ сей, – одной из самых важных государственных наших забот образование народное, как залог будущего благоденствия нашей возлюбленной России, Мы желаем, чтобы учебные заведения ведомства Министерства народного просвещения находились под ближайшим нашим наблюдением. В этих видах, оставляя управление Министерством народного просвещения и подведомственными ему учреждениями в настоящем устройстве, мы признаем нужным о всех важнейших распоряжениях иметь постоянные сведения...». Таким образом, вновь упрочено на твердом основании гражданское просвещение и предоставлены ему средства к беспрепятственному его распространению в народе. Свободные от всех внешних ограничений, столько не сродных их в высшей степени общительному духу, вновь торжественно ободренные царской о себе заботой и в лице старейшего из среды своей обрадованные недавно милости-

вым посещением Государя, университеты отныне вступают в новую эпоху своего существования, без сомнения, обильную и новыми трудовыми подвигами во имя науки, и зрелыми плодами истинно народного просвещения.

Между тем другой важнейший деятель народного образования, ближайший из всех к народу, доступнейший ему и, без сомнения, призванный иметь на него существеннейшее влияние, не оставался также чужд попечению о нем правительства: мы говорим о сельском духовенстве. Двумя Высочайшими указами Святейшему Синоду, от 19 марта 1855 года и 9 апреля 1856 года, несмотря на чрезвычайные расходы и тягости военного времени, повелено, в дополнение к прежде уже разновременно назначаемым 2 815 000 руб. сер. на содержание церковных причтов в епархиях, отпускать еще ежегодно из государственных доходов 200 000 руб. сер. на производство жалованья сельским причтам в остальных пяти уездах Вологодской епархии, еще не воспользовавшихся этим благодетельным вспомоществованием, во всей костромской епархии, в трех уездах епархии Пензенской, именно Пензенском, Чембарском и Мокшанском, и, наконец, на улучшение содержания причтов городских и сельских в области Якутской, назначенного им еще в 1849 году. Такое обеспечение вещественного благосостояния сельского духовенства должно, конечно, в соединении с усовершенствованием образования его в местных семинариях, лучше всего будет способствовать к упрочению за ним в обществе бесспорно принадлежащего ему почетного места, как сеятелю в народе христианского учения и проводника свободного духовного просвещения, из всех просвещений наиболее сродного и наиболее сочувственного русскому миру.

Не менее вопроса о народном образовании должен был обратить на себя внимание правительства вопрос об усилении, по мере возможности, средств к развитию народного богатства и упрочению вещественного благосостояния государства, как посредством облегчения торговых сношений с другими народами, так и через устранение всякого рода стеснений в сбыте собственных произведений наших внутри пределов самого от-

ечества нашего и поощрение частных деятелей к образованию товариществ для разных промышленных предприятий.

В первом отношении главные изменения введены в торговле кяхтинской¹, самые основные начала которой преобразованы Высочайше утвержденным 1 августа прошедшего года положением Сибирского комитета, а именно: во-первых, вместо прежде существовавших ограничений торговли купцов наших и китайских общественными расценками и положениями установлен впредь размен товаров по вольным ценам; во-вторых, разрешен при этом отпуск за границу через Кяхту золотой монеты с тем, чтоб она вывозима была не иначе, как совокупно с товарами, и чтоб при каждой торговой сделке ценность выпускаемых драгоценных металлов не превышала $\frac{1}{3}$ ценности промениваемых при этом мануфактурных и $\frac{1}{2}$ пушных товаров. Время, без сомнения, лучше всяких гадательных доводов вполне оправдывает эту меру, вызванную многолетним уже застоєм нашей кяхтинской торговли при преобладании прежней устаревшей системы; для осуждения последней достаточно будет указать на красноречивые цифры, собранные в известных сочинениях гг. Тенгоборского и Небольсина и подтверждаемые единогласными показаниями самого купечества нашего. Говоря о торговле кяхтинской, не излишне будет заметить, что невыгодный так называемый торговый баланс, причиняющий значительный вывоз драгоценных металлов и столько вообще нас утрашающий, не есть явление, исключительно принадлежащее торговым сношениям с Азией нашего отечества; напротив, оно повторяется и в азиатской торговле всех прочих европейских народов, обуславливаясь, с одной стороны, сравнительным богатством Европы, дозволяющим ее жителям в значительном количестве требовать для своего потребления всех предметов роскоши, коими изобилует Азия, с другой же – бедностью, низкой степенью образованности и мало развитыми потребностями жителей Востока, вследствие которых они еще не пользуются многими произведениями европейской промышленности и мало спрашивают их для себя, предпочитая им другого рода товар – золото и серебро.

Другая важнейшая ветвь нашей заграничной торговли – сахар – подверглась также некоторому преобразованию: установленная общим тарифом 1850 года пошлина с сахара-сырца по морскому привозу в 3 руб. 80 коп. сер. понижена во всех портах империи на 80 коп. сер., т.е. до 3 руб. с пуда, начиная с 1 августа текущего года, и вместе с тем разрешен привоз из-за границы сахара рафинада в головах с пошлиною по 5 руб. с пуда. Необходимым и, без сомнения, благотворительным для народного потребления последствием нового учреждения будет среднее понижение цены на сахар у нас, если не совсем на 80 коп. сер. с пуда, то по крайней мере на цифру, к тому довольно близкую. Это понижение цены, естественно, должно будет совершиться за счет отечественных свеклосахарных заводчиков, и притом, смеем думать, оно окажется всего менее чувствительным для владельцев больших паровых заводов, коим обработка свеклы, а, следовательно, и самый сахар, обходится дешевле, чем владельцам малых огневых заводов, перенесется, вероятно, и последними и не побудит к закрытию их заводов, тех из них, которые производство свое ведут правильно. Невозможно было бы думать того же о привозной пошлине, еще низшей против той, которая ныне установлена правительством, если бы таковая была введена. Можно утвердительно сказать, что с понижением по морскому привозу пошлины с сахара-сырца ниже 3 руб. сер. с пуда должно неминуемо начаться постепенное закрытие огневых свеклосахарных заводов, составляющих, впрочем, в сельскохозяйственном отношении не бесполезнейшую часть всей этой отрасли народной промышленности и, быть может, даже оставляющих позади себя в этом отношении большие паровые заводы. В случае чрезмерного понижения привозной пошлины на сахар положение небольших сахарных заводов сделалось бы тем затруднительнее и тем более достойным внимания и сожаления, что у нас, вследствие особенных условий рабочего устройства и при совершенном недостатке вольнонаемных рабочих, весьма часто было бы владельцам таких заводов, даже и при денежных средствах, далеко не так легко усили-

вать их и переделывать их на паровую систему, как это было возможно и легко в остальной Европе. Вследствие этих-то соображений правительство, вероятно, и старалось оградить правильное домашнее развитие свеклосахарной промышленности, обеспечив ее тем же высочайше утвержденным мнением Государственного совета на 6 лет от всякого дальнейшего понижения привозной пошлины или повышения акциза на домашнее производство. Такая заранее объявленная определенная срочность для действий тарифов и акцизов в высшей степени благоприятна промышленным оборотам, вполне ограждая на известный срок предприимчивого капиталиста и вместе с тем всегда указывая ему на предстоящую опасность. Само собой разумеется, чем назначаемый срок длиннее, тем с меньшим риском сопряжено всякое промышленное предприятие: поэтому, например, немецким таможенным союзом был утвержден срок 10-ти летний для периодического пересмотра и исправления тарифов.

Чрезвычайная дороговизна хлебная, в течение прошлого 1855–1856 года посетившая не одну только Западную Европу, но отозвавшаяся и у нас почти повсеместно, в особенности же в краях новороссийском и белорусском, вызвала у правительственной заботливости еще две особенные меры в виде изъятия из обыкновенного течения дела: высочайшими повелениями 12 августа 1855 и 20 марта 1856 года дозволен под известными условиями ввоз вина и спирта, сперва из губерний великороссийских в новороссийский край, а впоследствии и в Могилевскую губернию из Великороссии же и из остзейского края. Благодетельная льгота эта является, конечно, мерой временной в законодательстве нашем, строго различающем средства заготовления вина в двух главных полосах, на которые в этом отношении разделена Россия. Но если взять во внимание очевидную обоюдность выгод временно введенного порядка, как для губерний великороссийских, всегда стесненных в сбыте хлеба своего, так и для края белорусского и новороссийского; если вспомнить, что в последнем цены на хлеб определяются преимущественно рынком европейским и поэтому са-

тому часто поднимаются вне всякого соответствия с ценами бесбыточных областей средней России, в Белоруссии же они постоянно в значительных размерах превышают последние, вследствие слишком часто повторяющихся, к сожалению, в том крае неурожаев; если в таком случае ввоз туда из Великобритании вина не есть стеснение, но лишь истинное благодеяние для владельцев тамошних, ибо им сберегается потребление на винокурение частицы туземного хлеба, и без того недостаточного для прокормления местных жителей; если вспомнить, наконец, что при всеобщем отсутствии у нас путей сообщения и громоздкости товара хлебного, не выносящего вообще расхода на дальнюю гужевую перевозку, хлебная торговля в пределах империи не может быть почитаема безусловно свободной, покуда существуют искусственные преграды к повсеместной развозке его в виде спирта, – то как не порадоваться еще более и еще искреннее временно испытываемым мерам и как не пожелать от глубины души для блага русских земледельцев счастливого упрочения сих мер в виде общего и постоянного на будущее время закона?

Между тем правительство, открывая, таким образом, для внутренней хлебной торговли отдаленнейшие рынки обширной империи, спешило вместе с тем вызвать к усиленной деятельности предприимчивость частных лиц, усердно поощряя быстрое образование новых товариществ и державным маниемом указуя им, как на полезную и близкую цель, на умножение искусственных пароходных сообщений по главным рекам России и самое порабощение себе морей Черного и Средиземного, этих по преимуществу русских путей торговли: ибо здесь Европа является добровольной данницей России. 15 июля текущего года утвержден устав товарищества донского пароходства, кроме перевозки грузов имеющего в виду важный для России предмет распространения потребления домашнего антрацита; 20 июля утвержден устав общества пароходства по рекам Оке, Волге и Каме под фирмою «Русалка», наконец, 3 августа утверждено «Русское общество пароходства и торговли» по примеру Российско-Американской компании, состоящее

под Высочайшим Его Императорского Величества покровительством и учрежденное для развития торговли южного края России и пароходных, – как торговых, так и почтовых – сообщений этого края с русскими иностранными портами.

Естественно, учреждение всех этих новых промышленных обществ, предвидимое устройство железных дорог в Южной России и содержание в Черном море военных судов, исключительно паровых, должны были вызвать со стороны правительства изменение постановлений, которыми определялось доселе право добывания каменного угля в земле Войска Донского, этого драгоценнейшего вместилища огромных копей лучшего антрацита. Только при существовании свободного доступа частной промышленности и частных капиталов к этим без того втуне лежащим естественным богатствам, при образовании свободного, ничем не стесняемого соперничества между производителями нового промысла и при отводе им рудниковых мест на возможно продолжительный срок, если не на вечные времена и не в полную собственность, можно было ожидать начала значительных разработок каменноугольных копей, основанных на здравых началах горной науки, способных удовлетворить непрестанно возрастающим требованиям промышленности и могущих в скором времени понизить существующие цены на новое топливо до степени, делающей его доступным для самого скромного, а, следовательно, и самого общего потребления. В этих-то видах состоялось высочайше утвержденное 7 августа текущего года Положение Военного Совета: разработка каменного угля на Дону, во избежание всяких монополий, торжественно объявлена промыслом свободным и всем без исключения открытым со взносом в пользу Войска Донского по $\frac{1}{2}$ коп. сер. с каждого пуда каменного угля, вывозимого с мест разработки; дозволено неограниченное составление товариществ для добывания его и свободная его продажа, как в пределах земли Войска Донского, так и вне пределов его, в остальной России; определены правила, по коим должны быть на двадцатилетний срок отводимы рудники, компаниям – площадью в квадратную версту, а частным

лицам из Войска Донского – площадями в 2500 и до 5000 квадратных сажен; промышленникам обеспечена совершенная свобода в выборе способов разработки, лишь бы соблюдены были правила горной науки относительно устройства шахт и штолен, освежения воздуха в рудниках и определения необходимой отливки из них воды, дабы не подвергались опасности жизнь и здоровье рабочих. Таким образом, положено навеки твердое основание делу, обещающему России несметные выгоды в ближайшем будущем, освобождающему ее навсегда от тягостного данничества и зависимости от Англии, доставлявшей нам большую часть потребляемого нами каменного угля, и наконец, снабжающему нас новыми огромными средствами воздействия и влияния на Восток посредством возможного отселе развития в чрезвычайных размерах промышленных сил Южной России. Несомненная важность всех сих вещественных приобретений конечно понятна каждому мыслящему человеку. За ними последовало еще одно торжественное обещание, украсившее первые же страницы исполненного царственных щедрот Манифеста от 26 августа и всеми сословиями государства принятое с нелицемерным выражением всеобщей искренней радости: мы говорим об имеющей открыться в скором времени 10-й народной ревизии, необходимость которой столь живо ощутилась всеми. Этой в высшей степени благодетельной мерой вновь развертываются все общественные тягости между всеми сословиями и обществами в России; ею вновь установится всеобщая уравнительность налогов и повинностей, столько необходимая для процветания народного и пользы государственной; будем твердо надеяться, что и сами числа и цифры, имеющие быть ею собранными, будут заключать в себе счастливое повторение многих знаменательных данных, добытых ее непосредственной в порядке переписей предшественницей, и что места и лица, коим поручено будет производство самой ревизии, воспользуются этим вернейшим и единственным средством для собрания точных числовых данных за истекшее шестилетие о движении народонаселения между сословиями и переходах лиц из одних состояний в другие.

Преобразования и улучшения, в последнее время введенные в государственном управлении и устройстве, столько же разнообразны, сколько они оказались полезными и соответствующими живо ощущавшейся в них потребности. Они состояли частью в преобразовании управления местного, частью в упрощении и улучшении сложного механизма управления центрального, частью, наконец, в многочисленных льготах, оказанных всем почти сословиям и состояниям государственным и коснувшихся самых задушевных их выгод и жизненных отношений.

В отношении к местному управлению введены два главные изменения: высочайшим указом 17 февраля 1856 года упразднены должности генерал-губернаторов в губерниях Черниговской, Полтавской и Харьковской, а также в Витебской, Могилевской и Смоленской; причем предписано управление в этих губерниях установить на правилах общего губернского учреждения; а действия канцелярий, при обоих генерал-губернаторах состоявших, прекратить, передав находящиеся в производстве их дела в канцелярии гражданских губернаторов; дела же общие представить в Министерство внутренних дел. Другим предшествовавшим указом от 11 ноября 1855 повелено было отменить постановление 1853 года о том, чтобы в случае выбытия из службы избранных от дворянства земских исправников они замещаемы были коронными чиновниками, а не выбранными от дворянства кандидатами своими. Первая из этих полезных мер, без сомнения, внушена, с одной стороны, стремлением к сбережению значительных штатных расходов, сопряженных с управлением генерал-губернаторским и желанием, устранив одну административную инстанцию, ускорить местное делопроизводство; с другой – совершенным минованием в вышеозначенных губерниях местной нужды в особом роде управления, учрежденном там еще в то давнее время, когда того требовали давно исчезнувший ныне пограничный характер этих областей и некоторые особенные политические соображения. Выборное начало в местном управлении, вновь вполне восстановленное узаконением об исправниках,

составляет древнейшее и драгоценнейшее предание нашей отечественной администрации, тщательно сохраненное в ней законодательством в течение многих веков и среди всеобщего крушения древних учреждений устоявшее вопреки всех преобразований начала XVIII века. В этом отношении Россия представляет разительное сходство с другим государством, на противоположной оконечности Европы лежащим и всех более подходящим на наше отечество по крепости внутреннего устройства своего и строго охранительному характеру (мы говорим об Англии), резко отличаясь вместе с тем от сосредоточенной донельзя Франции, где местная община в конец лишена всякой самобытной политической жизни и является уже лишь только отдаленнейшим, бесцветным звеном растянутой административной цепи. Это особенное свойство местного, так сказать, земского управления в Англии недавно в высшей степени поразило отличного французского мыслителя и оратора Монталамбера, автора замечательного сочинения «О политической будущности Англии», заключающего в себе, несмотря на памфлетический отчасти характер свой, столько возвышенных и здравых мыслей об условиях, необходимых для правильного развития и преуспевания всякой народности. «Лорды наместники, – говорит он, – шерифы и мирные судьи, члены обвинительных присяжных судов, комиссары дорог и общественных зданий, словом, все то, что в Англии соответствует французским префекту полиции, прокурорам, низшим судебным инстанциям и управлению путей сообщения, все это не суть люди, извне самого общества взятые, получающие из государственного казначейства жалованье и назначаемые от правительства, – нет, все они избраны из среды местных землевладельцев и, продолжая жить каждый у себя дома, свободно, безденежно и ловко заправляют земскими делами. Люди без имени и состояния в Англии так же часто, как и в республиках или монархиях неограниченных, достигают высших государственных должностей и часто даже успевают стать у самого кормила правления, но несравненно реже случается и гораздо труднее им получить вес и значение в провинции

или даже в большом каком-либо городе, если предварительно не сделаются они там землевладельцами». Монталамбер сетует о стремлении века к постепенному сокрушению этих особенностей английской жизни и вызывает правительство и общество положить этим стремлениям спасительный предел. «Пора, – продолжает он, – государственным людям признать, что всеобщее и безмерное алкание общественных должностей есть бесспорно худшая из общественных язв. Поэтому настоящая административная реформа должна бы состоять в энергическом отпоре демократическим стремлениям, вследствие коих служебные места распложаются без меры, должности, некогда бессменные или избирательные и не сопряженные ни с какими денежными окладами, вверяются чиновникам на казенном жалованьи, произвольно назначаемым и сменяемым от правительства, и бесконечно осложняется ответственность пред общественным мнением власти, невольной изнемогающей под тяжелым бременем ею самой возбужденных, ненасытных искательств, непримиримых озлоблений и беспомощной преданности некоторых. Все англичане, истинно преданные отечеству своему, должны бы вступить в тесный между собою союз для дружного отпора этому перенятому с материковой Европы наплыву бюрократии, которая постепенно точит ее древние учреждения и может вскоре поглотить ее благосостояние, свободу и славу».

Высочайше утвержденным в 10 день августа 1855 года мнением Адмиралтейств-Совета распространены на директора Строительного департамента Морского министерства и на общее присутствие этого департамента правила, по которым уже прежде была дарована прочим хозяйственным департаментам морского министерства большая власть относительно распоряжения казенными суммами, и этим значительно сокращено письмоводство, и самое делопроизводство чрезвычайно ускорено.

7 апреля 1856 года высочайше утвержден рапорт морского министерства об учреждении при иркутской Полевой провиантской комиссии морского отделения для распоряжения под

ведением генерал-губернатора Восточной Сибири провиантскими, комиссариатскими, артиллерийскими и кораблестроительными делами морского ведомства Восточной Сибири, так как, по отдаленности портов ее от С.-Петербурга, происходили до того времени затруднения и медленность в снабжении их и флотилии тамошней нужными припасами, и являлась совершенная невозможность надлежащим образом поверять в Морском министерстве как требования местного начальства, так и отчеты его в произведенных им расходах.

Высочайшим указом 20 июля препровождено в Правительствующий сенат для введения в действие вновь составленное издание Свода военно-уголовных законов, признанное необходимым, как выражено в самом указе, «по неудобству употребления изданного в 1839 году Свода военно-уголовных законов, в большей части статей измененного девятью прибавлениями Свода и другими постановлениями...».

Последние и знаменательнейшие узаконения обозреваемого нами периода суть Высочайший манифест 26 августа и совокупность в тот же день появившихся указов Правительствующему сенату. Неисчислимы вещественные облегчения, дарованные ими отдельным лицам в искупление от тяжких недоимок, штрафов, начетов и взысканий; безмерна благодетельность милосердия, с трогательным обилием излитая в этот день на тысячи горестей, любовно целившая все без различия встречавшиеся на ее пути душевные язвы человечества. Любовь современников и благодарная память потомства да свидетельствуют об этих подвигах царственного благочестия. Нам предстоит лишь исчислить в немногих словах законодательное содержание этих указов, касающееся всего организма общественного и государственного.

Первой льготы удостоились храбрые воины наши сухопутного и морского ведомства, как бы в заслуженную награду за недавно пролитую ими кровь: мы говорим о преобразовании в учреждении кантонистов. Всем известное сословие это принадлежит к древнейшим учреждениям новой, петровской России, хотя нынешнее наименование свое оно получи-

ло гораздо позднее: так называемые статьи, состоявшиеся на Генеральном дворе в Преображенском, 1700 года декабря 23, объявив по всему государству набор солдат из охочих людей, какого бы ни были они сословия, вместе с тем постановили, чтобы в случае записки в солдаты людей помещичьих, имеющих детей, за помещиками оставляемы были бы в крепости солдатские дети, свыше 12-летнего возраста; всех остальных же, кто моложе 12 лет, велено брать к отцам. Петр I предполагал впоследствии этими солдатскими детьми пополнять ряды нового регулярного войска своего и избегнуть через то необходимости в частых рекрутских наборах, в то время бывших истинным пугалом для народа; с другой стороны, указанное выше распоряжение его имело похвальную цель обеспечить содержание на казенный кошт малолетних детей солдатских, часто не имевших даже матерей и во всяком случае лишенных верного призрения. В этих видах инструкцией о ревизии, пунктом 20, повелено было переписать всех солдатских детей и определить их в военную службу, что подтверждено еще указом 1734 года, октября 16. Вместе с тем указами 1732 года, сентября 21, 1735 года, июля 9, и 1736 года, октября 21, велено причислить к военному же ведомству всех солдатских детей, родившихся во время нахождения отцов их на службе, предписано устраивать для них школы при гарнизонах и, наконец, завести школы полковые и распределить всех солдатских детей по этим полковым школам. В 1738 году, указом 6 августа, положено даже основание обучению их разным мастерствам, в которых велено упражнять детей к грамоте неспособных. Замечательно, что в 1736 году, несмотря на значительный уже состав регулярного войска и на 36-летнее введение в действие положения об обращении в военное ведомство солдатских детей, число последних, вероятно, вследствие многих неблагоприятных причин для размножения их и несовершенства учреждения, не только было далеко недостаточно для укомплектования войска, но даже, как видно из самого указа, доходило только до ничтожной цифры 4000 человек. Тем не менее под влиянием ощутительного стремления всей новой истории нашей к обе-

спечению каждого отправления общественной жизни созданием для него особенного состояния, мало-помалу утвердилось и окрепло новое сословие, невзирая даже на преходящие отступления. Так, например, самая первоначальная мысль Петра о необходимости даровать солдатским детям обеспеченное казенное призрение была временно упущена из вида: сенатским указом 1744 года, июля 11, предписано малолетних детей солдатских, до 6-летнего возраста, отдавать на прокормление родственникам их со взятием с последних расписки и обязательства по достижении 6-летнего возраста представлять их в гарнизонные школы; сирот же и детей, родственники которых не в состоянии прокормить их, велено отдавать и записывать в крепость за всяким, кто только пожелает их взять к себе. Само собой разумеется, постановление это было впоследствии отменено, и учреждение кантонистов постепенно развилось и образовалось в том виде, в котором застал его манифест 26 августа. Отныне законодатель, обеспечив лишенным средств домашнего призрения солдатским детям и сиротам продолжение своего благотельного над ними опекунства, раскрыл им вместе с тем широкий путь к возвращению в жизнь гражданскую, дозволив родственникам, воспитателям и даже всем благотворительным лицам свободных состояний просить о возвращении себе детей своих или об отдаче себе сирот на полное попечение и воспитание. Приведем подлинные слова высочайшего манифеста:

«1. Всем вообще отставным солдатам, водворенным постоянной оседлостью в городах, посадах, местечках, в имениях казенных, удельных, однодворческих, горнозаводских, дворцовых и прочих местах, населенных людьми свободных состояний, возвращать, буде пожелают, всех сыновей их, состоящих и числящихся в военно-сухопутном и морском ведомствах, исключая поступивших уже на действительную службу в полки и команды, морские экипажи и иные части армии и флота.

2. На том же самом основании возвращать солдатским вдовам, по желанию их, всех или некоторых из сыновей, если сами они имеют достаточную для того оседлость и примут их на прочное при себе водворение.

3. Родственникам и воспитателям малолетних солдатских детей предоставить водворить их при себе на прочную оседлость, если они имеют к тому возможность, местным начальством достаточно удостоверенную.

4. Солдатских и кантонистских сирот, а равно и незаконно-рожденных, военному ведомству принадлежащих и не достигших 14-летнего возраста, отдавать благотворительным лицам свободных состояний на полное их попечение, если они пожелают принять их в состав своих семейств, но не иначе, как по удостоверению местного губернатора о доброй нравственности лиц, желающих принять сих детей на свое попечение, равно как и о состоятельности их устроить оседлость своих питомцев.

5. Всех возвращаемых на основании предшествующих четырех пунктов сей статьи кантонистов и иных детей, ныне в военном и морском ведомствах числящихся, исключить из оных навсегда, прекратив со дня сего исключения и определенное на них от казны продовольствие и содержание.

6. Всех, по сим правилам исключаемых из военного ведомства кантонистов, детей солдат, матросов и иных, принимающие их родители, родственники или благотворители обязаны приписать к податным сословиям при наступлении новой народной переписи; дотоле они от всех личных податей и повинностей остаются свободными.

Дети солдат и матросов из нехристиан, которые, находясь в военном ведомстве, приняли христианскую веру, не возвращаются остающимся в прежней вере их родителям и родственникам, но могут быть приняты на попечение лицами христианского исповедания.

Меры сии распространить и на военных кантонистов всех прочих ведомств».

Одновременно с высочайшим манифестом 26 августа вышло, сказали мы, еще несколько указов.

Первым из них евреи, до сих пор при каждом частном рекрутском наборе постоянно выставлявшие по 10 человек с 1000 душ, сравнены со всеми прочими состояниями в отношении как количества ставимых рекрут, так и лет и качеств, от них

требуемых, и образа взыскания с них рекрут недоимочных. Вместе с тем отменены правила, постановленные в 1853 году, о дозволении еврейским обществам и каждому еврею в частности представлять за себя в рекруты пойманных беспаспортных единоверцев своих.

Сословию однодворцев возвращено также немаловажное право. Вместо существовавшего доньше порядка, по которому выдаваемые им от дворянских депутатских собраний свидетельства о неоспоримом их дворянском происхождении, необходимые для вступления в военную службу и для выслуги обер-офицерского чина, отбирались у них и уже не возвращались, если они по какой-либо, хотя и не зависящей от них причине, не приняты в службу или не дослужились в ней до офицерского чина, через что они лишались возможности к возвращению принадлежащих им по происхождению прав, – ныне постановлено, напротив, что в таком случае, на основании единой выданного однодворцу от дворянского собрания свидетельства, дозволяется и детям его в свою очередь вступать в военную службу для возвращения себе этим путем утраченных предками прав дворянства.

Далее, отменены два постановления 1837 года и пять постановлений 1852 года, которыми вменено было в обязанность уроженцам западных губерний империи начинать свою службу гражданскую во внутренних губерниях великороссийских и только по истечении 5 лет такого служения дозволено им определяться в присутственные места С.-Петербургской губернии, в министерства и главные управления, и определен был также особый порядок для определения в военную и гражданскую службу и увольнения из нее потомственных дворян семи западных губерний.

Всем нижним чинам казачьих войск – Донского, Черноморского и Кавказского линейного, – уменьшен срок военной службы на 3 года, а именно: вместо прежнего 25-летнего постановлен впредь срок 22-летний. А равно и офицерам этих войск разрешено, буде пожелают, просить об увольнении себя в отставку после 22-летней, вместо прежней, обязательной для них 25-летней службы.

Наконец, вовсе отменено установленное в предшествующее царствование правило о взыскании особой пошлины с отъезжающих за границу лиц за выдаваемые им паспорта, и велено впредь никакой пошлины за эти паспорта не взыскивать. Высочайше утвержденным мнением Государственного совета от 25 июня уже прежде было предписано, чтобы выдача заграничных паспортов лицам всех вообще состояний, в том числе и дворянам, была производима главными начальниками губерний. А указом Правительствующего сената, вследствие рапорта министра внутренних дел минувшего 21 июля, опубликовано высочайшее повеление об отмене такого же от 1847 года, касательно ограничений пропуска в Россию иностранных подмастерьев и работников.

Мы изложили в кратком очерке совокупность главных узаконений, ознаменовавших первые 18 месяцев, протекших с 18 февраля 1855 года. Они стройным рядом своим живо напоминают нам уже отдаленную от нас эпоху Александра Благословенного и первые годы рождающегося века, обильные для России радостными надеждами и памятными страницами милосердия и любви. Все они, как сказали мы выше, представляются выражением одной высокой мысли, высказанной в манифесте 19 марта, мысли о необходимости для правильной государственной жизни – просвещения, законности и общественной нравственности. Близкая будущность, без сомнения, явит дальнейшее их продолжение и развитие в духе того же законодательного единомыслия, этого крепчайшего основания государственной деятельности, с помощью которого все высокое становится несокрушимо прочным навеки.

Тройственный союз

Еще никогда перед европейской дипломатией не открывалось такое многообразное поле деятельности, такая обильная жатва более или менее трудных успехов, какую доставила ди-

пломатам настоящая эпоха, ближайшая преемница дела Парижского конгресса. С ней не может соперничать в этом отношении даже и то памятное в летописях дипломатии время, донныне слывшее золотым ее веком, время, непосредственно последовавшее за конгрессом Венским. Многое с той поры изменилось в условиях жизни народной и государственной. Широко раскинувшись по всему пространству земного шара, вслед за оружием и торговлей проникнув в отдаленнейшие и долгое время неприступнейшие страны всех частей света; притом сблизившись с ними в невероятной степени посредством всех новейших усовершенствований в средствах сообщения; наконец, более чем когда-либо захватив в круг своей деятельности движение всех вопросов торговых и промышленных, возведенных у многих народов в степень существеннейшей стороны и почти исключительного начала их жизни, – дипломатия поневоле должна была явиться самым тревожным и подчас беспокойным деятелем. Впрочем, так должна была она сложиться уже и по самому характеру и свойству Парижского конгресса.

Мы уже видели, чем ограничилась задача последнего: то было одно лишь прекращение слишком долго длившегося кровопролития, военных действий, и восстановление по возможности предшествовавшего войне политического *status quo**. Впрочем, им не внесено в современную жизнь народов ни одно новое начало, ни одна новая, живая и плодотворная мысль, кроме только отдаленной надежды на возрождение придунайских княжеств, сообразно настоящим видам Франции и давним замыслам России**. Турция обречена согласным хором западной политики на продолжение над ней ряда трудных, малообещающих испытаний *in anima vili****; Россия в Черном море и Бессарабии подчинилась некоторым ограничениям, которых одних уже слишком достаточно было бы, что-

* Здесь: исходное состояние (лат.). – Прим. ред.

** Екатерина II даже формально хлопотала в 1772 году о соединении Молдавии и Валахии, которым прочила в государи князя Понятовского. Дело не удалось главным образом вследствие противодействия Австрии.

*** Над низшим существом (лат.). – Прим. ред.

бы всякий мир сделать непрочным и чтобы в более или менее отдаленном будущем породить новые неизбежные распри; заготовлены вместе с тем несомненные поводы и к ближайшим столкновениям поднятыми на конгрессе под влиянием разных соображений вопросами о Бельгии, Неаполе, Невшателе и пр., близко и неотразимо касающимися животрепещущего в современной международной политике вопроса – об отрицании или утверждении права всякой народности на свое признание в сонме европейских деятелей. Наконец, торжественно провозглашенное Конгрессом учение о морском праве оказалось на деле вполне состоятельным лишь в части своей, которая уже давно была освящена единомысленным согласием всех морских держав, за исключением одной Англии; новое же учение о каперстве, само собой разумеется, немедленно подверглось вместе и критике, и дальнейшему развитию со стороны нестеснительных американцев. Хранителем и блюстителем нового мира поставлен новый тройственный союз, заключенный в Париже 15 апреля 1856 года между Францией, Англией и Австрией, и заменивший собой старый Священный союз Австрии, Пруссии и России, память о котором в течение более 40 лет на каждое 14 сентября благоговейно возвещается у нас Церковью православному собору народному чтением подлинных слов трактата Братского Христианского Союза. De facto и de jure*, существование Священного союза ныне совершенно прекратилось. Распад его торжественно объявлен Европе циркулярной ко всем дипломатическим агентам России депешей от 2 сентября прошедшего года, настоящего нашего министра иностранных дел князя Горчакова. «Ныне, – сказано в этом замечательном документе, – уже более не существует в своей неприкосновенной целости тесный союз (le faisceau) государств, в течение долгих лет поддерживавших вместе с нами те начала, которым Европа более четверти века была обязана своим спокойствием и миром».

Ближайшее испытание сущности и целей нового западного союза естественно приводит к постановке некоторых важ-

* Фактически и юридически (лат.).

ных вопросов. Каждый мыслящий человек невольно стремится дать себе отчет, какая мысль лежит в основании этого союза? Снабжен ли он, подобно предшествовавшему ему Священному союзу, достаточной вещественной силой, чтобы сломить всякое возможное себе противодействие других государств или единой угрозой могущества своего предотвратить и предупредить подобное враждебное их противодействие? Наконец, в какой мере союз этот прочен? И так как в каждом почти многосложном политическом союзе есть выигрывающий и проигрывающий, то кто в настоящем случае наиболее приобретает, и не приносит ли кто в жертву своих насущных выгод?

Минувшая борьба разоблачила те вещественные средства, которыми в деле войны располагает союз; эти средства – плод высокого военного образования Франции, исконного развития английских морских сил, наконец, и выгодного стратегического положения Австрии в отношении к России; но более и глубже всего покоятся они на громадной совокупности всей англо-французской гражданственности и на тех твердых условиях чрезвычайного вещественного богатства и промышленного развития, которыми наградило обе эти страны более или менее продолжительное преобладание в том и другом народе свободы политической жизни. Новейшие усовершенствования военного дела на сухом пути и на море, более чем когда-либо давшие науке, промышленности и капиталу решительное влияние на судьбы всякой войны, без сомнения, в высокой степени послужили к усилению военного значения Франции и Англии; и если стойкость русского солдата и успела на твердых севастопольских вознаградить отчасти эти тяжеловесные залогов военного успеха, – тем не менее важность их отныне становится столько же несомненной и очевидной, сколько неоспоримо вообще в настоящее время торжество просвещения над первобытной силою. Нельзя поэтому не признать, что совокупные средства двух главных морских держав, в соединении с Австрией и со всеми второстепенными державами Европы (дружба или, по крайней мере, нейтралитет которых постоянно должны быть в услугах стороны,

владычествующей на море), всегда будут в силах уравновесить всякий иной возможный против них союз.

Несравненно более, напротив, подвержено спору то, кем, в сущности, возбужден тройственный союз 15 апреля, и кто пожинает выгоды, из него проистекающие? Дипломатические документы ясно указывают наблюдателю первоначальный внешний источник этой политической сделки; как мы имели уже случай сказать, Австрия сама вытребовала обещание на нее у Франции и Англии в то самое время, когда взялась она передать с.-петербургскому кабинету решительные требования свои в пользу восстановления мира. Но таков, спешим мы прибавить, лишь внешний, видимый источник этой сделки; сам же союз, с его нравственным значением и влиянием, коренится много глубже – частью в историческом значении загадочной личности Людовика Наполеона, частью же в самом характере и сущности англо-французской гражданственности.

Весьма поучительно в настоящее время для установления правильного понимания состояния современной Франции тщательное сравнение друг с другом двух Наполеонов – их отношений к Европе и, может быть, еще более отношений каждого из них к современному себе французскому обществу и правительственной идее. Для того и другого много сделала история; оба нашли родную страну и общество или до основания потрясенными, или, по крайней мере, глубоко взволнованными внутренней неурядицей и отрицанием самых первоначальных основ гражданской жизни, а потому и совершенно готовыми слепо следовать за всякой сильной рукой, которая сумела бы привести их в светлую пристань правильного общежития; оба нашли кругом себя богатый запас накопленного раздвоения между правительствами, множество тлеющих и удобовоспламенимых начал, рассеянных по всему протяжению материковой Европы, и множество неудовлетворенных в ней стремлений. В первом Наполеоне, принявшем власть в незаменяемую пору почти юношеского увлечения, оказалось изумительное соответствие всем этим современным требованиям, внешним и внутренним, и в главных чертах своих жизнь

и правление его доставили возможно полное и немедленное им удовлетворение. В деле внутреннего уряда он явился полнейшим представителем и двигателем того гражданского и административного типа, который уже в течение долгого времени постепенно вырабатывала в себе Франция, и искание которого было заветным делом революции; он утвердил и освятил все добытые ею результаты и потому без всякого внешнего видимого усилия создал на диво Европе сложную и стройную правительственную машину, подобие которой нигде еще не существовало, разве только в императорском Риме. Не дал он ей только политической свободы, но на деле еще не знакомая с ней в ее правильном проявлении Франция мало в то время о ней заботилась и охотно забывала о ней при громе пушек, непрестанно возвещавших о новых победах. Действуя, таким образом, внутри государства на началах, провозглашенных революционной Францией, Наполеон мог легко и в области внешней политики не отречься от наследия республиканского – поэтому краеугольным камнем ее постоянно оставалась борьба с Англией и Австрией. Влияние последней он изгнал с Аппенинского полуострова, и, хотя он не возвратил Италии самобытной и единичной жизни, однако щедрой рукой расточал семена будущего развития этой страны. Ему недоставало лишь одной внешней точки опоры для этой своей смелой политики; он долго искал ее себе в Пруссии; одно время даже нашел было ее в союзе с Россией и справедливо считал подобный союз решительным для возможности полного торжества новой, приспособленной к современным требованиям национальностей международной системы. Но тревожному духу его предстояло сокрушиться о самую громадность постоянно вновь возникавших в уме его замыслов, и он пал жертвой их неограниченности*; его погубила беспредельная вера в свое всесильное «я», в безусловное в его пользу самоотречение французского народа и в возможность поглощения одним лицом всей жизни и всех отправлениях общественных, – вера, развитая в нем долговре-

* В черновой рукописи автора прибавлено: «жертвой также своего неопотизма¹». – Прим. издателя в издании 1879 года.

менной дремотой упоенного французского общества. Лишь редкими мимолетными проблесками, и то только в последние предсмертные дни его правления, стала посещать его мысль о возможности воззвания к народным силам; в сущности, он о них как будто позабыл. Он глубоко сознавал бесспорное превосходство своего правления над всеми предшествовавшими ему французскими правлениями XVIII века, и потому именно (нельзя не признаться в том) был одушевлен живой верой в самого себя, в свое дело, а следовательно, и в возможность своей династии на престоле. Не таковым является Людовик Наполеон? Франция прошла с тех пор через тридцатичетырехлетний опыт конституционной жизни, не чуждый тревог и разочарований, но тем не менее сопряженный со многими светлыми сторонами и, быть может, оставивший по себе следы положительные: невозможно, по крайней мере, не признать, что она быстро шагнула на поприще вещественного развития и что отселе формы жизни политической, по крайней мере, для некоторой части французского общества, сделались настоящей, так сказать, насущной потребностью. Людовик Наполеон, явившись во имя случая и грубой силы, естественно ничего не принес с собой в ответ этим возвышенным требованиям общества; он избавил его лишь от потока разграбления, и в залог ему мог представить только скрытную к нему ненависть низших народных слоев, обманутых окончательным исходом Февральского переворота. Чуждый, таким образом, всем народным сочувствиям внутри Франции, лишенный веры в собственную свою законность, Наполеон III естественно должен был во что бы то ни стало искать себе друзей между другими правительствами; и, к сожалению, с самого начала враждебно встреченный естественными союзниками Франции, он нашел эту опору в союзе с Англией и даже Австрией, которым должен был принести жертву – сочувствия своей родины к большей части народностей. Расположением к себе Англии он не мог не дорожить особенно; ибо эта свободная соседняя земля, гостеприимное и как бы священное убежище всех политических выходцев есть, по счастливому выражению

самых англичан, тот Эолов грот, откуда искусно раздуваемые революционные токи могут по произволу быть направляемы ко всем почти государствам Западной Европы. Таким образом, сложились для него политические условия, диаметрально противоположные всем тем условиям, которые сопутствовали родоначальнику Наполеонидов.

Впрочем, кроме личных выгод, к предпочтительному союзу с Англией, без сомнения, должны были в значительной мере склонить его и другие причины. Всю совокупность их мы охотно готовы признать в том неоспоримом сочувственном общении, в котором находятся две рядом развившиеся гражданственности – Франции и Англии, – во многих частных и, преимущественно, политических явлениях широко между собою расходящиеся, но тем не менее для всякого привычного глаза осязательно подходящие под один общий тип. Это живое общение двух народов может часто, при благоприятных для него обстоятельствах, вполне заменить даже единство веры и кровного происхождения; а временное сходство политических учреждений в период реставрации и Орлеанского дома естественно должно было еще крепче сплотить его. В течение всего правления Людовика Филиппа, и несмотря даже на разногласие о вопросе Египетском и на дело об испанском браке, союз с Англией служил неизменной основой всей французской дипломатии; и в настоящее время к нему, как к любезному для себя символу несовершенного еще отречения от политической свободы, напряженно обращены с французского берега взоры всех, кому еще дорого воспоминание недавно пройденного конституционного поприща. Холодные, почти враждебные отношения под Севастополем французского и английского солдат могли, конечно, отчасти поколебать это общение в низших слоях обоих народов; но эти влияния не могли еще иметь ощутительного действия вне тех низменных сфер, где преимущественно раздавался говор возвратившихся из Крыма французских ветеранов. До времени высшие, так сказать, литературные и отчасти промышленные слои общества крепко стоят еще за английский союз, и тем более еще возвышают цену его

в глазах императора, зорко следящего за расположением умов и, без сомнения, поневоле дорожащего этой последней связью своей с образованнейшей частью управляемого им общества.

Вот почему существеннейшую часть всего тройственного союза составляет именно союз Франции с Англией. Но политика последней имеет свои вековые, скажем более, почти роковые предания. К числу их принадлежит тесная дружба с Австрией. Случайные обстоятельства могут заставить Англию временно же и случайно изменить ей; еще чаще и с еще с меньшими последствиями Австрия приносится британскими министрами в жертву ораторским требованиям и щекотливой публичности в заседаниях Нижней палаты; но все это одни лишь частные явления, или одна пустая фраза; в сущности, и на деле Габсбургский дом является постоянным и верным, хотя, по исконному обычаю своему, небесчестным и небескорыстным спутником сент-жемского кабинета. Добровольно вступив в сферу тяготения последнего, Наполеон необходимо должен был протянуть дружелюбную руку и постоянному его сателлиту, и в свою очередь был вынужден принести ему в жертву некоторые из существеннейших выгод внешней французской политики. Впрочем, правда и то, что Австрия, как мы уже видели, хотя ценой и невеликих для себя вещественных пожертвований, однако расплатилась с Наполеоном заранее за все эти одолжения, в решительную минуту (когда в Петербурге еще взвешивался предложенный мир) кинув на весы нежданную тяжесть своей военной угрозы. После уже известного трактата 4 декабря 1854 года между Францией, Англией и Австрией, – первым, долго и тщательно скрываемым звеном этой новой цепи отношений между Францией и Австрией является тайная военная конвенция их насчет итальянских областей. Подлинные выражения ее до сих пор нам неизвестны; безусловное, упорное донныне молчание «Монитера» может даже поневоле заставить думать, что есть еще какие-либо подробности этого договора, которые еще не могут быть доверены общественной гласности, и во избежание полного разоблачения которых правительство Людовика Наполеона предпочитает пребывать в официальной газе-

те своей в пределах самой осторожной и строгой скромности, оставляя всю ответственность за возможную неполноту или неверность показаний на частной редакции «Constitutionel»я, как органа непризнанного. Как бы то ни было, мы знаем уже достаточно для того, чтобы ясно усмотреть в этой тайной конвенции осязательные признаки замечательной двуличности двух западных правительств в отношении к итальянской народности. К тому же самый образ внезапного оглашения ее не лишен ни комизма, ни особенной характерности для очерчения нравственной личности лорда Пальмерстона и его политической нестыдливости; и, как справедливо заметил один из старейших французских журналов, такой образ действия служит лучшим доказательством того, что в настоящее время, при безусловном владычестве печатного станка и существовании в Европе свободной среды обсуждения в нескольких законодательных палатах, – тайна в дипломатии все более и более становится анахронизмом, и ей предстоит исподволь перебраться на почву гласно-заявляемых, твердых и разумных политических начал. 3 февраля нынешнего года завязался в Нижней палате спор между талантливым вождем оппозиции, Дизраэли, и лордом Пальмерстоном; это был один из последних предсмертных боев старого парламента, вызванных той ожесточенной коалицией, которая всеми мерами и, правда, не без основания подкапываясь под испытанного в парламентской тактике первенствующего министра, так горько в то время сама ошиблась в ближайших последствиях своих нападений на него. Дизраэли смело и с явным убеждением утверждал, что между Францией и Австрией существует бессрочный трактат, обеспечивающий Австрии ее итальянские владения; он упрекал лорда Пальмерстона в недостойном английского министра поощрении и даже первоначальном возбуждении этого договора; и впоследствии, когда министр стал отвергать возможность подобного акта, объявил, что сам видел положительные доказательства защищаемой им истины, и указал даже день подписания договора – 22 февраля 1855 года. Два раза возобновлялись еще прения по этому поводу в Нижней палате. Лорд Пальмерстон

не постыдился исчерпать орудие лжи до последних крайних ее возможностей: он назвал сперва все дело вымышленным, осыпал Дизраэли обычными, никогда и нигде не переводящимися сарказмами людей, участвующих в правлении, над мнимой беспокойной изобретательностью всех оппозиций; наконец, не усомнился даже с фарисейским негодованием осудить всякий подобный договор, если бы он действительно был заключен или предложен. Мало-помалу он был вынужден признать, что между Веной и Парижем действительно происходили переговоры, но еще продолжал отвергать положительнейшим образом, чтобы когда-нибудь какая бы то ни была конвенция по этому предмету была подписана. Наконец, он должен был сознаться и в последнем и стал окончательно опровергать лишь известие о бессрочности трактата. Газете «Morning Post», как привычному органу его, была поручена неблагодарная обязанность разложить долю ответственности за договор между вигами и ториями и оправдать с нравственной точки зрения поведение поседелого в делах министра наивным уверением, будто лорду Пальмерстону неизвестен был весь ход этого дела, так как акт был подписан еще в то время, когда иностранными делами управлял лорд Абердин. Уже только дней через десять после последних объяснений в палате «Constitutionel» прервал молчание французской печати следующим объяснением. В трактате 4 декабря 1854 года уже предусмотрен тот случай, в котором австрийские войска должны будут принять участие в войне против России; по заключении его, Австрия немедленно стала требовать себе на такой случай обеспечения Францией ее итальянских областей, так как война с Россией могла служить удобным поводом к дружному их восстанию. Справедливость требовала, чтобы парижский кабинет успокоил Австрию на этот счет, и тогда была действительно заключена и подписана конвенция, которой Франция обязалась поддерживать спокойное ее владычество в Италии во все время войны. Но, прибавляет «Constitutionel», договор этот, очевидно, имеет, таким образом, лишь временный и преходящий характер, бывши заключен только на время продолжения войны; он поэтому са-

тому никогда не был и не мог быть приведен в исполнение, и сила и действие его совершенно прекратились. В заключение невольно приходит на ум последний, также характеристический, по всему этому делу, вопрос, к сожалению, оставленный без внимания газетами: кем сообщены оратору оппозиции столь драгоценные для него в то время и положительные сведения об этой новой ахиллесовой пяте лорда Пальмерстона? Нескромность кого-либо из лиц, принадлежавших к числу друзей лорда Абердина, служила бы тяжелым доказательством многими утверждаемого вымирания политического такта даже в английских государственных людях. Мы охотно сознаемся, что подобное явление было бы для нас слишком прискорбно. Не естественнее ли, напротив, приписать огласку трактата своевременной нескромности перед лицом парламентской оппозиции которого-либо из дипломатических агентов Австрии, хорошо понимающих, как важно для венского кабинета, чтобы итальянцы не оставались в заблуждении насчет степени к ним сочувствия лорда Пальмерстона и Наполеона III.

После всего сказанного нетрудно, кажется, придти к верному заключению насчет того, в каком отношении делятся выгоды и невыгоды между различными участниками тройственного союза 15 апреля. Австрия приобретает себе в нем сильное нравственное ручательство против возможных, прямых и неопосредственных, покушений на нее со стороны обманутой ею России и положительное фактическое ручательство против всяких стремлений последней к нарушению безрассудного, но Австрии выгодного, *statu quo* в Турции. К тому же разглашение тайной конвенции ее с Францией насчет Италии вновь усиливает влияние ее в сей последней настолько же, насколько умерщвляет оно, или, по крайней мере, на время остужает, надежды и мечтания итальянских патриотов. Франция добровольно закрывает себе многие пути действия своего в Европе и, вопреки всему характеру своей истории и народности, нисходит во внешней политике своей во степень того неразумного для нее консерваторства, которое для Австрии представляется необходимым условием жизненным; а для гордой, внутри себя

счастливой и мало сочувствующей язвам материковой Европы Англии – является лучшим и вернейшим орудием обширной своекорыстной деятельности. Не говоря уже о многих других народностях, не говоря даже о возможной роли французской дипломатии в самой Турции (если бы она шла там рука об руку с влиянием русским и с самого начала не так скупно отмерила бы один только небольшой край придунайских княжеств, в виде как бы нейтральной почвы, на которой, по крайней мере, не воспрещено обеим державам встретиться дружелюбно и действовать сколько-нибудь единомысленно на пользу края), не говоря о всех этих отчасти утраченных Францией или стесненных поприщах полезного ее вмешательства во имя лучших начал просвещения, – даже и в самой Италии она должна была изменить всем вековым своим преданиям. В ином месте, когда будем подробно излагать весь ход итальянских дел и проследим их возникновение и развитие из совещаний Парижского конгресса, мы постараемся доказать, как легко объясняется вся бесплодная их донине запутанность из того ложного направления, которое дало им двусмысленное положение Франции в этом вопросе. Теперь достаточно будет на минуту остановиться на одном замечательнейшем документе, представляющем как бы в общем фокусе весь характер французской политики в Италии и ясно и несомненно определяющем ту точку, далее которой в настоящее время ни в каком случае не пойдут сочувствия к ней Наполеона III (если только взгляд, изложенный в депеше г. Реневаля, французского посланника в Риме, может быть назван взглядом сочувственным тому обществу, к которому он так презрительно относится). В депеше Реневаля, составляющей донесение французскому правительству о положении дел в Риме, вызванной прениями Конгресса об итальянских делах и одно время опровергаемой в своей подлинности (хотя, по всем признакам, без всякого к тому основания), подробно рассмотрены как все главные вопросы по управлению папскому, так и самый народный характер итальянцев и те надежды, которые ими неуклонно питаются на возрождение их родины и призвание ее вновь к самобытной политической жизни. Пред-

ставитель Франции не щадит упреков: он объявляет Пьемонт страной, чуждой Италии, произвольно отбирая у последней это лучшее ее современное украшение; снимает всякую ответственность за неправильное развитие общественное с итальянских правительств, возлагая ее исключительно на самый народ, уличенный в том, что правители его суть лишь кость от костей его и мозг от его мозга. Он не находит ни одной обещающей черты в народном характере и ни одной утешительной личности вне тесного круга государственных мужей духовного Рима, – словом, прилагает во всей его жестокости к нынешней Италии тот узкий и бездушный закон слепого исторического рока, которым так легко спасает себя современный человек от всякой удручающей думы или горького чувства. Врачевание г. Реневаля столько же просто, сколько и удобно в практическом приложении: ни улучшений, ни преобразований, ничего не нужно, ибо все это и невозможно, и бесплодно; нужно лишь продолжение занятия Рима французскими войсками в соединении с официальными выражениями живейшего участия, принимаемого главными европейскими правительствами в бедствиях Папы, и само собою разумеется, еще более со скромным молчанием английских и пьемонтских газет. Такова политическая исповедь французского правительства насчет будущих судеб Италии! Но в этом замечательном документе, если внимательно проследить его и тщательно взвесить все искусно проведенные в нем теории государственной жизни и управления, можно было бы, конечно, легко подсмотреть, как в наглядном типе, изображение еще во сто раз живейшее и осязательнейшее того, как понимает само французское правительство свои отношения к собственному народу.

За отречением Франции от преобладающего влияния на ближайшем Востоке и в Италии естественно должно было последовать, в силу нового тройственного союза, почти равносильное покуда отречение ее от почетного равенства с Англией в значении на более отдаленных точках и водах обоих полушарий. Правда, в северной и центральной Америке отсутствие вмешательства Франции, доколе она состоит в близком

союзе с Англией, несравненно более выгодно, нежели вредно для будущности французской политики, не вовлекая ее в ту безысходную сеть позорных затруднений и еще позорнейших полусделок, которые вынуждена здесь выносить и добродушно принимать британская гордость; напротив, в водах китайских Франция поневоле видит себя вынужденной стать в хвосте военно-морского движения Англии, невзирая на значительный риск играть относительно английского флота под Кантоном ту же самую роль, которую не так давно, но так плачевно, разыгрывал лорд Раглан в отношении к войску Наполеонову под стенами Севастополя. А между тем одновременного и как бы параллельного с англичанами действия на Китай требует от французского правительства самая нехитрая и незоркая дальновидность, не позволяющая ни одной из действительно первостепенных держав европейских равнодушно созерцать разрастающееся не по дням, а по часам единовластие британского флага по всему азиатскому побережью.

Англия в настоящее время спокойна насчет Италии, Турции и придунайских княжеств, или, в других словах, уверена, что во всех этих странах заготовлены и искусно поддерживаются поводы к несогласиям, достаточные, чтобы им с выгодой занять и отвлечь внимание материковых государств Европы и исчерпать ту долю суетливой деятельности, которая обыкновенно выпадает на часть рядовой дипломатии. Она ныне решается пуститься в смелый поиск за исключительным владычеством над отдаленнейшим, для нее особенно привлекательным Востоком, хотя бы даже с опасностью на берегах Тихого океана возбудить новый, еще до времени покуда дремлющий Восточный вопрос, Восточный – в полном смысле этого названия. Быстрым походом на берегах Персидского залива и быстрыми переговорами в Париже с персидским посланцем Ферух-ханом, покончив к своей выгоде свою минутную размолвку с Персией, более или менее уклончиво одобрив на время в лице лорда Немира мнимо миролюбивые замыслы Североамериканских Штатов относительно средней Америки, она всей тяжестью своей военно-морской силы собирается ныне приналечь на из-

дышающий Китай и предъявить на него свое несомненное право – право сильного и задорного.

Так доселе сплетаются, примиряются и уравниваются в тройственном апрельском союзе выгоды и невыгоды всех трех стран: Австрия, как мы сказали, выигрывает продолжение на время в старой Европе старого *statu quo*; Англия приобретает по крайней мере свободу действий своих в Азии; Франция собственно не выигрывает ничего, но временный символ ее, Наполеон III, ценой внешней международной охранительной политики приобретает возможность неуклонно поддерживать и внутри расплавленного французского общества ту же самую не лишнюю лично для него выгод и разумного значения политику охранений, во что бы ни стало; ибо, без сомнения, еще более, чем сам г. Реневаль, он имеет право присвоить себе следующие знаменательные строки из вышесказанной депеши своего представителя в Риме, прилагая их к французскому обществу: «Я не думаю, чтобы все вопросы мира сего необходимо должны были иметь себе разрешение. По моему мнению, по крайней мере, вопрос римский (читай французский) бесспорно принадлежит к таковым. Неусыпной заботой мы можем лишь отдалить на время опасность переворота и продлить на сколько-нибудь временное состояние, уже и тем драгоценное, что оно по крайней мере спасает Европу от бедствий неисчислимых». Этот-то охранительный тип апрельского союза подал повод иным сравнивать его с отжившим Священным союзом, несмотря на то, что они имеют между собою лишь одно общее составное начало, правда – начало самое характеристическое, именно – элемент австрийский. Другие справедливо заметили, что апрельский союз, или вернее сказать, союз Англии с Францией есть союз отрицательный, или, в других словах, союз более страдательный, чем деятельный, с той поры, по крайней мере, как рассеяны опасения Европы насчет немедленного поглощения Царьграда Россией.

Как бы то ни было, ближе и ближе вглядываясь в него, мы, несмотря на все искреннейшее желание наше найти какой-либо достаточный повод к убеждению противоположному, не можем

не признать в нем некоторого исключительного, особенно важного свойства: он является нам с одной стороны ключом всей настоящей международной системы, с другой – мы невольно убеждаемся в его относительной прочности. Этим свойством объясняется то, что, несмотря на все разглагольствования газет, он мог без всякого видимого для себя ущерба устоять против всех более или менее мелочных, но во всяком случае многочисленных поводов к раздвоению, или вопросов политического самолюбия, которыми изобиловали дела неаполитанские, ссора Сардинии с Австрией, спор о Белграде и Змеином острове, бесконечные переговоры о Невшателе, зарождающийся скандинавизм, дела голштино-датские, весьма важное дело о предпочтении египетским пашою, для прорытия Суэцкого перешейка, французской компании и г. Лессепса всем английским компаниям, и многие другие. Мы даже невольно склоняемся к мысли, что и для самого вопроса о княжествах дунайских дипломатия найдет еще какое-либо среднее разрешение, которое успеет помирить столько, по видимому, разноречащие виды западных государств. Причины такой нами приписываемой союзу прочности мы уже указали выше; то – личное положение Людовика Наполеона и существенное политическое сочувствие двух обществ, английского и французского, развившихся по типам, во многом между собою сходным. Мы, без сомнения, далеки от того убеждения, будто бы и то и другое из этих условий принадлежит к числу политических явлений неизменных, вечных и как бы роковых. На земле нет непреходящего: уверившись в достаточной крепости и надежной упругости другой какой-либо внешней точки опоры, Наполеон III, конечно, может со временем предпочесть ее первоначальному своему союзу с Англией, как скоро убедится наглядно, что новый союз влечет за собою не одни хлопоты, но и положительные для него самого выгоды; а общественные сочувствия народов, как бы последние ни были развиты и просвещенны, не застрахованы от временных затмений и уклонений неправильных, особенно когда ниже уровня высших сочувственных слоев двух обществ бродит

в народе не осевшая еще вполне закваска вековых недоразумений и вражды. Дело дипломатии и состоит именно в том, чтобы правильным действием тайных пружин своих, а, быть может, еще больше искусным перевоспитанием общественного мнения в Европе с помощью гласности и печати (этой новой, прежнему миру неведомой, силы) способствовать желанному результату и приуготовить возможность новых, более правильных отношений. Мы хотим сказать только, что такое дело в настоящее время не совсем легко или, лучше сказать, почти столько же трудно, сколько оно было бы славно; что для полного достижения притом подобного результата мало одного действия правительственного в тех народах, которые остались вне нового тройственного союза, но нужно еще дружное и свободное содействие внутри их самих деятельности частной и общественного мнения. Успокаивать себя мечтаниями и надеждами на какие-либо счастливые случайности, имеющие помимо всякого деятельного личного подвига народа привести к естественному распадению опасных для него внешних сочетаний, есть дело вместе бесплодное, унижительное и вредное. Никто не должен забывать, что Священный союз, при всей наглядной несостоятельности своей, мог однако насчитать около сорока лет признанного существования; а еще менее должна история забыть то в высокой степени честное для Франции народное чувство непримиримого отвращения к трактатам 1814 года, которые временно низвели ее с высшей ступени политического преобладания. Мера негодования народного против всякого извне налагаемого ограничения и мера возможности благодушного с ним примирения народа, – вот лучшее и единственно верное мерило народных прав на уважение в области политики и истории. Франция умела не забыть нанесенных ей в 1814 году оскорблений (хотя, быть может, и оправдывавшихся обстоятельствами того времени); она умела из внутреннего 40-летнего в самой себе плодоносного сосредоточения извлечь те живые вещественные и духовные силы, которые дали ей вновь почетное место в европейской семье. Подобный подвиг, в котором участвует своей мыслию

весь народ, до последнего в нем неделимого, не может и не должен быть историей пройден в молчании.

Тихий океан, а вслед за ним, быть может, и Атлантический, главные гавани китайские, а вслед за ними, быть может, устья русского Амура и Панамский перешеек в средней Америке – вот естественное, мы готовы сказать, неизбежное поприще дальнейших столкновений и, может быть, новых, желанных сближений. Эти отдаленные от Европы воды и земли суть лучшая нейтральная почва, на которой может когда-нибудь образоваться лишенное вражды и зависти дружное воздействие трех второстепенных морских держав – Франции, Америки и России, – против морского деспотизма британского. Здесь тщательно собраны самой природой все необходимые вещественные условия для успешного их совокупного действия; здесь Англия накопила ценой вековой деятельности богатое наследие, дальнейшее разрастание или расхищение которого составляет животрепещущий вопрос современности; здесь предложится со временем вопрос уже неевропейского только, но правильного всемирного равновесия. Подобные вопросы, без сомнения, решаются не сразу и не в один день. Но эта логическая и историческая необходимость борьбы главных всемирных начал именно на этой отдаленной и зыбкой почве океана, уже сама в себе, и независимо от всякого числительного определения времени, когда она может возникнуть, крайне важна и поучительна для всех правительств европейских, в том смысле, что с несомненной верностью указывает им на то орудие внешней государственной силы, которое должно в настоящую минуту составлять предмет их неусыпнейшей заботы, – мы говорим о настоятельной необходимости для всех государств Европы более, чем когда-либо, усиливать свои морские силы и согласовать их развитие с новейшими успехами морской науки. Потребность эта живо сознаана всеми в Европе. Англия доньше лишь с крайней медленностью приступала к разоружению огромного флота, ею выставленного во время минувшей борьбы с нами. Достоин замечания, что в последнем бюджете ее с апреля 1856 года по апрель 1857 года

на одну постройку новых и исправление старых кораблей употреблено на 1 310 000 ф. ст. более, чем в предшествовавшем исключительно военном году; сверх того учрежден, под именем усиленной прибрежной стражи, пятнадцатитысячный резерв моряков; а открывшаяся война с Китаем, без сомнения, поведет еще к значительному возвышению всех цифр морского управления. Североамериканский конгресс тщательно употребляет богатые излишки своих государственных доходов на приведение берегов своих в оборонительное состояние и на умножение числа образцовых своих фрегатов. Во Франции, с 1848 года не обратившей ни одного франка на уменьшение своего государственного долга, постоянно отвлекавшей с того времени на текущие расходы свои все суммы, первоначально определенные на погашение его, и усилившей еще свой долг на чудовищную сумму, – заготовление новых военных судов, при всей ненормальности общего финансового положения, идет деятельнее, чем когда-нибудь, так что к началу нынешнего года состояло 58 военных судов в постройке. Даже Австрия, столь настойчиво и искусно борющаяся с неотвязчиво привившимся к ней, как бы роковым дефицитом, и Сардиния, вовлеченная последними своими войнами в столь значительные долги, всеми мерами стараются сравнять свои микроскопические флоты с возрастающими требованиями нового времени. Словом, все государства Европы как бы единодушно сознали, что в настоящую минуту нет того расстроенного положения финансов, которое могло бы оправдать уменьшение морских сил или слишком медленное их возобновление там, где они требуют преобразования, и что сокращение государственных расходов должно быть искомо не в этой статье государственного бюджета, а в других, менее тесно связанных с народной безопасностью и честью, и более темных его частях.

Из представленного нами быстрого очерка союза 15 апреля и отношений его к остальной Западной Европе довольно ясно следует, что в этой последней среде единственный существенный элемент, на котором может быть рассчитано какое-либо новое определение межгосударственных отношений,

это движение и преуспевание народностей; но очевидны и те многочисленные препятствия, которыми затруднено всякое подобное движение. С другой стороны, за пределами океана Америка продолжает относиться поныне к Европе вообще, и в особенности к тройственному союзу, как к факту, ей еще совершенно чуждому; подробное исследование, в какой степени вероятно и возможно в будущем подобное продолжительное еще разобщение Америки с Европой, есть, конечно, предмет первой и живейшей занимательности.

Но, не останавливаясь на нем в настоящую минуту, мы спешим отыскать нечто другое, а именно – ясное, положительное, так сказать, документальное удостоверение тех еще несравненно более для нашего сердца важных, отношений, в которые дипломатия собственного нашего отечества стала к тому же европейскому явлению – к тройственному союзу. Мы уже имели случай в одном из прошлогодних обозрений наших, вскоре после официального разглашения этого союза, выразить свое личное мнение о важности его для нас в том смысле, что он возвратил России полную возможность определения своих международных отношений на новых основаниях. Деша князя Горчакова от 2 сентября, без сомнения принадлежащая к числу важнейших дипломатических сообщений, обмененных между собою в прошедшем году европейскими кабинетами, а каждому русскому особенно любезная, как новый несомненный залог обновленной политической системы, внешней и внутренней, заключает в себе между прочим следующие знаменательные слова, живо отозвавшиеся в нашем народном сознании, будто заветное для него обещание и выражение его собственной мысли: «Обстоятельства возвратили нам полную свободу действий. Государь принял твердое решение преимущественно посвящать свои попечения на благосостояние своих подданных и сосредоточить всю деятельность государственную на развитии внутренних сил общественных, направляя ее наружу лишь тогда, когда того настоятельнейшим образом будут требовать положительные выгоды России...». Такое направление, неуклонно поддерживаемое, может иметь влияние

самое выгодное и на будущие наши внешние отношения, и на уважение к нам западных народов. Правильное, широкое и свободное внутреннее развитие есть незаменимое условие для приобретения в их глазах всяким государством полного права гражданства и полного права на их собственное искательство: в этом отношении каждая вновь проложенная верста железных дорог, или вновь устроенное на живучих основаниях промышленное предприятие, всякое вновь заведенное училище, всякое благодетельное возвышение существующего уровня народной нравственности и народного богатства должны более содействовать склонению вновь Европы к России, чем могли бы для этой цели сделать совокупные усилия всех умнейших и преданнейших своему отечеству дипломатов.

Характер внутреннего, так сказать, домашнего развития каждого из государств, образующих новый трехчленный союз, заслуживает также некоторого особенного наблюдения. Еще никогда, быть может, союз из трех государств не вмещал в себе такого разнообразия правительственных систем, вызванных самобытными особенностями в жизненных условиях каждого из его сочленений. Правильнейшее конституционное государство, или изукрашенная монархическими символами республика; вулканическое общество, уже около 70 лет с неистощимой энергией отыскивающее себе новых, еще не разгаданных, формул, и на время приостановленное в своем бешеном движении сильной рукой искушенного в житейском деле неожиданного правителя; наконец, дряхлая, разноязычная, разноплеменная и разноверная империя, обновляющаяся под свежим дыханием новых токов, в живых водах новой государственной науки находящая целение от застарелых язв, и уже с пробивающимся свежим румянцем из-под перешедших в пословицу морщин: вот странная картина, представляемая западным союзом.

Изображение, хотя несколько полное, внутренней жизни Франции в течение последнего года со времени закрытия Парижского конгресса, далеко не могло бы уместиться в тесные рамки настоящего нашего скромного обозрения; мы можем лишь указать в главных, существенных чертах общий харак-

тер эпохи, а именно, с одной стороны – степень и свойство участия французского общества во всем том, что совершается перед его глазами, с другой – общий тип деятельности самого Наполеона. Многотрудную, тяжелую ношу взял на себя император французов, и если под бременем ее он подчас изнемогает, то в этом уже, конечно, невозможно видеть ни отсутствие в нем деятельности, ни недостаток приготовления к науке царствования, а разве только громадность самой задачи, особенно в обществе, столько уже развитом, где нужды так многочисленны и разнообразны, и где ценою многих перемен уже, казалось, понемногу начал устанавливаться некоторый навык к самоуправлению. Известно, что имперской конституцией Людовик Наполеон *de facto* сосредоточил в своем Государственном Совете всю законодательную власть и инициативу; он вообще мало доверяет свободной игре конституционного механизма и редко упускает удобный случай гласно, всенародно отдать предпочтение быстроте и решительности собственных своих распоряжений над неизбежной медленностью движения законодательных дел в прежних, совещательных палатах. Таково, между прочим, было существенное содержание знаменитого письма, им писанного летом прошедшего года к министру публичных работ по случаю закона о назначении огромной суммы в 100 милл. фр. на дренаж и предположений о необходимости обширной системы барражей, или плотин, по всем речным сетям для предотвращения на будущее время страшного бича наводнений. Император усердно и мастерски пользовался этим народным бедствием для привлечения к себе общественной любви: деятельность его была неутомима; он в течение нескольких недель лично обозревал на местах все опустошения, исчислял убытки, щедро помогал из домашней казны своей, наконец, открыл в громадных размерах подписку, уже в августе месяце возросшую до 10 милл. фр. при особенном усердии префектов к поощрению частной благотворительности, но, конечно, не покрывшую и $\frac{1}{20}$ доли всех понесенных убытков. С тою же нежной заботливостью относился Наполеон также к нуждам бесчисленных парижских ра-

ботников, порожденным между прочим страшной дороговизной квартир; и здесь опять он на собственные деньги спешил покупать пустыри и застраивать их образцовыми дешевыми помещениями для рабочих, и также взывал к частной благотворительности, настойчиво приглашая ее следовать за ним по новому, им проложенному пути. А между тем официальная перепись, как бы назло всем филантропическим стремлениям, спешила со своими обличительными статистическими данными, доказывая неопровержимыми фактами, что французское народонаселение решительно изменяет своему прежнему бодрому движению вперед, в течение целого пятилетия, с 1851, усилившись во всей Франции только на 256 000 душ, а во многих отдельных департаментах даже значительно уменьшившись против последней переписи. Так расплачивалась Франция за одновременное столкновение военных трудностей с неурожаем, хлебным и виноградным. И между тем народонаселение Парижа в тот же самый промежуток времени умножилось более, чем на 300 000 жителей, покинувших родные очаги в отдаленных департаментах ради обольстительной, но неверной приманки дорогих казенных заработков. Всеми мерами стараясь привлечь к себе благорасположение рабочих классов народных, император с другой стороны всячески ищет истребить влияние прежних династий, ныне томящихся в тяжком изгнании: граф Шамбор окончательно разорен придирчивым процессом, оспорившим у него в пользу казны все огромные его леса, главное его достояние; а несчастный Орлеанский дом назначением трем принцессам орлеанским ежегодной пенсии по 200 т. фр. поставлен в грустное положение – или принять от императора как бы милостыню взамен незаконно отобранного имения, или вовсе лишиться и последней возможности получить хоть что-нибудь взамен отнятого. С другой стороны, Наполеон не упускает из виду ничего, что может к нему крепче привязать высшие слои общества, и в особенности людей, непосредственно его окружающих и употребляемых им в управлении. Здесь приводятся в движение по преимуществу струны прирожденного человечеству корыстолюбия: новым законом,

предложенным от правительства на одобрение законодательного сословия, императору предоставлена власть в награду за особенные услуги назначать пенсии силой одного своего декрета. Одно время ходил даже по Парижу нелепый слух о скором будто бы восстановлении новой имперской аристократии, наподобие той, которую некогда пытался создать первый Наполеон; пожалование Пелисье герцогом Малаховским с назначением ему из государственного казначейства наследственной ежегодной ренты во 100 000 фр. казалось первым к тому приступом. Слух не оправдался, но до времени, по крайней мере в угоду закоренелому чванству переживших себя остатков старого французского дворянства, подготовлен новый закон о воспрещении носить титулы, присваиваемые себе без законного на то основания. Впрочем, несправедливо было бы не отдать Людовику Наполеону той поистине следующей ему чести, что рядом с этими более или менее удачными попытками всячески утвердить свое собственное личное положение, идет целый ряд мер, действительно достойных его ума и имеющих целью общественное благо. Сюда должно отнести главным образом утверждение двух больших новых сетей железных дорог – алжирской и так называемой Пиренейской во Франции, и удвоение капитала французского банка в видах усиления помощи, оказываемой им торговле и промышленности. Решимость даровать алжирским степям правильные пути сообщения, ныне сделавшиеся необходимыми орудиями просвещения, тем похвальнее, что малолюдство страны этой, представляющей среднее народонаселение только в 300 жителей на каждую квадратную милю, или 6 человек на квадратную версту, служило в этом отношении донныне пугалом для всех государственных людей Франции. Императору принадлежит честь правильного уразумения истинных нужд края и твердой решимости в избрании лучших средств к их удовлетворению. Независимо от этого, с помощью дорого стоивших артезианских колодцев добыта там же вода в местах, до сих пор ее лишенных, положено, наконец, твердое начало распродаже с торгов пустопорожних казенных земель по примеру того, как это ежегодно произво-

дится в Америке. Прежде, нежели окончательно решиться на удвоение банкового капитала, замышлявшееся еще первым императором, но в то время имевшее против себя мнение известного его министра графа Моллиена, Людовик Наполеон двукратно созывал особенные чрезвычайные советы, приглашал специальных людей к участию в их прениях под его личным председательством, и, по зрелом обсуждении дела, положил привести его в исполнение. Еще с большей осторожностью приступал он к преобразованию тарифа, тщательно вопрошая и выслушивая все затронутые интересы и всех людей, практически знакомых с делом; для свободного обсуждения вопроса была даже допущена правительством как бы некоторая агитация, не воспрещено составиться лиге или союзу в пользу свободной торговли по примеру бывших в Англии; не воспрещена и самая ожесточенная против нее полемика, когда правительство усмотрело в обществе сопротивление слишком жаркое своим первоначальным намерениям немедленной отмены или понижения в огромных размерах многих привозных пошлин, — оно сперва декретом 22 июня видоизменило свои предположения, а впоследствии объявило, что до 1 июля 1861 года, для статей, ныне вовсе запрещенных к привозу, это запрещение во всяком случае отменено не будет. Замечательно притом, что в некоторых статьях своих французский привозный тариф доньше несравненно строже нашего: так он до сих пор вовсе воспрещает ввоз бумажной пряжи; и даже новый проект имел лишь целью установить пошлину, возвышающуюся сообразно номерам и свойству пряжи от 1 фр. 44 сант. до 8 фр. 40 сант. с килограмма (то есть от 5 руб. 90 коп. сер. до 34 руб. сер. за пуд) и выше, для самых ценных ее сортов, тогда как в Россию пряжа допускается с платежом однообразной платы лишь 5 руб. сер. с пуда без всякого различия номеров. Мы не оправдываем окончательного решения французского правительства насчет тарифа своего; мы скорее даже склонны думать, что пользы Франции требовали совершенно противоположного при настоящей степени развития ее промышленности, при обилии в ней рук и капиталов и дешевизне каменного угля; но справедливость требует

признания, что правительство, по крайней мере, в этом случае правильно оценило несомненные выгоды гласности и добросовестного отношения к отечественной промышленности.

Между тем среди шумных толков, возбужденных вещественными интересами в деле тарифа и благоразумно терпимых правительством, стали в истекшем году подчас подниматься и другие вопросы, касающиеся более возвышенных сторон человеческого развития. Оцепеневшее французское общество, как бы с трудом очнувшись, наконец, от страха, на него нагнанного февральской революцией и декабрьским переворотом, отвыкает понемногу от того гробового молчания, которое три года сряду никто не осмеливался прервать, и начинает в литературной форме заявлять свой политический протест, тщательно облакаемый в критику на другие эпохи или страны чужие. Во главе этого движения стоят несколько преданий старого времени: «Journal des Débats», с его живой полемикой, Академия, где прием всякого нового члена торжественно празднуется речью, произносимой кем-либо из старых, понемногу вымирающих политических личностей Франции конституционной – или Гизо, или герцогом де Броглио, или Фаллу. К числу лучших явлений этой же стороны французской жизни принадлежат в особенности две замечательнейшие книги – Монталамбера и Токвиля, которым по всем вероятностям выпала заслуженная доля открыть собой новую эпоху умственной деятельности во Франции. Таковы первые симптомы оживления в верхних слоях общества; оно отсюда как бы проникает даже слегка в прения совещательных сословий, но здесь постоянно замирает на самых первоначальных оппозиционных приемах. Ниже всего этого поверхностного движения, доступного наблюдению всякого, даже иностранца, а для французского правительства не представляющего ничего, что бы не могло быть им с совершенной точностью взвешено, исчислено и рассчитано, – совершается в незримой глубине народной другая, как бы подземная, неуловимая, работа духа и мысли, о которой доходят до нас лишь немногие, самые неясные указания, и которая едва ли может быть с точностью

исследована самим правительством Наполеона. Тут кипят все сдержанные страсти французского народа, лишенные всякого правильного внешнего выражения; и только ими объясняются те ежечасные следы заговоров, на которые беспрестанно нападает императорская полиция, всюду встречающая тайные общества, то в форме так называемой «Марианны», то в других разнообразнейших видах. Юношество военных школ парижских, очевидно, также мало сочувствует современному порядку. Между высшим и низшим духовенством царствует совершеннейший разлад, плачевно засвидетельствованный трагической сценой убийства парижского архиепископа, но, без сомнения, питаемый деспотизмом епископов, против которого должна была вооружиться, наконец, самая светская власть. Вся остальная Франция торгует, продает и покупает на бирже, в упоении вещественного приобретения находя себе отвод от всего, что составляло некогда ее жизнь, как бы забыв общественное дело и равнодушно отстранившись от всех местных выборов и интересов. Глубокий знаток человеческого сердца и всегда верный ценитель факта, Людовик Наполеон не может не примечать совершающегося кругом его; он сам спешит уже новыми постановлениями положить предел им самим возбужденному току корыстных страстей; он сам подчас негодует на французское общество и упрекает его всегда красноречивым словом своим в неисправимой беспомощности и постыднейшем равнодушии.

Англия, сказали мы, представляет, напротив, образ правильнейшего гражданского развития. До этого высокого типа она достигла посредством неутомимой вековой работы над собственными учреждениями и непрестанного приноровления их к разрастающимся требованиям живой личности своего гражданина. В новейшее время, после продолжительного, почти исключительного развития учреждений аристократических, она решилась покинуть этот уже слишком узкий для себя путь, и постановлениями о парламентской реформе и об отмене хлебных законов и покровительственной системы смело пошла под руководством передовых мужей века по новой

дороге общественного демократического развития. Но всякий шаг вперед обуславливает и вызывает новые требования: Крымская война, как мы уже видели, вновь обнаружила многие застарелые язвы, дотоле сокрытые спокойным течением жизни; общественное мнение восстало, и политическое волнение на этот раз проникло, быть может, глубже, чем когда-либо прежде. Во главе министерства стоял и стоит поныне престарелый государственный муж, без сомнения, отличный умом и политическими сведениями, но воспитанный как бы в кровном сочувствии ко всем старым аристократическим злоупотреблениям конституции, как к верным средствам кормления для семейств палаты лордов: виг по политическому своему положению, но в глубине души ожесточенный доктринер. Это личное расположение лорда Пальмерстона, соединенное с желанием во что бы то ни стало удержать за собой и политическую власть, и вещественные выгоды носимого звания, и все это, в связи с тем страшным разложением партий, которое составляло отличительную черту отживавшей свой век Нижней палаты и было доведено в ней до крайних пределов бурными тревогами войны с Россией, – породило ту совершенную неспособность к правильному пониманию внутренних нужд и общественных требований, под бременем которой пала палата, и в которой глубоко заподозрено пред Англией само министерство. Последнее отвергало в минувшем заседании парламента все без изъятия реформы, живя лишь внешней политикой и непрестанно раздувая внешние несогласия, дабы найти себе в народном самолюбии и патриотизме защиту против явного нерасположения к себе законодательного большинства. Вот почему со времени Парижского мира даже внутренняя история Англии как бы нераздельно сливается с историей ее многосложных внешних сношений, и только в связи с последними может быть подробно рассказана. Оппозиция, со своей стороны, пыталась ценой жертвования всеми политическими началами вырвать бразды правления у старого министра, равно ненавидимого и немногими сохранившимися в парламенте старыми протекционистами, и обновленными ториями, и шко-

лой манчестерской, или пилистами, и партией демократической. Впрочем, знаменитая коалиция по вопросу китайскому, погубившая в глазах избирателей всю манчестерскую школу, недолго могла торжествовать свою победу над искушенным в парламентской жизни министром. Смелое обращение лорда Пальмерстона к народу, призванному избрать себе новую палату, если не решило дело в его пользу (ибо все поскольку еще закрыто), то, во всяком случае, отсрочило, по крайней мере, на время, его падение и возбудило решительный, хотя и не беспристрастный, приговор нации над самой коалицией. Новый парламент теперь уже собран. Англия походит в настоящую минуту на человека, погруженного в глубокое раздумье и крепко озабоченного настоятельной необходимостью принять окончательное твердое решение насчет будущего плана своей жизни. Будет ли новая палата долговечна? Возымеет ли к ней надлежащее доверие английский народ, привыкший считать парламент верным представителем своих выгод и воззрений лишь тогда, когда все мнения и все партии имеют в нем своих защитников, и не видящий теперь в обновленной среде его ни Кобдена, ни Брайта, столь долго любимых и им самим принесенных в жертву корифеев? Не предвещает ли также исключение из палаты многих первостепенных личностей новые еще опаснейшие бури вне парламентских стен, новую агитацию в самих народных массах? Успеет ли, наконец, новая палата неприкосновенно сохранить всегда ясный политический смысл, отличавший прежние английские парламенты, тогда как в ней сидит до 200 членов, не принимавших еще участия в законодательных трудах? Вот целый ряд вопросов, которых разрешение принадлежит близкому будущему. Мы, со своей стороны, можем указать лишь на то поприще, на котором должна завязаться существеннейшая борьба старых и новых начал. Лорд Пальмерстон, являясь перед новым парламентом, явно носящим на себе сильную краску либерализма, увидел себя вынужденным обещать длинный ряд давно требуемых реформ: он сам внес билль для изменения присяги, донныне закрывавшей евреям доступ в Нижнюю палату и упорно до сих

пор поддерживавшейся палатой пэров. Он обещал преобразования в законах о браке, о наследовании, о злоупотреблении чужого доверия; наконец, он должен был попытаться вырвать из рук оппозиции самое действительное ее орудие и обязался сам предложить новое распространение избирательных прав, отсрочив только подачу билля до будущего года. Вот роковой вопрос, разрешение которого, в более или менее обширном смысле, должно установить будущие судьбы самой Англии, и который теперь едва ли может быть совершенно обойден и заменен какими-либо другими второстепенными, но, быть может, еще необходимейшими реформами (как то легко могло быть сделано несколько лет тому назад). В прошедшем еще заседании палат лорд Пальмерстон и даже лорд Джон Россель положительно отвергали необходимость всякой избирательной реформы, рассчитывая, что для Англии вполне достаточно в настоящее время наличное число ее избирателей, превосходящее в 4 раза число лиц, пользовавшихся тем же правом во Франции накануне февральского переворота. Напрасно г. Лок Кинг старался в то время скрыть тайные намерения демократической партии и вносил предложение, искусно составленное на первый раз в смысле как бы благоприятном земледельческому сословию, но в сущности представлявшее лишь первое звено целой системы избирательных преобразований и окончательно направленное к крайнему понижению ценза и к торжеству ремесленных сословий. Предложение это было тогда отвергнуто; но теперь положение дел изменилось: уже сам «Morning Post» проповедует увеличение числа избирателей двадцатью пятью тысячами лиц, хотя и не имеющих собственности, но заслуживших какой-либо диплом; а демократические газеты прямо предъявляют свое требование на полное и коренное преобразование.

Но из всех государственных мужей современной Европы задачу, самую многосложную и неблагодарную, получили на свою долю настоящие правители австрийской империи. На именах Брука и Баха невольно останавливается с особенным уважением мысль каждого просвещенного человека и, ка-

ковы бы ни были его личные политические убеждения, как бы ни был он враждебно расположен к отечеству этих двух мужей, ему невозможно не питать горячего сочувствия к их терпеливому труду. Недавно один даровитый писатель посвятил три прекрасные статьи в одном из новых повременных изданий наших живому и поучительному очерку всего того, что сделано возрождающейся Австрией для улучшения своего финансового положения и для прочного обновления своих внутренних сил. Любопытный читатель найдет в них много фактов, доказывающих возможность для Австрии, при благоприятных обстоятельствах и с помощью просвещенного министра своего, выйти из того запутанного финансового положения, которое барон Брук наследовал от предшествовавших ему управлений. Рядом с этим как бы хозяйственным обновлением своим, основанным на правильном понимании самой сущности народных сил и лучших законных средств к их развитию, идет столько же просвещенная и заботливая деятельность и во всех прочих частях государственного управления. Так кипит живая работа, приносящая за собой и живые результаты, постоянно и неуклонно направленная к одной разумной цели, и потому безошибочно ее достигающая. Австрийское правительство, без предрассудков и самообольщения, смело смотрит в глаза всякой нелегко разрешимой задаче, не ищет себе прибежища от настоятельной злобы дневной за мнимыми удобствами отсрочки на долгое время всякого серьезного дела и не накапливает себе трудностей в будущем. Так, уstraивая финансы свои и разделяваясь с застарелым своим дефицитом, оно в одно и то же время проводит новые сети железных дорог в восточных своих пределах, примыкая их к точкам, ближайшим от наших южных границ, приступает к правильному вооружению всей Галиции целой системой укреплений, снимает с помощью 80 офицеров Генерального штаба подробнейшую военно-топографическую карту придунайских княжеств. Вместе с тем оно старается создать себе флот и учреждает новое, отдельное морское управление; вступает в деятельнейшие переговоры с Пруссией и всеми гер-

манскими государствами почти в одно и то же время в разных пунктах – в Ганновере, Нюрнберге, в Вене, договариваясь о введении в Германии однообразного веса, однообразной монетной системы и однообразного коммерческого уложения и стараясь об открытии себе доступа в Северный таможенный союз. С другой стороны, целым рядом новых постановлений отменяются внутренние паспорта, сглаживаются различия в местных управлениях, и разноплеменная империя постепенно подводится под общий уровень. При этом даруются пространные всепрощения и льготы, и милостями если не привлекаются, то, по крайней мере, усердно призываются к государственному общению все, до сих пор его чуждавшиеся или отчужденные. Наконец, религиозный элемент получает полную законную свободу развития и деятельности, нигде не подавляемую безнаказанно: первоначально собирается в Вене католический собор, вслед за ним, вероятно, не преминет возвысить свой голос и синод протестантского духовенства. Остановливаясь на совокупности этих явлений, мы, с одной стороны, не можем не признать, что такое разумное направление, даваемое живым внутренним силам государства, необходимо должно отразиться плодотворно и на степени его внешнего влияния и силы; с другой – мы не можем не скорбеть от глубины души при мысли, что правительство, пошедшее столь блистательным путем существеннейших улучшений, лишено историей, как бы недоброжелательной мачехой, всякой твердой, законной почвы для своей деятельности, и что оно, вследствие злого исторического рока, единой лишь силой штыков и искусством ссорить между собою враждебные национальности может удержать свое владычество над многочисленнейшей и лучшей частью своих областей. Это не мешает, впрочем, Австрии, пользуясь обстоятельствами, предъявлять дальнейшие притязания свои на другие еще племена – искать, например, решительного влияния в княжествах придунайских и в любезной нам Черногории. В какой мере может она успеть в этих новых поисках – вот вопрос, невольно западающий на мысль каждому русскому

О сочинениях Монталамбера и Токвиля*

При постоянно усиливающемся у нас внимании общества к развитию внутренней своей жизни и при стремлении его к отдаче себе сознательного отчета в различных ее проявлениях, становится более и более необходимым для литературы нашей заглядывать в богатый запас приобретенного западной жизнью ученого и политического знания, и, тщательной критикой очищая эти извне получаемые впечатления и данные, не менее тщательно проверять с ними наши собственные выводы, которые, без сомнения, почасту найдут себе в первых и новое оправдание, и драгоценное подкрепление. Каждая из трех главных современных отраслей западноевропейской литературы (английская, немецкая и французская) способна, конечно, доставить обществу нашему немалую долю полезной пищи. Стоит только произвести тщательный из них выбор, не довольствуясь одним рабским усвоением себе без исключения всего предлагаемого; необходимо также уметь иногда не поддаваться ослепительному обаянию той или другой временно господствующей теории – ученой, социальной, или политической, – и постоянно сохранять в отношении к ней всю свободу своего созерцания, основанную на самобытном взгляде, невольно слагающемся из бесчисленного и неуловимого множества постоянно на нас воздействующих местных и временных причин. Тогда все приобретет для нас новое значение и новую несомненную пользу. Даже самая бедная из современных западноевропейских литератур заключает в себе многое такое, что невольно должно привлечь и остановить на себе самое пристальное наше внимание:

* De l'avenir politique de l'Angleterre. Par le comte de Montalembert. Paris, 1856 (О политической будущности Англии, соч. гр. Монталамбера. Париж, 1856); L'Ancien Régime et a révolution. Par Alexis de Tocqueville. Paris, 1856. (Старый быт Франции и Революция, соч. Токвиля. Париж, 1856).

на сей раз ограничимся указанием на два вышеприведенные сочинения графа Монталамбера и Токвиля, о которых уже не раз упоминалось в русских повременных изданиях.

Читая обе книги и говоря о них, невозможно не предположить всякому о них рассуждению некоторых первоначальных, общих замечаний, касающихся современного состояния Франции. Прежде всего нас поражает свободное, беспрепятственное появление и печатание во Франции двух таких капитальных сочинений, явно направленных против существующего в ней ныне порядка вещей: авторы их не только не скрывают своего образа мыслей и сочувствия к прежней конституционной свободе, но на каждой странице пользуются всяким случаем, чтобы горько осуждать самовластную систему управления современной Францией и доказывать проистекающее от того зло. К этому предмету оба писателя возвращаются беспрестанно; и нам достаточно будет, без всякого особенного выбора мест из их сочинений, привести первые попавшиеся под руку строки. Такова, например, у Токвиля параллель между свободой и деспотизмом. «Один деспотизм, – говорит он, – может доставить всем низким страстям человека тот таинственный покров тьмы, который дает полный простор его корыстолюбию и позволяет ему обогащать себя бесчестными выгодами, не страшась позора. Даже при отсутствии деспотизма все эти страсти могут окрепнуть в обществе; но при нем они владывают исключительно. Единая свобода в силах с успехом побороть все свойственные подобному обществу пороки и удержать его на скользком пути падения... Она одна способна оторвать людей от суеверного поклонения золоту и от мелкой ежедневной заботы о делах денежных; она одна может заставить их ежеминутно видеть и ощущать отечество свое возле себя и превыше себя. Она одна способна от времени до времени отогнать от сердца человека алкание вещественных выгод, заменяя его страстями более благородными и возвышенными; она одна способна указывать стремлениям его предметы, более высокие, чем одно непрерывное искание богатства, и разливать тот спасительный свет, который нещадно обнаруживает все и

дает нам возможность равно обсуживать пороки и добродетели людей»*. В другом месте, описав мастерскими чертами всеобщую апатию и равнодушие к общественному делу, которые являются постоянным уделом государств, лишенных свободного развития, Токвиль прибавляет: «В истории явление это повторяется беспрестанно. Почти все государи, поправшие в отечестве своем свободу, первоначально пытались сохранить на время внешние ее формы: так было от самого Августа и до наших времен; они льстили себя надеждой соединить, таким образом, в лице своем и все удобства власти безграничной и ту нравственную крепость, которой в силах облечь правительства одно лишь свободное совпадение с ними общественного мнения. Почти все они окончательно испытали в этом деле неудачу и вскоре должны были сознать, что невозможно долго сохранить обманчивую внешность там, где уже более не существует действительности»**. А вот еще личная исповедь благородного автора. «Многие, – говорит Токвиль, – быть может, обвинят меня в несвоевременном обнаружении сильной любви к свободе, к которой, уверяют меня, все до последнего ныне равнодушны во Франции. Да благоволят однако заметить возражатели, что это чувство во мне далеко не ново. Уже более 20 лет тому назад, описывая иное общество, выражался я почти теми же словами... В течение этих 20 лет ничего такого не случилось на свете, что могло бы заставить меня изменить мое мнение. Громко исповедав сочувствие мое к политической свободе в то время, когда была она в моде, я позволю себе остаться верным своему убеждению и тогда, когда ее все покидают»***.

Не менее открытым защитником политической свободы и еще сильнейшим порицателем системы управления Людовика Наполеона заявляет себя граф Монталамбер, большей частью облакающий приговоры свои над бытом Франции в форму похвалы английским учреждениям, но, впрочем, нередко и прямо указывающий на непримиримую противоположность полити-

* Tocqueville, p. 18–19.

** Tocqueville, p. 92.

*** Tocqueville, p. 92.

ческих начал двух последних королевских династий с началами Наполеонидов. Доходит ли речь до английского парламента, он со всей силой убеждения восклицает: «До сих пор все существенные потребности народные постоянно находили себе в нем свободное выражение; все искренние интересы народные были в нем правильно размещены и уравновешены. Никогда никакой другой образ правления не доставлял человеку столько удобств для открытия истины и справедливости, столько средств для избежания погрешностей или исправления их... Мы тщетно стали бы искать в политической истории света явления великолепнее этих благородных, умных и честных поединков парламентской жизни, где человек достигает наивысшего значения своего, вооруженный единым могуществом слова, ограниченный единой силой закона; и, конечно, нет задачи более своевременной, как передавать потомству память об этих незабвенных победах чувства права и совести человеческой, именно в такой век, которому преимущественно суждено было сделаться свидетелем то кровавого, то тлетворного торжества насилия и лжи*». Доходит ли речь до государственных людей Англии, он говорит: «Мы не отвергаем, что и в Англии встречаются примеры подкупа вещественного и отступничества от политических мнений: мы утверждаем только, что подобные явления никогда не находили себе оправдания или извинения перед судом общественной совести... Нет примера в современной нам Англии, чтобы человек, возвысившийся посредством отступничества, управлял судьбами родного края, принося в жертву своему властолюбию собственную честь и нравственное чувство**». «Нет, – говорит он еще в другом месте, – Англия никогда не преклонит слуха к голосу лжепророков, научающих народы искать себе в собственном унижении убежища от своего легкомыслия и рассчитывать на всеобщее молчание для заглушения своей совести. Нет, Англия никогда не примирится и не приложит к жизни этого ныне распространяющегося учения, которое выдает свету за идеал всего прошедшего и бу-

* Montalembert, p. 120, 152.

** Montalembert, p. 252–253.

дущего развития такой общественной быт, где человек только ползком может двигаться и возвышаться, и где ни талант, ни доблести, ни мысль, ни мужество человека не имеют значения, если они не облечены в цвета официальной ливреи»*.

Таков памфлетический характер обоих сочинений, и в особенности книги Монталамбера. Тем не менее свободное печатание и распространение их совершается во Франции беспрепятственно, несмотря даже на то, что заключающиеся в них истины, безразличные для всякого иного правительства, явно и исключительно направлены против системы Людовика Наполеона. Но так велика уже во Франции и так крепко укоренилась в ней свобода мысли и свобода жизни, которую она добыла себе тридцатилетним периодом правления Бурбонов и Орлеанского дома, что подобное литературное явление, даже в эпоху настоящей диктатуры, проходит как бы незамеченным внешней властью, не возбуждая особенного полицейского ее внимания. Это явление может, конечно, служить замечательным признаком созревающей общественной жизни во Франции, каковы бы, впрочем, ни были судьбы ее в неведомом для нас грядущем. Скажем более, этими первоначальными приобретениями своими общественная жизнь Франции уже не может удовлетвориться. Чтобы убедиться в этом, достаточно нам будет привести незаподозримое свидетельство одного из замечательных первоначальных деятелей настоящего наполеоновского периода, доктора Верона, в том виде, как передается оно нам газетой «Le Nord», раскрывшей столбцы свои отрывком из одного нового его произведения – «Четыре года правления Наполеона III». Вот подлинные слова доктора Верона: «Добровольно отказавшись от мнимой поддержки, находимой будто бы во всеобщем онемении, император ясно докажет и внутренним политическим партиям, и в особенности иностранцам, как велика его сила и уверенность в ней. Где не допускается свободное обсуждение, где не позволен спор, там и похвала теряет все значение свое, а между действиями четырехлетнего правления императора встречается многое, что по совести

* Montalembert, p. 289.

можно бы похвалить. К тому же этот строгий закон молчания, наложенный на печать туземную, порождает в публике лишь живейшее сочувствие и любопытство к газетам иностранным, в которых дух злобы и неприязни доходит до клеветы. Я понимаю, что критика, даже благоразумная и умеренная, может казаться неприятной некоторым из тех, которые окружают престол и, утопая в спокойствии власти безотчетной, крепко стоят за то, чтобы никакой шум, никакой свободный звук извне не пришел бы его смутить. Но, во всяком случае, налагаемое на газеты и журналы молчание, к сожалению, всегда кидает нравственную тень на личность самого государственного вождя».

Мы не без умысла распространились здесь о личных отношениях обоих рассматриваемых нами писателей к современному французскому быту, и не без умысла также старались выразить это отношение собственными их словами. Последней методы мы строго станем придерживаться и далее, будучи твердо уверены, что это лучшее средство к полному и правильному, так сказать, введению читателя в круг мыслей и понятий автора, будучи убеждены притом, что читатель ничего не потеряет, вместо наших собственных соображений получив к сведению несколько лишних строк двух замечательнейших современных публицистов Франции. Свободное, независимое воззрение последних на образ правления Наполеона, их горячее сочувствие к формам жизни политической, свободной и обеспеченной, еще яснее и осязательнее выскажется при следующем изложении их исследований; но мы хотели уже заранее твердым образом определить для читателя исходную точку всего их созерцания в предупреждение всяких недоразумений насчет степени и меры независимости их воззрения и приемов. Подобная предосторожность, без сомнения, не нужна была бы во всяком ином, более самостоятельном развитом обществе; у нас она, к сожалению, еще необходима.

В Европе, и особенно в Англии, где вся жизнь общественная сложилась и развилась на началах самостоятельных, где притом продолжительное столкновение и борьба в действительной жизни самых противоположных на нее воззрений

послужили к достаточному уже уяснению и относительному оправданию каждого из них, где между мнениями противоположными время во всех областях мысли выдвинуло уже множество посредствующих звеньев в виде теорий переходных; где, наконец, вследствие всех этих обстоятельств, успело уже установиться взаимное уважение друг к другу различных мнений, а поэтому установилось и вообще уважение к чужому мнению, как бы ни противоречило оно личным понятиям каждого: там, говорим мы, сделалось уже невозможным голословное осуждение всего нам не нравящегося, голословное отрицание целого учения и самого нравственного его характера по причине одного разногласия в воззрении; там, наконец, виг умеет уважать тория и не доходит до клеветы на него, как бы ни смотрели они разное на жизнь; и благородные бойцы борются на смерть в пределах честной, добросовестной борьбы. У нас, к сожалению, не всегда так бывает: мнения наши вообще мало еще установились, они почти всегда целиком заняты из чуждой нам среды и мало имеют у нас приложения в своем первоначальном виде; а между тем мы суеверно держимся за них, как за святыню, извне нам завещанную, к которой ни прибавить ничего не можем, ни убавить из нее ноты не смеем, боясь исказить все содержание ее и не чувствуя в себе ни довольно энергии, ни довольно жизненных к ней отношений, чтобы обращаться с ней свободно и суметь разработать ее на свой лад.

Поэтому, когда известная мысль, предъявляя притязание на самостоятельность, не подходит прямо под заимствованные нами категории, мы привыкли немедленно отвергать ее, скажем более, мы не только отвергаем ее без суда и разбора, мы даже спешим заподозрить ее в том, чего в ней вовсе не заключается, приписать ей то, что ей чуждо, не сочувственно, даже положительно противно. Словом, у нас в спорах мало понимания, добросовестности, и много придирчивости. Таков удел всех обществ мало развитых, и в особенности развитых неправильно. Не говорим о примерах ближайших; нам помнится, как один, некогда знаменитый, журнал в припадке слепого поклонения современному факту и слепого осуждения всего

отжитого немилосердно гнал малейшее сочувствие к которой бы то ни было стороне средневековой жизни, – и европейской, и нашей, – и метал грозные перуны свои на осмеливавшихся в той и другой находить живые любезные стороны. Да и в настоящее время средневековая и допетровская жизнь России не в большом у нас почете: не подходит она под наши современные категории, не соответствует всем настоящим нашим требованиям, не пригодна она к полному воскрешению своему в большей части уже отживших своих учреждений; стало быть, и в свое время, при тогдашних требованиях эпохи и места, не была она никуда годна, и жила она сотни лет каким-то ненужным в мире уродом. Так и теперь рассуждают и пишут у нас многие, и забывают, что новая Россия могла воздвигнуться лишь на крепкой незыблемой основе России древней, что последняя и наметала, и сплотила государство наше ценой многих тяжких жертв, что потратила она на это немало честного труда и благородной отваги, и что, несмотря на явное несовершенство многих присущих ей древних учреждений (несовершенство, повторявшееся, впрочем, в современных учреждениях и всех прочих государств европейских), она уже в то время пользовалась тем единством и той свободой народной жизни, той дивной способностью усваивать себе самые чуждые ей элементы, которые и теперь являются уделом не всех нам известных современных государств. А между тем на беду всем этим резким теориям, ни Монталамбер, ни Токвиль не равнодушны к идее самостоятельного народного развития всякого общества. Они не сочувствуют централизации, равно чуждой древней Европе и древней России*, они признают в средневековой жизни драгоценные залого будущего развития; в тщательном историческом сбережении этих залогов Англией они видят главную причину ее мужественного созревания и крепости; в легкомысленном отречении от них Франции – главный источник ее последую-

* В черновой рукописи автора находим еще следующие строки: «Ни политике Людовика XI и Ришелье, этих западных типов наших Иоанна IV и Петра Великого, ни столь любезной у нас многим теории насильственного воспитания общества посредством государства». – *Прим. изд. в издании 1879 года.*

щих и доньше не исчерпанных еще вполне бедствий. Таков поучительный урок, невольно извлекаемый из тщательного изучения их сочинений. И притом, скажем мимоходом, до сих пор в Европе никто не спешил обвинить их в измене началам, любезным всякому образованному человеку. Да и мы, робкие ученики Запада, во множестве журналов наших уже спешим на попятный двор от многих сгоряча высказанных сперва теорий, тревожимые недоумением, кто же окончательно прав – мы ли, или учителя наши? Невозможно, впрочем, не порадоваться этому явлению: авось общество наше, равнодушное или враждебное к исторической теории, возвращенной дома потому только, что она была плодом самостоятельной народной мысли, поспешит принять ее хоть на веру, как скоро появилась она под фирмой и за рукоприкладством французских мыслителей!..

Но пора приступить к самому анализу их сочинений. Мы начнем с книги графа Монталамбера о политической будущности Англии и проследим шаг за шагом все развитие его мысли.

Что будет с Англией? Неужели так близка к падению своему эта классическая земля свободы? «Сломится ли наконец гордыня народа, до сих пор безнаказанно попиравшего законы строгой логики и столько дерзновенного, что смеет верить в одно и то же время и в историческое предание, и в прогресс, умеет сохранить за собой монархию и жить свободно, отклоняет от себя революцию и ускользает от деспотизма?»* Вот вопрос, постановленный Монталамбером в заглавие труда своего, на который вся книга его отвечает отрицательно, исчерпывая все доводы, предлагаемые историей и личным ежедневным опытом британской жизни, горячей, неподдельной любовью автора к свободе и возвышенной его оценкой достоинства человеческого. Главным поводом к заблуждению иностранцев насчет будущности Англии он признает преимущественно то состояние тревожного волнения, в котором постоянно представляется Англия взору непривычного наблюдателя, незнакомого со спасительными смятениями свободной жизни, с выгодами непрерывного вмешательства в общественное дело частного

* Montalembert.

лица, издавна привыкшего к однообразному томлению родной страны (автор имеет в виду Францию), где нет ни борьбы, ни упорного труда, ни самобытной и самородной деятельности, где царствует какой-то холодный внешний порядок, где все и всегда носит официальный ярлык, имеет себе неизменное место, расставлено по углам, согласно щепетильной попечительности внешней власти, всегда готовой извинить гражданина от всякого беспокойства и снять с него всякую ответственность в общем деле, но тем самым нещадно умерщвляющей в нем дух отчизнолюбия и самопожертвования, расслабляющей современную людскую породу и осуждающей народ на безысходное несовершеннолетие»*. Другим поводом к тем же заблуждениям служит неистощимое злословие англичан и английских газет насчет самих себя и собственного своего отечества, слишком часто и слишком простодушно принимаемое на веру иностранцами; в этом отношении англичане поразительно походят на тех «несколько брюзгливых бар, которые, хотя и глубоко убеждены в своем бесспорном величии и превосходстве, но тем не менее принимают наружный вид, будто они мало ценят все то, чем богато наделила их судьба». Но скажем также – эта способность всегда относиться к самим себе критически, оставаться всегда собой недовольными, не поддаваться исключительно ничему обаянию, быть даже иногда, под влиянием страстного, мимолетного движения, несправедливыми к триумфаторам, в Риме к Сципиону, в Англии к Веллингтону, у которого однажды, в минуту неразумного гнева, чернь выбила все стекла в окнах, – эта способность врожденна лишь великим народам. Она имеет еще и другую обратную сторону, обнаруживающуюся в изумительной стойкости и непреклонности перед политическими невзгодами и военными неудачами; она дала римлянам силу выдержать кряду три Пунические войны и внушила Сенату мужество продать с аукциона землю из-под Аннибалова лагеря и после поражения под Каннами поздравить Варрона с тем, что он не отчаялся в судьбе Рима; она воодушевляла также Питта и английский парламент в отчаянной двадцатилетней борьбе с

* Montalembert, p. 257.

первым Наполеоном; она в последнюю войну научила англичан их чудовищным морским вооружениям и дала им вместе с тем средства справиться с внутренним волнением партий.

Но если Англии суждено выйти победоносной из окружающих ее со всех сторон уже теперь и еще в сильнейших размерах ожидающих ее в близком будущем опасностей от наплыва демократических стремлений, то любопытно знать, должна ли она будет преобразиться в этой борьбе с ними, или возможно ей будет сохранить все старое, заветное свое устройство? Без сомнения – нет, – отвечает Монталамбер; ей, конечно, предстоит многотрудная работа постепенного отречения от многих старых исключительно аристократических форм. «Постоянное усиление и неминуемость окончательного торжества демократии представляются ныне явлениями неотразимыми и столько же осозательными, сколько постепенное развитие и торжество неограниченной монархии с XV и до XVIII века. Демократия теперь уже везде и всем управляет, даже там, где она еще не воцарилась гласно. Безрассудно было бы не признавать этой победы ее; не менее было бы безрассудно сопротивляться ей, поскольку это торжество не перерождается в угнетение и не влечет за собой некоторых последствий, несовместимых ни с совестью человека, ни с его здравым смыслом»*. Но есть на свете два вида демократии – демократия, ищущая для граждан своих лишь гражданской свободы, и демократия унитаризма, алчущая всеобщего во всем равенства и повсеместного единообразия учреждений. Первая допускает свободно развиваться личности человека во всех направлениях – в области мышления, нравственности и капитала; «старается о развитии в обществе начала правомерности, ищет упрочить за людьми равенство перед законом, заботится о вещественном благосостоянии и о просвещении народа, об освобождении совести человека из-под гнета светского ига»**. Другая демократия, демократия унитарная, по самой сущности своей «враждебна всем постепенным приобретениям свободы; враждебна также

* Montalembert, p. 33.

** Montalebert, p. 33.

всему, что крепко и долговечно, что одарено силой сопротивления. Она стремится отвергнуть и сокрушить всякое превосходство, истекающее из природы вещей или сложившееся из исторической жизни народов... Она везде ищет заменить нравственные и естественные обеспечения, основанные на историческом предании, узами механическими, искусственными и потому непрочными, и везде осуждает личное достоинство и личное значение человека к поглощению его государством... Для нее *ultimo ratio** заключается лишь в исключительном преобладании числа, категории количественной, в ее самом слепом и самом грубом образе проявления... Она везде сопряжена со всеобщим понижением общего уровня талантов, способностей и нравственных влияний, с отречением человека от всякого личного значения и величия и от всякой независимой индивидуальной силы своей**. Присутствие этих худых демократических стремлений выражается всегда в известных неизменных признаках, и может всегда быть определено по некоторым постоянно повторяющимся симптомам. Эти признаки суть: во-первых, развивающаяся в обществе крайняя раздражительность и неумение выносить политические неудачи; сменяющиеся в народе пароксизмы слепой самоуверенности, безотчетного гнева и апатического упадка духа; далее, одностороннее безусловное осуждение всех без изъятия старых учреждений, даже тех, которые в свое время были и, при некоторых улучшениях, могли бы еще служить лучшими обеспечениями свободы жизни, и безусловное поклонение тлетворным теориям бюрократии и централизации; наконец, бессознательно вкрадывающееся в самую литературу слепое поклонение успехам грубой силы, обоготворение человеческих идолов под именем «hero worshipping», или «поклонение героям», провозглашенное в Англии даровитым писателем Карлейлем, которого несомненный талант, говорит Монталамбер, бесспорно более всех других послужил к извращению общественного духа в Англии и к сокрушению обаяния древних ее учреждений».

* Высший смысл (лат.). – Прим. ред.

** Montalembert, p. 34, 36–37, 52.

«Итак, мы должны в том признаться, – продолжает Монталамбер, – успех демократии есть господствующее явление новейшего общества, но вместе с тем это – главнейшая для него опасность, и ускользнуть от этой опасности ни одна страна донныне еще не сумела. Умерить и упредить демократию, не уничтожая ее, организовать ее в виде умеренной монархии или охранительной республики, – такова задача нашего века»*. Разрешение этой задачи, по мнению мыслителя нашего, выпало на долю современной Англии; и мы, признав симптомы развивающегося в ней нового строя жизни, не должны от этого впадать в отчаяние и придавать им излишнюю, не заслуженную ими важность: Англия, думает он, несомненно выйдет победительницей из открывающегося кризиса.

Главный довод для убеждения себя в том и главную причину к успокоению своему на сей счет находит он в том практическом, по преимуществу, складе английского ума, в той несомненной практической мудрости его, которая и до сих пор никогда не позволяла ему предаваться исключительно логическому развитию какой бы то ни было политической системы и доводить ее в жизни до последних крайностей. «К счастью своему, – говорит он, – Англия никогда не щеголяла слепым поклонением законам логики. Она издавна выговорила себе привилегию на отъявленнейшую непоследовательность, да и теперь не намерена приносить в жертву логике ни славы, ни благоденствия, ни безопасности своих. Никогда она доселе еще не подвергала опасности трудом добытых плодов своего гражданского развития, никогда не бесславила своего торжества и не переходила за назначенную себе цель. Поэтому не станет она подражать тем странам, где всякое торжествующее начало (будь то власть или свобода) немедленно же спешит рыть самому себе могилу руками своих льстецов и логиков; где вслед за провозглашением всякого нового или вновь воскрешенного начала немедленно с шумом сокрушаются все противодействующие силы, которыми сдерживалось это начало до минуты своего торжества и которые теперь-то именно и становятся для

* Montalembert, p. 38.

него всего более необходимыми»*. Таким средством обуздания напиральной отовсюду демократии должны служить сохранившиеся еще в Англии остатки аристократических учреждений, во сколько они совместимы с новым зарождающимся бытом.

Но что же такое эта английская аристократия? И в чем заключается отвлеченная идея аристократизма вообще?

Гр. Монталамбер не довольствуется одним простым изложением подмеченных им в британской жизни фактов: верный особенному свойству своего таланта и мышления, всегда стремящегося к возведению случайных и преходящих форм жизни под общие и вечные законы, истекающие из самого существа вещей, он и здесь опять стремится открыть первоначальный, отвлеченный, философский источник аристократизма в человечестве, его первоначальную законную причину бытия; точно так же, как и противоположное понятие о демократии независимо от всякого внешнего, юридического определения, доведено им в главных своих разветвлениях до самого тайного и задушевного источника его в сокровеннейших изгибах человеческого сердца.

Ни то, ни другое отвлеченное понятие не сформулировано им нигде в каком-либо законченном виде и завершенной фразе; но отдельные для них черты щедрой рукой рассыпаны по всей книге; а потому нам надобно будет опять постараться собрать и свести их воедино для выражения отвлеченной идеи аристократизма, точно так же, как уже сделано это нами для понятия о демократии. В этой отвлеченной форме своей аристократический характер народа, предварительно воспитанный в нем действительными аристократическими учреждениями, может продолжать существовать в обществе даже и после падения этих самых учреждений, отпечатлеваясь в самых приемах и воззрениях новой демократии. Вообще подобно тому, как в крайнем развитии демократии Монталамбер усматривает незаконное отречение от человеческой личности и личной самостоятельности, точно также аристократизм представляется ему в идее своей высшим осуществлением этой личности и этого человеческого достоинства. Он с любовью и с верой останав-

* Montalembert, p. 58.

ливается перед этой мыслью, – заветным, задушевым своим политическим убеждением; от окончательного торжества ее в новой просветленной форме он ожидает и в новом демократическом обществе окончательной победы разума над грубой силой, и свободной личности человека над внешними требованиями толпы и деспотизма. «Верх аристократизма, – говорит он, – состоит в том, когда человек дерзает сопротивляться неразумному требованию дня, смело ступает навстречу потоку, низвергающегося с высоты, и хранит гордую осанку в то время, как все кругом его падает ниц и поклоняется или ищет себе спасения в бегстве»*. В жизни, по его мнению, всякая положительная аристократия должна быть не только независима, но еще для всех открыта и доступна, и в особенности она должна быть полезна для народа: это свойство ставит он необходимейшим и первым условием ее бытия, без которого она не имеет ни смысла, ни законного права на существование. «Таков, – говорит он, – величавый образ английской аристократии, свободной, гордой, но благоустроенной, тем более почтительной к власти, что она от нее вполне независима, всегда доступная людям заслуженным, всегда склонная к полезным усовершенствованиям и преобразованиям необходимым, но покоящаяся на твердой основе исторического предания и личного права...» «Вот аристократия, – говорит он далее, – покоящаяся на самом твердом из всех оснований, на заслугах общественному делу и на непрерывном отравлении самостоятельной и доселе никем не опровергаемой власти... Понятие об аристократии проникло в Англию всюду, ибо там глубоко укоренилось чувство личной независимости, и энергии, и личного значения, которое есть самое существо аристократизма или власти, уделенной гражданам достойнейшим и полезнейшим»**.

Впрочем, сочувствие к древним аристократическим учреждениям далеко не лишает умного публициста ясного и правильного на них воззрения и не связывает с ними его мысли узами неразрывными. Он ясно сознает возможность их падения при

* Montalembert, p. 250.

** Montalembert, p. 84, 91, 167.

новых требованиях общества, и, довольный тем, если удовлетворительно завершится ими дело воспитания народного в чувствах уважения к личности и к достоинству человека, он так же мало ищет искусственного возрождения этих учреждений, как мало, с другой стороны, сочувствует их легкомысленному разорению.

«Единожды сокрушенную аристократию, – говорит он, – силы человеческие не воскресят вновь так же, как невозможно от корня вновь развести единожды расчищенную дубраву»*.

Мы завершим картину английского воззрения на патрициат приводимыми Монталамбером словами из письма знаменитого Бурка к герцогу Ричмондскому в 1772-м году. «Вы, – пишет он, – люди древних родов, богачи наследственные, вы не походите на нас, людей новых. Какую бы ни приобрели мы силу, как бы ни были вкусны и обильны плоды нашей жизни, мы все-таки всегда останемся растениями однолетними: одного года достаточно нам, чтобы созреть и увянуть. Но в вас, если вы действительно являетесь тем, чем вы должны быть, мой взор любит признавать те могучие дубы, тень которых в течение многих и многих поколений доставляет спасительную прохладу огромным пространствам. Не важны для нас власть и личное влияние какого-нибудь герцога Ричмондского или маркиза Рокингамского; но важен их пример и их образ действия. Он должен быть таков, чтобы через его посредство могло быть передано преемникам славного имени верное предание об их предках. Тогда только дома их сделаются живыми хранилищами общественной конституции»**.

Приступим, наконец, к самому анализу политического устройства и условий существования и силы английской аристократии, как нам передает их Монталамбер в своих всегда верных изысканиях; этот отдел сочинения его есть, без сомнения, один из замечательнейших, и вместе с главой, посвященной устройству английских университетов и изображению характера английского общественного воспитания, был преимущественно оценен всей английской литературой.

* Montalembert, p. 232.

** Montalembert, p. 81.

Много существенных условий соединено там историей для упрочения за аристократией особенной силы и особенно-го влияния. Из них первое и самое общеизвестное, это – существенное и постоянное разветвление аристократии на две партии – вигов и ториев, разделение, проходящее через всю новую историю Англии и только весьма недавно, со времени знаменитого преобразования сэра Роберта Пиля, начинающее искажаться в своем характере и последствиях. В силу такого разделения, постоянно питавшего спасительное соревнование к общественному делу между двумя главными ветвями сословия, призванного к управлению государством, последнее никогда не могло сделаться добычей и жертвой эгоистических целей или политической бездарности какого-либо замкнутого кружка, чуждого внушениям гласности и требованиям народным. Ибо, поскольку одна сторона находилась у кормила правления, другая постоянно стояла настороже, готовая воспользоваться всякой ошибкой первой и ловить малейший намек народной воли, дабы из немедленного осуществления его сделать себе орудие для достижения власти; старый заслуженный герцог и молодой депутат, – все принимали равное участие в этой игре парламентских учреждений, беспрерывно переходя с министерских скамей в оппозицию и обратно и непрестанно поддерживая в эфемерном правительстве чувство политической бодрости, но никогда не выпуская власти из рук аристократий, той или другой. В подтверждение слов гр. Монталамбера о спасительном для общественного дела характере этой борьбы двух аристократических партий приведем те опасности, коим не раз подвергалась Англия, особенно в XVIII веке, при слишком продолжительном случайном преобладании одной которой-либо из двух сторон, когда несоразмерная сила одной из них, казалось, обеспечивала ее от опасности быть сверженной и позволяла ей предаваться дремоте. Так было, например, в длинное управление вигов при Вальполе, оставившее по себе такую позорную память в летописях Англии. К счастью, подобные примеры, по самому существу английской жизни, никогда не могли, как в других землях, обратиться в общее правило, и временное по-

литическое меньшинство под эгидой положительных политических учреждений всегда оставалось в Англии вернейшим хранителем народной пользы и свободы общественной.

Раздвоенная внутри себя, английская аристократия, с другой стороны, не подчинялась тем преданиям родовой замкнутости, которая существовала и в Венеции, и в Германии, и отчасти во Франции, содействуя во всех сих землях постепенному образованию вне очарованного круга новых живых и крайне враждебных сил и подвергая его самого медленному, но неотразимому физиологическому истощению. На уединенных, своеобразно сложившихся островах британских разумная знать всегда умела дать к себе доступ всем живым силам общества, охотно поглощала в себя и усваивала себе все те живые элементы, которые всплывали на народной поверхности, успев отличиться от простой толпы какими-либо особенными заслугами. Даже во внутренней семейной жизни различные сословия не отделялись друг от друга несокрушимыми китайскими стенами: они охотно смешивались между собой и не признавали ничего постыдного в неравных браках, этом лучшем и единственном предохранительном средстве против вырождения пород. Так, замечает граф Монталамбер, английскому языку остались даже вовсе чужды и не имеют себе на нем соответственного выражения два понятия – *parvenu et mesalliance** – наделавшие столько вреда во Франции. И мы также (заметим то со справедливою гордостью) принуждены привести здесь в подлиннике оба французские слова, ибо простодушная речь наших предков, даже в устах старых бояр Московского княжества, как ни развит был в них политический элемент аристократизма, чужда была и чужда осталась этим понятиям мелочного тщеславия; а щегольское современное общество наше, не нуждаясь в русском языке для выражения своих нерусских понятий, не умело изобрести для них новых вполне соответствующих русских слов.

Кроме браков и повседневного непрестанного поглощения в ряды пэрства всякой личности, знаменитой по заслу-

* Выскочка и мезальянс (неравный брак) (фр.). – Прим. ред.

гам, – еще многими другими точками умела и донныне умеет английская аристократия приходить в ближайшее и искреннейшее соприкосновение с обществом и поддерживать свою живую с ним связь: таков тот вековой обычай, по которому все младшие сыновья каждого пэра возвращаются в общую, безразличную толпу граждан, ничем не отличаясь от других, кроме некоторых связей и высшего уровня образования, упорным трудом приобретенного на школьных скамьях и долженствующего в свою очередь открыть им путь к дальнейшим успехам в жизни. Конечно, подобный обычай предполагал целую совокупность аристократического устройства всех ветвей служебной иерархии, и притом не только светской, гражданской и военной, но даже и духовной, для наделения младших отраслей древних родов вещественными выгодами службы и церковных мест. Против этого злоупотребления, доселе, впрочем, сопрягавшегося для народа и с некоторыми выгодами, общественное мнение Англии восстало с обыкновенной силой, особенно под влиянием военных неудач крымского похода; богатое среднее сословие английское искусно умело разжечь затронутое народное самолюбие, изыскивая прежде всего облегчения и для собственных своих сыновей доступа к выгодным синекурам, обеспеченным государственным бюджетом, и поспешая воспользоваться удобным случаем, чтоб взойти в более уравнительную дележку с многочисленной родней палаты пэров. Но последняя не забыла еще старой тайны управления и, конечно, не свяжет своего политического существования с мелким денежным вопросом; она вовремя сумеет сделать нужные уступки, и административная реформа, без сомнения, разыграется также правильно, как уже правильно совершились и многие другие, не менее важные преобразования.

Вся совокупность вышеприведенных явлений должна была неминуемо привести к тому результату, что аристократизм в Англии, как справедливо и остроумно замечает Монталамбер, не сосредоточивается исключительно в учреждении палаты пэров и в четырех- или пятистах семьях, которые носят звание лордов и главы коих заседают в Верхней палате, но проник в

кости и в мозг всего английского общества, и во всех слоях его отпечатлелся печатью, нелегко изгладимой. В особенности заметен этот аристократический характер английского общества на многих тысячах семей землевладельцев, крупных и мелких, образующих то крепкое и здоровое, также всем доступное сословие *gentry*, английских помещиков, не запятнанных неправильными и самопроизвольными отношениями к окружающей их среде и из-под сени родных дубрав заведующих всем местным управлением областей, довольных сознанием выполненного перед обществом долга, не получаая за труды свои ни казенного жалованья, ни неизвестных себе чинов. Но, вернее сказать еще, – в Англии аристократизм находится везде и всюду, ибо все проникнуто в этой счастливой стране чувством личной самостоятельности и уважения к любезной старине; для всякого англичанина, будь он лорд или простолюдин, лучшее, заветнейшее название родной страны есть «*old merry England*» – «старая веселая Англия»; он хвастается ее седой древностью, в бурях и испытаниях прожитыми ею веками; и хвастается ими, и любит их так же искренно и так же безотчетно, как искренно и безотчетно любил некогда девиз своих предков простодушный потомок рыцарей – товарищей Черного Принца.

В стране, столько пропитанной аристократическим характером, самая аристократия конечно, могла легче и беспрепятственнее, чем в других государствах, удержать свои права и учреждения. Но за это снисхождение к себе народа она вперед и щедро расплатилась с ним. «Пусть другие, – говорит Монталамбер, – восхваляют ее великолепие, мужество, красноречие и политическую мудрость; они будут вполне правы. Но я хвалю, благословляю ее выше всего за то, что она умела прежде всей остальной Европы внять голосу справедливости в установлении отношений своих к своим подданным, что она вступила в правомерный с ними союз, не будучи к тому вынуждена ни внешней властью, ни восстаниями, и притом совершила дело это с такой неподдельной простотой, что едва-едва можно снискать в истории следы этого огромного и благодетельного переворота... Когда и как свершилось это спасительное отречение? В силу какого

закона перестали английские gentlemen составлять отдельную касту, перестали пользоваться непосредственным правом суда и расправы, отказались от тягостных и уничижительных повинностей своих вассалов, от выгодной для себя барщинской их работы? Все это нам неизвестно... А между тем тот, кто возьмется проследить сквозь течение многих веков отношения крупных английских землевладельцев к их фермерам и сравнить их с пагубными раздорами дворянства и земледельческого народонаселения на материке Европы, тот, конечно, напишет одну из лучших и полезнейших страниц истории всемирной...

Достоверно только то, что после страшных возмущений XIV и XV веков, выразившихся в личностях Вата Тилера и Якова Кеда, уже не видно более в английской истории ни малейшего следа сословных войн; и что еще за два столетия до того времени, как дворянство французское, принеся в жертву Людовику XIV свое достоинство и независимость, упорно старалось еще поддержать обветшалое и возмутительное здание своих феодальных прав, которому суждено было вдруг с шумом обрушиться в памятную ночь 4 августа 1789 года, дворянство английское, gentry, уже освободило своих крестьян и вместе с тем избавило себя от смертоносного ига этих исторических анахронизмов*.

Ценой этой-то давнишней готовности своей к установлению правильных сословных отношений, этой мужественной борьбы своей против королевской власти за гражданские права народа английская аристократия приобрела себе права, доселе незабытые, на его любовь и уважение; эти неизменные к ней чувства народа доставили ей возможность пережить эпохи самых тяжких для нее испытаний. Даже в те дни, когда кромвельская республика упразднила палату пэров, когда изгнанная из городов, лишённая власти и внешнего блеска, она почасту терпела гонение и за религиозные свои убеждения, – и тогда она находила себе верное прибежище в дедовских замках, где окружали ее сознательная любовь и наследственная преданность крестьян свободных.

* Montalembert, p. 93–94.

В настоящее время высшие сословия в Англии поддерживают влияние и важность свою в обществе, с одной стороны, неутомимыми заботами о распространении всякого рода улучшений в деле вещественного обеспечения и нравственно-духовного образования народного, с другой – постоянным и почти исключительным участием в деле областного управления. Почти невозможно назвать ни одного значительного предприятия филантропического, во главе которого не нашелся бы какой-нибудь лорд или по крайней мере какой-нибудь почтенный джентльмен из высших рядов общества. Распространение грамотности и Священного Писания в беднейших сословиях народных, улучшение жилищ для мастеровых и ремесленников, умножение средств призрения и врачевания для неимущих, обобщение полезных технических сведений посредством публичных чтений, производимых часто людьми высшего светского круга, составление разнообразнейших обществ для всякого рода усовершенствований во всех отраслях сельского хозяйства, всякие публичные выставки и митинги об общепользных предметах, наконец, даже забавы народные, скачки и всякого рода sport или охота, – все находит себе искреннее неподдельное сочувствие и нравственную и денежную поддержку в самых щегольских слоях английской знати. Такой либеральный обычай придает общественной жизни особенную крепость и самостоятельность; здесь не нужно правительственного вмешательства в дело общества, даже более того – положительный вред от подобного вмешательства ясно всеми признан, и спасительное начало self government (самоуправления) самовластно и неограниченно владычествует во всей области английской общественной жизни. Добровольная подписка – вот тот неисчерпаемый источник, который питает почти все бесчисленные богоугодные заведения Англии; но вместе с тем и управление ими остается исключительным делом частных благотворителей: англичанин, жертвующий и деньги, и время, и всю жизнь свою на общепользное дело и связывающий с ним все силы своего самолюбия, никогда не поймет, чтобы могло когда-нибудь прийти на мысль прави-

тельству отнять у него законное участие в управлении им самим поддерживаемого заведения или дела, точно так же, как не поймет он, чтобы правительство могло суметь лучше его самого управиться с местными делами его прихода или графства и отобрать их в ведомство какого-нибудь центрального учреждения. От этого централизация и неизменная спутница ее, бюрократия, вообще мало сочувственны англичанину и встречают себе доселе деятельное противодействие в историческом предании и народном обычае. Впрочем, Монталамбер с ужасом указывает на усиливающееся значение этих новых начал и на грозящие от них опасности старому быту Англии и ее свободным учреждениям; он призывает всех искренних друзей свободы дать им дружный отпор. Мы уже имели случай в ином месте* привести его красноречивые по этому поводу слова и не станем их повторять здесь вновь; обратим только особенное внимание читателя еще на одно замечание Монталамбера, крайне верное, как и все психические наблюдения его над обществом человеческим. Он думает, что только в высшей степени развитое разнообразие общественных прав и законное признание вмешательства личной воли частных лиц в дело общественное способны сломить в самом зародыше его то пагубное государственное однообразие, которое всюду воспитывается централизацией и бюрократией; он утверждает, что последние навевают на жизнь элемент безотчетной скуки и томления, которые для современного общества являются одной из существеннейших и повседневнейших его опасностей. От этой скуки гражданин может быть избавлен лишь предоставлением ему от государства полного и искреннего простора в ближайшей области своей деятельности, иначе она с неотразимой силою овладевает им и распространяет во всем обществе то пагубное чувство томления, которое некогда внушило Ламартину знаменитую и, к сожалению, пророческую фразу его: «La France s'ennuie»**.

* «Русская беседа», 1856, кн. III – «Обозрение внутреннего законодательства».

** Франция скучает (фр.). – Прим. ред.

Впрочем, независимо от нравственного и в высшей степени либерального характера своего, английская аристократия, и с ней вместе дух аристократизма в Англии, покоится еще на одном положительном учреждении – на законе о так называемых субституциях. Учреждение это в той форме, в какой оно ныне существует в Англии, никак не должно быть смешиваемо с учреждением майоратов; оно стоит далеко выше его и по идее, и по политическим последствиям своим, и в особенности по тому жизненному своему характеру, который избавляет его от опасности мертвенного окостенения, наподобие исключительно аристократических учреждений прочей Западной Европы. В идее своей все учреждение английское основывается на свободном праве всякого гражданина располагать по произволу всем имуществом своим по духовному завещанию, в пользу кого он пожелает: поэтому привычка делать завещание, для всякого англичанина сделавшаяся настоятельным требованием, нигде так не распространена, как в Англии. На деле, по закону, все недвижимое имение умершего, если он не распорядился о нем предварительно духовным завещанием, переходит к старшему сыну его; но вместе с тем всякому человеку предоставляется полное право при своей жизни сделать духовную, и с полною и неограниченной свободой завещать свое имение кому и в какой мере он пожелает. В этом отношении закон дозволяет в Англии завещателю более, чем где-либо в другой стране: ему предоставлено право, если он пожелает, субституировать, так сказать, упрочить свое недвижимое имение, т.е. завещать его на два поколения, установив, что имение это должно перейти после него к старшему сыну, а после смерти последнего – к старшему его сыну в полном нераздельном составе. Но здесь опять благоразумно ограничиваются законом действия его воли: далее второго поколения воля завещателя не распространяется, и если внук его пожелает продолжать далее в семье своей подобный порядок наследования, то он принужден сделать новое формальное о том распоряжение; он должен возобновить субституцию. Все эти распоряжения о субституциях недвижимых имений устанавливаются и входят в закон-

ную силу без всякого вмешательства в то верховной власти, единым действием личной воли и личного произвола владельца. С другой стороны, сын, наследовавший субституированное имение, и внук, имеющий на него дальнейшее право, могут всегда, по достижении последним законного совершеннолетия, по взаимному согласию своему, уничтожить волю первоначального завещателя, и вновь возвратить временно упроченному недвижимому имению его свободный оборотный характер. Таков неограниченный простор, предоставляемый английским законодательством личной воле человека в распоряжении его имением на случай смерти. Из Англии перенесенное в Североамериканские Штаты учреждение субституций сохранилось там в первоначальном образе своем лишь до войны за независимость; с освобождением Америки оно было отменено в некоторых штатах, и прежде всего в Виргинии и Нью-Йорке (в 1776 и 1786 годах), в других сохранилось оно еще донныне; только в порядке наследования по закону, или наследования *ab intestat**, введено значительное улучшение в смысле демократическом, а именно постановлено, что в случае, если человек умирает, не сделавши духовного завещания, недвижимое его имение переходит не к одному старшему сыну, как в Англии, а делится поровну между всеми его детьми; впрочем, неограниченная свобода завещателя тщательно за ним удержана. Драгоценное указание на эти видоизменения находим мы в примечаниях Токвиля к сочинению его «О демократии в Америке». Из представленного очерка вполне, кажется, ясно превосходство английского учреждения субституций над обыкновенными майоратами, ибо последние устанавливаются почти всегда не иначе, как при сложном содействии правительства, никогда не подлежат уничтожению по взаимному согласию всех наследников, носят, наконец, ложный характер учреждения вечного, долженствующего пережить все роды и все поколения, и потому вполне бессмысленны в новом обществе, живо сознающем временное и преходящее свойство всякого гражданского учреждения. Монталамбер противопоставляет английское за-

* Без завещания (*лат.*). – *Прим. ред.*

конодательство о наследовании учению французского гражданского уложения, деспотически предписывающего ровный дележ имения, не предоставляющего даже и отцу семейства почти никакого простора в определении наделов детей своих и под личиною демократизма (а в сущности, ради выгод преобладания центральной государственной власти) низводящего, таким образом, само право собственности на степень как бы временного пожизненного пользования. Еще ближе и подробнее, и притом с замечательной оригинальностью приемов, исследует этот вопрос другой французский публицист, Le Play, автор недавно вышедшего любопытного во всяком случае сочинения «Les Ouvriers Européens»*. Он посвятил этому предмету целую главу исследования своего и, никогда не теряя его из виду, охотно указывает на существующий в Швейцарии, Венгрии и некоторых других местностях обычай совокупного перехода всего недвижимого имущества, остающегося после умершего, к одному которому-нибудь из сыновей – старшему, второму, или даже меньшему. Лепле рассматривает вопрос преимущественно в отношении его к сословию поселян, утверждая крайнюю важность сохранения между последними однажды установленных обычаев, временем и местными удобствами единиц хозяйственных, которые от равных между сыновьями разделов дробятся, не представляя для них уже никакой полной хозяйственной единицы, не обеспечивая их в будущем, часто, напротив, повергая из них малосмышленных в еще большую нищету через насильственное их, так сказать, прикрепление к дробному недостаточному клочку земли или разоря лучших при неблагодарной и дорого стоящей работе воссоздания единорды нарушенных прежних единиц. Он заявляет далее вредное влияние французского закона на развитие семейной жизни в низших сословиях, на упадок власти родительской, тесно сопряженной с легальным стеснением воли завещателя, наконец, на дух враждебности, воспитываемый им между сонаследниками, членами одной семьи, и вовсе чуждый тем странам, где действует наследственное право, менее стеснительное и менее

* «Европейские книги» (фр.). – Прим. ред.

повелительное в своих постановлениях. Монталамбер подходит к вопросу с другой стороны, его более занимают крупные и средние землевладельцы. Всякий англичанин, говорит он, упорным трудом приобретший капитал, спешит купить недвижимую собственность и субституировать ее, дабы через то увековечить плоды своего труда. «Тут нет аристократического чувства в том смысле, какой мы обыкновенно придаем этому слову; но тут чувство весьма естественное, управляющее всяким обществом человеческим – любовь к упрочению и заботе о будущем... Учредив субституцию в новоприобретенном имении своем, англичанин тем самым влагает в лоно семьи своей живительное семя прочного, продолжительного, надолго разрастающегося существования: он тем самым надолго заменяет в нем слепые внушения обыденной алчности попечительною заботою о грядущем... С тем вместе он знает, наверно, или, по крайней мере, твердо надеется, что в свою очередь внук его, по достижении им совершеннолетия, последует его примеру: и, должно сказать, он редко бывает обманут в своей надежде»*.

«Так, – говорит он далее, – образуются у наследственного очага, под тенью дерев, насажденных отцами, эти спокойные и цельные существования, эти благородные и чистые поколения, которые воплощаются в образе английского country gentleman'a**. Там-то научаются они тому светлому чувству личного достоинства, той почтительной и вместе вполне самой себе удовлетворяющей независимости, тому отсутствию подлости и нахальства, словом, тем почтенным чертам, которых в свою очередь они могут служить лучшими образцами. Там-то развивается в них то спокойное ощущение обеспеченного благосостояния, которое служит твердой основой государственному спокойствию»***. Возвышенные личности двух сельских владельцев, английского и американского, Гампдена и Вашингтона, являются Монталамберу лучшим и естественным плодом такого правильного жизненного строя.

* Montalembert, p. 105.

** Сельский джентльмен (англ.). – Прим. ред.

*** Montalembert, p. 3.

Обращаясь взором к нашему отечеству, мы не можем не признать, что действующие в нем законы о наследовании, близко подходя к английским, и в особенности американским, далеко превосходят законодательство французское. Они покоятся на признании довольно полной свободы завещателя в своих распоряжениях и на начале равенства всех сыновей в наследовании после отца своего. Мы знаем в последнем отношении, что учреждение майоратов, со всеми экономическими его несообразностями, далеко не сочувственно нашему обществу, и даже могучей волей Петра не могло быть насильственно к нему привито. Тем не менее теперь, когда ежедневно приобретает более и более важности вопрос о возможном упрочении недвижимых имений сельских в одних руках на несколько продолжительный срок, вопрос, тесно связанный с возбуждением повсюду, или, правильнее, возрождением у нас живой местной жизни и местных союзов; когда, с другой стороны, учреждение свободных хлебопашцев, основанное Александром Благословенным, уже получило значительное развитие, и когда ему, без сомнения, открывается новая, еще блистательнейшая будущность, – теперь, думаем мы, настало, быть может, время поразмыслить о том: неприложимо ли к нашему быту англо-американское учреждение субституций и преимущественно американское, – разумеется, не насильственно привитое законом, как учреждение для всех обязательное, но предоставленное в употреблении своем на свободный произвол каждого отца семейства? Не будет ли оно благотельно и спасительно для дворянства? Не обеспечит ли оно и свободных хлебопашцев, с одной стороны, от бесконечного дробления их поземельной собственности*, с другой, – от нередко встречающегося сосредоточения ее в руках немногих богатейших из них?..

* Хотя по закону вся земля должна быть в личной собственности свободных хлебопашцев, однако в весьма многих селах они сохранили общинное владение землей, как более сродное русскому человеку. Впрочем, предполагаемое здесь изменение в порядке наследования могло бы быть с большей пользой принято в отношении к личной отдельной земляной собственности, которая может и должна существовать и при общинном владении землей. – *Прим. издателя «Русской беседы».*

Другое твердое основание и другой живой источник особенностей английской жизни Монталамбер находит в методе воспитания и учреждениях, служащих к образованию английского юношества высших сословий. К сожалению, он обращает мало внимания на средства воспитания детей из сословий низших, из рабочих классов, городского и земледельческого, и лишь мимоходом указывает в двух других главах своего сочинения на деятельное участие, принимаемое в этом деле англиканским духовенством и высшим английским обществом в лице аристократии поземельной и владельцев значительных мануфактурных заведений. Он приводит лишь отдельные примеры того и другого, а равно и некоторые поразительные цифры, непреложно доказывающие добросовестные и слишком мало оцененные еще заботы англиканского духовенства о нравственном и духовном образовании своей паствы* и указывает на особенный характер этого благодетельного и про-

* Любопытны эти цифры: в 1847 году англиканское духовенство содержало 21 000 школ, при 81 000 наставников и 1 500 000 учащихся, употребляя на это ежегодно из собственных доходов до 5 500 000 руб. сер. Граф Монталамбер мог бы присоединить к этому действия библейских обществ английских, с благочестивой и просвещенной ревностью распространяющих Священное Писание по всей вселенной и на всех языках по самым сходным ценам; например, превосходные издания Библии в лучших переплетах по 75 коп. сер. и Нового Завета по 15 коп. сер. Замечательно, что при этом многочисленные расколы, издавна существовавшие в Англиканской Церкви, постоянно уменьшаются в численности своей, и, обращаясь уже преимущественно ко второстепенному вопросу иерархического устройства Церкви, сливаются с ней самой в деле воспитания, в общении нравственных начал жизни и в чувствах искреннего к ней уважения. Лучшие книги и сочинения английские, могущие служить к духовному образованию народа, беспрепятственно печатаются в Англии трудами и изданием частных лиц и обществ в несметном множестве экземпляров и изданий. Приводим в пример известную книгу «Line upon line or a second series of the earliest religions instruction», вышедшую в 1855 году в Лондоне после многих других изданий в новом выпуске, превышающем 60 000 экземпляров; другая книга, «The Pilgrims progress», духовно-мистического содержания, имеет еще более успеха. Не говорим уже о типографических предприятиях коммерческих – о баснословной, например, распродаже известной книги г-жи Бичер Стоу «Дядя Том», описывающей нравы американских плантаторов и их невольников и по появлению своем в сентябре месяце 1852 года расходившейся, по свидетельству «Edinburgh review», в одном Лондоне ежедневно в числе более 10 000 экземпляров.

священного попечения высших слоев общества о меньших братьях своих, на совершенную независимость его от всякого официального покровительства и поощрения его правительственной властью, на полную свободу его в своих действиях. Всякого сожаления достойно, конечно, что искусное и правдивое перо почтенного автора не взялось проследить глубже этот любопытный вопрос: при дальнейшем исследовании он, без сомнения, указал бы подробно на живительные последствия для народного образования в низших его слоях того серьезного, свободного и многостороннего воспитания, которым смолоду обогащаются в Англии сыны лучших ее семей, на взаимное соотношение того и другого образования и живую их связь, которые ни одним обществом и ни одним правительством безнаказанно не могут быть забыты, наконец, на ту живую силу, которая охраняет от всякого истинного и существенного зла и которая составляет удел всякой свободно развивающейся жизни в деле общественного и народного просвещения и всегда с несомненной выгодой заменяет в ней мелочную, придирическую и раздражающую деятельность предупредительных образовательных учреждений. Впрочем, мы не вправе требовать от писателя более, чем сколько он нашел для себя возможным дать нам, и с живой благодарностью должны принять благородный труд его в том виде, в каком он его начертал. Всякому любителю просвещения от души советуем прочитать XI главу сочинения графа Монталамбера «О школах и университетах» в подлиннике, все обилие и богатство содержания коего не легко может быть передано в кратком обзоре и в немногих еще более кратких выписках. Он останавливается сперва на тех «трех или четырех обширных учебных учреждениях, между которыми первое место занимают Итон и Гарро (основанные в 1441 и 1585 годах) и которые, под скромным названием училищ (schools), принимают в недра свои почти всех без исключения детей достаточных семейств Англии и дают им вместе классическое и мужественное воспитание, руководимое лучшими людьми из английского духовенства*». Они отличаются, гово-

* Montalembert, p. 154.

рит он, от всех учреждений французских своей древностью, непрестанно напоминаемой школьникам рядами портретов и бюстов всех прежде в тех же стенах получивших воспитание великих мужей, и уединенным помещением своим вдали от значительных городских сосредоточий, в деревне, где резвые юноши пользуются почти неограниченной свободой. «Известна любовь англичан к жизни деревенской и благодетельное воздействие ее на них. Естественно поэтому развилась в них мысль уединить среди полей эти живые рассадники истинно народного образования; да и невозможно придумать что-либо, более соответственное потребностям нравственного и физического развития юношества. Вокруг училищных зданий обширные луга, прихотливо омываемые Темзой, образуют пространный парк, испещренный то роскошными дубравами, то зелеными луговинами. Впрочем, не одним этим местом ограничены дети в свои часы отдохновения: они беспрестанно густыми толпами бегают то в соседнее местечко, то в сопредельные поля; вообще, за исключением часов, назначенных для учения, они пользуются почти совершенной свободой, и весьма редко случается, чтоб они употребили ее во зло. Без надзирателей, без всяких внешних ограничений, за исключением разве тех, которые налагают на них немногие вековечные обычаи и то чувство самоуважения, коим пропитан всякий англичанин, они, таким образом, с ранней молодости и притом с необузданной энергией начинают обучаться привычкам жизни общественной и тайне самоуправления (self government), наподобие того, как некогда обучались тому же и их собственные отцы, да и наши предки в эпоху Средних Веков. Число прилежных воспитанников не более у них, чем у нас, быть может, даже и меньше; но классическое изучение древних языков, в замечательной степени развитое между некоторыми, любимо и уважаемо всеми без изъятия. К тому же широким потоком текут в этих детях дары жизни, здоровья и ума, порождая в повседневном настроении их ту вместе почтительную и откровенную ясность души, которая редко встречается в воспитанниках наших коллегияльных

казарм*. Этому естественному и правильному строю жизни английского юношества граф Монталамбер противопоставляет быт училищ французских в картине, заимствованной им из собственного опыта и из классических по этому предмету сочинений гг. Ленормана «Об изучении классических языков» и Лорена «О народном образовании во Франции». Замечательно в особенности у Лорена энергическое осуждение всей французской системы обучения. Мнение его тем достойнее внимания, что сам он долгое время был многоуважаемым ректором одного из французских лицеев: «Невозможно людям, коротко знающим наши коллегии, не убедиться, что такое систематическое подавление детских умов в течение 10 лет, и притом в ту раннюю эпоху их развития, когда откровенная натура юноши всего настоятельнее требует себе свободного простора, должно вести к искусственному их ожесточению, и что все внутреннее развитие их насильственно направляется на постоянное накопление чувства ненависти к внешнему правилу и к власти... При устройстве новых заведений необходимо начать с совершенной отмены этой казарменной жизни, которой император (Наполеон I) преднамеренно подчинил детей, дабы подготовить их к солдатскому быту». Со своей стороны, мы не можем не заметить здесь, что тайна любви английского общества и английского юношества к классической древности и литературе лежит далеко не в одной только общеупотребительности этого классического изучения в учебных учреждениях Англии, которое почасту встречается и в других странах, не возбуждая ни в учащихся, ни в обществе того же сочувствия к грекам и римлянам; мы полагаем, что тайны этой должно искать в самом образе преподавания классических языков, в методе, ограничивающейся не одним изложением законов построения их и не одним усвоением юношеству их формальных трудностей и тонкостей, но простирающейся в особенности на разъяснение и усвоение ему самого содержания классических писателей, их здорового, художественного, политического и философского воззрения на жизнь, их постоянного, глубоко

* Montalembert, p. 156–157.

искреннего чувства любви к своему отечеству, любви к вечным идеям истины, добра и красоты. Только там, где допущено такое широкое и свободное толкование их, часто лежащее на мелочности и лживости современного быта, только там вправе мы ожидать от юношества сочувствия к классическому изучению, и от взрослых поколений, – живых плодов и практической пользы подобного образования.

Далее Монталамбер переходит к университетам; они поражают его своим средневековым характером, еще яснее и осязательнее сохранившимся в них, нежели в вышеупомянутых училищах. «Английские университеты, – говорит он, – точно так же, как и английская конституция, и вся жизнь Англии, суть не что иное, как великолепнейший образец древнего средневекового общества в том виде, как существовало оно во всей Западной Европе... Нигде во всем свете Средние Века не являются нам столько живым еще учреждением, как в Оксфорде или Кембридже: они не поражают нас здесь видом какого-нибудь лжевоскресения или не представляются искусною древней мозаикой, откапываемой из-под не угасшей еще лавы революций. Нет, здесь Средние Века никогда не вымирали»*. Монталамбер любит напоминать нам об отдаленной эпохе основания почти всех коллегий, образующих английские университеты, и о влиянии католицизма на их развитие; он с особенной охотой и неизменной свежестью таланта останавливается на описании великолепия их внешнего вида с их дивными памятниками средневекового зодчества, с их обширными садами и парками, и вековыми дубравами, под тенью которых доныне беззаботно гуляют стада оленей и павлинов, тщательно содержимых согласно букве завещания благотворительных учредителей этих коллегий, уже за несколько веков почивших. В кратких чертах описывает он также строгую, уединенную, связанную с соблюдением религиозных обрядов жизнь английских студентов. Наконец, он указывает на главные исторические основания, на которых покоятся особенное значение и характер университетов английских и их влияние на общественную жизнь.

* Montalembert, p. 161, 170.

Первым основанием этого влияния является совершенная их независимость и самостоятельность в отношении к исполнительной власти или правительству, собственно так называемому. По назначению последнего замещаются только 8 профессорских кафедр в Оксфорде и 6 – в Кембридже, т.е. число самое незначительное. Все же прочие члены и начальники университетов, все члены различных коллегий, совокупность коих образует университет, избираются самим университетом, без всякого вмешательства в это дело правительства и даже без всякого с его стороны утверждения. Они не получают от казны жалованья и не дают ему отчета в своей деятельности. Учебная программа, условия приема и экзаменов, все внутреннее управление и дисциплина находятся вне круга действия правительственной власти и зависят единственно от самих университетов. Все расходы на содержание их покрываются платой, взимаемой со студентов, и доходами с многочисленных и богатых недвижимых имений, издавна составляющих собственность коллегий и большей частью завещанных им первоначальными их основателями. Наконец, звание канцлеров английских университетов, пожизненно облакаемых в этот сан свободным избранием всех докторов и магистров, считается высшей в Англии почестью, которой мог гордиться сам престарелый герцог Веллингтон; и даже честь заседать в Нижней палате в качестве депутатов от университета обыкновенно достается в удел лишь лучшим людям парламента, в виде лестной награды за долговременное и обильное плодами политическое поприще.

Все вышесказанное, очевидно, полагает существеннейшее различие между учреждением английским и университетами на материке Европы, и в особенности во Франции, где первый Наполеон на развалинах средневековых университетов и вольных училищ воздвиг однообразное здание государственного воспитания, преподаваемого обществу казенными чиновниками за казенное жалованье.

Вторая отличительная черта университетов английских, это – их сложный состав, вследствие которого они являются

живой совокупностью, или союзом, множества коллегий: в Кембридже их считается 17, в Оксфорде – 24. Каждая коллегия есть не что иное, как маленькая республика, свято хранящая статуты, завещанные ей от ее основателя и обыкновенно теряющиеся во мраке отдаленной древности. Она имеет свою историю, свою особенную славу, свои специальные академические почести (*honours*), своего бессменного главу, единожды избранного всеми товарищами (*fellows*), число которых в разных коллегиях различно, от 10 до 100, и которые живут в академических зданиях и посвящают себя образованию студентов. Товарищи не могут быть женаты; особое помещение дается каждому из них и каждому студенту, но служба церковная и общая трапеза ежедневно по несколько раз соединяют всех и поддерживают между всеми живую непрерывную связь; а общий условный наряд, не произвольно выдуманный кем-либо, а завещанный преданием, кладет на всех внешнюю осязательную печать внутреннего единства. Такова в Англии организация образования, даваемого юношеству аристократических слоев общества.

Мы знаем, что подобное по преимуществу историческое устройство университетов, не лишенное, конечно, своих невыгодных сторон даже в самой Англии, вообще мало сочувственно нашей публике и находит себе у нас многих почти безусловных порицателей. Да и в Англии, и в особенности во Франции университеты эти в глазах многих слывут учреждениями отсталыми, слишком богатыми, слишком непроизводительными и слишком мало пишущими. «Но, – справедливо замечает гр. Монталамбер, – на все это английские университеты могут победоносно отвечать, указав на добытые ими результаты, т.е. на самый народ, ими воспитанный, в лице его высших политических сословий: ибо задача их, как прекрасно выразился доктор Пюзей, “состояла не в том, чтобы произвести множество книг, а в том, чтобы производить людей”»*. Как глубоко соответствуют доньше эти университеты народным потребностям своего отечества, это ясно из того уважения, в коем они у него

* Montalembert, p. 174.

состоят, и из той почти суеверной осторожности, с которой поныне прикасается к его древним статутам сам парламент, как ни приобвык он уже теперь к постепенному введению коренных преобразований в прочих частях государственной жизни. Следует ли из этого, чтобы подобное же устройство было применимо в настоящее время к другим землям? Это совершенно иной вопрос, и мы, конечно, не усомнимся отвечать на него отрицательно; но вместе с тем мы должны сказать, что только ценой предоставления университетам полной свободы развития, значительной степени независимости от внешней власти и прочного усвоения их управлению начала избирательного могут быть сообщены им те необходимые условия внутренней энергии, жизненной упругости и серьезного корпоративного характера, вне которых нет искреннего уважения общества к учреждению, нет прочного воздействия образовательной среды на юношество, нет, наконец, для нее возможности воспитать для отечества своего гражданина с привычкой равно уважать и самого себя, и существующий закон.

Граф Монталамбер не мог, конечно, представить полную картину английского быта, не посвятив двух-трех глав своей книги изображению парламента. Сам отважный боец в бурях парламентской жизни, развивший в них свое первостепенное ораторское дарование и достигнувший на этом поприще высокой славы, он не мог пройти молчанием этого замечательного учреждения, служившего первообразом для всех подражательных уложений материковой Европы. Впрочем, мы не последуем за ним по этому пути, уже и без него вообще коротко всем известному. В начале статьи нашей мы указали на горячее сочувствие его к парламентской жизни; здесь заметим только, что он с радостью приветствует тот практический смысл, то разумение общественных нужд, которое в 1831 году внушило английскому парламенту энергию, нужную для своевременного преобразования самого себя, несмотря на личные жертвы, понесенные в этом деле многими сильнейшими членами самого этого парламента. С другой стороны, верный просвещенному аристократизму своего взгляда, Монталамбер с жаром

отвергает введение численности народонаселения, как единственного основания системы его представительства в Нижней палате, и взывает к английскому обществу, убеждая его не отнимать легкомысленно у графств, т.е. у земледельческого сословия и земледельческих интересов, спасительного перевеса над городами и населением фабричным в назначении числа депутатов в парламент. Послушается ли английский народ голоса французского публициста? Как долго будет парламент в состоянии выдержать совокупный напор внешней агитации и внутренних коалиций партий в нем самом по этому многозначительному вопросу? Это – тайна более или менее отдаленного будущего, в котором, без сомнения, совершится со временем и это преобразование; теперь оно покуда отсрочено состоявшимся на днях решением Нижней палаты, отвергнувшей (незначительным, впрочем, большинством в 13 голосов) предложение Кинга об уравнивании избирательного ценза графств и местечек. Нам, посторонним, но не равнодушным зрителям борьбы внутренних партий в Англии, остается пожелать только, чтобы этому уравниванию цензов – сельского и городского – предпослано было достаточное внесение серьезных начал умственного и нравственного образования в скромную жизнь и бедный быт низших ремесленных сословий Англии...

Таким образом Монталамбер завершает очерк существеннейших особенностей политического быта Англии, очерк, из которого мы, со своей стороны, в тесных рамках нашего обозрения могли передать лишь главные, наиболее выдающиеся черты. Человек религиозный по преимуществу, пламенный, но добросовестный католик, он не мог оставить без внимания замечательного явления Англиканской Церкви, несмотря на то, что, по собственному его выражению, «он задал себе задачей рассмотреть Англию с одной лишь политической точки зрения, а не с религиозной». Мы, со своей стороны, остаемся верны первоначальной мысли автора и последуем за его отклонением лишь постольку, поскольку это необходимо для рассеяния некоторых обвинений, лично направленных против него самого, обвинений, впервые высказанных той частью ан-

гликанской журналистики, которая все еще продолжает с неизменным жаром ненавидеть католицизм и католиков, и вслед за ней повторенных у нас. Графа Монталамбера обвиняют в привязанности к догматам католицизма, в которых он родился и сознательно вырос. Оправдывать его в этом мы считаем излишним. Далее обвиняют его в пристрастии, слепом и фанатическом, ко всем частным проявлениям католического мира, ко всем действиям католической иерархии, хранительницы этого учения, считаемого им за православное, в готовности к насильственной пропаганде этого учения, в стремлении утвердить, так сказать, оборонительный и наступательный союз между Церковью и государством и воспользоваться для первой всеми грубыми, вещественными силами второго.

Против этих обвинений, несовместимых, впрочем, ни с личным его характером, ни со всей предшествующей его политической жизнью, Монталамбер должен сам оправдать себя собственными своими словами, им сказанными по поводу поэзистов: «Вечную честь принесет современной католической церкви ее торжество над сими возвышенными душами, торжество, приобретенное единой силой убеждения, без всякой внешней помощи правительства или даже общественного мнения. Но не менее честно и для английского народа то, что мог он произвести на свет таких поборников истины, подавших в настоящий век торговли убеждениями возвышенный пример добровольного промена всех вещественных выгод своих на искренние радости побежденной и озаренной верой совести... Но я боюсь, чтобы понятия, в течение последнего времени, к сожалению, сделавшиеся обиходными в кругу некоторых католиков, не проникли бы и не заразили бы молодого поколения наших заморских братьев. Если английские католики последуют примеру и науке той фанатической и упрямой школы, которая прославила героем герцога Альбу и задала себе задачей оправдание бессмысленного уничтожения эдикта Нантского, то они добровольно отрекутся от самого драгоценного и, скажу более, от единственного непобедимого в наше время оружия. Свобода совести перед законом человеческим – это

спасительное и торжествующее начало, которое они же первые имели высокую честь внести с собою еще в XVII веке в уединенные дебри Нового Света, это начало составляет всю их силу и всю их славу. Из него должны они сделать законное свое знамя, и ни к какому другому случайному оружию не должны они прибегать... Католицизм обязан всем свободному развитию и ничем не должен светской власти. Для него ни Филипп II Испанский, ни Яков II ничего не могли сделать»*. Этих немногих выписок, кажется, достаточно. Мы, конечно, не поручимся за историческую достоверность религиозной теории Монталамбера; еще менее имеем мы притязания выдавать вышеприведенные слова его за полное и искреннее выражение католицизма в том виде, в каком он доньше понимается огромным большинством католиков, и преимущественно самим католическим духовенством; но мы видим в них, несомненно, правдивое выражение личных убеждений рассматриваемого нами писателя. Если бы предметом труда его был критический разбор действий церкви католической и ее иерархии, он, без сомнения, – мы уверены в том, – умел бы при случае и ей сказать жесткое слово правды. Но в настоящем случае, имея перед собою задачу совершенно иную, созерцая новую, на развалинах первой воздвигнувшуюся Церковь, он должен был искать и указывать в ней на следы старого, отжитого религиозного быта, и притом углубляться более в смысл некоторых доньше сохранившихся в ней полезных следов католицизма, чем изыскивать и без того известные причины его давнишнего падения. Впрочем, невозможно отвергнуть и того, что вся живая сторона современного англиканизма постоянно находит в Монталамбере не только справедливого, но, скажем более, горячего ценителя и неподкупного заступника. Он нелицемерно хвалит все, что находит в нем хорошего; и этого хорошего он ищет в нем неутомимо и в высшей степени добросовестно. Как на несомненные признаки и ручательства живучести и долговечности англиканизма, он указывает на участие, принимаемое англиканским духовенством в деле воспитания и образо-

* Montalembert, p. 180, 193, 196.

вания народа, на заботу его об умножении числа церквей и на 600 храмов, воздвигнутых им в течение последних 35 годов с помощью почти исключительно добровольных пожертвований; наконец, на возобновляющееся значение так называемой конвокации, или ежегодно созываемого духовного собора епископов и священников. «Религия, воздвигающая новые храмы, не так близка еще к падению», – справедливо замечает он, и с жаром нападает на тех, которые желают гибели Англиканской Церкви, и сулит Англии скорое возвращение в лоно католицизма. «Несомненно, – говорит он, – что с начала нынешнего века совершилось в Англии религиозное обновление, и притом столько же между англиканами, сколько между католиками. То было одновременное и совокупное возрождение не одной только веры, но и нравственности христианской... Уже совершенно исчезло племя тех гуляк-священников, тех каноников и ректоров, пьяниц и охотников, которых изображения мы некогда всюду встречали в повестях и которых лично помнят еще все, кто жил в Англии лет тридцать тому назад. Это старое племя заменилось теперь новым духовенством, в котором, конечно, можно встретить элементы несовершенства, но которое бесспорно заключает в себе множество людей строгой жизни, ученых, благочестивых и благотворительных. Дух благотворительности, драгоценное наследие католицизма, пережил все неурядица церковные и воцарился ныне в новых, неслыханных размерах»*. Подобный отзыв о чужой церкви и чужом духовенстве, конечно, невозможно считать отзывом враждебным или недобросовестным.

Пора приступить к заключительному выводу, завершающему в глазах писателя нашего всю последовательную нить его суждений. Вывод этот крайне прост и ясен.

По мнению его, Англия спасена будет от торжества в ней худших демократических стремлений действием непрестанно обновляющихся своих аристократических учреждений, которые являются в этом деле как бы спасительным тормозом общественного развития.

* Montalembert, p. 211, 215.

Но даже и в таком случае, если, изнеможенная в неравной борьбе с противоположными началами, аристократия английская падет и заместится торжествующей демократией, то и тогда падение ее не должно повлечь за собою извращение всего английского свободного быта, и последний, по всем вероятностям, избегнет деспотизма, этого законного преемника всех революций.

В этом убеждении укрепляет Монталамбера пример всех основанных и воспитанных Англией колоний, и притом не одних только Североамериканских Штатов, но и всех других – Канады, Австралии, мыса Доброй Надежды и пр. Ни в одной из них, говорит он, не встречается ни аристократических учреждений, ни даже аристократических преданий. Тем не менее они живут и развиваются, гордые и свободные, и ничто не предвещает еще скорого вырождения в них свободной жизни: так крепко и прочно было данное им Англией воспитание. Но если таков их счастливый удел, то зачем же сомневаться в судьбах их общей матери, самой английской нации?

Последней, думает Монталамбер, должны способствовать в этом деле самосохранения и саморазвития два драгоценных свойства, заблаговременно ею в самой себе воспитанные и служащие лучшим обеспечением благоустроенного свободного развития. Это, во-первых, уважение к чужому мнению, особенно ясно выражающееся в политической терпимости, всегда оказываемой в Англии всяким большинством всякому меньшинству и выработавшееся в ней, как плод многовековой политической жизни; во-вторых, господствующая в Англии во всех делах гласность, нигде не являющаяся столь искренне, как там, и служащая лучшей опорой для личной свободы и независимости.

Наконец, почтенный писатель опровергает то мнение, будто бы все политические особенности английского быта исключительно покоятся на начале физиологическом, и будто бы все доблести, нами чтимые в нем, составляют исключительную принадлежность племени англосаксонского. Они являются для него плодом не одного превосходства породы,

с негодованием им отвергаемого, и не особенных выгод уединенной и безопасной извне жизни островной (о которой он, впрочем, и забывает вовсе), но прежде всего и главным образом представляются они ему естественным результатом хороших законодательных учреждений, тщательно возвращенных и сбереженных предками для отдаленных потомков. «*Сe n'est pas l'esprit public, – говорит он, – qui a fondé les institutions de l'Angleterre; ce sont ces institutions qui ont créé, maintenu et vingt fois sauvé cet esprit public, qu'il vaudrait encore bien mieux imiter qu'admirer*»^{*},^{**}; или, в других словах, если обобщить его наблюдение и дать ему тот обширный смысл, который, очевидно, согласен с намерениями и взглядом Монталамбера: народы не столько созидают свои учреждения, хорошие или худые, сколько сами ими воспитываются и совершенствуются или ими развращаются. Такова задушевная мысль автора, красноречиво развитая им в заключительной главе его труда и, без сомнения, внушенная ему печальной современностью Франции. Признавая ее односторонность, мы не можем не признать также в ней и доли правды, которая, быть может, еще ярче выступит после рассмотрения книги графа Токвиля. К последней мы теперь обратимся.

Мы уже представили на первых страницах наших несколько выписок из этого нового сочинения его; их достаточно, чтобы познакомить читателя с благородным и возвышенным взглядом автора на политическую жизнь народов. Впрочем, он не новичком выступает на общественное поприще: давнишний поклонник политической свободы, искренний защитник ее при Людовике Филиппе во французской палате пэров, он уже 20 лет тому назад прославился знаменитым своим сочинением «О демократии в Америке», единогласно оцененным в то время всей западной литературой, но, к сожалению, слишком мало нашедшем себе последователей в области практического

* Montalembert, p. 211, 215.

** Не общественное мнение создало в Англии учреждения, но учреждения создали, поддерживали и сотню раз спасали это общественное мнение, которое следовало бы скорее имитировать, чем восхищаться им. – *Прим. ред.*

приложения между тогдашними европейскими правительствами. Началом, им тогда изложенным в книге об Америке, граф Токвиль остался верен и в настоящем своем сочинении. Двадцатилетнее, упорное и добросовестное исследование новейшей истории Франции, сравнительное с ней изучение современных явлений Англии и Германии, наконец, обширная личная опытность, – все это еще более утвердило его в прежнем не слегка высказанном воззрении; так что оба сочинения его являются нам как бы непрерывным следованием одной и той же мысленной нити, и читатель естественно черпает целые страницы из одной книги для пополнения и пояснения недосказанного в другой. Такая твердость убеждения, такое постоянство мысли, соединенные с тем обилием частных фактов, которыми щедрой рукой переполнены оба труда, вселяют в нас невольное доверие к политическим мнениям графа Токвиля.

Оба труда вызваны в нем сознанием безграничного во Франции злоупотребления централизации и печального последствия ее, современного самовластного управления Людовика Наполеона. Действительно, настоящая Франция как бы насквозь пропитана этой страстью централизации; ею проникнуто не одно правительство, но даже самое общество. Такое настроение французского общества выражается беспрестанно во множестве явлений, то серьезных, то просто смешных: так, еще у всех нас свежо на памяти то недавнее время, когда немедленно после февральской революции почти все требовали от временного правительства и преемника его, Кавеньяка, чтобы железные дороги во Франции были выкуплены у частных компаний и обращены в государственную собственность и государственное управление; а не далее, как два месяца тому назад, появилась в Париже истинно комическая брошюра по случаю усиливающейся дороговизны квартир, требующая, чтобы правительство скупило все дома у частных лиц для раздачи их от себя в наем по менее высоким ценам и, сделавшись, таким образом, единственным столичным домовладельцем, облекло настоящих дворников в звание казенных чиновников. Оба эти явления имеют между собой бесспорную

внутреннюю связь, глубоко затаенную в самой сущности безгранично и беспротиводейственно развитого демократического быта. Против всей этой совокупности явлений восставал уже, как мы сказали, граф Токвиль в своем первом сочинении: он уже тогда в знаменитой главе «Des effets politiques de la décentralisation administrative en Amérique»*, доньше остающейся существеннейшим словом политической мудрости, указывал на различие между централизацией политической и административной и требовал всюду поддержания первой и ослабления второй. Он утверждал, что «централизация способна только мешать развитию, а не содействовать ему и не производить его... способна только сохранять общество в известном statu quo, которое нельзя назвать собственно ни совершенным упадком, ни улучшением; способна поддерживать в общественном теле какую-то сонливость, которую правители обыкновенно величают названием общественного порядка и спокойствия»**. Образцом подобной, крайне усовершенствованной к народному ущербу, администрации является ему Китай, где жизнь общественная всегда кое-как плетется и никогда не достигает полноты, «где путешественники находят спокойствие, лишенное благоденствия, промышленность, чуждую развития, стойкость без истинной крепости и силы, внешний вещественный порядок без общественной нравственности...»***. «И в Европе, – говорит он, – вероятно, намекая на Францию, встречаются такие государства, житель которых сам смотрит на себя как на жильца, равнодушного к участи обитаемой им страны. В ней происходят величайшие коренные перемены, без всякого его в них участия; он даже не знает доподлинно, что именно произошло; он только догадывается, дело доходит до него лишь по слухам, и то как-то случайно. Когда народы пришли к этой точке, они должны приступать к преобразованию своих законов и нравов, или они погибают, ибо в них

* Политические следствия административной децентрализации в Америке (фр.). – Прим. ред.

** Tocqueville. De la Démocratie, vol. I, p. 145.

*** Tocqueville. De la Démocratie, vol. I, p. 148, 149.

иссяк уже самый источник общественных доблестей: между ними встречаются еще подданные верные, но граждан между ними уже нет...»*. «Демократия, – говорит он далее, – без независимых областных учреждений бессильна... И только те народы отвергают пользу подобных учреждений, которые их не имеют вовсе, или имеют их слишком мало; или, в других словах, только тот осуждает их, кто о самой вещи не имеет понятия...»**. «Во французской революции, – замечает он еще, – соединилось два движения в противоположные стороны: одно – благоприятное свободе, другое – благоприятное деспотизму. В старой французской монархии король один издавал закон. Ниже власти королевской стояли еще полуразрушенные остатки областных учреждений. Эти областные учреждения были неправильны, между собою бессвязны, иногда даже нелепы. В руках аристократии они подчас являлись даже орудиями притеснения низших сословий народных. Революция восстала в одно и то же время и против власти королевской, и против областных учреждений. Она соединила в чувстве к ним питаемой ненависти все без разбора явления, ей предшествовавшие: и безграничную власть королей, и все то, что служило к смягчению ее суровости»***.

В чем же состоит предмет и цель последнего сочинения Токвиля? Он сам определяет их следующим образом: «Я хотел объяснить, почему тот огромный переворот, который в одно и то же время подготовлялся почти на всем материке Европы, разразился у нас ранее, чем где-либо в иной стране; почему он как бы сам собой естественным образом возник из того самого быта, который он призван был сокрушить; и почему, наконец, старинная монархия могла пасть так внезапно и так всецело. Но я хотел указать не только на болезнь, сразившую большое общество, но еще и на те средства, которые могли заблаговременно исцелить его»****.

* Tocqueville. De la Démocratie, vol. I, p. 153, 156.

** Tocqueville. De la Démocratie, vol. I, p. 154.

*** Tocqueville. De la Démocratie, vol. I, p. 154.

**** Tocqueville. L'Ancien Régime, p. 14, 15.

Эта вера в былую возможность исцелить дореволюционное общество Франции или, вернее сказать, более правильным образом определить дальнейшее его развитие и историю и лучшим соблюдением внутреннего общественного равновесия заранее обеспечить его против насильственных переворотов, – твердое убеждение в этой истине ни разу не покидает Токвиля в продолжение всего труда его. Мысль эта служит лучшей связью его труда с трудом Монталамбера: ни тот, ни другой не верят в закон исторической необходимости в том виде, в каком он ныне покорил себе почти все умы; они взирают на положительные учреждения, вводимые законодателями, не как на всегда необходимый плод народного развития, а как на элемент, по крайней мере, столько же воздействующий на народ, сколько, в свою очередь, из него образующийся, часто даже произвольно извне вносимый в общество и обуславливающий в таком случае не всегда правильное его развитие. Поэтому они всегда в деле развития обществ готовы снять долю ответственности за его историческое развитие с самого общества и возложить ее на личных исторических деятелей и преимущественно на правителей общественных, давая, таким образом, в исторической своей теории более места и простора личной свободе человека и не дозволяя личности отдельного деятеля избегнуть за свои поступки ответственности пред историею за валовой ответственностью безгласной толпы. В истории Франции ближайшей поворотной точкой, последней минутой, когда еще могло быть остановлено неправильное историческое развитие французского общества, и могло еще быть ему дано иное течение, он считает эпоху около 1750 года. В то время даже передовые люди Франции, экономисты или физиократы, и во главе их известный Кене (Quesnay), не только не думали о свободных политических учреждениях, но даже положительно были им враждебны; они говорили, что «система политического уравновешивания сил в государстве есть вещь пагубная и нелепая»*, и в правильном общественном воспитании находили единственное и вполне достаточное руча-

* Tocqueville. L'Ancien Régime, p. 266.

тельство и обеспечение против злоупотреблений власти. Правда, граф Токвиль плохо верит этому литературному воззрению на дело, но он говорит: «Около 1750 года весь народ, конечно, не более самих экономистов стал бы требовать себе политической свободы; ибо в то время уже утратились в обществе и всякий навык к ней, и всякое к ней особенное пристрастие. Народ не искал себе положительных прав, он жаждал лишь преобразований, и я убежден, что если бы тогда вместо Людовика XV случился на престоле государь, подобный Фридриху II, то он, без всякого сомнения, не только миролюбиво совершил бы переворот, но еще успел бы значительно расширить свою власть за счет старых отживших учреждений. Уверяют даже, что один из лучших министров Людовика XV, Машо, сам провидел эту истину и сообщал ее королю»*. Трудно не разделить мнения почтенного историка; можно сказать разве только то, что подобная роль преобразователя, вовремя на себя взятая законодателем, требует не столько даже энергии и деспотических наклонностей, какими отличался Фридрих II, сколько душевной прямоты и честности, и искреннего благодушия, и любви к народу, всегда находящих себе в нем готовую и благодарную взаимность и порождающих в обществе то неограниченное доверие к правительству, которое служит ему лучшей и самой крепкой опорой.

Внимательно взглядываясь в отдаленнейшую эпоху истории Франции и всей Западной Европы, Токвиль доходит до того убеждения, что в Средние Века Франция, Англия и Германия управлялись почти одинаковыми учреждениями, разнообразными только по своему внешнему виду, но в сущности сходными по внутреннему своему смыслу и основным своим началам. Если история этих стран, и в особенности истории Англии и Франции, развились своеобразно и далеко разошлись в течение веков, то главную причину тому он видит в особенном преобладании во Франции власти королевской, произвольно нарушившей равновесие составных элементов средневекового общества и образовавшей по новым поня-

* Tocqueville. L'Ancien Régime, p. 274.

тиям, чуждым средневековой народности и почерпнутым с помощью юристов из классических преданий империи Римской; тогда как Англия, напротив, осталась верна идее первоначального своего построения и посвятила труды свои исключительно на медленное историческое совершенствование своих старых политических учреждений. «Если бы англичане, – говорит он, – подобно нам утратили по завершении Средних Веков свою политическую свободу и свое местное политическое устройство, то весьма вероятно, что разнообразные классы, из коих слагается у них аристократия, раздробились бы на части и обособились бы, как то сделалось во Франции и в большей части Западной Европы; и все они на века отделились бы от народа»*. «Если б французам, – говорит он в другом месте, – было предоставлено прежнее их участие в управлении, выражавшееся в учреждении Генеральных Штатов (Etats Généraux), если б им, по крайней мере, дозволено было ежедневно заниматься, как встарь, своими областными местными делами, если б они, подобно англичанам, приучены были, не разоряя старых своих национальных учреждений, постепенно исправлять их и посредством долговременной практики видоизменять их дух, – то они, без всякого сомнения, и теперь не так охотно стали бы беспрестанно изобретать себе новые формулы... Но никогда во Франции короли не думали об усовершенствовании учреждений сообразно требованиям времени, но при всяком удобном случае всегда спешили только их уничтожать и извращать, а иногда делали и хуже... Малейшей доли настойчивости и усилий, употребленных ими для извращения и разорения независимых областных учреждений, достаточно было бы для лучшего их усовершенствования и упрочения, и для приспособления их к требованиям и нуждам новейшей гражданственности... Но несравненно легче оказалось разделять граждан и отчуждать их друг от друга, чем впоследствии их вновь соединить... Отныне во Франции ничто уже более не сопротивляется правительству; но вместе с тем нет уже в обществе ничего, что бы в нем было заранее под-

* Tocqueville. L'Ancien Régime, p. 173.

готовлено для подачи правительству в случае нужды руки помощи... Почти все недостатки, заблуждения и пагубные предрассудки, много описанные, обязаны своим первоначальным зарождением в обществе, или позднейшим своим развитием, искусству правителей наших разделять людей для полнейшего их себе порабощения*.

Таким образом, все язвы дореволюционной Франции сосредоточиваются, в глазах Токвиля, в чудовищной централизации, постепенно введенной на основании извне заимствованной теории и сопряженной с уничтожением всяких местных влияний, с сокрушением всяких областных учреждений и с совершенной разрозненностью сословий. Отдельные черты, в коих выражались эти существенные явления французской жизни, мы представим несколько ниже.

Все сочинение Токвиля разделено им на три части: в первой он определяет самое существо французской революции, как общественного, политического и религиозного переворота, и сравнивает ее характер с характером других подобных же исторических явлений; во второй он исследует самые отдаленные и основные, во всей предшествующей истории коренящиеся причины, ее развившие и подготовившие, — и это, без сомнения, составляет лучший и существеннейший отдел его книги, с которым мы всего более желаем познакомиться читателя; наконец, третья часть посвящена изображению ближайших причин или случайных поводов революции, тех причин, которые равно могли быть или не быть, при отсутствии которых история всегда нашла бы себе иные, вполне достаточные поводы или причины: ибо единожды созревший во внутренней жизни народа факт всегда найдет себе в окружающей среде достаточный случай, тот или другой, для вещественного своего осуществления.

Как ни занимательна эта последняя часть, как ни полна она новых любопытных фактов, с крайним трудолюбием собранных и с немалым искусством сгруппированных сочинителем, исследование этих ближайших причин французской

* Tocqueville. L'Ancien Régime, p. 348, 362, 188, 230, 231.

революции уже так часто было производимо всеми бесчисленными и часто даровитыми ее историками, они так близко знакомы уже всей читающей у нас публике, что мы считаем излишним распространяться о них здесь и охотно отсылаем любопытных к самой книге. По той же самой причине мы пройдем молчанием и первый отдел ее; к тому же строгая справедливость требует от нас признания, что из всего сочинения Токвиля эта первая часть есть бесспорно слабейшая, наименее достойная внимания: его по преимуществу аналитический ум, его дарование, незаменимое там, где нужно во множестве разнообразнейших явлений проследить одну какую-либо тонкую, едва уловимую нить исторической мысли, или где в темной гряде по-видимому безразличных фактов необходимо раскрыть сокровеннейшие причины явлений, отделенных от них веками, – дарование, неоценимое для верного отыскания законов исторической причинности событий, – является отчасти несостоятельным там, где нужно обобщение отдельного факта, возведение его к высшему разумному закону; словом, великолепный, всегда и невольно присущий Монталамберу синтез мысли остается ему недоступен; и в этом заключается как существенное различие их дарований, так, с другой стороны, и выгода сопоставления их трудов для взаимного их друг другом восполнения. Мы не можем, однако, и в этой первой части труда Токвиля не обратить особенного внимания читателя на замечательную причину, им указываемую, той злобы, которую в XVIII веке и в эпоху революции возбудила против себя Церковь во Франции почти во всех умах того времени. «Все эти страшные ненависти, – говорит он, – возбудило против себя христианство далеко не как учение религиозное, но как учреждение политическое, потому что члены духовенства сделались все землевладельцами, помещиками, сборщиками десятин, администраторами; потому что Церковь в старом политическом обществе, обреченном на погибель, заняла самое крепкое и самое привилегированное место... Церковь была в то время первым в государстве политическим учреждением и притом самым ненавистным из всех, несмотря на то, что она

не была стеснительнейшим; ненавистным, потому что она пришла на добровольное с ними смешение, не будучи к тому призвана по своему существу, потому что она в них освящала множество пороков, в ином месте ею осуждаемых, потому что она прикрывала их неприкосновенностью собственной святости и как будто бы хотела обессмертить их наравне с собою. Внешняя сила ее ослабла по мере того, как возросла власть светских властителей. Поочередно являвшись в истории сперва владычицей их, а после им равной, она в то время низошла уже на степень их клиентки; между ними и ею установился как бы некоторый торговый обмен услуг: они поддерживали ее своей вещественной силой, она прикрывала их своей нравственной властью; они внушали всем повиновение к ней, она требовала от всех к ним уважения: сообщество опасное и всегда невыгодное для власти духовной, основанной не на внешнем принуждении, а на единой вере^{*}. Это даже и донныне не миновавшее положение католицизма не ускользало от Токвиля уже двадцать лет тому назад и внушило ему тогда следующие во многом сходные строки в введении к его сочинению «О демократии в Америке»: «Странным стечением обстоятельств религия ныне случайно спуталась с теми политическими учреждениями, против которых направлены усилия демократии; она частехонько отталкивает от себя начало равенства, в сущности ей любезное, или прокликает свободу, как будто отъявленного себе врага, а между тем так легко было бы Церкви протянуть ей руку и благословить ее подвиги. С другой стороны, рядом с людьми религиозными я встречаю других, в помышлениях своих более направленных к выгодам земным, чем к предметам иного мира, любящих свободу не столько за то, что она есть источник лучших доблестей, сколько потому, что они видят в ней источник многих несомненных благ, — людей, стремящихся упрочить ее владычество и дать человечеству вкусить ее даров: вот, думаю я, они немедленно призовут на помощь себе религию, ибо они не могут не знать, что без доброй нравственности нельзя основать царства свободы, а

^{*} Tocqueville. L'Ancien Régime, p. 33, 253, 254.

добрые нравы в обществе без твердых верований невозможны. Но они провидели религию в рядах своих противников, и без дальнейшего рассуждения одни немедленно нападают на нее, другие не смеют за нее вступиться»*.

Обратимся теперь ко второму отделу книги Токвиля. Здесь он предлагает себе, прежде всего, следующий сам собой на ум напрашивающийся вопрос: отчего именно во Франции, где феодальные права уже задолго до революции были значительно ограничены, стали они ненавистнее народу, чем где-либо в других странах Европы, в которых они в то время еще царствовали во всей своей силе? Оттого, отвечает он, и развивает эту мысль в целой главе, что короли французские, направив всю деятельность свою на сокрушение политической стороны феодального здания, оставили неприкосновенными все гражданские или имущественные права, с ним сопряженные. Эти права были столько же бесчисленны и разнообразны, сколько нелепы и тягостны для подчиненных им поселян; тут были и остатки стеснительной бесплатной барщины, и разорительные десятины, взимавшиеся почти со всех земных произведений, и право, известное под именем *lods et ventes*** , или пошлина в пользу владельца со всякого движения или перехода в другие руки поземельной собственности в пределах его *seigneurie**** , и исключительное право охоты на землях прежних вассалов, землях, уже давно обратившихся, впрочем, в их частную собственность, и разные мыты, и дорожные, и перевозные сборы, пошлины с торговли на базарах, исключительные права на мелево и печение хлеба; и все эти права были права вечные, от которых единовременным взносом равноценного капитала селянину откупиться было невозможно. А между тем соседственный владелец, собиравший все эти мелочные доходы, уже лишился всего политического своего значения, кроме незначительного и притом опять-

* Tocqueville. De la Démocratie, vol. I, p. 18.

** Доход сеньора с наследства (фр.). – Прим. ред.

*** Сеньория (фр.) – в Средние Века область, принадлежавшая феодалу. – Прим. ред.

таки почти исключительно финансового участия в праве суда; он не участвовал вовсе в управлении общиной, еще менее в управлении областном, не принимал участия в общинных тягостях, не мог защитить селянина от ничтожнейшего коронного чиновника; словом, он был столько же бессилен перед властью, сколько и сам крестьянин. Политическая связь и общение между владельцем и крестьянином рушились; и они остались друг к другу лишь в имущественных отношениях, породивших между ними страшное, озлобленное раздвоение. Поземельная собственность, сказали мы, в то время уже в значительных размерах перешла в руки крестьян; известно, что в первой четверти нынешнего века она распределялась во Франции между 10 083 751 крупными и мелкими владениями (côtes), или почти 4 800 000 семейств и состояла из 123 360 338 дробных дач (parcelles)*; тщательные изыскания Токвиля привели его к тому убеждению, что это дробление поземельной собственности отнюдь не было последствием революции, но далеко предшествовало ей, так что оно уже в конце XVII и в XVIII веке возбуждало удивление и жалобы внимательнейших наблюдателей общественной жизни Франции – английского путешественника Юнга, маршала Вобана, Неккера и многих других. Из сличения числа поземельных участков в некоторых общинах в настоящее время с числом владений, показанных в тех же приходах по официальным спискам 1790 года, Токвиль выводит, что количество всех землевладельцев тогдашней Франции относится к числу нынешних как 2 к 3, невзирая на многократное дробление земли с тех пор между наследниками и на значительное возрастание народонаселения. В том же убеждаемся мы и из чтения другой замечательной книги, не так давно вышедшей и пополнившей значительный пробел во французской исторической литературе: «Histoire des classes agricoles en France depuis St. Louis jusqu'à Louis XVI, 1854, par Dareste de la Chavanne»**.

* Schuitzler. Statistique générale de la France. 1846, Chaptal.

** Дарест де ла Шаванн. История земледельческих классов Франции от св. Людовика до Людовика XVI. 1854. (фр.). – Прим. ред.

Эти полезные и в высшей степени любопытные наблюдения Токвиля подали некоторым легкомысленным читателям повод отвергать выгоды, проистекающие для общества из доставления низшим сословиям широкого доступа к поземельной собственности, как лучшего и необходимого основания консервативных начал в новом обществе. Извращая ясный смысл всей книги французского публициста, они стали худо понятым и превратно истолкованным свидетельством его подтверждать то ложное мнение, будто бы именно поземельная собственность сделала во Франции низшие сословия столько требовательными, и будто бы таково необходимое последствие приложения этого начала и во всяком ином обществе. Токвиль, и с ним опыт всей современной Европы, да и самый первоначальный здравый смысл, прямо удостоверяют нас в противном: крепко организованная и распространенная в низших сословиях поземельная собственность есть последний якорь спасения современного государства в Европе; если во Франции она не помешала разразиться первой революции, то это произошло именно и единственно потому, что в ней исторически сложилось в то время какое-то уродливое, неполное право собственности, подверженное, как мы выше видели, множеству частных, нелепых имущественных ограничений в пользу прежнего владельца, – ограничений, служивших неиссякаемым источником вещественных столкновений между владельцем и крестьянином; средневековые отношения их пали, не заменившись учреждениями местного административного патронатства первых над последними, не развязавши взаимно связывавший их узел отношений, чисто гражданских, имущественных. Непредусмотрительная беззаботность или бездарность французского правительства предоставила насильственным переворотам конца XVIII века сокрушить эти остатки древнего учреждения к ущербу дворянства, лишения справедливого вознаграждения. Таким образом, конец XVIII века во Франции далеко не размножил вдруг в неслыханных размерах мелкую поземельную собственность, но только освободил ее от всех лежавших на ней тягостей, возвел

ее на степень полной юридической собственности и дал ей то прочное и крепкое устройство, которое не так давно дозволило французскому обществу победоносно выйти из грозившего ему в 1848 году социального переворота.

Средневековые, феодальные отношения, сказали мы выше, рушились во Франции и повлекли за собой падение дворянского сословия. Чем объясняется это явление, и почему не повторилось то же самое в соседственной Англии? Отчего в Англии дворянство сохранило всеобщее к себе уважение и любовь народную, и отчего утратило оно их невозвратно во Франции? Мы уже имели выше случай представить на это частный ответ Монталамбера; Токвиль дополнит этот ответ. В его глазах всякая аристократия, чтобы быть прочной и уважаемой обществом, должна принимать серьезное участие в деле управления, по крайней мере местного; она не столько должна пользоваться какими-либо исключительными преимуществами или изъятиями из общих тягостей народных, изъятиями, которые часто падают на нее тяжелым укором, сколько должна быть допущена к деятельному участию в управлении, к деятельному вспомоществованию центральному правительству в заведывании местными интересами. «Когда дворянство, – говорит он, – не только пользуется несколькими привилегиями, но еще имеет положительную власть и принимает участие в управлении, тогда его особенные преимущества становятся менее заметны для народа и могут без особенной опасности быть расширены. В эпоху феодализма народ некоторым образом глядел на дворянство как на правительство: он безропотно сносил тягости, дворянством на него налагаемые, потому что, с другой стороны, получал от него немалое обеспечение. Дворянство пользовалось, правда, некоторыми стеснительными преимуществами и тягостными правами; но зато оно хранило общественный порядок, чинило суд и расправу, наблюдало за исполнением закона, брало под свою защиту бедных и слабых, словом, заправляло общественными делами. По мере того, как правительство стало отдалять дворянство от всех этих дел, невыносимее стало для народа бесцельное бремя его исключи-

тельных преимуществ и самое продолжение его существования сделалось каким-то непонятным анахронизмом»*.

Одновременно с постепенным изглаживанием аристократических влияний дворянства на дело местного управления Токвиль усматривает в древнем быту постепенное зарождение централизации и развитие ее в ущерб местной жизни под влиянием усиливающейся власти королевской: он утверждает, вопреки общепринятому мнению и вопреки словам самого Тьера, что сосредоточение государственного управления есть коренное учреждение древней дореволюционной Франции, а отнюдь не приобретение и не плод революции или гения Наполеона; и говорит, что изо всех старых учреждений Франции оно одно пережило революцию, ибо одно оно могло быть согласено с новым общественным бытом, ею созданным. На первый взгляд, Франция XVIII века является как бы усеянной независимыми местными учреждениями, в отдельных областях встречаются часто даже наследственные наместники (*gouverneurs*), люди большей частью знатного происхождения. На деле совершенно иное: наместникам этим оставлена лишь тень прежней их власти, лишь внешний блеск и почет: все заведывание делами сосредоточено в Королевском Совете, *Conseil du Roi*, составленном из людей происхождения весьма посредственного, но с малолетства приобывших к деловой практике; так называемый *côntroleur-général*** , член этого совета, есть главный и безответственный распорядитель всеми без исключения делами внутреннего управления, вмещающая в себе власть нынешних министров внутренних дел, финансов, публичных работ и пр. Из числа второстепенных и младших членов Королевского Совета он назначает в отдельные области управителей или интендантов (*intendants*), которые в данной местности опять сосредоточивают в своем лице всю власть Совета; они зависят единственно от Совета и в особенности от государственного контролера, и управляют всеми делами в звании советских комиссаров (*commissaires départis*), часто

* Tocqueville. *L'Ancien Régime*, p. 70.

** Государственный контролер (фр.). – Прим. ред.

живя рядом с наместниками, представителями отжившего начала, и почти не имея с ними деловых сношений. Королевский Совет производит раскладку по областям податей и рекрут, требуемых для милиции, и ежегодно отряжает для обозрения областей королевства множество инспекторов, поручая одним высшее наблюдение за гражданскими инженерными работами, другим – главный надзор за теоретическим усовершенствованием земледелия и промышленности. В свою очередь, областной интендант производит на месте податную раскладку между отдельными приходами своей области (*province*) и поручает как все эти сборы, так и местное производство общественных работ и заведывание полицейской командой (или *maréchaussée*) чиновникам, непосредственно им самим назначаемым и от него зависящим. Эти чиновники, заведывающие как бы уездами (*canton*), носят название субделегатов (*subdélégués*) и также произвольно могут быть сменены высшей властью, как и сам интендант, и все члены Королевского Совета, и контролер. Старые местные власти – *le seigneur, le grand voyer, les bureaux de finances, les trésoriers de France** и пр., сохранили лишь названия свои и некоторые ничтожные атрибуты и занятия; все существенное в управлении, плод развития нового общества, постепенно перешло в новые руки. Даже судебная власть, хотя и крепче всех других организованная, мало-помалу вырывается Королевским Советом из рук парламентов и старых судебных мест, непрестанно ограничиваемых в своих действиях указами Королевского Совета (*arrêts du Conseil*), уничтожающими распоряжения первых и вводящими новые уставы, действие которых распространяется им на все без исключения королевство. Таким образом, в одном и том же государстве мало-помалу образовались друг возле друга две как бы друг от друга независимые и друг другу чуждые системы управления: одна, с трудом сохраняющая в дряблых руках своих кое-какие остатки дел обветшалых и забытых, всегда основывающая притязания свои на какой-либо стародавней привилегии, являющаяся в новом

* Сеньор, главный дорожный смотритель, департамент финансов, казначейство Франции (*фр.*). –Прим. ред.

обществе какой-то отжившей формой, лишенной содержания; другая – молодая, могучая, властолюбивая, все ищущая в себе сосредоточить и поглотить, смело врезывающаяся в тесную область первой или разрастающаяся и раскидывающая молодые ветви свои по всему государству, самонадеянно мечтающая, что ею одной может общество быть спасено, что ей одной принадлежит исключительная и полная над ним опека.

Вот почему знаменитый шотландец Ло, бывший сам государственным контролером, имел полное право сказать: «Я никогда не поверил бы всему этому прежде; знайте же, вся ваша Франция находится исключительно в руках тридцати областных интендантов. Вы, в сущности, не имеете ни парламентов, ни провинциальных штатов, ни наместников; от тридцати рекетмейстеров Королевского Совета зависит благосостояние или злополучие ваших областей, их богатство или бесплодие»*.

Этим областным начальникам правительство поручало даже все дело местного призрения неимущих и нуждающихся, оставшееся совершенно чуждым участию и влиянию местных сословий. Мало того, «правительство хотело даже через них научить крестьянина лучшему средству обогатиться; оно старалось помогать ему в том и подчас было не прочь принудительных к тому мер. Для этого оно от времени до времени поручало областному начальству безденежную раздачу крестьянам печатных руководств земледельческих, основывало сельскохозяйственные общества, назначало премии и награды, ценой огромных расходов содержало рассадники и питомники разных растений и производило безденежную раздачу их. Казалось, легче и полезнее было бы облегчить несносное бремя тяжестей, подавлявших в то время земледелие, и равномернее распределить их между сословиями, но об этом решительно никто не помышлял»**.

Отдельные общины королевства, городские и сельские, также лишены были всякой свободы самоуправления. До 1692

* Tocqueville. L'Ancien Régime, p. 79.

** Tocqueville. L'Ancien Régime, p. 86.

года первые сохраняли по крайней мере право избирать свое начальство или так называемый *corps de ville* (городскую думу) и председательствовавшего в ней мэра или голову. Способ избрания был далеко не совершенен и обуславливался олигархическим устройством городского общества, в котором постепенно переродилась прежняя свободная и живая жизнь средневековых общин. Все интенданты единогласно свидетельствовали об этом злоупотреблении перед правительством, но находили лишь одно средство для исцеления его – все большее и большее порабощение городов центральному управлению. Король, со своей стороны, нуждался в деньгах. Таким образом, в 1692 году были внезапно во всей Франции отменены городские выборы, и городские должности назначены в распродажу; право выборов возвращено лишь тем из городов, которые поспешили уплатить в казну полную стоимость назначенных в распродажу местных должностей. Эта позорная финансовая операция повторялась 7 раз в течение последующих 80 лет и стоила городам несметных сумм; одна провинция Лангедокская заплатила в 1773 году выкупу за городские должности свои 4 милл. фр. тогдашней монетой. В селах, благодаря их крайней бедности и ничтожности, сохранилось старое демократическое устройство общины, и осталось неприкосновенным ее право избирать себе двух обычных начальников своих – сборщика податей и синдика, или старосту; но за этой внешностью свободных форм скрывалось полное и самое грубое самовластие местных правителей, на деле безотчетно распоряжавшихся выбором и сменой общинных начальников. «Нельзя представить себе, – говорит Токвиль, – положения бедственнее участи этих несчастных. Самый ничтожный коронный чиновник, субдепутат, заставлял их подчиняться малейшим своим капризам: он беспрестанно приговаривал их к уплате пеней, часто даже произвольно сажал их в тюрьму... Поэтому и само несение общественной должности рассматривалось в то время далеко не как почесть, а как невыносимая тягость, которой всякий и всячески старался избежать»*. Местные правители были бес-

* Tocqueville. L'Ancien Régime, p. 100, 101.

сильны сами оказать в нужном случае общине спасительную помощь и избавить ее от разорительных проволочек. «Даже в случае единогласного решения общины она без разрешения Королевского Совета не могла ни обложить себя новым налогом для своих местных нужд, ни продать, ни купить, ни нанять, ни тягаться. Необходимо нужно получить указ Совета, чтобы приступить к починке церковной ограды или церковной кровли, сорванной ветром. Самая отдаленная от Парижа община, даже сельская, была подчинена тем же формальностям. Мне не раз случалось читать просьбы королю, коими общины выпрашивали себе позволение издержать на свои нужды 25 франков... Между тем делопроизводство, сопряженное со страшной письменностью, шло так медленно, что я не встречал ни одного случая, где разрешение воспоследовало бы ранее, как через год; почти всегда приходилось ждать два и три года»*. Зато местный правитель имел полное право не разрешить жителям города или селения собраться для совещания о своих делах и мог вмешиваться во все малейшие внутренние распоряжения города; так, например, он в известные дни сам предписывал изъявления общественной радости, приказывал зажигать огни и украшать дома иллюминациями**. «О, если бы, по крайней мере, – восклицает Токвиль, – эта строгая подчиненность городов спасала бы их финансы! Но и того никак нельзя сказать. Уверяют, что без благотворного действия централизации города немедленно должны разориться; право, не знаю; но достоверно то, что в XVIII веке централизация вовсе не достигала этой цели. Вся история управления того времени полна доказательств того страшного беспорядка, в котором находились их дела»***.

Среди этого административного хаоса Токвиль различает некоторые как бы родовые черты, общие всем чиновникам того времени: прежде всего поражает его «безотчетная ненависть, которую внушают им все те люди без различия, дворяне ли они

* Tocqueville. L'Ancien Régime, p. 100, 118.

** Tocqueville. L'Ancien Régime, p. 94.

*** Tocqueville. L'Ancien Régime, p. 95.

или члены среднего сословия, которые, не принадлежа сами к администрации, хотят заняться общественными делами. Им и страшно, и докучно малейшее общество, желающее составить без их содействия, каковы бы ни были его цели; они допускают лишь те из них, которые ими самими учреждены, или в коих они сами председательствуют. Они не сочувствуют даже большим промышленным компаниям...»*. С другой стороны, замечательны суждения низших чиновников, например субделегатов, о подведомственных им людях; в донесениях своих высшему начальству они никогда не преминут побранить крестьянина и выразить о нем самое невыгодное мнение: «Крестьяне, – говорят они всегда в таких случаях, – суть естественные лентяи, и они никогда не станут работать, если не принудит их к тому нужда»**.

Наконец, главные начальники уже заражены в древней Франции неизлечимой страстью к собиранию множества беспутных, неверных и ничего не доказывающих статистических данных и к сосредоточению в руках своих всех ничтожных мелочей управления. «В министрах уже зародилась мысль собственными глазами вникать в подробности каждого дела и все решать самим, не выезжая из Парижа. Страсть эта усиливается и разрастается по мере того, как с течением времени совершенствуется само управление. Около конца XVIII века уже ни одно благотворительное заведение не может быть учреждено в областной глуши без личного вмешательства государственного контролера в определении расходов его, в начертании для него устава и избрании для него приличного помещения. Он хочет в точности знать имя каждого нищего, принимаемого в рабочий дом, день его вступления и день выхождения...»***. Дело доходит до того, что уже в 1733 году у одного государственного человека невольно вырывается следующее знаменательное признание: «Подробности, сосредоточивающиеся в руках министров, чрезмерны. Ничего без них не делается, и если всеведение их

* Tocqueville. L'Ancien Régime, p. 121.

** Tocqueville. L'Ancien Régime, p. 119.

*** Tocqueville. L'Ancien Régime, p. 117.

не равняется их всемогуществу, то они поневоле принуждены предоставлять все на решение своих делопроизводителей, которые становятся настоящими хозяевами». И над всем этим хаосом царит чувство глубокого неуважения к закону. Дельных и трудных преобразований правительство вообще не предпринимает вовсе или, по крайней мере, немедленно покидает их; но зато по всем возможным частям королевские эдикты следуют за эдиктами, уставы за уставами; чиновники не успевают утверждать самого для себя необходимого в ежедневно выходящих новых постановлениях; законы вообще крайне строги, но приложение их вяло, терпит тысячи изъятий и исключений и порождает еще более злоупотреблений и неудовольствий**.

С другой стороны, администрация французская громко обнаруживает самое отъявленное неуважение к праву частной собственности граждан и легкомысленное презрение к соблюдению заgrabной воли завещателей, когда последние определяют имение свое на цели общественной благотворительности. Так, эдикт 1780 года разрешил всем благотворительным учреждениям продать все разновременно и на различных условиях завещанные им частными людьми имения и повелел вырученные капиталы передать в королевское казначейство, обязав последнее с них выплачивать ежегодные проценты. Но еще до этого большая часть имений, принадлежавших этим заведениям, уже неоднократно была отклоняема от первоначальной цели, предположенной завещателями, беспрестанно передаваясь в силу указов Королевского Совета от одних заведений, казавшихся слишком богатыми, в ведомство и пользование других, менее обеспеченных. Всех произвольнее действовало во Франции управление путей сообщений. «Когда во второй половине XVIII века, – говорит Токвиль, – распространился вкус к общественным работам и преимущественно к благоустроенным дорогам, управление это нимало не затруднилось захватить необходимые ему земли и стало без милосердия разрушать дома, лежавшие по предположенным путям.

* Tocqueville. L'Ancien Régime, p. 118.

** Tocqueville. L'Ancien Régime, p. 124–127.

Уже в то время безусловно прельщалось это управление геометрическим изяществом прямолинейных направлений; оно тщательно избегало существующих торных дорог и малейшему изгибу предпочитало самопроизвольное перерезывание тысячи мелких владений. За захваченные таким образом участки казначейство или рассчитывалось поздно и по произвольным оценкам, или, и всего чаще, не расплачивалось вовсе. Областной сейм Низменной Нормандии, принимая дела от интенданта, нашел все подобные вознаграждения еще неуплаченными казной за целых 20 последних годов»*. Вознаграждения эти выплачивались исправно только в тех немногих областях французских, которые под названием *paus d'états*² пользовались самостоятельными учреждениями, историческими развалинами своего прежнего независимого быта.

Таких областей во всей Франции было всего только пять; между ними лучшим устройством пользовался Лангедок и потому находился, сравнительно со всей остальной Францией, в самом цветущем состоянии. Токвиль с особенным удовольствием останавливается на описании царствовавшего в нем благоденствия: барщина, во всей остальной Франции исключительно употреблявшаяся на подъем военных тяжестей, на перевозку корабельного леса, на починку дорог, постройку казарм и доставку ссыльных и нищих к месту их назначения, эта тяжелая барщина была в Лангедоке неизвестна, будучи издавна переведена там на деньги; дороги и каналы находились в отличном состоянии; целая сеть их задумывалась и выполнялась в огромных размерах, ежегодно поглощая до 2 000 000 ливров, добровольно жертвовавших на этот предмет самой провинцией. Эти производительные работы заменяли в ней казенные заведения для нищих, известные под именем *ateliers de charité*** , и сберегали таким образом значительные расходы на сей предмет королевской казны; наконец, в затруднительных случаях Лангедок приходил собственными своими областными средствами на помощь расстроеным государственным фи-

* Tocqueville. L'Ancien Régime, p. 311, 312.

** Благотворительные заведения (фр.). – Прим. ред.

нансам, которые в последнее время задолжали ему 73 200 000 ливров. Каждая из этих провинций сама распределяла сумму, которую она согласилась уплатить или которую от нее требовали, между жителями через собственных должностных лиц,

Чем объяснить такое неслыханное в древней Франции процветание отдельной области? Токвиль видит в нем естественное и необходимое последствие существования в Лангедоке независимых провинциальных учреждений и предоставления центральной властью всех дел местного управления, всей внутренней раскладки податей и надзора за общественными предприятиями областным лангедокским штатам, состоявшим из 92 членов, из которых 46 депутатов среднего сословия, 23 епископа и 23 депутата от дворянства. Способ собирания их и делопроизводство, даже самый их состав – все было в них далеко не удовлетворительно; и, должно признаться, королевская власть мало заботилась об усовершенствовании их, всегда видя в областных собраниях орудие докучливое и не довольно гибкое в руках своих чиновников. Но уже и этого несовершенного учреждения, этого всегда присущего и озаряющего пути местного интенданта *светоносного фокуса*, как называет его Токвиль, было достаточно, чтобы спасти Лангедок от многих невольных промахов и предотвратить или исправить многие ошибочные действия центральной французской администрации. Мы видели, что крайней поворотной точкой новейшей французской истории Токвиль полагает самую середину XVIII века. Любопытно знать, откуда берет он древнейшую первоначальную точку раздвоения между историей Франции и историей Англии, ту исходную точку, которая обусловила все позднейшее развитие первой, сообщила ей свой особенный, специальный характер и навеки раздвоила внутреннюю жизнь двух народов и двух обществ, колыбели которых так близко друг от друга стояли в начале их политического поприща. Прислушаемся к словам самого Токвиля. «В XIV веке, – говорит он, – юридическая пословица – *n'impose qui ne veut* (в других словах: народ может быть обложен лишь теми податями, на которые он сам изъявил согласие) – так же

крепко соблюдалась во Франции, как и в самой Англии. Генеральные Штаты часто напоминали о ней, действовать вопреки ей казалось всякому чрезмерным превышением власти; строгое соблюдение ее было, напротив, делом твердого обычая. В то время встречается, как уже выше сказано, множество аналогий между учреждениями французскими и английскими; но тут разветвляются исторические судьбы обоих народов, и отныне они постоянно более и более между собой расходятся по мере того, как подвигаются вперед. Мы легко можем представить их себе двумя прямыми линиями, исходящими из двух соседственных точек, но движущимися по двум различным склонам, так что всякое дальнейшее движение их вперед еще более удаляет их друг от друга. Я утверждаю, что зародыш всех недостатков и почти всех злоупотреблений, которые впоследствии постоянно точили древний быт Франции и окончательно привели его к насильственной развязке, был положен в тот день, когда народ, утомленный бесконечными неурядицами, ознаменовавшими эпоху плена короля Иоанна и безумия Карла VI, позволил королям налагать на него подати, не испрашивая на то общественного согласия; а дворянство, движимое своекорыстием, допустило изобречение среднего сословия, лишь бы ему самому избегнуть налога. Невольно удивляешься замечательной проницательности Филиппа де Комина, уже сказавшего: «Charles VII qui gagna ce point d'imposer la taille à son plaisir, sans le consentement des états, chargea fort son â me et celle de ses successeurs, et fit à son royaume une plaie qui longtemps saignera»^{*,**}.

Токвиль развивает перед читателем подробную и в высшей степени любопытную картину всех злоупотреблений, постепенно вкравшихся в финансовое управление древней Франции и превратившихся там, наконец, в общее и неизмен-

* Tocqueville. L'Ancien Régime, p. 175.

** Карл VII, которому удалось добиться права облагать своих подданных талей по своему усмотрению и без соглашения с сословиями, взял большой грех на свою душу и душу своих преемников и нанес своему королевству рану, которая еще долго будет кровоточить (фр.). – Прим. ред.

ное правило. Он указывает на губительные последствия чрезмерного развития, данного прямому налогу, и в особенности налогу, известному под именем *taille*³, тягостнейшему и безобразнейшему из всех по самому способу раскладки; он указывает далее на введение продажности служебных должностей, в 1664 году уже доставившей казне страшную сумму в 500 милл. ливров; на распродажу прав дворянства, многократно после того опять отбирившихся правительством у покупателей, чтобы заставить их вновь заплатить за них в другой и в третий раз; наконец, на множество других финансовых проделок, подкопавших в народе под самый корень всякое уважение и всякое доверие к королевскому казначейству и к его финансовым действиям. Мы заключим наш краткий обзор вредных последствий централизации в древней Франции характеристическим рассказом, встречаемым нами у Токвиля. Двум просвещенным сановникам, господам Орри и Трюдену, из которых один был в то время государственным контролером, а другой главноуправляющим путей сообщения, пришло на мысль по всей Франции заменить денежным сбором барщинскую работу, сходявшую с крестьян на исправление дорог. Они долго думали и гадали и наконец вовсе отложили исполнение своего намерения: их испугала мысль, что по сборе денег невозможно будет упасти их от государственного казначейства, которое непременно растратит их на свои нужды, и бедные крестьяне, заплатив положенный сбор, принуждены будут еще сверх того исправить повинность натурой.

Другая, по мнению Токвиля, существеннейшая язва древней Франции, тесно связанная с первой, это разрозненность сословий, политическое их друг от друга отчуждение. В конце XVIII века все образованные французы, как бы они ни назывались в обществе – дворянами, или аббатами, или мещанами (*bourgeois*), в сущности чрезвычайно, хотя и бессознательно, походили друг на друга: они заимствовали просвещение у одного и того же источника, имели одни и те же привычки, одни вкусы, ценили одни удовольствия и читали одни и те же книги; быт провинциальный и городской, поддерживавший

столько особенностей жизни, давно иссяк, и все французы были в качестве граждан равно безучастны в деле общественном. Это безразличное и неосознанное единство их жизни уже как бы просвечивало сквозь сохранившиеся внешние отличия; оно издавна подготовлено было единством государственным, и для внешнего своего выражения оно ожидало как бы только той законодательной формулы, которая должна была быть выговорена революцией. Но время, сгладившее личные различия между французами, с одной стороны разделило их друг от друга множеством искусственных преград, с другой – разрушило все прежде существовавшие точки соприкосновения их между собою в политической жизни. В начале XIV века было не то: дворяне мало походили на людей среднего сословия, но оба сословия, как учреждения политические, часто сходились и в провинциальных собраниях, и в Генеральных Штатах; они легко и скоро друг друга понимали, имели общие интересы и охотно защищали их, крепко вообще стояли друг за друга и умели быстро и крепко соглашаться в деле общественного устройства. Токвиль приводит замечательные тому примеры, почерпнутые из истории областных учреждений Франции – в Оверни и в Шампани. Срам первой измены общему делу падает в том же XIV веке, как мы выше видели, на французское дворянство: оно первое предало интересы общества, поддавшись на искусно предложенное искушение и променяв на личное изъятие от налога высокое положение свое в совокупной жизни народа. Это изъятие от налога, эти исключительные преимущества, лишённые нравственной опоры в политическом значении дворянства, постепенно образовали между ним и прочими сословиями целую неудобопроходимую бездну; отныне сословия отделились друг от друга постоянными внешними, всегда наглядными, всегда памятными, неизгладимыми признаками, ежедневно получавшими в обыденной жизни все большее и большее значение и развитие. С совершенным упадком Генеральных Штатов и провинциальных учреждений дворянство лишилось единственного случая встречаться в жизни со средним сословием. В ту роковую минуту, когда депутаты от

трех политических состояний Франции опять встретились, наконец, в последние дни XVIII века, они сошлись, схожие между собой во всей внутренней и внешней жизни, и внесли с собой в последние Генеральные Штаты почти одинаковые требования политические; но в течение предшествовавших трех веков они глубоко и неизлечимо научились друг друга ненавидеть или презирать, и среднее сословие, в свою очередь, не усомнилось предпочесть теорию всеобщего равенства настойчивому требованию личной существенно огражденной свободы.

Еще ярче отделилась французская аристократия от крестьян. Мы уже видели, что она отказалась от всякого участия в их общинных делах и не умела собственным начинанием вызвать и основать какое-либо местное политическое учреждение, где оно могло бы стать во главе местной жизни и взять под свое хранение местное сиротствующее народонаселение. Напротив, она довольствовалась исправным сбором с прежних вассалов своих феодальных доходов; и когда надоела ей жизнь сельская, когда города с их пышной, разнообразной и легкомысленной жизнью расставили перед ней свои обманчивые призраки, она густой вереницей покинула родные очаги, поручила наемникам щепетильное взыскание оброков и спешила занять в передней временщиков выгоднейшие, нелегко достающиеся места. Короли французские сперва поощряли это выгодное для себя движение; впоследствии они опомнились и разными искусственными мерами, разными личными распоряжениями старались предотвратить зло. Эти распоряжения не помогли, нужно было бы изменить всю систему. «Главная и существенная причина этого явления, – говорит Токвиль, – коренилась в медленном, но постоянном действии самих учреждений, а не в личной воле и не в преходящем расположении нескольких людей; лучшее тому доказательство – то, что когда в XVIII веке само правительство захотело искоренить зло, оно при всей доброй воле своей не успело даже замедлить его развитие. Переселение дворянства в города постоянно усиливалось в той же самой мере, в какой исчезали местные учреждения и в какой дворянство утрачивало некоторые политические права свои,

не приобретая новых. Отныне стало уже ненужным поощрять дворян к покиданию сел: они сами не хотели в них долее жить; им в них стало невыносимо скучно»*.

Покинутые низшие сословия платили за это аристократии или скрытной ненавистью, или явным и неизлечимым равнодушием. Глубокий тайник их души оставался непроницаемо закрытым для взора, им чужого. «Мы, – говорит Токвиль, – с той точки, где мы теперь находимся, ясно и осязательно сознаем эти вещи; но современники их не провидели. Вообще люди высшего состояния могут лишь с чрезвычайным трудом достигнуть до того, чтобы ясно рассмотреть сокровенные явления души простолюдина и особенно души крестьянина. Близкое к природе воспитание его и образ жизни раскрывают ему на здешний мир такие ему одному свойственные виды, которые всякому другому остаются навеки не доступными. Но когда богатый и бедный лишены всякого общего интереса, когда они не живут одной жизнью, не волнуются общим чувством или верованием, тогда эта тьма, взаимно скрывающая друг от друга их созерцания, становится густым непроницаемым мраком, и эти два человека могут всю жизнь провести рядом, никогда не поняв друг друга»**.

Не менее были отделены от сельского народонаселения и люди среднего сословия. Да и в собственной своей среде городское мещанство дробилось на множество отдельных и всегда враждебных между собой корпораций, внутренние распри которых значительно облегчали коронным чиновникам присвоение себе преобладающего влияния на решение дел городских. Внутри городских общин развивалось постоянное стремление к образованию смешных и бесцельных маленьких олигархий. С близлежащими деревнями города находились в непрерывной и непримиримой вражде, вызывавшей даже вмешательство правительства и засвидетельствованной нам Тюрго, который сам имел случай наблюдать это любопытное явление в то время, как был лиможским интендантом и впоследствии

* Tocqueville. L'Ancien Régime, p. 210.

** Tocqueville. L'Ancien Régime, p. 227.

государственным контролером. Разбогатевшие мещане охотно покупали себе земли на деревне; но, избегая неразумной раскладки прямого налога (*taille*), никогда не оставались жить в своих поместьях, также довольствовались одним сбором с них доходов и наравне с родовыми дворянами спешили уйти в города. С другой стороны, они хотели во что бы ни стало отличаться от своих собратий, добивались наподобие дворян изъятий от податей и повинностей, почему-либо считавшихся в тогдашнем обществе унижительными, и расточали трудом нажитые капиталы на покупку себе дворянских дипломов или должностей, держа всегда наготове для финансовых операций государственного контролера неистощимый запас тщеславия и столько же неисправимого, сколько постоянно наказываемого, легковерия.

Невозможно лучше завершить все, нами сказанное, как словами администратора философа Тюрго, взятыми из тайной записки, составленной им для короля: «Франция есть общество, составленное из различных плохо сомкнутых сословий и народа, члены которого не имеют между собою никакой связи, и в котором, следовательно, всякий человек исключительно занят своими личными выгодами. Между городами и селами царствует такое же отсутствие всяких политических отношений, как и между округами, к которым они принадлежат. Им не позволено даже совещаться между собой о необходимых общественных работах, которые могут быть предприняты лишь совокупными силами. Среди этой всеобщей неурядицы Ваше Величество принуждены все решать сами или через ваших чиновников. Чтобы осмелиться содействовать общему благу, чтобы не нарушить чужого права, весьма часто даже для того, чтобы сметь воспользоваться собственным своим правом, всякий ожидает особенного приказания от Вашего Величества»*.

Впрочем, всю печальную картину этого быстро отживавшего быта читатель должен сам прочесть в книге Токвиля. Он найдет в ней еще множество в высшей степени замечательных страниц, изображающих почти все стороны древней полити-

* Tocqueville. L'Ancien Régime, p. 187.

ческой жизни Франции: развившуюся в ней страсть к занятию общественных служебных должностей, упадок благосостояния крестьянского сословия, худые последствия личных изъятий от податей, мелкопоместность и бедность дворянства, губительное для Франции сосредоточение всех живых сил его в Париже, историческое образование так называемой административной юстиции, наконец, те сверхъестественные размеры, в которые революция XVIII века, сокрушив все старые учреждения, естественно и необходимо должна была облечь центральное управление. Мы удовольствовались беглым указанием на одни главные, существеннейшие явления старого быта. Счастливыми почтем себя, если хоть скольконнибудь успеем возбудить или усилить в обществе разумное сочувствие к просвещенному, единственному ныне возможному консерватизму двух замечательных публицистов современной Франции.

Токвиль обещает нам продолжение своего труда. В нем он должен изобразить тот практический вывод, который следует из его исторических исследований и из его наблюдений над современностью. Мы с нетерпением будем ожидать нового слова его. Между тем сама жизнь, безостановочно следуя своему течению, откликается на вопросы, задаваемые ей публицистами, и стремится разрешить их в своих положительных учреждениях. Вопрос о централизации и вреде, ею наносимом, становится уже отчасти вопросом современной моды; и чуткое ухо Людовика Наполеона, прислушивающееся к народной молве, успело подстеречь общественное к нему сочувствие. Замечательны в речи, произнесенной им 16 февраля при открытии заседаний Законодательного Собрания и Сената, те выражения, в которых он упрекает французское общество в его беспомощности, и которые как бы подсказаны ему Тюрго, Монталамбером и Токвилем: «Мы должны поощрять одних, удерживать других, должны доставлять пищу деятельности этого ненасытного, беспокойного и взыскательного общества, которое во Франции всего ожидает от правительства и которому мы, однако, должны во многом отказывать во имя здравого смысла и невозмож-

ности». В истекшем заседании генеральных советов Франции один из них, генеральный совет департамента Herault, громко выразил даже желание видеть во Франции восстановленными какие-либо новые административные единицы или округа, которые соединяли бы в себе по несколько департаментов и содействовали бы восстановлению в различных частях Франции местной областной жизни, окончательно убитой в ней искусственным распластанием ее на 86 произвольно вымышленных подразделений, лишенных всякой между собой живой исторической или политической связи. С другой стороны, общественным мнением уже давно поднят вопрос о преобразовании алжирского управления, о необходимости дать этому краю более правильное, несколько гражданское устройство и отменить зависимость его от центрального парижского управления. Гибкий ум Людовика Наполеона, всегда готовый дать некоторое формальное, внешнее удовлетворение требованиям, настоятельно предъявляемым от общества, поспешил изобрести на этот случай новую своеобразную формулу для требуемой отмены алжирской централизации, и 30 декабря истекшего года издан целый ряд декретов о преобразовании африканского края. Главные основания их заключаются в распространении власти алжирского генерал-губернатора за счет власти, прежде сосредоточивавшейся в руках военного министра, в некотором изменении прежних подразделений алжирской области, в уподоблении военных начальников того края французским префектам и, наконец, в некотором действительном распространении в новозавоеванной области гражданского начала и самобытной жизни чрез учреждение в нем двадцати восьми новых общин (*communes*) и замещение прежнего временного учреждения гражданских комиссарств муниципальными установлениями Франции. Впрочем, не только не даровано европейским жителям алжирской области ни малейшего участия в местном управлении края и ни малейшего средства контроля над местными властями, но они даже не уравниены в этом отношении с жителями самой Франции, где, по крайней мере, общинные советники (*conseillers municipaux*) и члены

генеральных советов, состоящих при префектах, подлежат избранию своих сограждан. Это новое устройство, под ложным видом отмены централизации ведущее лишь к установлению какого-то безотчетного, ничем не сдерживаемого областного проконсульства и не оправдываемое даже военным характером алжирской колонии, подвергалось справедливой критике лучших французских газет при всех трудностях и опасностях подобного дела. Они спешили сравнить новый быт, вымышленный для Алжира последними декретами Людовика Наполеона, с истинно охранительными для местного народонаселения учреждениями, даруемыми Англией ее многочисленным колониям, и столько же обеспечивающими их вещественное и духовное процветание, сколько и привязанность их к благодеющей метрополии. Опыт, совершаемый над Алжиром, не может, конечно, служить ни доказательством того, чтобы Людовик Наполеон действительно задумывал какое-либо новое областное подразделение Франции, ни типом такого устройства, которое было бы приложимо к последней. Во всяком случае, мы сомневаемся, чтобы Людовик Наполеон, даже при лучшем желании своем, мог при исторических условиях своего правления и власти где-нибудь и когда-нибудь сочувствовать серьезным областным учреждениям.

Учреждения эти являются в настоящее время лучшей точкой опоры для правительства во всех тех государствах, где еще сохранились для воссоздания их какие-либо живые элементы. Только с их помощью, при благотворном их воздействии и влиянии на местное управление, может принести какую-либо пользу сознательно и бессознательно ныне требуемое везде и всеми отменены административной централизации. Но подобный подвиг возвышенной и бескорыстной политики может совершить лишь Государь, рожденный на престол, от самой колыбели окруженный любовью своего народа и столько же уверенный в нем, сколько искренно и горячо его любящий. Возможность совершить подобный подвиг сберегается скупой рукой истории лишь для немногих ей особенно сочувственных любимцев.

Два слова по поводу Восточного вопроса

Последние решения Парижской конференции, касающейся соединенных (по имени) княжеств придунайских, и вновь ожидаемые окончательные ее постановления о свободном или исключительно подчиненном австрийскому влиянию плавании по Дунаю уже самым внешним образом вновь направляют общественное внимание к турецкому Востоку. Впрочем, и без того общественная забота об этом вопросе ни на минуту не прерывалась с тех пор, как успели замолкнуть севастопольские громы, и участие мыслящего мира еще ни разу ни на одно мгновение не остывало, постоянно поджидая решения мучительным своим недоумениям и ежедневно почерпая новую для них пищу в достоверных, неутешительных известиях с Востока. Скажем более: после первых, почти страстных ожиданий, возбужденных Парижской конференцией, всеобщее внимание как бы совершенно отвлеклось от происходившей в ее среде дипломатической борьбы, исключительно обратившись на живой практический интерес вдали совершавшейся исторической драмы, и последние заседания конференции проволочились среди всеобщего к ним безучастия, затемненные даже двусмысленной комедией Шербурга. Такое оскорбительное невнимание общества к дипломатии в ту самую минуту, когда ей поверено решение важнейшего дела, не есть ли уже, само в себе взятое, признак многозначительнейший? Не заключается ли в нем, по крайней мере, спасительное предостережение для той особенной части европейской дипломатии, от которой со страхом или с надеждою свет ожидает живого слова, исторического дела?..

На другой отдаленнейшей точке Востока, на почве более доступной еще первоначальным правильным впечатлениям и менее истощенной взаимно перекрещивающимися интересами

народов и вековой борьбой разнообразных и политических начал, в Китае, в стенах Аюна и Тинцина, это историческое слово, к счастью, успело высказаться, немедленно покорив себе все умы и возвысив международное положение России. Россия с сочувствием и благодарностью повторяет имя сибирского наместника, столь блистательно успевшего возобновить замолкнувшее было на время политическое предание русского влияния в Китае. Она высоко ценит его благоразумную твердость и непоколебимую настойчивость при укреплении за нею так долго слывших для нас заколдованными берегов Амура, – берегов, которые так упорно против нас охранялись не столько бессильными руками трусливых богдыхановых¹ мандаринов², сколько еще несравненно для нас опаснейшим учением, пересаженным к нам учениками Меттерниха из австрийских и английских дипломатических канцелярий, учением о благоговейном уважении к политическому *far niente** Западной Европы и к священным граням, для нас придуманным англо-австрийской политикой. Россия радуется этому наглядному признаку перемены в направлении и искомом возрождении нашей дипломатии, и с тем большей уверенностью ожидает от нее упорного преследования самостоятельных народных целей и преданий, слишком долго позабытых в других существеннейших ветвях наших международных отношений.

Турецкий вопрос, сказали мы, заключает в себе ныне и сосредоточивает в себе, как в одном общем фокусе, все живое содержание всей всемирной политики. На этой почве должны в более или менее отдаленном будущем получить себе разрешение почти все затруднения, ныне волнующие Европу или временно затаенные в ней: будущность Греции, славянских племен Турции и народов румынских, участь Австрии и связанные с нею судьба Италии и будущее устройство Германии, союз России с Францией, Египет, Суэцкий перешеек и владычество на Средиземном море, преобладание Англии или постепенное низведение ее к более второстепенной роли; наконец, скорое возрождение множества ныне кажущихся успокоенно-

* Ничегонеделанье (*ит.*). – Прим. ред.

му человечеству порешенными религиозных вопросов, – вот отдельные члены этой всемирной задачи, подвергающей весь политический мир стольким мучительным испытаниям. Тщетно, с полным сознанием опасностей, кроющихся для нее в недрах этого вопроса, пьтится от него утомленная и полуразоренная им Европа; тщетно старается она то отделаться от него полумерами, то ищет даже предаться минутному, скоропреходящему самообольщению; грубые факты, печальная существенность вскоре разгоняют неосновательные надежды, пустые мечты и с докучливой неотвязчивостью требуют себе громогласного признания и окончательного разрешения. Восточный вопрос в том виде, как он теперь намечен, как борьба России и Запада на почве православного греко-славянского мира, родился в тот день, когда Екатерина стала твердою ногою на берегах Черного моря, покорила его своему вновь созданному Черноморскому флоту и предъявила права русского флага на почетную известность в водах моря Средиземного. Не установившаяся еще политика Европы и собственная наша смелость долгое время доставляли нам одни блистательные успехи; разделенные между собою государства Западной Европы поочередно предавали нам Восток, стараясь ценой этой жертвы купить нашу дружбу или преходящий союз. Так действовала временно и Австрия при Иосифе II, вместе с нами воевавшая против Турции; так и Англия, изнеможенная в долгой борьбе со своими американскими колониями, всячески домогалась расположения России, с первого слова стараясь обольстить князя Потемкина предложением твердой оседлости для русского флота на любом острове Средиземного моря; так и Франция, наконец, при первом Наполеоне спешила мириться с Александром за счет турецкого султана. С водворением, в силу Венских трактатов, новых международных отношений, положение России на Востоке вдруг изменилось: отселе окруженная в Европе лишь взыскательными друзьями, со всех сторон опутанная узами добровольно принятых на себя безвозмездных обязательств, добровольно покинув высокое положение защитницы народов и променяв его на неблагодарную

и хлопотливую роль охранительницы каких-то безымянных отвлеченных начал и покровительницы полдюжины чуждых ей династий, – Россия в течение сорока лет стояла к Востоку в самых противоестественных, натянутых отношениях, постоянно живя там за счет одних лишь славных воспоминаний прошедшего, тщательно закрывая глаза от дневного света, стараясь видеть лишь в чужие очки, вынужденная, наконец, всего бояться на Востоке, избегать всякой там перемены, но главным образом и более всего страшиться всякого собственного слишком явного успеха на Востоке, так долго и так настойчиво на нас напрашивавшегося. Рано образовалось в Царьграде то сочетание дипломатических сил и влияний, которое с тех пор постоянно тяготело над всей нашей политикой до самой настоящей минуты, представляющей нам, наконец, залого будущего более правильного ее развития. Тесный союз против нас Англии и Австрии по турецким делам относится уже ко времени лорда Каствльрея; Каннинг с еще большей настойчивостью преследовал это единство целей обеих держав, и от него заещано оно лорду Редклиффу. К сожалению, и Франция была слишком рано оторвана от всякого твердого единения с Россией необходимыми условиями своей внутренней политики и громко заявленными требованиями своего общественного мнения, уже с первых годов реставрации, и в особенности со времени Июльского переворота, видевшего в русском влиянии сильнейшее противодействие развитию в Европе конституционной свободы. Личное расположение Карла X могло принести нам лишь преходящую выгоду, а правление Орлеанского дома положило основание тому задушевному согласию Франции и Англии, последствием которого была Крымская война. Таким образом, сложились для нас в Константинополе как вся сорокалетняя деятельность там нашей дипломатии, предшествовавшая Парижскому миру, так в особенности два самых ярких ее кризиса в начале и в конце царствования покойного Государя. Ближайший исход того и другого оказался далеко не одинаковым; не вправе ли мы ожидать не меньшего различия и в отдаленнейших последствиях обоих явлений? Если война

1828 и 1829 года, открывшая русским знаменам беспрепятственный доступ к самому Константинополю, исключительно одолженному своим спасением собственной нашей политике, кончилась добровольным сохранением Россией турецкого владычества в Европе, временным признанием Турции как бы за необходимый элемент всемирного политического равновесия: то, быть может, Парижскому трактату, положившему себе задачей навеки искоренить влияние наше на Востоке и уничтожить владычество нашего флага на Черном море, суждено наоборот, в силу неотразимого хода исторических событий, возыметь немаловажное влияние на окончательное разрушение Оттоманской империи и возрождение на развалинах ее постепенно пробивающихся вновь наружу и ежедневно усиливающихся элементов, более сочувственных христианской гражданственности и законным образом водворяющихся на древней почве Византии и южнославянских государств.

В самом деле, уже два с половиной года протекло со времени заключения Парижского трактата, уже два с половиной года, как с шумом провозглашено полное официальное преобразование турецкого мира: снисходительно приняв Турцию в свою среду, приравняв ее себе и, в одно и то же время, официальным международным актом признав ее бессилие, вынудившее внешнюю дипломатическую гарантию ее бытия, – европейские государства тем не менее поручились перед всем светом в правильном совершении обещанных преобразований и в успехе турецкого возрождения. Торжественное обещание Европы должно быть выполнено во что бы ни стало: этого вправе требовать от нее не одни только христианские подданные турецкой империи, бывшие первой жертвой последнего крестового похода западных государств против России и ради лъстивых обещаний отказавшиеся во многих местностях от благоприятного случая к ниспровержению тяжелого ига. Нет! Право и обязанность эта, быть может, еще более принадлежат единой им России, в пользу Европы и под влиянием тех же обещаний отказавшейся от утвержденного за ней целым рядом мирных договоров права заступничества за христиан-

скую свою братию на Востоке. России по преимуществу принадлежит право вновь возвысить в их защиту свой голос, если торжественный обет не будет выполнен, если Европа окажется бессильной внести новые живительные начала в гражданский быт Турции; если, наконец, новый систематический гнет турецкого владычества над нашими единоверцами и темное соучастие Европы в этом деле лишат их другого убежища и докажут несостоятельность иного покровительства. С лишком тридцатимесячный опыт, совершившийся при самых благоприятных условиях полной свободы действий, при усердном и искреннем содействии самой России, при употреблении со стороны западных держав самых полновластных, самых крайних, подчас даже самых неразборчивых средств для подчинения Порты малейшим своим прихотям и приказаниям, – таков с лишком достаточный материал, из которого должно быть почерпнуто убеждение в пользу удовлетворительности или недостаточности выполнения Европой добровольно возложенной на себя обязанности и предпринятого подвига. Благодаря последней войне и особенно возбужденному ею участию европейской печати и журналистики во всех политических явлениях и событиях Турции; благодаря далее торговому и промышленному движению, не преминувшему устремиться к разработке нового для себя обширного, хотя подчас и обманчивого рынка, – современное состояние турецкой империи в короткое время перешло из области тайны и гаданий в область всеобщей известности. Малейшее в ней симптоматическое движение с быстротой электрического тока передается из всех ее захолустьев во всеобщее ведение газет и журналов; путешественники и исследователи ежедневно перекрещивают Восток во всех направлениях, и каждый из них старается подметить и уловить ту сторону турецкого быта, которая наиболее соответствует его системе и воззрению; наконец, сами жители Востока, в особенности греки и румыны, густой толпой спешат в Париж, как временное средоточие политических сношений, и изданием множества книг и памфлетов содействуют все к большему и большему уяснению для Европы разнообразней-

ших сторон занимающего всех вопроса. Нет никакого сомнения, что Европа, недавно еще так мало знакомая с тайнами Востока, быстро вникает в сущность и подробности его жизни. И если даже некоторый как бы политический фатум еще тяготеет над ее воззрением и лишает ее полной свободы мысли и совершенной ясности взгляда, тем не менее, недостаток этот отчасти окупается полнотой и разнообразием сведений и тщательным изучением всех слабых сторон в положении России на Востоке. Это обследование Восточного вопроса с равной настойчивостью и усердием производится в Европе со всех сторон и со всех возможных точек зрения не одними правительствами, но также, и даже преимущественно, дружной деятельностью всего общества, всех частных людей. Нет того явления в жизненном развитии на Востоке, которое ускользало бы от этой разработки: законы его, нравы, преобразования, основы гражданского быта, наконец, племенные отношения и столько важный на Востоке – даже для католиков – церковный вопрос – все без изъятия подвергается обсуждению свободно и безграничному. Не только правительства, но даже сама Римско-католическая Церковь, невзирая на всю свою исключительность, не пугается этого гласного и всеобщего исследования, как ни враждебны друг другу на Востоке отношения и выгоды различных ей монашеских орденов, как ожесточенно они ни нападают друг на друга, как ни изобличают взаимные свои недостатки. Дело в том, что наученный многолетним опытом, Запад успел убедиться, что одних правительственных сведений, лишь с трудом и значительными издержками приобретаемых, притом часто, по самой официальности своей, неверных, – мало для всестороннего изучения всякого сложного вопроса, и что участие частной деятельности здесь, как и везде, не заменимо ничем. Он убедился далее, что всякой явной опасности, всякому страшному явлению, – в какой бы сфере жизни, вещественной или духовной, они ни проявились, – лучше взглянуть смело в лицо, взвесить степень их действительной важности, изучить их причины и возможные последствия во всей их наготе и безобразии, чем успокаивать себя мечта-

тельными надеждами, неопределенными образами и робко отводить взоры от действительности, дабы сохранить за собой как бы право не предпринимать решительных мер. Добровольная, так сказать, суеверная слепота не устраняет опасности, не исцеляет язвы, которой стараемся мы не замечать, и которую желаем скрыть от самих себя, не искореняет причин, содействовавших ее развитию. Напротив, она предоставляет этим причинам полный опаснейший простор, позволяя им беспрепятственно действовать и разрушать организм и не противопоставляя их действию целительного врачевания. Тогда вполне развившаяся и уже ничем не отклонимая опасность застает государственную мудрость врасплох, и чем чувствительнее те струны общественной и духовной жизни, которых боялась она прикоснуться для возможного их исследования и врачевания, тем болезненнее и страшнее крутой перелом.

Мы не станем пересказывать здесь плачевной повести всего того, чему Европа с 19 марта 1856 года была свидетельницей на турецком Востоке. Память обо всех этих событиях еще свежа в уме каждого; печальный ряд их еще далеко не замкнулся, и каждая новая почта приносит нам свежие вести, едва ли уже кого-нибудь поражающей неожиданностью. Сочинения Матье, Убичини, Викенеля, Бланки, Пиципиоса и пр. подробно раскрыли нам картину быстрого разложения турецкого общества, если этим именем можно назвать государство, основанное позднейшим завоеванием, с самой первой минуты своего бытия доныне исключительно покоившееся на одном грубом насилии и лишенное всякого правильного гражданского основания и развития. Замечательнейший памфлет «L'Autriche dans les provinces danubiennes»*, наделавший несколько месяцев тому назад столько шума в Европе и в короткое время получивший там столько заслуженную и своевременную известность, обнаружил терпеливую подземную политику новой Австрии, непрестанно стремящуюся с помощью Германии перенести свой центр тяготения на Восток. Эта политика заранее наводняет придунайские княжества самыми разнообразными

* Австрия в дунайских областях (фр.). – Прим. ред.

влияниями, сперва войском, потом промышленными факторами, консулами, полицейскими агентами; принимает десятками тысяч в свое подданство румынов, ищущих во что бы ни стало избегнуть последних следов турецкой власти; наконец настойчиво и неуклонно подготавливает себе в Молдо-Валахии завидную и легкую добычу. Превосходные статьи о Болгарии, помещенные и в «Вестнике», и в «Беседе», обличили биение живого неиссякаемого ключа болгарской народности, не примирающейся с давящими ее со всех сторон разнородными началами и громко начинающей, наконец, заявлять свои исконные права, как бы почуя неминуемое скорое открытие ничем не отклонимой развязки. Картина Боснии и Герцеговины и печальное безвыходное положение боснийского райи³ сняты с натуры и с дипломатической точностью переданы в область всеобщего ведения пером даровитого наблюдателя г. Гильфердинга. Наконец, в самое недавнее время один из любимейших публицистов июльской Франции, старый S-t Marc Girardin посвятил в «Двусветном обозрении» целый ряд замечательных статей, знакомых и всей русской читающей публике, где он с несомненным талантом, с значительной долей беспристрастия и с истинной душевной теплотой оценил главные из новейших сочинений о Турции: исследовал направление каждого из них, указал на многие существеннейшие факты, красноречиво опровергающие мечту турецкого возрождения и, наконец, пытался высказать последнее слово либеральной мысли Западной Европы в пользу томящегося на Востоке греко-славянского мира. Этот богатый, ныне общедоступный запас несомненных и критически оцененных фактов, ежедневно усиливающийся еще деятельностью журналистики, избавляет нас от труда повторять всем известное и пересказывать сотни отдельных случаев и событий последнего времени, изобличающих все возмутительное безобразие турецкого быта, начиная от забытого уже почти теперь среди тысячи других подобных случаев следствия над варнским пашой до печальных событий, служивших окончательным поводом к критскому восстанию, до избияния христиан в Джедде, непрерывных всюду заговоров

мусульманского населения против христиан, и пр. Нам довольно будет, отвлекаясь от случайных явлений, указать лишь на главные результаты, добытые этим беспримерным еще в истории, как бы повальным обыском, совокупно производимым правительствами и народами над едва живым, на глазах распадающимся государственным организмом, и стараться высмотреть в совершающемся вокруг нас те поучительные предостережения, которые несомненно заключаются в живых явлениях действительности и всегда с большей или меньшей ясностью высказываются вопрошающему их наблюдателю.

Не много прошло еще времени, едва успели умолкнуть на неосторожных устах похвалы, с такой неумеренностью расточавшиеся Европой всеобщему преобразованию турецкой империи, и она в смущении уже спешит позабыть свой легкомысленный и кратковременный восторг. За несколько дней до Парижского мира один из известнейших современных публицистов Франции в комическом порыве презрения к России сравнивал ее с Турцией и не сомневался сулить последней блистательную будущность. «Если справедливо, — говорит он, — что в течение последнего века русские подвинулись вперед исполинскими шагами, то еще достовернее, что Турция, сравнительно, сделала не меньшие успехи»*. Не так судил старый дипломат, выживший весь век свой на Востоке и постоянно занимавший в Константинополе самое видное место, благодаря не только блистательному официальному положению своему, но еще и замечательным своим дарованиям. Лорд Редклифф, временно уезжая из Турции еще в 1852 году, ясно провидел крившиеся для нее в ней самой опасности и с искренней скорбью о потраченных им в Константинополе трудах и времени говорил: «Я предчувствую, что все хлопоты мои здесь окажутся тщетными и что правительство турецкое никогда не выступит на путь существенных преобразований...». Предчувствие благородного лорда оправдалось, быть может, даже свыше меры его ожиданий: не только турецкое правительство оказа-

* E. Laboulaye. *Etudes Contemporaines* (Э. Лабуле. *Современные исследования* [Германии и славянских стран] (фр.). — Прим. ред.).

лось, донныне неспособным провести малейшее действительное улучшение в образе своего управления; но горький опыт окончательно убедил всех и каждого, что даже при лучших минутных порывах задача эта для него решительно неисполнима; что осуществлению ее непреодолимо и притом равносильно противятся самые те элементы, на которые оно призвано воздействовать, и те, которые могли бы ему служить орудиями для достижения этой цели; словом, что само преобразование невозможно. Попыты и обещания преобразований не новы в Турции; к этому дешевому средству посулов Абдул-Меджид прибегал уже не раз для привлечения себе в минуту грозящей опасности спасительной помощи той или другой части европейских держав, даже того или другого европейского банкира: уже 3 ноября 1839 года, под влиянием нависшей грозы со стороны Мехмета Али Египетского, был издан первый хатти-шериф Гюльанейский, обещающий воссоздать империю на прочных началах слишком долго остававшегося в пренебрежении Корана и исцелить вкравшуюся проказу нравственной порчи и растрения. Но тщетно было вызываемо на помощь целительное начало старого ислама и тщетно обещалось искоренение всех злоупотреблений управления; хатти-шериф остался мертвой буквой, он не был даже объявлен вне стен Царьграда, не был разослан по областям, как ныне достоверно стало известно, и 29 января 1855 года английский консул в Трапезунде едва мог добиться обнародования его в этом городе, где до того времени никто о нем еще и не слышал. За первым шагом следовал танзимат⁴, как прозвана была совокупность новых учреждений, в которых правительство Оттоманское пыталось подражать приемам европейского управления. Около 1848 года началось усердное преобразование областного устройства и крестьянского быта, постепенно подготовившее настоящие волнения Боснии и Герцеговины и решительно вызвавшее наружу в европейских областях Турции крестьянский вопрос, отныне ставший одним из существеннейших и настоятельнейших затруднений ее внутренней политики. В 1854 году, во время последней войны с Россией, все местное турецкое

управление подчинено непосредственному наблюдению и контролю европейских консулов. 18 февраля 1856 года торжественно провозглашено и занесено в акты Парижского мира новое обещание коренных улучшений и преобразований под именем хатти-гумаюна, уже отрекавшееся от прежней исключительной основы начал ислама и утверждающееся на признании совершенной полноправности христианского народонаселения. Наконец, мы еще на днях были свидетелями опыта новой последней реформы в ближайшей к лицу самого султана области управления, в его, так сказать, домашнем, ежедневном быту, в его собственном гареме; мы видели новый хатти-шериф, вновь в тысячный раз изобразивший все турецкое управление в самых черных красках и вновь, по настоянию Фуада-паши, посуливший Европе коренное преобразование всего финансового устройства, вероятно, не без тайной надежды на доверчивость европейских капиталистов и на легчайшее заключение последнего займа. Тем не менее все эти преобразования или принесли мало существенной пользы, или, и притом еще чаще, обращались лишь к вреду и большему отягощению разноплеменного народонаселения государства. Подобный исход целого длинного ряда законодательных мер, непрерывная цепь которых в течение целого двадцатилетия на первый раз как бы поражает наблюдателя всеми внешними признаками последовательности, а самая буква всегда как будто отличается полным усвоением современных начал государственной жизни европейской, невольно изобличает отсутствие каких-либо внутренних задатков успеха как в свойствах самого правительства, так и в характере всего гражданского быта и всего общественного устройства. В самом деле, только тогда правительство не достигает своих целей в совершаемых им преобразованиях, когда оно само не научилось еще ценить неприкосновенные права гражданской личности и не умеет пользоваться иными побуждениями и струнами человеческой природы – кроме только страха, и иными средствами – кроме одного только насилия; когда оно не руководствуется чистым желанием общего блага, но действует под влиянием тщеславия

или страха и стремится достигнуть посредством своих преобразований одних своих личных эгоистических целей. Только тот гражданский организм остается бесчувственным к улучшениям, вызываемым настоятельной необходимостью, который страдает неисцелимыми язвами, далеко превышающими меру предлагаемого врачевания, который основан на внутренних непримиряемых самопротиворечиях, и куда уже глубоко запало семя нового непреодолимого дальнейшего исторического развития по новому пути, еще сокрытому от глаз человечества. Таковы в самом деле условия турецкой жизни и турецкой реформы. Для возможности успешного ее совершения мало еще более или менее искреннего желания турецкого правительства выйти из затруднительного своего положения предписанием некоторых перемен в деле управления. Даже и при лучшем желании его необходимо, с одной стороны, сочувствие народной среды к пути, избранному правительством, с другой – нужно, чтобы само правительство ясно создало внутреннюю необходимость преобразования и создало, вместе с тем личную для себя возможность изменить собственное свое существо, покинуть старые предания, примириться с требованиями возникающей новой жизни, искренне исповедать свой грех и преобразовать самого себя, по крайней мере в той же самой степени, в какой ощущается необходимость преобразования и всего господствующего племени. Задача далеко не легкая, едва ли даже возможная для отупевшего, сонливого потомства Османа, невозвратно утратившего веру в свое нравственное превосходство! Поэтому все мнимые реформы в турецкой империи неизменно заключаются в одних только переменах, никогда не восходя на степень действительных преобразований, не касаясь нравов, убеждений и жизни господствующего племени, не изменяя его воззрений на свои отношения к племенам христианским, не посвящая его в тайнства для него недоступной, ему чуждой и им презираемой высшей христианской гражданственности. Сам законодатель, в угоду Европе и с голоса ее лепечущий непонятные для себя звуки о гражданском равенстве народностей и вероисповеда-

ний, не обольщается пустыми мечтаниями; он ищет лишь усыпить притворным согласием своего докучливого опекуна и из множества преподаваемых ему мудреных наставлений умеет и старается приложить лишь те, которых осуществление обещает государству немедленную, практическую, вещественную выгоду. Существенное дело или позабыто, или искажено: реформа представляется важной лишь во столько, во сколько она способна доставить опустошенному казначейству несколько лишних мешков пиастров, или султанским министрам – возможность и случай создать несколько новых должностных кормлений для раздачи своим клевретам или продажи их как бы с публичного торга.

Так понят ими, например, вопрос административной централизации, столько пленительный для всякого невежественного управления, собственными грехами доведенного до невозможности идти старым путем и верным чутьем своей грубой природы чующего в возможных на этом пути переменах обильную жатву ничем не сдержанного произвола, безотчетных злоупотреблений и верного грабительства, прикрытых блистательной внешней вывеской либерального или, по крайней мере, европейского преобразования. С 1848 года центральное правительство константинопольское с помощью вновь устроенного на европейский лад войска повело окончательную, решительную борьбу против всех местных, областных аристократий, стараясь таким образом довершить дело, уже давно начатое Махмудом. Эти мусульманские аристократии, всюду неправильно устроенные, были действительно тяжким бременем для народа; выборное начало было чуждо этому устройству; одна наследственность административных званий и власти сколько-нибудь ограждала народ от непосильного чрезмерного разорения, связывая правителей и управляемых хотя некоторой тенью общих выгод и взаимной ответственности. Ныне во многих областях, особенно в северо-западных частях европейской Турции, преобразование увенчалось полным успехом; прежние наследственные администраторы, с самой первой поры завоевания под разнообразнейшими названиями

заправлявшие местными делами и некогда отстаившие в своих областях дело ислама от европейского преобладания, – постепенно сошли со сцены и заменены целой правильной сетью турецких чиновников. Последние исключительно зависят от произвола высшей власти, непрестанно сменяются и потому с жадностью, доселе беспримерной даже в Турции, спешат истощить все средства местных жителей для составления себе запаса на черный день, дабы было чем поделиться со своими милостивцами, чем откупиться от суда в случае несчастья, чем, наконец, вновь купить себе кормление. Невыносимым бременем лег на народ этот новый тяжелый слой административный: всякая нравственная связь управляющих и управляемых исчезла; погасла последняя надежда и на заступничество султана, так долго еще не покидавшая народа и подчас успевавшая даже возбудить народ к дружному, великодушному стоянию вооруженной рукой за права центральной власти, когда последние слишком явно попирались местной знатью. Отныне райя знает, что кругом его нет никого, кроме врагов, и что из дальнего Царьграда ему не ожидать уже защиты, а разве нового налога или нового еще жесточайшего сборщика этого налога. А между тем блистательная Порта не довольствуется этой победой; ей мало полного покорения себе местных властителей мусульманских, так долго и так успешно против нее бунтовавших: она, с одной стороны, неуклонно преследует путем дипломатическим мысль, уже прежде на конференциях выраженную ее уполномоченными, о привлечении под свою руку всех лиц, пользующихся на основании давних капитуляций с европейскими державами правом суда и подведомства европейским консулам; она предъявляет на основании обещанных мнимых реформ право на отмену этой как бы оскорбительной для нее привилегии и с неограниченной наглостью указывает Европе на ее всеобщее земское законодательство, не допускающее никаких изъятий подсудности. С другой стороны, она простирает святотатственную руку и на исконные, исторические права Восточной церкви и, прилагая к ним те же общие начала европейского гражданского права, стремится

сосредоточить в нечистых, беспутных руках своих всю государственную власть Церкви, обещается взять Церковь и клир на казенное свое иждивение, улучшить церковно-гражданский суд и взойти таким образом с православной паствой в непосредственные гражданские отношения.

Это новое притязание, о котором еще не было и помышления до Восточной войны и о котором в хатти-шерифе Гюльанейском еще даже не упоминалось, родилось лишь в самое недавнее время и впервые высказано в статьях 4 и 6 хатти-гумаюна: «Власть, султаном Магометом II и его преемниками предоставленная патриархам и епископам христианских вероисповеданий, будет согласована с тем новым положением, которое мы, вследствие наших великодушных и благодетельных намерений, желаем обеспечить за христианскими общинами. По пересмотре правил, ныне существующих для избрания патриархов, пожизненное назначение последних будет строго соблюдается согласно с фирманами, им жалуемыми на утверждение их в этом сане... Церковные подати, каковы бы ни были их существо и образ взимания, будут уничтожены и заменены назначением патриарху и начальникам христианских обществ точного и определительного дохода, прочим же членам духовенства назначится жалованье в размере, соответствующем их сану и достоинству».

В ноябрьском фирмане 1857 года Порты ступила еще один дальнейший шаг на этом ложном и опасном пути. «Светская и судебная власть патриарха греческого, – гласит фирман, – будет навсегда уничтожена». Затем фирман обещает созвать чрезвычайное собрание знатных греков константинопольских и определяет правила, по которым сама Порты, совокупно с созванным сходом, избрет двадцать лиц, которым поручится составление нового Положения, под верховным наблюдением и с согласия совета танзимата. Не говоря о сущности и подробностях нового предполагаемого Портой учреждения, страшно подумать уже об одной этой нежной заботливости турецкого правительства, об этом предупредительном внимании его к пользе Церкви, к выгодам православной паствы,

к преобразованию церковных отношений, определенных веками, ограждавших до сих пор, по крайней мере, греческую общину от ежедневного насилия турецкой власти и постоянно противопоставлявших последней непреодолимое сопротивление цельной, твердой самостоятельной народности. Со своей стороны, Западная Европа в припадке тупого злопамятства к православному населению Турции, к Православной Церкви и к России, тщательно закрывает глаза и старается в этом новом, систематическом и поэтому самому жесточайшем насилии турецкого правительства видеть один более или менее невинный опыт приложения современных научных административных теорий. Но, может быть, турецкое правительство лучше понимает приложение этих начал к другим опытам государственной деятельности? Быть может, обещая преобразования, издавая множество новых узаконений по самым разнообразным частям, стараясь приучить разноплеменных своих подданных к некоторому государственному единству, оно щедрой рукой расточает им средства к образованию, необходимому для нравственной оценки и практического приложения новых учреждений? Быть может, на этой, так сказать, примиряющей почве нового образования и новой гражданственности Порты стремится соединить и согласовать все вековые распри, порожденные племенным происхождением, религиозной враждой и общественным раздвоением? К сожалению, невозможно и этого сказать: все свидетельства единогласно подтверждают противное. Еще недавно как бы на днях автор известного сочинения «*Les réformes de l'Empire Byzantin*»^{*} рассказывал нам, как в числе 160 юношей, после Парижского мира отправленных на воспитание в Европу, преднамеренно не было помещено ни одного христианина – грека или славянина, – и как все они исключительно набраны из среды мусульманских подданных Порты. Другой достоверный исследователь говорит, что между турецкими министрами долго шло серьезное совещание о том грустном для них обстоятельстве, что христианское народонаселение, в особенности же греческое, стоит

* «Реформы в Византийской империи»

далеко выше мусульманского на стезе просвещения; им казалось необходимым сравнять в этом отношении друг с другом эти два народные слоя, и самым простым, удобным для этого средством представлялось закрыть на несколько лет возможно большее число училищ христианских, дабы тем временем дать возможность мусульманским родителям образовать своих детей и научить их наукам европейским; таким образом, думали они, должно естественно восстановиться нравственное равновесие племен, столько необходимое для возможности дальнейшего существования разрушающейся империи в настоящем ее виде.

Не более успехов оказало турецкое правительство и в деле управления финансового, этого верного мерил степени заботливости и образования всякого правительства. Известно, что почти исключительно преобладающая в Турции система собирания налогов есть откуп: откуп простирается и на косвенные налоги, например на таможенные сборы, и на большую часть налогов прямых, за исключением только подати поголовной. В Турции, как и везде, этот образ взимания налогов успел уже издавна возбудить ненависть народа и негодование всех образованнейших слоев общества. Но не везде само правительство успело еще так ясно и отчетливо сознать всю безнравственность подобного учреждения и не выразило это сознание в таких живых, ярких и справедливых красках. Уже Гюльанейский хатти-шериф 1839 года, обещая отмену откупов, громогласно признал, что «при преобладании этой системы гражданское и финансовое управление целых областей предается на произвол отдельных лиц, т.е. отдается в железные руки самых корыстных и самых низких страстей»; Хатти-гумаюн в ст. 31 также осуждает откупы, но обещает отмену их только уже к тому времени, когда это позволит положение государственных финансов. Слышно, будто бы ныне подавленное восстание боснийских крестьян вновь завоевало себе еще раз обещание турецкого правительства отменить навсегда, по крайней мере, отдачу в откуп казенной десятины с естественных произведений земли; но сбудется ли это обещание на деле

или нет, не подвергнется ли оно вновь той же самой участи, какой поочередно подвергались уже все обещания, делавшиеся от имени правительства в течение последних 20 лет, – вот вопрос, для нас, по крайней мере, в высшей степени сомнительный, а в глазах несчастных райев боснийских, быть может, даже заранее решенный. Между тем злоупотребления десятилетних откупов дошли до невероятнейшей степени; еще не так давно мы имели случай читать правдивые и теплые слова г. Гильфердинга, описавшего притеснения откупщиков, разорения и слезы несчастных крестьян. Откупные суммы в Боснии возросли в течение семи лет почти в девять раз, постоянно возвышаясь параллельно с народным обеднением и покрывая турецкое правительство тем несмываемым позором, который постоянно сопровождает безумную расточительность в личных издержках двора и грубое, презрительное невнимание к народным нуждам, к сохранению и развитию источников его производительности и к удешевлению предметов его потребления. Одновременно с этим гнусным явлением в Турции постоянно возвышают и все прочие налоги, во всех их отраслях, доходя иногда до баснословнейших цифр: г. Гильфердинг указывает, например, на отдельную деревню в 30 дворов, с которой ежегодно сходит податей 2350 руб. сер.; ежегодный денежный выкуп от рекрутской повинности, заменивший прежний карач, или поголовную подать, достигает, по свидетельству Матье, во всей империи до 62 000 000 пиастров; в Герцеговине он теперь на 20% выше прежней подати; на острове Крит усиление его еще разительнее, как известно из официальных источников и обнародованных жалоб начальников критского восстания. Вот чем разрешаются для христианского народонаселения блистательные обещания Порты, с такой готовностью и легковерностью заносимые западной дипломатией в свои протоколы, и коренные преобразования управления, уже столько раз, с такою неизменной торжественностью провозглашаемые во всеуслышание европейских кабинетов! Православные подданные Порты, прочитав 27-ю статью хатти-гумаюна, гласившую, что в самом скорейшем времени будет издан подробный закон,

определяющий условия принятия на службу в войско христиан всех вероисповеданий, надеялись, что, наконец, изгладится то коренное юридическое неравенство, которое доселе делало оружие исключительной принадлежностью мусульманина. Известнейшие публицисты Франции громко заявляли свою радость в лучших органах французской печати и, всегда готовые к самообольщению в делах Востока, смело предсказывали единодушное слияние всех народностей и всех религий в рядах этого нового образовательного учреждения турецкой армии, наподобие того, как некогда единое войско французского короля способствовало к постепенному сглаживанию областных особенностей жителей разных местностей Франции; вдруг, через несколько только месяцев, христиане в июне 1856 года узнают через своих патриархов, нарочно призванных в Порту для выслушания ее благодетельных распоряжений, что они вновь избавляются от слишком будто бы тяжкого для них бремени, и что все улучшение для них в этом деле ограничится возвышением положенной на них денежной подати. Точно таким же путем, с другой стороны, в северо-западных областях Турции преследуется правительством преобразование отношений сельских; крестьянам возвещено немедленное улучшение их быта, облегчение повинностей, отмена барщины; вдруг все кончается законным введением третины вместо прежнего девятого снопа, дававшегося мусульманскому бегу⁵, и несчастный райя внезапно становится беднее в три раза под предлогом отмены некоторых обязательных его повинностей, — от незаконного вымогательства которых турецкими бегами центральное правительство, однако, также мало может оградить селянина теперь, как мало было оно способно и прежде спасти его от противозаконного установления этой барщины. Удивительно ли после этого, если одна Босния, по свидетельству Маттье, после жестокого усмирения своего Омером-пашой, в 1852 году выслала в австрийские пределы до 16 000 перебежчиков? Удивительно ли, что мятеж и все сопряженные с ним ужасы кровавой расправы сделались там как бы хроническим состоянием всей страны, и что еще два месяца тому назад, по свиде-

тельству лучших газет, более 20 000 душ вновь покинули свою несчастную родину, променяв ее на всегда готовое им убежище в пределах австрийской империи? Удивительно ли также равнодушные к этим ужасам благородного черногорского и герцеговинского племени? И, наконец, как упрекнуть несчастных, всеми покинутых босняков в обращении их к заступничеству венского двора, искусно сменяющего угрозу лаской и ласку угрозой, и неуклонно готовящего себе клиентов во всех пограничных областях Северной Турции?

Очевидно, при таком неустройстве в государственном управлении и податной системе в соединении с безумным и безответственным расточением государственных доходов, и при всеобщей привычке к грабительству, претворившейся в плоть и кровь всего должностного турецкого племени, – общее положение государственных финансов неминуемо должно быть самое бедственное. Европа долго не верила, что один султанский сераль ежегодно поглощает более ста миллионов пиастров и сверх того ежегодно еще должает, как утверждали это лучшие исследователи, покуда недавний кризис, вызвавший удаление от дел многих родственников султана и придавший Ризе-паше полицейскую диктатуру над сералем, не подтвердил это показание и не обнажил все безобразное положение турецких финансов. Нет никакого сомнения, что этот новый внутренний переворот, послужив лишь к совершенному оглашению проделок, позорящих сераль, и к рассеянию последних сомнений насчет турецкого управления, будет бессилён искоренить причины, его вызвавшие. Таковым он оказался уже на деле, и турецкое правительство отныне безвозвратно осуждено перед судом общественного мнения Европы: все лучшие органы европейской журналистики, и во главе их – английская газета «Times», уже изобличили в более или менее резких выражениях новый прием государственных людей Константинополя, пленивший сих последних своим практическим удобством с тех пор, как четыре года тому назад они решились наперекор исконному обычаю заключить первый денежный заем у неверных и, бессовестно расточая доходы государства, стали перио-

дически пополнять казначейство новыми займами на европейских биржах. Пора, конечно, Европе перестать содействовать этому непрестанному и быстрому возвышению турецкого долга, уже теперь, при помощи ее, в течение четырех лет доведенного до сравнительно огромной цифры – 800 милл. фр., пожирающего около трети лучших государственных доходов и грозящего принять еще большие размеры и еще более осложнить окончательную развязку Восточного вопроса и окончательные по нем расчеты. Этим слепым своим потворством Европа без пользы для себя готовит лишь незавидную участь греко-славянским племенам, законным преемникам государственной власти Порты. Не лучше ли, не достойнее ли было бы не портить заранее и почти преднамеренно их будущее финансовое положение и не заставлять их расплачиваться вдвойне за неспособность и злоупотребления правительства, насильственно и эгоистически навязываемого им самой Европой?.. Рядом с этим нравственным бессилием султанского правительства и сам мусульманский слой народа неподвижно коснеет, погруженный в тупое бессмыслие, из прежнего быта своего почерпнувши главным образом одни пороки и чувственность, из прежнего деятельного фанатизма, увлекавшего его к завоеваниям, сохранивши почти одно лишь чувство презрительной зависти к христианскому племени, к его высшей образованности и явному преуспеянию, но бессильный перенять у него уважение к труду и чувство любви – эти два высшие двигателя христианского общества. В глубине своей души мусульманин сознает себя заранее побежденным; он ясно видит возрастающее могущество свежего племени, но умеет лишь проклинать его торжество в бессильном порыве ненависти. Труд его не привлекает, в какой бы сфере он ни родился; жизнь семейная, со всеми своими обаятельными таинствами, для него не существует; личная военная доблесть его покинула, побежденная всемогущей силой недоступной ему науки; остаются ему в жизни – лишь вещественные наслаждения, да грубая сила, покуда последняя еще поддерживается молчаливым заговором западноевропейской политики

против возрождения и будущности греко-славянских племен. С этим нравственным падением господствующего племени стоит в неразрывной связи целая совокупность явлений, сопровождающих разрушение старого турецкого быта: всеобщее опустение городов, сел и деревень, где труд христианина ничем не огражден от насилия, а мусульманин считает его для себя бесчестным; одновременный упадок и земледелия, и промышленной деятельности; страшное уменьшение народонаселения, особенно мусульманского*; отсутствие дорог, даже в ближайшем от Константинополя расстоянии, так что 300 верст, отделяющие столицу от Филиппополя, невозможно даже летом проехать менее как в двенадцать суток; постыднейший торг невольниками, отсутствие всякой общественной нравственности, безграничная случайность в возвышении и низвержении общественных деятелей, наконец постояннейший и полнейший разврат в высших слоях турецкого общества, выражающийся в самых грубых формах и как бы венчаемый повсеместным и явным обычаем вытравливания детей матерями, – обычаем, дошедшим в самой столице до правильного устройства и почти признанного ремесла. Таковы самые резкие черты турецкого быта в Европе. Справедливо замечено было английской газетой «Times», что турки, в течение 400 лет жившие за счет плодов древней византийской гражданственности, успели, наконец, потребить весь богатый вещественный капитал, завещанный им их роскошной предместницей. Не менее справедливо было бы сказать, что одновременно с этим, и притом не менее всецело и бесплодно, истреблено ими и духовное наследие старого мусульмано-арабского мира. Как бы то ни было, будущее неминуемо принадлежит уже иному, более производительному племени, и тяжелые жертвы, при-

* Книга Матье и статьи S-t Marc Girardin заключают в себе множество любопытнейших фактов, доказывающих и объясняющих это замечательное и неоспоримое явление. По свидетельству Матье, взаимное отношение народонаселения турецкого и христианского в европейской Турции, в конце XVI века выражавшееся в пропорции трех к одному, ныне совершенно извратилось и должно быть принято в настоящее время по крайней мере как один к четырем.

носимые западными государствами для минутного гальванизирования остывающего трупа, бессильны возратить ему жизнь, давно и безвозвратно его покинувшую.

Два противоположных признака лежат теперь на всей турецкой жизни или, лучше сказать, на бытовых отношениях всех друг другу чуждых племен, населяющих турецкую империю, – признаки, резко отличающие современное положение и настроение умов от всех предшествовавших кризисов турецкого мира. Эти признаки, с одной стороны, – всеобщее и неограниченное неудовольствие всех и каждого без различия народности, вероисповедания и звания; с другой, – и притом преимущественно в областях Турции Азиатской, – внезапно вновь возродившаяся в старой колыбели ислама фанатическая ненависть против Европы и христианского начала. Фанатизм этот выражается в непрерывном ряду вспышек местного мусульманского населения против христиан и консулов европейских на всех почти точках империи, – вспышек, ознаменовавших собою почти каждый день, протекший со времени Парижского мира. Иногда предупреждаемые, иногда наказываемые силой, подчас остающиеся поневоле без всякого возмездия, они питают чувства живой неумолкающей ненависти между обоими населенными. Последние исследования указали на неожиданный источник этого умственного настроения азиатских мусульман, на многоветвистый заговор и тайные общества, корнем своим кроющиеся в самом арабском святилище мусульманства и сетями своими покрывающие все недовольно населенные местности азиатской и даже европейской Турции. Эти возбужденные магометанские элементы, глухо зашевелившиеся сперва в дни преобразований султана Махмута и в то время нашедшие себе случайного представителя в лице египетской династии, ныне впервые выступают во всеоружии некоторого сознания; они ищут себе внешней формулы и политического символа. Нужно лишь одно предприимчивое лицо, найдется оно – и новый внутренний восточный кризис поневоле заставит Европу силой разрубить старый гордиев узел, не скрывая больше своего разногласия

и взаимной зависти за двусмысленными сделками наподобие трактатов 1840 и 1856 годов.

Всякий новый кризис потрясет до глубины оснований старый Восток, отныне исключительно вмещающий в себе одних только недовольных. Таково, по нашему мнению, поучительное наставление, извлекаемое из сочинения «*Les réformes de l'Empire Byzantin*» и представленное в нем с той яркостью красок, с той живостью сознания, с какой оно не изложено ни у одного другого писателя. В причинах к неудовольствию, как мы видели выше, нет, конечно, недостатка; но кроме исчисленных, главных, существенных начал раздора и разногласия между христианским и мусульманским населением Турции, множество еще других второстепенных поводов питают дух плохо скрываемой злобы в отдельных слоях этого несчастного общества. Так, например, систематическая замена центральной властью местных правителей чиновниками, присылаемыми из Константинополя и тщательно почти всегда выбираемыми, как свидетельствует г. Гильфердинг, из лиц, по рождению своему чуждых управляемой местности, вооружает против нововведений европейских всех тех, которые прежде привыкли безотчетно заведовать делами и разрабатывать в свою пользу выгоды своего края. Так точно, с другой стороны, при пашах и министрах европейские агенты успели почти окончательно вытеснить, без всякой, впрочем, пользы для края, ту вереницу армян и греков, которые прежде постоянно окружали этих сановников и, служа им посредниками в их злоупотреблениях, обогащались сами и подчас сохраняли еще тень сострадания к бедствиям своих единоверцев. Так все новые промышленные предприятия, существенно выгодные или даже мечтательные, вымогаются у Порты европейскими посольствами в пользу европейских промышленников или искателей приключений, в ущерб местным торговцам. Так сами константинопольские фанариоты⁶ видят себя вытесненными, вопреки давнему обычаю и ясно выраженному слову хатти-гумаюна, из лучших и выгоднейших должностей, административных и дипломатических, которыми прежде так щедро

награждала их Порта. Пиципиос с трудом припоминает имена трех или четырех из них, еще сохранивших высшие служебные должности; за другими осталось уже одно только влияние на дела Церкви, и то отныне постоянно угрожаемое ежедневно разрастающейся ненасытностью турецких сановников и алчным их позывом к систематическому вмешательству всюду, где только может представиться случай к личной корысти. Наконец, присоединим еще в заключение этой печальной картины, сильно развившуюся под влиянием особенных, слишком мало обследованных и слишком легкомысленно донныне взвешиваемых обстоятельств, внутреннюю горячую вражду двух подвластных племен – славянского и греческого, грозящую внести в будущее историческое разрешение Восточного вопроса еще новые элементы, особенно важные для нас и донныне оцененные нами, в России, менее, нежели которой-либо из иных нам враждебных дипломатий.

Таково положение государства, удостоенного почетного приема в семейный сонм европейских держав в то самое время, когда, по единогласному свидетельству лучших исследователей, оно все быстрее и быстрее клонится к безвозвратному разложению, когда два взаимно друг другу противоречащих законодательных тока упраздняют в нем на деле всякий практический смысл права и законности, когда о верховной в ней власти напоминает подданным лишь ее бессилие к осуществлению добра и централизующая тяга в систематическом приложении нового гнета, новых стеснительных мер. Дряхлое государство, облеченное деспотической властью над всеми своими подданными, постепенно дошедшее до полного отрицания всех исторических преград, ему прежде встречавшихся на поприще своей внутренней деятельности, сломившее, с помощью Европы, все внутренние препятствия, всякое жизненное сопротивление, стершее все отдельные привилегии (даже множество злоупотреблений, за которыми прежде подчас скрывалась хотя малая драгоценная доля местной свободы или произвола), провозгласившее вместе с тем новый закон свободы, но само бессильное сознать и усвоить себе этот закон,

равно бессильное дать ему живое практическое осуществление у подвластных себе народов: таков верный, но еще далеко не полный образ современной нам Турции. Удивительно ли после этого, что составные начала ее как бы лезут врозь, полные сознательного отвращения к искусственному, извне налагаемому на них политическому единству? Удивительно ли, что они неумоимо ищут себе новой формулы жизни, жадно простирая свои руки ко всякому, кто только в силах им помочь?

Султанскому правительству и турецкому племени запрос туземных христианских племен поставлен ныне с полной ясностью: и тому и другому предложено последнее, впрочем, конечно, едва ли исполнимое средство и условие для сохранения турецкого государственного единства. Это средство, без сомнения, не лишенное комической стороны, почти одновременно предложено автором «Реформ в Византийской империи» и неизвестным сочинителем замечательного письма критянина к своим соотечественникам по поводу последних событий в Крите. Пиципиос требует обращения главы правоверных к вере, исповедуемой лучшим большинством его подданных; неизвестный критянин обращается с тем же убеждением к тем из своих соотечественников, которых предки случайно приняли закон Магометов под влиянием первых впечатлений турецкого завоевания. Оба согласны в том, что продолжение государственной жизни Турции возможно лишь при освящении ее христианским началом «la christianisation du gouvernement Turc»*, как выражается Пиципиос. Под несколько юмористической формой, в которую облачается это требование, скрывается, впрочем, смысл глубокий и верный; в других словах можно выразить его той, кажется, несомненной аксиомой, что при совокупном существовании ислама и христианства там только может водвориться прочная веротерпимость и гражданское равенство, где господствующей верой является христианство, ибо ислам по существу своему не примиряется ни с тем, ни с другим из вышесказанных начал. Требование Пиципиоса, без сомнения, не осуществится, и старый вековой спор двух граж-

* Христианизация турецкого правительства (фр.). – Прим. ред.

данственностей должен будет решиться силой. В этой исторической борьбе два государства, неравные по вещественной силе и нравственному значению, но связанные единоверием и политическим преданием, преимущественно призваны осуществить новые искомые формулы при полном взаимном друг к другу уважении и сознании своих взаимных исторических прав. Мало доньше было обращено дипломатией внимания на слабое, едва дышащее королевство греческое с его 1 200 000 жителей, с его недостаточными еще финансами, с его иноплеменной династией. Но сила не всегда соразмеряется с пространством и народонаселением страны, и государственная гордость в связи с устойчивой народностью и любовью к честному труду подчас с выгодой заменяет другие вещественные законы. Греция свободно и сознательно наметила свою будущность в тот торжественный для себя день, когда на первом же законодательном своем собрании 1822 года в ничтожном городке Трезене она дерзнула во всеуслышание Европы провозгласить, что «греческая община (или народность) обнимает всех без изъятия жителей турецкой империи, исповедующих Христа». Этот несколько поэтический порыв воскресающей Эллады, о котором старый Пиципиос припоминает не без искреннего и глубокого чувства народной гордости, в то время вмещал в себе едва ли не всю тайну успеха греческого восстания; но, скажем тут же с полной откровенностью, в нем скрываются зачатки и возможных для Греции опасностей в близком уже от нас будущем, если бы она слишком односторонне увлеклась своей первоначальной мыслью и захотела бы принести ей в жертву свободу и независимость других племен турецкой империи.

России, этой первостепенной державе, этой старшей из сестер в многочисленной семье племен славянских, неотъемлемо принадлежит в таком случае высокая честь и трудная задача посредничества между соперничающими сторонами. Как бы ни были разнообразны сопряженные с этим опасности, безрассудно было бы ей уклоняться от этого исторического дела, добровольно закрывать глаза и прилагать к нему унижительную и бесплодную политику невмешательства, наконец,

отдать в руки врагов наших возможность завладеть этим могущественным рычагом в делах восточного мира и позволить им обратить против нас самих опасное орудие, ныне еще от нас не ускользнувшее и готовое покориться всякому разумному с нашей стороны направлению.

Пусть Европа официальная и дипломатическая хвалится своей утонченной хитростью и теми несметными жертвами вещественными и нравственными, которые так щедро расточает она во имя искусственного поддержания отжившего быта и изнеможенного государства, наперекор законам истории и естества; пусть она легкомысленно приносит в жертву непобедимому чувству зависти к нам судьбу нескольких миллионов христиан и то высокое чувство уважения к свободной гражданственности, которое отличает ее на собственной европейской почве. Пускай, с другой стороны, литература ее, даже в лучших, наиболее либеральных своих проявлениях, – например, под искусным пером S-t Marc Girardin, ищет средств примирить это обветшалое предание европейской политики с лучшим, более человеческим воззрением и мечтает найти это примирение в системе безусловного невмешательства в дела Востока; пускай она, по примеру французского публициста, считает совершеннейшим разрешением Восточного вопроса официальное открытие кровавой, быть может, неравной борьбы между различными народностями Турции, как бы в виде исполинской травли или боя борцов на жизнь и смерть в присутствии безмолвно восседающей Европы, призванной лишь увенчать победителя, кто бы он ни был и как бы ни погиб его противник. России предстоит жребий более возвышенный; она иначе понимает свой долг, как держава православная; она выше ценит знакомую, родную себе плоть, и не требует крещения Востока кровью невинной для воскрешения его к новой самобытной народной жизни.

Парижские конференции, с минуты заключения последнего мира сосредоточившие в себе все дипломатические силы Европы, в скором времени завершат определенный заранее круг своих занятий и возвратят каждому государству

полную свободу действий, полную свободу сознания своих выгод, ущербов и целей. Тогда наступит для каждого отдельного государства законная пора взглянуть на свое прошедшее, бесстрашной рукой взвесить жертвы, им принесенные общим требованиям, дать себе строгий отчет в результатах, добытых совокупной деятельностью Европы, и с полной добросовестностью подвести итоги под те и другие. На совокупности этих необходимых данных должно основаться окончательное тогда принятие того или другого дальнейшего образа действия участвовавшими в конференциях правительствами.

Этот опыт совокупного действия всех европейских дипломатических сил на Востоке может в окончательном результате своем оказаться далеко не выгодным для России, ибо он дал истинную непреложную меру того, чего народы Востока вправе ожидать от совокупного вмешательства в их дела всех первостепенных держав. Россия свято, честно, — мы готовы сказать, — с добросовестностью почти щепетильной, но во всяком случае не подлежащей уже ныне никакому сомнению, выполнила обязательства, ею принятые в отношении к Европе, в ущерб самой себе, но под условием действительного улучшения участи христианского народонаселения Турции. Если цель эта донныне достигнута не вполне, или если даже она не достигнута вовсе, то в том виной перед всем христианским миром не Россия, но, очевидно, тот сложный и неверный путь, который вопреки ей избран Европой или, вернее сказать, в том виной сама Европа с ее историческими противоречиями и историческим презрением к греко-славянским племенам.

Необходимая или случайная, но во всяком случае единожды ясно сознанная безуспешность общего дела развязывает руки России и вновь ставит ее в первобытные естественные отношения ее к Востоку, обогатив опытом длинного ряда давних предшествующих ошибок и возбуждая ее деятельность невольной памятью понесенных в Париже пожертвований.

Отныне законная задача России — освобождение греко-славянского мира на Востоке, и вместе с тем посредничество и примирение двух народностей между собой на началах

разумных, честных, справедливых для той к другой стороны. Необходимые условия успеха этого трудного, но далеко не невозможного подвига – прямое, откровенное вмешательство, ясно сознанные и столько же недвусмысленно выраженные убеждения, верное определение относительной крепости и силы начал единоплеменности и единоверия, страх лишь одного – недовольно полного и не всецелого разрешения всех трудностей и всех вопросов, твердая решимость не останавливаться ни перед каким авторитетом, сколь бы ни был он нами уважаем, но подчинить себе все авторитеты и предписать всем эгоистическим стремлениям высший разумный закон, лишенный всяких мелочных, корыстных целей. Было время, когда одного имени России, без ясного сознания ее целей и путеводных начал, было достаточно для привлечения к ней всех разрозненных элементов, подвластных турецкому миру. Но время и опыты проходят не без следа: в известную пору своей жизни сдавленные народности быстро зреют и, наподобие сказочного богатыря, мужают не по дням, а по часам. Первые признаки в перемене их настроения к нам стали проявляться уже лет 30 тому назад; умный дипломат, посвятивший большую часть своей жизни службе России, Поццо ди Борго, ясно провидел грозившую нам опасность и указал на нее в депеше 4 октября 1825 года, ныне уже обнародованной. Он говорил: «Англия теперь доставляет помощь грекам чрез своих либералов и создает себе влияние посредством своих эскадр и управления Ионическими островами. Греки, или по крайней мере некоторые из их вожаков, взывают к ее покровительству и готовы теперь уже безусловно ей подчиниться. Будут ли их предложения приняты Англией или нет, но во всяком случае и главным образом важно то, что эти предложения могли родиться и могли быть сделаны...»*. Указанная старым дипломатом опасность не переставала с той поры все более и более разрастаться; конечно, немало содействовало тому враждебное нам

* *Recueil des documents secrets et inédits etc.* Paris, 1853. 1-e livraison, p. 12. (Сборник документов секретных, неизданных и т.п. – Париж, 1853, 1-е издание. – С. 12 (фр.) – Прим. ред.).

влияние западных государств и западной гражданственности, в течение последних лет щедрой рукой рассевавших плевелы подозрительнейшего и часто даже несправедливейшего к нам недоверия. Как бы то ни было, отныне России необходима на Востоке ясная положительная программа политической деятельности, основанная на признании народностей и провозглашении собственного полного вещественного бескорыстия. Лишь такой программой может быть возмещено временное отсутствие победоносного синопского флага. Девятнадцать лет тому назад нынешний император французов, излагая путеводные начала своей династии в сочинении под названием «Des idées Napoléoniennes»* и предсказывая дальнейшее будущее развитие Америке, России и Франции, выражался в следующих словах о нашем отечестве и о законной задаче его политики на Востоке: «Le pouvoir Impérial (en Russie) doit lutter contre les vieux préjugés de notre vieille Europe... L'Orient ne peut recevoir que de lui les améliorations qu'il attend»**.

Нам ли русским отказываться от подобного гороскопа вещего правителя Франции, прежнего нашего врага, ныне, быть может, и союзника?..

**Несколько слов по поводу книги
«История печати в Англии и Соединенных Штатах»
Кюшеваль-Клариньи (Париж, 1857)*****

Часто проходят у нас почти незамеченными любопытнейшие произведения иностранной политической литературы,

* Наполеоновы идеи (фр.). – Прим. ред.

** Императорская власть в России должна бороться с вековыми предрассудками нашей старушки-Европы... Только от России Восток может получить те усовершенствования, которых он ждет (фр.). – Прим. ред.

*** Histoire de la presse en Angleterre et aux Etats-Unis, par Cucheval-Clarigny. Paris, 1857

невзирая на усилия многих наших журналов и газет обратить на них внимание читателей. В таком случае не лишним бывает напомнить о них вновь, и вновь направить на них заслуженное ими общественное внимание. Мы намерены теперь сказать несколько слов по поводу книги, вышедшей с небольшим год тому назад во Франции из-под пера одного из даровитых сотрудников «*Journal des Débats*». Всем известно жалкое современное положение периодической литературы, а с ней вместе и всего духовного движения во Франции. Это всеобщее стеснение, этот строгий запрет всякого критического разбора внутреннего состояния Франции поневоле заставляет людей мыслящих и нелегко примиряющихся с законом всеобщего онемения искать искусного изворота мысли, охраняющего ее от насилия внешней власти, и углубляться в учреждения стран соседственных, придавая критике явлений домашних форму описания и справедливой похвалы учреждениям иноземным. Недавний пример Монталамбера доказывает, конечно, что и эта метода не всегда безопасна в странах, где не водворилось еще в самом правительстве твердое сознание собственного достоинства и неразлучное с ним уважение к правам серьезной и добросовестной мысли, облакающей в строгие формы приличий и уважения к существующему гласному закону. Тем не менее литературный прием этот, вынужденный отсутствием разумной свободы книгопечатания, ныне, как он ни оскорбителен для достоинства общества, усвоен себе всеми вообще французскими публицистами. Точно также преобладал он некогда, по свидетельству Кюшеваля, в самой Англии, и точно также неминуемо призван он ко вреду истины и нравственного чувства водвориться и во всяком ином обществе, искусственно останавливаемом в своем развитии слишком неразумными предупредительными мерами власти. Говоря об истории журналистики в Англии и Америке, Кюшеваль непрестанно переносит нас мыслью к невольным сближениям с современным бытом своего отечества, сближениям тем обязательнейшим, чем с меньшей ясностью они высказаны в его речи. Впрочем, прием этот мало вредит делу, и книга его во всяком случае оста-

ется замечательным свидетельством о ходе развития книгопечатания в рассматриваемых им двух странах. Здесь не место и не время было бы представлять подробный обзор его сочинения или делать длинные из него выписки для ознакомления с ним читателя. Советуем каждому добыть себе саму книгу, внимательно ее прочитать и изучить, и заранее ручаемся, что память каждого читателя обогатится несметным множеством любопытнейших исторических и статистических подробностей. В самом деле, едва ли в каком-либо другом сочинении так ясно, так наглядно описан особенный характер печати в каждой из двух рассматриваемых стран; едва ли где-либо, в тесных рамках одной и притом не весьма толстой книжки, сосредоточено столько остроумных мыслей и воззрений на развитие журналистики и отношения ее к государству; наконец, едва ли кто-нибудь так верно оценил неотразимо всюду разрастающиеся средства и значение журналистики, как новой исторической власти, постепенно водворяющейся на почве новых исторических народов.

Эпиграфом сочинения его поставлены известные слова Каннинга о значении в английской конституции общественного мнения, облекающегося в форму свободной печати, и в окончательном результате заправляющего всем государственным делом, притом, – как видно из ежедневного опыта, – без особенной невыгоды для самого общества и без ущерба общественному уважению к власти. Далее, на первых страницах мы находим замечательные слова первого французского газетчика, Ренодо, нашедшего себе покровителя в кардинале Ришелье и уже в раннюю эпоху 1636 года предугадавшего тайну будущего преуспевания и крепости нового учреждения. «Усердно прошу иноземных государей и государства, – писал он в то время в своей газете, – не терять понапрасну времени в попытках к закрытию свободного пути сообщаемым мною вестям; ибо я веду такую торговлю, предотвратить которую никому доселе еще не удавалось; эта торговля одарена от природы бурной силой потока, от всякого противодействия и препятствия только еще более раздражающегося». Пророческие

слова Ренодо сбылись на деле: сравните по цифрам, взятым из книги Кюшеваля, скромные зачатки журналистики в самой Англии с теми громадными результатами, которыми гордится ныне английская периодическая литература. Подите далее, взгляните на Североамериканские Штаты с их могучим девственным развитием, и вы еще более изумитесь. В 1760 годах английские газеты считали своих подписчиков еще только сотнями, и один «Public Advertiser» мог похвалиться 3000 подписчиков. Теперь «Times» имеет их более 35 000, невзирая на непомерно высокую цену этой газеты, цену решительно неслыханную на материке Европы. В 1753 году все английские газеты, вместе взятые, распродавались в числе 7 400 000 печатных листов; в 1792 году цифра эта возросла до 15 000 000; в 1850 году некоторые отдельные газеты должны были уплатить штемпельную пошлину с целого миллиона листов. В течение того же года американская периодическая литература выпустила 422 600 000 печатных листов. Данные, доставляемые статистикой нашей отечественной журналистики, конечно, отстают еще на неизмеримое расстояние от этих баснословных цифр. Тем не менее и ее непрестанно возрастающее движение ясно доказывает, что и у нас литература уже решительно перестала быть роскошью, доступной лишь самому ограниченному кругу читателей; ясно, что отныне печать сделалась насущной потребностью всего русского общества и стремится стать на степень существеннейшего и необходимейшего органа общественного развития. Это новое для нее положение должно, без сомнения, обеспечить ей особенный почет в народном сознании и вызывает уважение к ней со стороны государственной власти; но вместе с тем оно возлагает и на литературу, и на журналистику в особенности немаловажные обязанности нравственные и долг строгого, бескорыстного служения вечным законам правды и добра.

Английская журналистика, как и всякая другая, купила современное блистательное свое положение ценой многих тяжелых пожертвований: с одной стороны, – долговременной, неутомимой, часто неровной борьбой за свободу выражения

общественной мысли; с другой – глубоким сознанием и строгим соблюдением своего собственного достоинства и ревностным охранением своей вещественной независимости от той лстивой сети приманок и искушений, которой мир всегда ищет опутать всякую вновь возникающую силу. Указания на этот высокий нравственный характер английской журналистики щедрой рукой рассеяны в первой части сочинения Кюшеваля; они служат драгоценнейшим материалом для правильного воссоздания истории развития английской гражданственности во второй половине XVIII и начале XIX века, в эпоху постепенного созревания в ней политической свободы после бурных дней XVII века и притом под влиянием правительства и парламента, далеко не чуждых нареканий во взаимном подкупе и безнравственнейших приемах в государственном управлении. Кюшеваль ясно указывает на неоспоримое совпадение политического значения английской журналистики с выраженным ею впервые явно и громко сознанием высоких нравственных обязанностей, на ней лежащих в отношении к обществу, и с провозглашенной ею необходимостью высоко держать знамя своей вещественной независимости. Даже тогда, когда английские газеты случайно поддерживали то или другое министерство или под влиянием обстоятельств склонялись к какой-либо временной уступке в своих убеждениях, – настоятельным политическим потребностям или желаниям правительства, – и тогда, заботясь о сохранении доброй славы своей, они тщательно отклоняли от себя всякое денежное вознаграждение, хотя бы даже предлагаемое под самую скрытнейшую и косвенную форму. Такой именно образ действий в отношении к министерству Персеваля создал в свое время политическое значение известного Даниеля Стюарта, редактора сперва «Morning Post»а, а после «Courier»а; он же немало содействовал тому огромному, беспримерному в Европе влиянию, которое в течение шестидесятилетнего существования своего умел приобрести себе «Times», благодаря в особенности благоразумному, независимому характеру второго по времени издателя своего Walter'a, заведывавшего

редакцией этой газеты с 1803 до 1847 года. В 1810 году, заявляя путеводные начала своей первоначальной газетной деятельности и обещая оставаться им неизменно верным, он не усомнился напечатать в газете своей объяснение, которое, конечно, должно остаться почетным воспоминанием в истории английской журналистики. «Владелец этой газеты, – говорит он, – с самого первого дня своего вступления в редакцию добросовестно и бескорыстно защищал тогдашнее министерство лорда Сидмута. Газета наша продолжала и впоследствии поддерживать людей власти, но никогда не позволяла им расплачиваться с ней посредством такого рода полуофициальных сообщений, которые могли бы послужить к сокращению, хотя бы даже и в самой ничтожной мере, денежных издержек, сопряженных с изданием газеты. Редактор слишком хорошо сознавал, что если б он принял от министерства подобного рода вознаграждение, он этим самым лишил бы себя права по совести осудить действия того же министерства тогда, когда они показались бы ему вредными для общества или предосудительными. Итак, он поддерживал министерство лорда Сидмута единственно на том основании, что считал его, и донныне считает, министерством честным и сознательно достойным; но даже и в отношении к нему редакция не сочла возможным отказаться от полной и неограниченной своей свободы мнений и не соглашалась никогда принять от него какой бы то ни было услуги, хотя бы даже предложенной в самой невинной форме, ибо она не могла быть уверена, что и это министерство не собьется случайным образом со своего прямого пути и не впадет в какие-либо погрешности». Та же самая мысль, еще сильнее выраженная, еще, быть может, глубже сознанная, заявлена опять через 42 года той же газетой по поводу негодования всех вождей главных политических партий в Англии на «Times» за гласное выражение им своего нерасположения к Людовику Наполеону. «Достоинство и свобода печати сами собой исчезают, – говорил тогда «Times», – как скоро печать соглашается принять положение подручное. Если она хочет сохранить полную свою независимость и, добросовест-

но выполняя лежащие на ней обязанности, желает приносить публике действительную пользу, в таком случае она отнюдь не должна вступать с политическими людьми в союзы слишком тесные и всегда обуславливающие подчинение; она не должна приносить в жертву защищаемые ей вечные и никогда не вымирающие интересы общества – требованиям преходящей власти какого бы то ни было кабинета».

Кюшеваль, лишь мимоходом и в самых общих чертах очерчивая слишком известную историю гонений, претерпленных печатью в правление последних Стюартов, довольно подробно указывает, напротив, на позднейшие стеснения ее в XVIII и даже в начале XIX века до 1830 года; он исчисляет многочисленные процессы, которые вчинялись правительством и парламентом против знаменитейших представителей журналистики, которыми каждый раз все более и более упрочивалось влияние последних и которые окончательно содействовали к решительному установлению в Англии преобладающей силы журналистики, как четвертой, почти признанной в конституции власти. И в Англии, как и в других странах, были исчерпаны почти все ныне известные предупредительные меры: штемпельная подать на газеты введена уже в 1712 г. и почти без изменения существовала до последних годов, когда она актом парламента обращена в пошлину почтовую; в том же 1712 году было уже предлагаемо в парламенте введение в английской журналистике системы, ныне существующей во Франции и требующей подписи имени автора под каждой статьей; наконец, и цензура имела в Англии дни долгого, хотя и небезмятежного владычества. К сожалению, Кюшеваль представляет лишь мало данных о цензуре и в особенности об обстоятельствах, сопровождавших ее окончательное исчезновение в Англии. Пробел этот крайне прискорбен. Любопытно было бы знать, как относились в Англии XVII и XVIII века цензора к власти и к общественному мнению; любопытен был бы сохраненный, без сомнения, преданием ряд имен тех из них, которые равно добросовестно отправляли обязанности свои в отношении к правительству и к общественной мысли.

Имена подобных скромных, но честных деятелей, в высшей степени важных в ходу общественного развития, заслуживают тщательного хранения в памяти общества.

Книга Кюшеваля не содержит также удовлетворительных указаний на существование или отсутствие в Англии принятой во Франции и некоторых других странах системы требования от газет и журналов взноса известного залога в обеспечение тех штрафов, которые судебными приговорами могут быть наложены на редакцию. Очевидно, подобная система может до некоторой степени быть оправдана там, где тяжба правительства против газет подвергается рассмотрению суда присяжных или, по крайней мере, как во Франции, суда, независимость которого от исполнительной власти хотя сколько-нибудь ограждена учреждением судейской несоместимости. В таком случае невозможность ясно выразить и определить в законе проступки, встречающиеся в области печати (так называемые *délits de presse**), невозможность эта отчасти восполняется самим свойством той судебной среды, которая призвана прилагать закон, по существу своему недостаточный. Вообразим то же самое учреждение где-нибудь в другой стране, судоустройство которой не представляет тех же самых спасительных обеспечений, хотя бы, например, в Турции: нет никакого сомнения, что там, при безграничной почти и вполне безотчетной власти правительственных лиц, подобное учреждение в окончательном результате своем соответствовало бы лишь прямому изъятию газетных и журнальных редакторов от общего, для всех сословий всегда и везде существующего закона о воспрещении произвольной конфискации имущества. Ибо ничто там не могло бы обеспечить редакторам правильного и честного суда и нелицеприятного, беспристрастного приговора, призванного определить степень и меру взыскания и справедливость вменения. В этом отношении совершенно безразлична даже та цель, которая могла бы быть выставлена законом для оправдания подобного требования залога: закон был бы во всяком слу-

* Нарушение законов о печати (фр.). – Прим. ред.

чае равно несправедлив, даже и тогда, когда залог этот назначался бы им, например, для вознаграждения подписчиков на случай произвольного запрещения журнала исполнительной властью. Скажем более: достижение властью своей цели подобным окольным путем, облекающимся как бы в наружное уважение к правам общества, не могло бы не быть почтено делом глубоко безнравственным, как по своей цели, так и по тем злоупотреблениям, с которыми неразлучно связано проведение подобных мер в исполнение.

Но если сочинение Кюшеваля оставляет, таким образом, в тени некоторые вопросы, касающиеся истории печати в Англии, то оно, как бы в вознаграждение читателя, кидает самый яркий свет на другие существеннейшие стороны того же самого предмета. Всего яснее и нагляднее выступает, например, пред читателем картина отношений в Англии официальной печати к свободной печати, как к выражению общественной мысли. Нигде, быть может, не выражается так ясно, как в этой особенности, тот исключительно английский характер, вследствие которого оно является в государстве отрешенным от всякого отвлеченного, правительственного типа, нигде не выступая в отвлеченной форме правительства, как правительства, в отличие от общества и как бы в противоположность ему, – но всегда воплощаясь в осязательный жизненный тип той или другой из значительных политических партий этого же самого общества и поочередно и правильно переходя из рук одной из этих партий в руки другой. Этим объясняется то замечательное обстоятельство, что английское правительство не имеет никакого ему собственно принадлежащего органа, не имеет никакой официальной газеты, кроме только неважной «Лондонской Газеты», существующей уже с 1666 года, назначение которой исключительно ограничивается тем, что она является как бы только дневником придворной жизни. Правительство или министерство вынуждено поэтому искать себе опоры в газетах и журналах той политической партии, к которой оно само принадлежит и, являясь лишь

временным осуществлением в правительственной сфере политических мыслей этой самой партии, получает от ее органов в области печати неподкупную, всегда правдивую, искреннюю посильную помощь.

В этом отношении совершенное отсутствие в Англии отвлеченно правительственного элемента, сопряженное с полным отсутствием литературы официальной или правительственной, порождает окончательный результат почти тождественный тому, который в других странах, исключительно управляемых правительственной деятельностью, без законного и обеспеченного участия в этом деле общественной мысли, производится общественным равнодушием, а подчас даже недоверием к литературным направлениям, извне, искусственным путем и помимо общественного сознания сообщаемым печати. Ни огромные вещественные средства, которыми располагает всякая правительственная литература, ни бóльшая доля свободы, ей предоставляемая в ущерб земской мысли, ни самый талант официальных литературных деятелей, ни даже, наконец, случайная правда их целей и стремлений – не в силах обеспечить им того нравственного авторитета и самородного влияния, которое бывает постоянным и исключительным уделом мысли, возвращенной и созревшей при условиях полной нравственной независимости. Эта особенная щекотливость общественного сознания, эта особенная взыскательность общества к литературным деятелям, эта строгость его к тем из них, которые добровольно принимают на себя призвание безответственных официальных наставников, служит, в странах еще чуждых правильной свободы книгопечатания, единственным, драгоценнейшим и лучшим орудием к сохранению нравственного и независимого характера печати вообще и журналистики в особенности. Поэтому только там официальная литература имеет действительный смысл и приносит действительную пользу, где сама возможность ее обеспечивается существованием вне ее иной свободной литературы, способной с ней состязаться без всякого внешнего для себя стеснения, способной в противоположность официальной печати

выражать неподкупный, правдивый голос той независимой среды общества, которая если, подобно всякой иной среде, и не обеспечена против заблуждения, то по крайней мере не знает заблуждения иного, кроме честного и добросовестного. Скажем более: только при существовании этих последних условий официальная литература не представляет существенных неудобств для самого правительства, прибегающего к ее помощи. Только один лишь не заглушенный, громкий голос неподкупного общественного мнения может равно предостеречь и официальный мир от слишком односторонних направлений, тем опаснейших, чем более они находят себе талантливых представителей, – и саму официальную литературу от всегда ей присущего и равно губельного для нее искушения: или впасть в пресыщение и сон среди слишком легкого торжества, или же увлечься желчным, недобросовестным озлоблением против общества, мало сочувствующего влияниям житейски выгодной мудрости.

Тула. 10 января 1859 г.

О Православной церкви в Австрии и Турции (Неоконченная статья)*

В Вене застали меня первые вести из России. Везде и всегда на чужбине ожидаешь их с невольным нетерпением; но всего отраднее поражают они в Вене, где все как-то враждебно напоминает о России, где всякое учреждение как будто бы направлено непосредственно против ее влияния и значения; где даже всякое усовершенствование и улучшение, вводимое австрийским правительством в системе своего управления и

* Этот отрывок, найденный в бумагах князя Черкасского, написан и за границей, на исходе 1857 года по поводу известия из Москвы о возникшем тогда «Славянском благотворительном комитете». – *Прим. издателя в издании 1879 года.*

государственного или областного устройства, как бы обуславливается не столько внутренним естественным развитием самой страны, сколько желанием и необходимостью вырвать у русской политики какое-либо орудие действия, до того времени по случаю, или необходимости, или ошибке как-нибудь упущенное из виду. Ревностным в этом отношении и открытым помощником венской политики является другой вековой враг России – Римская церковь, наученная опытом на другой почве проигранной ею тяжбы против Екатерины II и теперь с беспримерной настойчивостью и громадными средствами предпринявшая наступательное движение против восточного Православия и неразрывно связанного с ним русского влияния. Но чем существеннее эти опасности для России в более или менее близком будущем, чем важнее для нее сохранение всеми возможными средствами того последнего единения, которое издавна связывает ее судьбы с судьбами восточного мира, тем отраднее, наконец, дошедший сюда, хотя и темный еще слух о том, что пробужденное общественное мнение в России готово окончательно вступить на почву деятельного участия в разрешении этого важнейшего для нас вопроса вместе и религиозного верования, и церковного единения, и политического преобладания.

Слышно, что замышляются у нас действительные, практические средства на помощь нуждающихся исповедников Православия без различия места их водворения, происхождения их, племени и принадлежности к тому или другому государственному союзу. Мысль эта, принятая в этой широкой всеобщности своей, если ей действительно дано будет осуществиться в этих размерах, конечно, не лишена ни истинного величия, ни знаменательных задатков могущественного развития в будущем и принесет высокую честь тем, кто примет на себя труд первого ее осуществления в нашем обществе. Перед деятелями нового дела открывается широкое и разнообразное поприще.

Из всех христианских вероисповеданий Православная церковь всех беднее вещественными благами, всех ограничен-

нее в средствах содержания своего духовенства и внешних необходимых принадлежностей своего служения.

Бесспорно, искание вещественных богатств и не есть дело церкви, в этом никто не усомнится, но бесполезно, с другой стороны, дать себе ясный отчет и в том, насколько в наше время и при настоящих обстоятельствах недостаток всякого рода внешних средств затрудняет успехи религиозной борьбы с другими христианскими исповеданиями, историческим случаем поставленными в несравненно благоприятнейшие обстоятельства.

Не говоря уже о баснословно богатом римско-католическом духовенстве австрийском (примас которого пользуется ежегодным доходом до 2 милл. гульденов и которого благосостояние преимущественно утверждено на прочной основе недвижимой собственности), не говоря о почти столько же богатой Церкви Англиканской, но даже в самых скромных протестантских землях, даже и в самой Франции церковь, разоренная революцией, стоит на далеко высшей ступени вещественного обеспечения, чем в большей части земель православных. К тому же во всех этих государствах Церковь не вынуждена довольствоваться одной благоговейной благотворительностью частных лиц, иногда даже весьма щедрой, но уже по самому ей всегда присущему свойству отрывочности неспособной взойти в состязание со всегда живой, трезвой и последовательной деятельностью общественной. Напротив, церкви западные составляют предмет непрестанной заботливости множества более или менее обширных обществ, свободно образующихся из частных лиц и имеющих исключительной и открыто высказанной целью возможное удовлетворение всех вещественных потребностей Церкви и содействие ей во многих из более возвышенных ее духовных целей. Это-то богатство средств, эта свобода и независимость Церкви и это непрестанно поддерживающееся и обновляющееся общение с ней светского, гражданского общества, выражающееся во множестве произвольных частных союзов для подчиненного служения высшим духовным целям Церкви – вот те могуще-

ственные рычаги, которыми преимущественно обуславливаются вместе и сила внешнего воздействия западных церквей, и те опасности, которым в борьбе с ними подвергается церковь православная, в особенности на турецком Востоке и во владениях австрийских.

Кроме России Православие исповедуется еще в трех государствах: в империях турецкой и австрийской и в молодом королевстве греческом*. В Греции участь Православия, без сомнения, почти обеспечена, – сколько непрестанно развивающимися свежими силами молодого государства, успехам которого не могли не отдать справедливости в течение последней войны даже враждебные правительства Франции и Англии, столько же и самостоятельным, синодальным устройством народной Церкви, обеспечивавшим свободное развитие духовной жизни почти целого миллиона греков. Далеко в худшем состоянии находится Церковь во владениях австрийских и турецких, и трудно даже решить положительно, в котором из этих двух государств ей суждено переносить более тяжелые испытания; ибо если в Турции бедность ее вопиющая, если она подчинена там самому грубому произволу и насилию, если в известных случаях недостает ее служителям и исповедникам даже самого первого обеспечения – обеспечения жизни, то взамен этих внешних благ, по крайней мере, поддерживается она глубоким сознанием своего ни на минуту не прерывающегося мученического подвига и постоянно черпает новые силы в мысли о превосходстве христианского начала над всеми прочими и о несомненности окончательного торжества его в борьбе с ним. Не таково нравственное положение Православной Церкви в Австрии, где отовсюду окружена

* В Северо-Восточной Пруссии существует небольшая община православная; в 1843 году она состояла из 1879 душ, из коих большая часть, т.е. 1482, поселены были в десяти деревеньках Гумбинского округа. Но с тех пор численность православных непрестанно уменьшалась: в 1846 году их оставалось во всей Пруссии только 1675, а в 1849 – 1269. «Причина этого уменьшения числа православных в Пруссии, – говорит Ал. Франц в своей «Статистике Пруссии» (т. I, стр. 23), – лежит во множестве ограничений, коим подвергает их закон».

она многолетней и роскошной германской гражданственностью, далеко оставившей за собой донныне под гнетом ее не развившиеся зачатки западнославянского мира. Там богатое и всеильное последним конкордатом другое христианское же духовенство неумоимо расставляет ему все сети, вытканые вековым искусством и трудолюбием иезуитов. Там, наконец, правительство само охотно смешивает ненавистное себе чувство приверженности к Православной Церкви с чувствами преступного упования и надежды на Россию и под личиной громко, хотя и невольно высказанных в 1849 году и никогда не выполненных обещаний всеобщей веротерпимости, постоянно держит в мыслях своих лишь одну цель – сглажение и искоренение славянских народностей посредством римского католицизма. К тому же Православная Церковь в Австрии тщательно отчуждена от всего прочего православного мира: вследствие перенесения на Карловицкого митрополита (в Есклавонии) иерархических прав первого сербского патриарха Арсения Черноевича (в 1690 году перешедшего с 40 000 семьями из Турции в Австрию) и подчинения ему почти всей православной паствы австрийской, искусно разорваны все сношения даже с Царьградской церковью. Недавнее возведение (15 декабря 1848 г.) той же митрополии в патриархию еще более упрочивает это искусственное одиночество дальней славянской Церкви, предоставленной таким образом на собственные силы и, без сомнения, более чем когда-либо нуждающейся в ласковом привете и ободрении старших, более счастливых братий. Непрерывное поддержание, наперекор Австрии, церковной приязни и единение русского мира с юго-западными славянскими землями есть, бесспорно, дело первойшей важности, и при значительной восприимчивости последних цель эта легко может быть достигнута. Мне самому удалось слышать от опытного очевидца, близко посвященного в события последнего десятилетия в Австрии, что в это время к утверждению славян в наследованном от отцов Православии значительно содействовало событие, по-видимому, чуждое всякого церковного характера, – а именно поход на-

ших войск в Венгрию. Добродушные славяне, видя наших генералов и офицеров, убедились, что не везде родная Церковь их притеснена, и не везде паны и господа исповедуют римский католицизм, и, по свойственной человечеству слабости, стали отныне еще более уважать веру, под хоругвями которой ликовали свои победы многочисленные рати русского войска. Число этих православных славян Австрии разно определяется различными статистиками, и цифры эти еще не согласованы новейшим из них, Карлом Чёрнигом. Как бы то ни было, паства Карловицкого патриарха и семи его епископов может быть, кажется, безошибочно и притом в самой меньшей мере определена в 1 700 000 душ*, живущих в 1443 приходах; а с присоединением Буковины и Далмации число православных превзойдет 2 000 000. Всех православных епископов в Австрии ныне считается 11. Патент веротерпимости 4 марта 1849 года на словах позволил и этим православным епископам свободно заведовать делами своей Церкви и съезжаться на соборы для рассуждения о них. Но на деле вышло иначе: только один раз, по свидетельству самого Чёрнига, дозволено было им в самом деле соединиться, и то лишь в Вене и в ту самую первую минуту переворота в 1851 году, и притом не иначе, как под ближайшим руководством министра вероисповеданий. С тех пор явление это, столько необходимое для поддержания правильной церковной жизни и единства, уже более не повторялось, и Бог знает, удастся ли ему когда-либо вновь повториться. В прошедшем веке, после страшных восстаний австрийских сербов в 1750-х годах, отчасти разрешившихся значительными переселениями их в Екатеринославскую губернию, венское правительство также временно разрешало четыре православных собора, сряду один за другим, между 1763 и 1776 годами.

Несравненно многочисленнее австрийской православная паства в пределах Турции, хотя счет ее еще сбивчивее

* Lietopis, за 1850 г., сербское издание в Пеште, считала 1 716 697 душ. Фрелих вслед за некоторыми другими принимает до 1 900 000, из коих сербов до 900 000, а значительная часть остальных – вlahи или румыны.

счета православных австрийских и еще более затемнен разноречивыми и преднамеренно запутанными вычислениями преимущественно новейших католических писателей. Примером и доказательством такого преднамеренного искажения истины может служить, между прочим, взаимное сличение хоть бы таблиц, представленных в томе I, на стр. 22 и 25, и в т. II, на стр. 177, замечательного, впрочем, во всех отношениях сочинения «Lettres sur la Turquie», где опытный взор, кроме многого другого, легко усмотрит самое вопиющее противоречие в определении общего итога славянского племени в Турции и частной численности турецких славян православного исповедания: пристрастный писатель нимало не усомнился для своих целей забыть в вычислениях своих более миллиона православных славян, им самим в другом месте своего труда указанных; не усомнился также без всякого рассуждения и оправдания уменьшить почти на 400 000 цифру православных влахов, из придунайских княжеств выселившихся в Турцию, хотя эта цифра, как он сам знает, утверждается на документальной основе.

Как бы то ни было, число всех православных в Турции должно быть принято по крайней мере в 12 милл., из коих около 11 милл., живущих в Турции европейской, остальные же, большей частью – греки, в Малой Азии и Египте. В Европе $5\frac{1}{2}$ милл. падает на долю славянского племени – болгар, сербов, босняков и пр.; около $4\frac{1}{2}$ милл. – на долю влахов или румын; последний миллион состоит из греков, которые, несмотря на числительное меньшинство свое, доселе по перестают занимать преобладающее место в церковном управлении. Из местных церквей только три успели достигнуть самостоятельного развития под управлением митрополитов: Валахская, Молдаванская и Сербская; Болгарская, невзирая на различие языка и племени, доселе состоит в непосредственной иерархической зависимости от Константинопольского патриарха и, коснея в безвыходной бедности, конечно, более всех прочих нуждается в помощи России и более всех имеет на нее право.

На этот-то славянский элемент Православной Церкви в Турции преимущественно и была направлена до 1852 года вся сила западного миссионерства и, к сожалению, должно сказать, она успела возыметь на него разрушительное действие. Известно, что пять лет тому назад Католическая Церковь уже считала в турецкой империи до 760 000 последователей, считая в том числе и униатов, и что около половины всего количества составляли славяне. Самым восприимчивым к римской проповеди из всех славянских племен являются босняки, непрерывно завлекаемые римским духовенством в унию: сто лет тому назад из их среды к последней принадлежало еще едва 50 000; ныне их завлечено уже более 150 000 неутомимой деятельностью боснийских францисканцев, с необыкновенной дальновидностью издавна устроивших отличные училища для образования священников из самой среды обращаемого племени. Этому гибельному для Православной Церкви образу действия суждено, кажется, в настоящее время распространиться и сделаться одним из главных орудий в руках всех многочисленных католических братств, посвятивших себя делу распространения римского влияния на Востоке. Эту жестокую борьбу Римская Церковь ведет с той неутомимой последовательностью и тем разнообразием просвещенных и действительнейших средств, которые часто возбуждают заслуженное удивление в самих противниках, заставляя их на время забывать о многих темных сторонах латинской пропаганды, и глубокое изучение которых составляет настоятельную потребность для тех, кто подвергается ее ударам. Разнообразные орудия римских успехов могут быть подведены под следующие четыре главные разряда: миссионерство, забота о народном воспитании, обеспечение извне средств местных римских епископов и духовенства, наконец, политические выгоды, укрепленные за членами католической общины на Востоке. С 1776 года, по уничтожении Папой ордена иезуитов, восточная миссия передана собственно братьям лазаристам; но иезуиты лет 20 тому назад вновь возвратились в Сирию, вновь завели там дома свои и проникли в неизведан-

ную еще никем глубь ливанскую. Те и другие могут служить высоким образцом самоотверженной, хотя, без сомнения, слишком преданной мирским интересам проповеди. Ежедневно возрастающее число лазаристских училищ мало-помалу вытесняет народное воспитание из греческих школ, подвергая вместе с тем детей и юношей беднейшего сословия всем соблазнам обучения хорошего и крайне дешевого, весьма часто даже дарового, но сопряженного с ранним усвоением латинских начал. Лазаристы не довольствуются первоначальным воспитанием юношества: они и сотрудники их основали еще четыре обширных заведения для гимназического, или коллегияльного, образования, – заведения, пользующиеся громкой известностью на Востоке; они устроили типографии, из которых наводняют весь Восток книгами преимущественно духовного содержания и писанными в духе, без сомнения, не враждебном латинству на темы вроде жизни патриарха Фотия и Михаила Керуллара.

В этой своей деятельности они получают драгоценную помощь от бесчисленного множества иных религиозных братств, союзов и обществ, находясь в живой, постоянной и непосредственной связи со всем духовным и гражданским обществом просвещенного Запада; в их деле усердно участвуют и так называемые Братья Христианского Учения, и Девы Св. Викентия де Поль, и Сестры Милосердия, и Общество распространения веры, и множество других. И это дружное и живое движение по единожды пробитой стезе не только не прерывается ни на минуту и не остывает, но с каждым днем усиливается и возрастает. Вместе с ним усиливается и возрастает в невероятной степени с самого начала последней войны и забота европейского общества к делу католической пропаганды на Востоке: не таясь ни от кого, не укрываясь ни за какими дипломатическими вымыслами, она смело и бодро выступает вперед, во всеоружии гласности и свободы книгопечатания, опираясь с одной стороны на общественное мнение, с другой – на деятельную помощь Папы и духовенства. Деятельность католического мира в течение самых послед-

них годов ударились с необыкновенной стремительностью на придунайские княжества и там ищет прочно укрепить влияние Римской Церкви, как первый шаг к дальнейшим политическим успехам; здесь первостепенную роль играет богатейшее духовенство австрийское, ничего не жалеющее для получения себе завидной добычи. Таким образом недавно образовалось новое общество в неслыханных еще размерах – «Общество, находящееся под Покровом Беспорочного Зачатия Божьей Матери»; главное место его – Вена, и лозунг его деятельности – распространение австрийского влияния. С другой стороны, так называемое «Общество распространения веры» издавна сорит деньгами на содержание духовенства в 16 епархиях, подведомственных Латинскому Иерусалимскому патриарху...

II

ЗАПИСКИ КНЯЗЯ В. А. ЧЕРКАССКОГО ПО КРЕСТЬЯНСКОМУ ВОПРОСУ

1-й проект постепенного освобождения крестьян

Вопрос об освобождении крестьян обратил на себя внимание как правительства, так и частных лиц. В стремлении своем воссоздать гражданскую личность целого сословия, составляющего огромное большинство русского народа, правительство разнообразными путями старалось достигнуть своей цели: оно провозгласило крестьян казенных свободными, даровав им право приобретать на собственное имя землю; оно учредило «свободных хлебопашцев»; наконец, указом 1 апреля 1841 года* оно вызвало на это поприще и деятельность частных лиц, предоставив дело освобождения произвольному соглашению самих землевладельцев и крестьян. Отныне становится священным долгом каждого гражданина спешить со своей лептой на жертвенник пользы общественной и подвергнуть беспристрастному суду общественному то, что могли внушить ему обстоятельства или опыт...

При изыскании этих средств мы не должны упускать из виду, что в настоящем вопросе принимают живое участие

* Здесь, очевидно, ошибка: указ об обязанных крестьянах, о котором идет речь, обнародован 2 апреля 1842 года. – Прим. издателя в издании 1901 года.

три лица, из коих каждое имеет свои собственные интересы, часто находящиеся в борьбе с выгодами других сторон: это – сам крестьянин, помещик и государство. Примирить по возможности противоречащие выгоды этих сторон – вот главная задача!.. Выгоды крестьянина требуют, чтобы, получая свободу, он не вступил в бедственный разряд бобылей, пролетариев. Он должен иметь оседлость, принадлежать к общине, иметь недвижимую собственность. Свобода будет ему постылым даром или, лучше, гибелью, если не соединить с ней твердого поземельного владения, которое для бедняка, особенно лишенного всякого образования, есть лучшая нравственная опора.

Выгода помещика требует, напротив, чтобы поземельная собственность осталась за ним: при настоящем государственном устройстве она одна отделяет его от низших по политическому достоинству классов; одна она может сохранить его влияние на народ, поставив пролетария в безусловную зависимость от землевладельца.

Среди этих двух противоречащих стремлений возвышается интерес высший, государственный: чуждое эгоистическим выводам той и другой стороны, государство одно вполне может сознавать высшие, общественные потребности и поставить себя превыше личных предрассудков и личных страстей. Государство действует во имя будущности, и потому оно должно искать твердого упрочения судьбы крестьян, а не установления какого-нибудь частного отношения, которое сейчас пришлось бы опять изменить. Поэтому, с одной стороны, государство должно стремиться к полному материальному обеспечению крестьян, но вместе с тем не должно забывать с другой – что законные выгоды помещика не могут быть принесены в жертву другому сословию, что нравственное влияние помещичьей власти есть во всяком случае могучий рычаг в руках опытного управления.

Из соображения этих трех первенствующих в деле эмансипации интересов, выводятся три главные, донныне исключительно имевшиеся в виду способа освобождения крестьян.

1) Освобождение их без награждения их землей и с правом перехода от одного владельца к другому – или полным, как бывало у нас встарь, или ограниченным, как то было положено для губерний остзейских.

2) Освобождение с известным, большим или меньшим, количеством земли в виде свободных хлебопашцев и с разрушением всех прежних отношений к помещику.

3) Учреждение крестьян обязанных.

Рассмотрим каждое:

1) Естественно, что помещики лучше всего желали бы освобождения крестьян без земли: им хотелось бы дать им свободу и поставить их в полную от себя зависимость, основанную на слишком неравном между богатым землевладельцем и бедным бобылем договоре, в зависимость большую даже, нежели зависимость теперь существующая, ибо она не смягчалась бы даже влиянием чувства нравственного, которое теперь играет также важную роль в отношениях между помещиком и крестьянином. Но едва ли кто-нибудь может серьезно подумать о подобном предположении: достаточно вспомнить, что такое положение вещей существовало у нас уже 250 лет тому назад; чтобы найти исход из него Россия принуждена была пожертвовать даже свободой большинства народа. История не возвращается к одинажды исчерпанным формулам. Что касается до более или менее остроумных видоизменений того же самого плана, придуманных в начале настоящего столетия изобретательным умом немцев, горький опыт остзейских губерний достаточно обнаруживает всю важность и обманчивость слишком корыстных расчетов.

2) Гораздо возвышеннее во всех отношениях другой план – учреждение свободных хлебопашцев. К несчастью, в первообразном своем начертании он едва ли имеет большую практическую исполнимость: слишком немногие помещичьи крестьяне довольно богаты, чтобы воспользоваться открывшейся для них возможностью откупаться с достаточным количеством земли от господ своих.

Впрочем, план этот нашел сочувствие в благородном тульском дворянстве: на выборах 1843–44 года несколько

гг. дворян входили к г. начальнику губернии с проектом – отпустить каждый в имении своем крестьян на волю с награждением их землей по 1 дес. на ревизскую душу и освобождением их от всех прежних отношений к господам. За это они просили только перевода на вновь освобождаемых крестьян из долга опекунскому совету 45 руб. сер. С самого первого взгляда представляются следующие недостатки в предложенном плане: а) вознаграждение, требуемое гг. дворянами, может быть несколько уменьшено без значительного для них ущерба. б) Уступаемое ими крестьянам количество земли слишком мало: ибо считая даже по 3 души на тягло, на каждое тягло по этому расчету приходилось бы, следовательно, только по 3 каз. дес. – исключая отсюда необходимую для крестьян десятину лугов и землю, находящуюся под дворищем, конопляником и огородом, остается немного более $\frac{1}{2}$ дес. тридцатной в поле на тягло, или менее половины того, что теперь в Тульской губернии составляет минимум оставляемой на долю крестьянина земли. С этого бездельного клочка земли тягло на трех душах решительно не может прокормиться при теперешнем состоянии земледелия. Следовательно, подобным распоряжением значило бы поставить крестьянина в полную денежную зависимость от соседа-землевладельца у которого он должен бы был принанимать себе землю. Конечно, количество уступаемой крестьянам в собственность земли не должно превышать меры необходимого для его содержания, – иначе соседний помещик не будет в состоянии найти наемных рук для обработки собственной земли, а равно и отдавать собственные порожние земли внаймы жителям близлежащих селений. Но тем не менее эта необходимая мера должна быть соблюдена. с) Этот план мгновенно разрывает все связи между помещиком и крестьянами и лишает их той естественной опоры, того, так сказать, воспитания, которое они от него легко и удобно принять могут при продолжении, даже в состоянии свободы крестьян, нравственно-юридических отношений между ними и бывшим владельцем. С другой стороны, с осуществлением этого плана правительство становится в непосредственное со-

прикосновение со всей нимало не приготовленной к свободе массой помещичьих крестьян, чрез что все государственное и местное управление должно было бы невероятным образом осложниться. На это предложение свое господа дворяне получили следующий ответ: что правительство принять его не может, ибо оно прямо противоречит основной мысли его – сохранить за дворянством поземельную собственность.

3) Учреждение крестьян обязанных довершает пятый год своего существования*; в течение этого уже довольно продолжительного срока осуществились только два примера установления этого сложного отношения, и то под влиянием совершенно случайных обстоятельств. Уже этого одного достаточно, чтобы понять, как далеко оно не соответствует потребностям народным. Ближе всматриваясь в учреждение это, мы открываем в нем следующие два главные неудобства: во-первых, отсутствие для помещика всякого возможного внешнего обеспечения, что заключенные условия будут свято сохранены; отношение слишком сложное заставляет сильно сомневаться, чтобы при несколько возвышенном оброке, в натуре или деньгами, он мог быть легко взыскиваем с почитающих себя почти свободными крестьян; во-вторых, учреждение это не могло быть принято, как последнее слово законодательства для устроения судьбы низшего сословия, ибо, с одной стороны, оно приковывает крестьянина к земле, к одному месту, не менее состояния крепостного, с другой – освящает навеки в крестьянском быту общинное владение землей, эту самую первообразную и несовершенную форму поземельной собственности. Зато, рассматриваемое только как ступень переходная между крепостным состоянием и полной свободой, учреждение обязанных крестьян представляет ту огромную выгоду, что значительно облегчает этот переход и постепенно воспитывает крестьян для этого нового состояния, мало-помалу заменяя для него власть помещика властью общины.

* Так как кн. Черкасский полагал, что указ об обязанных крестьянах был обнародован в 1841 году (см. стр. 1), мы можем предположить, что настоящий проект написан в 1846 г. – Прим. издателя в издании 1901 года.

Итак, для начертания плана должно избрать средний путь между свободными хлебопашцами и обязанными крестьянами, стараясь совместить выгоды тех и других и избежать их недостатков.

На это возразят: но правительство решительно объявило, что оно не сочувствует плану наделения крестьян землей в собственность – следовательно, всякое подражание проекту тульских дворян становится невозможным...

В деле столь важном и новом позволено всякому человеку заблуждаться, лишь бы он заблуждался добросовестно и бескорыстно. Нам кажется, что едва ли в ответе, сообщенном правительством гг. тульским дворянам, не скрывается более глубокая мысль. Действительно, насчет продолжения за дворянством собственности поземельной уже самый предложенный проект достаточно должен был успокоить правительство: он из дворянской собственности выделял крестьянам слишком незначительное количество, которое притом, как замечено выше, скорее ставило их в еще большую зависимость от помещика, нежели обеспечивало им независимую участь. Итак, можно полагать, что более глубокая мысль руководила правительством в его отказе: смеем догадываться, что Высочайшего утверждения не воспоследовало потому, что план этот не представлял достаточных ручательств с другой стороны; он разрывал все связи нравственного порядка между договаривающимися сторонами и таким образом лишал государственное управление необходимого на время посредствующего звена между им и крестьянином – власти помещичьей. Сохранись она в той мере, в какой она изложена в Положении об обязанных крестьянах, и правительство будет едва ли не равнодушно – получит ли помещик от крестьянина единовременное вознаграждение, или будет взимать с него годичный оброк. На этом основании смеем предложить следующий план. Помещик выделяет крестьянам своим на каждое тягло (считая тягло по 3 ревизских души) по сор. десятина в поле и еще сор. десятину на луга, огороды, дворы и проч., итого на тягло 4 сор. дес., или $5\frac{1}{3}$ дес. казенных, что составляет на душу 1 дес. и 1866 саж. = 1 д. $\frac{31}{40}$. Цен-

ность десятины можно положить в 37 руб. сер. Итого ценность уступаемой земли = 65 руб. 68 коп. сер.

На крестьян с землей приходится долга Опекунскому совету 50 руб. сер. Итак, каждое тягло должно в течение 37 лет платить в оный по 9 руб. сер.

Остальная за тем часть ценности уступаемой земли с крестьян не взыскивается помещиком, но они под названием крестьян обязанных облагаются годовым оброком – по 1 четв. ржи и по 2 четв. овса с тягла или со всего количества сор. дес. в поле.

Отношения между помещиком и крестьянином остаются так, как они изложены в акте гр. Воронцова.

Хлеб собирается помещиком натурой по примерному замолоту в самое время уборки и в снопах привозится крестьянами на его гумно. Дозволяются всякие сделки с обоюдного согласия для замены оброка натурой оброком денежным.

Повинности, таким образом возлагаемые на крестьян, гораздо легче теперь существующих: оброчные крестьяне Веневского уезда при этом же самом количестве земли нигде не платят менее 15 руб. сер. с тягла, кроме разных поборов. Полагая же четв. ржи по 7 руб. 50 коп., а четв. овса в 5 руб., весь предположенный здесь оброк не превышает 14 руб. сер. Крестьяне, состоящие на запашке, конечно, еще гораздо более отягчены.

При этом в течение 37 лет обязанные крестьяне освобождаются от казенного долга. От правительства зависит дозволить им откупаться от него и прежде означенного срока, буде они на то могут собрать нужный капитал.

Помещик же при таком далеко не излишнем наделении крестьян землей легко может с выгодой отдавать им свои пашенные земли внаймы, или, и сам занимаясь обработкой их, найти между ними вольных работников.

Правительство без всякого пожертвования со своей стороны содействует освобождению крестьян, и продолжение власти помещичьей, в законных пределах ограниченной, служит ей лучшим ручательством сохранения спокойствия общественного.

От правительства может зависеть постановить:

1) Чтоб по истечении 37-летн. срока и уплаты казенного долга, но не прежде, крестьяне могут откупиться окончательно от помещика и платимого ему оброка, единовременно внести ему известную наперед назначенную сумму денег по оценке уступаемой земли.

2) Чтоб, откупившись окончательно от помещика, они могли, наконец, приступить и к внутреннему межеванию отдельных участков волостной дачи.

Записка о лучших средствах к постепенному исходу из крепостного состояния

Уже более девяти месяцев Россия пользуется выгодами ценой большой крови и пожертвований купленного мира. Общественная молва, согласная в том и с официальными удостоверениями, возвещает, что правительство после двухлетней напряженной борьбы России с целой Европой решительно хочет направить ее на путь временно покинутый внутреннего преуспеяния вещественного и духовного. Сам собой естественно возникает в общественном сознании целый ряд вопросов внутренней политики, ожидая от правительства и отчасти от общественного мнения разрешения своего в том или другом смысле. Между ними первое, самое яркое место занимает вопрос о продолжении, видоизменении или коренном уничтожении крепостного права.

Самое возникновение этого вопроса в той силе, в какой слышится он в сознании каждого человека, как бы, впрочем, ни был он лично к нему расположен, избавляет беспристрастного созерцателя от праздного и ни к чему не ведущего труда доказывать, что учреждение это в настоящем развитии своем стало вредно для общества и государства и что необходимо искать средств для врачевания этого зла.

Поэтому и мы оставим без внимания эти общие рассуждения, способные лишь раздражать умы и излишние для всех тех, кто признает несомненную потребность в настоящее время разрешения вопроса о крепостном праве, и осмелимся предложить на всеобщее обсуждение те данные к разрешению его, которые внушило нам долговременное и беспристрастное наблюдение внутреннего русского быта.

Прежде всего обратим внимание наше на постоянное периодическое возникновение этих вопросов в общественном сознании. Нам известно, что они сильно занимали уже умы в царствование блаженной памяти императрицы Екатерины II. Император Павел Петрович издал закон о трехдневной барщине. В царствование Александра Благословенного, под влиянием тех же забот, возникло в 1803 году, февраля 20, го законоположение о свободных хлебопашцах. Движение, единожды возбужденное, не прерывалось совершенно и во все царствование Александра I. В промежутке глубокого, ничем не нарушенного мира между 1831 и 1848 годами можно еще проследить два сильнейших пароксизма той же мысли в 1842 и 1847 годах, породившие указ 2 апреля 1842 года об обязанных крестьянах, указ о дозволении крестьянам имений, продаваемых с публичного торга, выкупаться на волю целыми селениями, и инвентари, введенные в западных губерниях русской империи. Наконец и ныне опять, едва пришла к концу война с Европой, и вновь озабочена Россия той же мыслью.

Обыкновенно после каждого такого пароксизма общественное мнение, подкупленное внешними выгодами старого порядка вещей и утомленное бесплодным умничаньем, еще крепче затянув старый неразрешимый узел и затемнив еще более для будущего поколения неразгаданный вопрос, на время успокаивается и вновь предается сладостной дремоте, поскольку вновь не разбудят его спешные шаги недремлющей истории. Особенно случалось так в последнее тридцатилетие. Грустно будет каждому русскому, горячо любящему отечество свое, если и настоящая эпоха не окажется плодovitее на практические результаты.

Это бесплодие большей части вышеприведенных нами попыток легко объяснится, если мы вникнем в сущность тех самых средств, которые большей частью прилагались к разрешению возникавших вопросов.

В самом деле, есть два способа для разрешения всякого дела, а в том числе и всякого важного политического вопроса; два средства врачевания всякого политического зла: можно стремиться или к всецелому мгновенному его искоренению, к мгновенному болезненному преобразованию на новый лад всех тех жизненных отношений, в которых проявляется известное зло; или можно, довольствуясь более скромным поприщем, приложить все заботы свои лишь к исцелению самых вопиющих язв, к устранению лишь главных причин и главных проявлений зла, к постепенному врачеванию, а не к искоренению зла. Словом, существуют две политики: политика коренных преобразований и политика паллиативов.

К сожалению, правительство, увлеченное, конечно, горячим желанием общественной пользы, искало, кажется, результатов слишком общих и спешных, упуская из виду возможные и близкие данные, под рукой лежащие; оно стремилось само изобрести новые жизненные формулы и извне привить их обществу, не доверяя его самостоятельному развитию и не вызвав его самого к законному участию в изобретении этих формул. Мы, конечно, не скажем ничего нового, если выразим убеждение, что постоянной, задушевной мыслью прошедшего царствования было однообразное определение отношений сословия крестьянского к помещикам, инвентарное их регулирование, словом – коренной переворот в экономических законах, на которых двести лет покоилась Россия. Мысль эта, чуждая русскому духу и русским обычаям, естественно не нашла себе почвы, и слишком широко задуманное преобразование не осуществилось. В самом деле, едва ли возможно представить себе задачу много сложнее и труднее: правительству предстояло привести в известность разнообразные в каждой местности и различные почти в каждом имении повинности крестьян к помещикам и столько же разнообразные выгоды,

им от последних предоставленные, подвести, часто к одновременному ущербу обеих сторон, все эти разнообразнейшие отношения под одну или под несколько общих юридических формул, дать этим новым учреждениям силу и крепость стародавнего быта, вопреки исконным часто для всех любезным привычкам, наконец, мгновенно, без всякого предварительного приготовления перевести всю огромную массу юридических отношений сельской жизни из мягкой области обычного права, где привыкли они покоиться, в жесткую сферу печатного законоположения и полицейского вмешательства. Мы не говорим уже о многих других неизбежных трудностях при установлении такого нового порядка вещей: о совершенной невозможности на первые три-четыре года доставить сельской промышленности новые рабочие силы взамен необходимых в значительной степени уменьшиться прежних обычных барщинских средств; о неизбежном развитии враждебного настроения между сословиями крестьян и помещиков; наконец, о невозможности правильного полицейского надзора за строгим обоюдным соблюдением инвентарей, особенно в средних губерниях, где помещичьи имения вообще многочисленны и дробны*.

Здесь не место подробно разбирать все недостатки, все невозможности инвентарных положений в применении их к великороссийским губерниям. Подробное изложение их может быть предметом особого, обширного труда. Скажем еще только, что мысль об инвентарном определении сельских отношений, совершенно чуждая современному русскому быту, пришла к нам из Германии, особенно Пруссии и Австрии, где имела она твердую основу, которой лишена в России: действи-

* Из таблиц Кеппена, коими пользовался г. Тенгоборский, видно, что в Киевской губернии на 1262 помещика приходится 50 834 души, т.е. около 400 душ на одного помещика; а в Тульской на 4152 помещика – 415 578 душ крепостных крестьян – следовательно, около 100 душ на одного помещика. Из статистики Смоленской губернии г. Соловьева мы знаем, что в Духовщинском уезде приходится на каждого помещика еще меньшее число душ крепостных крестьян, а именно – 36, и во всей Смоленской губернии – на одного помещика 67 душ.

тельно, и в Пруссии, и в большей части Австрии еще задолго до Фридриха Великого и Иосифа установились в селах эти инвентарные отношения сами собой, в силу стародавних договоров и обычаев, почти с незапамятных времен и большей частью под влиянием нахлынувшего германского завоевания и письменности и германской склонности к юридической определительности на сельскую общину славянскую, обращенную в барщинское подданство; в XVIII веке в Германии уже редкое рыцарское имение не имело своего стародавнего строго наблюдавшегося инвентаря, и даже во многих местах целые округа управлялись сходственными инвентарями. Законодателю оставалось только смягчить эти устаревшие, но всегда определительные положения, запретить упразднение крестьянских хозяйств или самовольное обрезывание помещиками общинной земли и постановить условия, на которых крестьянин мог откупить свое хозяйство от господской барщины. Конечно, далеко не в подобных условиях находимся мы теперь, а потому и далеко не применимо к нашим помещичьим имениям немецкое законодательство. Одни только так называемые у нас государственные, удельные и прочих наименований казенные имущества представляют аналогию с положением доменов и обитавших на них крестьян в Пруссии в XVIII веке; а потому и к ним одним может покуда с успехом быть применено прусское аграрное законодательство. Об этом будет объяснено ниже.

Все нами до сих пор сказанное естественно приводит к тому заключению, что в настоящую минуту желательно было бы видеть на время оставленными правительством планы уничтожения крепостного права, слишком общие, неопределенные и преждевременные, невозможность выполнения коих может только отдалить желанную минуту нормального разрешения всех трудностей; желательно в особенности, чтобы правительство решительно отказалось от личного изобретения и от притязаний к приведению в исполнение новых общих формул сельских отношений, возвращенных и выработанных в канцелярской атмосфере, а не в

народной сознательной жизни. Пора вместо того – и давно пора – приняться за некоторые практические меры, которые бы достаточны были для временного врачевания зла, не в силах будучи возбудить ни слишком упорного сопротивления высших классов, ни слишком преждевременных надежд низших слоев народа; которые пришлись бы по плечу современному общественному развитию русского мира и вместе с тем не потребовали бы от государства слишком энергического напряжения правительственных струн. Пора вместе с тем возвратить в этом деле обществу слишком долго заглушенный свободный голос его, выслушать его мнение, вызвать несомненно присущую ему изобретательность и самодеятельность, которые никакой лихорадочной деятельностью правительства заменены быть не могут. Откровенно вопрошенное общество, без сомнения, найдет в богатом запасе практического опыта своего и готовые формулы, и тайну новых искомым отношений.

С полной откровенностью и горячим желанием пользы общественной осмелимся мы здесь в кратких словах обозреть те главные законодательные меры, которые со своей стороны считаем мы возможными, но вместе и совершенно необходимыми. Мы будем излагать их в нижеследующем порядке:

1. Постановление от правительства нормальной цены, за которую каждый крепостной крестьянин в губерниях, где еще не введены инвентари, имел бы право требовать отпущения своего на волю с семейством своим без земли.

2. Дарование дворовым людям права по достижении 35-летнего возраста, требовать безвозмездного отпущения своего на волю.

3. Решительное запрещение помещикам, как во время народных переписей или ревизий, так и между ними, вновь переводить крепостных людей своих из звания крестьян в звание дворовых.

4. Воспрещение присутственным местам совершать купчие, дарственные или какого бы то ни было другого наименования крепостные акты, по коим из владения одного

лица во владение другого переходили бы крепостные люди без земли в числе менее 50 наличных душ.

5. Введение некоторой гласности в делах о злоупотреблении помещичьей власти.

6. Немедленное исключение, не ожидая новой ревизии, из помещичьего оклада крестьян, отпущенных им на волю без земли.

7. Облегчение для вольноотпущенных приписки к обществам.

8. Допущение правительством некоторых отступлений от указа 2 апреля 1842 года в договорах, заключаемых между помещиками и крестьянами при отпущении последних в обязанные крестьяне.

9. Дозволение помещикам отпускать деревни свои в свободные хлебопашцы после смерти своей духовными завещаниями, и притом как в благоприобретенных, так и родовых имениях.

10. Дозволение почетным гражданам покупать имения помещичьи, заключая при этом с крестьянами договоры.

11. Искоренение по возможности беспоместного и мелкопоместного владения крепостными людьми.

12. Воспрещение банковским учреждениям впредь принимать вновь в залог и допускать перезалог имений, населенных крепостными людьми; и облегчение налога незаселенных земель в кредитных учреждениях.

13. В западных губерниях, где уже введены инвентари, поддержание их и дополнение некоторыми новыми постановлениями.

14. Поощрение владельцев всеми зависящими от правительства нравственными средствами к отпущению на волю крестьян в их имениях.

15. Допущение литературного обсуждения вопроса о крепостном состоянии, по крайней мере в повременных изданиях обществ сельского хозяйства и обращение на него внимания преподавателей политико-экономических наук в учебных заведениях.

1. Постановление от правительства нормальной цены, за которую каждый крепостной крестьянин в губерниях, где еще не введены инвентари, нашел бы право требовать отпущения своего на волю с семейством своим без земли.

Каждому мыслящему человеку, конечно, приходилось слышать самые разноречивые и всегда в ту или другую сторону пристрастные отзывы о крепостном состоянии. Между тем как одни, и особенно в последнее время, видели в нем якорь спасения для современного государства, выхваляя благотворное влияние его на ослабление нищенства и пролетариата и сопряженных с ними язв, другие с неумолимой строгостью порицают его, видя в нем произвольные оковы, наложенные на человечество, унижающие его достоинство, осуждающие его на вечную безысходную нищету, нравственную и вещественную. Не вдаваясь ни в ту, ни в другую крайность, мы осмелимся выразить то искреннее убеждение, что в настоящее время, при настоящей, к сожалению, вообще еще низкой степени развития у нас большинства народного, при искусственном вековом развращении его самим учреждением крепостного права, последнее является имеющим весьма неравномерное и неоднобразное действие на отдельных членов народа. Будучи в вещественном, и притом в одном только вещественном отношении учреждением отчасти благотворным для крестьянина необразованного, развратного и обленившегося, оно падает бременем невыносимым на каждого, кто сохранил и развил в себе искру света Божьего, кто хотя несколько воспитал себя духовно, кто трудом своим умел приобрести себе капитал и ощутил уже потребность и нужду в обеспечении против слепого произвола безответственной власти господина или приказчика его. Для такого человека узы крепостного быта не нужны, ибо они не представляют ему никакого вознаграждения за тягости свои, и нестерпимы, в особенности когда они соединяются с ежеминутными неизбежными стеснениями и неуравнительностями господской барщины. Самое наглядное благоразумие требует, чтобы государство поспешило, ради прочности самого учреждения, устранить эти зародыши брожения, дать им правиль-

ный, законный исход, перенести их в другую, более свободную сферу, где они могли бы без вреда и, напротив, с пользой для общества развиваться и получить разумное направление. Никого, хотя несколько знакомого с народным и хозяйственным бытом русским, конечно, не удивим мы, когда скажем, что в имениях земледельческих тягость барщины преимущественно падает на крестьянина исправного и лошадного; а в имениях оброчных крестьянин промышленный и денежный слишком часто представляет предмет постыдного торга владельцев, систематически притесняющих его, дабы вынудить его поделиться с ними нажитым капиталом, хотя бы под благовидным предлогом отпуска его на волю за огромную, разорительную сумму. С другой стороны, часто случается, что под влиянием непонятных предрассудков многие, даже и честные, и добрые владельцы ни за какие деньги не соглашаются даровать свободу нетерпеливо по ней вздыхающим и вполне достойным ее крестьянам. От правительства зависит без всякого нарушения прав частной собственности прекратить это зло и вызвать к гражданской жизни тысячи людей полезных. Закон должен установить известный *maximum*, выше коего помещик не имел бы права требовать с крестьянина своего за отпуск его на волю. Крестьянину не должно быть дозволено откупаться на этом основании на волю иначе, как без раздробления семейства. Раздроблением семейства должно быть признано ныне существующее легальное определение ононого; и сверх того должно быть постановлено, что во всяком случае нисходящие родственники не могут требовать отпущения своего на волю без прямых восходящих членов семейства. Крестьянин, желающий откупиться на волю, должен при прошении о том представить в местный уездный суд следующие с него деньги и немедленно после этого ставится законом под покровительство стряпчего на том же основании, как определено то о людях, отыскивающих свободы из крепостного состояния, с той только разницей, что паспорт ему должен быть выдан не по постановлении о нем решения в первой инстанции, а немедленно самим стряпчим по личном удостоверении последнего во взносе крестьянином

в уездный суд денег за выкуп на волю в потребном количестве, и притом в тот же самый день*. Стряпчий, в случае неправильности действий его, должен быть подвержен штрафу в пользу помещика, кроме ответственности перед начальством, и надзор за действиями его в сих делах должен быть возложен на уездного предводителя. Решение уездного суда, благоприятное для крестьянина, не должно подлежать апелляции помещика и должно считаться решительным; решение же, содержащее отказ в свободе крестьянину, должно подлежать тому же ходу, как и ныне существующие дела об отыскивающих свободу. Отпускная должна быть выдаваема присутственным местом крестьянину, невзирая ни на какие запрещения на имение помещика, ниже на залог и просрочку его в Опекунском совете, и без предварительного спрашивания согласия последнего. Но в случае залога имения, или частного или казенного запрещения, представленная крестьянином выкупная цена не выдается судом помещику, а отсылается им в Опекунский совет или Приказ общественного призрения.

Закон должен далее определить крестьянину один срок в году для предъявления суду законным порядком требования своего об отпуске его на волю. Срок этот должен быть, конечно, не слишком кратковременный и притом должен непременно приходиться в осень, когда хлеб с полей убран, работы полевые все кончены и крестьянину открывается свободное время для выезда из селения и перехода в другое место жительства, и, наконец, владельцу не может причинить расстройства выбытие из имения его нескольких тягот. Едва ли во всех этих отношениях найдется в году срок удобнее осеннего Юрьева дня, освященного древним нашим законодательством. Известно, что первый Судебник Иоанна III назначал для крестьянского

* Само собой разумеется, что все эти формальности должны быть постановлены лишь в ограждение крестьянина на тот случай, когда он мог бы от помещика своего или управляющего встретить препятствие в получении желаемой свободы; в случае же обоюдного согласия помещика и крестьянина закон должен устранить соблюдение всех вышеприведенных формальностей и предоставить первому право во всякое время выдавать крестьянину своему отпускную без вмешательства правительственных лиц.

отказа срок две недели до Юрьева дня осеннего и две недели по Юрьеве дне; второй судебник, Грозного, определил одну неделю до и одну неделю по Юрьев день.

Право выкупа на волю за известный *taximum* должно, по мнению нашему, быть предоставлено одним только крестьянам, а не дворовым людям, так как в последних, постоянно и близко обращающихся с господским имуществом, подобное право могло бы породить иногда гибельное искушение – присвоить себе вверенное им добро и достигнуть желанной свободы путем воровства. Вот почему для облегчения их участи осмеливаемся мы ниже предложить иную, более сообразную с положением их, меру.

Наконец, право выкупа без земли должно быть предоставлено, по мнению нашему, лишь крестьянам тех губерний, в коих не введены еще правительством инвентарные положения. В последних должны быть им предоставлены другого рода права, более сообразные с достигнутыми уже результатами, о чем подробнее также сказано будет ниже.

Теперь естественно возникает вопрос: как высок должен быть этот *taximum* выкупа крестьянского? Для того, чтобы предлагаемая мера была действительна, законный *taximum* не должен быть так высоко поднят, чтобы крестьянин мог потерять надежду трудолюбием и бережливостью когда-нибудь, хотя бы после многолетнего томления, осилить выплату его. Притом, конечно, не должно быть упускаемо из виду правительством, что назначение этого *taximum*'а постоянно должно быть рассматриваемо, как дарованное крепостному человеку средство законного исхода из первобытного своего положения, а не как благовидная мера для затруднения ему этого исхода, лишь только прикрытая ложной внешностью филантропического чувства. Подобная насмешка над лучшими чувствами человечества, конечно, немыслима в правительстве, сознающем свое высокое достоинство и назначение, и могла бы породить лишь последствия гибельные для общественного спокойствия. Назначенная от закона выкупная цена должна быть высока лишь настолько, насколько нужно это для обеспечения

за владельцем средней торговой ценности его имущества, которое от выкупа на волю крестьянина должно только видоизменяться в составе своем, а отнюдь не уменьшаться, и для обеспечения общества гражданского от внезапного наплыва на него массы новых полноправных граждан, несостоятельных и незрелых. Обе цели эти, конечно, вполне достигнут, если законом принят будет повсеместно по всей России однообразный *maximum во сто руб. сер.* за наличную душу мужского пола; *при мужчине женщина*, к тому же неразделимому семейству принадлежащая, *не должна платить ничего*; отдельная от семейства наличная женская душа должна быть оценена законом в половину против мужской*.

Наконец, выкупаясь на волю, крестьянин сохраняет право собственности на все свое движимое имение без исключения, а равно и на приобретенные им на собственные свои деньги, с разрешения помещика своего, земли; но усадьба его и посеянный на земле хлеб должны оставаться в пользу помещика.

Не лишним считаем мы здесь заметить, что назначение выкупа, однообразного по всей России, полезно в том отношении, что такое однообразие естественно устранил всякую возможную попытку помещиков, владеющих именьями в различных губерниях, причислять всех тех крестьян, коим средства их позволили бы отойти на волю, из имений тех губерний, где *maximum* выкупа был бы ниже к деревням своим в тех губерниях, где *maximum* этот был бы законом установлен несколько выше.

Сторублевый серебром выкуп крестьян, конечно, вполне обеспечивает помещика от всякого убытка, не говоря уже о губерниях хлебопашественных, даже и в северных приволжских промышленных губерниях; несомненно, что и в тех и в других

* Быть может, еще справедливее было бы соразмерить выкупную цену возрасту выкупающегося, составив, таким образом, целую лестницу цен, основанную средним числом на сторублевой оценке крепостной души; мы полагаем, что лестница эта должна представлять не более трех или четырех подразделений, а именно: мужчина от 18 до 50 лет может быть оценен во 150 руб. сер., мальчик от 14 до 18 лет – в 100 руб. сер., дети ниже 14 лет и старики свыше 50 лет – в 50 руб. сер.

выгодно отпускать крестьян по сто руб. сер. за душу, сохраняя усадьбу, землю, луга, леса. Исключения из этого общего правила будут редки и большей частью основаны на каком-либо злоупотреблении; и если выгоды, от подобного рода оборота истекающие, будут, бесспорно, на первый раз несколько менее в губерниях приволжских, чем в степных, то зато в первых скоро вознаградит помещиков быстрое распространение охоты крестьян к свободе и вследствие того несравненно большего количества крестьянских выкупов.

Не менее безосновательно было бы возражение, слишком часто наобум повторяемое, что подобная система скоро должна привести нас к пролетариату. Мысль эта, ныне сделавшаяся обиходной и служащая последним диалектическим убежищем для всех несостоятельных, и в особенности для недобросовестных защитников крепостного права, есть, без сомнения, одна из нелепейших, которой когда-либо удавалось овладевать умами людей. Если принять, что на основании нового закона в течение десяти лет могли бы выкупиться на волю в губерниях приволжских целые 20% крепостного народонаселения, а в прочих губерниях (за исключением тех, где уже введены инвентари) целые 10%, то и в таком случае, при таком поистине блистательном результате число крепостных людей в России, таким путем достигших свободы, дошло бы в течение десяти лет лишь до миллиона душ мужского пола или до двух миллионов душ обоего пола. Присоединив к тому всю массу ныне существующего городского народонаселения*, т.е. около 5 328 000 жителей обоего пола, мы получим все еще только 7 300 000 душ, т.е. менее 11% всего народонаселения России. Не такую пропорцию находим мы на Западе, который, следовательно, и не должен быть непрестанно приводим в пример для устрашения нашего воображения. Во Франции городское народонаселение составляет около $\frac{1}{3}$, а в Англии более $\frac{2}{3}$ всего

* Tengoborsky. Etudes, tome I, p. 150. Он включает сюда духовенство, дворянство, чиновников, временно проживающих в городах крестьян. Собственно же мещан и цеховых обоего пола только 2 773 416; теперь, вероятно, около 3 000 000.

народонаселения. В указываемых ему нами размерах пролетариат, можно сказать с твердой уверенностью, не только не вреден и не опасен, но даже совершенно для России необходим: пускай часть крепостных крестьян, незрелая для гражданской свободы и не умеющая купить ее себе собственным трудом, останется еще на время под опекой помещичьей власти, составляя вместе с государственными крестьянами обширное оседлое сословие; но без значительной массы зрелого, деятельного свободного населения, способного передвигаться туда, куда зовет его голос развивающейся промышленности, мануфактурной и земледельческой, не будет никогда в России фабрик, способных состязаться с Европой и удовлетворять отечественным нуждам в случае разрыва с Западом. Не разовьются никогда вполне и все громадные средства нашего степного земледелия, безотлагательно требующего себе ныне помощи многих и многих новых рук. В настоящее время вольный труд в России вместе и дорог до крайности, и крайне скуден по количеству предложения своего: последнее ясно доказывается теми невероятными усилиями, которых стоит привлечение к себе рабочих рук каждому вновь учреждаемому на коммерческой ноге производству фабричному и сельскохозяйственному, и которые вполне оценить может лишь человек, сам испытавший и прошедший чрез этот мучительный опыт. Дороговизна же труда (конечно, относительная – сравнительно с ценами производимых им предметов), кроме других доводов, может быть ясно доказана уже и тем замечательным явлением, исключительно принадлежащим России и нигде в иных землях не повторяющимся, что у нас несколько сословий, лишенных всякой собственности, живя единственно трудами голых рук своих, в состоянии этим путем не только прокормить себя, но еще сверх того уплачивать с труда своего огромнейший прямой налог, какого нигде не видано. Мы говорим о дворовых людях, по паспортам живущих, о мещанах и цеховых. Слишком известны огромные оброки, платимые первыми господам своим; мещанам не много лучше; для примера приведем повинности мещан московских, которые платят податей ежегод-

но по 6 руб. сер. с каждой души мужского пола, попавшей в ревизию, и сверх того берут паспорта; плакатный же паспорт стоит одной бумагой 1 руб. 45 коп. сер, а со всеми расходами обходится мещанину никак не менее как в 3 руб. сер.

В пользу допущения в отечестве нашем стесненного в благоразумные размеры пролетариата говорит еще и грозящая невозможность без помощи его сохранить по уничтожению крепостного права, хотя бы и в далеко уменьшенном количестве, значительные сельские хозяйства помещичьи. Между тем важность соблюдения их столько же очевидна, сколько очевидна и затруднительность продолжения им своего существования без помощи пролетариев при упразднении прежних барщинских средств: дельное помещичье хозяйство есть, бесспорно, лучший рассадник рационального хозяйства, единственный источник и единственное средство научного хозяйственного образования крестьян; только отсюда может крестьянин научиться пользе усовершенствованных орудий земледельческих, улучшенного скотоводства, более сложных севооборотов, хороших экономических построек. С другой стороны, почти все эти десятками лет постоянного труда и заботливости созданные и немалых капиталов стоившие усовершенствованные хозяйства помещичьи необходимо должны будут мгновенно упраздниться, по крайней мере на несколько лет, в случае единовременного полного освобождения всего крепостного сословия с наделением его значительным количеством земли; ибо несомненное внезапное вздорожание вольнонаемного труда, конечно, сделает на время всякую хозяйственную обработку значительных поземельных пространств невыгодной и, следовательно, невозможной. Одно лишь заблаговременное усиление этих вольнонаемных рабочих сил посредством образования сословия (не слишком многочисленного) свободных безземельных крестьян может спасти от угрожающего долговременного непроизводительного застоя обширные вещественные и умственные капиталы, начинающие теперь уже охотно скопляться в этих улучшенных помещичьих усадьбах и хозяйствах.

Не забудем далее следующих важнейших соображений.

Во-первых, бóльшая часть отпущенников останется на постоянном жительстве на прежних местах и будет по-прежнему нанимать земли у старых помещиков своих, если только последние на это согласятся; это явление повторится, конечно, не только в губерниях земледельческих, где крестьяне к хлебопашеству приобвыкли и трудно им от него оторваться, но в особенности в промышленных приволжских губерниях, где для крестьянина, идущего вдаль в заработок, слишком важно оставить жену и детей в знакомом ему месте, среди родных и давних соседей, где притом обилие лугов и лесов и важность для промышленного крестьянина центра, уже вполне развитого в промышленном и торговом отношении, всегда склонят отпущенника, невзирая на бедность почвы, к значительным жертвованиям, лишь бы не покидать вовсе родного края.

Во-вторых, от правительства зависит некоторыми косвенными мерами привязать отпущенников к стародавним оседлостям их, доставив владельцам возможность продавать им усадебные земли даже в таком случае, когда имения будут заложены: это может быть достигнуто посредством весьма немногосложных распоряжений, лишь бы кредитные учреждения, с крайним упорством всегда противящиеся выходящим из круга их ежедневной деятельности мерам, не забыли бы, что они созданы для пользы общества и государства и *должны соображать свои действия с общественными потребностями, а не общество для них создано, и не государство к ним приписано*. Стоит только в пользу вольноотпущенных сделать исключение из общего правила, воспреещающего отчуждение малейшего клочка земли из заложенного имения, дозволив помещику продавать таковую, но не иначе как вольноотпущенному из того же имения и с взносом каждый раз в кредитное учреждение хотя бы по 15 руб. сер. за десятину. Запрещение продавать на этом основании землю может быть сохранено лишь для имений до крайности малоземельных и, следовательно, слишком мало обеспечивающих кредитное учреждение, имеющих, например, менее 2 дес. на душу.

В-третьих, если даже за всем тем, вследствие предлагаемого нами нового закона, большое число отпущенников, особенно из губерний центральных, малоземельных, действительно покинули бы любезные себе жилища и родные урочища и пошли бы искать себе счастья в других, более привольных краях отечества нашего, то и подобный исход дела, конечно, не может быть почтен результатом бедственным: разумная справедливость требует, чтобы мы отнюдь не смешивали в понятиях наших нищего, голодного и безнравственного пролетария, ищущего лишь добыть себе *perfas et nefas** скудный кусок хлеба, от рачительного и умного крестьянина, умевшего в благородном поте лица, без всякой посторонней помощи, многолетними трудами снискать себе свободу, и который, следовательно, знает ей цену. Такой отпущенник всюду внесет с собою и чувство личного достоинства, и упорный труд, и практическое знание хозяйственного дела, и даже почти всегда уже готовый капиталец или, по крайней мере, умение скоро и честно его добыть. Дай Бог отечеству нашему побольше таких родных переселенцев: тогда сами собой процветут отдаленные степи наши завожские, прикубанские, таврические и новороссийские, и населятся не сонными татарами и не беспутными жидовскими колониями, а благородным русским племенем, с коим всюду внесутся Вера Православная и чувство народное. И куда бы ни вторглось тогда оружие западных держав, оно всюду встретит вместо готовых к измене татар русскую грудь и сердце русское.

В-четвертых, от правительства, без сомнения, зависит почти одновременно с дарованием крестьянам права одиночного выкупа из крепостного состояния открыть в больших или малых размерах распродажу пустопорожних казенных земель мелкими участками, так чтобы приобретение их сделать доступным новым отпущенникам. Для этого должны быть назначены в продажу казенные земли не только в отдаленных губерниях, но еще и пустопорожние оброчные статьи в тех средних губерниях, где с самого начала сильнее обнаружится стремление крестьян

* Правдами и неправдами (*лат.*). – Прим. ред.

воспользоваться новым им дарованным правом выкупаться на волю. Все эти назначенные в продажу земли должны быть предварительно разбиты на небольшие участки различной величины сообразно местному удобству, и каждый должен быть снят особо на план; должно быть также дозволено желающим покупателям складываться и покупать большие участки вместе в нераздельное общее владение свое. Половина покупной цены каждого участка может, если купивший пожелает, быть оставлена за ним в долгу на правилах обыкновенных банковских ссуд. Словом, должны быть предоставлены приобретателям из крестьян все возможные удобства и льготы к свободному приобретению и беспрепятственному пользованию продаваемыми казенными участками. Таким образом, легко может быть достигнута троякая цель: во-первых, облегчение вновь выкупившимся на волю помещичьим крестьянам приобретения себе новой прочной оседлости, во-вторых, более согласное с выгодами народного богатства употребление ныне втуне лежащего и часто почти мертвого капитала, представляемого государственными имуществами; в-третьих, открытие для правительства нового источника почти неиссякаемых богатств и средств для позднейшего приведения к концу дела освобождения крепостного сословия через справедливое вознаграждение владельцев.

Наконец, *в-пятых*, скажут нам: правительство решительно полагает чрезвычайную важность в сохранении между крестьянами общинного начала и общественной собственности и не признает ни малейшей выгоды для государства в учреждении, даже в предлагаемых нами благоразумных размерах, сословия свободных безземельных крестьян. Мы далеки от мысли оспаривать выгоду, представляющуюся при упразднении власти помещичьей над крепостными их людьми от сохранения неприкосновенным того начала общинного управления, которое бесспорно глубоко коренится в нравах и свойствах нашего народа и может при таком перевороте служить лучшим ручательством соблюдения общественного спокойствия. Мы, напротив, несравненно менее веруем в безусловное совершенство общественного владения землей и смеем думать, что с

дальнейшим развитием гражданственности, умножением народонаселения и возвышением поземельной ценности наши сельские общества, сохранив лишь общинное управление, покинут сами собой эту первообразную, несовершенную форму владения поземельного и путем естественного свободного развития дойдут до более или менее общего приложения понятия о частной собственности. Тем не менее каково бы ни было наше личное воззрение на сей предмет, но, во всяком случае, предлагаемая нами мера одиночного выкупа из крепостного состояния весьма легко может быть согласована с вышеприведенным воззрением правительства: стоит только постановить, что откупающиеся на волю из крепостного состояния крестьяне должны непременно приписываться к обществам казенных крестьян, и дозволить им бесплатную приписку к ним везде, где на каждого казенного крестьянина приходится более трех десятин на душу; приписка к городам может быть воспрещена вовсе или, по крайней мере, затруднена законным наложением на каждого приписывающегося в мещане значительного единовременного взноса в пользу городского общества.

Само собой разумеется, что это должно во всяком случае относиться до одних крестьян, а не до дворовых людей.

Таким образом, заветное начало ныне существующего общинного устройства не будет нарушено; вышедшие на волю крепостные крестьяне, оставив свое общество, немедленно перейдут в другое, столь же твердо и, быть может, еще тверже организованное; переменятся лишь имена и местоположения некоторых обществ; самое же начало общинное сохранится свято и неприкосновенно. Неужели и этого слишком мало? Неужели для спасения России необходимо, чтоб крестьяне непременно продолжали жить в сельских обществах, носящих названия – например, села Иванова, Павловска и проч.? И неужели погибнет Россия, если те же крестьяне перейдут в близлежащие другие сельские общества, на тех же началах живущие, но носящие лишь другие названия? Мы этому с трудом поверим!

Из всего вышесказанного кажется ясно, что установление законной, обязательной для помещика цены выкупа на волю

крепостных крестьян есть бесспорно эмансипационная мера, наиболее благоприятствующая развитию в народе всех лучших нравственных начал: чувств трудолюбия, бережливости и истинного сознания человеческого достоинства; неисчислимы те благие семена, которые непременно разовьет в сердце простолюдина подобный закон, единожды усвоенный себе народом и оправданный перед ним в жизни несколькими наглядными примерами. Во сколько может быть вредно для общества внезапное облечение в полную гражданскую правомерность людей, к тому не приуроченных собственным внутренним своим развитием и ничем не умевших заслужить этой высокой чести, – в такой же точно мере, с другой стороны, выгодно и честно для государства приобретение массы новых полноправных граждан путем собственной их заслуги и труда.

Но, кроме нравственного характера своего, предлагаемая нами мера отличается еще практическим своим характером и согласием своим с народной жизнью и обычаями нашими. Обычай выкупаться на волю при первой к тому возможности не переводился никогда у нашего крепостного крестьянина. В последнее время примеры стали еще значительно учащаться, чем большей частью должен быть объясняем и тот любопытный факт современной статистики, что в промежуток времени между 8-й и 9-й ревизиями цифра крепостного народонаселения не только не увеличилась, но еще и уменьшилась, между тем как все прочие сословия в государстве получили значительное приращение*.

Нам известны даже примеры приложения к целым именьям ныне предлагаемой нами меры: так, например, удалось нам слышать в селе Ивановском графа Дмитрия Николаевича Шереметева, что несколько лет тому назад, вследствие разрешения графа всем желающим выйти на волю со взносом за себя по 1000 руб. сер. за душу, этой льготой воспользовались многие жители тамошние, и все почти остались жить на родине своей. Граф Алексей Алексеевич Бобринский в тульском

* По 8-й ревизии считалось крепостных людей 10 807 439 душ, а по 9-й – 10 595 999.

имении своем уже давно дозволил всем желающим крестьянам выкупаться на волю, взнося за себя только по 100 руб. сер. за душу; графские крестьяне утверждали нам, что, невзирая на крайне легкий оброк, платимый ими на отличные заработки, доставляемые им Михайловским свеклосахарным заводом, на предоставляемую им полную свободу в промыслах и истинно благодетельное управление ими, нашлись, однако, даже и между ними охотники до свободы, и что было бы их вдесятеро более, если бы граф согласился продавать отпущенникам своим сколько-нибудь земли, хотя бы и за дорогую цену. Они говорили нам, что из вотчины их вышло более 100 душ, из которых часть перешла жить на кавказскую линию, а часть продолжает жить в имении, нанимая землю от конторы; другие же прискивают купить земли по соседству.

Слышно, что граф Бобринский недавно еще уменьшил выкупную цену; понизив ее, кажется, до 75 рублей сер. за душу. Нам известны еще два небольшие имения тульской губернии*, бывшие на барщине, где введено подобное положение, и выкупная цена назначена за душу от 60 до 100 руб. сер., глядя по числу взрослых мужчин в семействе, и где притом уплата выкупной суммы рассрочивалась на два и на три года для облегчения крестьян; нам известно, что в одном из этих имений из 124 первоначальных тягол откупилось до 70, и из них почти все до сих пор живут на господской земле, нанимая ее уже более 10 лет; в другом из 90 тягол выкупилось 40 и также продолжают жить в имении.

В заключение вспомним, что предлагаемая нами мера не есть произвольная выдумка частных лиц, но уже давно принята и освящена не только иностранным**, но и нашим отечественным законодательством, положившим его в основание учреждения имений ведомств удельного и коннозаводского: за крестьянами обоих этих ведомств закон признает право испра-

* Оба имения эти состоят в Веневском уезде. Одно из них принадлежит составителю этой записки; другое – матери его.

** Французское правительство законом 18 июня 1845 года ввело ее в американских своих колониях, где она увенчалась совершенным успехом.

шивать себе увольнение, взнося за себя 1500 или 600 руб. сер. за душу, смотря по тому, желают ли они перейти в купечество или в мещанство (Св. Зак. Изд. 1842 г., I, III, IX, т., 488 и 489). 1004 и 1005 статьи того же тома утвердили существующий в Грузии, в сущности, сходный с этим обычай: там крестьянам, принадлежащим к продаваемому по несостоятельности помещика с публичных торгов имению, предоставляется право приобретать свободу, заплатя самим за себя последнюю состоявшуюся на торгах за таковое имение цену, или, в случае неявки желающих торговаться, дозволяется крестьянам внести за себя полную по оценке сумму. Притом это же самое правило распространено в Грузии как на крестьян, продаваемых одними помещиками другим частным образом, в составе целых имений или деревень, так и на отдельных крестьян или дворовых людей, продаваемых вышеозначенным образом без земли.

В 1847 году, под влиянием впервые значительно именно в то время распространившихся у нас толков о пользе дарования от правительства крестьянам права откупаться на волю из крепостного состояния за известный *taximum* взноса, было издано узаконение, распространившее и на Россию грузинский обычай. К сожалению, из него взята была составителями нового закона для применения к России часть именно самая не практическая. Разрешено было крестьянам имений, продаваемых с публичных торгов, в течение месячного срока выкупаться на волю в полном составе имения; отдельно же продаваемым лицам право это предоставлено не было. Само собой очевидно, что при всем благом желании правительства подобная мера не могла принести никакой пользы: ясно, что для крестьянина возможен лишь одиночный выкуп. Выкуп же целым селением всегда останется ему недоступен, ибо предполагает существование у крестьян весьма значительных капиталов, чего, конечно, нет и быть не может, и к тому же всегдашнее согласие крестьян богатых выплачивать выкупную сумму за беднейших без всякой надежды на возврат ее. Поэтому и мера эта, вскоре обнаружившая полную свою непрактичность, должна была быть отменена правительством.

Тем не менее, конечно, очевидно каждому, что неудавшийся опыт отнюдь не может служить к опровержению меры, предлагаемой нами.

2. Дарование дворовым людям права по достижению 35-летнего возраста требовать безвозмездного отпущения своего на волю.

Мы уже выше упомянули причину, по которой, по мнению нашему, не должно быть предоставлено дворовым людям права за известный выкуп требовать увольнения своего из крепостного состояния. Для них должен быть изобретен особого рода исход из этого*. Для этого предоставляются два способа.

Во-первых, могло бы быть постановлено законом, что, начиная с известного срока, все вновь нарождающиеся младенцы этого сословия с рождением своим приобретают и свободу. Метода эта была приложена к черным невольникам в некоторых американских колониях. Мы смеем думать, что она

* В таблице, составленной г. Корсаковым, вычисленной им по сведениям, доставленным из каждой епархии Св. Синода за 1835 г. и помещенной в материалах для статистики, изданных по Высочайшему повелению 1841 года, Показано число дворовых мужского пола 1 124 546 душ, женского пола – 1 181 820. Напротив, официальные показания 9-й ревизии представляют нам только следующие числа: 521 939 душ дворовых мужского пола и 513 985 женского. Разница обеих цифр, как видно, изумительна.

Причину этого странного разногласия мы думаем найти в нижеследующих обстоятельствах: во-первых, в должности дворовых людей весьма часто в великороссийский губерниях определяются ребята из больших крестьянских семей, которые на деле переходят совершенно в господские дворы, продолжая, однако, по ревизским сказкам числиться при семьях своих в крестьянстве.

Во-вторых, в Малороссии и Новороссийском крае особых дворовых почти вовсе нет, и все почти дворовые числятся в крестьянстве, весьма часто вместе с дворовой службой своей продолжая и крестьянский посев свой.

Поэтому, думаем мы, сведения гражданского правительства обнимают лишь тех из дворовых, которые издавна состоят таковыми; напротив, в синодальных сведениях приходскими священниками, коротко знающими истинное состояние каждого из духовных детей своих, включены в число дворовых людей и все новобранцы из крестьян, хотя бы они даже продолжали официально числиться при семьях своих. Вот почему мы смеем думать, что синодальные сведения точнее гражданских. Мы думаем даже, что с 1835 года число дворовых значительно еще усилилось.

представляет значительные неудобства: она обуславливает освобождение человека, которое, по мнению нашему, всегда должно покоиться на основании нравственном, одним рождением, т.е. фактом совершенно не зависящим от какой-либо личной заслуги, отчуждает детей от родителей их; лишает детей в самый трудный и опасный период их возраста и развития благодетельного призрения владельца, никакими материальными выгодами уже более не побуждаемого к правильному их соблюдению и воспитанию; наконец, вводит в гражданское общество и облакает гражданской полноправностью юношей незрелых, а не людей, приобвыкших к послушанию и порядку.

Именно поэтому предпочитаем мы и осмеливаемся предложить второй способ, по мнению нашему, несравненно более целесообразный.

Мы думаем, что несравненно лучше было бы законом даровать каждому дворовому человеку право по достижении им 35-летнего возраста требовать немедленного безвозмездного отпущения своего на волю. Мы думаем, что вместе с ним должны получать свободу и все дети его, не достигнувшие совершеннолетия. Само собой разумеется, что 35-летний дворовый человек, не желающий воспользоваться свободой, не должен быть к тому принуждаем. Но впоследствии ему должно быть предоставлено право в положенный законом ежегодный срок возобновлять свое требование, ежели он того пожелает. Сроки для предъявления требования на свободу и прочие формальности должны быть одинаковы как для дворовых людей, так и для крестьян, с той только разницей, что в случае подачи дворовым человеком прошения в уездный суд о выдаче ему отпускной, он не обязан представлять ни выкупной цены, ни даже свидетельства о рождении, так как суд о годах его может всегда навести справку в местном казначействе.

Мы думаем, что такое постановление, благодетельное для дворовых людей, не нарушит существенных выгод помещиков и вместе с тем будет достаточно для ограждения общества от наводнения его негодьями. Дворовый, пробывший у помещика своего до 35-летнего возраста и не заслуживший во все это вре-

мя отдачи своей в рекруты, конечно, вперед уже расплатился с помещиком своим за даруемую ему свободу и представляет обществу изрядное ручательство нравственности. К тому же он вступает в такие года, где уже более начинает радеть о своей семье, чем о выгодах владельца, для которого, следовательно, утрата его становится менее чувствительна. Тем более что домашняя расправа с ним в случае худого поведения день ото дня представляет все более и более затруднений. С другой стороны, можно быть заранее уверенным, что дворовый человек, имеющий в виду безвозмездное отпущение свое на волю в 35 лет, конечно, усугубит усердие свое, дабы не подпасть до желанного срока гневу владельца и не быть отданным в рекруты.

Остается лишь одно спасение, а именно: что сами помещики станут систематически сбывать в солдаты своих дворовых до достижения ими этого возраста. Не отвергая безусловно возможности частных злоупотреблений, мы смеем, однако выразить убеждение, что нравственное чувство, невольно привязывающее нас к лицам, постоянно нас окружающим, представит лучшее и несомненное ручательство против обобщения подобного поступка. К тому же запрещение комплектовать дворовых людей из сословия крестьянского поневоле заставит помещиков несравненно более дорожить первыми, а следственно, и лучше с ними обходиться.

3. Решительное запрещение как во время народных переписи или ревизий, так и между ними вновь переводить крепостных людей из звания крестьян в звание дворовых.

Мы вполне убеждены, что в настоящую минуту слишком было бы преждевременно, затруднительно и даже невозможно ближе определить отношения крестьян к помещикам и точнее соразмерить натуральные и денежные повинности, правимые первыми в пользу последних, с выгодами, им от них предоставляемыми. Мы теперь еще считаем невозможным даже совершенное единожды навсегда легальное отделение от господских полей участков крестьянских (Bauerland), и полагаем, что во всех этих отношениях лучшим покуда обе-

спечением для крестьян может служить местный обычай и доньше еще не вполне исчезнувшая нравственная мягкость взаимной связи владельца крестьянином, подкрепленные бдительным надзором правительства и введением, как мы постараемся изложить ниже, некоторой гласности в делах о злоупотреблении помещичьей власти. Тем не менее нам кажется совершенно необходимым решительное запрещение, как во время народных переписей или ревизий, так и между ними, вновь переводить крепостных людей из звания крестьян в звание дворовых людей. В пользу этой меры убеждаемся мы следующими соображениями.

Во-первых, нравственный уровень крестьянина вообще стоит несравненно выше нравственного уровня дворового человека; это легко объясняется более развитым в крестьянине чувством собственности, его домовитостью, непосредственно лежащей на нем ответственностью за благосостояние всего семейства; наконец, непрерывным участием его в мирской сходке; именно поэтому и всякий переход крестьянина, даже самого бедного и нерадивого, в дворовые не может быть рассматриваем иначе, как нравственным для него падением; для нравственного достоинства крестьянина выгоднее было бы даже при безлошадии потерять пахотную землю, остаться при одной избенке и огороде и с них править трехдневную пешую барщину, лишь бы не утратить крестьянства и привычки к собственному крову.

Во-вторых, одним решительным воспрещением перевода крестьян во двор может быть только положен предел всегда присущему искушению помещика распространять свою запашку и хозяйство за счет запашки и хозяйства крестьянского, и таким образом косвенно, хотя, конечно, только приблизительно, достигается цель многотрудного учреждения отдельного Bauerland. Если бы даже владелец, лишенный законом права переводить крестьян в свой двор, решился прибегнуть к хитрости и стал убавлять число тягол, для присвоения себе чрез то части крестьянской земли, то и в таком случае, скажем мы смело, миру будет легче, чем при переводе крестьян в дворо-

вые; ибо крестьяне приобретут, по крайней мере, значительное число затыглых, для которых станет доступен всякий вольный промысел на стороне и принесет им выгоды, несомненно существеннейшие, чем скудный кусок хлеба за барской застойной.

Наконец, в-третьих, мера эта принадлежит к числу тех наглядных практических мер, которые, будучи однажды предписаны законом, действительно осуществляются при самом поверхностном наблюдении высшего начальства.

К сожалению, невозможно сказать того же о многих других, с первого взгляда более обещающих, но по существу своему осужденных если не вечно, то по крайней мере слишком долго оставаться в области законодательной теории и правительственного самообольщения.

4. Воспрещение присутственным местам совершать какого бы то ни было наименования крепостные акты, по которым из владения одного лица во владение другого переходили бы крепостные люди без земли в числе менее 50 наличных душ мужского пола.

Торговля крестьянами на своз без земли представляет, бесспорно, одну из самых темных сторон крепостного права. Против нее рано уже восстал законодатель; мы не можем отказать себе в удовольствии привести подлинные слова указа, данного Правительствующему Сенату в 1721 году апреля 15 бессмертным Петром, которого, конечно, никто не упрекнет в излишней филантропической чувствительности. «Обычай был в России, – говорит великий государь, – который и ныне есть, что и крестьян, и деловых, и дворовых людей мелкое шляхетство продает врознь, кто захочет купить как скотов, что во всем свете не водится, и наипаче от семей – от отца или от матери дочь или сына помещик продает, отчего немалый вопль бывает: а Его Царское Величество указом эту продажу людям пресечь; а если невозможно будет того вовсе пресечь, чтобы хотя по нужде и продавали целыми семьями, а не порознь, и о том бы при сочинении нынешнего уложения, как высокоправительствующие гг. сенаторы заблагорассудят».

Благая мысль Петра осуществилась отчасти лишь в царствование в Боге почившего государя Николая Павловича, указами 1833 года мая 2 и 1841 января 2, решительно воспретивших продажу крепостных людей с раздроблением семейства. Кроме того, указом императора Александра I, перешедшим в 998 статью IX т. Св. Зак., воспрещено было публиковать о продаже крестьян на своз. К сожалению, столбцы прибавлений к «Московским Ведомостям», уже лет восемь непрерывно испещряемые подобными публикациями, свидетельствуют о несоблюдении такого постановления.

Таким образом, продажа крепостных людей на своз ныне существует еще как явление в полной мере законное. В пользу ее говорит только одно обстоятельство – это трудность, не прибегая к этому средству, заселить обширные степи, со всех сторон опоясывающие Россию. Мы не хотим отвергать важности подобного довода, а потому, невзирая на все страшные и безнравственные явления, бесспорно сопровождающие законное существование подобного обычая, мы осмелимся пожелать лишь одного – чтобы положены были, по крайней мере, решительные преграды постыдной торговле рекрутами, которая, к несчастью, слишком часто порождается законной возможностью продавать и покупать людей на своз без земли, не стесняя, впрочем, последнего рода сделок, когда есть нравственное основание думать, что они действительно имеют целью население пустых пространств.

Мы смеем думать, что этого легко достигнуть посредством вышеприведенной нами меры.

Нельзя не отдать полной справедливости добросовестным стараниям правительства прекратить торговлю рекрутами, уже заклеянную императрицею Екатериною II и осмеянную Фонвизиним. Таким образом, между прочим, в 1844 г. вышел указ, запретивший представлять для сдачи в рекруты людей, купленных до истечения целого года со времени перечисления в вотчину, за которую они ставятся. К сожалению, закон этот ввел в некоторый убыток крестьян, покупающих за себя рекрут, заставив их лишний год кормить и поить по-

купаемых людей, и послужил лишь к вящему развращению последних, в течение целого года безнаказанно предающихся гнуснейшему распутству, обыкновенно поощряемому купившими людей хозяевами и сельскими начальниками. А между тем, так называемые охотники продолжали и продолжают поныне покупать и продаваться для представления в рекруты. Во всех лучших имениях промышленных приволжских губерний редкий достаточный крестьянин ставит сына своего в рекруты, последние всегда покупаются от мелкопоместных владельцев, иногда даже в юном возрасте, и в таком случае вскармливаются в хозяйской семье, заведомо готовясь к появлению в рекрутском присутствии немедленно по миновании двадцатого года. При всеобщности обычая и невозможности для крестьянина иным путем, хотя бы и со значительнейшими пожертвованиями, исправить за сыновей своих эту тягостную повинность, самому человеколюбивому помещику становится невозможным отказать крестьянам своим в доверенности для покупки на своз без земли людей, по прошествии года обращаемых в рекруты. Он немедленно прослыл бы бессмысленным притеснителем в глазах подданных своих: ибо последние мало стали бы ценить филантропию его, не спасающую крестьян мелкопоместных соседей их от той же продажи в рекруты в другие руки, а их самих осуждающую на отправление натурой невыносимейшей для них повинности*.

* В биографии А. И. Кошелева, т. II, стр. 85, читаем следующую заметку из его журнала: «17 марта (1851 года). В четверг 15 и в пятницу 16 провели мы вечера – первый у Хомякова, а второй у князя Черкасского, и единственный разговор был – уничтожение крепостного права. Главный предмет спора: я требовал между нами безусловного запрещения продажи и покупки людей, Хомяков отстаивал покупку для переселения из малоземельных во многоземельные губернии, князь Черкасский – для отдачи в рекруты за оброчные имения (курсив в подлин.), т.е. не он покупает и получает от того выгоды, но крестьяне под его именем. При этом Черкасский сказал, что он того мнения, что цель освящает средства. Это сказано было так, что я несколько изменил мое мнение насчет его». Прилагаем эту выписку к настоящему §, который поясняет мысли, высказанные в этом споре, и истинный смысл, вероятно, несколько резко сказанных Черкасским слов, от которых покорило А. И. Кошелева. – Прим. издателя в издании 1901 года.

Правительству легко убедиться в справедливости сказанного нами, истребовав из местных казенных палат – Владимирской, Ярославской, Нижегородской и других – сведения о поставленных в рекруты людях за многие лучшие имения в этих губерниях в течение последних 20 годов. Мы убеждены, что во многих вотчинах $\frac{3}{4}$ рекрут окажутся сданными из людей купленных и исключением явятся, быть может, лишь последние два или три набора, по значительности своей вскоре истощившие заготовленные запасы квитанций и заставшие многих зажиточных крестьян совершенно врасплох.

Единственное практическое средство прекратить зло, это запрещение совершать какие бы то ни было крепостные акты, при которых из владения одного лица во владение другого переходили бы крепостные люди без земли в числе менее 50 наличных душ мужского пола. Таким постановлением нимало не стеснится колонизация степей: ибо кто покупает людей для населения ими пустопорожных земель, того и собственная выгода заставляет приобретать их не поодиночке, платя за них в таком случае слишком высокую цену, но целым уселком из малоземельных имений с платой за них и с имуществом их не более как по 30 руб. или 40 руб. сер. за душу. Такого покупателя на своз крестьянских душ предлагаемый нами закон не стеснит нимало; но зато он сделает решительно невозможной всякую покупку людей для сдачи их в рекруты, ибо куда денется покупатель, которому нужно только 3 или 4 рекрута с остальными 46 или 47 душами? Очевидно, подлог сделается невозможен; разве только для огромных имений тысяч в пять или шесть душ, ставящих за раз не менее 25 или 30 рекрут. В таких размерах злоупотребление сделается много реже и местной правительственной власти всегда легко будет его изболочить.

5. Введение некоторой гласности в делах о злоупотреблении помещичьей власти.

Если правительство, движимое чувством доверия к дворянству, соглашается сохранить еще за ним на время

прежние права его над крепостными людьми, то, с другой стороны, ему невозможно не усугубить бдительности своей и наблюдения над образом употребления этой власти. Этот контроль над действиями помещиков производится ныне частью через избранных из среды их предводителей, частью через правителей и чиновников коронных. Мы смеем думать, что он до тех пор не принесет желанных плодов, пока не поручен будет новому, беспристрастному, доселе отчасти избегаемому судье: судья этот – само общество, общественное мнение. В деле общественных язв и пороков общественное мнение, могущее смело и ясно высказаться, есть единственный возможный ценитель: приговоры его неподкупны, власть его признается всеми, решения его никакой земной властью отменены быть не могут. Мы полагаем, что суду этого беспристрастного ценителя всякого добра и зла должны быть по возможности подвергнуты все обнаруживающиеся явления злоупотребления помещичьей власти. Мы полагаем, чтобы для этого все подобные поступки должны были обсуждаться гласно всеми газетами и журналами. Нимало: в стране, где закон признает крепостное состояние за факт правомерный, подобная безграничная свобода обсуждения явлений его была бы, конечно, безрассудна. Но само дворянское общество, каждые три года официально созываемое для выборов, представляет уже весьма достаточную и, конечно, не могущую быть заподозренной в излишне либеральном духе среду гласности.

Достаточно будет на первый раз, если правительство предпишет губернским предводителям на каждом губернском дворянском съезде в первые же дни собрания представлять дворянству подробный отчет о всех случаях злоупотребления помещичьей власти, доходивших в продолжение истекшего трехлетия до рассмотрения депутатского собрания. А так как губернский предводитель может какими-либо соображениями быть отклонен от представления отчета вполне добросовестного, то необходимо, чтоб вместе с тем представлена была дворянству другая подобная же записка от

имени начальника губернии с изложением всех тех случаев, которые дошли до его рассмотрения. Обе записки эти должны быть за счет дворянства напечатаны в достаточном числе экземпляров, чтобы каждый из приехавших на съезд дворян мог получить таковой. Наконец не худо бы было потребовать, чтобы начальник губернии и губернские предводители обязаны были доставлять по одному экземпляру записок своих к министру внутренних дел, которого высший контроль может также отчасти воспрепятствовать преднамеренному в них искажению фактов или сокрытию их.

б. Немедленное, не ожидая новой ревизии, исключение из помещичьего оклада всех крестьян, отпускаемых на волю без земли.

Первое основание этому положено уже указом 1830 г. марта 19, перешедшим в 771 ст. IX т. Св. Зак., по которой крестьяне, отпущенные помещиком даже и не целыми селениями в свободные хлебопашцы, должны быть исключаемы платежом податей из-за тех помещиков, за коими они в окладе состояли записанными. Указом же 1846 г. это же самое, поистине благотворное распоряжение распространено и на отпускаемых на волю без земли дворовых людей, поскольку число отпущенников не превышает 10% всего количества ревизских душ в имении.

Закон этот, бесспорно, значительно подвинул вперед дело увольнения дворовых людей. Мы смеем думать, что распространение этого же правила и на крестьян, и притом в каком бы они числе ни были на волю отпускаемы, было бы истинным благодеянием для них и более подвинуло бы дело эмансипации, чем какая бы то ни было иная мера. Оставление вольноотпущенников в помещичьем окладе до новой ревизии полагает ныне непреодолимые почти препятствия к освобождению крестьян своих владельцу, исполненному даже ревностнейшего желания совершить это доброе дело, и притом не столько страшит его обязанность несколько лет сряду платить за выбывших крестьян денежные подати, сколь-

ко необходимость править за них всякого рода натуральные повинности и в особенности рекрутство. Вот почему, пока нынешнее законоположение не будет отменено, невозможно будет ожидать и увольнения людей из крепостного состояния в значительных размерах.

Против справедливости предлагаемого нами изменения, ясно сознанной и самим правительством, как видно из выше-приведенных двух указов, конечно, никто спорить не станет; а потому и доказывать ее считаем мы излишним. Возражения могут касаться лишь стороны практического его осуществления: говорят, что немедленное исключение из помещичьего оклада отпускаемых на волю крестьян при значительном усилении числа отпущенников лишит правительство значительного дохода и может значительно сократить число рекрут, доставляемых наборами.

На это возразим мы следующее: во-первых, назначение новой народной переписи или ревизии всегда исключительно зависит от воли самого правительства; самая ревизия не стоит правительству почти ни копейки денег и хлопот весьма мало; притом в случае замеченного усиленного увольнения крестьян из крепостного состояния может всегда новая ревизия быть назначена для одних помещичьих крестьян, не распространяя ее на прочие сословия; наконец, чем чаще производятся переписи, тем выгоднее это для казны и тем уравнильнее становится для податных сословий раскладка податная; следовательно, ничто не мешает правительству возобновлять переписи гораздо чаще, чем это делалось доньше, и тем избегать уменьшения податных окладов своих; во-вторых, весьма целесообразно было бы обязать законом вольноотпущенных приписываться непременно к какому-либо обществу никак не далее как через пять лет после получения ими свободы, облегчив им вместе с тем сами средства приписки; такую пятилетнюю льготу считаем мы совершенно необходимой для ознакомления вольноотпущенного со своим новым бытом и для доставления ему возможности установить прочным образом свой новый род жизни. Тогда крайний предел убытка,

терпимого правительством от немедленного исключения из помещичьего оклада каждой отпускной души, не будет превышать потерянных подушных денег, т.е. 4 руб. 50 коп. сер. с души, или, в других словах, правительство каждому увольняемому из крепостного состояния крестьянину сделает косвенное вспомоществование, ни в каком случае не превышающее 4 руб. 50 коп. сер. на душу; поистине, такое пожертвование со стороны казны должно быть названо совершенно ничтожным, и лучшего употребления средств своих ей, конечно, невозможно было бы сделать.

С другой стороны, уменьшение числа рекрут, доставляемых наборами, не может быть ни в каком случае значительно; если бы даже число увольнений из крепостного состояния могло прийти в течение 5 лет до громадной цифры 500 000 душ, то и тогда в последний этого пятилетия набор не достало бы только 2500 или 3000 рекрут, которых и легко, и всегда справедливо было бы разложить на всю массу народонаселения империи: с каждых 8000 ревизских душ пришлось бы назначить по одному лишнему рекруту.

7. Облегчение для вольноотпущенных приписки к обществам

С последним вопросом находится в тесной связи облегчение для вольноотпущенных приписки к обществам. Доказательство им к тому удобных средств тем более необходимо, что обязанность приписываться налагается на них в интересе чисто государственном, ради облегчения правительству государственной и финансовой администрации, и что упущение приписки в положенное законом время влечет за собою тяжкое наказание*.

* Отпущенный на волю лично, без земли, обязывается избрать определенный образ жизни в состоянии городских или сельских свободных обывателей и причислиться по оному в какое-либо звание, не далее как при первой после увольнения его ревизии; если же кто из вольноотпущенных при ревизии ни в какое состояние не запишется, то из них взрослые и годные определяются в военную службу, а неспособные отсылаются на поселение (Св. Зак., т. IX, ст. 1069).

Между тем вольноотпущенный при выполнении законного требуемого от него обряда приписки постоянно встречает сильнейшие затруднения и подвергается разорительной проволочке и расходам. Нам часто случалось слышать, что приписка вольноотпущенного к казенному селению обходилась ему рублей от 150 до 200 сер., т.е. почти столько же, а иногда и более, чем само увольнение из крепостного состояния. Немало расходов влечет также за собой приписка к иным городским обществам, несмотря на то, что город не имеет собственности, подобно казенному селению, и что вступающий в городское общество получает чрез то лишь участие в общественных городских расходах, не приобретая никаких материальных выгод. Само собой разумеется, что немалая часть этих разорительных расходов по приписке к обществам не идет впрок и последним, заключаюсь большей частью в поминках делопроизводителям и так называемых харчах.

С другой стороны, и сами общества, большей частью выплачивая казенные подати за недоимщиков, часто бывают принуждены при принятии в среду свою новых членов обеспечивать себя заранее против возможной их впоследствии несостоятельности. Таким образом, одно зло неизбежно порождает другое, и поднятый нами вопрос в сущности находится в теснейшей связи со всем внутренним устройством податных обществ и может быть окончательно разрешен лишь с преобразованием их самих и ныне существующей в них раскладки казенных податей и общественных сборов.

Впрочем, и теперь уже, до наступления коренного переворота, может быть значительно облегчена участь приписывающихся вольноотпущенников: для этого должен быть законом определен максимум того, что дозволяется каждому обществу требовать за приписку, со вменением каждому обществу в непременную обязанность немедленно приписать просителя, представившего в оное правительством определенную наивысшую сумму, и со снятием с самого просителя всякой ответственности в случае, если бы и затем общество в установленный срок не приняло его в среду свою.

8. Допущение правительством некоторых отступлений от указа 1842 года апреля 2 в договорах, заключаемых между помещиками и крестьянами при поступлении последних в звание обязанных крестьян.

Указ 1842 года апреля 2 не имел никаких практических последствий; причина такого бесплодия его теперь ясно признается всеми:

Во-первых, общественное мнение, приписывая, быть может, и совершенно ошибочно некоторые задние мысли законодателю, отказалось следовать за ним по указанному пути, как бы страшась, чтобы два-три сколько-нибудь удачных опыта не повлекли за собою обязательного повсеместного введения нового учреждения.

Во-вторых, указ сей, подражая в этом отношении старому Положению о свободных хлебопашцах, окружил заключение договоров такой бездной формальностей и проволочек, что уже этого одного достаточно было бы, чтобы отбить и у владельцев, и у крестьян всякую охоту к заключению их. Достаточно будет упомянуть, что всякий такой договор должен восходить на рассмотрение министерства и от него должен быть повергаем на Высочайшее Государя Императора утверждение. Кроме того, из каждой проходимой ими инстанции договор может быть возвращаем договаривающимся сторонам для пополнения и исправления согласно замечаниям рассматривающего лица. Очевидно, такой сложный порядок едва ли мог бы быть соблюден, если бы, как должно желать, подобные договоры заключались часто. Мы смеем думать, что окончательное утверждение их могло бы с великой пользой быть предоставлено начальникам губерний, всегда близко знакомым с ходом и сущностью дела.

Но третья и главная причина несостоятельности вышеприведенного узаконения, это совершенная в силу его необеспеченность помещика в возможности взыскать с обязанных крестьян следующие ему платежи и повинности. Закон в этом отношении выразился самым неопределенным образом, предоставив владельцу в случае неисправности крестьян обратиться к земской полиции с требованием о понуждении их. Общественное мне-

ние растолковало дело так – и на сей раз, кажется, безошибочно – что неисправности со стороны крестьян, ничем не побуждаемых к точному отправлению повинностей своих, окажутся немедленно, и что земская полиция, состоящая в каждом уезде лишь из десятка чиновников и почти стольких же рассыльных и лишенная всякого законного указания на какой-либо специальный способ взыскания, окажется бессильной к пресечению зла.

Итак, прежде всего должно обеспечить владельца, снабдив его каким-либо специальным средством взыскания следующих ему по договору повинностей с крестьянина неисправного. Как бы мы ни стали умудряться над разрешением этой трудности, мы должны с полной откровенностью сознаться, что она добросовестно может быть разрешена лишь одним образом – предоставлением помещику естественно принадлежащего ему права удалять неисправного крестьянина со своей земли. Только этим способом может быть соблюдено в своей целостности признанное законом право владельца на свою землю, как на неотъемлемую собственность, и, скажем более, только им может быть достойно сохранена нравственность крестьянина, его свободные отношения к владельцу и к общине своей.

Мы не станем отвергать, что пользование владельца этим правом ссылать с земель своих недоимщиков должно быть окружено некоторыми предосторожностями и ограничениями. Лучшими почитаем мы следующие: во-первых, владелец не должен ссылать обязанного крестьянина, покуда последний не задолжает полного годового платежа; во-вторых, обществу обязанных крестьян должно быть предоставлено, будь оно захочет, внести за ссылаемого крестьянина всю числящуюся за ним сполна недоимку, и в таком случае владелец уже лишается права требовать удаления его из имени*.

* Сосланному владельцем с земли своей обязанному крестьянину должен быть предоставлен законом девятимесячный срок для приписки к какому-либо обществу на том же основании, как предоставляется это Св. Зак. (т. IX, ст. 1082 и т. V, ст. 414) людям, без земли отчуждаемым из помещичьего владения в казенное; и на том же основании должно быть также поступлено с ним в случае, если обязанный в вышеупомянутый девятимесячный срок, он не припишется вновь куда-нибудь.

На таких условиях, думаем мы, договоры с крестьянами могли бы быть заключаемы, и быть может они постепенно вошли бы в обычай, преимущественно в губерниях промышленных. Вообще же, при установлении столь новых и столь сложных отношений, договаривающимся сторонам должен быть предоставлен возможно больший простор; и их отнюдь не следует стеснять наперед установленными произвольными формами.

9. Дозволение помещикам отпускать деревни свои в свободные хлебопашцы после смерти своей духовными завещаниями, и притом как благоприобретенных, так и в родовых имениях своих.

Если вообще справедливо, что увольнение крестьян из крепостного состояния, и притом прочным образом, с наделением их достаточным количеством земли и угодий, едва ли может быть достигнуто иначе, как с некоторым пожертвованием со стороны владельца, то мы невольно недоумеваем, встречая в законе запрещение владельцам увольнять крестьян своих в свободные хлебопашцы по духовным завещаниям. В самом деле, едва ли встречается в жизни человека минута, когда он более готов бывает ко всякой жертве на пользу ближнего, ко всякому доброму делу, как та страшная минута, когда начинает он помышлять о близком конце своем, о продолжительной жизни своей, не увенчанной ни малейшим подвигом на пользу страждущей братии, трудами своими питавшей его столько лет; когда, наконец, естественно должна родиться в нем мысль, что, вероятно, и наследники его так же проживут жизнь свою в безопасности, и так же мало, как и он сам, сделают в пользу крестьян. В эти последние торжественные минуты жизни своей, когда и само пожертвование становится человеку несравненно легче, ибо не сопряжено с лишением без того уже ускользающих от него благ, в эти минуты, говорим мы, не один человек решился бы искупить пустоту своей жизни увольнением в свободные хлебопашцы, посредством духовного завещания, верно служивших ему во всю жизнь крестьян своих. Между тем

законодатель, вызвавший к жизни это новое учреждение свободных хлебопашцев и следственно, без сомнения, считающий его полезным и долженствующий бы заботиться о быстрейшем его распространении, этот самый законодатель закрывает самый обильнейший источник увольнения крепостных крестьян в это звание. Мы невольно недоумеваем о причинах, могущих его к тому побудить; невозможно предположить, чтобы его к тому подвинуло желание сохранить в дворянских семьях имения родовые, ибо в 773 ст. Свода сказано, что запрещается увольнение в свободные хлебопашцы духовным завещанием даже и хотя бы эти крестьяне принадлежали к благоприобретенному имению; следственно, закон не то имел в виду; да и цель такая была бы слишком мелка. Невозможно также, чтобы законодатель желал этим предупредить насилдование воли умирающего владельца окружающими его крепостными людьми, ибо мы имеем форму завещания, вполне обеспечивающую от возможности подобного насилия, — это завещание от крепостных дел: следственно, естественнее было бы, не воспрещая вовсе увольнения крепостных людей в свободные хлебопашцы духовными завещаниями, постановить только, что завещания такие должны быть совершаемы от крепостных дел. Если к тому побудило правительство опасение невозможности соблюсти при совершении духовного завещания всех формальностей, сопровождающих обыкновенный увольнительный акт в свободные хлебопашцы, то проще было бы, как мы уже и выше сказали в отношении к обязанным крестьянам, устранить эти самые формальности, большей частью ненужные; единственная же необходимейшая формальность — удостоверение в том, что крестьяне с благодарностью приемлют волю завещателя — могла бы быть выполнена и по смерти последнего.

Наконец, и расчеты с кредитными учреждениями в случаях, когда имение заложено, не должны бы были служить препятствием: для кредитного учреждения, обеспеченного свидетельством гражданской палаты, залог во всяком случае достаточен; и если крестьяне по смерти завещателя изъявляют согласие принять на себя уплаты банкового долга,

то никакого дальнейшего затруднения ни для кого быть не может. Остаются, следственно, только два случая, в коих воля завещателя может встретить затруднения к осуществлению своему: 1) когда имение завещателя обременено долгами частными; 2) когда завещатель предоставил крестьянам в собственность не всю землю, заложенную в кредитном учреждении, но только часть ее. Ввиду последнего случая правительство, от которого кредитные учреждения находятся в совершенной и полной зависимости точно так же, как и все прочие присутственные места, легко может заранее установить известный размер земли, необходимый для обеспечения как долга кредитного учреждения, так и благосостояния крестьян, предоставив завещателю всей излишней затем земель распорядиться по собственному произволу. Если ж завещатель обременен частными долгами, законодатель, имея в виду вящее утверждение частного кредита, конечно, поступит с полным благоразумием, не признавая в таком случае воли завещателя, или наложив на нее какие-либо ограничения, которые весьма легко могут быть придуманы.

Во всяком случае, уничтожение воли завещателя по причине чрезмерных частных долгов будет лишь редким исключением из общего правила, которому, без всякого сомнения, немалое число крепостных людей без малейшего пожертвования от правительства и без всякого сотрясения общественного быта будут обязаны неоцененными благами свободы и собственности.

10. Дозволение почетным гражданам покупать имения помещичьи, заключая с крестьянами договоры.

Быстрое развитие в течение последних 35 лет отечественной промышленности и торговли положило начало образованию у нас богатого и уже многочисленного среднего сословия, отчасти получившего даже от покойного государя корпоративное устройство под именем почетного гражданства.

В руках наших почетных граждан и купцов ежедневно скапливаются значительные капиталы и, без сомнения, охот-

но и с немалой пользой для государства были бы направлены ими на оживление земледелия, изнемогающего от всеобщего дворянского безденежья, если бы не препятствовало тому население почти всех земель крепостными людьми, владение коими составляет исключительное преимущество дворянского сословия. С открытием этого нового обширного поприща для деятельности среднего сословия немедленно процвели бы земледелие и скотоводство, подкрепленные значительными, часто втуне лежащими капиталами, возвысилась бы ценность поземельной собственности и, без сомнения, улучшилось бы и благосостояние самого дворянства. Кроме того, правительство легко могло бы при этом достигнуть еще и другой косвенной, но тем не менее важной цели постепенного увольнения крестьян из крепостного состояния, дозволив почетным гражданам покупать имения помещицы с тем, чтобы при этом заключаемы были у них с крестьянами договоры. Мы твердо убеждены, что подобные сделки быстро распространились бы особенно в промышленных округах, где купечество и без того уже владеет многими фабриками и дачами. Такие исключительно основанные на взаимных выгодах договоры представили бы готовые типы для договоров между помещиками и их крестьянами и имели бы, бесспорно, решительное влияние на постепенное любовное разрешение занимающего нас вопроса.

II. Искоренение по возможности беспоместного и мелкопоместного владения крепостными людьми.

Если власть господ над крепостными людьми, вверенная лицам по состоянию своему и образованности заслуживающим доверия правительства, может во многих случаях быть названа благотворной опекой и представляет достаточное ручательство благосостояния крестьян, то, с другой стороны, трудно найти явление, менее соответствующее успехам современного просвещения и истинным пользам народа, чем допущенное доныне законом владение крепостными людьми беспоместное и мелкопоместное. В первом случае оно, бесспорно, является уже чисто личным рабством. Почти всегда тот же характер носит

и второго рода владение крепостными людьми; всем известно, что мелкопоместные дворяне, имеющие не более 20 душ, и весьма часто еще менее, вообще не наделяют их поземельными участками, но кормят их за свою застольной и, сами не всегда надеясь досыта, далеко находятся не в состоянии содержать их удовлетворительно, хотя бы даже и сами того желали. Излишне было бы говорить, что бедность и сопряженное с ней невежество, в коем безвыходно коснеет мелкопоместное дворянство, грубость нравов, развивающихся в нем под влиянием гнетущих обстоятельств, и бесчеловечное воззрение на людей, как на домашний скот, делают быт последних в подобной среде вполне и безусловно невыносимым. Не благотворней действует возможность владеть рабами и на самих мелкопоместных дворян, развращая их еще более, чем растлеваются нравы их крепостных людей. Мелкопоместные дворяне отчуждаются всеми мелкими интересами своими от окружающего их общества и государства, делаются ненужными и большей частью вредными членами его и всем бытом своим позорят честь своего сословия и растрavляют без того уже слишком живые язвы вскормившего их крепостного состояния. Между тем число крестьян, принадлежащих им, страшно велико; Тенгоборский в сочинении своем о России приводит следующие цифры, извлеченные из статистических таблиц Кеппена и основанные на данных 8-й ревизии:

а) Крепостных людей, принадлежащих однодворцам, 10 978 душ мужского пола.

б) Крепостных людей, владеемых в числе 20 или менее душ, – 450 037 душ мужского пола, принадлежащих 58 457 помещикам*, т.е. на каждого владельца приходится средним числом $7\frac{7}{10}$ душ. Из этого числа 450 037 душ, по показаниям того же Кеппена, 62 378 душ находится во владении дворян вовсе без земли; за ним собственного крестьян мелкопоместного с землей владения окажется 388 000 душ мужского пола. Цифры

* Достоинно замечания, что эти мелкопоместные владельцы составляют более половины всех помещиков в России, число коих вообще простирается до 109 318.

эти, теперь довольно уже общеизвестные, красноречивее всяких доводов. Какое же найти врачевание для этого зла?

Скажем прямо: без некоторого денежного пожертвования со стороны казны или правительства оно невозможно тем более, что при совершении этого истинно благодетельного переворота правительство должно постоянно иметь в виду две цели; во-первых, не искать конечного разорения бедного мелкопоместного дворянства, и без того уже удрученного нищетой, но всячески стараться облегчить для него тяжкий в его жизни переворот, хотя бы с некоторыми жертвованиями со стороны правительства, или, в других словах, – со стороны всего общества, интересам коего приносятся, таким образом, в жертву личные выгоды мелкого дворянства; во-вторых, тщательно проследить, чтобы при совершении этого преобразования положение крепостных людей мелкопоместного дворянства от резкости правительственных мер или небрежения казенных чиновников не было ухудшено вместо того, чтобы улучшиться.

Такое отягчение их участи непременно воспоследовало бы, например, если бы дозволено было беспоместным или мелкопоместным дворянам продать своих крепостных людей без земли; ибо в таком случае, без всякого сомнения, почти все годные из них к военной службе будут немедленно по уменьшенным ценам проданы в рекруты, и отечество наше на время представит печальное зрелище обширного торжища человеческой крови. Словом, предлагаемое преобразование должно быть совершено с полным уважением ко благоприобретенным правам мелкопоместного дворянства и с практическим сознанием выгод и нужд крепостного народонаселения.

Для этого мы предлагаем нижеследующие меры: во-первых, для крепостных людей, владеемых без земли, и для крепостных людей, принадлежащих однодворцам, которые по существу своему должны быть подведены под один разряд с первыми, правительство, признав за каждым крестьянином право выкупаться из крепостного состояния за известную плату, имеет несомненное право и само выкупать его на волю

за ту же сумму; в таком случае оно является лишь посторонним лицом, ссужающим крестьянину эти деньги на известных условиях. Итак, правительство, издав закон о *maximum* крестьянского выкупа, приобретает тем самым право немедленно объявить свободными всех крестьян, без земли владеемых, под условием платы за них из казны владельцам по 100 руб. сер. за душу. Если правительство пожелает приступить к освобождению этих людей до издания закона о наивысшей цене выкупа на волю или, если издавши последний, оно назначит *maximum* более высокий, так что пожертвование, исчисленное на этом новом основании, окажется слишком для него значительным, то в таком случае легко может быть найдено иное основание для исчисления вознаграждения, следуемого владельцам, по которому цифра необходимого пожертвования казны будет еще несколько ниже первоначально нами предложенной, а именно: правительство может тогда объявить, что, находя беспоместное владение крепостными людьми совершенно не совместным с современными требованиями общества и государственной пользой, оно обращает на таком праве владеемых крепостных людей в казенное ведомство с удовлетворением за них из казны владельцев по низшей оценке, установленной для писания крепостных актов, т.е. по 90 руб. сер. за душу. Оценка эта, и по совести неразорительная для владельцев, не будет лишена законного основания, ибо если она признается законом достаточной для крепостных людей, отчуждаемых с землей, хотя бы и в худших губерниях России, то тем справедливее будет она в приложении к крепостным людям, владеемым все без земли. Уволенным таким образом людям из крепостного состояния должно быть предоставлено право приписки к ближайшим от прежних мест их приписки обществам казенных крестьян и городским без согласия последних на том же основании, как предоставлено это некоторым лицам в IX т. Св. Зак., ст. 495, 496, 497, 648, 649. Само собой разумеется, что тем из них, кои пожелают на собственный счет приписаться к какому-либо обществу по собственному избранию, это должно быть предоставлено сходственно с 414 ст. IX т. Св. Зак.

Что же касается, во-вторых, до крестьян мелкопоместного дворянства, владеемых с землей, то мы полагаем, что правительство прежде всего должно объявить свою решительную волю единожды и навсегда, в видах государственной пользы, прекратить это мелкопоместное владение крепостными людьми и для этого постановить пятилетний срок помещикам, владеющим менее чем 21 душою, для продажи имений своих таким дворянам, кои владеют не менее как 100 душами. Вместе с тем должно быть повелено, чтобы впредь населенные крепостными людьми имения, состоящие ныне в составе более ста душ, ни под каким видом не могли быть дробимы на участки менее ста душ, а теперь уже не достигающие этой цифры имения не должно быть вовсе дозволено раздроблять далее; и притом то и другое – под страхом немедленного отбирания таких участков в казну по цене, установленной для писания крепостей. Те же самые последствия должны быть объявлены и для всех ныне существующих имений, не превышающих 20 душ, которые в пятилетний срок не будут проданы помещикам, владеющим не менее как ста душами. Все таковые имения, по истечении пяти лет отобранные в казну, могут быть приписаны к ближайшим казенным селениям и обществам, и вновь приобретенные в казну крестьяне уравниваются с последними в пользовании угодьями и платеже податей и повинностей.

Мы убеждены, что если бы даже часть мелкопоместных владельцев не воспользовались бы пятилетней льготой, и казна была бы принуждена оставить за собою имения их по объявленной цене, то она в общей сложности не осталась бы в убытке, ибо оброчная подать с приобретенных ею крестьян должна с лихвой покрыть проценты с пожертвованного ею капитала. Таким образом, вознагражденное пожертвование казны будет состоять единственно из каких-либо 7 300 000 руб. сер. за увольнение из крепостного состояния по 100 руб. сер. за душу 62 000 душ без земли владеемых людей, и около 11 000 душ крестьян однодворческих. Не полагаем, чтобы такое поистине ничтожное пожертвование, принесенное во имя священнейших прав человечества и существен-

нейшей выгоды государства – нравственности общественной – могло показаться кому бы то ни было несоразмерным со средствами Российской империи.

Для полноты считаем мы долгом упомянуть здесь, что предложенная нами цель уничтожения беспоместного и мелкопоместного владения крепостными людьми, конечно, может быть достигнута еще и иным, не налагающим на казну никакого денежного пожертвования путем: правительство может на основании того всеобщего почти факта, что крестьяне, владеемые в числе менее 21 души, никогда не наделяются от владельцев своих земель, – признать их дворовыми людьми и как таковых подчинить действию предлагаемого нами для последних постановления о безвозмездном их увольнении без земли из крепостного состояния по достижении 35-летнего возраста. Впрочем, мы сами считаем такой способ увольнения их гораздо несовершеннее вышеизложенных нами, как потому, что он более нарушает благоприятные права и без того бедного мелкопоместного дворянства, так и потому, что таким образом самое дело увольнения крестьян сих отсрочено было бы на неопределенное и продолжительное время.

12. Воспрещение банковским учреждениям впредь принимать вновь в залог или допускать перезалог имений, населенных крепостными людьми.

Если бы правительство решилось привести в исполнение все вышеприведенные предлагаемые нами 11 мер для постепенного искоренения крепостного состояния, то уже в первое десятилетие могли бы быть, без сомнения, достигнуты важные результаты.

Мы полагаем, что вероятные эти результаты могут довольно безошибочно быть оценены и изображены следующими цифрами.

Во-первых, крестьян, имеющих, вероятно, в течение первого десятилетия воспользоваться правом выкупа на волю за известный *taximum* можно, как мы выше видели, предположить 1 000 000 душ мужского пола;

во-вторых, дворовых, по достижении 35 лет имеющих безвозмездно получить свободу с несовершеннолетними детьми, из 1 182 000 душ несколько менее половины всего количества, т.е. 500 000 душ мужского пола;

в-третьих, беспоместно владеемые и однодворческие крепостные крестьяне должны быть выкуплены на волю казной все, т.е. 73 000 душ;

в-четвертых, из мелкопоместно владеемых в числе менее 21 души может после 5-летнего льготного срока остаться в руках казны около половины, т.е. 185 000 душ мужского пола;

в-пятых, почетными гражданами будет приобретаемо ежегодно и обращено в обязанные крестьяне или свободные хлебопашцы около 50 000 душ ежегодно, а в течение 10 лет до 500 000 душ мужского пола;

в-шестых, дозволение отпускать крестьян в свободные хлебопашцы духовными завещаниями должно возвысить ежегодное число отпускаемых до 30 000, а в 10 лет до 300 000.

Итого в течение 10 лет должно вероятно из крепостного состояния выйти на волю, с землей или без земли, до 2 567 000 душ мужского пола.

Такой результат, даже только приблизительно достигнутый и притом с самыми незначительными пожертвованиями со стороны казны, уже сам в себе был бы весьма блистателен.

Но если бы и за всем тем предполагаемый успех мог бы показаться слишком медлен, то от правительства опять зависело бы дать еще сильнейший толчок делу посредством новой законодательной меры, которая, конечно, имела бы сильнейшее влияние на поощрение владельцев к добровольному преобразованию отношений их к крепостным крестьянам. Правительству стоит только воспретить банковским учреждениям, у которых* ныне состоит в залоге до 6,5 милл. душ помещичьих крестьян) принимать вновь в залог или допускать до перезалога имения, населенные крепостными людьми. Мы убеждены,

* К 1 января 1856 года состояло в залоге душ: в опекунских советах 5 393 272; в государственном заемном банке – 635 522; и еще несколько сот тысяч в приказах.

что не пройдет тогда полного 37-летнего срока залога имений, и вся масса помещичьих имений без всякого видимого приращения преобразуется на новый лад сама собой, единым влиянием вызванной к деятельности и зрело обдуманной воли самих владельцев.

На предлагаемую нами меру мы предвидим лишь одно существенное возражение, а именно то, что привыкшие скопляться в банках русские капиталы вследствие значительного временного сокращения помещичьих займов не найдут себе правильного употребления, и, переполнив банковские кладовые, сделаются для всех наших кредитных учреждений невыносимым бременем.

Возражение это, конечно, вполне устраняется следующими соображениями.

Во-первых, в случае временного сокращения помещичьих займов казна не перестает являться, как уже и ныне бывает, самым верным и настоящим потребителем излишних в банках лежащих вкладов. Она в таком случае может с пользой употребить их для приобретения в пользу кредитных учреждений значительных паев в железных дорогах и иных промышленных предприятиях, вызвать к жизни которые всегда зависит от воли самого правительства. Паи в правильно задуманных линиях железных дорог обеспечат, конечно, банковских вкладчиков не хуже помещичьих имений; а Россия от развития нового, не початого еще источника богатства получит, без сомнения, выгоды, немаловажные во всех отношениях.

Во-вторых, не менее полезно было бы, с другой стороны, воспользоваться таким временным скоплением капиталов в кредитных учреждениях для совершения давно предлагаемого и доселе вследствие разных опасений постоянно откладываемого уменьшения процентов, платимых банковским вкладчикам.

Проценты эти легко могут быть убавлены с 4%, на 3%; между тем, полезно было бы продолжать взимать со старых банковских дольщиков 6%; пять же процентов брать лишь с закладываемых вновь или вновь перезакладывающих свои имения, и чьи земли уже более не заселены крепостными

людьми. Такое уменьшение процентов в пользу владельцев, вошедших с крестьянами своими в какие-либо добровольные сделки, послужило бы для них, без сомнения, немаловажной премией. Впрочем, отказ в кредите владельцам, упорно стоящим за свое старое крепостное право, непременно должен сопровождаться другой мерой, а именно оценкой земель и постановлением правил для выдачи из всех кредитных учреждений ссуд на незаселенные земли в размерах, по крайней мере соответствующих, если не превышающих ныне допускаемые ссуды под залог имений заселенных. Иначе владелец, отпустивший на волю крестьян своих, будет справедливо считать себя обиженным сравнительно с теми, которые удерживали свои владельческие права.

И теперь уже в высшей степени несправедливо то, что незаселенные земли не принимаются в залог под ссуду денег в опекунских советах, пользуясь в этом отношении лишь тощими средствами приказов общественного призрения; это ни на чем не основанное исключение их из круга благотворной деятельности опекунских советов настоятельно требует скорой и полной отмены своей

13. Поддержание инвентарей в тех западных губерниях, где они уже введены, и дополнение их некоторыми новыми постановлениями.

Считая вообще правильное введение и добросовестное выполнение инвентарей делом в России почти невозможным, мы, тем не менее, смеем выразить надежду, что правительство, однажды употребив столько усилий для введения их, и отчасти, хотя в слабой мере, достигнув целей своих, не прекратит их действия в тех западных губерниях, где они теперь уже существуют и где окончательно почва для них во всех отношениях благоприятнее, чем в губерниях великороссийских. Отступление от них в настоящую минуту не могло бы не иметь плачевных последствий, поколебав в основании своем чувство доверия к правительству и благодарности крестьянского народонаселения западных губерний, которое есть лучшее и са-

мое прочное основание там русского владычества и русского влияния. Но, с другой стороны, уже одно поверхностное рассмотрение введенных в действие инвентарей заставляет нас увериться, что необходимо их дальнейшее развитие и исправление не в выгоду которой-либо одной из тяжущихся сторон, но в видах правильнейшего соблюдения пользы обоюдной и правильного развития народного богатства. Указание необходимых отдельных изменений должно, конечно, быть возложено на местные комитеты и местных специальных людей; со своей стороны мы осмеливаемся указать только на один пропуск, низводящий, по нашему мнению, ныне существующие инвентари на степень мелкой ученической полумеры, не заключающей в себе никаких семян будущего могущественного благотворного развития. Мы смеем думать, что существеннейшую принадлежность всякого правильно составленного инвентаря, где бы ни был последний введен – в имениях ли помещичьих, или государственных, или удельных – составляет законное определение того денежного капитала, единовременной уплатой которого владельцу своему крестьянин может освободить себя и все потомство свое от исправления в пользу его барщинских повинностей или ежегодного платежа ему оброка и обратить в полную себе частную собственность участок земли, дотеле владимой им на тягло или на душу на праве временного пользования.

Впоследствии правительство может предоставить себе право еще более споспешествовать подобным операциям учреждением для крестьян вспомогательных земских банков и обращением на пользу низшего сельского сословия могучего действия финансового начала погашения (*amortissement*). Но во всяком случае везде, где уже действует правильный инвентарь, где, следовательно, могут с несомненной верностью быть исчислены и оценены вещественные, рабочие или денежные ежегодные послуги, исправляемые селянином в пользу землевладельца, там правительство должно признать за крестьянином, трудолюбием и бережливостью умевшим нажить себе деньги, право капитализировать ренту, уплачи-

вать капитал этот владельцу и самому восходить таким образом на степень полноправнейшего гражданина, независимого вотчинника. Только путем такого усовершенствования ныне существующих инвентарей может в тех губерниях, где они введены постепенно, без всякого насильственного переворота, образоваться крепкое, самобытное, истинно полезное для государства сословие крестьян-вотчинников; только таким образом может быть простолудин поощрен к труду и бережливости указанием ему близкой и всегда возможной для него награды. Иначе инвентарь является лишь бессмысленным яблоком раздора между помещиком и крестьянином, непрестанным поводом к неразрешимым их между собой столкновениям, учреждением обоюдно безнадежным и безвыходным, не представляющим ни помещику правильного обеспечения его собственности и ренты или дохода, ни крестьянину достаточного поощрения к развитию его трудолюбия и бережливости и надежды на прочное улучшение его материального и политического благосостояния.

14. Поощрение владельцев всеми зависящими от правительства нравственными средствами к отпущению на волю крестьян в их имениях.

Мы изложили в последовательном порядке все те положительные законодательные меры, которыми правительство может и, по мнению нашему, должно содействовать делу освобождения крестьян из крепостного состояния, те вещественные разнообразные облегчения и льготы, которыми, с одной стороны, оно может отчасти умалить убытки, необходимо сопряженные с подобным хозяйственным переворотом для владельцев, с другой же – побудить крестьянина и поощрить его к мужественному напряжению всех сил своих для приобретения себе свободы путем личного труда.

Во всем вышеизложенном правительство, постановив известные правила, однажды начертав их для руководства частных лиц, остается за сим если не равнодушным, то, по крайней мере, спокойным зрителем грядущих результатов,

ожидаю лишь от возбужденной общественной самодеятельности оправдания своих надежд и предначертаний.

Но этим не ограничивается задача, выпавшая, по мнению нашему, на долю правительства; ему предлежит еще иная цель, иная задача: ему предстоит сделаться нравственным руководителем убеждений общественных в этом столько важном и столько сложном вопросе, ибо подобный руководитель в этом деле для нашего общества необходим. Историческими условиями новейшей русской жизни правительство поставлено во главе движения общественного: трудно в настоящее время какой-либо важной общественной мысли окрепнуть, развиться и принести скорые плоды, если она не найдет себе твердой и несомненной опоры в правительстве, если последнее не будет ей сочувствовать и не выразит этого сочувствия своего ясным и несомненным образом. В особенности справедливо это, говоря о мысли преобразования сельских крепостных отношений, мысли, естественно имеющей себе столько отъявленных и жарких врагов в кругу самого образованного общества и враждебно сталкивающейся в нем с самыми животрепещущими, жизненными интересами – вещественными выгодами помещиков и сословными предрассудками дворянства. Далеко еще не всеобще стало у нас верование в необходимость преобразования крепостного состояния; изумительно малочисленен еще тесный кружок людей довольно отважных, чтоб принять вызов правительства, когда он воспоследует, и готовых смело выступить вперед по тернистому пути личных опытов в этом трудном деле, сопряженном с возможностью убытка денежного и несомненностью общественного неблагоприятного расположения к нововводителям.

Мы полагаем, что в настоящее время здесь-то именно начинается постоянно деятельная роль правительства, его нравственное участие в деле эмансипационном, его вполне законное на него влияние: ему предстоит, не выражая всенародно и гласно ни малейшей торопливости к осуществлению мысли своей, стараться путем убеждения и просьбы склонять к преобразованиям в имениях своих значительнейших из помещиков-

душевладельцев, преимущественно из непосредственно окружающих престол; с теми же просьбами и убеждениями должно оно обращаться и ко всем тем из жителей губернских, которые, хотя бы они жили и вдали от столиц, по нравственному характеру своему, уму или богатству успели приобрести себе влияние в обитаемых ими местностях; слово государево, благодаря Бога, у нас в России еще так сильно и так искренно и глубоко уважено, что оно легко может произвести в обществе многое, что бессильны произвести и безличный закон, и самая суетливая деятельность начальства. Мы твердо уверены, что ласковое пригласительное слово в устах государевых, обращенное к приближенным его лицам и ко всякому не законному в предрассудках дворянину, заключает в себе самом более чарующей силы, чем все в мире указы, и станет для русского человека более убедительным доводом, чем всевозможные отвлеченные суждения и числительные доказательства. Само собой разумеется, что подобная политика тогда только принесет полную дань обильных плодов, когда она сопряжена будет с неуклонной последовательностью, когда не допущено ею будет себе противоречия в действиях отдельных начальств, когда, наконец, единожды склонившимся к нововведению лицам не будет ни в каком случае угрожать внезапная перемена воззрения правительства на дело эмансипации, способная лишить их пред обществом лучшей их нравственной опоры. Только при существовании всех этих условий возможен полный успех; но при существовании их успех несомненен, чтобы прославить царствование.

15. Допущение литературного обсуждения вопроса о крепостном состоянии, по крайней мере в повременных изданиях обществ сельского хозяйства, и обращение на него внимания преподавателей политико-экономических наук в учебных заведениях.

Наконец, не довольствуясь одним непосредственным воздействием и влиянием своим на более близких к себе лиц, правительство может и должно еще искать лучших средств

к постепенному распространению в самом обществе, в среде дворянской, в читающей публике здравых экономических понятий и постепенно готовить само общественное мнение к разумному и свободному восприятию начатых и готовых в близкой будущности сословных преобразований. Нет сомнения, что верование в пользу и возможность дальнейшего существования крепостного права покоится у нас не на одном только сознании вещественных выгод, проистекающих из оного для сословия помещиков, но еще и на превратных и в высшей степени ложных экономических понятиях, к сожалению, глубоко укоренившихся и донныне преобладающих в обществе нашем. Против подобных ложных теорий и хозяйственно-научных предубеждений указы и учреждения бессильны: мрак невежества может быть рассеян лишь светочем науки. Верования, коренящиеся в сознательном убеждении, могут быть искоренены лишь столько же сознательным научным опровержением старого ложного взгляда. Словом, правительство должно здесь неминуемо призвать в помощь своей материальной силе силы духовные науки, просвещения, свободной мысли. Во-первых, во всех тех ученых и учебных заведениях, где ценой значительных денежных пожертвований содержит оно преподавателей и кафедры политико-экономических наук, где образуется цвет русского дворянства, где обучаются юноши, призванные впоследствии сами владеть крепостными людьми и занимать почетнейшие места в государственном управлении или, по крайней мере, в свою очередь передавать будущим поколениям здравые начала науки и гражданского просвещения, – во всех этих заведениях, говорим мы, должно быть вменено преподавателям в строжайшую обязанность подробно рассматривать экономические условия крепостного состояния и указывать слушателям своим вредное влияние этого учреждения на народное богатство. Таким образом, постепенно образуется новое поколение, не только готовое сочувствовать, но еще и умеющее содействовать благим видам правительства к освобождению крестьян, поколение, которого юношеские,

но искренние и горячие убеждения не останутся и в семейном кругу без медленного, но зато верного влияния на людей старших годами. Тогда исчезнет также это безобразное, исключительно России принадлежащее явление множества юношей, в особенности из высшего аристократического круга, или коснеющих в тупоумном и зловещем равнодушии к живейшему вопросу русской современности, или с ранних лет своих научившихся более или менее искренно ненавидеть всякое в этом деле задумываемое правительством преобразование и противопоставлять ему наследованную от отцов то апатическую, то озлобленную политику бездействия и голословного осуждения.

Во-вторых, необходимо допущение в благоразумных размерах литературного обсуждения вопроса о крепостном состоянии для возможного уяснения всех сторон его людям уже взрослым, самой, собственно, так называемой публике.

Сколь полезно подобное печатное рассмотрение всякого важного общественного вопроса, близко знакомого публике и всеми точками своими ее соприкасающегося, в том уже и само правительство наше имело случай убедиться в предшествующее царствование, без сомнения, обязанное успехом специального размежевания единственно введению всех подробностей сей меры в область свободного литературного обсуждения. Все образованные помещики в то время взяли за перо и спешили в разных хозяйственных изданиях уяснить дело отсталым и путем дельного практического суждения убедить их в пользе правительственных требований. Все подробности последних были со всех сторон свободно рассмотрены и оценены, образовалась по поднятому вопросу целая литература, бесспорно остающаяся замечательным памятником тогдашней эпохи. И дело это, в высшей степени трудное, как по сложности своей, так и по сцеплению своему со всеми материальными интересами, будучи ясно сознано обществом, вскоре увенчалось блистательнейшими последствиями. Да послужит это примером и поощрением и для настоящего времени. На первый раз можно было бы,

не делая вопроса о крепостном состоянии предметом общей журнальной полемики, дозволить всем ныне существующим обществам сельского хозяйства помещать в повременных изданиях своих, преимущественно читаемых помещиками, лучшие ими рассмотренные рассуждения о крепостном труде, хотя бы и не клонящиеся к оправданию его. Притом формально разрешить им свободное обсуждение этого вопроса на заседаниях своих, разумеется, не стесняя ничем мнений, выражаемых по нему членами. Личный такт членов и председателей этих заседаний и личные выгоды их, как дворян и помещиков, могут служить лучшим ручательством умеренного и спокойного характера этих полезных сходбищ, лишь бы правительство твердо поддержало в них полную свободу мнений, а практические сведения всех участвующих в них не позволяют сомневаться в пользе их занятий и удобоприлагаемости их выводов. Такое предварительное обсуждение экономической стороны вопроса в обществах сельского хозяйства предшествовало во всей Германии XVIII века и даже в наших остзейских областях самому уничтожению крепостного состояния. Этой благоразумной политики держался в Пруссии сам Фридрих Великий, которого, конечно, никто не упрекнет в близорукости. Ей же была верна и императрица Екатерина II, царствование которой завещало нам замечательные в этом отношении сочинения Фонвизина и несколько печатных критических рассуждений о крепостном состоянии, писавшихся по вызову Академии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мы изложили с полной откровенностью, по крайней силе разума нашего, те существеннейшие практические изменения, которые, по мнению нашему, в настоящую минуту могут и должны быть внесены в законы, определяющие у нас отношения крестьян к помещикам. Мы старались провести при этом следующие главные основные начала:

1. Россия в настоящую минуту не требует еще немедленного радикального преобразования крепостного состояния.

2. Но настоятельно необходимо устранение некоторых главнейших злоупотреблений его и врачевание некоторых наиболее болящих язв его.

3. Поэтому правительство должно перестать дразнить общественное мнение и непрестанно угрожать ему принятием общих, большей частью разорительных и несбыточных формул эмансипационных, способных лишь волновать умы и возбуждать ложные надежды в крепостном народонаселении.

4. Оно должно целой совокупностью взаимно тесно связанных между собой законодательных мер стараться возбудить самодеятельность общества, косвенным образом напав на дело эмансипации.

5. Самодеятельность эта должна быть развита в помещиках законным облегчением для них всех без исключения способов отпущения крестьян на волю.

6. В крестьянах же принятием мер к сильнейшему возбуждению в них духа трудолюбия и бережливости доставлением им законных средств к свободному исходу из крепостного состояния, облегчением им приписки к ныне существующим более или менее свободным в государстве состояниям.

7. Вообще вопросу о преобразовании крепостного состояния должно быть дано право гражданства в области свободного, даже письменного обсуждения.

8. Владельцы, отказывающиеся следовать добровольно по пути, открываемому им от правительства, могут быть к тому косвенно поощряемы временным закрытием для них источников общественного кредита.

9. Наилучшей формой перехода крепостных крестьян в новую свободную жизнь должно, без сомнения, быть признано отпущение их на волю с землей.

10. Впрочем, правительство отнюдь не должно увлекаться односторонним воззрением на дело и страшиться отпущения на волю двух или трех миллионов жителей без зем-

ли, так как крепостной труд, в свое время достаточный, уже давно перестал удовлетворять разнообразным нуждам быстро развивающегося общества, и современный ход русской промышленности, не только фабричной, но и земледельческой, настоятельно начинает требовать образования массы свободного труда, способного по зову нужд частных и общественных свободно передвигаться с места на место, как ясно доказала это и настоящая война.

11. Лет через пятнадцать или двадцать, когда совокупность вышеприведенных предлагаемых нами мер принесет уже плоды свои, и завершится таким образом первый, так сказать, приуготовительный период законодательной деятельности, когда дворянство само глубоко сознает важность и необходимость преобразования, когда последнее успеет сделаться существеннейшей потребностью и для всех крестьян беднейших, бессильных достигнуть свободы без деятельной помощи со стороны государственной власти, тогда настанет для правительства решительная минута приступить к коренному преобразованию сельских отношений, освободить остальных крепостных крестьян с сохранением за ними поземельной собственности и общинного управления, а дворянство обеспечить за утрату части его собственности справедливым вознаграждением, для которого государственный кредит при благоразумном финансовом управлении легко должен изыскать средства. Все это – дело отдаленное. Покуда «довлеет дневи злоба его».

Утвердив эти главные начала нашего воззрения, мы не можем не коснуться заранее одного возражения, уже теперь слишком часто раздающегося в устах людей, имеющих притязание на практическую сметливость, и единогласно повторяемого за ними толпой слепых поклонников старины, одобренных нечаянной находкою благовидного предлога для отсрочки страшного для них преобразования: мы говорим о том, к сожалению, распространяющемся взгляде, будто бы всякий опыт даже постепенного преобразования сельских отношений непременно должен быть отсрочен до оконча-

тельного завершения всей массы административных реформ, необходимость коих осязательно указана предшествующей войной и давно уже глубоко сознается общественным мнением. Да! Преобразование администрации государственной, конечно, необходимо, и притом не в одних только высших министерских областях ее, где недостатки ее, ускользая от взоров простых граждан, всего ближе известны самому верховному правительству, но еще и в низших ее, ближайших к народу слоях, где язвы ее во всей наготе своей раскрыты и доступны взорам всех и каждого. Необходимы – всеобщее упрощение бесконечного ныне делопроизводства, сокращение разорительного числа судебных инстанций, дарование всем лицам местных управлений достаточного жалованья, которое доставило бы честному чиновнику точку опоры против непосильных часто искушений, необходимо призвание местного дворянства к истинному серьезному контролю над деятельностью губернских властей, необходимо, наконец, глубокое изучение вопроса о том, каким образом могут быть постепенно подготовлены новое местное приходское управление и приходские власти на замену должествующей малопомалу исчезнуть власти помещичьей; все это необходимо, но не менее необходимо твердо предпринятое и неуклонно преследуемое постепенное преобразование отношений крестьян к помещикам. Оба преобразования необходимы и оба должны быть совершены одновременно, дружно, связно. Хотеть отделить одно преобразование от другого, предпослать одно другому, упустить из виду одно ради другого и мечтать, что ради доброго намерения или хитрой задней мысли деятеля история остановит свое несокрушимое течение в какой бы то ни было области народной жизни, значит не постигать смысла истории, не понимать, что есть жизнь, государство, народ. Государство не есть механически сложившееся целое, из лоскутов сшитое платье, при обветшании которого один рукав может быть искусно подвергнут починке независимо от другого. Государственное устройство и государственная администрация, жизнь сословная и народное управление не

суть такие друг другу чуждые, взаимно друг на друга не воздействующие и между собою китайскими стенами разграниченные области, взаимная живая связь коих могла бы быть безнаказанно забываема или отрицаема государственным деятелем. Правильное сословное устройство, сообразное требованиям века, есть лучшее обеспечение правильного местного и государственного управления. Скажем более: совершить оба преобразования одновременно, дружно и между собою связно не в пример легче, чем достигнуть в одной какой-либо из сих областей сколько-нибудь значительного результата без воздействия на другую; ибо при совокупном преобразовании всех частей всякий добытый результат в одной сфере немедленно служит точкой опоры и вместе точкой отправления в другой; напротив, в реформах, исключительно направленных на одну часть, всякая новая мера немедленно приходит во враждебное столкновение со всей внешней совокупностью учреждений и в бесплодной борьбе с нею расходует всю живую силу, предназначенную было на добычу результатов положительных. Спросим также у недалеконovidных возражателей, каким образом определяют они ту решительную минуту, когда, по мнению их, завершено будет окончательно административное преобразование? И неужели такое преобразование управления может когда-либо прекратиться, завершиться? Неужели для преобразователя в деле управления, особенно в таком обширном и многообразном государстве, какова Россия, может когда-нибудь настать минута полного самоудовлетворения, когда бы пришлось правительству сложить руки насладиться результатом трудов своих и с полной беззаботностью о деле управления приняться за преобразование сословное? Достаточно будет вспомнить, что новое управление, заведенное Петром I, подверглось в течение 150 лет коренным преобразованиям при Екатерине с учреждением о губерниях; при Александре I с учреждением министерств; при Николае I с обнародованием свода законов и значительными изменениями в службе по выборам, и что оно все-таки вновь ждет себе опять в настоящем нового со-

вершенного преобразования, которое, в свою очередь, едва ли опять удовлетворит общество на долгое время.

Наконец, мы осмелимся в заключение выразить еще и то твердое убеждение наше, что всех предлагаемых нами мер к постепенному установлению новых сельских отношений будет недостаточно без значительного преобразования и системы управления самих имуществ государственных, без внесения в оное новых животворящих начал вместо того безвыходного коснения, в коем оно находится ныне.

Правительство, благоразумно умерив и стеснив круг своего законодательного воздействия на образование отношений крепостных крестьян к помещикам, найдет на этом новом поприще обширную, не легко исчерпываемую сферу деятельности. Преобразование управления государственных имуществ должно взять себе в образец переворот, совершенный в Пруссии великим Штейном, вызвавший к жизни могучее сословие крестьян-вотчинников и огромные финансовые средства, и доставивший через то Пруссии возможность блистательного исхода из временного политического уничтожения после крушения своего под Иеною и Тильзитского мира. Изображение главных начал такого преобразования должно быть предметом особенного труда.

**О главных и существеннейших условиях
успеха нового Положения
(две записки, составленные для
В. Кн. Елены Павловны)**

ЗАПИСКА ПЕРВАЯ

Последние правительственные меры в пользу освобождения крестьян в основании своем покоятся на весьма счастливой мысли: с одной стороны – доставить крестьянину возмож-

ность приобрести в неотъемлемую частную собственность* оседлость свою: двор, огород, с другой – согласно давнему моему убеждению и желанию, обеспечить крестьянскому обществу вечное пользование за единожды определенную плату мирской землей в необходимых для него размерах. Через это, во-первых, призывается сам крестьянин к прямому и личному участию в деле искупления своего из крепостного состояния, во-вторых, открывается ему приобретение личной частной собственности, имеющей служить драгоценным средством обеспечения исправного платежа каждым крестьянином казенных податей и общественных повинностей своих помещику или миру за пользование мирской землей. Впоследствии же, когда правительство убедится в необходимости учредить крестьянские банки или перевести в той или другой форме долги опекунских советов с дворян на освобожденное крестьянское сословие, тогда эти в личную собственность приобретенные усадьбы вполне обеспечат исправный взнос крестьянами процентов в банковские учреждения, являясь для последних добавочным к мирской земле залогом, и притом залогом, всегда легко отчуждаемым без вреда для крестьянского общества, так что вся эта на первый раз страшная кредитная операция, не будет сопряжена для казны ни с малейшим

* Так, кажется, должен быть понят смысл, выраженный в изданных документах. Можно пожалеть, однако, о крайней неясности 2 пункта II статьи отношения г. министра внутренних дел к с.-пб. генерал-губернатору. Польза введения для крестьян права частной личной собственности на их усадьбы не должна, кажется, подлежать никакому сомнению. Выгоды этого учреждения в финансовом отношении изложены несколько ниже. Что же касается до самих крестьян, то уже одно то обстоятельство сильно говорит в пользу начала личной собственности усадебной, что во многих местностях земля уже теперь на практике поделена между крестьянскими дворами в виде постоянных участков; на строение же крестьянин нигде не смотрит иначе, как на свое личное создание и полновластную принадлежность, и он ко всему привязывается и любит его, как бы часть своего собственного тела или семейства, как безмолвного свидетеля всех своих горестей и трудов и немногих светлых минут своей жизни. Насильственно вводить беспрестанные переделы огородов и усадебных мест, которые во многих случаях могут повлечь за собой переламывание старых крестьянских гнезд и пепелищ, было бы безрассудно и невозможно.

риском*. Для приобретения крестьянами усадеб в частную личную собственность г. министр внутренних дел назначает в виде переходного состояния срок, не имеющий превысить 12 лет. Спрашивается – что, однако, если крестьяне в течение 12 лет не приобретут себе усадеб в частную собственность? Что, если будучи обеспечены во владении мирской землей, они, дома свои и без выкупа считая своими, уповая, что их из этих во всяком случае не выгонят, наслышавшись, что приобретение усадеб принесет им какие-то отвлеченные выгоды только через 12 лет, а надеясь, быть может, вместе с тем, как всегда надеется крестьянин, что на милость нет образца, и что, пожалуй, через роковые 12 лет правительство увидит себя принужденным и без выкупа утвердить за ними усадьбы в собственность, – что, если вследствие всех этих и множества иных не невозможных соображений крестьяне все или, по крайней мере, большинство их не сумеют или не захотят воспользоваться даруемым им правом купить свои усадьбы? Напрасно станут против этого искать врачевания даже в присоединении к обыкновенным повинностям крестьян еще известной ежегодной уплаты за усадьбу, разложенной на 12 лет, в виде платежа обязательного. Очевидно для всякого, что невозможно принудительными полицейскими мерами заставлять человека приобретать покупкой для себя то, что ему

* Если предположить, что в средних хлебородных губерниях должно быть предоставлено крестьянам средним числом до $2\frac{1}{2}$ десятин на душу, и в северных оброчных до 5 десятин на душу, то усадьба крестьянская, приобретенная в личную собственность, нигде не будет иметь капитальную ценность менее ценности всей отрезанной крестьянам земли, или, в других словах, ценность крестьянской усадьбы, приобретенной в личную собственность, будет равна, по крайней мере, сумме пяти годовых платежей в банке. Такое добавочное обеспечение можно поистине назвать огромным. Для большего уяснения дела обратимся к примеру самому невыгодному, именно, к имени хлебопашественному, где ценность усадьбы всегда будет ниже ценности усадьбы в округах промышленных: вся отведенная крестьянам земля на 100 душ, или 250 десятин, стоит по большей мере в Тульской губернии по 40 руб. сер. За десятину – 10 000 руб. сер.; из оной приблизительно можно считать усадебной земли 25 десятин, которая, будучи оценена только по 100 руб. сер. за десятину, предоставит капитал в 2500 руб. сер., независимо от стоимости всех строений.

кажется легче достигнуть иным образом, без всякого пожертвования, лишь с помощью выжидания, упрямства и терпения. На стороне крестьян будет всегда несокрушимая никакой властью сила инерции, выражением которой явятся недоимки. Да и в самом деле, в течение первого приговорительного срока крестьяне, по всем вероятностям, будут обременены оброком или повинностями не менее ныне существующих, вероятно, и несколько большими, вследствие введения улучшенного общественного управления, училищ, взаимного застрахования от огня. Ко всем этим тягостям присоединить еще принудительный добавочный ежегодный платеж крестьянина помещику за оседлость (деньгами, натурой или работой) было бы столько же невозможно на деле, сколько странно по самой мысли. Итак, остается лишь одно средство – представить крестьянину, с одной стороны, ясные, наглядные, осязательные и практические выгоды, немедленно сопряженные для него с актом приобретения себе усадьбы в частную собственность, а с другой – угрожать ему, наоборот, столько же положительными и притом неминуемыми невыгодами в случае, если бы он в течение указанных 12 годов не приобрел своей усадьбы и не расплатился за нее. Лучшей угрозой было бы объявить, что всякий крестьянин, который в течение 12 лет не выкупит своей усадьбы, потеряет по истечении этого срока право на участие в мирской земле и будет приписан к крестьянскому обществу на правах бобыля или батрака, не владеющего тягловой землей. Также могло бы быть дозволено такового, по мирскому приговору, ставить на первые рекрутские очереди. Напротив, лучшее поощрительное средство есть ясное и твердое обещание крестьянину, что он с приобретением в собственность усадьбы своей получит немедленно через это самое *eo ipso*^{*}, не ожидая никаких дальнейших сроков и распоряжений правительства, право свободно переходить с места на место без всякого ограничения.

Нет никакого сомнения, что если цена за усадьбу будет назначена согласная с совестью и здравым смыслом, то при та-

^{*} Тем самым (*лат.*). – *Прим. ред.*

ковом поощрении не только 12 годов, но даже половины этого срока будет достаточно, чтобы вся Россия выкупилась на волю со своими усадьбами. Крайне несправедливо было бы думать, что дозволение перехода при таких условиях должно породить сильное бродяжничество. Можно, напротив, с полной достоверностью предсказать, что на деле переходы будут редки по той ясной причине, что ничто не будет к тому побуждать выкупившегося крестьянина. Владея на правах частной и неотъемлемой собственности двором и усадьбой в местности, ему издавна привычной в отношении промысловом и любезной как родина, имея сверх того, как член общины крестьянской, неоспоримое право на тягловое участие во владении достаточной мирской землей за цену сходную, не превышающую средней нормальной цены земельного найма в других местах*, огражденный законом и свободой от чужого насилия, словом, связанный со своей местностью всеми узами вещественных выгод и нравственного единства, он едва ли может возыметь и мысль покинуть родной очаг, всем его к себе привлекающий; мысль эта придет в голову разве лишь крестьянину богатому до чрезвычайности, владеющему значительными капиталами и которого могут переманить в город виды на более обширную торговлю; но всем понятно, что подобное исключение будет всегда крайне редко и не представит в административном отношении никаких особенных затруднений. Против немедленного дарования крестьянину полной свободы могут быть приведены только следующие возражения: 1) помещику будет неприятно иметь в бывшей деревне своей в течение 12-летнего приговорительного периода людей вполне свободных и вотчинников, живущих рядом с остальными его крестьянами, еще не свободными и с ними находящимися в беспрестанном общении. Но как это ни неприятно на первый взгляд, дворянство должно привыкнуть к этой мысли, — как скоро правительством

* Из приведенных далее соображений будет ясно, что при правильном выполнении последних правительственных мер ежегодный платеж крестьянина помещику по приобретении им в собственность усадьбы не должен превышать ни в северных, ни в южных губерниях средней наемной цены самой земли.

принята к исполнению система освобождения постепенного, и система эта самим дворянством вообще предпочтена освобождению крестьян единовременному. Напротив, несравненно опаснее было бы для общественного спокойствия дать многим крестьянам право и возможность выкупить свою усадьбу, и отчасти свою личную свободу, и между тем оставить их на целые 12 лет в насильственном нерасторгаемом союзе с помещиком, которого они слишком часто уже успели прежде, и иногда, к сожалению, не без основания возненавидеть. С другой стороны, эти первые, уже выкупившиеся на волю крестьяне, составят в каждом селении ту необходимую и независимую среду местной гласности, без которой невозможно ожидать добросовестного приложения эмансипационных мер, ибо дворянство, даже приняв их более или менее искренно к исполнению, тем не менее естественно будет во многих случаях расположено обходить их смысл и исказить его в приложении. 2) Свобода перехода выкупивших свою усадьбу крестьян может разрывать их связь с общиной. Но и это несправедливо: новое Положение обеспечивает самостоятельность мирского общества; выкупившийся крестьянин не перестает оставаться с ним в полном общении как по пользованию тягловыми землями, так и по несению всех тягостей, с этим пользованием сопряженных; он должен отправлять все повинности и оброки согласно местному Положению и также отправлять все казенные подати наравне с другими. Все это тем легче исполнить, что по новому Положению каждый крестьянин, свободный или даже крепостной, имеет прямые сношения собственно лишь с мирскими расправами и мирскими судами, и мирское начальство составляет посредствующее звено между ним и помещиком. В случае, если бы крестьянин захотел сойти, закон может обязать его предварительно взнести в мирское общество сумму, равняющуюся только количеству всех следующих с него казенных податей и повинностей до истечения 12-летнего срока (по миновании которого, само собой разумеется, необходимо должна будет по всей империи наступить новая ревизия). От рекрутства выкупившийся может в виде поощрения быть

освобожден в течение 5 лет, в продолжение которых рекрутские доли, им представляемые, должны быть сложены и с самого общества; а по истечении льготных 5 лет он должен вновь поступать в общую рекрутскую очередь с тем обществом, в котором он живет или куда он вновь вышел. Вообще выкупившие свою усадьбу крестьяне должны быть подчинены земской полиции, а не какому-либо иному ведомству, и притом должны быть поставлены под особенное покровительство имеющих образоваться новых уездных присутствий. Совокупность всех вышеприведенных соображений заставляет глубоко сожалеть, что г. министр внутренних дел в отношении своем к с.-петербургскому генерал-губернатору неясно объяснился насчет степени свободных прав крестьян после того, как ими выкуплены будут усадьбы, и как будто бы даже напротив, – дал провидеть желание правительства оставить их крепкими к первоначальному местожительству до совершенного истечения переходного 12-летнего срока.

Другое необходимое условие нового Положения состоит в добросовестной, но слишком возвышенной оценке крестьянских усадеб. В отношении г. министра внутренних дел ковенскому генерал-губернатору сказано было во 2 пункте II статьи, что «платеж крестьян за усадьбу свою не должен превышать действительной ценности этих усадеб». О другом отношении г. министра к с.-петербургскому генерал-губернатору высказано уже иное правило в 6 п. II статьи: «Размер выкупа определяется оценкой не одной усадебной земли и строений, но и промысловых выгод и местных удобств». Весьма знаменательно такое коренное разноречие в Положениях для двух местностей, равно обиженных природой в отношении к качеству почвы и, следовательно, находящихся в весьма сходных экономических условиях*¹; разноречие это невольно наводит на мысль, что единожды пошедши по такому пути коренных уступок, прави-

* Лишь самая незначительная часть С.-петербургской губернии, а именно ближайшая к столице и к Царскому Селу, может быть названа промышленной и зажиточной; большая же часть ее не может похвалиться ни тем, ни другим.

тельство легко может быть заведено и далее, к крайнему ущербу первоначальной своей мысли и блага общественного. Если даже принять, что различие, во всяком случае неправильное в приложении своем к губерниям белорусским и С.-Петербургской, не лишено некоторого основания в приложении к местностям, совершенно между собой не сходным, каковы, напр., с одной стороны – вся совокупность губерний черноземных, хлебопашественных и барщинских, а с другой – группа губерний оброчных, промышленных и бесхлебных, то во всяком случае должна быть заранее принята твердая и неуклонная система действий, от которой не должно ни в каком случае отступать. Невозможно не пожелать прежде всего, чтобы члены от правительства, назначаемые в губернские комитеты, имели бы особенное наблюдение за тем, чтобы комитеты не оценили усадебной земли слишком дорого, с целью затруднить крестьянам приобретение ее, и таким образом отстрочить на возможно долгое время окончательное их освобождение. Далее: должно бы быть принято за неизменное начало, что дворянство ни в каком случае не имеет права извлекать для себя из ныне совершающегося переворота какие-либо новые выгоды и увеличивать посредством одного ныне взимаемые с крестьян законные свои доходы. А потому – если помещику будет предоставлено получать от крестьянина части следующего себе вознаграждения под видом платы за крестьянскую усадьбу, то ровно на такую же сумму и в той же самой пропорции *должны быть уменьшены повинности* крестьянина, имеемые им быть впоследствии правимы в пользу помещика за одно уже пользование мирской землей. Например, в оброчном имении, если крестьянин до сих пор платил помещику оброка 8 руб. сер. с души, в настоящее время представляющих вместе и наем усадьбы, и плату за общинную землю, и если теперь усадьба будет оценена в капитальную сумму, равняющуюся, предположим, 50 руб. сер. на каждую душу, то самая строгая справедливость требует, чтобы на крестьянина, уже выкупившего свою усадьбу и свободного, был наложен не прежний оброк, а оброк отнюдь не выше 5 руб. 50 коп. сер. с души, так как

остальные 2 руб. 50 коп. вполне представляются процентом с уже полученного помещиком капитала за крестьянскую усадьбу. Иначе материальное состояние крестьянина только ухудшится новым Положением, которое заставит его внести помещику часть капитала и между тем не уменьшит ежегодно платимой им ренты. Так точно и в имении барщинском: по окончании между крестьянином и помещиком расчета за купленную крестьянином усадьбу барщина, впоследствии правимая крестьянином в уплату за мирскую землю, должна быть уменьшена на количество, соразмерное проценту с внесенного или заработанного крестьянином за свою усадьбу капитала. В какую именно сумму должны быть оценены крестьянские усадьбы в различных местностях России, это, конечно, невозможно определить без точного исследования местных обстоятельств, произведенного с помощью местных же жителей и дворян. Тем не менее можно заранее определить следующие, кажется неизменные, общие начала: 1) нигде цена строений крестьянских не должна быть включена в число элементов, составляющих полную ценность крестьянской усадьбы, ибо повсеместно крестьянин строит свой дом на собственные свои деньги и средства. Работа строительная, составляющая главную ценность крестьянского дома, всегда принадлежит ему или им самим заплачена; лес, употребляемый на внутреннюю отделку дома, всегда приобретен им самим; истрыбы¹ почти всегда (т.е. из двадцати случаев в девятнадцати) куплены на его же деньги, за исключением только случаев пожара или переселения, которые единственно не могут входить в расчет и должны падать на счет помещика, как обязанного и всегда выгадывающего застрахователя крестьянского имущества. Только в случае принудительной постройки каменных изб, вообще мало любимых нашим народом, богатые владельцы оказывают действительно пособие крестьянам, но это, очевидно, есть лишь дело отрывочной благотворительности или самоугождающей фантазии. Наконец, даже в имениях оброчных, где довольно часто крестьяне для построек пользуются лесом из своих дач (точная принадлежность которых миру или барину не

ясно определена), это обстоятельство едва ли может оправдать притязания дворянства на крестьянское строение, так как в составе оброка обыкновенно заключается и премия за пользование этим лесом. 2) В губерниях хлебородных и черноземных, и преимущественно в средних губерниях России, где сам собой уже с некоторого времени при продажах и покупках несколько крупных имений установился обычай оценивать одни только земли, господские строения и леса, не обращая никакого внимания на стоимость самих крестьян как земледельческого орудия, где притом весьма часто пустопорожняя земля продается дороже населенной, – во всех этих губерниях должна быть оценена одна только усадебная земля или один только грунт усадебный. Оценка эта вообще никогда не может превышать 150 руб. сер. за каждую десятину, так как это есть наивысшая цена, которой достигают только отличные огороды и табачные плантации. 3) В губерниях оброчных и промышленных* всего труднее определить составные элементы ценности имения; вообще дровяные леса и луга имеют на образование их несравненно большее влияние, чем обыкновенно предполагается. Ценность самого лица крестьянина, как умного и деятельного промышленного орудия, естественно не может быть принята и допущена правительством в число составных элементов ценности имения. Но зато усадебный грунт имеет, без сомнения, несравненно высшую стоимость в этих губерниях, чем в барщинских, по той же самой простой причине, которая возвышает ценность земли городской сравнительно с сельской. Поэтому и дворянские комитеты поступят, конечно, несправедливо, если они в местностях промышленных возвысят оценку кре-

* Среднее место между центральными земледельческими и оброчными губерниями занимают губернии хлебородные, малоземельные, каковы Новороссийская, Самарская и Оренбургская; здесь и оценка усадеб должна принять характер средний между двумя предлагаемыми системами. Впрочем, не должно терять из виду то, что помещики сих губерний далеко не так жалки, как они охотно желают представиться, и что освобождение крестьян, имеющее весьма скоро установить правильный к ним приток народонаселения, должно принести им более выгод, чем кому бы то ни было; так что в окончательном результате своем оно имеет быть произведено как бы в их личную пользу.

стьянских усадеб против губерний барщинских. Для обуздания, однако, всякого своекорыстного произвола, окончательно обращающегося всегда к невыгоде поддающихся его внушениям сословий, следовало бы постановить, что эта оценка усадеб ни в каком случае не должна превышать $\frac{1}{2}$ всей суммы, образуемой капитализацией настоящего крестьянского оброка по 6% расчету. Такая оценка составляет крайний возможный предел и должна быть допускаема лишь для местностей, особенно благоприятных в промышленном отношении. Она основана на том соображении, что наемная цена всей прочей земли, владеемой крестьянским миром (пашни, лугов, дровяного леса), всегда и везде представляет ежегодную ренту, превышающую, хотя несколько, половину оброка; следовательно, оброчный крестьянин, заплатив за свою усадьбу половину капитала, представляемого прежним своим оброком и получив через то право свободного перехода, тем не менее будет привязан к своей оседлости выгодой найма в ближайшем от своего двора состоянии достаточного количества угодий по существующей средней торговой цене. 4) Все же важно, наконец, определить, особенно в имениях барщинских, какое именно количество усадебной земли должно будет быть приписано к каждому крестьянскому двору, ибо от этого зависит качество выкупной суммы в случае, если оценка усадеб будет, как следует, исключительно основана на оценке усадебной земли или усадебного грунта. Равный раздел всей усадебной земли по числу дворов неоснователен, потому что вследствие крайнего неравенства рабочих сил в различных дворах равный надел оных земель неминуемо должен оказаться крайне не соразмерным с их рабочими силами, составляющими истинное богатство каждого двора, а, следовательно, и уплата выкупной за усадьбу суммы, очевидно, должна пасть крайне неравномерно на крестьянские семьи. Всего справедливее, казалось бы, принять настоящий тягольный расчет за постоянное основание раздела усадебной земли между крестьянами, приписав теперь к каждому двору однажды и навсегда столько делянок усадебной земли, сколько ныне налицо во дворе тягол, и отныне впредь воспретив вся-

кий дальнейший передел этой усадебной земли как во все продолжение 12-летнего переходного периода, так и после. По совершенном освобождении сельских общин, с размножением народонаселения и возникновением ощутительной потребности в новых усадебных местах, может быть разрешено обществу отводить таковые нуждающимся в частную собственность из общей мирской земли за известную плату, дабы иначе не стеснить поселков непрерывным нагромождением новых построек на одних и тех же старых местах. Для произведения этих новых усадебных отводов из мирской земли можно будет пользоваться минутами всеобщих переделов ее, которые настоящим Положением допускаются по истечении известных сроков. Вырученные же за отведенные новые усадебные места деньги могут с пользой для общества быть употреблены на капитальное погашение повинностей, правимых в пользу помещиков, или на другие капитальные издержки мирские. 5) Наконец, бесспорно, весьма желательно было бы, чтобы везде, где это только возможно и где оценка усадеб будет произведена добросовестно и, следовательно, не высоко, требовалась от крестьянина уплата за усадьбу единовременная, а не рассроченная на многие годы. Можно утвердительно сказать, что такое требование не окажется слишком тягостным для крестьянина во множестве местностей, не только промышленных, но и земледельческих, если в способе оценки не будет существенно отступлено от вышеизложенных начал. В дополнение к сказанному еще следующие частные замечания могут быть сделаны на отдельные статьи нового Положения: III. Губернским комитетам не худо было бы, ради возможности всестороннего изучения своего дела, призывать в свою среду для расспросов не одних только помещиков и дворян, но также и отличных своим умом и нравственностью крестьян и лиц всех прочих сословий, близко знакомых с сельским бытом и потребностями, в особенности же лучших членов сельского духовенства. Таким образом, собранные ими данные получают особенную полноту и важность и приблизят характер их занятий к прекрасному образцу, представляемому знаменитыми англий-

скими парламентскими исследованиями (*parliament inquiries*). IV. Необходимо торжественное заявление, что вся движимость крестьянина составляет его полную и неограниченную собственность, которой он может располагать по своему произволу и в которую помещик не имеет ни малейшего права вступаться. Подобное признание бесспорного права на движимость всегда и везде по справедливости предшествовало всем мерам, клонившимся к окончательному устройству судьбы крепостного населения. V. При упразднении крепостного состояния и формальном отделении земли помещичьей от мирской необходимо также переложить на землю и соразмерно разложить между обеими этими категориями земель платеж всех земских повинностей, ныне исключительно правимых крестьянами. Подать подушная, по своему специальному характеру, естественно должна остаться на крестьянах. VI. Сроки для переделов мирских земель должны, конечно, в каждой местности быть соображены с ныне существующими местными обычаями. Эти обычаи часто весьма разнообразны не только в одной губернии, но даже в одном и том же уезде. Но само собой разумеется, что комитеты должны бы для каждой местности избрать из всех ныне существующих сроков передела самый продолжительный, как наиболее соответствующий истинным выгодам земледелия и доброго хозяйства. VII. Полезно было бы уже теперь немедленно установить условия приписки к имеющим вновь образоваться крестьянским мирским общинам, так, чтобы выгодами этой дешевой приписки могли бы желающие из вольноотпущенных и кантонистов воспользоваться уже в настоящую ревизию. Этим может быть хоть на сколько-нибудь предотвращен и вновь направлен к селам постоянный, ныне почти вынужденный при каждой ревизии приток вольного народонаселения к городам, грозящий постепенным нарушением у нас правильного соотношения между населением городским и сельским. VIII. Там, где комитеты признают нужным сохранить еще на время барщину, как средство отработки крестьянином следующих с него в пользу помещика платежей, барщина никогда не долж-

на утрачивать этот характер временного только своего допущения правительством, и ясно должно быть провозглашено начало, что от крестьянина всегда зависит вместо барщины свободно избрать для себя денежный оброчный платеж. Для этого комитетам должно быть вменено в непрременную обязанность для каждой местности определить тот оброк, платежом которого может всегда быть заменено отправление барщины. Это определение денежного оброка должно быть произведено отнюдь не на основании оценки каждой из ныне отправляемых крестьянином барщинских работ, ибо такой способ определения его был бы, с одной стороны, самый невыгодный для крестьян, а с другой – самый неверный, так как при совершенном в настоящее время отсутствии вольного труда, а следовательно, и правильных цен на него, всякая оценка работы должна теперь утверждаться лишь на предположениях гадательных и, следовательно, будет всегда произвольная. Несравненно основательнее и обоюдно справедливее было бы смотреть на барщину исключительно с точки зрения найма за землю, или процентного платежа, уплачиваемого крестьянином в виде не денег, а работы за временно ссужаемый ему от помещика поземельный капитал, а следовательно, при переложении барщины на оброк определять последний в размерах действительного платежа процентов, по 6% расчету с торговой стоимости количества земли, отходящего в вечное мирское пользование. Напр.: в хлебопашественном имении из 100 душ, или 40 тягол, отрезывается им всего 250 дес. земли, стоящих по 40 руб. сер. за десятину – 10 000 руб. сер.; ежегодный процент с этого капитала составляет 600 руб. сер. Следовательно, каждое крестьянское тягло, не желающее отбывать барщины, может вместо того избрать ежегодный платеж оброка в 15 руб. сер. Такой твердо предпринятый образ действия, содействуя быстрой и повсеместной замене барщины денежным оброком, значительно облегчит впоследствии правительству принятие окончательных мер в кредитной операции, имеющей завершить все денежные расчеты между помещиками и крестьянами и составляющей в будущем один из неиз-

бежных фазисов правильного развития аграрного вопроса. С другой стороны, впрочем, необходимо ради справедливого соблюдения выгод землевладельцев установить постоянно возобновляющуюся через каждые 10 или 12 лет поверку крестьянского оброка по заранее определенным правилам; эта поверка должна состоять в периодическом согласовании денежного оброчного платежа крестьян с хлебными или рабочими ценами посредством возвышения первого сообразно с неизбежным, постепенным возвышением вторых, отнюдь не нарушая, однако, этими последующими пересмотрами первоначально установленного соотношения между этими двумя ценностями. В Пруссии подобная система предпринята для постоянного, на всегдашнее время, уравнивания поземельного оброка, платимого крестьянами с прежних земель государственных имуществ. IX. Отношение г. министра внутренних дел к с.-петербургскому генерал-губернатору в 10 п. II статьи вменяет комитетам в обязанность «сохранить и определить права главы семьи крестьянской, права наследства относительно усадеб и тягловых участков и условия, при которых допускается раздел семейств». Но, спрашивается, могут ли губернские комитеты иметь достаточно времени, чтобы заняться добросовестным и серьезным разрешением стольких важных вопросов, отчасти вызывающих как бы на предложения значительных изменений в ныне существующем общем законоположении (особенно в праве наследственном)? Но должно ли правительство счесть себя совершенно счастливым и вполне удовлетворенным, если губернские комитеты, минуя на сей раз эти вопросы, тесно связанные с историческим и теоретическим знанием не только отечественного, но и иностранного законодательства, ограничатся и без того многотрудной задачей разрешения главного подлежащего узла крепостных отношений? Соответствует ли самый состав этих комитетов столь смело возлагаемой на них г. министром задаче? И не основательнее ли было бы разрешение этих вопросов предоставить уже по истечении года какому-либо центральному комитету, составленному из лиц избранных правительством из

числа присланных дворянством членов в губернские комитеты с присоединением к ним еще от правительства немногих людей специальных? Наконец, не следует ли подобному обсуждению предпослать издание на русском языке подробных сведений обо всех этих учреждениях в других землях и допустить литературное их свободное обсуждение, прежде чем правительство призвано будет произвести свой окончательный приговор. X. Новое Положение ограничивает двумя лицами число членов, назначаемых в губернские комитеты от лица правительства, и предоставляет назначение их губернаторам. К сожалению, не везде губернаторы сочувствуют новому направлению правительства и не везде, даже по степени своего собственного образования, способны сделать удачный выбор. Поэтому не худо было бы по крайней мере предварительно спросить их, кого они имеют в виду для замещения этих важных мест, дабы можно было собрать некоторые предварительные сведения о предлагаемых ими лицах. Правительство могло бы даже само указать им на некоторые уже известные лица, когда направление и способности последних ему достоверно почему-либо известно. XI. Но даже и при удачном выборе членов от правительства в губернские комитеты нельзя не бояться, чтобы непривычка к формам общественной жизни и к правильному обсуждению вопросов или к производству серьезных дел, соединенная со слишком свойственной нам, русским, ленью и закоренелой надеждой на авось, не превратили прения комитетов, ничем извне не возбуждаемых, в одну бесплодную формальность или бесцельное и безрядное разноречие. Единственное врачевание против этого зла может быть найдено в сообщении комитетским заседаниям той степени гласности, которая совместна с настоящим нашим общественным устройством и с самой сущностью обсуждаемого вопроса, и которая во всяком случае не представляет ни малейшей опасности для спокойствия общественного, а именно: можно и без сомнения должно бы предписать, чтобы заседания комитетов были публичные, в том смысле, чтобы имели право присутствовать при них в качестве зрителей и слушате-

лей по крайней мере все дворяне той губернии, имеющие не менее 100 душ, а равно и все приезжие губернские и уездные предводители других губерний. Подобное распоряжение, без сомнения, немедленно придаст этим заседаниям некоторую степень торжественности, не лишенную полезного влияния на правильный ход дел, поселит некоторое соревнование между членами комитетов, подчиненных таким образом непосредственному контролю своих избирателей, послужит в значительной степени к скорейшему размену полезных мыслей; наконец, оно явится первым, хотя еще слабым опытом посвящения русского дворянства в чуждые ему донныне формы жизни общественной, привыкнуть к тайнодействиям которой ему уже давно наступила пора. XII. Последнее условие, необходимое для правильного установления новых, никем еще достаточно не признанных отношений, это – совершенная и неограниченная гласность всего того, по крайней мере, что правительство уже сделало и желает сделать на пользу сельского народонаселения. Пора убедиться, что подобные намерения не должно скрывать, хотя бы уже только потому, что скрывать их невозможно при всеобщем ожидании перемен, при близости их к сердцу и выгодам каждого русского, какого бы он ни был состояния и какое бы ни имел он воззрение на это дело. В настоящем случае близорукая внешняя осторожность, внушающая унижительные для правительства попытки скрывать от народа то, чем пропитал весь русский воздух, что одно только в области политики защищает русского человека всех сословий и что постоянно доходит до крестьянина другими неизбежными путями: канцелярскими нескромностями, искаженными пересудами, наконец, ежедневными разговорами господ-помещиков, – эта ложная осторожность должна быть названа верхом неосторожнейшей отваги и легкомысленнейшей самонадеянности. Правительству несравненно труднее выполнить предпринятое им дело в среде, не подготовленной предварительным сознанием предстоящей операции и всегда ожидающей не то, что имеет быть, чем в среде, ясно и официально направленной к известной заранее, с пол-

ной гласностью определенной цели. Двусмысленное молчание правительства, тайные рассылки скрывааемых от народа циркуляров, долгая отсрочка публикации в ведомостях и газетах законодательных мер, уже предпринятых, могут порождать лишь волнения и ожидания чрезмерные, которые были бы в корне своем предотвращены гласностью. Весь этот обветшалый и везде покинутый образ действия способен только размножать между крестьянами невинные жертвы, вовлеченные в невольный и вынужденный обман невозможностью получить верные, официальные известия о действительных намерениях правительства, и только потому упорно защищающие то или другое убеждение, что они добросовестно почитают его волей самого Государя. Там, где, как в России, правительство стоит так недосыгаемо высоко в народном мнении, где ясно и откровенно высказанное им благоразумное слово имеет еще неограниченную власть над волей и сознанием народа, там оно обязано пользоваться этим могущественным, ему от Бога дарованным орудием, – в предупреждение невинных жертв и всегда вредного общественного волнения. Как важна наиполнейшая гласность для успеха настоящего дела в селах, легко объясняется на практике следующим соображением: общественное мнение точно так же действует в сельской среде и между крестьянами, как и в городах и так называемом образованном обществе; в каждой местности общественное мнение крестьян признает и признало некоторых помещиков за хороших и честных или, по крайней мере, за сравнительно хороших, и готово принять их образ действия в отношении к их крестьянам за норму законную, соответствующую современным видам и требованиям правительства. К такому помещику в случае важного сомнения всегда сами придут его крестьяне за советом и с вопросом насчет всяких ожидаемых перемен и всегда окажут ему доверие, даже в ущерб самым пламенным своим надеждам, если только у него будет в руках какой-нибудь официальный документ в подкрепление своих слов; его толкование этого документа они всегда предпочтут толкованию, постоянно и охотно им предлагаемому за ведро вина

многочисленным классом людей, всегда готовых поживиться за счет народного легковерия. На этих помещиков и на их крестьян, с другой стороны, прежде всего устремляются взоры окольных деревень той местности при каждой ожидаемой перемене. Если указ правительства правильно опубликован, уважаемый помещик всегда будет иметь средство убедить своих крестьян в истине и через них спасительно действовать и на других. Но при отсутствии такой необходимой официальной опоры все нравственное его влияние неизбежно пропадает вотще, и правительство добровольно лишается естественной и лучшей своей поддержки. Дворянство Тульской губернии, как слышно, само поняло важность необходимой гласности, первым делом собравшихся предводителей было, – велеть списать по 50 копий с присланных документов на каждый уезд и разослать их по дворянам, в особенности же по всем мелкопоместным. Совокупность всего сказанного составляет горячо желать, чтобы впредь всякое распоряжение правительства по настоящему предмету не только немедленно печаталось во всех ведомостях, но еще немедленно же рассылалось, в виде печатных указов по всем уездам для продажи по самой сходной цене, делающей их доступными для всех. Только таким образом могут быть предотвращены всякие лживые толки и пересуды народные.

ЗАПИСКА ВТОРАЯ

Предметом предшествующей Записки, было исследование главных и существенных условий, необходимых для успеха нового Положения, вводимого правительством, и между коими одно из первых мест занимает тщательное наблюдение со стороны верховной власти за добросовестной, не слишком возвышенной денежной оценкой в дворянских комитетах крестьянских усадеб, подлежащих выкупу, а равно и повинностей, имеющих еще остаться на крестьянах после выкупа этих усадеб.

В вышесказанной Записке были по возможности подробно изложены те главные начала, которые, кажется, должны бы руководствовать правительством в этой трудной задаче и которых строгое и последовательное приложение одно только способно устранить всегда грозящую опасность искажения благих намерений Государя своекорыстными и близорукими действиями комитетов в случае, если последние будут представлены своим собственным внушениям, не подвергаясь деятельному правительственному контролю.

Но, быть может, не лишнее будет яснее рассмотреть этот вопрос еще с другой точки зрения, а именно со стороны той особенной, так сказать, специфической важности, которую правильные действия комитетов имеют собственно для самого правительства или казны на случай возможности будущих перемен, независимо от влияния своего на участь сословия крестьянского.

В самом деле, едва ли возможно сомневаться, что вводимое ныне Государем коренное преобразование сельского хозяйственного быта, с восторгом и горячей благодарностью встреченное всей мыслящей частью русского общества, не может тем не менее с такой же бескорыстной радостью быть принято далеко многочисленным классом помещиков, которые или привыкли, или бедностью вынуждены искать себе средств существования в чрезмерном напряжении подвластных себе рабочих сил и первоначальным воспитанием, путешествиями или литературным обменом мыслей не научены возможности иного, более правильного хозяйственного порядка. Очевидно, большая часть дворянства должна будет стать, и действительно станет, в положение если не явной, то, по крайней мере, затаенной оппозиции к правительству и всеми мерами будет стараться о предотвращении от себя грозящей опасности. Чем большую готовность оно с первого взгляда покажет идти по указанному ему пути, чем полнее и совершеннее оно успеет отклонить от себя всякое подозрение, тем легче ему будет впоследствии достигнуть своих тайных целей при определении подробностей нового Положения. Средства для этого всегда найдутся в изобретательности дворянского ума и в том обшир-

ном просторе, который самые высочайшие рескрипты по здраво обдуманной справедливости не могли не предоставить дворянскому сословию; наконец, семена подобных произвольных толкований и действий комитетов заранее уже щедрой рукой рассеяны в тех двусмысленных выражениях, противоречиях и недоговорах министерских отношений, существеннейшие из которых уже указаны в первой Записке.

Всеми этими обстоятельствами комитеты неминуемо воспользуются, как сказано, для того, чтобы: во-первых, возвысить чрезмерно оценки крестьянских усадеб, а во-вторых, также свыше меры определить и оценить повинности, должные помещикам крестьянами, уже выкупившими свои усадьбы. С своей стороны, эти два обстоятельства будут иметь неотразимые последствия – материальную невозможность для крестьянского сословия собственными средствами приобрести свои усадьбы и достигнуть свободы.

Таким образом, должен будет пройти длинный 12-летний период в бесплодном, томительном ожидании результата, очевидно невозможного, в ожидании, сопряженном с постепенным раздражением крестьянского сословия, самим правительством возбужденного и после обманутого дворянством в своих самых законных и заветных надеждах.

Здесь не место рассматривать, какие могут быть последствия подобного порядка вещей для общественного спокойствия. Предположим, что врожденное народу нашему чувство уважения к власти и удержит его в пределах самого строгого повиновения существующему закону. Тем не менее по истечении этих 12 лет вопрос, не подвинувшись ни на шаг, вновь представится в прежней своей полноте и силе, лишь осложненный целой системой всякого рода дорогих оценок, уже сделавшихся неизбежным основанием (base) всех дальнейших сделок по этому вопросу правительства с дворянством.

Отложить вновь разрешение его на несколько лет в виде дальнейшего пригласительного периода, очевидно, будет тогда невозможно, да и к тому же оно было бы бесполезно, так как условия освобождения крестьян через это не изменятся, но

останутся те же, т.е. столько же невозможными в практическом своем осуществлении и теперь, сколько были и прежде. Уменьшить оценки, сделанные за 12 лет назад, также невозможно; их скорее по справедливости должно будет возвысить.

Ясно, что тогда наступит для правительства минута тяжелых финансовых пожертвований: казна поневоле увидит себя принужденной прийти огромными ссудами на помощь крестьянскому сословию и выкупить у дворянства по дорогой оценке те права его, которые ныне при некоторой последовательности правительственных действий могут еще быть оценены добросовестно и обоюдно безобидно. Тогда уже не будет речи о выкупе повинностей самими крестьянами; весь капитальный расход должен будет пасть на казну, и даже в платеже себе процентов по оному она будет вынуждена сделать крестьянам огромные льготы.

Примером тому может отчасти служить нам Пруссия: несмотря на то, что под влиянием целого ряда попечительных правителей вопрос об освобождении крепостного сословия развился там правильнее, чем в остальной Европе, но и в ней первоначально допущенный законами 1821 и 1834 годов неправильный образ определения крестьянских выкупов (определением не капитальной ценности отрезанной крестьянам земли, но оценкой отпавлявшихся ими за нее работ) слишком значительно возвысил требовавшуюся с крестьян выкупную сумму и тем вовлек впоследствии прусское правительство в значительные расходы, а именно: он заставил правительство законом 2 марта 1850 года принять на свой счет, или на счет учрежденных им повсеместно банков, выкуп всех еще не выкупленных крестьянских хозяйств с прощением крестьянам целой четверти следующих с них процентов за ссуженные им таким образом капиталы.

Австрийское правительство должно было принести еще большую жертву, и патентами 1849 и 1850 годов определило немедленно уплатить помещикам государственными облигациями целую треть им следующего капитального вознаграждения, т.е. около 400 милл. руб. сер.

Очевидно, если бы в Пруссии с самого начала не была бы допущена слишком возвышенная оценка крестьянских повинностей, то крестьянам было бы возможно выкупить собственными своими средствами несравненно большую часть их, не прибегая к помощи государственного казначейства или основанных им банков, или, по крайней мере, помощь эта ограничилась бы несравненно меньшими суммами и пожертвованиями со стороны государства.

Да послужат же хоть нам на пользу назидательные уроки, заготовленные нам историей за счет других народов и других государств. Пусть правительство убедится, что, отстаивая ныне в губернских комитетах дешевую оценку крестьянских усадеб и крестьянских мирских земель, оно будет не столько защищать выгоды крестьянского сословия, сколько свои собственные выгоды и интересы, имеющие ясно обнаружиться в самом близком будущем. Пусть уверится оно, с другой стороны, что всякая сделанная теперь в этом деле уступка дворянству, внесенная слабостью или желанием сохранить с ним во что бы то ни стало добрые отношения и купить мир с ним принесением ему в жертву, по-видимому, одних только выгод сословия крестьянского, должна окончательно и притом неминуемо решиться по истечении первых 12 лет страшными, почти неисчислимыми убытками и расходами для самого правительства; ибо последнее по истечении подготовительного периода неминуемо должно будет последовать примеру правительств Пруссии и Австрии и прибегнуть к огромной финансовой операции для единовременного выкупа у помещиков и крестьянских усадеб, и мирских земель. Против этого можно сказать: дешевая оценка не избавит правительства от финансовой операции для соглашения выгод помещиков и крестьян; эта операция, во всяком случае, неминуема; как бы дешево ни были произведены комитетами в настоящее время оценки, – крестьянин во многих местностях России не найдет в собственном достатке средств к выкупу своей усадьбы, а если он даже и успеет осилить эту часть предстоящего ему дела, то правительству тем не менее невозможно будет оставить крестьянина связанного (на вечные

времена) ежегодным оброчным платежом помещику за мирскую землю, и оно окончательно увидит себя принужденным тем или другим путем разрешить эти отношения посредством единовременного удовлетворения дворянства. В этом мнении есть, без сомнения, значительная доля истины; но чем оно справедливее, тем настоятельнее представляется для правительства в будущем неминуемость выступить посредником между двумя сословиями и облегчить им желанную окончательную развязку посредством какой-либо финансовой сделки, посредством перевода, так сказать, на себя самого крестьянского долга дворянству; тем важнее для него строгое наблюдение уже в настоящее время за правильностью и дешевизной оценки, по которой оно чувствует себя призванным выкупить со временем мирские земли и малейшее преувеличение которой неизбежно должно вовлечь его в непроходимые финансовые затруднения.

Но какие же средства имеет правительство для правильного контроля над действиями дворянских комитетов? Средства эти двойки: одни носят характер чисто официальный и находятся в непосредственном распоряжении и власти правительства; другие покоятся в не зависящей от него среде общественной и равно могут быть им искусно возбуждены и направлены, или презрительно подавлены и отвергнуты в ущерб самой власти и общественному доверию, приобретенному ей последними указаниями.

Что касается до первых, то они, без сомнения, прежде всего заключаются, как уже объяснено в предшествующей Записке, в правильном выборе членов от правительства в губернские комитеты и в неусыпном наблюдении губернаторов за действиями последних. Но все это составляет лишь как бы только приготовительные действия со стороны правительства, – настоящая задача его начнется собственно тогда, когда губернскими комитетами по истечении шестимесячного срока будут представлены составленные ими проекты. Нет никакого сомнения, что возможное согласование и приведение в единство положений, составленных комитетами губерний соседних и между собой сходных в экономическом отношении,

есть предмет первой важности. С одной стороны, оно упростит новое законодательство, предотвратив излишнее разнообразие в положениях о крестьянах настолько, по крайней мере, насколько эта пестрота не оправдывается самим разнообразием местных обстоятельств; с другой – оно дает правительству возможность для ревизии первоначальных положений, выработанных в губернских комитетах, образовать другие комитеты, лучше составленные, менее подчиненные местным влияниям и воззрениям, и от которых, следовательно, можно будет ожидать кроме некоторого стремления к единству еще и несколько бóльшую в своих мнениях независимость от личных корыстных видов и расчетов.

Наконец, невозможно не признать, что при той преднамеренной и губительной негласности, которой до сих пор этот вопрос был, к сожалению, окружен, отсрочение его окончательного решения еще на полгода, в течение которого новые комитеты успеют воспринять мало-помалу полезное влияние литературы и живого слова, может оказаться лишь в высшей степени благотворно для правильного обозрения ясных, отчетливых и несколько наукообразных понятий о лучших средствах к освобождению крестьян. Эта цель вполне может быть достигнута предлагаемой передачей Положений местных комитетов на дальнейшее и окончательное рассмотрение новых комитетов центральных.

В известных до сих пор рескриптах, и даже в рескрипте с.-пб. генерал-губернатору, нет ни одного слова, которым бы правительство себя в этом отношении связало и которое могло бы ему помешать привести в исполнение эту мысль; недавний пример белорусских губерний может, напротив, быть рассматриваем, как прямое на нее указание. Мера эта является, следовательно, не только полезной, но еще и в полном смысле законной, и остается желать, чтобы правительство воспользовалось ею надлежащим образом.

Для того, чтобы мысль о центральных комитетах принесла все те плоды, которые она, по-видимому, обещает, необходимо, чтобы правительство впредь установило твердый образ

действия в отношении к дворянству и решилось от него ни в каком случае не отступать. Этот образ действия должен состоять, во-первых, в отсутствии всякой тревожной заботливости о том, чтобы искусственным образом возбудить в возможно большем числе губерний изъявления готовности со стороны дворянства к следованию по указанному Государем пути.

Многочисленные адреса губернского дворянства ничего не докажут и не произведут никакого существенного полезного результата, доколе предложенная ныне правительством мысль не созреет в среде общественной посредством гласности и литературного обсуждения и, уже созревши, не вызовет со стороны дворянства участия в этом деле, – искреннего, свободного и добросовестного. В противном случае размножение дворянских комитетов послужит лишь только к расположению по всему пространству России точек слепого, непроизводительного и раздражающего сопротивления благим видам правительства, чего последнее должно по возможности избегать. Добровольно ограничив таким образом круг своей деятельности, правительство должно, во-вторых, с тем большей заботливостью и рвением направить все свои усилия на одну или две местности внутри России, наиболее, по-видимому, восприимчивые, наиболее приготовленные к движению и наиболее нуждающиеся в обновлении своего хозяйственного быта. При самом поверхностном даже взгляде на карту России немедленно просится на ум естественное деление ее на несколько как бы однородных групп; здесь достаточно будет привести для примера некоторые из них: 1) губернии Московская, Калужская, Владимирская, Ярославская, Костромская; 2) Смоленская, Псковская, Новгородская; 3) Тульская, Рязанская, Орловская; 4) Нижегородская, Казанская, Симбирская; 5) Пензенская, Саратовская, Тамбовская, Воронежская; 6) Малороссийская с Курской; 7) Новороссийская и пр. и пр.

Из всех этих групп (состав каждой из которых не должен, однако, быть произвольно усиливается правительством в ущерб удобствам местной однородности) одна из наиболее подготовленных к восприятию мысли об освобождении крестьян есть,

без сомнения, совокупность губерний, означенная 3-м номером и слагающаяся из областей: Тульской, Рязанской и Орловской. Преобладающий в них тяжелый характер барщины сделает отмену последней, или даже и всякий решительный шаг к тому, явлением отрадным для народа и важным для сохранения и упрочения в настоящее время общественного спокойствия; центральное положение этих губерний, через которые пролегают главные внутренние пути, отчасти может сообщить выработанному в них новому устройству свойство положения образцового для других хлебородных местностей России; наконец, сравнительно высшая степень образования дворянства этих губерний и некоторая обеспеченность среди предстоящего хозяйственного переворота, находящая им в густоте их народонаселения и доброкачественности почвы, должны служить ручательством сравнительно большой готовности этой части русского дворянства к принятию на себя чести первых тяжелых опытов. В этой и других местностях, которые могут быть при зрелом размышлении избраны правительством, последнее должно стараться во что бы то ни стало возбудить и поддержать движение. На это не должны быть пощажены ни местное влияние губернаторов, ни даже те всегда могущественные средства к возбуждению ревности губернских и уездных предводителей, которыми располагает министерство. Нет сомнения, что всего деятельнее оказалось бы слово самого Государя, вместе приветливое и решительное, сказанное губернским предводителям, если бы они были вызваны в Петербург или случайно бы туда приехали. Затем, по открытии местных губернских комитетов, необходимо было бы поручить доверенному лицу от правительства беспрестанно объезжать эти комитеты в пределах ему отведенной совокупности нескольких губерний, тщательно собирать сведения о ходе их заседаний, входить с ними в полуофициальные сношения по этому предмету, нимало не стесняя, впрочем, свободы их суждений, постоянно сближаться с лучшими из их членов, приготавливая в них себе будущих сотрудников, наконец, исподволь направлять занятия комитетов к одной общей цели и стараться заложить в их труды

семена некоторого единства начал. Успешное выполнение подобной задачи есть, без сомнения, дело трудное: оно требует человека, близко знакомого не только с видами правительства, но и с местными обстоятельствами, и к тому же лично уважаемого за свои нравственные и умственные качества; чем ближе он знаком той дворянской среде, на которую он призван действовать, тем благотворнее может быть и сама его деятельность; если он в той же полосе владеет имением, то и это обстоятельство, внушая дворянству еще большее к нему доверие, может содействовать успеху его поручения. При составлении местных Положений для каждой губернии, естественно, то же самое лицо должно быть назначено от правительства председателем того центрального комитета, которому поручится пересмотр и возможное согласование местных проектов той группы губерний. Центральные комитеты должны бы быть составлены из лиц, назначенных от правительства из числа первоначально избранных дворянством в комитеты губернские. Правительство должно предоставить себе выбрать из каждого губернского комитета по три члена для участия в комитете центральном. Затем, кроме председателя, еще два члена могут быть назначены по произволу правительства из известных ему чиновников, специально занимавшихся этим вопросом, или из посторонних известных ему лиц. Наполнение центральных комитетов большим числом коронных членов нужно как для того, чтобы избежать по возможности всякого вида произвольного решения вопроса верховной властью, так и потому, что правительство вполне будет обеспечено возможностью выбирать из числа членов губернских комитетов лишь самых просвещенных и надежных. Во всяком случае, предлагаемый состав центральных комитетов, нимало не нарушая законных и существенных прав дворянства, представляет правительству несравненно более ручательств состава, назначенного общему комитету губерний Ковенской, Виленской и Гродненской. В этом легко убедиться, припомнив, что последнему назначено состоять из членов губернских комитетов, по два из каждой губернии, выбранных самим комитетом, не правительством;

что в нем только один член от министерства, а другой член от генерал-губернатора, но избранный из числа помещиков; что, наконец, из числа последних должен непременно быть правительством назначен и председатель.

Наконец, местом заседания центрального комитета должен быть избран тот из губернских городов известной группы, который по взаимному соглашению министерства и председателя будет найден для того удобнейшим и наиболее соответствующим. Таким образом, обеспечится спокойствие и бесстрашие, столько необходимое для успеха комитетских заседаний; и вместе со всяким поводом к скоплению в столицах значительного количества дворянских представителей сами собой устроятся те призраки, которыми озлобленные защитники старого крепостного права теперь ищут устрашить правительство и общественное мнение.

Несравненно важнее было бы, напротив, удалить дворян, членов центральных комитетов, от всех местных влияний, неразрывно связанных с той средой, где находятся все их связи, знакомства и даже имена, и подвергнуть их более прямому и непосредственному воздействию читающей и мыслящей среды, скопляющейся в столицах и, без сомнения, всегда более доступной внушениям просвещенного великодушия, чем тесный и заглохший круг губернской жизни. Москва или Петербург суть те два города, которые естественно указаны для места заседаний центральных комитетов. В случае одновременного сбора нескольких таких комитетов бесполезно будет разделить их между обеими столицами, не потому, впрочем, чтобы соединение их в одном месте могло в самом деле представить какие-либо неудобства, но единственно с целью предупредить всякие злонамеренные толки озлобленных защитников старого крепостного быта о каких-то мнимых опасностях, будто бы кроющихся для государства в многочисленном сосредоточении в одной столице представителей русского дворянства.

Все эти меры останутся, однако, бесплодны, если не допущен будет вместе с тем значительный простор для печатного обсуждения хозяйственной стороны предлежащих вопро-

сов, как бы нечаянно выросших перед русским обществом. Мы должны теперь с сокрушенным сердцем убедиться, что обстоятельства застигли русскую мысль врасплох, что она сама требует предварительного образования и приготовления к новому делу и что это образование может ей быть дано одной только литературой. Академия наук подала первый знак умственному движению назначением премии за лучшую историю уничтожения крепостного права в других землях. Если б назначенные премии были несколько значительнее, то благоразумное решение Академии не могло бы подвергнуться ни малейшей критике. Но, во всяком случае, на этот вызов ее естественно будут отвечать по преимуществу иностранцы, ближе знакомые, чем русские, со своим собственным бытом и историей. Для удовлетворения жажды деятельности русской литературы и вместе с тем для увязания ее правильного и полезного направления должны быть предложены премии и вопросы для состязания, относящиеся к многообразным хозяйственным интересам предлежащего переворота; таким образом, возникнут труды основательные, зрелые и отличающиеся насущной пользой. Комитетам должно быть вменено в обязанность доставлять в известные периодические издания ежемесячные своды своих действий, — чем и сами они будут побуждены к более добросовестному выполнению возложенного на них дела; а журналам с пользой может быть разрешено заниматься критической оценкой и взаимным сравнением этих комитетских отчетов.

Само собой разумеется, что право как помещать эти статьи, так и заниматься разбором их, должно по преимуществу быть предоставлено одним периодическим изданиям: трехмесячным, месячным и двухнедельным, составляющим предмет чтения более образованного круга людей, а не ежедневным газетам, уже теперь значительно распространенным в простонародье.

Только подобным, так сказать, постоянным тяготением печатного слова и печатной мысли над дремлющей дворянской средой может быть достигнуто пробуждение ее к живому

пониманию действительных потребностей государства и возбуждена решимость ее к каким-либо серьезным пожертвованиям на общее благо. Иными путями могут быть вынуждены со стороны дворянства уступки, но никогда не будет внушено ему спасительное и важное для будущего – сознание их необходимости и строгой справедливости.

Записка кн. Черкасского, составленная по поручению административного отделения

В административном отделении комиссий возник вопрос: *«В чем будут заключаться, по обнародовании Положения, ограничения прав крестьян в отношении административном в периоды, во-первых, введения в действие нового Положения, во-вторых, барщинского и, в-третьих, оброчного отправления крестьянами повинностей?»*

Согласно поручению отделения, я имею честь представить на благоусмотрение его следующие основные соображения.

Ограничение крестьянских прав может, очевидно, выражаться, с одной стороны, во временном, большем или меньшем ограничении самих личных прав крестьян, т.е. права выхода их из общества; с другой стороны, в предоставлении самому помещику в продолжение этих различных периодов времени большей или меньшей степени влияния на сельское управление.

Последний предмет исключительно входит в круг забот административного отделения и должен быть им предварительно разрешен.

I. Период введения в действие нового Положения.

Период введения в действие нового Положения представляет наиболее затруднений при разрешении предстоящего вопроса.

Распадаясь сам на два, очевидно, друг от друга различные действия – во-первых, учреждение нового административного устройства, и во-вторых – приведение в исполнение новых законоположений о хозяйственном устройстве крестьян: отвод им постоянного надела, исчисление сообразно объему и ценности надела крестьянских повинностей, составление акта для каждого отдельного имения и пр., – самый этот первый период предполагает различные условия крестьянского быта, соответственно каждой из обнимаемых им двух эпох.

Немедленно по обнаружении нового Положения крестьяне должны получить все гражданские, семейственные и имущественные права; но вместе с тем хозяйственное распоряжение помещика может быть сохранено на все, по возможности, краткое продолжение этого первого периода с немедленным облегчением крестьян лишь по некоторым особенно тягостным для них повинностям, напр., повинности подводной; с другой стороны, с самой минуты учреждения сельских обществ и новой местной администрации крестьяне, состоящие на оброке или на барщине, должны немедленно воспользоваться всеми правами, им даруемыми новым административным устройством, в той самой мере, в какой определяются эти права нижеизложенными соображениями для каждого из этих двух разрядов крестьян.

II. Период барщинского и оброчного отправления крестьянских повинностей.

В течение последующих двух периодов, по окончательном введении в действие нового Положения, права помещика в административном отношении подразделяются: во-первых, на такие, которые могут быть сохранены в течение обоих этих периодов; во-вторых, такие, которые могут быть предоставлены помещику исключительно лишь на время продолжения одного которого-либо из них, т.е. или барщинского, или оброчного отправления повинностей.

1. К первым, т.е. к правам помещика, общим для обоих периодов, относятся:

а) Право помещика делать общине и сельскому обществу предложения – впрочем, ни для общины, ни для сельского общества не обязательные – о постановлении приговора насчет удаления из них вредных лиц, временно в них проживающих.

б) Право помещика делать общине и сельскому обществу предложения – также, впрочем, ни для общины, ни для сельского общества не обязательные – о постановлении приговора насчет совершенного удаления из оных и представления в распоряжение правительства или внеочередной отдаче в рекруты вредных почему-либо их членов, равно и о лишении последних на время или навсегда права участвовать в сходах и быть избираемыми в должности.

в) Право помещика ходатайствовать перед уездной расправой как об удалении из общины вредных временных ее жильцов, так и о совершенном удалении из нее вредных ее членов и предоставлении последних в распоряжение правительства или внеочередной отдаче в рекруты, равно и о лишении их на время или навсегда права участвовать в мирских сходах и быть избираемыми в общественные должности.

г) Право жалобы мировому судье и уездной расправе на все вообще должностные лица сельского управления и на всякого рода нарушения в ущерб помещику или крестьянскому обществу установленных законом правил как со стороны должностных лиц сельского управления, так со стороны самого мира.

е) Право заступничества за срочно-обязанных крестьян, поселенных на земле помещика. Это последнее право вмещает в себе следующие виды: 1. Право помещика присутствовать при всяком следствии, производимом над срочно-обязанным крестьянином, поселенным на его земле, и, в случае неправильных действий следователя, приносить на последнего жалобу высшему начальству. 2. Право помещика, в случае притеснения срочно-обязанного крестьянина, поселенного на его земле, каким бы то ни было лицом полицейского управления или приходскими священно- и церковнослужителями, приносить на подобные действия жалобу высшему начальству. 3. Право производить от имени такового же крестьянина всякого

рода гражданский иск на основании доверенности, писанной на простой бумаге, добровольно данной ему крестьянином и заявленной лишь в местном суде сельского общества.

2. Сверх всех вышеозначенных прав помещика, общих для обоих периодов, барщинского и оброчного отправления повинностей, должны быть предоставлены помещику еще некоторые *особенные права, отдельно присваиваемые в продолжение каждого из этих периодов*:

а) *В период барщинского отправления повинностей* – право назначения собственной властью общинного старосты на неопределенный срок из числа крестьян той общины и право произвольной смены его. Само собой разумеется, впрочем, что назначение старосты не должно быть вменяемо помещику в непрременную обязанность, и ему должно быть дозволено, буде он сам пожелает, предоставить выбор старосты самой общине, с сохранением, однако, за собой права произвольной смены старосты. С другой стороны, мировому судье должно быть предоставлено право требовать от помещика, в случае справедливых жалоб крестьян на назначенного им старосту, смены его и замещения его другим.

В руках старосты должна быть сосредоточена полицейская (но отнюдь не судебная) власть в пределах общины.

б) *При оброчном отпращивании повинностей* – староста избирается самой общиной на определенный срок и без участия в том помещика. Этим правом община пользуется безусловно, доколе она исправна в отпращивании своих законных повинностей к помещику. Но в случае впадения ее в недоимку помещик получает право требовать от мирового судьи или сельского общества немедленного удаления избранного общиной старосты и замещения его старостой, назначенным от самого помещика. Правом назначения собственной властью общинного старосты помещик пользуется только до тех пор, покуда недоимка не будет окончательно пополнена общиной*.

* Всеми этими соображениями не предрешается вопрос о правилах для назначения должностных общественных лиц в тех малолюдных селениях, где сельское общество по своему объему совпадает с поземельной общиной.

За исключением вышесказанных прав, помещику ни в период барщинского, ни в период оброчного отправления повинностей не должно быть предоставлено никакое дальнейшее право вмешательства во внутреннюю администрацию как сельского общества, так и общины.

В особенности тщательно должно быть избегаемо дарование помещику права воспрещать и дозволять мирские сходы и утверждать их приговоры, к какому предмету ни относились бы последние.

Наконец, даже в имениях, отправляющих повинности барщинскую, и при назначении общинного старосты от помещика должно быть допущено, буде того пожелают крестьяне, избрание ими самими особого выборного – для сбора и взноса в казну следующих с общины казенных повинностей, для наблюдения за запасным хлебным магазином и для ведения под наблюдением старосты очереди между крестьянами в отправлении натуральных земских повинностей.

Мнение кн. В. А. Черкасского «о наделе»

Ваше Превосходительство!

Считаю необходимым высказать в среде комитета мысли по поводу предполагаемого крестьянского надела в ответ на выразившиеся уже мнения. Постараюсь представить их в возможно сжатом очерке, будучи убежден, что при настоящем положении этого вопроса, когда он уже рассмотрен с различных точек зрения, достаточно будет ограничиться изложением одних существеннейших его сторон и проследить главнейшие последствия, имеющие проистечь из принятия в деле крестьянского земельного надела того или другого основания.

Не льщу себя, конечно, надеждой заслужить то одобрение большинства гг. членов комитета, которого на днях удостоился мой почтеннейший друг, И. А. Пушкин, защищая

однодесятичный надел на душу. Тем не менее, заранее уже ободренный привычкой к хроническим неудачам в среде комитета, я не откажусь от удовольствия высказать мои мысли с полной откровенностью.

Прежде чем приступить к положительному разрешению вопроса о размерах крестьянского надела, необходимо дать себе ясный отчет в тех условиях, которым должно соответствовать новое учреждение, и без тщательного соблюдения которых последнее не может быть ни прочно, ни желательно. Необходимые условия эти, бесспорно, заключаются в следующем.

Во-первых, новый надел должен, согласно и собственному выражению Высочайших рескриптов и здравому смыслу, быть настолько достаточен, чтоб он мог обеспечить быт крестьян и выполнение их обязанностей к правительству и помещику;

Во-вторых, тщательно должен быть избегаем при утверждении его всякий внезапный и насильственный перелом в хозяйственном быту крестьян, как упрочившемся вековыми условиями, основанном на их действительных средствах и соответствующем их действительным нуждам, которые ни в каком случае мгновенно измениться не могут и потому заслуживают особенного изучения и внимания;

В-третьих, не менее тщательно должно быть избегаемо всякое сознательное попользование или всякий бессознательно допускаемый повод к искусственному порождению пролетариата и бобыльства, и к лишению беднейшей части сельского народонаселения выгод, порождаемых самостоятельным хозяйством;

В-четвертых, новое учреждение должно иметь целью естественными, им самим порождаемыми выгодами привязать крестьянина к родной почве, предотвратить в нем желание к перемене местожительства и доставить в его лице обществу оседлого гражданина, а землевладельцу постоянного наемщика его земли.

И, наконец, в-пятых, устанавливая нормальный размер нового надела в надежде его ввести и осуществить на деле,

мы не должны ни в каком случае забывать, что приступаем к самому щекотливому вопросу современного внутреннего устройства, существенно затрагивающему насущные интересы 20 миллионов жителей, ожидающих от нас не легкомысленной игры их судьбой и условиями их жизни, но действительного ее улучшения.

Все эти первоначальные, тесно связанные между собой условия должны быть положены в основание нового учреждения, нами ныне вырабатываемого. Последнее только тогда будет заключать в себе достаточные залогов успеха и только тогда может быть достойно принятию и утверждению своего правительством, когда каждое из вышесказанных условий будет, по мере возможности, взято нами во внимание и взвешено, и когда ни одно из них не будет принесено в жертву близоруким требованиям сословного эгоизма.

Три главных пути предстоят нам к разрешению всех трудностей, сопряженных с этим вопросом. Их можно назвать: системой существующего ныне надела, системой надела недостаточного и, наконец, системой среднего надела. Рассмотрим достоинства и недостатки каждой из них.

Утверждение за крестьянами ныне существующего земельного надела их есть, без всякого сомнения, наипростейшее и едва ли с общей государственной точки зрения не самое практическое разрешение вопроса.

Им утверждается за крестьянами то количество земли, которым они до сих пор владели, и которое поэтому, очевидно, достаточно для обеспечения за ними средств к существованию и отправлению всякого рода повинностей; им предотвращается далее обрезаживание помещиками у крестьян части надела, для последних часто совершенно необходимой, и вместе с этим устраняется многотрудное дело регламентации этого обрезаживания; наконец, им устраняется главный повод к враждебным, на первый случай, столкновениям между обоими сословиями, которые слишком легко могут возникнуть, если вопрос о наделе будет решен в смысле неблагоприятном для крестьян, и дворянство пожелает на деле осуществить такое решение. При

сохранении существующего надела, очевидно, может возникнуть только, во-первых, вопрос об образе производства обмена чересполосных земельных участков между помещиками и крестьянами; во-вторых, вопрос о нормальном наделе крестьян в имениях оброчных, где крестьяне владели до сих пор всей землей, и притом в количестве, превышающем значительнейшие наделы крестьян барщинских. Очевидно поэтому, что сохранение существующего надела значительно сократило бы труд и хлопоты законодателя и упростило бы всю его задачу.

Против принятия существующего надела за общее правило действительно говорят два обстоятельства: во-первых, увеличение через это затруднений в приискании способов к справедливому вознаграждению дворянства за убыток, им понесенный; во-вторых, неизбежно возникающая также через то для крестьянина трудность вынести то возвышение подати, которое естественно влечет за собой выкуп весьма значительного надела.

Считая добросовестное капитальное вознаграждение дворянства и выкуп крестьянских земель единственным удовлетворительным и притом необходимым окончанием принятого преобразования, я смею думать, что высказанные два соображения не могут не быть взяты во внимание, как равно оберегающие существеннейшие выгоды обоих сословий; а потому на основании их, по моему мнению, должно быть отступлено от основного начала существующего надела с тем, однако же, чтобы крестьянский надел был назначен вполне удовлетворительный и достаточный, и чтобы, по крайней мере, в низших и средних степенях надела последний оставался количественно и качественно не измененным.

Таким образом устанавливается понятие о среднем наделе, – мой взгляд на который я буду иметь честь выразить в заключение моего мнения.

Самая распространенная, если не ошибаюсь, в нашем комитете мысль есть система недостаточного надела крестьянина на землю. Таким наделом сами защитники этого мнения почитают надел от 1 до 1 $\frac{1}{2}$ дес. за душу.

Мысль о таком наделе находит себе защитников не только в большинстве гг. членов комитета, но даже и в меньшинстве его, заимствуя от тех и других некоторый особенный оттенок.

Основания, общие тем и другим защитникам этого начала, могут, кажется, быть выражены следующим образом: во-первых, они полагают, что определение крестьянам надела достаточного неминуемо поведет крестьян к самой полной беспечности и лени и убьет в них всякую склонность к труду; во-вторых, к определению надела недостаточного их побуждает мысль, что при новом порядке вещей взыскание повинностей за отводимый крестьянам земельный надел окажется слишком затруднительным; наконец, в-третьих, они видят в недостаточном наделе лучшее средство привести крестьянина к вынужденному найму в батраки в помещичьи хозяйства.

Первая из этих трех мыслей была уже многократно опровергаема; тем не менее она, без всякого сомнения, будет повторяться до тех пор, пока вопрос не будет окончательно разрешен жизнью, ибо слишком легко и удобно бывает почерпнуть доказательства из безответственной области гаданий, упорно отвергая явления, уже теперь совершающиеся на наших глазах, и облекая свои суждения в форму общих, всегда спорных приговоров на несовершенство человеческой природы. Последователям этой мысли достаточно будет указать на примеры, слишком мало подтверждающие их воззрение: на все промышленные губернии, где огромный и часто (при всем низшем качестве земли) весьма ценный надел оброчных крестьян не мешает им вести самую деятельную жизнь и постепенно идти вперед на пути обогащения и развивающейся промышленной деятельности; далее – на имения оброчные и достаточно наделенные землей в самой нашей губернии, каковых считается несколько десятков тысяч душ, хотя бы, например, на имение графа А. А. Бобринского, пользующееся почти 4-десятинной пропорцией земли в одном из лучших уездов Тульской губ.; наконец, и на самих казенных крестьян, владеющих в Тульской губернии в средней сложности $3\frac{6}{10}$ десятинами на душу и во множестве местностей еще принимающих себе земли в зна-

чительном количестве, и вопреки мнению большинства дворянства стоящих далеко не на той низкой ступени развития, какая им обыкновенно приписывается нашей братией, помещиками. Трудно в особенности понять, каким образом могут усвоить себе подобную мысль о неминуемом, при достаточном земельном наделе, упадке народной нравственности лица, видящие уже в одной свободе человека лучшее ручательство за развитие его в будущем; ибо самые здоровые начала экономической науки убеждают нас, что если драгоценна личная свобода и свобода человеческого труда, то от дружного содействия этой внутренней духовной силе другой вещественной силы, капитала, первая не только не должна ослабнуть, но разве лишь может получить полное свое развитие и совершенное приложение. В этом отношении последовательный поклонник здравых экономических понятий должен разве лишь пожалеть о том, что капитал, или орудие производства, в виде земельного надела даваемый нами крестьянину, по необходимости еще слишком ничтожен; а неотъемлемое у крестьянина чувство сознания своей личной выгоды должно вполне успокоить всякое сомнение насчет правильного употребления им этого капитала и извлечения из него для себя возможно большей выгоды.

Говорят далее – повинности наши будут плохо обеспечены новым Положением, следовательно, лучше рисковать меньшим...

Но отчего не постараться скорее выработать такое положение, при котором повинности наши были бы лучше обеспечены? Зачем так равнодушно махать рукой на все то, что может быть сделано с пользой? Конечно, легче и приятнее довольствоваться одной критикой, объявлять дело совершенно невозможным и вследствие этого потакать всеобщему направлению, требующему недостаточного надела крестьянина, невзирая на всю явную для государства и дворянства опасность подобного решения. Но не лучше ли было бы решиться подать дворянству благой, хотя и неприятный ему совет и вместе с тем поискать средств к предотвращению будущих неисправностей в отправлении повинностей?

Средство это указано нам самим министром внутренних дел в секретном отношении его к виленскому генерал-губернатору от 21 ноября 1857 г. за № 36. Здесь именно указывается на право помещика в случае неисправности крестьянина «лишать его того участка земли, коим сей крестьянин пользуется».

Право это, по моему мнению, вполне обеспечивает помещика, и при существовании этого права нет никакой причины так несоразмерно ограничивать крестьянский земельный надел. С признанием за помещиком этого права от нас самих зависит дальнейшее обеспечение полной исправности крестьянина: исправность эта будет отныне главным образом зависеть от благоразумной умеренности налагаемых на него повинностей и от утверждения за ним достаточного надела земли, а не одного только, как бы образчика того чернозема, которого мы в действительности собираемся лишить его навсегда.

Напрасно скажут, что правительство не учредит этого права за дворянством. Уже одно ясное, недвусмысленное указание его в вышесказанном отношении министра внутренних дел естественно заставляет предполагать противное; тем более что нет никакой достаточной причины для правительства отказать дворянству в этом необходимом обеспечении, которое весьма легко согласить с неотъемлемым правом пользования всего сельского общества на всю совокупность предоставленной ему в надел земли. Если же может настоять малейшее сомнение в видах на этот счет правительства, то лучше употребить на достижение этой возможной и законной цели ту энергию, которую большая часть комитетов, к сожалению, тратит на искание целей, столько же неосуществимых, сколько они и сами по себе вредны, если б они могли когда-либо осуществиться.

Если к тому же мы однажды станем на эту почву и захотим вперед предугадывать, что правительством будет принято из наших предположений и что им должно быть отвергнуто, то спрашиваю по совести: неужели правительство может согласиться на явно недостаточный надел, на основании именно

этой своей недостаточности избираемый и предлагаемый ему комитетом? Какое нужно ослепление, чтобы не видеть всю несостоятельность предложения, делаемого правительству с такой непринужденной откровенностью? И если правительство, как необходимо должно ожидать того, отвергнет предлагаемый ему размер столь явно недостаточного надела, то не рискуем ли мы видеть, как по собственной нашей вине может внезапно быть утвержден хотя бы надел ныне существующий, для правительства бесхлопотный, для дворянства самый невыгодный. Плохая же услуга будет в таком случае оказана нами дворянству!..

Третье основание малого надела есть, как я сказал, самая его явная и очевидная недостаточность, долженствующая, по мнению защитников его, побудить крестьян искать посторонних заработков, а помещичьим хозяйствам доставить вольнонаемных работников.

Почтенный друг мой, И. А. Пушкин, выразился с полной откровенностью – он желает малого надела и пролетариата. Г. Волоцкий в прочитанном им на днях мнении, к которому пристали и гг. Левицкий, Игнатьев и Марков, выразился почти также ясно: «Наименьший надел, вероятно, не удовлетворит всех потребностей крестьянина, но, конечно, поставит его в необходимость работать за умеренную плату».

Читая последние слова, невольно задаешь себе вопрос, не ошибся ли г. Волоцкий и не хотел ли он сказать «за неумеренно низкую плату?» Таков, по крайней мере, необходимый логический вывод всей его мысли.

Итак, нам необходим пролетариат; нам необходимо отнять у крестьянина даже ту степень вещественной обеспеченности, которой он пользовался до сих пор; нам нужно оставить его безоружным в предстоящей ему борьбе с капиталом; нам нужно, в видах обещанного ему улучшения его быта, наперед установить такой порядок вещей, который послужил бы к немедленному, искусственному разорению беднейших из крестьян, дабы из самостоятельных домохозяев обратить их в разряд бобылей-батраков. Словом, при нашем многоземелии

и при всеобщем недостатке у нас рабочих средств мы мечтаем утвердить наше благосостояние на предварительном разорении части крестьян и на искусственном сокращении части рабочих средств крестьянских.

Господа, довольно ли ясно я представил то несметное множество экономических несообразностей, которые кроются в этих немногих словах? О другой, нравственной стороне этого вопроса я умалчиваю: пусть каждый обратится к собственной совести...

И между тем господа, даже и тогда, когда бы теория недостаточного однодесятинного надела восторжествовала, и тогда, я уверен в том, не все ожидаемые результаты осуществились бы на деле. Беднейшая часть крестьян, без сомнения, действительно обратится в бобылей и будет вынуждена искать себе заработков. Но увы! Она пойдет их искать не столько в наших сельских хозяйствах, сколько в городах и дальних промыслах, которые даже и в густонаселенных европейских центрах преимущественно привлекают к себе сельское народонаселение, а у нас ему еще долго будут представлять открытый и непрестанно развивающийся рынок и спрос: ибо нигде, а тем более у нас, сельское хозяйство не может предложить работнику той заработной платы, которую легко уплачивают ему другие промыслы. Итак, часть крестьян нами действительно будет обездомлена, искусственным образом отвлечена от земледелия и направлена в города и фабрики; мы же, добровольно лишившись части полевых наемщиков, не приобретем батраков и справедливо понесем наказание за легкомысленный наш эгоизм.

Тогда-то, господа, мы догадаемся, но слишком поздно, что для нас был выгоднее достаточный надел, доставляющий каждому крестьянину с самого первого дня нового устройства способы к поддержанию своих рабочих средств и к их постоянному употреблению, – надел, поощряющий каждого из них, даже беднейшего, не переводить свое хозяйство, но усиливать и усовершенствовать его, – надел, доставляющий помещикам, по крайней мере и во всяком случае, непрестанно возрастающий спрос на наем их пустопорожных земель, привязываю-

щий, наконец, крестьянина к его родной почве, к любимым бороздам и противодействующий пагубному расположению к городской и фабричной жизни. Я убежден, господа, что такое достаточным наделом естественно вызываемое сосредоточение всего народонаселения в деревнях, отвлекая крестьян от дальних промыслов, и нам самим, и нашим хозяйствам скорее доставит некоторую необходимую часть вольнонаемных работников. Едва ли, господа, результаты совершаемого нами теперь опыта, в каком бы смысле он ни был предпринят, не должны будут убедить нас в глубокой справедливости пословицы, изобретенной самым практичным и вместе самым себялюбивым народом в мире, англичанами, что честность есть лучшая из политик – «honesty is best policy».

Защитники малого надела скоро поняли всю слабость своей теории и невозможность для государства согласиться на принятие ее. Г. Пушкин первый старался исправить ее, предложив сверх первоначального десятинного надела на общем основании еще второго рода надел для отдачи его в наем крестьянам по таксе, рассчитанной на постоянно возвышающуюся цену ржи, с правом отбора этой земли у неисправного крестьянина. Г. Бибииков согласился с ним. Г. Волоцкий предложил ту же мысль в искаженном виде и потребовал отдачи крестьянину оттого дополнительного надела исполу, и притом в виде права помещика на отягощение крестьянина, но не в виде права крестьянина на дополнительный надел.

Излишне было бы подробно разбирать здесь столь явно само себя осуждающее предложение г. Волоцкого; странно только подумать, что г. Волоцкий не вспомнил, что в Каширском уезде, где он живет, крестьянина нужно будет побуждать розгами брать запольную землю по совершенной ее там непроизводительности. Г. Волоцкому невозможно не знать, что половническая система¹, везде и всюду крайне несовершенная в экономическом смысле, еще кое-как возможна лишь на богатой черноземной почве лучших уездов, в Каширском же уезде, и притом в особенности на запольных его землях, она представляет верх хозяйственной несообразности.

Возвращусь к предложению гг. Пушкина и Бибикова. Основательный хозяйственный смысл их, вероятно, без моего указания оценил уже экономические недостатки, неизбежно сопряженные с предлагаемым ими по необходимости дополнительным наделом. Один из первых недостатков этого надела, недостаток существенный, как он ни пленителен на первый взгляд, состоит именно в определении платы за него сообразно средней сложности изменчивых, часто непомерных цен на хлеб. Мысль подобного определения ренты вместо оброка денежного может быть почтена справедливой лишь тогда, когда она прикладывается к землям, отдаваемым в аренду для производства на них хлеба, который имеет поступить в продажу; в таком случае справедливо, чтобы фермер, дороже продающий свой хлеб в дорогой год, платил и арендную плату, постоянно и тесно соизмеримую с ценой того самого товара, который им производится на этой земле. В отношении к крестьянину, получающему в надел количество земли, едва-едва достаточное для его прокормления, и произведения коего, как всем нам известно, никогда не могут появиться на рынке, подобное учреждение было бы безусловно несправедливо и жестоко; ибо крестьянин, сам вместе с своим семейством потребляющий произведения данного ему земельного надела, очевидно, не выигрывает ничего через то, что потребляет хлеб, стоящий не рубль, но два рубля за пуд. Напротив, нам всем, хозяевам, положительно известно, что дорогой хлеб отзывается на крестьянине дешевыми работками, очевидно, таким образом, уменьшая доход крестьянина в самом источнике его, а не усиливая этот доход. И притом чем ограниченнее крестьянский надел, тем больше и тем разительнее несправедливость наложения на него оброка, рассчитанного по хлебным ценам, ибо такой скудный надел тем неизбежнее ставит крестьянина в необходимость покупать соразмерно большую часть дорогого хлеба на свое собственное пропитание.

Второй экономический недостаток устройства, предлагаемого г. Пушкиным и Бибиковым, есть то неизбежное хо-

зайственное сиротство, на которое, естественно, обрекается принадлежащая к дополнительному наделу земля, не знающая себе настоящего, постоянного хозяина и, конечно, не уваживаемая наемщиком, который владеет рядом с ней собственной ближайшей землей. Очевидно, наемщик предпочтет усердно вспахивать первую, а вторую обращать в тучный огород или конопляник. Через 10, 15, 20 лет, смотря по свойству почвы, истощенный дополнительный надел окажется никуда не годной землей; скупой рукой, по-видимому, сбереженный дворянский капитал утратит всю свою ценность, и помещик потерпит очевидный, значительный убыток. А между тем в-третьих, зло все-таки будет нанесено крестьянину, и бездомное бобыльство этим дополнительным наделом не будет предотвращено, ибо, без всякого сомнения, помещик от произвола коего будет зависеть отдача с самого начала этой земли в наем тому или другому крестьянину, предпочтет отдать ее нескольким богатым крестьянам, чем входить в мелочные расчеты с каждым крестьянином порознь или разложить ее по тяглам на весь тот самый мир, с которым гг. Пушкин и Бибииков желают именно избежать, по возможности, всяких сношений; а с поступлением этой земли в несколько избранных рук она, очевидно, должна будет к безвозвратному ущербу бедного крестьянина, оставшегося при первоначальном недостаточном своем клочке, или сохраниться в исключительном пользовании этих сельских богачей, или не иначе переходить от них во вторую отдачу крестьянам беднейшим со взиманием с них за это неизбежного и разорительного лихвенного роста. Таким образом постепенно водворится и у нас правильное повторение уже испытанной на деле ирландской системы!

Если, напротив, г. Пушкин примет за правило первоначальную раздачу этого дополнительного надела и разверстку его на тягла с правом отобрания земли лишь у неисправных, то это двойственное устройство надела будет лишь повторением того, что, как уже сказано мною прежде, я считаю справедливым внести в отношении не к одному только дополнительному наделу, но как общее правило для всей крестьянской земли, а

потому и устройство это будет для помещика далеко не выгоднее того, которое предлагается мной.

Г. Пушкин не сообщил подробных оснований своего предположения. Нет сомнения, что при дальнейшем их развитии он неминуемо должен будет встретиться с одним из трех следующих результатов: или с полным произволом помещика в деле раздачи земель второго надела и, следовательно, с опасностью немедленно и искусственно отяготить участь крестьян, и без того уже беднейших; или со всеми неудобствами крайне подробной регламентации, неизбежно отдающей помещика в руки чиновников, назначенных блюстителями за правильным употреблением дополнительного надела; или, наконец, с принятием для этого надела в сущности тех же самых правил, которые постановлены будут для первого коренного надела, а, следовательно, и с убеждением, что выгоднее всего остаться при однообразной организации всего крестьянского надела, единожды назначенного в размерах достаточных.

Господа, до сих пор опровергая теорию малого надела, я постоянно имел в виду, как необходимо ее дополнение, предоставление при этом крестьянам возможно широкой свободы в их хозяйственном быту и промысловой деятельности. Именно так понимают эту теорию гг. Пушкин и г. Бибииков. Не желая значительного надела, они вместе с тем с совершенной последовательностью требуют вознаграждения крестьянина предоставлением ему, по возможности, полной личной свободы и свободного приложения своего труда. Приписывая капиталу соразмерно меньшее участие в обеспечении рабочего человека, они полагают все надежды свои и устремляют все свои усилия на совершенное освобождение труда от всякого рода стеснительных оков.

Не вполне разделяя этот взгляд и считая его до некоторой степени односторонним, придавая вместе с тем несравненно больше важности значению капитала в хозяйственном мире, я, тем не менее, не могу не признать, что теория эта имеет в ученом мире многих за себя защитников и что с ис-

ключительно экономической точки зрения она может долго и удобно быть защищаема.

Но язык мой немеет, когда я принужден говорить о том же недостаточном наделе земельном, но только отрешенном от всех тех выгод, которые неразрывно связаны со свободным трудом и с личной самостоятельностью человека. Мне трудно представить себе возможность для кого бы то ни было серьезно предложить крестьянину в видах улучшения, или хотя бы даже только устройства его быта, отобрать у него прежде всего большую часть (от $\frac{1}{2}$ до $\frac{2}{3}$) его надела, лишить его далее, во всех трудных обстоятельствах, права на прежнюю помощь помещика; его же собственное строение оценить ему в выкуп от 150 руб. сер. и выше, а усадебную землю до 960 руб. сер. за десятину, и вместе с тем не дать ему даже права ни выйти на оброк, ни отлучиться на промысел без согласия помещика, ни даже устроить свою внутреннюю, домашнюю и общинную жизнь без постоянного, неугомонного помещичьего вмешательства. И неужели, господа, вы, если примете недостаточный земельный надел, не отмените даже требуемого вами от крестьянина через 12 лет личного выкупа в 114 руб. 28 коп. сер. с души за право крестьянина освободиться наконец от дальнейшего продолжения подобной каторги? А нет сомнения, каждый крестьянин, у кого подобные порядки еще оставят по прошествии 12 лет 114 руб. 28 коп. в кармане, – каждый крестьянин поспешит вам заплатить эти деньги, чтобы раз навсегда с вами расчесться и откупиться навеки от столь тщательного улучшенного вами его быта!..

И как согласить, господа, такое пристрастие к малому наделу с постоянно заявляемым вами убеждением в необходимости обязательного труда в значительных размерах для поддержания помещичьих хозяйств? Какую повинность можно без явного обременения наложить на ничтожный однодесятинный надел, уже без того обремененный платежом казенных податей и повинностей?..

Нет, господа, мы точно говорим языком друг другу непонятным. Удивительно ли после этого, что мы так часто спорим

о действительном значении самых простых, по-видимому, выражений? Удивительно ли, что еще так недавно, так ревностно избобличал меня один из членов большинства в разном с ним понимании, если не ошибаюсь, слова «барщина», которое ему представлялось уже в радужном блеске мне недоступной красоты вашего срочно-обязанного положения?*

* В журн. от 17 февраля находим следующее курьезное мнение, поданное членом Марковым: «В прошедшее заседание князь Черкасский, возражая против мнения г. Киреева, объяснил, что он разумеет под словом “барщина” всякую обязательную работу, определенную законом, а не взаимным соглашением, и что он до тех пор будет считать определение этого слова верным, пока академическим словарем оно не будет выражено иначе, из чего следует заключить: что ямщики в яму, на почтовых дорогах, обязанные законом везти почту и проезжающих по подорожным за определенные законом прогоны, по мнению князя Черкасского, работают на барщине, и они крайне сожалеют в некоторых местах об устранении этой барщины с тех пор, как устроились железные дороги. Тульские оружейники, трудящиеся по закону на тульском заводе и к нему приписанные, по тому же мнению, работают на барщине. Аптекаря, которые отпускают лекарство по установленной правительством цене; мясники, хлебники и т.п., ограниченные в продажной цене, в относительном к ней количестве и качестве продаваемого, – все они, по мнению князя, трудятся на барщине. Все чиновники, служащие по необходимости, получающие жалованье, законом установленное, а не по добровольному с ними соглашению, тоже, следовательно, работают на барщине. Храбрые солдаты, защитники отечества, получающие жалованье и содержание по закону без всякого добровольного с ними соглашения – и они, следовательно, по мнению князя Черкасского, на барщине. Вы, господа, были свидетелями, как князь Черкасскими брал на себя смелость делать замечания и понуждать нас неоднократно, хотя неосновательно, несвоевременно и без всякого на то права к тому, чтобы приступить к обсуждению вопросов в первой главе программы, но независимо от сего неуместного и несвоевременного предложения князя, мы все сами, я убежден в том, были постоянно побуждаемы собственным усердием к исполнению наших прямых обязанностей, – ужели кто-нибудь думал, что при этих понуждениях мы трудимся на барщине?

В заключение скажу, что меня удивляет одно, как г. Аксаков, сотрудник князя Черкасского, напечатал, что князь борется с невежеством (см. № 130 «Моск. Вед.», 1858), а сам не знал, что князю Черкасскому неизвестно значение столь общеупотребительного слова “барщина”, – значение которого, по собственному сознанию, князь долго знать не будет, а именно до издания нового Российского Академического словаря».

На замечания г. Маркова кн. Черкасский объяснил, что он не считает достойным себя отвечать на них, а слишком неблагоприятным трудом – распутывать то странное смешение понятий, которые заключаются во мнении г. Маркова (журн. 43, ст. 7).

Итак, теория малого надела оказывается несостоятельной. Существующий надел в видах обоюдной в будущем пользы как помещика, так и крестьянина должен быть устранен, как ни удобно было бы сохранение его в видах общих государственных целей. По необходимости приходится ограничить его. Но насколько именно?..

Я уже неоднократно имел честь в среде комитета выражать мои личные на этот счет убеждения: по моему личному мнению, которого я никогда не скрывал ни в среде комитета, ни в общем собрании дворянства, существующий надел должен быть сохранен неизменным везде, где размер его на каждую ревизскую душу, со включением не только пашни, но и усадьбы, выгона, лугов и всех вообще угодий, ныне не достигает $2\frac{1}{2}$ дес.; и обрезывание его в пользу помещиков должно бы быть допущено лишь там, где размер его превышает вышесказанную пропорцию $2\frac{1}{2}$ дес. на душу.

Основанием этого мнения служит, с одной стороны, то обстоятельство, что таков вообще средний надел крестьян в большей части тех имений Тульской губернии, где крестьяне не обделены землей и живут в довольстве, с другой – то, что при таком количестве земли можно считать крестьянина вполне достаточно обеспеченным, как в отношении к пропитанию его произведениями собственной земли, так и в отношении к доставлению ему верного употребления своих рабочих средств в собственном своем хозяйстве в течение не менее трех дней в неделю.

Обещанные нам господами членами комитета своды сведений по уездам, к сожалению, еще не готовы до сих пор. Но когда они будут нам сообщены, я охотно представлю комитету фактические доказательства верности этих положений.

Между тем не могу не признаться, что мысль о $2\frac{1}{2}$ десятинном наделе на душу встречает сильное противодействие в среде комитета, даже со стороны тех из его членов, которые наиболее расположены к обеспечению крестьян наделом достаточным.

Во внимание к их доводам и притом на тот случай, если через это успеет составиться в бывшем донине меньшинстве

комитета соединении нескольких лиц, готовых принять за норму двухдесятинный на душу надел с сохранением нынешнего *statu quo* в тех имениях, где крестьяне теперь наделены меньшим количеством земли, я соглашусь и сам подать голос в пользу такого надела.

Двухдесятинный надел в средней сложности составляет от 4 до 5 сороковых осьминников в поле на каждое тягло пашенной земли, и это представляется мне крайним, низжайшим пределом того, что я по совести считаю нужным для обеспечения необходимейших потребностей крестьянина. Это есть низжайший средний по уездам размер надела казенных крестьян нашей губернии, и притом только в одном Алексинском уезде, ибо во всех прочих уездах казенные крестьяне владеют от 2 до $4\frac{3}{10}$ дес. на душу. В пользу этого же двухдесятинного надела, и притом в лучших местностях Тульской губ., уже гласно высказались опытейшие хозяева, не принадлежащие ни к той, ни к другой стороне нашего комитета, и потому судившие об этом деле с полной свободой и совершенной независимостью мысли; таковы, например, Н. П. Шишков и г. Бахтиаров, нынешний ефремовский уездный предводитель. К числу недавних еще защитников того же самого мнения мы должны причислить, наконец, и самого почтенного друга моего, И. А. Пушкина, ныне столь горячо ратующего за однодесятинный надел, но не так давно еще в «Русском вестнике» говорившего о необходимости дать крестьянам по две десятины на душу.

В заключение, господа, я не могу не обратить внимания вашего еще на одно обстоятельство, заслуживающее, конечно, самого зрелого обсуждения вашего: я говорю о настоящей практической стороне этого вопроса, о самом приведении в исполнение того окончательного положения о наделе, которое вами будет принято и утверждено. Позвольте напомнить вам, господа, что мирное или несчастное окончание всего предпринятого преобразования почти исключительно зависит от вас и от того надела, который вами будет принят. Ошибка в слишком скупом назначении его

может повлечь за собой для всего дворянства и для всего общества самые горестные последствия, и тогда, господа, несвоевременно будет всякое позднее раскаяние и всякое оправдание себя желанием соблюсти выгоды дворянства, ибо дворянство, вверившее разрешение этого вопроса своим депутатам и не связавшее их никакими инструкциями, вправе ожидать и требовать от них счастливого исхода всего дела. Несправедливо было бы нам решиться на положение очевидно скупое лишь в той надежде, что личный такт каждого дворянина возьмется исправить наши погрешности! Нет, господа, мы не вправе налагать на каждого помещика это тяжелое бремя; мы должны сами взять решение на свою собственную полную ответственность и не должны прятаться ни за чью ответственность. Иначе нам не следовало вовсе браться за это дело.

Большая часть дворян-помещиков находится в постоянном отсутствии и при лучшем желании не может прибыть на место для введения в действие нового Положения и смягчения тех частей его, которые могут оказаться неудобоисполнимыми. Множество других имений состоит под опекой.

Ни управляющие, ни старосты, ни опекуны не будут иметь ни возможности, ни власти исправлять на практике наши ошибки, если ошибки вкрадутся в сделанное нами дело. Не говорю уже о тех дворянах, которых само составленное нами Положение, по доверию их к нам, может ввести в заблуждение насчет степени его применимости.

Вы знаете, господа, что вопрос о сохранении за крестьянами достаточного земельного надела есть для них вопрос существеннейшей важности. Недавние опыты самостоятельной и обдуманной деятельности крестьян в отношении к винному откупу дают вам меру того, что мы должны ожидать от единожды выработавшегося и созревшего в них сознания. Берегитесь, чтобы, при назначении слишком ничтожного надела и при попытке привести в исполнение подобное решение, не повторилось в усиленных размерах то же самое явление сознательного сопротивления целых масс,

ибо никому неизвестно, чем может кончиться единожды возбужденный антагонизм сословий и к чему может повести народное отчаяние!..

Слова мои прошу ваше превосходительство велеть внести в журнал.

Кн. В. Черкасский
27 февраля 1859 г.

О положении крестьянского дела*

Никогда и ни в одном вопросе правительство еще не обращалось с таким откровенным доверием за советом и содействием к самому обществу, как при разрешении вопроса об упразднении крепостных отношений.

Дворянство было призвано к обсуждению его в 48 губернских комитетах и общих комиссиях. В этих учреждениях участвовало 1377 дворян-помещиков, из которых только 96 были назначены от правительства. Все остальные члены местных комитетов и комиссий были избраны дворянством; выборы эти были произведены не только совершенно свободно и без всякого прямого или косвенного в них участия местных властей, но даже, как доказал опыт, были во множестве случаев явно направлены против видов правительства и почти повсеместно произвели большинство, не сочувствующее крестьянскому вопросу.

Когда многими комитетами без всякого понуждения со стороны правительства было заявлено желание рассмотреть тот же вопрос с точки зрения окончательного выкупа крестьянских угодий, то и на это воспоследовало Всемилоливей-

* На записке рукой кн. Черкасского сделана следующая отметка: «Записка, мною составленная для мин. вн. дел и для Императрицы осенью 1859 г. Заметки на ней сделаны (для исправления и пополнения ее) при предварительном мною ее прочтении Ростовцеву. Записка эта переведена была по-французски для Императрицы». — *Прим. издателя в издании 1901 года.*

шее разрешение; последнее было сообщено всем комитетам, и почти все им воспользовались.

Литература, со своей стороны, со времени обнародования первых Высочайших Рескриптов принимала не менее живое и небесполезное участие в разъяснении крепостного дела. Под влиянием предоставленной ей относительной свободы в суждениях основались два специальных журнала, из которых один, «Журнал землевладельцев», явился исключительным почти органом и защитником сословия помещиков. Более строгие цензурные меры, принятые в начале нынешнего года, приостановив вообще это полезное развитие хозяйственной литературы, лишили и класс помещиков своего главного временного органа. В настоящую минуту большая свобода печати по крестьянскому вопросу была бы не только полезна в видах успеха предпринятого преобразования, но и послужила бы к разумному ограждению выгод самих помещиков, подвергнув всестороннему обсуждению труды редакционных комиссий. Последние, преимущественно составленные из образованных помещиков, без сомнения, приветствовали бы с радостью такую гласную поверку их суждений и действий.

Если, при этих условиях, губернские комитеты не вполне оправдали возложенное на них доверие, то тем не менее несправедливо было бы не признать добросовестного труда в некоторых из их работ и во всяком случае замечательной постепенности в усовершенствовании этих работ по мере уяснения самого вопроса. С другой стороны, независимо от трудности задачи и от непривычки к совокупному труду некоторой части самого дворянства мало еще подготовленного к общественной жизни, невозможно не приписать значительную долю неуспеха комитетских занятий тому противодействию, явному или скрытному, которое благие намерения Государя Императора на первых порах встретили в самой правительственной среде. Многократные неудачи предшествующих царствований к осуществлению той же цели укоренили во многих не сочувствующих ей правительственных лицах убеждение, что Государь всегда может быть отклонен от своих предназначений силой апатиче-

ской оппозиции некоторых сановников и искусственной агитацией, производимой другими в среде самого дворянства.

Трудно угадать, насколько могло бы пострадать достоинство правительства в глазах образованнейшей части русского общества, и насколько могло бы поколебаться в самом народе его исконное доверие к началу самодержавной власти, если бы кроткая твердость Государя Императора, вопреки всем препятствиям, не направляла постоянно дела к предназначенной цели.

Нет никакого сомнения, что деятельность той партии, которая желала и желает затормозить крестьянское дело, не прекратилась донныне. Рожденные и воспитанные в преданиях крепостного права, чуждые убеждения, что в настоящее время сила государственной власти зиждется прежде всего на благосостоянии народной массы и на твердом обеспечении земледельческого сословия, исключительно побуждаемые в своих действиях эгоистическими материальными выгодами и готовые принести им в жертву государственное спокойствие в будущем и честь правительства в настоящем, — слепые защитники крепостного быта не пренебрегают никакими средствами, никакими доводами и никакими союзами. В губернских комитетах они, поочередно сходясь со всеми оттенками оппозиции, защищали то освобождение вовсе без земли, то наделение крестьян самым скудным количеством ее, то выкуп по ценам баснословным, то сохранение барщины на неопределенное время, то мнимо свободные договоры в условиях самых невыгодных для крестьян.

К правительству те же лица обращались с другими доводами, представляющими еще более разнообразия: сначала они пытались остановить всякое движение по крестьянскому вопросу, стараясь пугать правительство предвещаниями народных бунтов; ныне, посрамленные в своих пророчествах сознательным спокойствием крестьян и доверием их к слову Государеву, они не стыдятся толковать благоразумие народа ему же во вред: спокойное ожидание его выдается ими за апатию и безучастие; выставляется возможность удовлетворить ожиданиям крестьян несколькими более или менее сомни-

тельными уступками; наконец, с непростительным легкомыслием позабываются слишком недавние тревоги, порожденные единодушными народными действиями по винным откупам, столь неожиданно засвидетельствовавшими постепенное, хотя и неуловимое созревание народной мысли.

В общественном мнении партия эта ныне утратила все значение; сама она искусно скрывает затаенные свои мысли, стараясь по возможности слиться с другими мнениями и обрратить их в орудие своих видов: чаще всего она пользуется доверчивостью или практической неопытностью тех из лиц, искренно желающих благополучного разрешения крестьянского вопроса, которые преимущественно озабочиваются при этом интересами чисто сословными.

Искренние защитники крестьянского дела принадлежали в губернских комитетах и ныне принадлежат к двум главным мнениям, уже около двух лет ведущим между собой жаркую борьбу и в свою очередь распадающимся на множество оттенков.

Сущность этих двух мнений может быть выражена в следующих главных чертах.

Одни, преимущественно люди богатые, владеющие значительными поместьями и почему-либо считающие себя знатными, искренно желают освободиться от крепостных отношений, несочувственных им по их привычкам и образу мыслей и ненужных для обеспечения им значительных доходов; они справедливо взирают на существование крепостных отношений, как на коренную причину постоянного политического несовершеннoлетия дворянского сословия, и на этом основании желали бы устранить эти отношения во что бы то ни стало; но вместе с тем они мечтают о создании олигархической аристократии и, не находя для нее твердой опоры ни в историческом предании своих семейств, ни в нашей общественной жизни, ни в государственных законах, они надеются основать ее на грубом, исключительно вещественном преобладании поземельного капитала над классом безземельных сельских работников. В сущности, они желают освобождения крестьян без земли, крайнее развитие пролетариата считают законным

и необходимым средством общественного развития; голод и нужду – единственным побуждением человечества к труду. На этом пути не могут они, конечно, не видеть перед собой тех горьких последствий, которые столько раз волновали и волнуют Европу, и которых не избежала бы и Россия; но заранее к тому приготовленные, они успокаивают себя мыслью, что многоземелье на время спасет Россию, другими словами, что неизбежные волнения народной массы, бездомной и безземельной, не застанут их в живых. Не смея говорить откровенно об освобождении крестьян без земли, они ищут официального выражения для своей мысли и находят его в присвоении крестьянам одного права пользования известной частью земли; о выкупе же крестьянских угодий, даже в силу добровольных соглашений, но при посредстве правительственного кредита, они или говорят с явным небрежением, или восстают против него безусловно. Соглашаясь, наконец, на отдачу крестьянам земли в пользование за определенные повинности, они требуют если не немедленного, то, по крайней мере, скорейшего дарования крестьянам безусловного права перехода с места на место: благовидной целью при этом выставляется желание подвергнуть, так сказать, поверке и умерить путем добровольных соглашений размеры повинностей, ныне установленные законом; личный расчет заключается в том, чтобы вынудить вместе с тем правительство к единовременному признанию и прочих логических последствий такого порядка вещей, в особенности же к дарованию владельцам права с самых первых дней преобразования лишать неисправного крестьянина всякого участия в земле, сгонять его и обращать его в бездомного работника.

Главный источник такого взгляда, кроме совершенного незнания потребностей русской жизни, заключается в сочувствии к аристократическим формам английского быта; но поклонники этих форм забывают главнейшую их сторону: влияние нравов и моральное значение аристократических учреждений. Они забывают, что учреждения эти ни одной минуты не могли бы удержаться в самой Англии, если бы исключительно покоились на одной только основе поземельного владения и не

сопровождались бы множеством других обстоятельств, каковы – разорительная для аристократии жизнь в деревнях; неутолимое, в течение многих веков покровительство с ее стороны всем проявлениям местной жизни; давнишняя нравственная опека высших сословий над низшими; наконец, самостоятельное место, занимаемое пэрами в государственном устройстве. Природный англичанин никогда не понял бы грубой мечты исключительно олигархического устройства. Русский не поверит возможности пересадить на нашу почву ни нравы английского дворянства, ни уставы английской конституции.

Другое мнение, к которому принадлежит значительное большинство, – можно сказать, вся образованнейшая часть среднего по состоянию дворянства, – столько же горячо желает освобождения крестьян, но лучше знает Россию, яснее сознает потребности обоих сословий, не верит в возможность продолжительного существования обязательных между ними отношений и в лице многих комитетов громогласно просит у правительства помощь для выкупа крестьянских угодий. Не владея огромными пространствами земли, среднее дворянство знает, что дарование крестьянам права свободного перехода без прочной оседлости обратится в исключительную выгоду одним лишь богатейшим, многоземельным владельцам; живя более или менее постоянно в своих деревнях, оно боится испытать на себе первые невыгоды и первые неурядицы сулимого ему пролетариата; нуждаясь в капиталах для немедленного пересоздания своих хозяйств на новый образец, оно не может пустым мечтаниям жертвовать своими насущными выгодами и настоятельно ожидает от правительства: для себя – финансовой помощи, для крестьян – прочной оседлости, для общества – обновленной нравственной основы, свободы труда и распространения начала поземельной собственности.

Очевидно, не одни только убеждения и стремления обеих указанных сторон различны, но и самые вещественные их выгоды прямо друг другу противоречат. В сущности, эта противоположность интересов и стремлений не есть факт новый в истории нашей общественной жизни; она является лишь

логическим продолжением старой исторической тяжбы между олигархическим началом и средним дворянством, – тяжбы, ведущей свое начало от времен Бориса Годунова и не прерывавшейся до второй половины прошедшего века. В области высших государственных интересов эта борьба в течение более полутора веков выражалась в крепком охранении средним дворянством начала самодержавного правления против непрестанных попыток олигархической партии водворить в России формы правления польского и шведского, при Шуйском, во время семибоярщины, в эпоху, описанную Котошихиным, при императрице Анне Иоанновне и даже позднее. В истории крепостного права точка отправления двух партий совпадает с нынешним расположением обеих сторон. При Борисе Годунове никто не помышлял о свободе и никто не искал ее для крестьян: великопоместные бояре защищали право крестьянского перехода, как благовидное средство обещанием льгот переманивать на свои земли крестьян бедных служилых людей; но история свидетельствует, что при тогдашних грубых нравах и отсутствии административного обеспечения однажды переманенный на боярскую землю крестьянин, хотя и мнимо свободный, на деле впадал в тяжелую безвыходную неволю. В то же время менее богатое дворянство, также в лице крестьян, искало для себя только орудий хозяйственного производства, и ясно сознавая неравенство борьбы с боярами, откровенно и прямо просило прикрепления поселян к земле. Ныне все люди благомыслящие, принадлежащие ко всем оттенкам, равно убедились в несостоятельности крепостного быта и необходимости замены его свободными отношениями: но великопоместные владельцы инстинктивно стремятся под тем или другим именем воскресить одну лишь прежнюю свободу крестьянских переходов, более или менее ясно сознавая, что перед современной силой капитала безземельный работник будет столь же бессилен, сколько и перед прежним боярским самоуправством; напротив, среднее дворянство, теперь, как и тогда, нуждающееся в оборотном капитале для своего хозяйственного производства, теперь, как и тогда, ведомое практическим чутьем и

сознанием будущих форм общественной жизни, просит прямо и откровенно, чтобы все обязательные отношения между помещиками и крестьянами были окончательно прекращены посредством скорейшего выкупа крестьянских полевых угодий. Двести пятьдесят лет тому назад оно требовало простого прикрепления крестьян; ныне оно видит спасение лишь в полной для них свободе, соединенной с прочным их наделением поземельной оседлостью.

Опыт почти всех государств континентальной Европы подтверждает желания и опасения этой части русского дворянства.

Все государства Германии поочередно признали необходимость приобретения крестьянами земли в собственность. Эта мысль лежала в основании преобразования, благополучно совершенного в Пруссии старым королем, обессмертившего его правление и неразрывно связавшего королевско-пруссский дом с прусским народом. Точно таким же образом увидала себя вынужденной действовать и сама Австрия, невзирая на все трудности своего финансового положения. Даже во Франции, среди всеобщей шаткости нравов и учреждений, одна лишь дробная поземельная собственность и одни лишь крестьяне-собственники представляют некоторый элемент устойчивости, которым искусно умеет пользоваться нынешний император для успеха своих *idées Napoléoniennes*.

Значительная доля бедствий и тревог современной Европы должна быть приписана тому обстоятельству, что эти здравые начала были слишком поздно осознаны европейскими правительствами, и что поэтому сельский пролетариат успел в западных государствах сделать слишком быстрые успехи.

Везде, где только водворилась эта язва, она неизбежно сопровождается: в гражданском быту – быстрым упадком народной нравственности, в государственном – неотразимым развитием революционных начал. Сосредоточение поземельной собственности в тесном кругу малочисленных владельцев и значительных фермеров вносит в сельскую жизнь то же раздвоение выгод и состояний, которое обыкновенно за-

мечается в городах между хозяевами и рабочими. Владельцы поместий и фермеры, нуждаясь в большом количестве постоянных и возможно дешевых работников, беспощадно противодействуют стремлению их к семейной жизни; они почти исключительно нанимают только холостых рабочих и вместе с понятием о семействе искореняют в бездомном батрачестве самые главные нравственные основы. С развитием сельского батрачества совпадают самые темные стороны современной гражданской жизни: постепенное изгнание брака из народного обычая, быстрое уменьшение числа законных рождений и столь же быстрое возрастание, в ущерб им, цифры рождений незаконных; все эти явления замечены ныне, как преобладающий факт, в тех именно германских областях, откуда наиболее вытеснено самостоятельное крестьянское хозяйство. Наконец, с упразднением дробного крестьянского хозяйства и развитием хозяйства великопоместного (*grande culture*), сельское население, не удерживаемое более в деревнях преданиями и прелестью домашнего очага, постепенно покидает чуждые себе нивы и образует тот постоянный прилив народонаселения к городам, против которого в Европе бессильны все полицейские меры, которого не избежим и мы со всеми его разругательными последствиями, если правительство не успеет теперь же приковать крестьян к селениям выгодами прочной поземельной собственности.

Таким образом, вопрос о преобразовании сельских отношений, подлежащий немедленному разрешению, разрабатывается среди той же разноречивости требований, которая заявлена была два с половиной века тому назад двумя сторонами дворянства, но ныне обсуждается при помощи того богатого запаса жизненного опыта, который невольно почерпается из истории опередивших нас народов. Россия стоит на пороге новой жизни. От правительства зависит выбор того пути, по которому должны будут отныне двигаться в неразрывной связи судьбы народа и благополучно в нем царствующего Дома. В течение еще немногих дней будет окончательно кинут жребий: останется ли правительство верно историче-

скому ходу народной мысли, пойдет ли оно рука об руку с образованнейшей частью среднего дворянства, сдержит ли оно громко заявленные крестьянскому сословию обещания свои и спаяет ли через это еще неразрывное начало императорской власти с народными верованиями; или оно в угоду отжавшим или незрелым олигархическим мечтаниям навеки внедрит в Россию семена пролетариата и неразлучно связанных с ним революционных движений. В последнем случае на долю следующих поколений выпадет тяжкий жребий и задача, быть может, уже неразрешимая!

Несправедливо было бы не сказать при этом несколько слов о той неблагоприятной роли, которая досталась редакционным комиссиям. Против них слышится громкий ропот. Иначе быть не может, и комиссии не оправдали бы доверия правительства, если бы стали искать популярности.

Редакционные комиссии по самому существу своему не могут сделать никому удобного: они призваны к тому, чтобы свести все положения губернских комитетов воедино и раскрыть все слабые или даже вредные и корыстные их стороны, как бы тщательно ни были скрыты последние; они должны быть ходатаями за крестьян, голос которых почти не был слышан в губернских комитетах*, и должны определить справедливую меру пожертвований дворянства, которой губернские комитеты, по самому существу своему, не хотели и не могли определить; они обязаны утвердить несколько общих начал (напр., право крестьян на свободный переход с барщины на оброк и пр.), от которых правительство отступить не в силах, но которые еще далеко не сознаны были всеми комитетами, и которые, на первый раз, кажутся помещикам разорительными; наконец, комиссии должны стараться об устранении того произвола со стороны помещиков, который уже будет несовместен с новым порядком вещей и сделался бы губителен для общественного спокойствия, но который так глубоко вкоренился в

* Защита крестьянских интересов была возложена на членов от правительства, которые, к сожалению, не всегда могли выполнить вполне это назначение.

привычки и нравы, что в глазах многих кажется неизбежным условием государственного благоустройства.

В несколько месяцев редакционные комиссии уже рассмотрели, сличили и изложили в систематическом порядке все проекты большинства и меньшинства комитетов 21 губернии и ныне приступили к тому же труду относительно прочих губерний. Сверх того они подробно разобрали до 400 частных записок по крестьянскому вопросу, разными лицами представленными правительству в течение последних годов. Начальные плоды этих обширных и тяжелых занятий, ныне вышедшие из печати в трех больших томах под названием «Первое издание материалов», останутся во всяком случае замечательным памятником трудов комиссий и в особенности того исторического подвига, который неразрывно свяжется с именем Государя Императора. Нет сомнения, что труды эти не могут быть чужды ошибок. Но редакционные комиссии, наполовину составленные из опытных дворян-помещиков, принимавших деятельное участие в местных комитетах, воспользуются, конечно, добросовестными указаниями членов, вызванных сюда из губерний. К тому же в столь сложном вопросе едва ли можно было ожидать от другого какого-либо комитета или комиссии изготовления проекта безусловно совершенного.

Против трудов редакционных комиссий направляется обыкновенно три главных обвинения:

во-первых, что комиссии не уменьшают на будущее время количества земли, отведенного ныне крестьянам;

во-вторых, что повинность, ими назначаемая, слишком мала, и,

в-третьих, что власть помещичья слишком стесняется новым Положением.

Обвинения эти или неосновательны, или даже не совсем добросовестны:

1) Начало сохранения за крестьянами существующего надела не изобретено редакционными комиссиями. Оно уже 15 лет тому назад освящено примером покойного Государя в инвентарных положениях для западных губерний. То же

самое начало было в свое время принято правительствами прусским, австрийским и другими. Необходимость такого образа действий вызывается не только высшими государственными соображениями, но еще, сверх того, самым простым здравым смыслом. Если бы правительство решилось в угоду каким-либо частным интересам в минуту всеобщего преобразования посягнуть на крестьянские земли и предписать отрезку их в сколько-нибудь значительных размерах, то такого рода Положение или осталось бы неисполненным, или повело бы к волнениям, первой жертвой которых было бы само дворянство.

Впрочем для губерний великороссийских и малороссийских комиссии даже дозволили себе несколько смягчить в пользу дворянства строгое приложение начала существующего надела, допустив в определенных случаях отрезку земли от крестьян и возвращение ее помещикам. Далее этого само правительство ни под каким видом не может позволить им идти по пути уступок, слишком опасных для общественного спокойствия.

2) Облегчение крестьянских повинностей составляет необходимое условие обещанного крестьянам улучшения их быта. Без такого облегчения, везде и всегда сопровождавшего этого рода преобразования, само совершение реформы немислимо, тем более что крестьянские повинности в России сравнительно выше тех, которые существовали в Германии. Повинности могут быть двоякого рода: денежные и натуральные. Определение для каждой местности денежной повинности или оброка комиссии не приняли на себя, но возложили оное на местные учреждения, в которых само дворянство будет иметь весьма значительное и, вероятно, даже преобладающее влияние; учреждения эти должны будут вывести цифру будущего оброка из оброков ныне существующих с устранением из расчета лишь некоторых самых высоких и самых низших цифр. Комиссии определили: во-первых, только максимум от 9 до 10 руб. сер. с души, выше которого оброк не может быть назначен местным учреждением, и, во-

вторых, цифру оброка в 8 руб. сер. для тех местностей, в коих нет вовсе оброчных имений или где их слишком мало для того, чтобы можно было вывести из существующего факта сколько-нибудь правильные средние цифры. Во всяком случае цифры, назначенные комиссиями, превосходят в три раза оброк, выплачиваемый ныне государственными крестьянами, на которых бываюи еще недоимки. Вообще помещики, взимавшие донныне со своих крестьян денежные оброки умеренные, потеряют весьма мало, а некоторые не потеряют ровно ничего. Настоящее преобразование устрании только оброки отяготительные.

Барщинская повинность, как более неправильная, требовала и более значительного облегчения. Со 140 рабочих дней в году, составляющих ныне правильный и законный размер повинности с каждого тягла, комиссии нашли необходимым понизить ее до 100 дней в году мужских и 75 женских. Но при этом комиссии оградили помещика круговой за такую повинность ответственностью всего сельского общества, дозволили владельцу требовать на свою работу крестьянина всякий раз с рабочим скотом, отнесли все случаи болезни на счет самих крестьян, наконец, сняли с помещика лежавшую на нем доселе обязанность оказывать крестьянам помощь в случаях пожара, голода и пр. Очевидно, что при таких условиях убыток помещика далеко не будет соразмеряться с уменьшением числа барщинских дней, тем более что земля, обрабатываемая донныне крестьянами на помещика с помощью отменяемых лишних дней, останется в руках владельца.

Сами помещики очень хорошо сознают все это. По их убеждению, убыток должен для них произойти не столько от убыли числа барщинских дней, сколько от дозволения крестьянину отказываться от барщины и требовать перевода своего на денежный оброк.

Комиссии убеждены, что и это последнее опасение может быть сколько-нибудь оправдано только в весьма немногих местностях; даже и там такое сокращение помещичьих доходов вследствие отмены барщины будет лишь кратковре-

менным, преходящим явлением, и притом тем естественнейшим, что всякая барщина есть, по своему существу, налог на личность человека. Правительство ни в каком случае не может для избежания этого частного и временного затруднения освятить навеки продолжение барщины, этого ненавистнейшего для крестьян из всех ярем и непроизводительнейшего из всех способов хозяйственного производства. Такое освящение навсегда барщины было бы равносильно вечному продолжению крепостного состояния, со всем его произволом, всей его разорительностью для народа и всеми тревогами его в смысле государственном. Правительство не может желать, чтобы редакционные комиссии пошли по подобному пути.

3) Наконец, предполагаемое комиссиями ограничение власти помещичьей над крестьянами есть не что иное, как развитее и повторение основного начала, принятого Главным комитетом и утвержденного Государем 4 декабря 1858 года, т.е. за три месяца до созыва редакционных комиссий. Впрочем, такое постановление Главного Комитета не только совпадает с мнением самих комиссий, но разделяется еще весьма многими губернскими комитетами и ежедневно более и более усваивается самим дворянством по мере того как уясняется будущее положение помещиков и крестьян. Вся лучшая часть дворянства решительно не сочувствует предлагаемой ей роли местных сельских начальников и полицейских агентов. Соглашаясь на освобождение крестьян, дворяне решительно требуют и личного своего освобождения от щепетильных и неприятных обязанностей полицейских, желая оставаться к крестьянам в отношениях свободного соседства, а не ненавистного антагонизма. Трудно бы было правительству такое двусмысленное положение навязать дворянству или даже части его, и притом самой самостоятельной, вопреки его положительной воле. С другой стороны, не менее трудно было бы для правительства доверить полицейскую власть над свободными крестьянами тем приказчикам, которые на деле всюду в имениях заменяют личный надзор и распоряжение помещиков. Такого рода управление в настоящих обстоятельствах было бы, конечно,

еще несравненно хуже управления, вверяемого чиновникам правительственным, как ни недостаточно последнее. Впрочем, и оно подвергается ныне коренным преобразованиям, по мысли и указаниям Государя Императора.

Независимо от этих трех самых обыкновенных и ежедневных обвинений, взводимых на редакционные комиссии, слышатся иногда еще и некоторые другие, и притом от лица тех образованных дворян-помещиков, которых взгляд в сущности совершенно совпадает с мнениями самих комиссий.

Эти последние возражения или касаются только некоторых цифр и объясняются естественным желанием каждого при предстоящем преобразовании потерять поменьше, а если можно, даже выиграть в материальном отношении, или они направлены против провозглашенного правительством и принятого комиссиями выкупа добровольного, а не обязательного.

Вопрос о цифрах, очевидно, подлежит спору и составляет предмет взаимных объяснений между комиссиями и членами губернских комитетов. Впрочем, правительству, имеющему в виду облегчить положение дворянства выкупом крестьянских повинностей, уже поэтому независимо от всех прочих соображений неблагоприятно было бы поощрять комиссии к оценкам, по совести находимым ими слишком высокими. Такого рода ошибка со стороны правительства слишком невыгодно отозвалась бы впоследствии на государственных финансах и на всех тесно с ними связанных интересах верховной власти.

С другой стороны, комиссии, как официальный орган правительства, не могут в угоду даже самой сочувственной себе части дворянства отступить от начала добровольных соглашений при выкупе. Дворяне-помещики, требующие выкупа принудительного, имеют при этом в виду опасение, что правительство, утвердив начало добровольных соглашений, но находясь на деле в затруднительном финансовом положении, не даст на это предприятие необходимых материальных и кредитных средств, вследствие чего сами соглашения сделаются невозможными, выкуп не состоится, и помещики

должны будут навсегда остаться в тяжелых обязательных отношениях к крестьянам. Поэтому они желали бы раз и навсегда как бы связать в отношении к себе совесть правительства, вынудив у последнего требование выкупа обязательного. Понятно, что комиссии, вернее отдающие себе отчет в трудностях подобной финансовой операции, остаются на почве, указанной правительством, и, изыскивая все возможные средства облегчить выкуп, в то же время устраняют все принудительные меры, столь несовместные с условиями правильного кредита.

Таково в настоящую минуту положение крестьянского вопроса и редакционных комиссий, занимающихся разрешением его. Трудность задачи последних и невыгоды их личного положения исчезают перед величием святого подвига, лежащего на раменах самого правительства. В такие знаменательные для истории народов минуты, когда то или другое слово Венценосца решает будущее течение судьбы государства, вдохновение почерпается Государем свыше и указывает ему пути, для других незримые. Из подобных испытаний верховная власть выходит с обновленными силами; ими скрепляется таинственный ее союз с народом!

Соображения по некоторым дополнительным вопросам, имеющим связь с крестьянским делом*

Предмет занятий редакционных комиссий, если бы они даже ограничились исключительно составлением лишь самого проекта Положения для крестьян, столь обширен, что потребует всей деятельности комиссий для надлежаще-

* На черновой (в арх. № 22) рукой кн. Черкасского заметка: «Записка, составленная мной в начале лета 1859 г. для Я. И. Ростовцева, служила темой для предложения, им сделанного комиссиям». – *Прим. издателя в издании 1901 года.*

го своего завершения. Тем не менее та неразрывная связь, в которой предмет этот находится с некоторыми другими ближайшими отраслями гражданских учреждений, поневоле должна заставить комиссии не упускать из виду и этих учреждений, улучшение или преобразование которых столь существенно важно для действительного упрочения благосостояния крестьян.

Я со своей стороны считаю долгом обратить на эти предметы особенное внимание комиссий, указав им оные в той связи, в которой они мне представляются, и предлагая мои мысли в виде не предрешений, но вопросов, требующих зрелого обсуждения комиссий и постановления по ним в некоторых случаях положительного с их стороны разрешения, в других, по крайней мере, подробного изложения мнения комиссий.

На первый случай я буду иметь честь обратить Ваше внимание на некоторые ближайшие вопросы, находящиеся в самой тесной связи с крестьянским бытом, и из которых некоторые уже были предметом обсуждений губернских комитетов, как я мог убедиться из изучения представленных ими проектов, другие же, к сожалению, еще вовсе подняты не были.

Вопросы эти касаются: 1) скорейшего составления сельского и лесного устава; 2) устройства межевых средств; 3) устава о паспортах; 4) отправления крестьянами рекрутской повинности; 5) отношения будущего крестьянского сельского суда к гражданским инстанциям суда.

I. Сельский и лесной устав

Сочинение сельского устава первоначально отнесено было Высочайше утвержденной программой к третьему периоду занятий губернских комитетов, когда новое Положение уже будет приведено в действие. Так точно весьма долго смотрел и я на этот предмет и выражал свое мнение в письмах моих, извлечение из коих удостоилось напечатания по Высочайшему повелению. Тем не менее постоянно уясняющийся для всех ход дела вместе с ясно выраженными желаниями не-

которых губернских комитетов заставляет меня ныне склониться к мнению, что, быть может, опасно было бы отсрочивать на такое продолжительное время издание сельского устава, и что несравненно желательнее было бы одновременно, по возможности, с новым крестьянским Положением издание всех тех законных правил, посредством которых должно быть обеспечено как сохранение сельской собственности во всех ее видах, так и спокойная и мирная жизнь в селениях и владельческих усадьбах. Нет никакого сомнения, что дворянское сословие, сосредоточивающее в своих руках почти всю частную поземельную собственность, все большое сельское хозяйство и владение значительной частью лесов, ближе всех заинтересовано в скорейшем издании такого рода постановлений. При введении в действие нового устройства дворянству необходимо, чтобы собственность его, доселе находившаяся преимущественно под охраной полновластия помещичьего, без малейшего перерыва немедленно нашла себе защиту в удобоисполнимых, на новые сельские отношения рассчитанных законоположениях. В сельском уставе, по моему мнению, должны быть подробно установлены практические правила: об оценках и взысканиях по потравам, о взыскании за порчу оград и всякого рода огороженных мест, об охране владельческих усадеб от вторжения воды и скота, о соблюдении договоров между владельцами и крестьянами или вольнонаемными работниками, и вообще в уездах между всякого рода нанимателями и рядчиками, об упрощении всякого рода формальностей в подобного рода условиях и о взысканиях по ним, об общих водопоях и выгонах; наконец, о постройках и о заводской и фабричной промышленности в селениях срочно-обязанных крестьян. Не менее сельского устава необходимый новый устав лесной должен бы далее распространить на владельческие леса некоторые из существующих правил для охранения казенных лесов от огня и порубок, вооружить лесную стражу помещичью некоторыми из прав, присвоенных лесной страже казенной, и отчасти сравнять ее с последней в преимуществах, льготах и ответ-

ственности; упростить, по возможности, форму следствия по порубкам; наконец, быть может, вместе с тем до некоторой степени смягчить общий характер взысканий по нарушениям лесных уставов для того, чтобы сделать само приложение закона более возможным и действительным.

Предлагая эти предварительные мысли на обсуждение комиссии, я желал бы, чтобы комиссии по обсуждению сего предмета выразили свое убеждение о том:

Не должно ли издание сельского и лесного устава сопутствовать введению в действие нового Положения?

Считают ли они возможным для себя ввести составление сих уставов в круг своих занятий* или какие меры считают они возможным принять в этом отношении?

Не должны ли еще какие-либо предметы, кроме вышеуказанных, войти в состав сих уставов?

II. Межевые средства

При предстоящей сепарации угодий помещичьих от крестьянских не менее важно заблаговременное усиление межевых средств, ныне не соответствующих вскоре имеющему возникнуть громадному на них запросу. Вопрос этот настоятельно требует заблаговременного своего рассмотрения.

Достижение искомой цели может, как кажется, быть облегчено: во-первых, предварительным изучением вопроса, какими именно межевыми и топографическими средствами, состоящими в распоряжении других ведомств, располагает ныне правительство, независимо от средств, сосредоточенных в управлении межевым корпусом; и в какой мере могут эти средства быть обращены на крестьянское дело.

Во-вторых, принятием некоторых мер к скорейшему образованию большого числа землемеров из тех сподручных средств, которые имеются в каждом губернском центре. Сюда относится, напр., немедленное, по мере возможности, образование землемерских партий в губернских городах под

* N.B. Нельзя ли на это употребить некоторых из депутатов губернских комитетов?

руководством опытных землемеров и топографов из охотников, уже получивших предварительное общее образование и которых, при обеспечении их, нетрудно было бы набрать довольно много из числа воспитанников гимназий, кадетских корпусов и семинарий.

Партии эти, занимаясь в течение зимы изучением юридических законов и теорий и черчением планов, а в летнее и осеннее время будучи обращены на практические работы, могли бы в продолжение одного года доставить при сравнительно малых издержках единовременный выпуск значительного числа землемеров, крайне полезных в настоящую минуту.

Если бы комиссия признали мысль эту действительно полезной, я мог бы от своего лица в качестве председателя комиссий войти в сношения об этом предмете с подлежащими правительственными лицами и лично содействовать осуществлению этой мысли по ведомству военно-учебных заведений.

III. Устав о паспортах

С уничтожением крепостной зависимости крестьян необходимо, конечно, устранить и все второстепенные, но весьма действительные препятствия к свободному передвижению крестьян, ныне встречающиеся и обременяющие свободный труд множеством мелких расходов, тягостных для крестьян, но непроизводительных для казны, и множеством формальностей, решительно бесполезных для полицейского порядка.

Сюда относится совершенная отмена для срочно-обязанных крестьян обязанности брать непременно из уездных казначейств для отлучек, превышающих 30 верст или трехмесячный срок, плакатные, полугодовые, годовые и двухлетние паспорта, — обязанности всегда, к сожалению, сопряженной для крестьян с проволочками и противозаконными расходами.

Если сельскому общественному управлению (как ныне помещикам) может быть вверена выдача одномесячных и трехмесячных видов на установленной гербовой бумаге, то,

казалось бы, не может встретиться разумного препятствия в предоставлении им же права выдавать и билеты годовые, на обыкновенной гербовой же бумаге, соразмерно возвышенной ценности, а также билеты на всякое число месяцев от 1 до 11.

Быть может, небесполезным было бы также обратить внимание правительства на облегчение, которое доставило бы столь необходимому ныне для всех сословий развитию свободного труда понижение пошлинного сбора с билетов и паспортов, тем более, что подобное понижение, без всякого сомнения, немедленно же вознаградит потери казны усилением самого движения народного и самого спроса на паспорта.

Во всяком случае, совершенно несправедливым кажется сохранение существующей ныне несоразмерности между гербовой пошлиной с долгосрочных паспортов и с билетов на короткий срок, в силу которой крестьянин платит со своего труда за годовой паспорт по 12 коп. в месяц, а за билеты на короткий срок – от 15 до 20 коп. в месяц.

Нет никакого сомнения, что облегчение гербовой пошлины должно было бы скорее касаться кратковременных отлучек крестьянина, как наиболее ему доступных и нужных в подспорье его хозяйства и наименее связанных с ослаблением домашнего союза; и что, во всяком случае, ничто не оправдывает ныне существующего несоразмерного возвышения паспортного налога на кратковременный крестьянский заработок.

Если бы редакционные комиссии согласились со всеми или некоторыми из сих соображений, то они могли бы, по моему мнению, развить их при изображении прав сельского общественного управления и личных прав крестьян.

IV. Рекрутская повинность

Многие комитеты, рассуждая о казенных повинностях, обращают особенное внимание правительства на то, что крестьянам более всего сроднен очередной порядок отправления ее, и ходатайствуют о временном, по крайней мере, сохранении его для срочно-обязанного населения.

Мысль эта, мне кажется, основана на точном сознании нынешних народных нужд и потому, по мнению моему, едва ли не заслуживает быть принятой во внимание комиссиями в видах удовлетворения первым потребностям срочно-обязанного сословия.

С другой стороны, эта мысль комитетов, как ни согласна она со временными практическими требованиями, однако не опровергает основного превосходства жеребьевой системы, вообще свидетельствуя лишь об издавна сложившемся народном обычае и о трудности вести правильным образом жеребьевую систему при нынешних условиях крайне долговременной военной службы и неравномерных наборов.

При введении более кратковременной службы, не отвлекающей человека на всю его жизнь от семьи и дома, и возможной равномерности наборов, падающих однообразной тяжестью на все поколения, жеребьевая система, чуждая всякого личного произвола, без сомнения окажется, напротив, более справедливой и менее тягостной для народа; так что, казалось бы, комиссиями должны быть указаны возможность и средства к переходу от одной системы к другой, если бы комиссии сочли нужным принять за первоначальную точку исхода повинность очередную.

Во всяком случае, имею честь обратить внимание редакционных комиссий на необходимость особенно тщательного изучения взаимных выгод для крестьянского сословия в настоящее время той и другой системы и тех условий, при которых возможна замена одной из них другой.

Наконец, имею честь обратить внимание редакционных комиссий еще на одну весьма важную точку соприкосновения занятия комиссий с общим гражданским устройством. Я изложу ее лишь в виде вопросов, ответы на которые будут зависеть от воззрения самих комиссий и могут иметь влияние на учреждение мировых судей, долженствующее на основании Высочайшего повеления, объявленного г. председателем Государственного Совета 25 марта 1859 г., быть согласовано

комиссиями с общим устройством сельских обществ. Вопросы эти я изложу в следующем порядке:

Должен ли сельский крестьянский суд быть судом безапелляционным, или не должен ли он быть подчинен в известных размерах обжалованию недовольной стороной мировому судье?

Может ли мировой или и всякий иной гражданский судья, обязанный исключительно руководствоваться постановлениями Свода Законов, разрешать вполне удовлетворительно для народа жалобы, опровергающие решение, исключительно основанное на обычном крестьянском праве, и требующие пересмотра дела сообразно тому же обычному праву?

Не вынуждает ли это обстоятельство учреждения для более важных дел при мировом судье и под его руководством суда, составленного из самих крестьян и действующего по крестьянским делам сколь возможно окончательно, на основании начал присяжного суда?

Вопрос этот, важный везде, приобретает в настоящее время особенную важность у нас, при явном несовершенстве судопроизводства и при недостаточных еще, быть может, элементах для немедленного образования вполне соответствующей своей цели столь многочисленной местной магистратуры, каково учреждение мировых судей. Суд присяжных в доступных ныне обществу размерах есть, без сомнения, лучшее средство к затенению недостаточного судоустройства или к предотвращению возможных несовершенств во вновь возникающем учреждении. В какой степени то же самое начало приложимо к прочим частям судопроизводства русского, – вопрос этот касается не нас.

Предлагая всю совокупность этих мыслей на обсуждение комиссий, я, вновь повторяю, не предпрещаю лично ни одного из предложенных вопросов, но обращаю на них лишь особенное внимание комиссий, приглашая их не терять их из виду при последующих работах и своевременно выразить о них свое мнение по самом зрелом и всестороннем обсуждении.

Поэтому я буду иметь честь еще в последний раз указать на ряд хозяйственных общественных вопросов, связанных с улучшением крестьянского быта и местным общественным устройством. Этим закончится моя инициатива по всем этим предметам, и мне уже останется только вместе с господами членами комиссий употребить все усилия к совокупному лучшему разрешению всех установленных таким образом вопросов.

**Объяснительная записка
к проекту устройства земских собраний
и хозяйственного управления**

Если учреждение земских собраний было когда-либо и где-либо желательным, нужно или даже необходимо, то, несомненно, в наше время в России. Можно даже сказать, что минута для открытия их слишком уже откладывалась, и что еще замедление для введения в действие этой мудрой реформы послужило бы только во вред правильному течению жизни правительства и общества. Если и блуждания прошедшего царствования были несовместимы с существованием земских собраний, достойных этого наименования, то, по крайней мере, было необходимо если не учредить их одновременно с обнаружением освобождения крепостных, то хотя бы заявить в ту же минуту совершенно смело и, главное, вполне добровольно о предстоящем их открытии.

Можно было бы, таким образом, оставить за собой полную заслугу инициативы и избежать, чтобы впоследствии такая справедливая, благотворная и необходимая мера имела вид исторгнутой уступки; правительство должно было бы смотреть на нее, как на консервативное, сильно предохранительное средство от слишком передовых веяний, а не как на вынужденную стадию революционного движения.

К сожалению, благоприятная и самая легкая минута для проведения этой мудрой реформы была упущена, и то, что в первый момент, даже лишь в качестве положительного, мудро рассчитанного обещания было более чем достаточно для успокоения зарождавшегося движения, зажатия ртов недовольных всех оттенков, освещения для Европы истинного положения дела и утверждения правительства на незыблемом основании, так как оно заранее было бы рассчитано и соразмерено, — через несколько времени будет встречено общественным мнением с недоверием. Тем более основания поторопиться, чтобы не дать себя еще опередить требованиями и преувеличенными ожиданиями части прессы и дворянства, и в то же время тем более основания зрело взвесить принимаемые меры, чтобы, мудро считаясь с неизбежными требованиями, не скомпрометировать неуместной скупостью благодеяний, которые должно доставить стране, и свободу действий, которую правительство должно сохранить за собой путем искреннего и достаточно широкого введения нового областного устройства.

Пример Пруссии с 1812 по 1845 г. может служить доказательством очевидной пользы не только системы местного самоуправления вообще (которая, впрочем, едва ли еще нуждается в пояснении и обсуждении), но, главное и прежде всего, личной пользы, которую мудрое правительство может извлечь из умеренных уступок, сделанных своевременно и с некоторой видимостью искреннего благодушия. Надо, однако, правду сказать, что одной видимости мало, и ее никогда не будет достаточно, если она мнимая и не согласуется с искренним желанием, твердой волей правительства дать серьезное применение новым учреждениям, дать им действительное, а не мнимое только осуществление.

Как бы то ни было, пример Пруссии доказал со всей очевидностью, что правительство, признанное честным, могло в течение 30 лет с помощью местных учреждений уклоняться от торжественно заявленного обещания конституционных учреждений. Общее настроение дел в Европе было, впрочем,

особенно благоприятно для такой увертки, и уважение народа к характеру короля Фридриха Вильгельма III, его репутация честности и мудрой бережливости сильно способствовали ему в достижении искомого результата. Теперь задача, быть может, труднее среди Европы, ставшей совсем конституционной, лицом к лицу с Польшей и Финляндией полуэмансипированными, и главное – перед бедственным положением наших финансов, при укоренившемся в общественном мнении предубеждении о хроническом состоянии дурного управления ими. Тем не менее ничто не заставит отчаяться в успехе этого самого дела у нас в настоящее время, и наоборот, все даже предвещает, по крайней мере, одинаковый успех Августейшему Освободителю крестьян императору Александру II, ибо если дворянство относится к нему в эту минуту враждебнее, чем прусское дворянство к своему почившему королю, то низшие классы, наоборот, ему гораздо преданнее; они гораздо менее просвещены, чем были в ту пору в Пруссии, и долго еще будут подавать голос в собраниях с правительством против дворянства. Впрочем, это последнее далеко не имеет в России той устойчивости, какую ему давали и дают еще в Пруссии старинные феодальные предания, сильная корпоративная организация и право субституции земель. И русское дворянство, лишенное корней как в материальных условиях своего быта, так и в общественном мнении, совершенно не в состоянии бороться одно против правительства. Оно может доставить несколько докучливых хлопот, но оно успело бы предпринять серьезную борьбу лишь постольку, поскольку видело бы себе поддержку с одной стороны в либеральном мнении, с другой – в низших классах. А этой последней поддержки по крайней мере еще с полвека будет ему всегда не доставать, и едва ли даже этот долгий промежуток времени окажется достаточным, чтобы заставить исчезнуть и позабыть тысячи глубоких причин недоверия, вскормленного среди крестьянства двух с половиной вековым грубым гнетом. Благодаря же традиционному оскорбительному презрению дворян к мещанам, священникам и пр. людям третьей статьи, недоверие это не пре-

минуло зародиться даже и в этих классах, которые, казалось бы, менее должны были претерпеть от дворянства.

Правда, что либеральная часть общественного мнения в данную минуту становится как будто благосклоннее к дворянству, и на первый взгляд сдается, что она должна поддерживать его оппозиционные попытки. Но очевидно, однако, что этот проходящий и случайный союз не переступает предела чисто поверхностного движения, и что продление его могло бы быть куплено дворянством лишь ценой столь серьезных жертв, что повело бы к коренному изменению этого сословия в самом существе. Поэтому добрая часть настоящей провинциальной джентри (поместного дворянства), чуждая происходящему вокруг движению, уж чересчур склонна заподозрить доброе к себе расположение прессы* и не чувствует себя в безопасности от такого союза; насчет своей политической будущности, как сословия, она готова воскликнуть с латинским поэтом: «Я боюсь Данаев и приносящих дары».

Действительно, какие условия большая часть прессы старается навязать своему новому клиенту в вознаграждение за сомнительную поддержку, которую она не прочь предложить ему в данную минуту? Эти условия не равносильны ли полному добровольному отречению от своего собственного существования как специально привилегированного сословия – юридическому и нравственному самоубийству? Один Чичерин стойко выдерживает бурю с несколько слеповатой храбростью, достойной лучшей доли и даже более правого дела. Но холодная страсть и талант единичного лица или даже усилия целого кружка в силах ли остановить или изменить начертанный Провидением путь событий, заранее намеченный характером народа, его историей, свойствами, инстинктами и, скажу даже, мерой его способностей?.. Сильно в том сомневаюсь. Дворянство находится, таким образом, перед трудным выбором: или решиться идти против естественного течения

* Так, напр., на последних выборах, подписывая адреса и баллотировавшие привезенные из Москвы проекты, тульское дворянство тщательно отклоняло всякую мысль о слиянии землевладельческих классов.

вещей, стараться сохранить более или менее свое особое привилегированное существование, и в этом случае немедленно лишиться поддержки либерального мнения и большинства прессы и остаться одиноким среди нового общества, начинающего мало-помалу зарождаться, или же стараться преобразоваться на новых, более разумных началах; в этом случае оно было бы обречено само идти навстречу новым реформам в том направлении, в каком, по моему мнению, правительство должно бы стараться их осуществить не только в действительных интересах общества, которым управляет, но, также и главное в своих собственных.

Таким образом, мы естественно приходим к рассмотрению вопроса с новой точки зрения: все ли сословия должны быть допущены к участию в земских собраниях, или эта привилегия должна быть оставлена только за дворянством?

Какой в этом вопросе особый интерес правительства? Интерес этот совпадает ли или находится в противоречии с инстинктами и общими нуждами самого общества? «День» решительно отвечает на эти вопросы теорией всеобщей подачи голосов и полного упразднения избирательного ценза. Чичерин, становясь на другую крайность, провозглашает почти безусловное сохранение дворянства, как отдельного сословия, и решается единственно на постепенное допущение в дворянскую среду землевладельцев – не дворян, имеющих более 500 дес. земли, а также и тех, которые владеют $\frac{1}{3}$ этого количества в том случае, если к земельной собственности присоединяется образовательный ценз.

Мы не станем обсуждать теорию «Дня», настолько она далека от нашего собственного образа мыслей, но, остановившись на второй программе, прежде чем вникать в нее, невольно спрашиваем себя: какую же задачу возложат на составленные таким образом собрания? Что в состоянии они будут выполнить? Какой род и какой круг служебных обязанностей общество и правительство считают себя вправе требовать и ожидать от подобных собраний? Какого рода и какую степень организации рассчитывают встретить с

их стороны? Ибо очевидно, что составленные по вышеуказанному рецепту земские собрания в продолжение долгого времени представят лишь те самые элементы, какие заключаются уже и ныне в созывающихся каждое трехлетие дворянских собраниях. В Тульской губернии, напр., на 450 наличных голосов на ближайшем собрании, составленном по новой системе, окажется едва ли не 10 или 15 новых голосов, и по крайней мере два поколения сменятся раньше, чем доставят собранию хотя бы слабое меньшинство в 80 или 100 голосов землевладельцев, вышедших из третьей статьи*. И если, чтобы сколько-нибудь поднять уровень земских собраний, прибегнут, как есть основание полагать, к изменению ныне действующей системы прямой подачи голосов какой-либо иной представительной системой, зло будет еще горше, так как очевидно, что это меньшинство третьей статьи, раздробленное и затерянное среди уездных выборов, никогда не пробьется к свету сквозь сомкнутые ряды предубежденного большинства и в течение еще более полувека будет видеть себя лишенным всякого местного влияния.

Желателен ли, серьезно говоря, такой результат? И как ни глубока наша антипатия к необузданному, ничем не оправдываемому спеху на всех парах, такой полный, абсолютный застой является ли тоже залогом умеренного и разумного прогресса? Представляет ли он, по крайней мере, правительству какую-нибудь гарантию порядка в будущем и серьезную опору против постепенного захвата временными веяниями? Представляет ли он, наконец, обществу, общественному мнению задатки честного и удовлетворительного соглашения, которыми оно могло бы удовольствоваться, и которые поэтому можно было бы ему навязать? Очевидно, что составленные таким образом собрания долгое время будут в состоянии лишь точно воспроизводить те же результаты, хорошие или

* Тульская губерния насчитывает в настоящее время самое большее 450 голосов на 4500 землевладельцев. Потребовалось бы по крайней мере 1000 покупателей недвижимости из разночинцев, чтобы доставить земскому собранию 100 новых голосов.

дурные, какие дают ныне дворянские собрания, и от перечислений которых мы воздержимся. Для нас очевидно также, что если выдающийся ум мог впасть в такое заблуждение, то это потому только, что он не вник в действительную цену ныне действующих собраний. Что же касается нас, с юных лет живших в провинции и пытавшихся относиться к ней серьезно, 18 лет ежедневного общения и пример 7 последовательных собраний, в которых мы, увы, сами принимали деятельное участие, оставили нам мало иллюзий насчет их умственного уровня и степени способности.

Царские рескрипты 1857 и 1858 гг. и закон 19 февраля, не излечив их коренной неспособности, осложнили еще последнюю самыми дурными страстями, систематической оппозицией видам правительства и настоящей ненавистью к крестьянскому сословию и делу их освобождения. При таких условиях и таких предвещаниях могут ли земские собрания внушать настолько доверие правительству, чтобы оно облекло их действительными правами, серьезным контролем над своими агентами, не подвергнув их предварительно существенным изменениям? И пусть не возражают нам, что можно было бы уничтожить эти дурные результаты простой заменой ныне существующей прямой подачи голосов местной представительной системой. Нет, тысячу раз нет. Ибо если настоящие собрания представляют – увы! – в большинстве случаев, к сожалению, с каждым днем все более точное сходство с неугомонной бестолочью и злополучной анархией польских сеймиков, всякая система местного представительства, не обоснованная на серьезном допущении новых элементов, послужила бы только к порождению постыдной и нелепой местной олигархии, занятой самым узким и низким эгоизмом, и правительство было бы вынуждено как можно скорее приняться за исправление того, что им же самим было создано к ущербу низших классов и собственного достоинства. В том, и другом случае правительство не только не доставило бы себе полезной и серьезной поддержки, но способствовало бы лишь к добровольному созданию себе источника настоящих

затруднений, и это, восстановив против себя либеральное мнение, большинство прессы и часть самого дворянства, а именно наиболее просвещенную часть этого сословия, вполне готовую сегодня же вступить на естественный путь соглашений. К тому же, и здесь действительно главная суть дела, правительство, которое нынче в последний раз еще держит в своих руках будущность польских провинций и может теперь одним ударом – ударом, одобренным всей Россией, – обезглавить, так сказать, польскую национальность, раздробив о политическое соприкосновение с низшими классами зловредное влияние этой всегда враждебной шляхты, – правительство совершило бы непростительную ошибку, упустив столь драгоценный случай, когда, по милости счастья и судьбы, Россия разом имеет за себя и внешнюю видимость, и прямую справедливость, и симпатию общественного мнения. Подобные дни не часто повторяются в истории народов, и те, кто ими пренебрегает, принимают на себя строгую ответственность перед потомством.

Скажем же откровенно: система Чичерина превосходная, если бы дело легло единственно о сохранении во что бы то ни стало существующих дворянских собраний, грешит в самом основании, если, наоборот, требуется исправить это истощенное одряхлевшее учреждение, неспособное теперь создать что бы то ни было, кроме искусственного и бесплодного волнения и систематической оппозиции видам и верно понятым интересам правительства. Но автор этой системы как будто забыл, что само правительство более кого-либо заинтересовано положить конец этой страстной агитации, которая, будучи не в состоянии внести практические улучшения в управление местными делами и интересами страны, способна лишь отравить отношения, то вдруг вооружаясь устаревшими претензиями, то становясь на службу и в хвост журналистики. Он как будто забыл, что правительство, испуганное громадностью задачи и тяготеющей над ним нравственной ответственностью, само искренно ищет поделиться с наиболее заинтересованными тягостями местных дел и интересов,

и что оно могло бы это исполнить, лишь найдя посредников, достойных такой задачи, способных и пригодных для ее выполнения; он забывает, наконец, что самый очевидный интерес правительства состоит не в том, чтобы свято сохранить эти жалкие кристаллизации, прошлое коих столь же темно, как и бесплодно, но в том, чтобы внести в их среду необходимые преобразования, способные доставить правительству серьезную поддержку там, где теперь оно встречает лишь глухое недоброжелательство и жгучее чувство враждебности. Три четверти столетия безлюдных усилий среди тесного союза престола и дворянства и 5 лет волнений, зародившихся со дня подписания первого царского рескрипта – здесь, перед нами, чтобы ясно выставить непредусмотрительность и неспособность настоящих дворянских собраний лучше, чем может это сделать самая горькая критика. Суждено ли нам и правительству с нами пережить сызнова эту злосчастную эпоху? Не даром ли правительство потратит здесь свою энергию и благие намерения? И пусть не возражают нам, ссылаясь на доказанное бессилие дворянства, предоставленное своим собственным средствам. Как бы ни было бессильно дворянство, в особенности перед мало-мальски твердым и либеральным правительством, как ни легко было бы последнему обличить его в неправоте, тем не менее в некоторые эпохи жизни народов даже бесплодное волнение, даже крамольная оппозиция мудрым и разумным видам снискивают себе в конце концов кратковременно симпатии мира и пользуются ими, как орудием против правительства; ибо в такие минуты сбитое с пути общественное мнение забывает на несколько мгновений то прозрение, которое оно же расточает иным учреждениям. Такую, например, роль сыграли во Франции в конце их исторического поприща столь униженные в общественном мнении парламенты. Будем же остерегаться от возрождения у нас сначала бессильной, потом торжествующей оппозиции парламентов в руках отживших дворянских собраний, которые, тоже эксплуатируемые враждой партий, могли бы получить временное торжество раньше, чем прова-

литься под самой тяжестью этой незаслуженной чести. Будем же повторять до пресыщения: первой заботой правительства теперь должно быть закрытие навсегда старых дворянских собраний в их настоящей форме. Оно должно сосредоточить выборы в уездах, слить представителей разных сословий уезда в одно новое избирательное уездное собрание и созывать в губернских городах лишь собрания.

Механизм этого нового учреждения мог бы быть приблизительно основан на принципах, изложенных в прилагаемом наброске проекта, который в своей окончательной обработке, без сомнения, должен был бы подвергнуться еще не одному исправлению.

Несколько внимательное рассмотрение мер, указанных в прилагаемом проекте устройства, не должно оставить ни малейшего сомнения относительно некоторых существенных пунктов: 1) крестьяне и мещане неохотно отрываются от своих дел и домов, почему уездным собраниям придется выбирать своих представителей почти исключительно среди дворян; с помощью этих комбинаций дворянство сохранит в уездных собраниях не только широкое, но и преобладающее влияние. Но это влияние скорее будет принадлежать просвещенному меньшинству дворянства, представителями которого в настоящую минуту являются мировые посредники, чем старому большинству, упорствующему против всяких любовных сделок и враждебно относящемуся к видам правительства. 2) Администрация с помощью своих чиновников и мировых посредников могла бы иметь видное влияние в уездных собраниях, руководя выбором крестьян, мещан, купечества и даже духовенства; она могла бы также сильно способствовать устранению из губернских собраний членов дворянского большинства, одинаково враждебно настроенных к просвещенному меньшинству их сословия и самому правительству. В губернских собраниях достаточно широкое допущение важнейших должностных лиц служит ручательством администрации за соответственную долю влияния, а для самих собраний – задатком практической прочности, ко-

торой никак не следует пренебрегать в новой организации.

3) Назначение всех председателей собраний – как уездных, так и губернских – оставленное за правительством, очевидно будет давать тон общему ходу дела, и ему нечего опасаться какой бы то ни было серьезной компликации. Принятие последней предосторожности представляется наиболее важным при данных обстоятельствах; она с избытком обеспечивает интересы порядка и законности.

4) Некоторые из прилагаемых при сем постановлений имеют особенное отношение к польским губерниям. Так, допущение духовенства в уездные собрания есть существенная мера, которая должна служить противовесом влияниям польского элемента: члены духовенства, чтобы восполнить здесь русских помещиков, должны будут служить точкой опоры, сближения и руководителями русских крестьян и мещан. Может быть, было бы возможно допустить к этой привилегии на всем протяжении империи единственно лишь православное духовенство, чтобы не дать свободное поле действия католическим священникам в Ковенской и Виленской губерниях. Эта кажущаяся аномалия могла бы быть оправдана более чем одним примером, почерпнутым из новейших европейских законодательств и, главное, из истории английских католиков. С другой стороны, почти полное упразднение прежних губернских дворянских собраний, слияние различных сословий в новых собраниях и влияние председателей, назначенных от правительства взамен предводителей, избранных дворянством, – все эти вместе взятые условия должны будут быстро подвинуть упадок польского элемента в этих губерниях и упрочить там на незыблемых основаниях – увы! – уже слишком запоздавший перевес русского национального элемента. Всякое другое применение местного самоуправления к польским губерниям могло бы только послужить к ухудшению настоящего зла, дав еще большее распространение антирусским влияниям по мере того, как возрастало бы политическое значение польского дворянства.

5) Правительство, успокоенное относительно существеннейших пунктов, должно было бы со своей сторо-

ны умерить вмешательство своих агентов в выборы, чтобы не испортить тотчас эти новые учреждения и не лишить их расположения публики. Оно должно было бы также строго требовать от своих губернаторов безусловного уважения ко всякому законному выбору собраний, призванных к упорядочению местных бюрократов. Мудрая твердость в отношениях министерства внутренних дел к собраниям, строгое уважение к их жалобам, даже если б они заслуживали критики, наконец, самое добросовестное тщательное соблюдение раз дарованных прав самоуправления, – таковы, нам кажется, необходимые условия этого нового порядка вещей, – условия, долженствующие упрочить его, сделать любезным для страны и рассеять туманные порывы к конституционному устройству, зародившиеся в атмосфере общественного застоя. Правительство не могло бы лучше и искуснее бороться с этими благородными мечтаниями, ни разумнее извлечь выгоду из добрых намерений большинства умеренных умов, как, дав им теперь удовлетворение, ловко воспользовавшись общим почетом, которым пользуются у нас идеи децентрализации и земских местных учреждений. Лишь дав толчок свыше еще колеблющемуся обществу, направив его на это более медленно развивающееся и обдуманное течение, дав стране хорошие и свободные местные учреждения, способные еще к некоторому дальнейшему развитию, и, раз давши их, добросовестно их соблюдая, правительство наилучшим образом сумеет предотвратить опасности преждевременного конституционализма и подвинуть просвещение страны без вреда своим собственным интересам.

Против указанных здесь соображений можно выдвинуть два главных возражения: во-первых, всегда неизбежная при подобных попытках возня и опасности даже, которые робкие умы всегда умеют предвидеть при всяком серьезном изменении настоящего порядка вещей, не умея дать себе достаточно ясного отчета в шаткости этого самого порядка; во-вторых, слишком малоаристократичный характер предлагаемых нами реформ.

На первое возражение мы не сумеем лучше ответить, как повторением пророческого слова Кавура в одной из его депеш во время Парижского конгресса; «в наш век, – говорил он, и мы повторяем за ним, – я утверждаю, что смелость есть часто лучшая политика. Она удалась Наполеону, она могла бы также и нам удалась». Ну что же – да! И у нас тоже правительство должно суметь проявить известную смелость, если не желает, чтобы дворянство и образованные классы выхватили у него первенствующую роль, которую оно сумело на себя взять, храбро разрубив гордые узел крепостного права. Правительство должно завершить свое дело, вырвав у своих порицателей оружие, которое им бы хотелось обратить против него, сумев само им воспользоваться, повернув в свою собственную пользу искусственное возбуждение, которое дворянство пытается пробудить, маскируясь либеральными идеями, требуя при громких клятвах слияния сословий, чего ему одному можно опасаться, тогда как правительству этого в сущности нечего бояться.

Что же касается второго упрека, скажем откровенно: ничто не может быть теперь пригоднее для России, и в особенности для монархического принципа, как введение системы, скрепляющей союз народной массы с властью и неизбежно предоставляющей ей опеку и руководство. Эта система, введенная во Франции наполеоновской идеей, есть единственная действительно сочувственная современному обществу, только она одна могла бы быть теперь еще сносною для России и способной упрочить ее национальное единство вопреки и наперекор польскому и немецкому элементам. Пусть старые западные аристократические общества в Англии и известной части Германии правильно завершают медленную эволюцию своего исторического развития. Что же касается нас, если мы желаем сохранить свое место в истории и наше положение в системе славянского мира, всякий другой выбор нам возбранен, и нам остается лишь смело, но мудро идти по пути, намеченному нашим прошлым и духом наших народных учреждений.

Крестьянское дело в 1861 и 1876 году*

Посвящается дорогой памяти всех тех остающихся в живых и отошедших в вечность друзей и недругов, кто на заре нынешнего благополучного царствования, в светлый день освобождения крестьян с чистым сердцем и искренней волей трудились в губернских дворянских комитетах, редакционных комиссиях и Главном комитете над приисканием путей к разрешению задачи, последовательно томившей пять царствований и олицетворявшей лучшие чаяния русского общества.

После многолетнего молчания в первый раз обращаясь к гласному изложению созревших во мне убеждений, и притом по вопросу, несомненно имеющему первостепенную политическую важность, я считаю не излишним вслух, в беседе с читателем проверить свою совесть, возвестить те побуждения, которые руководят мной и склоняют меня предпочесть печатное выражение мысли всякому иному способу ее распространения, предложить читателю несколько слов в объяснение того способа, который мною избран для выражения моих мнений. Я прибегаю к печати, ибо считаю ее участие не только

* Известно участие, принятое князем Черкасским в крестьянском деле. Им написан по этому предмету целый ряд исследований, статей и записок, которые могут составить особую большую книгу. В последние годы жизни он намеревался написать также история крестьянского преобразования в России но не успел исполнить это намерения. В бумагах его нашлись следующие, к сожалению, только начальные страницы этого сочинения. — Прим. издателя в издании 1879 года.

законным, но и совершенно необходимым для всестороннего разъяснения правительству вопросов, которые занимают или волнуют общество, и быстро изменяющихся условий нашего внутреннего развития. Полагая, что задача, в современном европейском обществе выпадающая на долю русской печати, не может быть за нее выполнена ни правительственными канцеляриями и административными органами, ни даже земскими собраниями, как бы охотно и широко ни пользовались они правом, им предоставленным статьею Положения о земских учреждениях. Я обращаюсь к печатному станку русскому в том уповании и в той надежде, что в той доле свободы и простора, которая отводилась русскому слову в 1857–1858 годах (задолго до обнародования Уставов о печати), не будет и ныне отказано русской мысли, с тех пор уже несколько созревшей, неторопливой на приговоры и утверждения, избирающей для своего выражения время, свободное от тревожных внутренних волнений, относящейся беспристрастно и спокойно к чужим мнениям и при суждении о них имеющей уже ныне в своем распоряжении длинный ряд разновремененно совершившихся фактов взамен личных воззрений, не всегда чуждых односторонности. Наконец, я излагаю свои мнения в особой брошюре под охраной статей Положения о печати и предпочитаю эту форму всякой иной, потому что равно желаю сохранить за собой и полную свободу мысли, и полную, нераздельную ответственность за ее выражение.

Человек в той или другой форме, более или менее близко прикасавшийся к государственной деятельности и в своей жизни хотя бы только два-три раза, в обстоятельствах чрезвычайных, на день или на два привлечший к себе доверие правительства и сознательно несший на себе лестное, но ответственное бремя власти, невольно приступает впоследствии не без некоторого недоумения к гласному, печатному обсуждению тех же самых, хотя бы и видоизменившихся, вопросов, которые составляли некогда предмет его деятельности в сферах правительственных. Если впечатление это не вполне покидает человека даже и в западноевропейском обществе, где

гражданская и политическая личность деятелей несравненно самобытнее выделяется из общего государственного строя, всегда и всюду сохраняя за собой свою особую краску и резкую индивидуальность, то тем сильнее и, смею думать, законное оно в нашем русском обществе, политические и гражданские условия которого, обусловленные нашим своеобразным историческим развитием, оставили сравнительно так мало простора личному развитию человека, где его личное значение так всецело расплывается и так быстро исчезает в безличной правительственной массе.

Более чем кто-либо я склонен думать, что это несчастное условие нашей жизни налагает на русских людей особенные условия осторожного и скромного обхождения как с исторической истиной ближайшего времени, так и с обсуждением современных политических вопросов. Этим взглядом я руководствовался в течение долгих лет и, находясь не у дел, хранил добросовестное молчание по множеству вопросов, возбуждавшихся в течение минувшего десятилетия, и из которых не один касался близко моих самых заветных убеждений. В настоящую минуту я обращаюсь прежде всего к уяснению самому себе вопроса о том – имею ли я, наравне со всяким другим, нравственное право печатно обсуждать современное положение крестьянского дела? Могу ли я после стольких лет, когда реформа почти во всех частях своих уже совершилась, могу ли я без нарушения нравственных обязанностей и строгих приличий взяться за перо для хладнокровного изучения совершившихся фактов, для указания тех данных, которые официальная статистика могла почему-либо упустить из виду, для подведения итогов под ряд фактов совершившихся и неизменных, для извлечения, наконец, из этих фактов и из личных моих наблюдений указания тех задач, которые в самом ближайшем будущем ожидают и требуют неукоснительного разрешения своего правительством? Я продолжаю далее свой розыск и предлагаю себе вопрос обратный: не наступила ли теперь для всех тех, которые с юных лет жаждали для России совершения великого дела (как исхода из векового пленения и введения

будущих поколений в обетованную сень гражданской жизни), которые были счастливыми свидетелями и участниками в его совершении, и которых еще пощадила судьба, оставив их на короткое время в редееющих день ото дня рядах старых товарищей, – не настала ли для них пора высказать с полной откровенностью свои последние выводы и заключения? Не обязательно ли это для них? Не обязаны ли они в настоящее время, уже столь далекое от страстного волнения, охватившего все русское общество 15 лет тому назад и не допускавшего ни с чьей стороны вполне хладнокровного обсуждения дела, – не обязаны ли они теперь попытаться дать русскому обществу отчет в тех советах, которые ими в то время под собственный страх были даваемы правительству и которые, быть может, не остались на деле бесследными в тех побуждениях, которыми они в то время руководствовались? Если они ошибались, не пора ли им ныне принести в том правительству и обществу откровенное признание и полную исповедь, или, в противном случае, не должны ли они во всеуслышание засвидетельствовать неизменность своего убеждения, избегая двусмысленного и лукавого молчания? Не наступила ли благоприятная минута для этого, когда ежедневно вновь воскресают старые вопросы, вызывая вновь и старые ответы, по-видимому, окончательно, было, изжитые предшествующим поколением и не оправдаваемые уже ни возможностью практического осуществления, ни даже сознанием большинства дворянства; когда, невзирая даже на благополучный исход крестьянского дела, не притупилось жало клеветы, так беззастенчиво и так безразлично преследовавшей некогда и существеннейшие его основы, и главных его деятелей; когда великое благодеяние 19 февраля, нынешним царствованием завещанное русскому народу, ожидает своего окончательного завершения, а может, смотря по решению, какое примет ныне правительство, либо временно умалиться в своих благотворных последствиях, либо обновленным ключом вновь сильнее разлиться на русскую землю и надолго упрочить в народе сознание, что не скудеющая рука самодержавной власти полна для него щедрот, сердце полно

любви?.. Все эти вопросы разрешаются, на мой взгляд, сами собой их откровенной постановкой. Я прибегаю к печати потому, что считаю ее участие не только законным, но и совершенно необходимым для всестороннего изучения вопросов, которые волнуют общество, и для уяснения тех быстрых видоизменений, которым по своему существу подверглись хозяйственные условия нашего внутреннего развития.

Перед нашими глазами происходит странное зрелище. Пятнадцать лет тому назад тихо, мирно, величественно совершилось преобразование, в самом корне обновившее всю русскую землю. Своими колоссальными размерами, широтой оснований, на которых оно задумано, твердой решимостью, с которой оно приведено в исполнение, разнообразным обилием своих последствий это преобразование превосходит все реформы в том же роде в новой и древней истории когда-либо совершившиеся. Верховная власть в лице ныне благополучно царствующего Государя сослужила России этим делом незабвенную историческую службу, предрешившую ход нашего будущего и надолго упразднившую в нем силу революционного начала. Крестьянское дело не только удовлетворило первые законные ожидания крестьянского сословия: оно вновь сплотило в одно твердое органическое тело разбредшиеся было элементы народной жизни; оно впервые уяснило обществу основные начала народного самосознания, облегчило России трудную борьбу на берегах Вислы и Немана с застигнутой врасплох, оторопелой и неизменно завистливой Европой; оно, наконец, послужило толчком для всех последующих реформ, так долго, так безнадежно ожидавшихся Россией; оно приуготовило пути для введения судебных уставов, Положения о земских учреждениях и всеобщей воинской повинности.

Сама по себе взятая крестьянская реформа была плодом продолжительного, добросовестного, всестороннего изучения в трех инстанциях – губернских дворянских комитетах, редакционных комиссиях и Главном комитете. Излишне было бы излагать здесь историю этой разработки. Она еще слишком свежа в общей памяти. Достаточно будет, не касаясь в настоя-

щую минуту существа Положения, указать здесь лишь на две отличительные черты, которые наложили на эту работу свою особенную печать и важность которых может быть вполне оценена лишь теми, кто возьмет на себя труд вспомнить то полное отсутствие твердого плана и незыблемых, прочных оснований для крестьянского дела, какое в то время замечалось не только в обществе, но даже, к сожалению, и в среде огромного большинства государственных людей того времени.

В противоположность этому хаотическому состоянию мысли Положение о крестьянах, выработанное редакционными комиссиями, с одной стороны представляет полную, строго проведенную систему, с другой – отличается широким синтетическим направлением мысли, дозволившим комиссиям связать и согласовать крестьянское дело со всеми последующими, в то время еще лишь чаемыми реформами и предопределить будущее направление самого крестьянского дела. В самом деле, постараемся мысленно перенестись в ту пору, когда редакционные комиссии были внезапно созданы правительством под крышу Первого кадетского корпуса на Васильевском острове. С тех пор дней прошло как бы немного, но целая пропасть успела образоваться между тогдашней и новой Россией, и последняя говорит уже новым языком и едва ли отдает себе полный отчет в впечатлениях, убеждениях и терминовании России, безвозвратно минувших в славный день 19 февраля. Какая смесь изумления, исступленных страхов, горячей благодарности и радостных восторгов приветствовала появление на свет незабвенного рескрипта 27 ноября 1857 года! Под влиянием этих противоречащих впечатлений положение верховной власти по отношению к крестьянскому делу было самое затруднительное, по-видимому – почти безвыходное...

III

РЕЧИ КНЯЗЯ В. А. ЧЕРКАССКОГО

Здесь собраны речи князя В. А. Черкасского, произнесенные по разным случаям и на разных поприщах его общественной деятельности и государственной службы. Эта своего рода автобиография, которая со временем может быть дополнена.

Студенческое воспоминание

(Читано в кружке однокурсников и товарищей 12 января 1855 года, в день столетнего юбилея Московского университета, т.е. почти в последний месяц Николаевского царствования).

Вступив в Московский университет в 1840 году, я вышел из него в 1844 году, следовательно, находился в нем в минуту полного по возможности его созревания, когда семь лет, протекших после его преобразования, уже начали опытом своим оправдывать и укоренять многие из введенных в жизнь его новых начал. Студентов было много; но что гораздо важнее, мы искали перед глазами своими нередкие уже примеры мно-

гих, окончивших курс товарищей, с выходом своим из университета не разорвавших мгновенно всех связей своих ни с ним самим, ни с наукой, не увлекшихся выгодами или привычкой службы и в тиши уединенной жизни продолжавших собственное образование, обретши в ней уже древнему миру сладкое *otium cum dignitate**. К слишком быстро протекшим сорок первым годам принадлежит наибольшее количество защищенных дельных магистерских рассуждений в университете и более или менее оправдавшихся впоследствии призываний к ученой деятельности и профессуре питомцев обновившегося университета. Под влиянием свободного развития, предоставленного ему графом Строгановым, росло и крепло в нем историческое направление, дельно выражаясь во всей умственной жизни тогдашней Москвы; то было время процветания публичных лекций и многих изданий – «Чтений Общества истории древностей», «Юридических Записок», многих отличных сборников, «Москвитянина» и прочее. То была также пора более или менее вежливых турниров и борьбы славян и западников. Счастливое время, когда турнир не был смешон, и между людьми мыслящими могло существовать искреннее разногласие! Все это прошло, – дай Бог, чтобы не прошло безвозвратно, – но во всяком случае прошло для нашего поколения, оставив по себе единственным следом несбывшиеся надежды и неутешительную действительность. Как бы то ни было, но все эти внешние близкие университету влияния имели в то время благодетельнейшее действие на образ мыслей и занятий моих товарищей. Первый курс постоянно и ежегодно наполнялся множеством незрелых питомцев семейной жизни; строгий переходный экзамен с 1-го на 2-й курс немедленно отделял надежных студентов от семейных баловней и возвращал последних естественному их назначению – военной службе или светской жизни; перешедшие же на 2-й курс, живя и развиваясь в благоприятной свободной атмосфере, часто делались людьми дельными и постоянно выносили с собой из университета, по крайней мере, уважение

* Отдых с почетом (*лат.*). – *Прим. ред.*

к науке, чувство личного достоинства и теплое сочувствие ко всякому благородному стремлению. Таковыми я неизменно встречал всех, даже самых дюжинных товарищей своих впоследствии в жизни, среди многосторонних ее искушений и трудностей. С 1842 года введены были в университет окончательно две меры внутренней организации, значительно облегчившие правильные занятия наши: отменены на двух последних курсах полугодичные репетиции и распределены предметы по курсам в логической их последовательности, особенно первая мера значительно возвысила уровень умственной деятельности студентов.

Господствующее направление в университете, сказал я, было историческое. Русская история в особенности была в то время любимым предметом большинства дельных студентов. До сих пор вспоминаю я с наслаждением лекции М. П. Погодина, слушанные мной год *ex-officio** и два года добровольно на посторонних курсах. Мне и товарищам моим он читал историю Московского княжества; на 4-м курсе юридического факультета, кажется, в 1840–1841 гг., слушал я его историю Петра Великого; в другом, не помню наверно в котором году, слушал я вместе со словесниками историю царя Алексея Михайловича. Не одаренный могучим или живым словом, но вполне проникнутый горячей любовью к отечеству и к его истории, каждый год разнообразя эпохи, входившие в программу его преподавания и в основу последнего клада всегда подлинное чтение на лекциях замечательнейших памятников древности, он невольно вселял в слушателей своих сочувствие к историческому труду, возбуждал самостоятельность умов их и радушно приветствовал и поощрял каждого, кого успевал он посвятить в тайные наслаждения науки.

Другое преподавание, не менее имевшее на меня влияние и, конечно, не оставшееся чуждым образованию склада ума многих товарищей, было преподавание тогдашнего декана нашего, Никиты Ивановича Крылова. То был резкий,

* По обязанности (*лат.*). – *Прим. ред.*

трезвый ум, воспитанный и искусившийся на основательном изучении римских юристов и в блистательное живое слово облакавший их строгую логику. Мастерской частью его преподавания слыли вообще в университете его лекции о владении по римскому праву. Но меня более всего поражало его не на много лекций растянутое, но исполненное жизни и одушевления учение о римском колонате и об емфитевзисе¹; в глазах моих то было венцом его догматического преподавания, вообще для юридического факультета с успехом по своему логическому характеру восполнявшего ощутительный недостаток кафедр логики и философии. Еще более поразило меня его преподавание истории римского права на 2-м курсе: последователь Нибура, он в основание всякой разумной и обещающей мощное развитие в будущем истории народов клал необходимость физиологического смешения племен. Все преподавание его было не что иное, как ряд блистательных вариаций на ту же любимую тему, к которой так легко и непринужденно приспособлялись драматические эпизоды из борьбы патрициев с плебеями. Разумное значение римских аристократических родов и тем не менее естественное, неотразимое их вымирание под наводняющим влиянием плебейской жизни, трагический *fatum*^{*}, тяготевший над сомкнутыми древними родами, и исполненное будущности движение всякой живой демократии – таков был неисчерпаемый предмет и столько же неисчерпаемый для мыслящего ума интерес лекций Крылова. За ними по художественной своей отделке и теплоте постоянно согревавшего их чувства отличались чтения Тимофея Николаевича Грановского. Наконец, и Редкин, невзирая на многие слабые стороны, был далеко не бесполезен, и на 1-м курсе своим изложением энциклопедии поселял в умы неопытных слушателей довольно ясное сознание их невежества, а, следовательно, и необходимости серьезного занятия; на 4-м курсе иногда случалось ему мастерски прочитать несколько лекций об иностранных государственных учреждениях.

^{*} Рок (лат.). – Прим. ред.

Так рос и мужал университет наш. В числе товарищей моих не могу не назвать Соловьева и Леонтьева, ныне и профессоров, Новосильцева, скромного епифанского помещика, Фета и Полонского, Елагина, Ушинского, бывшего в последствии и профессором Демидовского лицея, наконец, из студентов, бывших при мне на младших курсах, – Горчакова и Моренгейма.

Впрочем, несмотря на скорое и, конечно, блистательное свое развитие, университет уже таил в себе два начала разложения: во-первых, постоянно усиливавшееся и распространявшееся между дельными воспитанниками его отвращение к практической деятельности и службе; симптом, конечно, понятный и легко объяснимый, но, тем не менее, начинавший вселять во многих недоверие к университетскому образованию или, по крайней мере, к применимости его в России; перевороты 1848 года нашли в умах и в публике почву уже приготовленную и возникшие уже сомнения, готовые перейти в слепое одобрение всех стеснительных против университетов мер. Другое разрушительное начало, внесенное в университет извне, из общества, снабжавшего его питомцами, несравненно важнейшее и еще более для него злое, это было образование в самой среде студентов, и притом уже с самого следовавшего за мною курса, шайки, или партии, аристократической, резко старавшейся отделиться от общего товарищества. С тех пор уже, должен я сознаться, начала падать общественная товарищеская жизнь старого университета, а с этим вместе нанесен ему был и решительный удар. Постараемся в нынешний день забыть это последнее грустное явление. Возблагодарим по крайней мере наш старый университет за то, что он сумел заставить нас себя полюбить, и среди общественного к нему равнодушия или злорадности скажем ему от себя душевное спасибо и пожелаем ему более продолжительных, лучших дней для блага России в оправдание света и на рассеяние тьмы.

Января 12 дня 1855

Набросок речи к мировым посредникам Тульской губернии (1861)

1. Обращаюсь к товарищам моим, господам мировым посредникам.

2. Мы здесь встречаемся только во второй раз и едва успели узнать друг друга в лицо. Первое собрание было официальное. Теперь надобно сблизиться.

3. Положение посредников трудное.

4. Я не стану отвечать на отзывы, слышанные нами в другом месте и доказывать законность нашего существования; ибо такая мысль не стоит опровержения.

5. Другие выводят невозможность нашего учреждения из трудностей, которые ему отовсюду предстоят; они не замечают, что именно эти-то трудности узаконивают учреждение и делают его необходимым.

6. Да, трудности предстоят большие, но не непреодолимые.

7. Наши обязанности двойки. Во-первых, эти обязанности нравственные. Мы поставлены на стороже для охранения законных граней между двумя сословиями. Наш долг – полное беспристрастие к обоим, полная правда в отношении обоих сословий. Мы обязаны: а) обеспечить начало собственности, соблюдая закон; б) дружеской рукой, но без насилия, вести крестьянство по пути развития; в) приобрести любовь общества к мировым учреждениям, без коей они не укоренятся в общественном сознании. Это самая трудная задача. Положение мировых учреждений будет шатко, покуда общество не примирится с нами во всех его слоях.

С другой стороны, – мы должны, строго выполняя Положение и отрящаясь от страстных впечатлений, стараться в три года вникнуть в хорошие и худые стороны Положения;

ибо правительство и литература могут только от нас получить вполне верные указания.

8. Счастлив тот, кто по истечении трех лет сможет явиться сюда, на суд товарищества, со свидетельством собственной совести, что он выполнил свой долг и подвинул дело вперед, хотя на шаг.

9. Мы должны помнить всегда в нашей деятельности, что мы все разрозненные члены одной общей храмины, рассыпанной по всей Русской земле.

10. Итак, вспомним здесь всех, кто себя посвятил общему делу.

Да здравствуют и процветают мировые учреждения по лицу всей Русской земли! Да утвердятся и окрепнут они, и да укоренятся они глубоко в народном сознании! И да здравствуют, без различия партий и знамени, все члены мировых учреждений, которые приносят на общее дело честный труд и желание правды!

Речь, сказанная в Варшаве перед вступлением в управление Комиссией внутренних дел в 1864 году

Господа!

По воле Государя Императора я вступаю в управление Комиссией внутренних дел. Считаю полезным высказать вам при этом с полной откровенностью тот взгляд, которого я буду постоянно держаться и те требования, которые я считаю себя вправе предъявить господам чиновникам, служащим в ведомстве Комиссии.

Первый долг каждого служащего есть, без сомнения, безусловная преданность правительству и строгое соблюдение данной Государю Императору присяги. Одни лишь чрезвычайные обстоятельства, в коих последнее время находился здешний край, могут заставить меня напомнить об этой первой и

священной обязанности, которая составляет основание всякой службы. Надеюсь, что я ни в ком не найду и тени уклонения от этой обязанности. Надеюсь также, что господа старшие чиновники, большей частью пробывшие на службе много лет, будут в этом, как и в других отношениях, подавать благой пример своим младшим сослуживцам.

Другая наша главная обязанность и перед Государем, и перед обществом есть служба честная и бескорыстная. Считаю долгом обратить на это особенное внимание ваше, ибо одним лишь удовлетворением этому необходимому условию мы можем заслужить общее уважение к тяжелому труду чиновника.

Со своей стороны могу уверить вас, что усердие, преданность правительству и честность каждого из сослуживцев моих всегда найдут во мне ревностного ценителя.

Напомню вам еще, господа, что каждый чиновник может и должен даже вне круга своих служебных обязанностей ревностно содействовать правительству в деле скорейшего водворения в обществе полного спокойствия и тишины. Эта обязанность неизменно лежит на каждом гражданине; ибо для преуспевания общества необходим прочный мир, возможный только при совокупных усилиях всех его членов. Каждый из нас может и должен способствовать достижению этой цели посредством личного своего влияния в кругу своего семейства и близких себе людей.

Прочное умиротворение здешнего края, тщательное изучение его истинных потребностей, материальных и нравственных, заботливое врачевание ран, нанесенных ему мятежом, наконец – открытие новых источников общественного благосостояния во всех живых силах народа: такова настоящая задача нынешнего времени, и мы все призваны трудиться общими силами над ее разрешением.

Государь Император Всемиловнейшим изданием четырех указов сего 19 февраля (2 марта) положил твердое основание этому направлению. Он вызвал к действительной жизни, гражданской и политической, огромное большинство народа, составлявшее донныне одну лишь безгласную массу.

Вместе с тем ограждены и законные интересы поземельной собственности назначением в пользу владельцев справедливого вознаграждения. Самому обществу предстоит ныне оценить с должным беспристрастием этот важный шаг к обновлению всего здешнего гражданского быта; через это значительно облегчится задача администрации. Во всяком случае, наше дело – твердо и хладнокровно идти по пути, указанному Государем, равно стараясь избегать при этом всякого рода крайностей. Я счастлив, господа, что могу посвятить свой труд на такую задачу; не сомневаюсь также, что в виду общего блага я встречу с вашей стороны искреннее содействие себе и в особенности совершенную преданность воле Государя Императора.

**Речь во время Первого всеславянского
съезда на празднике в Москве в
Сокольничьей роще, 21 мая 1867 года**

Милостивые государи! Я прошу вашего снисходительного внимания на несколько лишь минут. На нынешнем общем нашем пире я не готовился просить слова у нашего председателя; на случай же, если бы довелось мне просить слова, я решился поставить себе обязанностью избегнуть по возможности упоминания о некоторых обстоятельствах, касающихся печальной современной розни в славянском племени. Но два оратора*, равно мною уважаемые, один из числа соотечественников наших, другой из среды наших гостей, упомянули о Польше и говорили об отношениях ее к России. Я счел бы себя неправым, если бы в этих обстоятельствах не позволил себе просить вашего внимания на несколько минут, чтобы побеседовать с вами речью неприготовленной о том же самом предмете.

* М. П. Погодин и Ригер.

Мне кажется, я могу сказать, что между взглядами обоих ораторов, говоривших о Польше, и моим взглядом нет существенного противоречия, и что на этой почве, как и на всякой другой в общем славянском деле, мы все присутствующие здесь можем и должны сойтись. Но всякая общая мысль требует разъяснения в подробностях; каждое общее соображение следует проверить частными фактами, и лишь затем должны мы постановлять свое окончательное суждение и определять свой образ действий.

Здесь была высказана мысль, которая, без сомнения, близка и дорога всем нам, мысль, что отношения двух сторон: одной – великой, сильнейшей, самостоятельной и победоносной, другой – меньшей и силой судьбы подчиненной, – что желательнее было бы эти отношения основать на справедливости и правомерности. Если я не ошибаюсь, если я правильно понимал смысл блистательной речи, нами слышанной, – вот та мысль, которую хотел выразить один из наших гостей. Неужели здесь, в этом собрании, есть хотя один человек, который не разделял бы вполне этого воззрения? (*Нет! Все желаем того же!*) Все мы желаем того же, и я смею утверждать, что Россия достигает этой цели вполне. В самом деле, в чем может выразиться правомерность? В двух областях: *in jure publico* и *in jure privato* – в области государственного права и в области частного права. Посмотрим же, каковы отношения двух сторон в этих двух областях, которые, впрочем, так тесно между собой связаны, что нет возможности никому действовать в одной из них так, а в другой иначе.

Итак, соблюдена ли Россией идея правомерности в отношении к несчастной Польше, несчастной, впрочем, лишь по собственной вине? Соблюдена ли эта мысль в области государственного права? Милостивые государи! Многие из вас, здесь присутствующих, родились до 1814 года; многие из вас даже по собственным воспоминаниям и впечатлениям знают, какие установлены были в то время отношения между империей и царством. Мы можем, не краснея ни перед Европой, ни перед общим славянским миром, ни перед какою-либо отдельной от-

раслью славянского мира, здесь и везде громогласно заявить, что отношения эти были не только правомерны, но еще и в высшей степени льготны. (*Рукоплекскания*)

Великодушный основатель Царства Польского, – я говорю – основатель, ибо в то время польского государства уже не существовало, оно уже растеряло свое политическое бытие по всем стогнам Европы (*правда, правда!*), – Александр I создал Польшу и даровал ей политическую свободу. Но я, к сожалению, должен присовокупить (ибо это всем известно), что эту политическую свободу те же самые поляки растеряли собственной виной два раза – и в 1830, и в 1863 годах. (*Рукоплекскания*)

Есть факты, совершившиеся в истории, факты, которых из страниц ее никто вычеркнуть не в силах – ни бытописатель, ни политические люди. (*Рукоплекскания*) Один из таких фактов совершился между Россией и Польшей. Россия покончила, она порешила раз и навсегда, бесповоротно (*да, да!*) наши старые исторические счеты; и подобно тому, как нет той силы на земле, которая могла бы изменить естественное течение рек и заставить их струи течь не от источника к устью, но от устья к источнику, точно также нет той силы на свете, которая могла бы переменить установившиеся ныне государственные отношения России к Польше. (*Громкие и продолжительные рукоплекскания*)

Из области государственного права, из этой шумной области, перейдем в другую, более скромную и мирную сферу, в сферу частных отношений. Я спрашиваю вас, может ли что-либо для человека в его частной жизни быть драгоценнее уверенности, что он ограждается правым, надлежаще устроенным судом, по возможности гласным и быстрым? Что может быть драгоценнее человеку того убеждения, что потребность в образовании и просвещении его семьи, его детей удовлетворяется щедро? Что, наконец, затрагивает его ближе, чем неблагодарная почва того податного устройства, требованиям которого, однако, мы все должны безропотно покоряться, ибо всякое государство требует и имеет право требовать от своих

граждан средств для удовлетворения общественных нужд и потребностей? И наконец, позвольте мне, милостивые государи, предложить вам еще один общий вопрос: может ли кто бы то ни было иметь право желать, чтоб одна какая-либо область государства была льготнее одарена, чем все прочие области того же государства и чем господствующее его племя? (*Нет, нет!*) Обращаюсь ко всем славянским гостям: я полагаю, они все были бы довольны от первого до последнего, не перечисляя отдельных племен и областей, если б они во всех отношениях пользовались безусловно всем тем, чем пользуется господствующее в их государстве племя. (*Слава! Живу!*^{*}) Затем обратимся к каждому из указанных мною предметов в частности, и прежде всего к судебному устройству в Польше.

У нас, в самой России, при множестве громадных забот, обременяющих правительство, суд лишь в недавнее время учрежден на тех началах, на которых мы его видим ныне создавшимся; это есть одно из тех многочисленных благодеяний, которые навсегда упрочат за нынешнем царствованием любовь и преданность всего русского народа. В привисленских, польских губерниях России суд гласный и устный существовал гораздо прежде, чем в великорусских, малороссийских и других губерниях; это был суд не столь совершенный, как вновь вводимый у нас ныне, но во всяком случае несравненно совершеннее того, который существовал у нас доселе. Что же касается до применения новых судебных начал в Польше, то дело это ныне уже начато разработкой.

В отношении к народному просвещению достаточно будет припомнить несколько простых грубых фактов, всем нам известных. В той губернии, к которой принадлежу я, именно в Тульской губернии, имеющей до 1 000 000 жителей, есть только одна мужская гимназия, и то же можно сказать почти о всех внутренних губерниях; в привисленском крае России, где теперь учреждено 10 самых мелких губерний, и где еще в прошлом году было только 5 губерний, едва равнявшихся нашим по народонаселению, таких средних учебных заведений состо-

* Да здравствует (сербск.). – Прим. ред.

ит до 24. Это суть, милостивые государи, не слова, но факты, которыми мы можем смело отвечать на самые взыскательные требования Европы. *(Рукоплекскания)*

Я перехожу, наконец, к повинностям. В 1864 и 1865 годах я имел случай довольно близко изучить этот вопрос. В то время в привисленских губерниях империи с каждого жителя приходилось всех податей и государственных доходов около 4 рублей, а прежде того сходило еще менее, даже менее, чем в какой бы то ни было другой стороне Европы. *(Рукоплекскания)* Остальная Россия в то же время платила до 6 руб. сер. с жителя. В настоящее время отношения эти постепенно уравниваются, и должно надеяться, что привисленские губернии будут приведены постепенно к тому же податному знаменателю, под который подведена вся Россия (желательно!). Но позвольте вам доложить, что даже теперь самый тяжелый налог, ведерный налог с вина в привисленских губерниях вдвое менее, чем в остальной России. Вот несколько безыскусственно собранных фактов, которые, я думаю, могут успокоить и вашу личную совесть, и общую совесть всей России как перед Европой, так и перед нашими дорогими славянскими гостями. *(Рукоплекскания. Bravo! Благодарим!)*

Таковы, милостивые государи, наши отношения к Польше. Вы видите, что они не только юридически справедливы, но даже и льготны. За тем пожелаем, чтобы и в самой польской среде зародились, или, лучше сказать, развились другие, более справедливые к нам чувства. Я говорю «развились», ибо верю несомненно, что такие чувства отчасти уже зародились, верю потому, что видел отношения польского крестьянства к нам русским. Я видел, с какою благодарностью принимали они те благодеяния, которые расточались им высочайшими указами. *(Рукоплекскания)*

Итак, будем желать, чтоб эти семена разрослись еще более и принесли в свое время обильные плоды. *(Рукоплекскания)* Когда сыны Польши добровольно возвратятся к нашей общей братской трапезе, в общий родительский дом, но не как строптивые сыны, а подобно блудному сыну, во всеоружии искрен-

него, смиренного раскаяния, – тогда полякам будут широко раскрыты наши братские объятия (*рукоплескания*), и не будет в нашем стаде довольно жирного тельца, не будет тельца в нашем стаде, которого мы пожалели бы заложить для этого радостного пира. (*Рукоплескания. Так! Так! Правда!*)

Милостивые государи! Я кончу свое слово несколькими пожеланиями. Пожелаем, чтобы голоса, власть имеющие над умами, обратились к самому польскому народу с убеждением, что лишь от него зависит его будущая судьба. Тот, кто будет иметь смелость прямо, лицом к лицу, откровенно высказать эту истину польскому народу и кто успеет убедить польский народ, тот окажет и ему, и нам, и всему славянскому делу такую неоцененную услугу, которой ни мы и никто достаточно оценить не в силах. (*Рукоплескания*)

Выражу еще другое пожелание. Пускай эти же имеющие власть голоса обратятся к тому же несчастному племени и скажут ему: России, конечно, вам трудно доказать теперь же, медленно, ваши родственные чувства; но есть племя в Европе, живущее за пределами России, племя разбитое, племя, ныне находящееся под чужой пятой, племя, не просящее себе ни силы, ни власти, ни преобладания, а лишь защиты. (*Громкие, восторженные клики*)

(Каноник Головацкий, сидевший прямо перед оратором, наклонил голову, и крупные слезы закапали на его тарелку.)

Внемлите просьбам этих ваших собратий, русских галичан; устройте для них дело так, как оно было устроено для вас в привисленском крае, дайте им то, что дано вам. (*Гром рукоплесканий. Сильное движение*)

И это увещание, если оно увенчается успехом, принесет самые лучшие плоды. (*Рукоплескания*) Из этого сближения, из этих новых отношений двух родственных в Галиции племен мы увидим: имеем ли мы и в наших отношениях к полякам дело с одними лишь звуками, с одними призраками, или же имеем дело с действительностью, с искренностью и прямоотой. (*Рукоплескания*). Милостивые государи! Будущность поляков отныне в их собственных руках! (*Правда!*)

Коснувшись русских галичан, я охотно пользуюсь настоящим случаем, чтобы вспомнить вместе с вами некоторые имена, дорогие и галичанам, и нам. Пора оставить поле распри и раздора и прийти к таким чувствам, которые могут соединить всех нас без исключения. Милостивые государи! Я не стану утруждать вас подробным изложением истории Галича. Все знают, что Галич был искони русский край; знают, что и в новейшее время часть австрийского Галича была соединена с Россией между 1809 и 1814 годами; все знают, что часть галицкой земли и ныне принадлежит России, именно та часть, которая находится в Люблинской губернии и где лежит любезный нам Холм. И в этой галицкой земле, о бедствиях которой я упоминать в настоящее время не желаю, было целое поколение людей, трудившихся и сеявших на своей родной ниве, усердно работавших на свой народ. Имена их вам присущи. На нынешнем братском пире позвольте вспомнить с благоговением и благодарностью ту охранительную, спасительную для русской народности роль, которую в том крае играло и ныне играет греко-униатское духовенство. (*Громкие рукоплескания*). Помянем прежде всего покойника. Слава и вечная память усопшему святителю галицкой земли, высокопреосвященному митрополиту Яхимовичу, который с самой молодости и до гробовой доски посвятил себя делу отечественной науки и родного церковностроительства. (*Вечная память!*) Вспомним и скажем также вечную память другому труженнику науки, бывшему близким знакомым митрополита Яхимовича и оставившему после себя великий памятник; я говорю о Зубрицком, историке Червонной Руси, о том Зубрицком, труд которого переведен на русский язык старанием О. М. Бодянского. Затем перейдем к живым и прежде всего вспомним нашего дорогого и любезного всем гостя Якова Федоровича Головацкого. (*Рукоплескания. Слава!*) И наконец, слава всем сподвижникам митрополита Яхимовича и преемникам дела его на галицкой земле, достопочтеннейшим прелату Куземскому и канонику Петрусевичу, неутомимому священнику Наумовичу и двум мирянам, редакторам русских

журналов – «Слова» и «Страхопуда» – Дедицкому и нашему гостю Ливчаку. (*Слава! Ура!*)

**Речь на заседании Общей Думы
29 апреля 1869 года**

Милостивые государи, заседание Думы открывается согласно закону чтением журнала предшествующего заседания; но еще прежде, чем заседание Общей Думы будет открыто, позвольте мне, вашему новому городскому голове, обратиться к вам с несколькими словами. В первый раз являясь перед избранныками Московского городского общества, я ощущаю настоятельную потребность выразить вам, и в лице вашем всему городскому обществу, те чувства глубокой благодарности, которыми я проникнут к Москве за тот лестный выбор, которым ей угодно было меня почтить.

В настоящую минуту все содействует тому, чтобы глубоко смутить меня: и та обстановка, среди которой в первый раз имею честь обращаться к городскому обществу с моим словом, и сознание того нравственного долга, которым я в день лестного избрания задолжал пред Московским городским обществом, и, наконец, сознание той неравномерности, которая может впоследствии обнаружиться между ожиданиями общества и моими собственными силами и способностями.

Милостивые государи! Московское городское общество почтило меня свыше меры моих ничтожных заслуг. Я старый москвич по происхождению, воспитанию и по всем моим чувствам, и ничто, конечно, не могло быть для меня лестнее и отраднее того выбора, который дает мне право посвятить все мои труды и все мое время моему родному городу, тому городу, среди которого я вырос и так долго жил, тому городу, который вместе с тем так дорог каждому русскому, который

был некогда колыбелью русского государства, а ныне стал живым средоточием всей русской промышленности.

Но чем лестнее для меня этот выбор, тем ощутительнее для меня и объем тех нравственных обязательств, которые он возлагает на меня, и тем, признаюсь откровенно, страшнее для меня сама мысль о том, сумею ли я, хотя в слабой мере, исполнить ваши ожидания.

Вы без сомнения не потребуете от меня, чтоб я стал в настоящую минуту излагать вам какую-либо подробную программу будущих действий.

В деле общественного городского хозяйства я являюсь пред вами новичком, и потому преждевременно и самонадеянно было бы с моей стороны излагать ныне какие-либо общие по этому предмету соображения.

Впрочем, и по самому существу дела, и согласно дарованному городу общественному учреждению, городской голова есть, главным образом, исполнитель предначертаний Общей думы; он обязан прежде всего следовать той программе, которая установлена самой Общей думой.

Я смею сказать, что в этом отношении значительно облегчена деятельность каждого нового городского головы, который захочет сознательно следовать правильному порядку.

Общая дума, к счастью, не есть учреждение совершенно новое, народившееся лишь со вчерашнего дня. Она успела уже установить свои воззрения на главнейшие отрасли городского хозяйства; она успела даже выработать себе известные предания, а добросовестным и успешным исполнением своих обязанностей и прямотдушным образом действий она успела равно заслужить доверие и правительства, и общественного мнения. Эти-то добрые предания следует тщательно соблюдать и развивать. В этом и состоит, по мнению моему, одна из главных задач для нового городского головы.

Я не стану излагать историю минувшей деятельности Думы, которой вы сами были участниками и которая вам даже ближе известна, чем мне. Ограничусь только указани-

ем некоторых главных существенных оснований, которые всегда руководили деятельностью Думы.

С самого начала своей шестилетней деятельности Дума отнеслась серьезно к тому кругу занятий, который был отведен ей правительством и очерчен ее учреждением, и это добросовестное отношение ее к делу не изменялось до сего дня. Она старалась пользоваться, и действительно пользовалась, отведенными ей правами в возможно полном объеме. В этом стремлении городского общества выразилось не какое-либо недоброе, завистливое или враждебное к кому бы то ни было расположение; напротив, в нем выразилось лишь глубокое и благодарное сознание важности высочайше дарованных ей прав. Дума сознала вполне, что благодарить достойным образом Законодателя за отведенный ей круг действий и права она не может иначе, как не оставляя дарованного ей учреждения втуне, мертвой буквой, как пользуясь этим учреждением и этими правами для успеха общественного дела и для облегчения задачи самого правительства в недоступных ему, чисто местных, хозяйственных, общественных делах. В наше время, когда слышится столько упреков обществу за то, что оно будто бы равнодушно или небрежно относится к тому кругу ведомства, который добровольно отведен ему правительством в разных сферах, — слишком несправедливо было бы, наоборот, ставить в укор Думе стремление противоположное, а именно: ее ревность к осуществлению на самом деле Высочайшей Воли. Смею повторить еще раз: заботливое охранение Думой ее хозяйственных прав и ревностное исполнение сопряженных с ними обязанностей есть лучшее, единственно практическое и самое полное выражение той глубокой благодарности, которую она всегда питала и питает к Августейшему Виновнику ее существования и той неизменной беспредельной преданности, которой она вместе со всей Москвой и со всей Россией исполнена к Венценосному Законодателю, пробудившему у нас общественную жизнь и по собственному почину вызвавшему наружу дремлющие народные силы.

Но, ревниво охраняя Высочайше дарованные права, городское общество вместе с тем всегда тщательно заботилось о том, чтобы никогда и ни в каком случае не выходить из самых строгих пределов закона и законности.

Потщимся, милостивые государи, и впредь свято хранить это заповеданное нам и дорогое всем нам предание. Налагая на себя обязательство безусловной законности во всех наших действиях, мы не только выполняем нашу нравственную обязанность, но еще и остаемся вместе с тем вполне русскими людьми; ибо не менее других народов русский человек умеет уважать закон и любить законность в самом действительном, в самом обширном значении этого слова и в самом обширном его применении.

Вспомним также, наконец, что нигде во всей России так сильно, как в Москве и в Московской думе, не утвердилось и не окрепло самое счастливое взаимное общение всех сословий. Это отрадное явление было отличительной, характеристической чертой минувшего периода, и, смею выразить несомненную надежду, оно, конечно, не ослабеет и в будущем. Этим явлением, как и многими другими успехами нашего общественного городского дела, мы обязаны, с одной стороны, благоприятным условиям нашей московской почвы, а с другой, и притом в огромном размере, личной благотворной и искренней деятельности моего счастливого и достойного предместника. Вам всем, милостивые государи, присуще имя почтенного князя Александра Алексеевича Щербатова. Вы все оценили уже достойным образом его шестилетнюю деятельность. С моей стороны я могу лишь пожелать Москве на будущее время продолжительного ряда столь же достойных представителей города, каким мы все знали князя Щербатова, каким он всегда был по своей горячей, искренней и беспредельной любви к добру. Себе самому, милостивые государи, я могу пожелать разве лишь одного: когда наступит конечный предел моего служения, я счастливым почту себя, если удастся мне вынести из этой залы хотя некоторую долю того общего и единогодушного со-

чувствия всех городских сословий, которое мой предместник умел себе снискать и умел заслужить.

**Речь на прощальном обеде, который
был дан князю Черкасскому Московской
Городской Думой по выходе его из должности
городского головы, 6 апреля 1871 года**

Милостивые государи! Вам угодно было чествовать бывшего избранника Московского городского общества. Устами достойного предшественника моего и многоуважаемого моего преемника вы в самых лестных выражениях высказали сочувствие ваше моей кратковременной общественной деятельности в Москве. Вы не пощадили моей скромности. Единственная заслуга моя заключается однако лишь в том, что я оставался и остался постоянно верен некоторым заветным убеждениям, насажденным в меня измала, возвращенным во мне Московским университетом и с университетской скамьи вынесенным мной в общественную деятельность, убеждениям, которым я надеюсь остаться верным до конца. Я в слове своем не выйду из тех пределов, которые очерчены лицами, прежде меня говорившими; я буду беседовать с вами лишь об интересах, касающихся нашей местной жизни; но они всем нам так близки и так дороги, что повторением сказанного прежде меня я надеюсь вас не утомить.

Два верования постоянно руководили мною в общественном деле: верование в необходимость и спасительность начал широкого местного самоуправления и не менее твердая вера в необходимость для успеха деятельности общественных учреждений полной, строгой, безусловной законности их действий.

Кто в настоящее время усомнится в непреложной справедливости первой мысли? Отвлекаясь даже от всего, что совершается у нас дома, стоит лишь окинуть взором кругом нас:

во всей Европе найдутся бесчисленные и несомненные ей подтверждения. Еще недавно замолкли громаы исполинской борьбы, потрясавшей весь мир. Боролись два народа, две гражданственности, две культуры, два разнородных государственных строя. На чьей стороне осталась победа? На той ли, которая в течение своего многовекового исторического развития, при всех самых разнообразных формах правления постоянно и слепо приносила все в жертву своему любимому идолу, началу полнейшей, безусловной централизации, которая этому принесла в жертву и свободную провинцию, и самостоятельные муниципальные учреждения? Нет, Франция погибла, и победительницей осталась Германия, успевшая, невзирая на все превратности своих исторических судеб, унаследовать от предков и сохранить провинциальные учреждения, твердое городское устройство, самостоятельные университеты. Германия победила, невзирая на слишком невыгодные условия своей организации, несмотря на свою государственную разрозненность и на обветшалые формы своего сословного быта. Я знаю, что, кроме развития местных учреждений, были в пользу Германии и другие важные факторы победы; но местная общественная самостоятельность, в какие бы формы она ни облекалась, играет, конечно, в этом деле не последнюю роль; ибо без нее нет места для подъема народного духа. И Англия также не одному парламенту обязана развитием своей государственной жизни: развитие это покоится на более широкой основе; оно коренится в исконной местной организации графства, местечка и особенно прихода.

У нас в земских и городских учреждениях предложена вполне достаточная почва для местного самоуправления. Великодушный Законодатель, которому Россия обязана своим обновлением, верный историческим преданиям нашего отечества, даровал нам формы местного земского и городского самоуправления, в существе своем опередившие во многих отношениях местные учреждения Западной Европы. Обществу остается, как заметил князь Щербатов, наполнить эти формы живой действительностью. Ему предоставляется

наполнить сооруженный Законодателем сосуд живительной влагой, собранной из лучших соков всех без изъятия слоев народных. Оно должно воспользоваться всей полнотой дарованных ему прав. Исполнение этой задачи будет лучшая, благороднейшая дань признательности, которую может общество воздать Государю.

Но, пользуясь дарованными им правами во всей их полноте, местные учреждения должны в действиях своих руководствоваться полнейшею законностью. Эти слова – «закон», «законность» – смущают иногда некоторых из нас. Они представляются нам какой-то враждебной силой, нас извне стерегущей. Но это есть лишь заблуждение, последствие одностороннего взгляда. Закон налагает узду на наши порывы, но ту же узду налагает он, или, по крайней мере, должен он налагать и на произвол администрации. Таким образом, закон является общей для всех гарантией и обеспечением, прочной связью, тесно соединяющей местные учреждения с верховной властью, их создавшей. С одной стороны, местные общественные учреждения, с другой, – учреждения судебные: вот две твердые точки опоры для государственной власти, равно созданные для удовлетворения местных и общественных нужд, для ограждения общества и государства не только от произвола частных лиц, но также и от произвола самой администрации, за которой государственная власть не могла бы иначе достаточно уследить. Итак, нам нужно пользоваться дарованными нам правами во всей полноте, но не иначе как в строгих пределах законности. Для этого, заметил князь Щербатов, необходима личная самостоятельность всех членов общества. Отвлекаясь от всего лично для меня лестного, что по этому случаю им было выражено, я не могу не согласиться вполне с этой общей мыслью. Но если справедливо, что необходима самодеятельность личная, то точно в той же мере нужна и необходима деятельность, и притом всегда неизменно согласная деятельность всех тех отдельных корпораций и сословий, которые, как отдельные единицы, входят в состав общего учреждения, какова, например, Московская Городская Дума. Для такого прочного слияния сословий в

среде Думы много сделано в течение последних восьми лет, и в особенности в правление моего достойного предшественника. Но я не боюсь с его стороны опровержения, если скажу, что отдельное лицо, даже и сам городской голова, может лишь мало сделать, если он не найдет себе твердой поддержки в той среде, из которой сам вышел.

Мы должны в этом отношении воздать должную дань справедливости дворянскому сословию, поставившему двух первых голов. В течение последних десяти лет дворянство находилось в затруднительном положении. С постепенным желанным распространением просвещения и образованности во всех слоях народных дворянство постепенно утрачивало то исключительное положение в государственном строе, которое до того у него никем не оспаривалось. С изданием Положения 19 февраля оно не могло не потерпеть чувствительных экономических потерь. Положение его могло казаться безвыходным, но, руководимое верным политическим смыслом, оно вышло победоносно из этих затруднительных обстоятельств. Оно признало справедливость неизбежных исторических фактов, оно не вступило в невозможную борьбу с действительностью, оно добровольно наложило само на себя руку и само добросовестно привело в исполнение новое крестьянское законоположение. Затем оно без задних мыслей протянуло братскую руку всем прочим сословиям, сделалось их руководителем в деле местного самоуправления, наполнило все земские и городские учреждения и заняло в них лишь то почетное место, которое указывала ему сослуженная обществу служба. Три недели тому назад, в этой же самой зале, дворянство с единодушной радостью приветствовало нового кандидата из купеческого сословия на почетное звание всесословного городского головы. Конечно, на Ивана Артемьевича Лямина указывали обществу его личные качества, уже давно предвещавшие в нем будущего городского голову. Но вступление его на это новое поприще приветствовалось дворянством преимущественно, как счастливое предзнаменование нового, еще теснейшего сближения с городским обществом всего торгового сословия.

И я также с особенной радостью приветствую моего многуважаемого преемника, именно в этом же самом смысле. Всем вам, милостивые государи, слишком коротко известно наше русское, наше московское купечество, и потому мне едва ли нужно здесь говорить ему хвалебное слово. Вам всем известно, какой важный элемент оно составляет в нашем обществе. Это есть сословие, так сказать, самозданное, для всех открытое, цвет наших народных трудовых сил. Люди торговые и промышленные – это все сыны собственных дел, без предков и без пергаментов, отводящие сами себе в обществе подобающее им место. Если отвлечься от промышленного характера купеческого сословия и стараться уловить его существеннейшую отличительную черту, то его можно бы назвать олицетворением труда, упорного человеческого труда, увенчанного успехом. Московское купечество отличалось издавна и постоянно своей благотворительностью, своим радением к церкви, успешным ведением сословных дел, строгим корпоративным духом и умением поддерживать свои корпоративные интересы. Ныне оно делает новый решительный шаг вперед, выдвигая своего кандидата к очередному, так сказать, занятию места городского головы, которое не может быть конфисковано в свою исключительную пользу ни одним из городских сословий, но составляет общее всех их достояние, и вместе с тем предъявляя свои права на занятие общественным делом в новых, более широких размерах. Нельзя не сочувствовать этому глубоко. Действительно, одно богатство не может удовлетворить ни отдельного человека, ни тем менее целого сословия. Груды золота и серебра не составляют еще достаточной силы. Это лишь средство, лишь рычаг и, правда, рычаг могущественный в руках опытных и искусных, – но все-таки не конечная цель человеческой жизни.

Есть в жизни иные высшие интересы, которых, конечно, нельзя так же легко и взвесить и измерить, но которые соответствуют лучшим, высшим стремлениям человеческого духа. Есть иное, высшее служение, которое в памяти людской оставляет более прочные следы, и которому также нужны свои де-

латели. С радостью приветствуем этих новых, но вместе с тем уже давно испытанных и знакомых нам деятелей.

Да процветает на Руси начало здорового местного самоуправления! Да процветает Московское городское общество на основаниях твердого единения всех сословий! Да здравствует новый городской голова, Иван Артемьевич Лямин, первый из среды купечества всесловный представитель Москвы!

**Речь на юбилее М. П. Погодина
29 декабря 1872 года**

Милостивые государи! Вы слышали, сколько живых, теплых приветствий было обращено к юбиляру. Его чествовали на всех поприщах его многосторонней деятельности – как ученого публициста, профессора, гражданина. Не было недостатка и в теплых сердечных воспоминаниях старых слушателей, сохранивших к нему доселе благодарную память. Казалось бы, все исчерпано. Тем не менее, я позволяю себе, как старый студент и ученик М. П. Погодина, прибавить к сказанному еще слово. Без сомнения, я возвращусь в моем слове к некоторым мотивам, которые уже были развиваемы здесь другими; но я не усомнюсь это сделать, потому что эти мотивы я считаю связанными тесно с самыми основными стихиями нашей общественной жизни, а также и потому, что они связаны неразрывно с существенными чертами деятельности юбиляра. Нам нельзя сегодня не возвращаться к ним довольно часто.

То поколение студентов, к которому я принадлежу, слушало лекции в этих стенах в самое счастливое время университета. По крайней мере, время это не может не представляться счастливейшей эпохой университетской жизни нам, отделенным от нее уже более чем целой четвертью столетия. Вследствие особенных обстоятельств того времени, вследствие несомненного преобладания в тогдашней мыслящей

среде интересов духовных московское общество и Московский университет состояли тогда между собой в тесной связи, находились в тесном, живом и постоянном взаимодействии. Каждое явление науки, мысли, слова были событием и отзывались во всем московском обществе, возбуждая в нем самый живой интерес. Жизнь общества как бы отчасти совершалась в этих самых стенах. И эта тесная связь не могла остаться и, конечно, не оставалась без благотворных последствий для всей университетской молодежи.

Реализм в то время еще не был в моде. Самые положительные из тогдашних студентов едва ли не прослыли бы теперь за отчаянных идеалистов. Университет наш, правда, по примеру берлинского, делился между двумя направлениями, философским и историческим. Каждое из них имело достойных представителей на кафедрах. Самым решительным, влиятельным и, смею сказать, типическим представителем последнего был Михаил Петрович Погодин.

Вокруг его кафедры охотно собиралась университетская молодежь. Ее привлекало не щегольство изложения, не внешнее красноречие преподавателя, но не зависимо от существенных ученых достоинств курса его живое, беззаветное, горячее отношение к делу. Он читал нам русскую историю по источникам, знакомил нас не с одними внешними явлениями истории, но и с сокровенным внутренним их смыслом; он учил нас любить науку, любить и уважать Россию, ценить те великие тяжелые жертвы, которые Древняя Русь умела принести ради сохранения своего самостоятельного бытия и создания единственного устоявшего в бурях истории славянского государства; он учил нас сознавать себя русскими членами одной русской, – одной общей, великой славянской семьи. Он вливал в наши молодые души живые задатки народного самосознания.

Да, сознание! Народное самосознание! Я преднамеренно, милостивые государи, останавливаю ваше внимание на этих словах, ибо в них заключается ключ и разгадка исторических судеб всех великих, Божиим перстом отмеченных народов. Только те государства способны играть роль

всемирно-историческую, которые дорастают до живого и ясного сознания своей исторической задачи. Без исторического самосознания нет великого народа. Трудно представить себе что-либо печальнее и безотраднее общества, лишенного этой способности. Без нее, утратив ее или даже не доросши до нее, государство представляет странное явление: оно делается притчей во языцех, соблазном для друзей, посмешищем для врагов тайных и явных.

Возбудить, утвердить и развить способность самосознания в обществе – такова великая образовательная задача истории и великая гражданская заслуга историка, посвятившего ей свои труды и свою жизнь. И если эта задача и эта заслуга велики и важны для общества во всякое время, то тем важнее они особенно в тот период его развития, который можно назвать периодом его роста и возмужания, и в котором ныне находится наше отечество.

Достаточно нам оглянуться, дабы убедиться, что ныне на чреду всемирного служения вступили две великие народности: германская и славяно-русская. Первая с ясной, достойной всякой зависти полнотой сознания быстро достигает законной меры своего исторического развития. Пред нами едва занимается заря новой жизни. Россию пробудили две великие народные войны: война 1812 года и еще более страшные громы, на нашей памяти и нам в поучение раздававшиеся с севастопольских твердынь. Последние события, потрясшие Европу до самых ее оснований и в корень изменившие ее лицо, упразднили и положили конец всем сомнениям; они упрочили надолго германский мир, но вместе с тем они самой силой вещей вызвали на свет все дремлющие задачи славянского мира; они предложили и славянству, и России роковой вопрос о том, где же в древних преданиях славяно-русское единство, где область мечты, и где же, наконец, та трезвая, достойная уважения действительность, пред которой должны невольно преклониться и друзья, и недруги?

Отныне вопрос этот уже более не замолкнет. Он будет по пятам всегда и всюду сопутствовать русскому государству в

его развитии, неразлучно, неотступно, в дни горя и радости, в дни величия и невзгод, ожидая, прося, вымаливая, требуя себе решения, покуда, наконец, русский мир, собравшись с силами, сумеет его разрешить или Россия сама изнеможет печальной жертвой духовного бессилия...

Нам, русским, возможно ли сомневаться в исходе дела?

Я повторю, один из первых в России М. П. Погодин дал у нас решительный толчок нашему народному самосознанию и вместе с тем сознанию нашего славяно-русского единства. В то время Погодин был еще с немногими. Но в числе этих немногих были славные и дорогие России имена. Из числа их вспомним лишь одно имя, вызовем лишь одну великую тень, тень нашего бессмертного народного поэта Пушкина. Силой своего поэтического творчества он прозрел грядущие судьбы России и выразил их с неподражаемой художественностью в своем знаменитом стихотворении («Клеветникам России»), в тех превосходных стихах, которые, без сомнения, в настоящую минуту просятся на память каждому из вас.

Славянские ль ручьи сольются в русском море,
Оно ль иссякнет – вот вопрос...

Милостивые государи! Вы, конечно, не откажете мне в вашем сочувствии, если я предложу вам тост, в котором постараюсь соединить имя Погодина с теми существеннейшими мыслями и началами, которых он был постоянным служителем. За укрепление и развитие в обществе и в нас самих нашего народного и бытового самосознания; за развитие в государстве ясного, твердого и полного сознания тех всемирно-исторических задач, которые ему принадлежат и, так сказать, облегли его со всех сторон; за процветание в России науки исторической, лучшей руководительнице общества и государства в их внутренней и внешней жизни; наконец, за здравие и долголетие нашего маститого юбиляра, в течение всей полувековой своей деятельности не покидавшего своего славяно-русского знамени, за нашего историка и гражданина М. П. Погодина!

Из речи в Московском губернском земском собрании 8 января 1877 года

Губернскому земству следует принять возможно-широкое участие в поощрении у нас народного образования. Эта мысль разделяется, вероятно, всем губернским земским собранием, и я примыкаю к ней безусловно. Тем не менее, я полагаю, что чем более готовы мы нести посильные жертвы на дело народного образования в губернии, тем осторожнее должны мы относиться к этому делу, особенно при настоящем его развитии и при настоящем положении средств как уездных, так и губернских. Эти средства прямо должны употребляться на те предметы, которые в скором будущем обещают наиболее благоприятные результаты: нельзя тратить этих средств хотя и на важные предметы, но на предметы, являющиеся, на мой взгляд, второстепенными. Я не обвиняю комиссию в том, что она не имеет этой мысли: она выполнила ту задачу, которая была на нее возложена губернским земским собранием. Но я хотел бы представить несколько соображений относительно того, полезно ли собранию отступить от принятых однажды начал, не изведав их применимости или неприменимости, не убедившись, что это отступление вызывается насущными потребностями. Губернское земство всегда действовало последовательно. Оно очертило свою задачу в первых еще сессиях и затем довольно последовательно проводило свою мысль. Допускаю, что были частные отступления; скажу более: это были не отступления, а скорее расширения губернским земством своей задачи. В одной из первых своих сессий собрание отнесло на уезды заботы о постройке училищ, а себе предоставило дело приготовления учителей, и затем не отступало от этой мысли, за что заслуживает похвалы и благодарности. Были потребности непред-

усмотренные, которые между тем выдвигались, возникали рядом с предусмотренными и были удовлетворяемы земством. Так, например, земство оказывало пособия на устройство курсов технического рисования; затем были и другие меры, которые не могут быть рассматриваемы, как отступление от первоначальной задачи. Отступление было, может быть, однажды: это случилось, когда земство на одну минуту более щедро отозвалось на дело постройки училищ и решило выдавать на это дело безвозвратные пособия. Потом были приняты другие правила, которые действуют весьма удовлетворительно. Эти правила нам известны с декабря 1873 года и заключаются в том, что земством даются не безвозвратные пособия для постройки училищ, а выдаются ссуды до 600 руб. за весьма малый процент (4%) с погашением в 14 лет. В настоящее время, вследствие ходатайства двух земств, предполагается сделать отступление от этих правил и внести в расходную смету губернского земства постоянную сумму в 19 000 руб., часть из которой должна быть выдаваема как безвозвратное пособие на постройку училищ. Если бы это предложение было принято, то, с одной стороны, губернное земство отступило бы от своего прежнего постановления и решительно приняло бы на себя постепенную постройку всех народных училищ в губернии. Оно невольно высказало бы этим то убеждение, что, желая помочь народному образованию, не находит для этого других более полезных средств, других более полезных мер, чем постройка самых училищ. Но соответствует ли это действительности? Можно ли сказать, что никто лучше губернского земства не может заняться на местах постройкой училищ, что никто более его не призван производить эти совершенно местные расходы? Нет ли другой общей задачи, где губернное земство принесло бы бóльшую пользу для той отрасли, которую комиссия хочет защитить, и к которой мы имеем более сочувствия? Мне кажется, что дело постройки народных училищ в уездах не есть дело губернского земства, что это есть чисто местная повинность. Эти постройки, эти щепки воздвигаются на местах под

наблюдением уездного земства, воздвигаются местными старшинами, и полная ответственность в этом деле должна лежать на них, и не только нравственная ответственность, но и материальная. Мне кажется, губернское земство на все это дело не может иметь другого влияния, кроме выдачи денег; а поэтому оно должно уклониться от этого дела и предоставить его уездным земствам. Губернское земство имеет другую, более общую задачу. Губернская управа, как орган губернского земства, может заниматься такими вопросами, такой стороной дела, которой местные уездные управы не в силах так успешно заняться, т.е. она может заняться приготовлением и приисканием хороших учителей и учительниц, оказывать свое содействие в этом увеличением вознаграждения этим учителям и этим учительницам. Вот та задача, которая должна лежать на губернском земстве и на губернской управе. Местные управы не могут так успешно заняться приготовлением и приисканием учителей и учительниц, как губернская управа. Участие ее может выражаться в том, что она будет рекомендовать учителей или учительниц, оценивать их заслуги, назначать им дополнительное вознаграждение из губернских средств. В этом случае она может оказать значительную услугу местным управам. Вот почему моя мысль заключалась в том, чтобы, не уклоняясь от первоначально поставленной себе задачи, не отменяя постановления 1873 года относительно выдачи заимообразных ссуд, губернское земство усилило фонд, на это предназначенный, и помогло уездным земствам, дав им возможность широко применять их строительное поползновение, доставляя им возможность улучшить постройку, когда в этом встретится необходимость. Я позволю себе спросить, что важнее для училищ: хорошее ли, светлое, несколько роскошное помещение или хороший учитель? Мне ответят: «Желательно иметь хорошего учителя и хорошее помещение». Я не стану спорить против этого. Если вы из вашей сметы можете выкроить то и другое, то я ничего против этого не имею; но я сильно сомневаюсь в этой возможности. Губернское земство упрекают в том, что оно

только 8% своего бюджета дает на народное образование. Я в этом упреке вижу весьма похвальное желание пристыдить нас и поощрить к бóльшим пожертвованиям. Но я должен сказать, что это безусловно справедливо в настоящую минуту. Мы не должны забывать, что, если мы даем только 8% нашего бюджета на народное образование, то это потому, что мы другими нашими расходами сберегаем средства уездных земств на этот предмет; мы принимаем на себя заботы о дорогах, освобождая эти и другие уезды от натуральных повинностей и т.п. Издавна крестьянские учреждения лежат на губернском земстве, а не на уездном. Мы даем 140 000 руб. на устройство дорог, а по нынешней смете даже и более. Таким образом, мы не только даем 8% на народное образование, но еще и освобождаем все уездные земства ото всех расходов по дорогам и по вознаграждениям за натуральную повинность и сберегаем бюджеты всех уездных земств собственно на тот предмет, чтобы они могли употреблять более денег на народное образование и на другие существеннейшие потребности. Я говорю не с целью ослабить желание губернского земства помогать народному образованию. Что касается меня, то я считаю полезной каждую копейку, которую губернское земство может посвятить на народное образование, на дарование труду наиболее производительного вида и на дарование молодежи самого лучшего образования, необходимого для ее будущей деятельности. Я считал бы такое употребление этой копейки не только делом полезным, но даже необходимым. Излишне уверять меня в том, что земство разделяет мой взгляд, что для училища важно и хорошее помещение, и хороший учитель. Сколько ни размышляю об этом предмете, мне кажется, что при трудности этих расходов, при ограниченности бюджета нужно делать возможно более расходов на первоначальное устройство дорог, которые по мере постройки высвободят употребленные на них деньги. Я полагал бы, что при ограниченности нашего земского бюджета земству нужно ограничить свою деятельность лишь самым необходимым расходом. При настоящих условиях бюджета надо быть

осторожным и не тратить на щепки то, что может быть истрачено на живые силы. Строительный материал полезен, как дело роскоши, и вопрос о нем возникает в странах тогда, когда остальные цели достигнуты или близки к достижению, но не тогда, когда во всем ощущается недостаток. Мы должны обращаться к самим себе так же строго, как мы часто относимся к правительственным начинаниям, где иногда прежде всего обращается внимание на великолепный фасад, на удобное помещение, на внешнюю роскошь постройки. Мы со строгостью говорим тогда, что мало думать о стенах: надо думать о существе дела, т.е. о том, чем наполнить эти стены, о внутреннем развитии. Если мы строго относимся к подобным явлениям, то еще с большей строгостью должны относиться к нашим собственным начинаниям; ибо мы еще более знаем местные потребности и не можем оградить себя от обвинения в том, что дело «не так заложено». Мы сами должны относиться к делу с большей зрелостью. Порядочное училище может существовать в скверном помещении, но оно не может существовать при скверном учителе. Где училище несколько темное, можно прорубить окно повыше; где холодно, можно поставить железную печку. Для народного образования, для общей пользы следует оставить эти училища на некоторое время (до дальнейшего нашего обогащения) в этих убогих приютах, подать им первую и главную силу – хороших учителей. Создать их мы не можем, но можем облегчить их положение, можем заманчивым вознаграждением менее обмануть их в их надеждах. Вот на что в настоящую эпоху мы, члены губернского земства, должны обратить наше преимущественное внимание. В докладе комиссии упоминается о 6075 руб., отпускаемых на вспомоществование учителям, и цифру эту не предполагается усилить. В этом отношении не должно останавливать внимание на смете, а на ее действительном исполнении. Вот как она исполняется, и исполняется помимо ошибки со стороны управы, но исключительно согласно постановлению губернского земского собрания. Я беру денежный отчет, и тут, кажется, есть несогласие в отно-

шении к цифрам, которые выдаются учителям. На странице 10 отчета № 1 по статье 23 мы назначаем 19 500 руб. на постройку училищ, на создание щепок, которые Бог знает как построятся, которые, может быть, скоро сгниют, и тогда к нам снова придут за деньгами; а на пособие учителям даем 1673 руб. и почему-то возлюбили тех учителей, которых воспитали в наших семинариях, к другим же питаем отвращение – «мы-де не воспитали их». Я полагаю, что если бы я был учителем или учительницей и прочел бы в докладе, что на постройку щепок назначается 19 500 руб., а на пособие учителям только 1673 руб., то пожелал бы обратной перестановки цифр. Нам говорят, что Подольское и Верейское уездные земства не воспользовались ссудой, но воспользуются безвозвратным пособием. Но уездные земства убедились, что надо увеличить жалованье учителей; они приступают к этому, принимают деятельные меры к достижению этого. Мы слышали, что земства ходатайствуют о помощи им в этом деле. Отчего не оказать им помощи в этом случае? Я лично говорю против всякого пособия на дела чисто материальные – на местные постройки школ, но полагал бы скорее дать пособие на дела, которые готовы, приняты земствами, так как я считаю всякую копейку затраченной с пользой, если она идет на дело, которое не гниет, как щепка, но принесет свой плод сторицею. Вот на основании этих-то соображений и многих других, которых не буду излагать, потому что мне не желательно было бы утруждать свыше необходимой меры внимание губернского собрания (если мне будут возражать, то и с моей стороны будут представлены возражения), я полагал бы выразить полное сочувствие основной мысли доклада и полную благодарность комиссии за разработку этого наиболее полезного вопроса. Я согласился бы лишь с некоторыми заключительными статьями этого доклада (с 12 и 13 параграфом), где говорится о пособии двухклассным училищам. Желательно было бы пойти далее по этому пути и вместо одного двухклассного училища устроить их по два на каждый уезд по мере накопления действительных денежных средств в гу-

бернском земстве. Крайне полезно идти по этому указанному комиссией пути. Двухклассные училища были бы существенным приобретением для народного образования. Я смел бы думать, что нужно отложить принятие первых одиннадцати пунктов (на мой взгляд – даже совсем не принимать их), но говорю отложить их принятие до тех пор, пока наши средства не дадут нам возможности не только увеличить пособие учителям и учительницам, но и помогать постройке училищ. Когда мы разбогатеем, тогда мы можем оказывать пособие и на постройки; в настоящее же время не следует давать на это 19 500 руб., о которых говорится в докладе комиссии, но следует оставить их на предмет пособия учителям и учительницам. Я желал бы обратить внимание собрания на то, как несравненно легче построить фасад, нежели выполнить существенную, живую задачу в деле народного образования. В добропожеланиях у нас никогда нет недостатка, но трудно осуществление их; а потому я просил бы земство обратить на это внимание. Два или три года тому назад мы дали 2000 руб. на техническое рисование; но оказывается, что мы ничего не израсходовали, задача наша не выполнена. Я в существе согласен, что устройство нескольких таких школ было бы полезно. Если бы нам сказали: «Дайте 3000 руб. на это устройство», то я сказал бы: «Дайте 3000 руб., дайте 5000 руб.». Но губернское земство даже при содействии уездного земства не достигло бы этим желанного результата. Я упоминаю об этом обстоятельстве, чтобы показать то, что мне кажется совершенно неверным, и что меня всегда занимает – нашу готовность давать на внешние украшения, потому что их легче осуществить, и нас они вводят в усладительный и приятный для нас обман. Ведь легче отпустить 20 000 руб. и закупить на них строительных материалов, дав при этом возможность разворовать их, и построить так или иначе училища, в которых будут учить плохие учителя, но на которых тем не менее остановится глаз путешественника с некоторым удовольствием и даже сознанием прогресса! Я бы желал, чтобы глаз этот остановился на гнилушках, но чтобы

он нашел что-нибудь утешительное внутри этих гнилушек. Я просил бы не соглашаться с 11-ю статьями доклада и заметить их следующим: не отступая от принятого земством правила в деле пособия при устройстве школ, увеличить фонд на этот предмет до 80 000 руб. Это обеспечило бы устройство несметного числа школ. Если бы уездные земства не пришли к нам за помощью, если бы они не пожелали воспользоваться ссудой на выгодных условиях, то я сказал бы, что постройка училищ не так важна, как кажется на первый взгляд. Комиссия же говорит: «Пока мы давали пособие даром, у нас брали больше; а когда мы стали давать за процент, то стали брать меньше». Я изумляюсь и вместе с тем радуюсь, что уездные земства стали осторожнее; я буду радоваться, когда они утратят надежду на даровое пособие и обратятся за ссудой.

Если бы губернскому земству открыл кто-нибудь кредит по 4%, оно приняло бы это и построило бы больше школ и даже, может быть, построило бы средние учебные заведения. Если уездные земства не прибегают к этой системе, то тут не система виновата, а просто является естественное желание человека, привыкшего к даровой ссуде и имеющего надежды вновь получить ее. Каждый из нас поступил бы также, если бы ему сказали: «Вот тебе 100 000 руб. даром». Я бы их принял с радостью, а за проценты еще подумал бы – принимать их. Когда уездные земства одумаются и увидят, что овчинка стоит выделки, тогда они придут к нам за ссудой. Мы будем иметь возможность дать широкое и выгодное применение системе, которая начата в 1873 г., и отступать от которой теперь не время. Слишком часто и без особой нужды отступать от однажды принятых оснований, если они разумны, не следует. К статье 1-й я полагал бы присоединить нечто другое, а именно: правила о ежегодных и временных пособиях учителям и учительницам распространить на всех вообще сельских учителей и учительниц, служба которых будет признана полезной, и когда от уездного земства, или от общества, или из обоих источников вместе будет назначено годовое жалованье в 200 руб. для учителей и в 175 руб. для

учительниц – размер жалованья увеличить для учителей до 300 руб., а для учительниц до 250 руб. Если учитель действительно представляет достаточные ручательства хорошего исполнения своей профессии, то назначать ему 100 руб. прибавки, а учительнице – 75 руб., что до сих пор предоставляется только стипендиатам наших учительских семинарий. Ведь не вся же мудрость сосредоточена только в наших семинариях: вероятно, найдется она и в других. Сумма в 19 500 руб., которая назначается теперь на постройку училищ, будет вполне достаточна для 200 учителей и учительниц. Мы в этом отношении не рискуем ничем. Всех училищ у нас около 400, но я не думаю, чтобы они наполнялись со дня на день хорошими учителями. Желательно было бы, чтобы уездные земства, получивши пособие, обзавелись такими учителями. Если бы даже на будущий год пришлось внести в смету и 40 000 руб. на этот предмет, то я уверен, что при надзоре уездных управ за учителями и учительницами и при надзоре и советах губернской управы каждая копейка губернского земства принесет свой плод.

IV

ПИСЬМА КНЯЗЯ В. А. ЧЕРКАССКОГО В ПЕРИОД ПОДГОТОВКИ И НАЧАЛА РЕАЛИЗАЦИИ КРЕСТЬЯНСКОЙ РЕФОРМЫ

Письмо кн. В. А. Черкасского
А. И. Кошелеву и Ю. Ф. Самарину

4 августа 1858 года

В особенно грустном расположении отвечаю я на Ваше письмо, любезнейшие друзья Александр Иванович и Юрий Федорович, ибо только что сейчас прочел в газетах печально известие о кончине бедного Шеншина; никаких дальнейших известий о причине смерти его ни от кого не имею; последнее время он значительно постарел и казался не совсем здоров, но такого внезапного конца, конечно, никто из нас не предвидел. С особенной грустью перечел я в письме Самарина те строки, где он говорит, что вступил с ним в переписку по крестьянскому вопросу... Независимо от сожаления о потере честного человека и о положении бедной его вдовы, мне сдается – признаюсь – что и он умирал, быть может, не без чувства тоски, видя неудачу занятий Петербургского комитета. Многие ли из нас увидят завершение начатого дела? Этот вопрос я задаю

себе часто, и собственное мое разрешение не всегда выходит утешительное. Как бы то ни было – должно отвечать на запросы Юрия Федоровича. 1) Я с особенным удовольствием и радостью прочел отзыв о нелепости инстанций волостного сельского управления – с радостью тем искреннейшей, что эта мысль есть основное положение статьи, которую в настоящую минуту ишу для Вас, Александр Иванович, т. е. для «Благоустройства», и которую надеюсь отправить к Вам не позже, как через две или три недели, взамен того полит. обозрения, которого, увы, я не кончил и не послал к Ивану Сергеевичу, но непременно напишу к 4-й книжке. Трудно представить себе мысль нелепее мысли этих волостных инстанций, составляющих в моих глазах венец законодательной пошлости. Эти люди перечитали Положение о государственных крестьянах, само по себе нелепое, но извинительное, по крайней мере, по отсутствию в этом управлении того постороннего элемента, из которого на первый случай можно было бы образовать местную магистратуру, и который теперь сам напрашивается в дело. К первоначальной нелепости теперь присоединилось еще что-то зловреднейшее: это – бессознательная рутина. 2) Что касается до прочих статей Самарина письма – о дворовых, то я во всем совершенно и *вполне* согласен с замечаниями Александра Ивановича, кроме следующего: во-первых, нахожу, что Вы, любезнейший Александр Иванович, в статье о дворовых слишком высоко назначили плату за выкуп; во-вторых, соглашаюсь вполне с Вами, что новое положение дворовых, при предоставлении им права выкупа и выхода на оброк, не может ни в каком случае взяться за малейшее определение их содержания и жалованья, и должно на весь переходный срок оставить их в совершенной зависимости от помещика; соглашаюсь также, что отдача в рекруты не должна быть ни в каком случае жеребьевая, а что их рекрутская повинность должна быть устроена на правах нынешних мелкопоместных, и что помещику должно быть предоставлено по собственному произволу отдавать их в рекруты; я вместе с тем нахожу, что следующие за каждого ре-

крута из казны 300 черв. (или иная плата, ибо это можно бы соединить с некоторой системой *replacement** для помещичьих крестьян) должны быть не выдаваемы помещику и даже не зачисляемы ему за подушные, но обращаемы на составление капитала для единовременного вспомоществования дворовым по истечении переходного периода и при окончательном их увольнении. Я полагаю, Вы сами согласитесь на это**.

3) На предположение об устройстве общества не отвечаю Вам теперь, ибо это было бы слишком длинно, а я теперь пишу об этом, и на днях, как говорил Вам, вышлю Вам статью. Скажу только, что по моему мнению, – главная единица управления есть приход***; и на этом я намерен стоять еще тверже, чем, кажется, и Вы сами, почтеннейший Александр Иванович. Это коренное начало, от которого не следует никак отказываться. Приход есть единица *неизменная, наглядная, нравственная*, представляющая целую систему *гласности*, водворяющая между тяжущимися сторонами некоторое *невольное чувство равенства*, притом имеющая *удовлетворительные размеры*, наконец уже существующая и *обычная*, но вместе с тем вносящая в жизнь новый *законный* элемент, которому *очень трудно будет проникнуть в сельскую жизнь из вотчинной канторы*. Вот вкратце мои доводы в пользу прихода. Вотчина, или единица владения, может быть признана за административную дробь лишь как *хозяйство*, причем некоторые хозяйские права должны быть предоставлены помещику, покуда крестьяне – на барщине, а с переходом на оброк – эти права должны перейти к старшине.

В видах же постоянного уменьшения числа этих дробей я почти был бы не прочь от запрещения дробить *населенные* имения менее 100 или 50 душ, покуда крестьяне не выкупили своей земли****; тогда опять дробь господскую землю, сколько

* Замена (фр.). – Прим. ред.

** На полях примечание А. И. Кошелева: «Весьма согласен». – Прим. издателя в издании 1901 года.

*** Idem: «Совершенно согласен». – Там же.

**** Idem: «Согласен». – Там же.

хочешь. По крайней мере должно быть формально воспрещено дробление всякой установленной единицы крестьянского общества*; доход с крестьянского общества должен нераздельно принадлежать одному владельцу; наследники могут делить между собой только мызную землю.

Обязательное соединение существующих мелких крестьянских обществ (даже в чересполосном владении) считаю невозможным, по крайней мере, до полного выкупа их земли; ибо они будут наделены землей, вероятно, в различном количестве, а следовательно, будут платить и различный оброк. Соединение будет возможнее, если будет назначен однообразный оброк: по стольку-то за десятину земли; и то – *против воли крестьян*, на мой взгляд, – это невозможно.

Вот Вам моя вся исповедь. Спешу кончить письмо, чтобы не опоздать на почту и Вас обоих душевно обнимаю. На последнюю статью моего письма желал бы, если можно, иметь поскорее подробное Ваше мнение.

Прощайте. Душевно преданный кн. В. Ч.

P. S. Я первое письмо Самарина тогда же возвратил, но при нем не получил безыменного ругательства, о котором, впрочем, было упомянуто в письме; или он, или Вы забыли приложить. Да не гневайтесь за обозрение. Вы сами немного виноваты, посоветовав мне написать общее обозрение вместо статьи о Восточном вопросе, как я хотел. Я написал *более половины*, перечел и сжег. В 4-й книге напишу о Восточном вопросе.

Письмо кн. В. А. Черкасского А. И. Кошелеву

29 апреля 1861 г.
г. Венев, с. Васильевское

Вы, любезнейший Александр Иванович, так зажились в чужих краях, т.е. в Петербурге, что совершенно утратили со-

* Idem: «Согласен». – Там же.

знание нашей русской жизни; пора, в самом деле, Вам ехать в деревню поосвежиться и опять кое-чему научиться, а то вовсе пропадете, особенно при той бюрократической деятельности, на которую Вы себя теперь обрекли, как видно, на долгое время. Как? Пишете ко мне в деревню, за целых 160 верст от Москвы, от 20 апреля и требуете серьезно, чтобы я отвечал Вам в Москву же, откуда объявляете, однако же, что выезжаете в конце Святой недели, т.е. до 30 числа. Нет – очень, очень плохо; уж не думаете ли, что железная дорога ежедневно по нескольку раз возит мимо самой моей деревни почту? А уж Вам бы, директору многих компаний, и грешно бы смеяться над нашим братом. Так поживите же в деревне и понаучитесь опять получать вдруг по три и по четыре почты, что со мной в два месяца случилось ровно уже два раза, и тогда Вы легко поймете, почему я отвечаю Вам не в Москву, а в Сапожок. По этой-то самой причине, а равно и потому, что я вижу, что Вы с самоуверенностью истого петербургского бюрократа не читаете даже самих Вами же издаваемых там, в Петербурге, законов (напр., примечания 2 к ст. 93 Общего Положения)*, не считаю нужным входить с Вами в препирательство насчет саркастических Ваших отзывов, что суды крестьянские, вероятно, устроятся не по рецепту покойных редакционных комиссий...

Шутки в сторону, письмо Ваше меня весьма обрадовало, хотя и не могу я не попенять Вам за то, что все это время Вы, невзирая на торжественные Ваши обещания, не черкнули ко мне ни словечка. Как бы то ни было, и за это искреннее Вам спасибо. Сожалею лишь об одном, что не застаю Вас в Москве, где я буду проездом дня на два, едучи во владимирские имения, а оттуда в Пензу. В Москве полагаю быть в пятницу, на Фоминой неделе, а из Пензы полагаю вернуться к 15-му июня. Если б я был совершенно

* Примечание 2-е к ст. 93: «Во всех волостях, где уже существует учрежденный по местным обычаям суд, там он сохраняется, но с тем, чтобы в избрании судей участвовала вся волость». – *Прим. издателя в издании 1901 года.*

уверен Вас застать дома в Песочной, если б, и что лучше, я был уверен, что мне из Пензы домой ехать в Венев нет крюка на Песочную, и что я по этой дороге найду, *наверное*, не слишком дорогих ямщиков, то я даже решился бы, быть может, завернуть в Ваши края на обратном пути. Но все эти вопросы останутся, по всей вероятности, неразрешенными для меня иксами; разве Вы напишете о том ко мне и пришлете подробный маршрут в Пензу, *poste restante**... Подробности о чтении манифеста и о впечатлении добром или худом, им будто бы произведенном на народ мне, признаюсь Вам, надоели до крайности; так много я их читался в разных газетах и кое от кого наслушался; и так мало все эти первые впечатления, хорошие или худые, на народ безграмотный что-либо доказывают. Для меня весь интерес сосредоточивается в вопросе о послезавтра начинающихся весенних работах. Если мужики пойдут не слишком неохотно и неусердно на работы в течение первых двух недель, т.е. ярового сева, то можно считать нынешнее лето почти обеспеченным; а если нынешнее лето пройдет сносно, то я, по глупому своему разумению, считаю все дело выигранным. Но что будет послезавтра? *That is the question***! Что касается до меня, то, признаюсь, я по свойственному мне оптимизму твердо надеюсь, что, невзирая на многие отдельные неблагоприятные случаи, сила вещей и привычки возьмут вообще верх, и все дело пойдет на лад.

Все это время, т.е. целых два месяца, я провел в зорком наблюдении за тем, что происходило и происходит в душе крестьянина и дворового человека. Последний, хотя и не обиженный, собственно, Положением, но лишенный им вещественного обеспечения, вообще сильно отрезвился и, сколько мне кажется, стал почти послушнее и скромнее прежнего, по крайней мере, у тех помещиков, где ему было жить недурно. Он, видимо, у таких помещиков ищет себе пригреть местечко для будущего времени. Я своих всех, кро-

* До востребования (*лат.*). – *Прим. ред.*

** Вот в чем вопрос! (*англ.*). – *Прим. ред.*

ме только лесников и двух небольших семей, успел вовсе по взаимному согласию без приплаты уволить от обязательных отношений, и все лучшие остались у меня по вольному найму. Упомянутые же две семьи и лесники остались по рутине на старом положении, но мне не в убыток. Я их и не тороплю, чтобы не подавать вида и малейшего понуждения*.

Крестьяне, более обеспеченные Положением и еще не вполне сознающие свои будущие отношения, те – другое дело. В этом слое – и преувеличенные надежды, и *видимое желание оцунуть, до каких пределов простираются их новые, им еще неведомые права***, и довольно наивное стремление поломаться, и даже (увы! не могу скрыть!) – даже и некоторая доля недобросовестности, преимущественно там, где и до сих пор им было жить хорошо и где Положение не принесло и не могло принести им облегчения***. Тут уже действует отчасти чувство зависти к явным облегчениям, полученным другими соседними крестьянами.

В несколько сходном положении находятся здешние (да, я думаю, будут и в других моих деревнях находиться) крестьяне наши ко мне. Приходят частехонько ко мне и говорят страшные комплименты и благодарности за прошедшую жизнь; а я сквозь их льстивые речи и сквозь сермягу читаю невыговоренные ими слова, шевелящиеся у них в сердце и свидетельствующие, что больно им досадно, что нет им в Положении льгот и что даже они еще не совсем этому верят. Да и в самом деле – и здесь, и во всех прочих имениях у них земля лишняя против высшего размера, а в оброке решительно никакой сбавки, кой-где даже спасаются только правилом, воспрещающим повышение прежнего оброка, и премудрость которого (т.е. правила) я ныне бо-

* Примечания Кошелева на полях: «Я то же замечаю. Не успел с дворовыми сделать соглашений и отложил это до осени, а теперь вожусь с крестьянами и с разным обменом поземельным перед меткою пара». – *Прим. издателя в издании 1901 года.*

** Последняя фраза подчеркнута Кошелевым и на полях значит: «Совершенно справедливо». – *Прим. издателя в издании 1901 года.*

*** *Idem*: «Совершенно справедливо». – *Там же.*

лее чем когда-либо сознал. Жаль даже, что мы ему не дали большего развития!..*

Чему же им радоваться? В брак также им и прежде позволяли вступать за разновотчинных крестьян. В сущности, это все, конечно, не скрою от Вас, несколько даже мне лестно и, по крайней мере, позволяет мне говорить с крестьянами свободно, не связываясь никакими воспоминаниями прошедшего. Но на деле – часто как бы совестно и неловко перед ними, что они-таки остались *казанские сироты*** . Что делать? Одни только старики из крестьян действительно сожалеют о прошлой жизни, безусловно ценят прошедшие льготы и вполне за них благодарны. По крайней мере, в здешнем моем имении. Но голос стариков значительно ослаб, упал, и влиянием решительно завладела молодежь, между которой есть и весьма умные ребята, но уже себе на уме. Это – явление крайне занимательное и, по моему мнению, замечательное*** .

Как бы то ни было, надобно стараться быть философом, не оскорбляться, извинять некоторый первоначальный чад, которого трудно народу избежать, стараться первое время вести дела как можно рутиннее, не запугивая народного воображения разнородными, малодоступными ему предложениями, и уметь выждать минуты, когда постепенно улягутся первые впечатления. Конечно, все это выполнить труднее, чем высказать; но, по крайней мере, должно стараться так действовать**** . Не знаю – удастся ли мне. Слышу отовсюду, что в Пензе дела идут, вообще, не слишком хорошо; не знаю, как у меня, но надеюсь, что все обойдется у меня хорошо.

Вы пишете, что первое время угнетенными будут, конечно, не крестьяне, но помещики. Я не стану против этого

* Idem: «Несправедливо. Те, которые мало платили, конечно, радуются, но другие говорят: за что они мало прежде платили и вперед будут мало платить! Нет, равно – так всем равно». – *Прим. издателя в издании 1901 года.*

** Последние слова подчеркнуты Кошелевым и на полях поставлен вопросительный и два восклицательных знака (?!!). – *Там же.*

*** «Совершенно справедливо». – *Там же.*

**** «Совершенно справедливо». – *Там же.*

безусловно спорить, особенно в отношении к тем местностям, где крестьяне не были совсем забыты и где они сохранили поэтому свободный дух и сознание. Но вопрос состоит в следующем: могло ли быть иначе при таком огромном юридическом перевороте в народной жизни, который отложить или еще более рассрочить было, очевидно, невозможно, и который, совершаясь в пользу 28 000 000 людей за счет 120 000 вотчинников, совершался притом, очевидно, вопреки желанию большинства последних. Воля Ваша, а указываемое Вами последствие есть неизбежный результат самой мысли и самого дела, и он повторился бы и при всякой иной системе (и при обязательном выкупе, и при добровольных соглашениях), и притом, по моему мнению, в еще сильнейших размерах*.

При обязательном выкупе с малым наделом крестьяне не отдали бы сейчас излишних земель и не стали бы за них ничего платить помещику, особенно барщинские; а при добровольных соглашениях помещики, лишённые даже той опоры, какую ныне они положительно находят в Положении, остались бы совершенно на воздухе ввиду обманутых в конец крестьян.

Признаюсь Вам – возвратясь под свой деревенский кров, среди двухмесячного почти безусловного уединения и ввиду всех настоятельных практических трудностей приложения нового Положения на местах к живому помещико-крестьянскому организму и, наконец, вдали от всех веяний, которые могли воздействовать на меня в Петербурге, я строго допрашивал и свою совесть, и свой разум и подвергал все сделанное нами дело самому строгому исследованию. Это было мне тем легче, что я при этом разбирал всю старую свою переписку и бумаги и перечел почти все, что писалось и приятелями моими ко мне с 1857 г., так что все несколько увядшие воспоминания о ходе дела выступи-

* Примечание Кошелева: «Это подлежит обсуждению. Впрочем, помещики уже начинают опять приходить в себя и теперь опасность велика и с одной, и с другой стороны». – *Прим. издателя в издании 1901 года.*

ли передо мной наружу во всей их органической целости. Вы меня знаете довольно коротко, и потому, я полагаю, не усомнитесь в моей при настоящем случае искренности, ни в моей готовности принести покаяние, если бы я действительно встретил изобличение в своей совести или уме; я не думаю, чтобы вообще среди многих иных недостатков я страдал упрямством или особенной односторонностью взгляда, а встреченные мной на нашем венеvском уездном съезде дворяне не преминули, конечно, наплакаться и попенять вдоволь; к тому же я получил и много других отовсюду писем с указанием недоразумений или просьбой о совете, так что независимо от критик – депутатской, петербургской салонной и московской Английского клуба – я мог выслушать и здешние, чисто местные и более практические (не в укор и не в обиду будет Вам сказано) сетования. К тому же дело комиссий, как дело коллективное, не удовлетворяющее безусловно, в частности, даже ни одного из самих составителей, не может внушить к себе авторского или родительского пристрастия. И что ж Вам сказать? По чистой совести – могу сказать, что я и теперь считаю нашу систему и путь, нами избранный, совершенно верным; продолжаю считать и теперь, как считал некогда, что иначе действовать и другую систему принять – было совершенно невозможно. Повинности я также считаю справедливо установленными и лишь неправильно возвышенными Главным комитетом в некоторых из малопромышленных северных оброчных местностях. Затем – если б я один распоряжался всем делом и если бы мог вновь им заняться теперь, после временного роздыха и освежения мысли, я постарался бы упростить его в кое-чем во многом, убавил бы с сотню или с полсотни статей и значительно изменил бы в нескольких статьях редакцию без изменения их смысла и сущности, но заострив частенько редакцию не против помещика, но против крестьян. Затем, положи руку на сердце, я по чистой совести повторил бы бесстрашно вновь уже пройденный путь и не отступил бы ни в чем существенном от принятой нами си-

стемы. Что скажет об этом Юрий Федорович, и каково его впечатление – очень любопытно знать!*

Прислушиваясь здесь на месте к крестьянским толкам (ко мне приезжали, между прочим, крестьяне-депутаты из восьми имений – наших и шурьев моих – губерний Ярославской, Владимирской, Пензенской, Саратовской и Епифанского уезда), я убедился в одном, что почти сильнее всего поразило их одно положение: это – отмена помещичьего права наказывать телесно. Это их обрадовало несказанно, значительно возвысило их дух и, кладя резкую черту между их прошедшим и будущим, более всего, я полагаю, содействовало к развитию в настоящую минуту самостоятельности в крестьянстве. Что именно эта черта более всего поразила барщинских крестьян, это слышится, как говорят, из всех их искренних разговоров между собой, вдали от нас; и это, конечно, весьма и естественно, и законно, скажу даже – весьма утешительно в общем нравственном смысле и отношении**.

Вы знаете, что мы с Самариным и Милютиным и пр. были реакционерного мнения и считали эту старую обузу на первое барщинское время необходимой и занесли ее в Положение. Вычеркнул эту статью уже Главный комитет; в каких видах делали это некоторые члены его – об этом не место здесь судить. Если дело удастся, если барщина пойдет сносно без этого, то будет честь и слава Главному комитету, и я первый готов буду принести повинную и покаяться в своей близорукости. Но признаюсь, я до сих пор встречаю сильные опасения: во-первых, трудно, кажется мне, чтобы скольконибудь сносная барщина пошла бы без этого; но главное, во-вторых, я боюсь, что внезапное лишение помещика права телесного наказания даже над барщинскими крестьянами, по своей особенной для крестьянского ума разительности и общедоступности, не было ли уже причиной в некоторых местах до сих пор, и не будет ли причиной еще в близком

* Примечание А. И. Кошелева на полях: «Оставляю не без замечаний». – *Прим. издателя в издании 1901 года.*

** «Совершенно справедливо». – *Там же.*

будущем несколько ненормального, еще большего возбуждения умов сравнительно с тем, которое и без того не могло бы не проявиться при настоящем перевороте. Словом, слишком резкая единовременная перемена не ведет ли к слишком большому сотрясению, не повлечет ли поэтому за собой волнения, которые, быть может, иначе и не произошли бы; а поэтому не породит ли она и многие ненужные несчастья, которые, конечно, окончательно отзовутся на крестьянских же спинах и лбах, но еще более жестоко и произвольно. От души желаю, чтоб опасения мои не сбылись, но боюсь, что предлагавшаяся нами постепенность была разумнее и полезнее для общего дела, и не могу не надивиться, что ее отвергли тогда именно, как нас все укоряли, наоборот, в нарушении всякой постепенности в даровании крестьянам прав. Наша система послужила бы еще и побуждением для крестьян охотнее и скорее переходить на оброк. Время вскоре разрешит все сомнения, но правительство, едва ли не без особенной нужды, хотя и с добрым намерением, осложнило свою задачу. Пожалуй, после захотят вновь вводить право телесного наказания, но это будет едва ли возможно и во всяком случае будет – еще хуже. Не дай Бог этому сбыться; лучше нам с Самариным остаться в дураках и реакционерах*.

Вот, любезнейший Александр Иванович, Вам моя искренняя исповедь. Вам, сверх всей этой болтовни, – мой дружеский поклон; письмо Ваше я отправил сегодня же к Самарину, а Вас прошу по прочтении настоящего отправить его к нему же. Юрию Федоровичу от души кланяюсь и жму руку и умоляю его не мучить себя работой, а лучше поотдохнуть. Не знаю, получили ли Вы, любезнейший Юрий Федорович, писание от моей жены от 12 марта, но Вашего от Аксакова я еще не получал. По возвращении из путешествия я немедленно вступаю в должность мирового посредника, на которую недели две тому назад получил уже приглашение от губернатора нашего.

* Примечание А. И. Кошелева на полях: «Телесные наказания для помещика вовсе не необходимы, но жаль, что власть старосты и посредника слишком ограничена». – *Прим. издателя в издании 1901 года.*

Признаюсь Вам, не без некоторого ужаса и отвращения беру я на себя эту обузу; боюсь, что во многих случаях взаимная частью недобросовестность, а частью и глупость сделают обязанность эту крайне для меня тяжелой. У нас в уезде назначено пять участков; у меня будет около шести тысяч душ – все почти небольших имений, не далее, впрочем, 20 верст. Дай Бог терпения! Ищу теперь нанять на свой счет землемера для своего участка; не знаю – найду ли. Одного приговорил было за 500 руб. в год и содержание, сына здешнего помещика и порядочного малого, но отец его не пустил по разным его домашним обстоятельствам; теперь ишу другого.

Что сказать Вам затем о двух месяцах, мною здесь проведенных в уединении и большей частью – чтении? Несмотря на некоторые заботы, не могу не признаться, что я редко когда испытал такое полное спокойствие и ощущение самого безусловного отрицательного счастья. Я доходил до того, что даже частые неисправности почты, оставлявшие нас до двух недель без писем и газет, были мне почти отрадны, и мне весело было посмеиваться над женой, которой сначала трудно было привыкнуть к таким порядкам. Я решительно убедился, что гораздо приятнее жить у себя в деревне, чем в петербургском дворце даже любезнейшей и добрейшей из принцесс; и более чем когда-либо рад, что успел разорвать золоченую цепь. Думаю, что и Вы, почтеннейший Юрий Федорович, не раз ощутили тоску. Счастливы же мы с Вами отделались и можем поблагодарить Бога, что не привезли с собой в деревню никакого правительственного прилагательного...

Прощайте; от души обнимаю вас обоих и желаю вам всего лучшего. Не забудьте однако, что я теперь уже поосвежился и стал встречать почту с новым любопытством и желанием получить с ней Ваши письма. Дмитрию Федоровичу мой искренний привет.

Кн. В. Черкасский.

P.S. Вы спрашиваете совета, дражайший Александр Иванович, насчет дел Хомякова. Право, мне кажется, труд-

но не приложить и к ним общего правила: крестьяне могут владеть всем в течение пяти лет, по истечении которого отрезка должна происходить на общем основании; разве было сделано какое-либо письменное или иное известное условие, свидетельствующее, что часть земли оставалась господской. Будь имение в подобных условиях в моем мировом участке, моя рука не дрогнула бы нимало привести Положение в исполнение, и я не считаю этого постановления несправедливым; но уверен, что всякое противное постановление, дозволяющее поднимать старину и делать различие между некогда бывшим господским и коренным крестьянским, послужило бы почти исключительно лишь к возбуждению бесконечных споров и надувательств помещиков...

Письмо кн. В. А. Черкасского — Ю. Ф. Самарину

20 октября 1861 г.
Владимирская губ.,
Судогодский уезд

Тысячу лет не писал к Вам, многолюбезнейший Юрий Федорович, не отвечал даже на два последние Ваши письма и готов был бы начать настоящее длинными извинениями, если бы не был уверен, что Вы на меня за это не сетуете и не припишете моего невольного молчания равнодушию к Вам. Молчание мое было точно невольно: вот уже два с половиной месяца я скитаюсь по России, объезжая наши хотя и не великие, но крайне разбросанные местности. Выехал из дома 8 августа через Москву, где к крайнему огорчению не захватил Вас только двумя днями; отправился в Шуйский уезд, оттуда в Пензу, потом обратно в Шую, и наконец теперь сижу среди судогодских болот, откуда надеюсь выбраться дня через три, и опять тоже через Белокаменную вернуться домой. Не поверите, с каким нетерпением я ожидаю этой блаженной ми-

нуты, когда я отсюда вырвусь, – подобного нетерпения я еще никогда в жизни своей не испытывал...

Прежде всего примите мою искреннюю благодарность за письмо Ваше ко мне, оставленное Вами в Москве; жаль только, что по излишней осторожности Вашей сестры и моей жены я до сих пор лишен удовольствия прочитать послание к Вам нашего бывшего президента и, следовательно, знать развязку известного Вам эпизода; жена пишет ко мне, что послание это она сберегла у себя, не желая доверить случайностям почты, и что она сохранила его для моего приезда. Любопытно, очень любопытно!..

Затем в общих чертах с Вами согласен: как ни повернись, что ни делай, будут непременно бранить нас обоих и в перекресток; пускай же, по крайней мере, друг друга сами же и опровергают. Бог с ними и со всем этим делом!

Путешествие мое, как я уже сказал Вам, меня утомило до крайности во всех отношениях, но вместе с тем не могу не признать, что оно было для меня крайне поучительно: еще никогда, думаю, не было для человека, несколько наблюдательного, такого отличного случая заглянуть вглубь человеческой души и сравнить действительные ее, обыкновенно глубоко сокрытые, движения от той поверхностной игры ее, которая одна только в обыкновенное время доступна нашим впечатлениям, – сравнить приемы русского крестьянства за три или четыре года тому назад от нынешних его приемов, иногда уже чересчур простодушно-откровенных, а иногда также рассчитанных и взвешенных, но совершенно на новый лад. Никогда не сожалел я так, как в этот раз, что лишен художественного таланта воспроизводить типы. Жаль, если не найдется ни одного художника-писателя, который бы сумел воспользоваться нынешней минутой и изобразить эту любопытную переходную минуту; тут был бы сюжет единственный, а настроение это продлится в народе недолго, и тому, кто не вгляделся в него пристально теперь, трудно будет попытаться до него искусственно и верно его воспроизвести. Впрочем, Тургенев теперь в своей орловской деревне;

авось у него хватит еще на это несколько охладделого художественного чутья.

Хозяйственно-учредительное мое путешествие не было совершенно бесплодно; с другой стороны я не могу похвалиться и удачей; дело, как кажется, выйдет по известному выражению – середка наполовину; и я, если не совсем доволен, то по крайней мере могу сказать и то, что Одиссея моя, без всякого сомнения, принесла некоторую долю пользы, быть может, даже довольно значительную. Но разнообразие – удивительное: а) в Пензенском имении, где у нас две деревни в 5 верстах друг от друга и числительно совершенно равные, одна осталась на обязательной барщине и получила таковую уставную грамоту, другая же вступила в соглашение, получила в подарок $\frac{1}{4}$ часть надела с сохранением прочей земли в наемке по крайне дешевой цене (под хлеб шестидесятинная десятина в 3600 саж. – 4 руб. сер.) на 9 лет, и первый наемный платеж произвести через год, а с барщины сойти немедленно. Не вступила в согласие именно та деревня, на которую я более надеялся. Кроме того, обоим деревням было предложено, если хотят, прямо перейти на денежный оброк и получить в постоянный надел за 9-рублевый с души оброк, не по $3\frac{1}{2}$ дес. на душу, а по 4. От этого обе деревни отказались. б) В Шуйской вотчине я предлагал вместо 4-х дес. на душу около $6\frac{1}{2}$, в том числе на 400 душ более 500 дес. хорошего тридцати- и сорокалетнего леса, имеющего там ценность; при этом признал за крестьянами право собственности на 125 дес. купленного ими леса и пашни, на который они не имели документов, и объявил им мирской капитал, у меня хранившийся, в 6340 руб. сер., из которых мною наращено процентов около 2000 руб. сер. без их почти ведома. Сначала пошло успешно, хотя и с переменками, и после многих прений составили форменный мирской приговор о выкупе, даже в присутствии посредника. Я брал в прибавок к мирской сумме и казенной ссуде еще 6000 руб. с. от крестьян в три годовых срока. Я был так уверен в деле, что, не имея возможности сейчас составить уставной грамоты за исключением еще землемерной работы, я поспешил в Пензу;

вернулся, стал подписывать договор, и что же? – раскол... Народ между тем весь ушел плотничать, а выборные его разделились и перессорились: две деревни единогласно требуют выкупа, говоря, что молились на этом Богу; две единогласно требуют Царского Положения, объявляя, что раздумали; пятая деревня расщепилась.

Не скрою от Вас, что, утешая себя в полунеудаче (впрочем, в материальном отношении для меня выгодной), я невольно входил в роль австрийца, присматривающегося к венграм и славянам; и ни здесь, ни в Пензе не слишком сокрушался о распадении вековой мировой единицы. Что Вы об этом скажете? и что сказал бы покойный наш Алексей Степанович?

8 ноября. Венев. Село Васильевское

Отправляю к Вам первый листок моего письма в том виде, как он писан к Вам из Судогды и в каком около трех недель он пролежал в моем портфеле. Вы, по крайней мере, убедитесь из него, что я, если и не писал, то по крайней мере не раз вспоминал о Вас во время моего странствования. Останавливаясь теперь на последней мысли этого давнего листка, я не могу не сказать и не покаяться перед Вами, что в настоящее время мне часто приходит на мысль, что оказанное нами в Положениях уважение к общинному быту, при всей законности этого чувства и при необходимости его в первом крестьянском законоположении, не должно быть доведено до фанатизма и может допустить некоторые меры, которые, быть может, Вам покажутся насилием, но которые едва ли не вызываются опытом. Я говорю о позволении выходить из хозяйственной общины и выкупать независимо от прочих крестьян оной свой поземельный надел, по крайней мере, тем крестьянам, которые пожелали бы внести помещику все деньги вдруг, без казенной ссуды, и которых стесняет желание прочих оставаться на барщине. (Такие крестьяне должны, конечно, оставаться, тем не менее, приписанными к сельскому обществу.) При настоящем законоположении это невозможно; ибо где община и круговая порука, там для этого Положе-

ние требует предварительного мирского приговора с $\frac{2}{3}$ голосов о распадении общества. Между тем крестьяне в большей части уклоняются даже и от такого приговора, невзирая на нескрытое свое неудовольствие круговой порукой. Если принять в соображение, что допущенный законом отдельный переход двора на оброк из барщинской общины есть почти такое же разрушение последней, то нет почти логического основания отвергать и предлагаемую мною меру. А эта мера скорее всего поведет к постепенному свободному упразднению барщины и водворению выкупа поземельного; вместе с тем она послужит к постепенному водворению в селениях полных собственников, враждебных всякому движению полукрепостных масс, и в которых начало собственности получит для себя лучшую опору. Я убежден, что таким путем весь капитал и интеллигенция в сельском сословии в весьма немногих лет свободно и непринужденно пойдут по указанному пути и постепенно увлекут за собою других; законный порядок получит себе сильных защитников, и без всякого физического насилия сломается небезопасная коалиция, питаемая общинным бытом и ныне слишком часто насилующая лучших крестьян. В последнем обстоятельстве я убедился не из одного описанного мною опыта, но из целого ряда явлений, из которых некоторые повторились еще на днях и ежедневно повторяются в моем участке и участках соседних. Что Вы на все это скажете, любезнейший Юрий Федорович? Подумайте-ка об этом серьезно и беспристрастно, независимо от всякой доктрины. С нетерпением буду ждать Вашего ответа. Если бы опыт убедил и Вас в справедливости моего замечания, то при всем удалении нашем от центра дел совокупный наш с Вами голос мог бы остаться, особенно в этом вопросе, не без влияния. А рано или поздно придется это сделать: Вы знаете, я сам не охотник торопиться и усердно защищал с Вами заодно в комиссии исторические права общины; но в настоящем случае – прислушайтесь внимательно к крестьянскому говору; *все хорошие крестьяне* единогласно по всей России требуют предлагаемого мною; и эта мера будет и серьезнее,

и действительно нелепого ныне предположения об обязательном переводе крестьян на оброк. Не понимаю, как можно было придумать в настоящую минуту такую чернуху, да еще и облеченную в такую кариозную форму.

Возвращаюсь к описанию моих странствований в судогодском нашем имении (том из всех, которое наиболее обижено Положением и где, следовательно, крестьяне всего более нуждаются во мне). Я был принят крестьянами с особенным почетом и радушием, сквозь которые мне, однако, конечно, довольно легко было распознать их действительные желания и надежды. Полагаю, что я в известной мере удовлетворил их своими предложениями, с ответом на которые я их не тороплю и дал им срок подумать до 15 января, отложив до того времени составление уставной грамоты. Чтобы не ухудшать их положение, я должен дать и даю им, во всяком случае, вдвое против надела, назначенного Положением, т.е. оставляю им весь прежний надел за прежний оброк, который на 20% ниже нормального оброка. Сверх того я предлагаю им покупку по весьма дешевой цене и с рассрочкой на пять лет большой лесной дачи, за половину которой мне купец один предлагает с первого слова почти всю назначаемую мною сумму. Мы расстались большими друзьями; мне расставлен был до Владимира даже двойной комплект подстав, хотя я мог ехать только на одном. Затем увидим, что будет к 15-му января.

Вот Вам краткий отчет моих деяний. Теперь, любезнейший Юрий Федорович, я вернулся домой и буквально завален делом; к моему кандидату никто не хотел идти за делом, и все было оставляемо помещиками и крестьянами до моего приезда, невзирая на то, что помещики привыкли меня ругать и, как кажется, не скоро отвыкнут. Уставные грамоты начали подавать; и я вместе с тем решительно объявил всем старшинам и старостам своим, что настоятельно советую переходить на оброк и буду решительно требовать самого отчетливого выполнения барщины везде, где крестьяне по упорству и злему умыслу будут отказываться от денежной повинности. Впрочем, вообще говоря, должен сказать из опыта нескольких по-

следних месяцев, проведенных и дома, и в путешествиях, что дух крестьян вообще улучшился и они стали яснее понимать свое положение. Твердо надеюсь и даже уверен, что в течение двух, трех лет дела примут хороший оборот, если только правительство не окажет излишнего усердия и будет действовать со спокойной и неторопливой твердостью. Опять повторяю: все основные начала Положения справедливы и необходимы; нужно только: 1) усилить дисциплинарную власть старшин в барщинских имениях, ибо без этого барщина не может идти, а отменить ее вдруг, одним словом, нельзя; и 2) облегчить раздробление общины при выкупе. Первое есть только восстановление в улучшенном и более совершенном виде того, что было сделано редакционными комиссиями; второе – будет лишь подсказанное опытом дальнейшее и скромное развитие тех начал, которые были ими приняты в основание нового законодательства.

Впрочем мы, скромные мировые посредники, только исполнители; Вы теперь ближе меня стоите к центру, и Ваше дело подавать в необходимых случаях голос из губернского присутствия.

Через недели 3 или месяц, 4 декабря, я отправлюсь на тульские выборы. Знаю с разных сторон, что дворянству еще не надоело меня травить, и что в нескольких уездах уже готовятся своры на меня. Признаюсь Вам, я еду с крайне неприятным чувством, думаю, даже в последний раз и исключительно лишь только потому, что не хочу кому-либо позволить меня заподозрить в трусости и хвалиться, что я испугался... В другой раз, как отбуду я теперь эту скучную обязанность, уже не намереваюсь портить себе кровь, тратить время и жертвовать собою на услаждение дворянства. Несчастный крест, которым наградил меня Панин, и который не отослан был мною единственно, чтобы не тешить дворян и не иметь вида, будто я отказываюсь от связывающей меня с правительством доли ответственности по крестьянскому делу, я долго думал оставить в ящике, из коего я его еще не вынимал, и не надевать на выборах. Так ду-

мал я поступить еще дня три тому назад. Но теперь, по дошедшим до меня слухам о готовящемся для меня по случаю этого креста скандале, я твердо решил его надеть назло всем и каждому, как для меня лично ношение его не неприятно. Знаю заранее (как я писал уже о том нынешней весной и в конце зимы два раза Милютину), что дело не обойдется без крупного разговора, и по всем вероятностям, кончится тем, чему и я, и Вы чуть-чуть не подверглись во время комитетских заседаний. Но делать нечего. В настоящее время на моей стороне та выгода, что я тремя годами старше, более искушен опытом и пройденными волнениями; ссоры искать не стану, буду даже всеми мерами избегать ее, буду невозмутим и спокоен даже до последних пределов, но за этим пределом – все останется в руках судьбы и случая... Впрочем, я что-то свел на упокой – быть может, и совершенно без нужды. Как бы то ни было, искренно Вас лобызаю и прошу Вас меня не забывать ни в мыслях, ни в письмах. Жена Вам усердно кланяется, и оба мы от души желаем Вам паче всего доброго здоровья и умеренности в занятиях.

Кн. В. Черкасский.

Письмо кн. Черкасского Ю. Ф. Самарину

18 августа 1862 г.

Что сказать Вам о себе? Я теперь в деревне один и поджидаю жену не ранее, как недели через три. В нашей губернии, и особенно в нашем уезде, дело уставных грамот подвигается не только весьма быстро, но также и весьма успешно в том смысле, что дух крестьянства много улучшился, умы успокоились, в том числе даже и дворянские, и все обещает нам весьма благополучный исхода дела. Мне кажется, впрочем, судя по слухам и вестям, судя также по личному моему опыту, извлекаемому из сношений моих с

крестьянами наших имений в других губерниях, что и повсюду начинает преобладать то же настроение. Указ о выкупе в барщинских имениях, как кажется, Вам весьма не понравился; признаюсь – и я мало одобряю его с точки зрения, во-первых, своевременности, а во-вторых, и финансовых подробностей; последние чересчур уже слабы и плохи, а поспешность очевидна. За всем тем, мне кажется, обсуживая эту меру не следует забывать, что рано или поздно миновать ее не только было невозможно, но что даже, напротив, она в общих своих чертах не могла не быть законным, логическим и необходимым завершением всего начатого дела. Вопрос *только в своевременности*, а это, во всяком случае, вопрос более второстепенный. К тому же не следует также упускать из виду и другую важную сторону дела, это действительная политическая необходимость успокоить сколько-нибудь дворянские умы, удовлетворить их хотя и неразумную тревогу. Можно было все это сделать удачнее и с меньшим риском; можно было кое-что выторговать в пользу крестьянства, можно и должно было бы особенно не торопиться; но что делать? не под силу нашим пигмеям бороться с силой тяготения таких громоздких вопросов; хорошо и то еще, когда хуже этого не придумают; посмотрим только, как справится Рейтерн с недоимками, неизбежными в выкупаемых барщинских имениях, и как отнесется к новой реформе наш сфинкс – крестьянский мир. Многое будет зависеть от того, сумеет ли само дворянство умерить свой порыв к чистому расчету? А излишняя с его стороны жадность, подбитая привычками барской лени и беспомощности, может, пожалуй, на беду дать требованиям выкупа слишком сильный толчок с самой первой минуты; и плохо, если настроение крестьян не будет соответствовать такому току или, пожалуй, пойдет ему в разрез. Это может выйти эксперимент опасный, хотя и предпринятый с благонамереннейшей целью. Посмотрим, что будет? У нас в Туле, покуда дворянство, как кажется, ожидавшее большего, встретило новый указ вообще довольно холодно; во всяком случае, не-

обходимость предварительного разверстания, вероятно, позадержит многих; и слава Богу!

Закрываю письмо свое пожеланием Вам всего лучшего, а главное – здоровья. Будете ли Вы зимой в Москве или Петербурге? Мне хотелось бы приехать в Петербург на несколько дней, к 19-му февралю, и проездом пробыть несколько дней и в Москве. Если зимой также соберетесь, напишите, пожалуйста, но раньше, чтобы, если возможно, нам не разъехаться. Прощайте, обнимаю Вас дружески. Усердный поклон Дмитрию Федоровичу.

Кн. В. Черкасский

P.S. Очень Вам благодарен за Ваши давешние заметки насчет моей записки о местных учреждениях. Я так давно к Вам не писал, что еще не поблагодарил Вас за них. Чем-то подарят нас к 8-му сентября в действительности? Сдается, что уже очень окажется тоще.

Письмо кн. Черкасского Я. А. Соловьеву

20 августа 1862 г.
с. Васильевское

Я уже так давно не писал к Вам, дражайший Як. Ал, и так долго упустил время поблагодарить Вас за два последние столько обязательные Ваши писания, что почти совестно братья за перо; зато уверен, что среди множества дел и забот Вы сами не слишком усердно наблюдаете за правильностью переписки Ваших корреспондентов, и это обстоятельство меня значительно ободряет. Излишне было бы говорить Вам, сколько меня обрадовал крайне благополучный исход того столкновения членов от правительства тульского присутствия с N. N о котором я Вам во время о нем писал. Поддержка, им оказанная, оказала здесь со своей стороны наилучшее

влияние на умы многих колеблющихся*... В отношении к правильному ходу как крестьянских, так и вообще всех местных дел теперь до будущих выборов, т.е. целых два года с лишком, правительство может быть совершенно покойно, если ожидаемые к 8-му сентября или к зиме некоторые перемены в хозяйственном управлении не подадут повода к каким-либо манифестациям; впрочем, можно было, как кажется, уже из опыта убедиться, что вообще наше тульское дворянство есть одно из самых умеренных и далеко отстало от тверского и прочих тому подобных. Закон о выкупе барщинских имений, столько желанный и ожидаемый дворянством, бывший предмет стольких надежд и усилий покуда не был издан, прошел между тем почти до сих пор незамеченный и был встречен в нашей местности с замечательной холодностью, которая и до сих пор продолжается. На первый взгляд, пожалуй, трудно себе дать отчет в подобном самопротиворечии общественного настроения. Иные приписывают холодность приема, сделанного новому закону, низкими будто бы оценками выкупным, не довольно поощряющими помещиков к предпринятию этой операции. Мне кажется, основательнее было бы искать причины ее в том обстоятельстве, что само предъявлявшееся прежде столь многими лицами требование подобного закона было частью не вполне искреннее, а частью не вполне сознательные. Я убежден, что огромное большинство кричало об этом только ради самоулаждения в процес-

* Столкновение членов от правительства крестьянского присутствия с Н. Н. произошло на почве важного вопроса о размере барщинской повинности, не довольно ясно разрешенном в Положении. Н. Н., бывший либерал на манер желавших безземельного освобождения крестьян и обратившийся впоследствии в яркого крепостника и реакционера, до введения Положения сократил крестьянский надел и уменьшил число тяглов до невозможности, пользуясь градацией барщинской повинности, причем требовал по своим уставным грамотам огромного возвышения барщины против прежней трехдневной. Не излагая в подробностях дела Я. А. Соловьеву, кн. Черкасский отмечал его важное принципиальное значение, советуя воспользоваться случаем, чтобы разъяснить статьи Положения и решить, можно ли возвышать повинность барщинскую свыше прежней, и притом в именах, где у крестьян предварительно был уменьшен надел. — Прим. издателя в издании 1901 года.

се крика, только ради того, чтобы иметь случай кричать о чем бы то ни было, просить чего бы то ни было и быть чем бы то ни было недовольными; как скоро дали просимое, оказалось, что многие не желают воспользоваться данным, находя это данное для себя или невыгодным, или невозможным по той или другой причине. Спрашиваю: не избличает ли все это то, что и то, чего просили, и то, что дано, не было еще вполне необходимо; по крайней мере, еще не было той настоятельной необходимости, которая оправдывает риск, несомненно сопряженный с подобной мерой. Затем я вполне сознаю трудность для правительства не сделать многое для удовлетворения крика, хотя бы и не совершенно законного, и даже придиричвого; я готов даже признать, что с каждым днем требование обязательного выкупа будет усиливаться со стороны ныне даже кажущихся равнодушными помещиков, и что, во всяком случае, предпринятая мера составляет серьезный шаг правительства в видах умиротворения отношений (о действительном результате, конечно, еще рано было высказываться слишком положительно); наконец, я убежден, что принятая мера есть неизбежный, конечный результат всей реформы, без которой совершение последней совершенно немислимо, что рано или поздно, но она была совершенно неизбежна и необходима. Итак, Вы видите – мои возражения исключительно направлены только, во-первых, против действительной своевременности мер, а во-вторых, против некоторых деталей, и в особенности против финансового плана, которого по чистой совести не могу не назвать крайне нелепым. Благоразумнее было бы, я думаю, остаться, безусловно, при прежней системе финансовой операции, понизив только для барщинских имений выкупную ссуду до 75% и обратив остальные 5% на резервный фонд ввиду неизбежных огромных недоимок. Это было бы и приятнее для помещиков, и выгоднее для правительства, и менее дико в научном отношении. Далее можно и должно бы было кое-что выторговать для крестьян, хотя бы, напр., положительно обеспечить их, что им дастся шесть месяцев льготы со дня прекращения

барщины до наступления первого выкупного платежа и т.п. Наконец, необходимо было отложить эту меру на время, хотя бы только для того, чтобы не поставить во лгуны все мировые учреждения, дать правительству время оглядеться, а обществу – дворянству и крестьянству – время освоиться с новой почвой и самим выработать практические исходы, не возлагая упования всецело на одно лишь правительственное вмешательство. Вообще я мало одобряю такое слишком нежное попечение о каждой боли, неизбежно ощущаемой ныне обществом при трудных предстоящих ему ныне, так сказать, родах; я лучше желал бы, чтобы обществу дали вдоволь настрадаться; пускай оно и так и сяк ляжет, и так и сяк расправит свои кости, своим умом, своими собственными трудами. Дело правительства – устранять затруднения, как это сделано, например, на днях превосходным во всех отношениях законом о потравах^{*}; пусть дадут еще несколько таких хороших уставов для вольного найма, сбережения лесов и пр., но затем исходы из нынешнего порядка вещей должны быть прежде всего уготованы себе самим обществом, обоюдными с обеих сторон уступками и вольным торгом, а покуда – возможно меньше – принудительными мерами. Для последних настанет время, когда они будут положительно указаны опытом и временем; когда расчистится для них почва предварительной свободной игрой жизни, и вместе сузится поле, сократится само число случаев, к которым такое принуждение может быть приложено.

Таково, любезнейший Як. Ал., мое искреннее убеждение, как Вы видите – не столько безусловное, как Юрия Федоровича, но в результате довольно сильное. Я полагаю, и Вы сами не совершенно отвергнете справедливость некоторых возражений. А затем, дело сделано, *alea jacta est*^{**}, следовательно, остается всякому благоразумному, особенно в принципе согласному, человеку искать возможно лучшего применения, а

* См. Сборник правительственных распоряжений, т. III, часть 2-я, стр. 4. – Прим. издателя в издании 1901 года.

** Жребий брошен (*лат.*). – Прим. ред.

не сетовать и не спорить по пустому. К тому же, кто возьмется безусловно разрешить задачу будущего? Наш народ – великий сфинкс: быть может, он заартачится против строгого применения нового закона, а может быть, он и останется доволен. От души желаю последнего и верю в крепость и живучесть нашего общественного организма. Если дело не встретит в народе слишком большого сопротивления или не повлечет за собой немедленно слишком значительных недоимок, то Положение, действительно, выиграет лишний предохранительный клапан, и я охотно повинюсь в своем доктринерстве.

Вот и расписался, увлекшись старым делом, и позабыл, что редакционные комиссии закрыты навсегда. Извините, любезнейший Як. Ал., неумеренную длинноту моего послания; Вы, я думаю, о таковых материях наговорились и наслушались вдоволь. Зато наш брат сидит себе в деревне, и поболтать стало в диковинку. Прощайте, от души Вас обнимаю. Преданный Вам *кн. В. Ч.*

Письмо кн. В. А. Черкасского Ю. Ф. Самарину

15 марта 1863 г.

Вы, вероятно, уже успели, любезнейший Юрий Федорович, посмеяться над исповедью моего самолюбия, какую принес я Вам в последнем моем письме. Каюсь в этом скверном чувстве и утешаюсь отчасти лишь тем, что по крайней мере к нему во время моей последней поездки в Петербург и теперь не примешивалось и не примешивается вовсе еще худшее чувство, французами названное *ambition rentrée**; правда и то, что слишком было бы глупо и даже просто нерасчетливо – искать в настоящую минуту и при настоящих обстоятельствах каких бы то ни было служебных функций. К тому же я, по счастью, создан от природы с немалой долей лени и привязанности к

* Затаенное честолюбие (фр.). – Прим. ред.

спокойной деревенской жизни, а потому мне и слишком легко было всегда, даже когда я был и много моложе и бодрее, устоять против такого рода искушений. Теперь же привычка решительно стала второй натурой. Как бы то ни было, оставляю в стороне этот мало занимательный предмет, дабы дать Вам хотя краткий отчет о тех общих впечатлениях, какие во мне оставило это первое мое, со времени закрытия редакционных комиссий, свидание с петербургским и московским обществом.

Говоря вообще, положение общества и общее состояние умов, по моему мнению, значительно улучшилось. Если вспомнить общее нравственное настроение в ту минуту, когда решался крестьянский вопрос, и затем всеобщее озлобление дворянства против правительства, немедленно последовавшее за его окончательным разрешением, затем водворившееся в то время вдруг всеобщее преступное почти равнодушие к общему делу и к общему благу и желание всячески отомстить и уязвить власть за ее твердый и беспристрастный образ действия в деле, самом близком ко всем насущным частным интересам, если вспомнить все эти следы почти не исчезнувшего еще прошедшего и сравнить их с теперешним настроением умов, то окажется огромная разница, и разница эта будет вся в пользу нынешней минуты. Причины этой перемены Вам известны точно так же хорошо, как и мне: в числе их играет немаловажную роль бесспорный ныне уже успех крестьянского дела, ход которого успокоил отчасти и само дворянство; нет сомнения также, что неудачные прошлогодние попытки к волнениям и пожарам в Петербурге, со своей стороны, также содействовали к постепенному отрезвлению умов. К счастью, самая опасная часть кризиса уже миновала, и от лиц, непосредственно окружающих правительство, зависит привести дела к благоприятному исходу. В этом отношении нельзя не сознаться, что в настоящее время заметно гораздо более единства, чем было в то время, когда мы с Вами находились в Петербурге; Валуев, Головин, Рейтерн т. д. составляют тело довольно однородное, хотя, к сожалению, главной точкой их между собой соприкосновения служит для них – их посредственность и их желание

удержаться в министерстве. Как бы то ни было, и то уже выигрыш, что не существует прежней явной междоусобицы. Вместе с тем правительство надавало несколько обещаний – насчет гласного судопроизводства, земских учреждений, возможной отмены цензуры и т.п., насчет которых оно до приведения этих обещаний в относительное исполнение, до формального возведения результатов обещанного и начала приведения их в действие может простучать спокойно год, два, три... Польские дела также отвлекают внимание, справедливо озабочивая по крайней мере значительную часть публики; а главным образом – умы утомились в бесплодном движении, да и критиковать трудно то, что еще не получило осязательной формы; словом, для России (и это уже счастье) настала если не минута умиротворения, которой я не вижу (как ни выставляй себя Валуев миротворцем), то по крайней мере – минута общего почти отдыха, перемирие, основанное главным образом на чувстве всеобщей усталости и ожидания. Прочно ли такое положение? Это другой вопрос... Грешный человек, я, признаюсь, готов верить, что в высших сферах при таком настроении общества, где клонит к самодовольному сну, где берет раздумье – уж идти ли дальше и до какой именно грани. А вообще, сколько мне кажется, совершенно утратилось живое понимание того, чего именно желает общество и чего именно вправе настойчиво ожидать, что именно ему должно быть дано? Прежде выпукло стояла впереди всеми сознанная, никем радикально не отвергавшаяся необходимость отмены крепостного права; теперь с устранением этого самого крупного зла, с возникновением большого разнообразия и многосторонности в общественной жизни, вызвавших множество второстепенных, хотя и важных, и к тому же весьма сложных задач, нужно более тонкое чутье для распознавания действительных и неотложных потребностей от потребностей мнимых или не столь настойчивых; а чутья нет, распознавательная способность не усилилась, а между тем в умах правительственных крепко засел самый плохой советчик – чувство искреннего страха. Рейтерн с Мельниковым никак не родят железных дорог, сколько ни вопит о

них страна и еще более здравый смысл, и невзирая на то, что Государь настойчиво их требует; проект земских учреждений вырабатывается медленно, вяло и обещает мало хорошего, тогда как общественное мнение уже переросло этот проект в своих требованиях и им далеко не удовлетворится; проект о книгопечатании лежит в полумраке; проект нового суда вырабатывается, сколько можно судить по предварительным работам, неудовлетворительно; а между тем возник огромный, вечно новый польский вопрос, требуя наконец действительно себе разрешения, и притом не в одной Варшаве, но еще и в Литве и Киеве, а, следовательно, главным образом – в самой России. Вот сколько подводных камней, а наличного таланта и решимости – увы! – слишком мало... Нужно ли после всего сказанного добавлять, что правительству под страхом самой страшной несостоятельности предстоит прежде всего найти средства шибко двинуть вперед железные дороги, удовлетворить общественное мнение и литературу хорошим законом о печати и поспешить с новым судоустройством, которое, впрочем, слышно, велено окончательно приготовить к маю 1864 г. Но и затем я должен сознаться Вам, что совокупность всех вышесказанных обстоятельств, и в особенности неожиданное развитие, принятое польским вопросом, значительно изменило мои мысли насчет вопроса о необходимости у нас народного представительства, и заставило меня в этом отношении много подвинуться вперед с тех пор, как я видел Вас более года тому назад. Словом, я убедился, что самодержавие бессильно разрешить польский вопрос, и что Литва и Киев могут быть надежно спаяны с Россией лишь при помощи общерусского имперского народного представительства. Только тогда положится твердая граница между Империей и Царством Польским, когда они потянут к двум разным сеймам; только тогда усилится русский элемент в Литве и Украине, когда он в имперском сейме обопрется крепко на великорусский элемент; наконец, в случае новых волнений в Царстве мы только тогда будем в силах, бесстрашно перед Европой и безупречно перед своей совестью тяготеть всей силой диктатуры над этим

крамольным Царством, когда диктатура эта будет исходить от сейма, от всего русского народа, и не от одного правительства. Заметьте – я предвижу и тот случай, весьма, к сожалению, возможный, когда в империи будет открыт имперский сейм, а в безмозглой Польше будет лишь одна потенция, возможность сейма, обещанного на бумаге ко дню ее успокоения, а между тем будет властвовать русская диктатура.

Вот, любезнейший Юрий Федорович, мысли, мне навеянные виденным и слышанным. Сожалею, что не могу изустно побеседовать с Вами обо всем этом; тем более что в своих предложениях я вовсе не схожусь с нашим другом Кошелевым насчет форм, в которые все это дело могло и должно бы облечься. Мысли эти зародились во мне не вдруг; они суть плод долгих и весьма добросовестных размышлений и наблюдений над совершающимся воочию. Затем не забудьте и того, что, как человек ни расположен мало к непрерывным колебаниям и слишком быстрому прогрессу, он должен же однако обращать некоторое внимание на то, какую внутреннюю, самостоятельную силу представляют сами в себе те элементы, которые он предпочтительно желал бы отстаивать; если, и вообще говоря, невозможно противу рожна прати, то тем менее это возможно тогда, когда охраняемый элемент сам по себе, к сожалению, лишен силы, энергии и инициативы; трудно спасти тех, кто сам себя не умеет или не хочет спасти; в таком случае не худо помнить, что излишнее и ненужное самоотвержение часто бывает весьма вредно себе, не принося ни малейшей пользы другим, а потому даже и ему должны быть положены известные границы. В заключение я не могу не дополнить, что мысль моя не была бы выражена ни совершенно верно, ни довольно определенно, если бы я не напомнил Вам, что после всех разочарований, понесенных человечеством насчет всякого рода конституционных гарантий, в настоящее время уже невозможно смотреть на них исключительно лишь как на цель государственной жизни, но что сверх этого конституционный порядок, несомненно, играет в деле правления весьма важную роль даже и как средство управления, как

хорошее орудие в руках благоразумного правительства. При настоящем настроении умов и развитии гражданственности, всюду проникающем и проникшем даже и к нам, прежние исключительно абсолютистские приемы правления становятся просто невозможными, и является совершенно необходимым, даже просто в интересах самих правительств, принять другую систему, другие формы, искать новых сил и сочетаний, на которые можно было бы опереться потверже. Для России такой опорой, и притом опорой самой надежной на первый случай, мне кажется, элемент демократический; в моих глазах – правительству остается лишь бестрепетно на него опереться, даровав стране свободные учреждения; и власть его, в сущности, умалится мало, а сила, действительная сила (а не та мнимая, которая окончательно сражена под стенами Севастополя и сама по себе отпела панихиду в Положении 19 февраля) удесятерится. Нужны лишь твердость и благоразумие; нужно лишь уметь кое-что забыть в своем прошедшем и из него же кое-чему поучиться.

Впрочем, пора кончить. Прощайте. Искренне Вас обнимаю. Жена душевно кланяется. Когда-то мы увидимся?

Преданнейший кн. В. Черкасский.

V

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ ЖИЗНИ КНЯЗЯ В. А. ЧЕРКАССКОГО И ПАМЯТНЫЕ РЕЧИ О НЕМ

О последних днях жизни и кончине князя В. А. Черкасского

Князь Черкасский находился в Боготе, когда приехал туда граф Алексей Васильевич Олсуфьев. Они виделись там ежедневно и сговорились совершить вместе переезд через Балканы. Они должны были отправиться за Главным Штабом в Казанлык, там предполагали оставаться недолго и возвратиться в Северную Болгарию, а оттуда ехать в Бухарест и Россию.

В Габрове оставалась канцелярия князя Черкасского с Неклюдовым, а также вещи и князев камердинер. Князь предложил графу Олсуфьеву оставить за Балканами экипаж и людей своих и воспользоваться коляской и солдатами, назначенными сопровождать князя.

1 января они начали переезд через Балканы. Дорога были ужасная. Они вскоре убедились в невозможности подвигаться иначе, как пешком. Лишь изредка садился князь в коляску и большую часть переправы совершил пешком, рядом или об

руку с графом Олсуфьевым. Впоследствии он писал об этом переходе, что трудно будет его забыть. Для него он был особенно затруднителен, так как вследствие перелома ступни одной ноги, сильного ушиба и боли колена в другой, князь ходил не иначе, как опираясь на палку, и после малейшего усилия страдал от опухоли. Но он всегда делал бодро то, что считал или обязанностью, или неизбежным злом. Он старался поддерживать бодрость других, шутил, поддразнивал своих товарищей, бодро шел вперед по скользкой тропинке, у зияющей пропасти или нависшей скалы. Но кроме материальных препятствий переход этот представлял ряд нравственных испытаний: дорога была усеяна трупами. Убитые турки лежали со всех сторон, а вот на склоне горы целая рота русских солдат, – это они своей смертью обеспечили прочим частям армии переход через Балканы. Они пали 28 числа, 15-градусный мороз сократил страдания раненых. Утомление князя выражалось лишь тем, что он иногда шептал своему спутнику: «Как бы хорошо теперь сидеть у себя дома, в Чернышевском переулке!», или: «Когда-то Бог приведет быть дома!»

Нередко падали наши путешественники вместе с солдатами, им помогавшими. Из двух солдат, которые поддерживали князя, особенно полюбился ему молодой солдат Илья. Он много говорил с ним, расспрашивал о родине, о семье. Он оказался уроженец Пензенской губернии и рассказывал о молодой жене. Князь уговаривал его пойти к нему в услужение по окончании войны, замечал графу Олсуфьеву необыкновенную его внимательность и добродушие, расспрашивал, как бы взять его в денщики.

Не раз говорили они о предстоящих событиях. Князь оспаривал возможность остановиться на Балканах. С увлечением говорил он о красоте и богатстве восточной Болгарии, о невозможности разделить страну и, однако, предвидел, что далеко еще до окончательной развязки. Турки соберут свои последние силы перед Адрианополем, говорил он, и лютая война продолжится еще год. Планы будущей московской жизни утешали наших путешественников. Граф Олсуфьев объявил, что

намерен поселиться там в доме тестя своего, на Никитской, недалеко от Чернышевского переулка, что они часто будут сходиться и вспоминать балканский переход.

На одном из возвышенных пунктов перехода граф Олсуфьев предложил остановиться у землянки, перед которой стоял солдат. Это денщик, сказал он, а где денщик, там офицер и, наверное, закуска – взойдем туда! Предположение оказалось верным; денщик сказал, что офицер пошел проводить артиллеристов, а закуски нет, кроме черного хлеба и спирту. Поддай же хоть это, сказал граф Олсуфьев, входя с князем. «Вот и нам пришлось сегодня быть в гостях, – заметил князь, – сколько бы обегали мы сегодня домов, если бы были в Москве или Петербурге!»

Они отдохнули в землянке, уходя, написали свои имена, и князь поручил передать хозяину самое настойчивое приглашение посетить его в Москве, в Чернышевском переулке. Хозяин, Орловского полка поручик Денисьев, встретился потом и принял это приглашение.

Спуск совершился уже в экипаже и к вечеру приехали в деревню Шайново у подошвы Балкан; там ночевали в тесном помещении генерала Столетова с некоторыми другими путешественниками. У него же обедали. Князь был бодр и похваливал сытные, простые кушанья. На другой день приехали в Казанлык. Там началась обыкновенная жизнь при Главном Штабе с ежедневными обедами у великого князя. Князь помещался на квартире у Нелидова. Первое время он продолжал надеяться, что скоро поедет в Россию; но потом, по получении депеш и писем из России, настало горькое разочарование, о котором он и писал к Неклюдову, вызывая его вместе с канцелярией из Габрова в Казанлык: «Государю угодно, чтобы я оставался здесь, и потому я отложил, к искреннему своему прискорбию, всякую мысль о поездке в Россию, по крайней мере, в настоящую минуту, как это мне ни тяжело».

Во время пребывания в Казанлыке граф Олсуфьев пришел однажды к князю и стал рассказывать о встреченном им солдате с маленькой девочкой на руках; она была им подобрана

над трупом болгарской женщины, и теперь он не знал, куда с нею деваться. Этот рассказ заинтересовал князя, и он уговорил графа Олсуфьева сейчас с ним отправиться отыскивать солдата с девочкою. Они скоро напали на их след у писарей скобелевского полка. Прехорошенькая годовалая девочка крепко прижималась к призревшему ее солдату с длинной бородой и ни к кому не хотела идти. Солдат не знал, что делать; он должен был выступить на другой день с своим полком. Подумав немного, князь решил ехать в соседний женский монастырь и постараться о том, чтобы приняли туда девочку. Они туда отправились с графом Олсуфьевым.

В монастыре встретила их старая игуменья, не говорившая по-русски, но на помощь скоро явилась сестра Зинаида, жившая долго в Москве для сбора. Дело с ней скоро сладилось; ей выданы были деньги на годовое содержание малютки, и в тот же день обещано прислать экипаж, в котором она должна была приехать и взять девочку. Все это было в точности исполнено. Граф Олсуфьев говорит, что он был тронут сердечным участием, которое князь принимал в этом деле.

Граф Олсуфьев выехал 8 января из Казанлыка. Он долго и упорно уговаривал князя ехать с ним, как прежде предполагалось, подтверждая совет разными весьма вескими доводами. Князь остался непреклонен, но о полученных из России письмах не говорил. Граф Олсуфьев уехал с убеждением, что князь остается единственно потому, что, узнав о скором приезде турецких уполномоченных, не хотел оставить дела в самом его окончании и надеялся подействовать на обеспечение самостоятельности Болгарии и в особенности на определение ее границ.

12-го числа Главный Штаб, и с ним и князь, выехали из Казанлыка. Князь запасся съестными припасами и вечером пригласил товарищей поужинать и вспомнить Татьянин день, праздник Московского университета. Это было в местечке Кизарь, в убогой землянке, где не было ни стола, ни стула. Князь был окружен людьми, которые еще незадолго до того были совершенно ему чужды, а некоторые и совершенно незнакомы.

Нетрудно вообразить себе его чувства среди этой обстановки, среди ужасов войны, которая, однако, казалась исполнением того, чего так давно в России желали и надеялись. Милые образы друзей и родных, еще живых, и тех, которые уже покинули мир, манили его к себе из дальней родины.

На другой день утром продолжали путь. Дорога опять была трудная, опять приходилось много идти пешком. Коляска великого князя сломалась; все остановились, все были голодны, а провизия кой-какая оказалась лишь у запасливого князя Черкасского; все ею с радостью воспользовались, до последнего ординарца, и этот завтрак на воздухе с сиденьем в коляске вместо стола и с руками вместо ножей и вилок не лишен был оригинальности, говорит очевидец.

Страшные картины разоренья и смерти встречали путешественников: обезображенные трупы, сожженные деревни, беглецы. Но здесь, как и под Плевной, князь Черкасский считал своим долгом не поддаваться впечатлению, всячески бороться с духом уныния, с расслабляющей чувствительностью при виде неизбежных последствий войны. Он знал их и предвидел их, возмущался видом страданий и, казалось, не было дела, к которому он был менее склонен, как забота о больных и раненых; однако же, взявшись за него, он старался воспитать в себе и в окружающих спокойствие духа, необходимое для полезной деятельности и для преодоления препятствий. Но это было нелегко ему.

Ночевали в Германли. Оттуда близко до железной дороги. Вид ее произвел на усталых путешественников радостное впечатление; они садятся в вагоны и несутся на всех парах в Адрианополь.

О приезде туда князь сам расскажет. Вот что он писал своей семье:

«Адрианополь, 15 января 1878 года.

Пользуюсь случаем, дабы откликнуться и дать о себе весточку. Мы двинулись с такой быстротой, что все расчеты

обыкновенной жизни изменились, и трудно, или, лучше сказать, совершенно невозможно предсказывать что-нибудь, хотя бы лишь за несколько дней вперед. Мы неслись, как огромная лавина, влекомая слепым роком, которую ничто остановить не может и которой предназначено волей-неволей совершить великую историческую задачу, ныне, быть может, уже даже ускользающую от всякого политического сознания. Совершается история воочию, руками, доблестью и терпением русского солдата. Исполать ему! Нет на свете другого такого молодца и доблестного страстотерпца.

После мучительного перехода через Балканы на Шипке и нескольких дней пребывания в Казанлыке, после одной ночевки в Ески-Загре, дотла разоренной и где главная квартира едва-едва могла поместиться в крайней тесноте, и другой еще более тесной ночевки в Тырнове-Семенли, мы сделали еще маленький, но отвратительный переход в Германли, откуда вчера поехали железной дорогой до Адрианополя, куда великий князь совершил торжественный въезд верхом с огромной, блестящей свитой.

Моя лошадка была также выслана вперед, так что и я въехал вместе. Никогда не забуду этого торжественного шествия по Адрианопольским стогам, среди множества ликующего народа всех национальностей – болгар, греков, армян и даже евреев, под потоком льющих с балконов и из окон цветов и зеленых веток, при непрерывных встречах, молитвах и речах разноверного духовенства и депутатов. Одна лишь небольшая, угрюмая и бессильная толпа турок стояла как бы в стороне от общего движения, живописно расположившись на контрфорсе старой, великолепной мечети султана Селима, которая сама по себе, расположенная на лучшей и самой видной точке города, со своими истинно чудными и разнообразными минаретами представляет великолепный образец восточного зодчества. Между тем дождь принимался несколько раз и лил немилосердно. Но и он не мог ни испортить зрелища и впечатления, ни охладить восторга. О нем все, и мы, и местные жители, говорили лишь как о доброй

примете и предзнаменовании, как у нас говорят в народе о добром дожде в день свадебный.

Сегодня утром мы были с великим князем в соборной греческой церкви, где служил греческий митрополит Дионисий, а затем в гостях у него, в митрополии, пили чай. Затем я отправился завтракать в очень порядочном трактире “Америка”, а после того пошел с Хитровым и Неклюдовым в базар, где я накупил несколько ковров, прелестный полный турецкий костюм и всякой к нему дряни, шитых полотенец и платков. Наконец, пишу письмо и принимаю разных болгар. Я остановился в доме старого и почтенного грека, очень издавна России приверженного, Алтыналмаза; вчера обедал у него, сегодня обедаю у другого.

Вот подробное описание настоящего. Повторяю – будущее в руке Божией; о нем лучше во всех отношениях теперь не говорить. Всем нашим, родным и друзьям, кланяюсь от души. Не скрою: вчерашний день вознаградил меня за многое, что я претерпел в течение последних четырнадцати месяцев. Такие дни повторяются нечасто. До свидания – но когда и где?»

Письмо принесло радость и спокойствие в семью; давно не писал он так весело. Предыдущие выражали скорбь или скорее желание скрыть гнетущее чувство уныния и утомления. Князь писал 2 ноября 1877 года: «Чувствую, что состарился; пора при первой возможности идти долой с колокольни, одиночество тягостно во всех отношениях»*.

В половине декабря князь был поражен горем, узнав о смерти матери; несмотря на то, что она была уже очень стара, он беспрестанно выражал надежду, что увидит ее весной в Москве.

После приезда в Адрианополь и минутной радости начались новые беспрестанные труды. Кроме посещения больниц, обычной деятельности по делам Красного Креста, настала спешная, усиленная работа и по гражданскому управлению ввиду предстоящих условий мира. Работа эта была особенно

* За время похода князь В. А. Черкасский весь поседел.

трудна по случаю временного отъезда в Петербург одного из помощников... По своей дальновидности, князь не мог в глубине сердца не бояться за окончательную развязку дела. Он еще 31 марта 1877 года писал из Петербурга: «Дела подвигаются быстро к роковой развязке. Дай Бог, чтобы начатое с трудом окончилось для России с успехом. Ей предстоит тяжкое испытание, и нужна твердая вера в ее звезду, чтобы не побояться, как бы при теперешних обстоятельствах Англия в самую последнюю минуту не успела выхватить у нас из рук самой драгоценной части результатов тяжелой борьбы. Как бы то ни было, теперь следует и правительству, и народу напрячь все силы». И он это слепо исполнил: он напрягал свои силы, сколько было можно, но его мужественная натура не выдержала.

После недолгих первых минут отдыха в Адрианополе в письмах его заметно уже опять грустное настроение. От 17 января князь пишет: «Когда увидимся? Чем ближе конец войны, тем с большей силой задаю себе этот вопрос и ишу на него ответа. Но никто не может отвечать на него положительно. Не привезет ли чего Игнатьев?» От 26 числа того же месяца он писал близкому родственнику: «Должен признаться, что никогда, как в последнее время, т.е. в течение почти целого года, по множеству причин не был я более склонен дорожить привязанностью, которую мне выражали некоторые добрые души посреди трудных обстоятельств, в которых я постоянно находился. Самые крепкие люди падают духом и расслабляются от того, что чувствуют себя словно на обломке корабля после бури или на каком-то более или менее пустынном острове, в удалении на три или четыре недели от всякого рода сообщений. Таково именно ощущение, испытываемое здесь. Россия от нас Бог весть как далеко, и это отдаление не только сокращается, но выходит как бы еще труднее и бесконечнее от почты и телеграфа, благодаря жалкому состоянию, в котором они находятся. Я почти перестал читать газеты, даже иностранные: до такой степени они производят впечатление устаревшей и бесцветной хроники и не отвечают животрепещущей действительности. Остается скудное

средство осведомляться посредством расспросов и беседы в среде, почти столь же мало ведающей о том, что происходит. Итак, вы видите, что жизнь здесь непривлекательна. Но пусть будет, что будет. Господь все устроит. Предадимся Его всемогущему милосердию».

Наконец, от 31 января князь Черкасский пишет своему брату: «Дела гибель, не успеваешь за ними. Истомился страшно, состарился и похудел. Думаю: когда Господь сжалится надо мной и даст мне увидеть свою семью и свой дом!» Это были последние скорбные слова, обращенные к семейству; с тех пор не было больше писем.

В воскресенье, 29 января, князь ездил к обедне в местную болгарскую церковь. Бедная обстановка этой церкви его поразила, особенно в сравнении с греческим храмом. Князя и его спутников встретили со всяким почетом, кидали цветы, ему поднесли венок, и при этом учительница, «бежанка» из Ени-Загры, говорила приветственную речь.

Некогда было князю отдыхать или разъезжать по чудным окрестностям Адрианополя и наслаждаться прекрасной, теплой погодой: приемы и разговоры с русскими и болгарями, множество бумаг и писем крайне его утомляли. Являлось множество русских гвардейских офицеров с просьбой вступить на службу. Со всяким надо было говорить, испытывать способности и направление каждого в надежде найти деятелей для множества предстоявших дел.

Первое время князь продолжал обедать в конаке¹ у великого князя со всем Главным Штабом. По вечерам любил он ходить в дипломатическую канцелярию и отдыхал среди молодых дипломатов и иностранных военных агентов, собиравшихся в небольшое, но уютное помещение канцелярии. Иногда сохранившаяся энергия брала верх над злобой дня: он шутил, острил, являясь тем любезным Черкасским, каковым его всегда знавала Москва. Но чаще он являлся угрюмый и говорил, входя: «Дайте забыться за шахматами».

2 февраля был день рождения князя Черкасского. Ему исполнилось 54 года. Секретарь его (по Красному Кресту) Неклю-

дов и уполномоченные В. П. Глебов, П. Н. Исаков и Савостьянов устроили в честь его ужин. Ужин этот удался на славу, но Черкасский, лицо которого все более и более в последние дни желтело, чувствовал себя уже совсем дурно и ничего не ел.

3 февраля он даже слег в постель, и Неклюдов пригласил к нему доктора великого князя, Обермиллера, который, побывав два раза, сказал, что авось дело обойдется легкой простудой. Однако аппетит вовсе пропал, и появилась сонливость; Черкасский превозмогал себя и полулежа продолжал усиленно заниматься делами.

5 февраля, окружающие князя успокоились. Болезнь не внушала им более опасения, хотя больной не вставал с постели и был относительно довольно слаб. Доктор Обермиллер говорил, что это было желчное расстройство. Поверить этому было нетрудно.

«Гибель работы, – писал от того же числа один из приближенных к князю, – беспрестанные неприятности и дразги не под силу одному человеку... Такова обстановка, продолжающаяся почти год. Поучительно, но нерадостно, и невольно заставляет подумать о шатком и одиночном положении на свете честного деятеля».

7 февраля поутру, казалось, князю было не хуже. С утра беспрестанно являлись с докладами по разным делам. Неклюдову приходилось, с одной стороны, уговаривать посетителей не тревожить князя, а с другой, упрашивать больного не принимать их.

В этот день, около 4 часов пополудни, князь заснул. В 6 ч. Неклюдов приказал его разбудить, так как доктор Обермиллер советовал не давать ему много спать. Проснувшись, князь удивился, что его так рано будят, думая, что уже наступило утро и никак не хотел верить, что едва повечерело. Вскоре после ухода доктора князь позвал Неклюдова и просил его прочесть ему только что полученные письма и депеши. Но слова и мысли уже путались.

8 утром Обермиллер предписал больному (у которого оказалось полное отсутствие всякого сознания) хины и кам-

форы и, находя положение Черкасского опасным, потребовал консилиума. Призваны были главный врач турецкой армии армянин Стефан, главный инспектор военных русских госпиталей Приселков, местный врач Жупан и московский доктор Б. П. Делоне, который с этого дня постоянно и неотходно оставался при князе. Консилиум состоялся вечером; мнения врачей разделились. Стефан предполагал, что у князя апоплексический удар; другие доктора признали болезнь за злокачественную болгарскую лихорадку (*febris Bulgariensis perniciosa*)

Состояние больного 8 и 9 февраля было крайне тревожно.

10 февраля больной был спокойнее, и у него проявился первый признак сознания гримасой, которую он сделал, когда ему дали лекарство. 11 числа сестра милосердия Глыбина по настоянию доктора Делоне дала ему дозу хины в 20 гран. С тех пор сознание стало быстро возвращаться. Увидев фески докторов Стефана и Жупана, снова приехавших на консилиум, князь спросил: «Кто эти турки?» Но о болезни своей он как будто забывал. 12 и 13 было постоянное и быстрое улучшение: князь мог вставать с постели, но не более как на полчаса или час времени. Он даже ходил по комнате, но не иначе, как с помощью сестры Глыбиной и камердинера, подходил к окошку, но плохо еще видел и спрашивал у Глыбиной, то ли на самом деле он видит, что ему кажется. Едва сознание стало снова проявляться, как начались приемы и доклады. Лежа на постели, с тяжелой, еще смутной головой, князь уже писал деловые бумаги. Напрасно умолял его доктор Делоне побережь себя. «Не забудьте доктор, – отвечал больной, – что в настоящую минуту от меня зависит участь миллионов болгар».

Доктора единогласно решили, что князю необходим полный отдых и что, хотя перемена воздуха и была бы ему полезна, однако лучше ему остаться в Адрианополе, чем ехать в Сан-Стефано, где он утомил бы себя работой. П. В. Неклюдов настаивал на том, чтобы князю доктора посоветовали переехать в какой-нибудь приморский город (но не в Сан-Стефано), где вдали от дел он отдохнул бы и окончательно поправился.

Узнав об этих переговорах, князь Черкасский позвал доктора Делоне и объявил ему, что он в Сан-Стефано поедет непременно, чтобы доктора ни решали. «Я должен видеть великого князя до заключения мира, – сказал он Делоне, – от этого зависит участь Болгарии; после этого свидания обещаюсь, любезный доктор, быть самым послушным из пациентов».

Князь вез в Сан-Стефано проект учреждения высшего управления Болгарией.

14 февраля он окончательно покинул постель и стал ревностно целый день заниматься приведением дел в порядок. Это его крайне утомило, так как он почти целый день был на ногах. В одиннадцатом часу он лег спать, а в пять часов утра уже встал и, по-видимому, был довольно бодр. В 7 часов он вышел из дому и отправился на станцию железной дороги. Поезд, однако, тронулся только в двенадцатом часу. Долгое это ожидание было тягостно даже для здоровых. Князь сел в купе первого класса вместе с Делоне, Неклюдовым и Левашевым. Дорогой он был сначала бодр и почти весел. Но путешествие было весьма утомительно; поезд шел тихо, с беспрестанными, большей частью неожиданными и долгими остановками. К вечеру видно было, что князь нехорошо себя чувствует, несмотря на его усилия скрыть это, чтобы не беспокоить спутников. Однако же следствием этих усилий были боли в кишках, которые князь и по приезде утаивал, боясь, что доктора ему помешают отправиться на аудиенцию к великому князю; но эти боли уже с этой минуты не покидали его. Ночью Неклюдов и Левашов удалились в другое отделение вагона, а с Черкасским остался один Делоне.

16 февраля, в пятом часу пополудни, поезд наконец достиг Сан-Стефано. Погода была превосходная. А. А. Галл, гофмаршал великого князя, приготовил и устроил покойную квартиру для князя Черкасского в прекрасном доме, стоявшем у самого моря, и выслал к нему на станцию коляску. Князь видимо обрадовался чистому европейскому помещению, светлым комнатам, а главное – виду на море. Обращаясь к Неклюдову, он сказал: «*Vous voyez, que vous avez eu tort de me*

déconseiller de venir ici)*. Обедал князь со своими спутниками в восьмом часу. Он с удовольствием ел устрицы, которые, по мнению доктора, не могли причинить ему вреда.

17 князь собирался с докладом к великому князю; но ему пришли сказать, что по случаю развода Его Высочество видеться с князем в этот день не может и просит его отложить посещение до следующего утра. Погода весь день была отличная; князь в шубе сидел на балконе, наслаждался живительным морским воздухом и видимо радовался приезду своему в Сан-Стефано. Утром он кое-кого принимал, между прочим, адъютанта военного министра Миллера. Обедал он в 6 часов. Из гостей был Юрий Милютин**. Князь был в отличном расположении духа и пил за здоровье сестры своего гостя.

После обеда к князю пришел русский военный агент в Черногории, полковник Боголюбов, с письмом от военного министра. Полковник просидел у князя около двух часов. Разговор шел главным образом о кандидатах на Болгарское княжество. Князь говорил, что все время болезни своей думал о кандидате и теперь хочет поверить мысли свои. Боголюбов вышел под тем впечатлением, что князь еще серьезно болен и только преодолагает себя. Вообще князь Черкасский в этот день мало занимался, несколько раз ложился, много спал и неоднократно жаловался на сильное утомление. В ночь с 17 на 18 февраля над Сан-Стефано разразилась сильная буря с грозой. Около полуночи доктор Делоне не ложился, так как князь не мог заснуть от шума волн, ударявшихся почти о фундамент дома. Когда погода утихла, князю стали мерещиться какие-то галлюцинации. Крики солдат, грызню лошадей соседнего эскадрона, а равно и мяуканье кошек князь принимал за что-то необыкновенное. Ему представлялось, что турки режут хозяев дома и что кто-то кричит «караул». Он беспрестанно призывал к себе Б. П. Делоне, спавшего в соседней комнате с открытой дверью в спальню больного, и говорил ему: «*Cher docteur, il se passe quelque*

* Вот видите, что вы напрасно отговаривали меня ехать сюда (фр.).

** Сын Николая Алексеевича Милютина, офицер лейб-уланского полка.

chosse de terrible, on égorge en bas»*. Больной успокоился только тогда, когда доктор пошел в палисадник и, обойдя его, вернулся с уверением, что ничего особенного на дворе нет. На следующее утро сонливость была сильная; на вопросы доктора, не болит ли у него что-нибудь, больной упорно отвечал, что он отлично себя чувствует. Когда же зашел к нему в комнату Неклюдов и застал его еще в постели, он жаловался на боль в желудке. Тогда Неклюдов предложил послать к великому князю и доложить ему, что князь по нездоровью не может в этот день быть у него; но на это больной рассердился и объявил, что пойдет непременно и что чувствует себя отлично. В 12 часов князь Черкасский отправился к великому князю. Все встретившие его по дороге были поражены болезненным его видом и желтизной лица. У великого князя он оставался около часа и доложил все то, что ему было нужно. Его Высочество был очень приветлив, утвердил все представления и пенял князю, что при болезненном состоянии и слабости он побеспокоился придти с докладами, тогда как великий князь охотно бы сам навестил его на его квартире и переговорил бы о делах. Великого князя поразили болезненный вид Черкасского и нервная его зевота. Утверждая представления, великий князь просил прочесть их графу Игнатьеву. Выходя с аудиенции, князь Черкасский встретил в приемной графиню Е. Л. Игнатьеву, неожиданно приехавшую из Одессы. Черкасский видимо ей обрадовался. Он взял ее за обе руки и сказал, что не может выразить, как рад ее видеть, что намерен часто ее навещать, что будет даже злоупотреблять дозволением бывать у нее. Графиню поразила перемена в князе, его желтый, опухший, болезненный вид.

Возвратившись домой, князь Черкасский шутя отвечал Неклюдову, спросившему его, не утомился ли он: «Я сам утомил великого князя, целый час задержал его докладом». Сказав Неклюдову, чтобы он вечером был непременно дома, так как надо будет продиктовать письмо к военному министру,

* Любезный доктор, происходит что-то страшное; там внизу режут (фр.).

князь сел писать и сам все исполнил, что вытекало из утвержденных великим князем докладов.

После этого он прилег и впервые стал жаловаться доктору Делоне на боли в желудке. На упрек доктора, отчего он до сих пор это скрывал, князь отвечал: «Ну, что же? Тогда не сказал, а теперь рассказываю. У меня два раза были воспаления в кишках, когда мне было лет 20». По сделанному доктором исследованию оказалось только сильное растяжение кишок без признаков воспаления. Поставили горчичники, приложили теплые салфетки, стали втирать теплую мазь с хлороформом. Боли то утихали, то снова возобновлялись. Больной заснул и проснулся около 6 часов. Обедать он не выходил, в 8 часов позвал Неклюдова, велел написать телеграммы, указав, какое должно быть их содержание, и отправил его к графу Игнатьеву, чтобы прочесть утвержденные великим князем представления. Граф был в это время занят последними переговорами с турецкими уполномоченными: это был канун подписания Сан-Стефанского трактата.

Неклюдов долго ждал графа Игнатьева; наконец, он вышел к нему, объявил, что у него дел множество и просил отложить чтение представлений до другого дня. Возвратившись часу в десятом, Неклюдов застал князя Черкасского в полном сознании. Он расспрашивал его об Игнатьеве, но притом объявил, что диктовать письма он не в состоянии и даже отказался подписать написанные Неклюдовым телеграммы. Отказ этот крайне удивил и смутил Неклюдова: никогда и ни при каких обстоятельствах не случалось до сих пор князю Черкасскому не только отказаться, но даже отложить на самое короткое время срочное дело. Неклюдову на этот раз пришлось представить о крайней необходимости немедленно отправить телеграммы, но князь наотрез отказался от подписи.

Страдания продолжались. Князь сидел в кресле полулежа, с протянутыми на стул ногами.

В 11 часов князь лег в постель. До половины второго ночи Неклюдов и Левашов сидели в соседней комнате доктора Делоне, наведываясь беспрестанно о состоянии больного, который

лежал как бы в забытии и, по-видимому, даже спал. Около двух часов Неклюдов лег спать. Делоне, не отходивший от больного, сказал ему, что особенного в состоянии его в настоящую минуту ничего не видит; но едва ушел Неклюдов, как князем овладело сильное беспокойство. Дыхание его стало еще затруднительнее; он то вставал, то садился в кресло, упирая голову в спинку или к стене, причем ему подкладывали за спину шубу, то снова ложился, часто повторяя: «Господи, прости мои прегрешения!» Обращаясь к Делоне, он сказал ему: «*Cher docteur, cela va mal, cette fois vous ne me sauverez plus*»*. На вопрос, отчего он так думает, князь отвечал: «*Cher ami, je sens que ma langue s'embarrasse*»**. С князем сделался сильный обморок: голова повисла, ноги подкосились; больного с трудом, на руках, снова положили на постель. Вследствие вдыхания спирта и валериановых капель, присланных Обермиллером, князь пришел в себя. Прибежал Неклюдов. Он стал звать князя; тот отвечал, но неясно. Князь попросил пить, но не мог уже проглотить поданного. Больной стал еще беспокойнее, беспрестанно кого-то звал, но кого именно, нельзя было разобрать, хватал руку своего камердинера Алексея Потанова и притягивал ее к груди своей. Снова у князя сделался обморок, еще сильнее первого. Когда положили больного на постель, появились в ногах судороги. Обермиллер подошел к нему. Князь не только узнал его, но даже на вопрос, что болит у него, ясно отвечал, что «ничего не болит». Пробовали дать тотчас раствор хинина, но больной глотать уже не мог. Подавая лекарство, его приподняли и потом снова положили на подушку. Обермиллер и Делоне отошли к столу для совещания; в это время больной два раза повернул головой и тихо, без агонии, скончался, в 5¹/₂ часов утра 19 февраля 1878 года. Доктора полагают, что кончина была мгновенная, без страданий.

«Не вынесло тело постоянной борьбы и работы духа», — писал свидетель кончины.

* Любезный доктор, дело плохо; на этот раз вы больше меня не спасете (фр.).

** Любезный друг, я чувствую, что язык у меня путается (фр.).

Его бальзамировали доктора Обермиллер, Делоне и Попов. По случаю заключения мира и позднего парада с молебном первую панихиду могли отслужить только вечером, в 6 часов. Тело было выставлено в той комнате, где князь скончался; его окружили цветами.

20 февраля были две панихиды, утром и вечером. Служение совершал протоиерей великого князя с полным причтом и певчими. Тело было положено в цинковый гроб, обитый бархатом, выписанный вместе с покровом из Константинополя, а 21 февраля утром был вынос в греческую церковь. После краткой литии тело подняли. В шествии участвовали все наличное русское духовенство, греческий митрополит, певчие, хор военной музыки, батальон солдат без оружия. Гроб несли: искренно любимый князем полковник Соболев, Неклюдов (всем распорядившийся), генерал Ануцин и другие сослуживцы. За гробом следовали все наличные члены Красного Креста и гражданского управления, вся дипломатическая канцелярия с Нелидовым во главе, много военных. Погода была прекрасная и, по заявлению присутствовавших, вся церемония эта на берегах Босфора в виду Царьграда, – это стройное пение, эти тихие звуки военной музыки, это безоблачное небо, этот гроб верного, искреннего, неподкупного деятеля, угасшего в ту минуту, когда объявлялась запечатленная русской кровью свобода Болгарии, – все это вместе носило на себе какой-то особенно торжественный, поэтический характер. Гроб, украшенный гирляндами свежих цветов, был поставлен в благообразной греческой церкви. После постановки гроба отпета панихида, а вечером другая. 22 февраля было отпевание. К концу служения прибыл великий князь главнокомандующий с своей свитой. Богослужение совершали протоиерей великого князя и два протоиерея гвардейского корпуса. Пели певчие Его Высочества, греческий митрополит присутствовал при богослужении и дал отпусчную молитву. После отпевания гроб был герметически закупорен, положен в деревянный ящик и поставлен в правом приделе церкви, против алтаря.

3 марта приехал за телом шурина покойного князя, П. А. Васильчиков. 7 марта прибыл в Сан-Стефано небольшой буксирный пароход «Одиссей». Отслужили панихиду, солдаты подняли гроб, военная музыка заиграла «Коль славен наш Господь в Сионе», и провожаемое членами Красного Креста, гражданского управления и болгарами, горько сознававшими свою незаменимую утрату, тело доблестного бойца за Славянское дело стали медленно спускаться на пароход. До Царьграда его сопровождали, кроме Васильчикова, Неклюдов, Лукьянов и Полянский. В третьем часу «Одиссей» подошел к Золотому Рогу и приблизился к борту парохода «Юнона». Гроб перенесли на палубу сей последней и накрыли черным покровом. Экзарх Болгарский Иосиф и маститые архиепископы Пловдивский (Филиппольский) и Руссукский ожидали на «Юноне» вместе с причтом и чаушем² экзархата прибытия тела. Они явились неожиданно, никем не приглашенные, отдать последний долг тому, кто так усердно и самоотверженно поработал за Болгарию. Пропев литию, экзарх сказал Васильчикову, что все болгары глубоко сознают, что они теряют в князе Черкасском. Гроб спустили в трюм. 9 марта «Юнона» вышла из Золотого Рога, а 11 марта, в девятом часу, после довольно бурного плавания вошла в Одесский рейд.

Море, гладкое как зеркало, было покрыто туманом, который стал расходиться под солнечными лучами. При входе в гавань, «Юнона» разъехалась с пароходом, увозившим в Царьград Реуф- и Осман-пашей.

После панихиды гроб был перенесен в подвезенный по линии товарной дороги тот самый вагон, в котором за несколько месяцев перевезено было в Петербург тело герцога Сергея Максимилиановича Лейхтенбергского. Правления Одесской и Киево-Курской железных дорог отказались от платы за провоз. На многих станциях лица совершенно незнакомые просили позволения взять на память ветки из миртовых гирлянд, покрывавших гроб.

15 марта, после торжественной обедни в церкви Московского университета (которого князь был почетным

членом), к гробу подошел преосвященный Амвросий и произнес слово, глубоко врезавшееся в сердца слушателей. Он говорил о стойкости характера князя Черкасского в настоящую пору всеобщей дряблости; он вспомнил про глубокий, блестящий ум его, про трезвый взгляд на события, про высоко честную в нравственном отношении деятельность его. «Прости, – сказал он в конце, – лучший представитель именитого дворянства нашего; прости, друг крестьян, в поте лица потрудившийся над вольностью их; прости, мученик за великое и святое дело освобождения христиан!» Обширная университетская церковь едва вмещала множество пожелавших отдать последний долг князю Черкасскому, человеку, любимому Москвой и как бы представителю ее общественной мысли и духа при государственном деле, к которому он был призван.

Необычайно длинное шествие направилось к Данилову монастырю. Перед колесницей болгары несли большой лавровый венок.

Монастырь был полон. Преосвященный Амвросий ожидал тела у ворот монастырских. В последний раз пропели вечную память, и князя В. А. Черкасского опустили в могилу рядом с лучшими людьми земли Русской, – рядом с Гоголем, Хомяковым, Самариным.

Речь князя А. Васильчикова

Князь В. А. Черкасский скончался, и надо надеяться, что над его свежей могилой умолкнут, хотя бы на время, нарекания, которые его преследовали до последних предсмертных его дней. Для него, как и для прочих деятелей великой эпохи реформ, суд потомства будет справедливее, чем пересуды современников, и имя его, без сомнения, станет наряду с именами тех немногих государственных людей, которые, по пред-

начертаниям Государя, твердо, последовательно проводили благие преобразования настоящего царствования в России, Польше и Болгарии.

Но участь Черкасского отличается еще особенной чертою: на него, отчасти и по его собственной вине, обрушились, можно сказать, все неудовольствия и злобы лиц, пострадавших от преобразований в имущественных или личных своих отношениях, и все мелкие интересы, затронутые и оскорбленные государственными преобразованиями, которых он был один из самых ревностных исполнителей.

Положение его было уже очень трудное во время редакционных комиссий, но тогда он разделял ответственность и с другими, и хотя преследовался с особым ожесточением, но разделял эту честь со всеми прочими защитниками поземельного надела крестьян.

В Польше отношения его сделались еще более натянутыми; не говоря уже о польских панах, которые видели в нем непримиримого врага, он встретил при этом втором эпизоде своей службы прежних своих противников в России, которые предъявили свои старые счеты. На вопли и жалобы панов, обвинявших Черкасского в самовластном распоряжении их имуществами, отозвались русские люди, приписывавшие ему (в числе прочих) потрясение священных прав собственности. Польские голоса и русские отзывы слились в один дружный хор, и солидарность интересов соединила их в общем противодействии так называемой московской партии.

Наконец, назначение Черкасского в Болгарию возбудило вновь, после десятилетнего промежутка, негодование и опасение польских эмигрантов, выразившиеся в главных их органах «*Journal des Débats*» и «*Neue Freie Presse*», и опять, по странному стечению обстоятельств, эти злобные нарекания нашли отголосок и в русском обществе. Таким образом, он служил во всю свою жизнь предметом, на котором вымещали свои печали и убытки люди, пострадавшие от современных событий или недовольные ходом нашей внутренней и внешней политики, и они избирали его целью своих нападков тем охотнее и

удобнее, что при этом не компрометировали себя перед другими начальствами, а, напротив, приобретали славу преданных и благонамеренных людей.

Но мы выше сказали и повторяем, что Черкасский был отчасти сам виноват в этом раздражении многих против его крутого образа действий, и что именно поэтому он и навлек на себя больше всех бурю негодований, возбужденных общими мероприятиями. Князь В. А. Черкасский отличался вообще теми качествами и пороками, которые свойственны людям дела, людям, призванным судьбой изменять и исправлять закоренелый строй современных им обществ. Эти люди вообще при прекрасных, даже мягких свойствах сердца в домашнем и семейном быту, бывают обыкновенно, за весьма редкими исключениями, жестки и резки в общественных и служебных своих отношениях; они внушают поэтому мало привязанности и любви, возбуждают против себя не только прямых своих противников, но и многих единомышленников, оскорбленных их упорством и резкостью, и вообще не пользуются популярностью между своими современниками, покуда не преодолели все препятствия и вражды. Но для таких трудных задач, какие решались в наше время в России или во времена Штейна в Пруссии, нужны в главных деятелях, кроме приветливости, обходительности, еще и другие качества: твердые убеждения, сила характера, обширные познания, светлый ум. Этим всем обладал Черкасский и в такой мере, какая редко встречается в наших русских благодушных натурах. Он глубоко верил в здравый смысл и в силу русского народа и находил в нем задатки будущего лучшего общественного строя. Он сознавал, что европейский либерализм со своим сложным конституционным механизмом не может быть пересажен в Россию, как декоративное растение без корней, и когда доверие Монарха призывало его на службу, он трудился над устройством народного, общественного, земельного быта – над основаниями, а не венцом здания.

Труды подобного рода вообще неблагодарны, они нарушают, хотя бы и временно, столько частных интересов, тре-

буют для исполнения такой непреклонности, что люди, действующие на таком поприще, не могут избегнуть больших неприятностей и столкновений. Они очень часто исчезают, не довершив начатого дела, которое временно переходит в другие руки, чуждые всякому делу и противные всяким начинаниям, как это было в Пруссии после смерти Штейна; но случается также, хотя и не всегда, что семена, посеянные первыми севцами, всходят много лет после того, как сеятели сошли в могилу, и когда мы на панихиде Черкасского услышали молитву: «Сотвори ему вечную память», мы подумали – да, память им будет вечная, историческая, тем русским людям, которые служили делу освобождения народа в России, Польше и Болгарии.

Пройдут годы, умолкнут волнения личных страстей, новые поколения не будут знать и имен многих видных людей нашего времени; а они, сотрудники освобождения, будут жить в народной памяти, как и то животворное дело, которому они положили начало.

Речь князя А. А. Щербатова

Еще одной крупной личности не стало; еще Россия не досчитывается одного из преданнейших сынов своих, жизнью запечатлевшего свое служение отечеству: не стало князя В. А. Черкасского.

Через несколько дней Москва встретит безмолвный гроб того, чье слово так часто, так сильно и живо оглашало эту залу.

Мы свидетели, как горячо относился князь Владимир Александрович ко всему, что касалось пользы и чести Москвы, мы не должны забыть трудов и пользы, которую князь принес по разработке Городового Положения – этого краеугольного камня городской общественной жизни.

Но служение городу и земству далеко не исчерпывает общественной деятельности князя Черкасского, носящей по преимуществу отпечаток государственного служения. Служение земству было у него только одним из проявлений служения государству. Окидывая взором знаменательные эпохи нынешнего знаменательного царствования, почти всегда мы встретим на видном месте имя князя Черкасского. Москва может гордиться тем, что в числе главнейших двигателей и деятелей по делу освобождения крестьян состояли двое из лучших ее сынов: Ю. Ф. Самарин и князь В. А. Черкасский. Эти два лица, связанные искренней дружбой, на общности убеждений в деле служения отечеству основанной, встречаем мы в летописях крестьянской реформы; их же встречаем бок о бок и в тревожную годину польских смут и реорганизации того края.

Несомненно, мы бы встретили их вместе и в настоящую эпоху возрождения Востока, если бы Богу угодно было допустить Юрия Федоровича дожить до знаменательных идей современной истории. Из двух друзей князь Черкасский остался один дослуживать воодушевляющей обоим идее и дослуживал он ей до конца, и умер в виду Царьграда, на заре великого дня.

Не на одном поле ратном подвизаются бойцы, – не на нем одном получают они раны и умирают. Есть бойцы и на других поприщах, – таковым был и князь В. А. Черкасский. Он призывался к деятельности преимущественно в минуты трудные; его редкие способности, его светлый ум, его из ряда выходящая энергия давали ему право на подобные призывы; не только он от них не уклонялся, но сам шел навстречу тяжких трудов и подчас даже страстной борьбы; борьба эта порождала ему друзей, она же порождала и врагов. От природы одаренный любящим сердцем, – чего он не скрывал только от слишком близких к нему людей, – князь Черкасский, выходя на общественное поприще, имел в виду только ясно сознанную им цель, добивался ее неумоимо и неуклонно, мало обращая внимания на то, что подчас и против него

говорилось. Теперь бойца уже не стало, борьба кончилась; но дела, запечатленные любовью к отечеству, остались, и многие из них не скоро забудутся; с ними не забудется и имя князя В. А. Черкасского.

Речь И. С. Аксакова

Я вполне присоединяюсь к мнению князя Щербатова и повторяю, что Московская Городская Дума не может не гордиться тем, что считает в числе своих гласных, в числе своих самых ревностных деятелей по городскому хозяйству таких исторических всероссийских деятелей, как Ю. Ф. Самарин и князь В. А. Черкасский.

Но слово «деятель» само по себе еще ничего не определяет. Надо вспомнить, какое высокое, благодетельное значение имеет для России, для нас всех вообще и для каждого в частности, государственная деятельность князя Черкасского. Надо обновить в своем сознании великий, исполинский смысл реформы 19 февраля 1861 г.: это было освобождение не только 20 миллионов русских людей, но и нас самих, всей России от язвы, ее растлевающей, от уз, сковывающих ее общественный организм. Этой реформой мы живем, дышим и движемся; только с этой поры стала возможной для нас гражданская общественная жизнь, все последующие преобразования, обновившие и переродившие Россию, – наши суды присяжных, наше земское и городское самоуправление, – всему начало положено этим великим историческим актом; в нем причина и залог бытия всех реформ совершившихся и будущих. Не к представителям же Москвы, надеюсь, может быть обращен упрек, что они начинают уже несколько забывать прошлое, что они недостаточно ценят источник тех благ, которыми они пользуются и заслуги людей, – повторяю, – истинно облагодетельствовавших Россию своим самоотверженным служением

делу 19 февраля. Нелегко было сдвинуть с русской земли этот камень, под которым она задыхалась, и неслучайно попал князь Черкасский в сотрудники знаменательной реформы. С самой университетской скамьи все его помыслы, все усилия были устремлены к одной цели, – к освобождению крестьян, и когда он и Ю. Ф. Самарин, не в качестве чиновников, а в качестве выдающихся представителей и деятелей общественных, были призваны к составлению Положения 19 февраля, они как поденщики работали до истощения сил; они вынесли на своих плечах всю тяжесть борьбы с многочисленным, могучим, озлобленным большинством противников.

Перейду прямо к последнему земному служению князя Черкасского. Только что стихла военная буря, и настает вожделенный мир. Наше городское представительство не непричастно совершившимся событиям. Вспомните адреса, поданные вами царю в октябре 1876 и апреле 1877 года, в которых вы от имени Москвы и от имени всего русского народа молили о скорейшем исполнении великих исторических задач России, об избавлении балканских славян от мусульманского ига. Не разорять и завоевывать, – говорили вы, – идет Россия, а освобождать, обновлять и созидать. Такова была и мысль царя, и сбылось по его мысли и вашему чаянию. Рядом с военной и сокрушительной для врагов деятельностью кипела зиждательная работа. Не только уничтожено оттоманское владычество, но и призваны к новому бытию целые страны, не только освобождены болгары, но и созиждена не существовавшая до этого Болгария во всеоружии гражданского строя. Кто же был этим зодчим, этим строителем? Кого к этому великому, славному и трудному подвигу призвало доверие Государя? Ответственного деятеля из вашей среды, одного из представителей Москвы, вашего сочлена и сотрудника по Городской Думе, князя В. А. Черкасского.

Он понес за вас, за нас всех, всю тяготу, всю скорбь, всю муку труда по исполнению зиждательного призвания России, вместе с армией делил и опасности, и лишения, на самом театре войны залагал фундамент нового государственного здания,

среди насилия и бесправия, необходимых спутников войны, силился водворять свободу, порядок и законность, – громадная, трудно разрешимая задача, которая едва ли кому иному была по силам. Но она и подломила его силы. В самый последний день подвига, да, в самый день подписания мира, торжественно признавшего независимое гражданское бытие Болгарии, в дорогу, заветную для князя Черкасского годовщину 19 февраля, в виду Царьграда, в виду предела трудов и мучений обрело себе предел и его земное поприще. В этот столь знаменательный в его жизни день князь Черкасский как бы подвел истинный, действительный итог своей земной деятельности и расписался в нем своей смертью.

Московская ли Дума, стоящая, без сомнения, на высоте своего призвания, как представительница Москвы с ее всенародным значением, не почтит с благоговением и гордостью память такого сочлена?

Речь Д. Ф. Самарина

Кончина кн. Вл. Ал. глубокой скорбью отозвалась в каждом из нас; Москва почувствовала, что лишилась одного из лучших своих граждан, который так томился жаждой посвятить жизнь свою на пользу своему отечеству. Князь Черкасский является крупной, выдающейся личностью не только потому, что он был человек замечательного ума и таланта, но главным образом потому, что был представителем известных принципов, которых он твердо держался в политической деятельности своей и осуществлению которых он немало содействовал вместе с друзьями своими. Какую же политическую исповедь оставил по себе князь Черкасский? В той реформе, которая легла краеугольным камнем для всех преобразований нынешнего царствования, он стоял за полное освобождение крестьян с землей посредством выкупа и

за крестьянское самоуправление; для проведения этих начал он вел горячую борьбу с той партией, которая стояла за личное освобождение крестьян без земли и за введение у нас патримониальной юрисдикции.

В земском и неразрывно связанном с ним городском деле он отстаивал самостоятельность общественных учреждений и видел в местном самоуправлении лучшую школу политического воспитания общества и твердое основание для дальнейшего развития свободных учреждений. В Польше он содействовал умиротворению края посредством коренного преобразования всего общественного строя, освобождения народа из-под власти панов и ослабления политического значения римско-католического духовенства. Наконец, в переживаемую нами теперь знаменательную эпоху князь Черкасский был носителем идеи возрождения задунайских славян не через прививку к ним последних плодов западной цивилизации, а через восстановление природных начал славянства. Он признавал, что эту задачу могла выполнить только Россия, и видел в этом ее историческое призвание.

Политическая деятельность, в которой твердо и неуклонно проводились такие начала, не могла не обратить на себя общественного внимания. Москва не раз выражала поэтому свое горячее сочувствие князю Черкасскому, как политическому деятелю: университет почтил его званием почетного члена, Городская Дума – избранием на должность городского головы. Когда обнаруживалось внутреннее настроение наше, когда наступали в государственной жизни минуты трудные, на кого постоянно и настойчиво указывала Москва, как не на князя Черкасского, намечая его на высшее служение отечеству? Но широко ли, надолго ли открывались пред ним двери для деятельности, свойственной его призванию?

История произнесет свой суд над государственным деятелем, но она произнесет его и над средой, в которой ему пришлось проявлять свою деятельность, и скажет, оценило ли его общество в меру его действительных заслуг. Мы, как современники почившего, свидетельствуем только бесспорный

факт, что Москва умела ценить князя Черкасского при жизни его. Теперь, когда его не стало, когда он смертью запечатлел готовность свою принести в жертву своему отечеству весь Богом данный ему талант, почтим достойно его память и не забудем, что зрелость общественная измеряется умением общества высматривать из-за ежедневной будничной жизни истинные заслуги его деятелей.

Да сохранится же надолго память о почившем! Да укрепляет она в нас дух, животворивший его, дух стойкого, самостоятельного служения обществу! Да не оскудеет земля русская такими деятелями, каким был почивший князь В. А. Черкасский, и да находят они в ней полный простор для деятельности, соответствующей их призванию!

Болгары о князе Черкасском

Ввиду разных мнений и взглядов на деятельность покойного князя В. А. Черкасского в новоосвобожденной Болгарии, небезынтересно будет узнать, как отзываются о нем болгары.

Вот, например, какими словами выражается газета «Болгарин», издающаяся в Букуреште, где нет никакого стеснения печатного слова: «С величайшим прискорбием, — пишет «Болгарин», — узнали мы печальную весть о смерти князя Черкасского. Этот великий для нас человек и столь способный администратор, имя которого будет навеки памятно в летописях болгарского освобождения, умер в тот момент, когда все мы с нетерпением ожидали его назначения постоянным комиссаром Болгарии. Смерть похитила его именно в такое время, когда ему нужно было жить, чтобы самому увидеть плоды своих неутомимых забот по устройству нашего отечества.

Вызванный первым известием о заключении мира восторг наш был вскоре отравлен печальной вестью о смерти

дорогого нам по своим несомненным заслугам организатора нашего. Отныне празднование памятного для нас дня подписания мира, дня санкции болгарской автономии, будет тесно связано с именем покойного князя.

Мы уверены, что весь болгарский народ разделяет общую печаль о потере одного из замечательнейших тружеников болгарского освобождения, и все единогласно скажут: “Вечная тебе память, незабвенный наш князь!”»

Относительно мнения болгар о князе Черкасском приведу еще полученное мною от одного болгарского учителя письмо. Замечу притом, что этот учитель, воспитанный в Константинополе, не отличается особенной привязанностью к русским.

«Ты желаешь знать, – пишет он мне, – какое мнение составилось в нашем обществе об организаторе нашего родного края. Говорю тебе без всякого преувеличения: все здравомыслящие у нас люди вполне ценят труды князя и видят в нем способного и энергичного правителя. Старики удивляются его обычаю лично все узнавать, лично исследовать и распоряжаться. Ты помнишь, что этой замечательной черте князя Черкасского и мы не менее дивились в Букуреште. Привыкши к турецким порядкам, в силу которых все распоряжения “вали”¹ делались через вторые, третьи руки, болгары смотрят на князя, как на неутомимого деятеля и между собой дали ему прозвище “чиличан-човек”^{*}.

Князь Черкасский предоставил населению самое широкое самоуправление. Административные и городские советы мы выбирали без малейшего чего-либо вмешательства. Мало того: князь предоставлял нам инициативу некоторых мер, необходимых для проявления наших народных сил.

Однако нельзя опровергать и того факта, что есть *недовольные*. На всех не угодишь. Эти недовольные делятся на два разряда: первый состоит из тех *чорбаджиев*², которые не нашли в князе той доступности, которую они привыкли встречать у турецкий пашей, готовых по обыкновению на всякие корыстные сделки. Второй разряд – это некоторые

* То есть «стальной человек».

из *молодежи*, домогавшиеся высоких должностей и не получившие их. Они обвиняют князя в том, что он не закрыл совершенно доступа к городским и административным советам *чорбаджиям*, которые прежде были будто бы настоящими турками. Я не спорю о том, что между нашими чорбаджиями есть порядочное число так называемых кулаков, эксплуататоров бедных болгар; но, ради Бога, кто лучше чорбаджиев знает отношение народа к турецким властям, кто был бы в состоянии немедленно принять участие в административных и городских делах, как не те, которые еще накануне принимали постоянное участие в управлении? Чорбаджии были даже необходимы на первое время; и если между ними и попадались негодные, это вовсе не вина организатора Болгарии, а виноваты в том мы, которые выбирали этих же чорбаджиев без разбора. И разве между нашей молодежью нет таких, которым еще меньше можно доверить, чем самому негодному чорбаджию?

Князя обвиняют еще в том, что он не обращал будто бы надлежащего внимания на представлениях тех болгар, которые не были ему рекомендованы, что невольно раздражало многих других лиц, принадлежащих к так называемой *интеллигенции*. Я же в заключение сделаю следующее замечание: если бы не плевненская неудача, и война не продлилась бы так долго, то князь Черкасский успел бы сделаться любимцем всей Болгарии без исключения».

Почти также выражается о князе Черкасском один из венских болгар, посетивший недавно свой родной город. Свое письмо он заключает следующими словами: «Что бы ни говорили о деятельности князя Черкасского, я знаю одно: князь был всей душой предан своему делу и неустанно трудился, чтобы дать по возможности более прочные основания освобождаемой Болгарии, и искал, так сказать, со свечкой в руке способных наших соотечественников, которых, к несчастью, не всегда мог найти».

С. С. Бобчев

**Речь И. С. Аксакова на публичном заседании
Славянского Благотворительного Общества
5 марта 1878 года**

Путем смертей и страданий призваны мы были совершить святое дело воскрешения наших братьев. Болгарская почва упитана русской кровью. На русских костях стала Болгария. И еще недавно, уже по прекращении брани, последний торжественный акт ее освобождения и признания ее самостоятельного бытия ознаменовался великой русской жертвой. Во главу угла ее вновь созижденного гражданского строя лег сам строитель, лег человек, отмеченный высшими дарованиями и организатор этой новой сотворенной Россией Болгарии сражен внезапно нервным ударом в селении Сан-Стефано, в виду Царьграда и Св. Софии, 19 февраля, в самый день подписания мирного договора, в тот миг, когда, после долгих, тяжелых трудов, он по праву мог бы сказать себе: «течение скончал, подвиг совершил». Смерть Черкасского – не просто утрата умного, полезного государственного и общественного деятеля: убыло знаменитым умом, убыло целой крупной общественной силой, и заместить ее нечем.

Странное, замечательное, совершенно оригинальное явление представлял собой в России князь Владимир Александрович Черкасский именно этим сочетанием в себе деятеля общественного и государственного. Он был, бесспорно, человеком государственным и принимал деятельное участие в величайших государственных деяниях нынешнего царствования, но он никогда не принадлежал к сонму ни царедворцев, ни сановников, не считался у них своим и не проходил обычных ступеней нашей служебной иерархической лестницы. Он всегда, вольно и невольно, сохранял за собой характер как бы представителя или делегата от обще-

ства на государственном деле, хотя бы он был и главным его руководителем.

Его имя служило уже знаменем, возвещавшим всякий раз особую важность порученной ему работы, ее особое значение не только для государственных, но и для общественных, для национальных интересов. Таковы факты, представляемые его жизнью, которых не может отрицать никакое недоброжелательство, хотя бы и пыталось извратить их действительный смысл.

Это был ум сильный, обширный, деятельный, просвещенный многосторонними познаниями, чрезвычайно ясный и обладавший необыкновенной творческой способностью низводить абстракты на реальную почву, запутаннейшие, отвлеченные теории приводить к конкретной, практической формуле, и многотрудным задачам отыскивать самое простое решение. Он был чужд всякого доктринерства в смысле подобострастия доктрине и насильственного подчинения ей жизни, никогда не рабствовал отвлеченной логике; напротив – он считался с жизнью, с бытом, ценил и уважал русскую историю и органические стихии народа, умел в своих работах применяться к современной действительности и вступать с нею в плодотворное соглашение. Он не был ни идеалистом, ни теоретиком, но признавал значение и идеализма, и теоретической деятельности, и замечательно, что люди, с которыми он был наиболее близок, были большей частью именно люди теорий и идеалов, и нисколько не практики. Из идеалов он держался наиболее доступных осуществлению и любил теорию лишь как освещение данных жизни, как разум фактов. Но что он любил пуще всего и самоотверженно, – это честь и достоинство России и, безусловно веруя в русский народ, в его великую всемирно-историческую будущность, трудился неутомимо, не щадя сил, – как уже выразился князь Александр Васильчиков в своей прекрасной статье, – над *основаниями*, а не над венцом здания.

Значение князя Черкасского в деле славянского возрождения не только дает мне право, но и налагает обязанность задержать несколько долее ваше внимание на этом недавно отшедшем и восстановить, насколько мне это возможно, его

истинный нравственный образ. Говорю «восстановить», потому что, к сожалению, этот образ большей частью совершенно искажен в сознании русской публики, и если все сходилось в признании за ним блистательных дарований, то, наоборот, нравственная сторона его деятельности подвергалась самой разнообразной, хотя большей же частью отрицательной оценке. Князь Васильчиков уже коснулся этого явления и указал, что служило к нему поводом, из кого главным образом состоял хор ожесточенных хулителей. Нет сомнения, русские крепостники, реакционеры, скрывающиеся теперь под псевдонимом «консерваторов», польские паны и ксендзы, которых интересы имущественные и политические так много пострадали от реформ, совершенных при деятельном участии Черкасского, пылали к нему непримиримую ненавистью и, не жалея клевет, постарались и успели настроить враждебно к нему людское мнение. Было бы, однако же, ошибкой утверждать, что только они, и они одни, относились к Черкасскому с неприязнью. Вина лежала отчасти и на самом князе. Всегда радушный хозяин, любезный и приветливый с близкими или с сочувственными ему лицами, Черкасский по большей части стоял к людям только одной стороной – стороной мысли, ума, расчета. Он слишком презрительно относился к людским толкам и пересудам, не заботился о мнении лиц, им невысоко ценимых, и никогда не пытался рассеять недоразумения, вызванные его речами и внешним обращением. Как острый луч света режет слабые, подслеповатые глаза, так его острый ум колол, резал, особенно же глаза людей с туманной мыслью, убажиающихся самообольщением. Он любил, к сожалению, слишком любил издеваться над добродушной глуповатостью, и уже без малейшей пощады клеймил высокомерную злую глупость. Он владел удивительным умением выворачивать изнанку высокопарных речей своего антагониста, и в груде фраз о бескорыстии и гуманности обличать присутствие тайного, своекорыстного мотива. Всякое излишество чувствительности, все, в чем было очень уж мало ума, хотя бы и много сердца, мало толка, а только красивые тщетные пожелания, что было больше по части

праздных чувств, чем настоящего дела, встречало в нем ироническую улыбку, которая, разумеется, редко ему прощалась. Действительно, он не всегда достаточно бережно отрезвлял юную идеалистическую восторженность, и этого, понятно, не могла любить пылкая молодежь. Таковы были особенности, скажу прямо, недостатки его натуры, связанные органически с положительными свойствами его ума и дарований. Он говорил в свое оправдание, что никто, по крайней мере, не обвинит его в притворстве. И действительно, он никогда не притворялся; но он не только никогда не щеголял, а даже как бы боялся покрасоваться своими добрыми нравственными качествами и, предпочитая казаться хуже, чем лучше, – вполне в этом успел. Я позволю себе коснуться одной интимной его черты. Этот «бессердечный» человек (как его называли) был самым заботливым и великодушным из родственников. Я не знал сына нежнее и почтительнее к матери (скончавшейся только за два месяца до него); но если бы кто-либо из самых приближенных друзей отважился похвалить ему такое его качество, он вероятно вызвал бы от Черкасского какой-нибудь не совсем приятный ответ. В его добрых личных делах, – а их было немало, – не было вовсе той елейности, которая нередко ценится людьми выше, чем самое добро...

Но все эти недостатки, сами по себе несущественные, могли подать повод только к недоумениям. Гораздо серьезнее общие, ходячие, сложившиеся в обществе обвинения. Его постоянно клеймили, и еще не перестают клеймить, прозванием честолюбца, властолюбца, человека без убеждений, руководившего лишь эгоистическим, личным расчетом.

Хотя и справедливо, что исторических деятелей, каким был князь Черкасский, судит история; хотя, может быть, и приличнее было бы ввиду еще не опущенного в могилу гроба воздержаться теперь от всякой строгой оценки, – однако же эти соображения не настолько вески, чтобы давать безвозбранно укорениться ложным наветам и оставлять в заблуждении современников, в чаянии отдаленного суда потомков; тем более что смерть имеет особенное свойство – разом подводя

итог земному деланию человека, облегчать его уразумение и всему отводить свое место. На ходу жизни, в ее буйстве, ее ежедневных случайных проявлениях, из-за чужих и собственных толков, трудно познается основная, *внутренняя правда* человека, ускользающая большей частью даже от его собственного сознания... Особенно же мало поддаются анализу такие сложные организмы, как у Черкасского, исполненные таких по-видимому противоречивых влечений: анализ дробится и не дает цельного вывода. Только со смертью раскрывается в своем истинном смысле жизненный подвиг и тот нравственный центр тяжести, которым сам собою, хотя бы и бессознательно, определялся и уравнивался человек.

Я не стану пускаться в полемику с обвинителями; пусть говорят за меня сами факты его жизни в их совокупности, которым я и представляю беглый обзор.

Прилежный и даровитый студент юридического факультета Московского университета, князь Черкасский с особенной любовью занимается историей русского права и пишет на золотую кандидатскую медаль исследование о целовальниках, то есть о древнем русском прообразе суда присяжных. Затем кандидатом он продолжает свои ученые занятия и изготавляет для получения степени магистра диссертацию об *Юрьеве дне*, то есть о свободе перехода и о закреплении крестьян в Древней Руси. Вот к чему, к каким основам русской государственной и общественной жизни стремилась с самого начала своего самостоятельного поприща мысль молодого Черкасского, и это тем более замечательно, что умы современной ему молодой среды увлекались большей частью либерализмом совсем иного, превыспренного, неприложимого к России и потому праздного свойства. В первую пору по выходе из университета он предполагал посвятить себя ученому поприщу и искать кафедры истории русского права, но отказался, однако же, от этого намерения по советам одного опытного и уважаемого им лица, старавшегося направить его к государственной службе. И действительно, со своим умом и образованием, со своими связями и положением в свете кн. Черкасский, по общим по-

нятиям, мог легко составить себе «блистательную карьеру»; для молодого «честолюбца», казалось бы, нельзя было и желать лучшей обстановки, и он бы без труда дошел до высших иерархических степеней. Но, должно быть, не такова была натура этого человека, чтоб он из честолюбия согласился пожертвовать своей независимостью и пойти избитой рутинной дорогой! Должно быть, уже и тогда «честолюбие» в нем было несколько иного разряда: честолюбие силы, себя сознающей и ищущей развернуться во всю свою ширь, *владеть* делом, избираемым его мыслью, воплотить *свои* государственные идеалы... Трудно было даже и в самые молодые годы Черкасского вообразить себе его в роли какого-нибудь чиновника особых поручений, действующего по чужим начальническим указаниям. Черкасский не пошел на службу, – нельзя было считать службой принятое им на себя звание почетного смотрителя уездных училищ, – и жил большей частью в тульской деревне, занимаясь сельским хозяйством и изучая положение крестьян. В 1847 году он устраивает в Туле кружок из нескольких образованных помещиков для разработки проекта об уничтожении крепостного рабства, – кружок, который, однако же, после Февральской революции 1848 года был по распоряжению правительства закрыт.

Различные партии тянули его к себе: и аристократическая, которая думала найти себе в нем могучее орудие для своих олигархических химер, и так называемые западники, которые видели в нем европейца и упорно хотели считать его своим. Но, ознакомившись со всеми направлениями московской интеллигенции, Черкасский в начале пятидесятых годов стал постепенно сближаться с людьми так называемого славянофильского круга, хотя сближение с ними не представляло в то время никаких выгодных расчетов ни в каком отношении, а способно было только компрометировать и во мнении властей, и еще более во мнении общества. Славянофилы в те годы не только не пользовались популярностью, но были предметом постоянных насмешек, клевет и ожесточенного поругания в литературе. Что же влекло его к этим людям, с которыми Чер-

касский в ту пору расходился по многим существенным основам славянофильства? Вероятнее, прежде всего, таланты некоторых из них, общая с ними любовь к России, преданность ее национальным интересам, уважение к русскому народу и к его исторической стихии, потому что для Черкасского народ никогда не был *tabula rasa*^{*}, как для тогдашних раболепных поклонников западной цивилизации. Влекло, может быть, также и невольное сочувствие с нравственными свойствами лучших представителей этого круга. Как бы то ни было, но он дорожил отношениями с ними. Во втором томе «Московского Сборника» за 1853 год должна была появиться его статья об Юрьеве дне; но этот том в рукописи, весь, со всеми статьями, не был допущен к печати, – «не потому что в нем было сказано, а потому, что умолчено», – объяснил издателю покойный начальник штаба III отделения, Л. В. Дубельт. Вместе с тем некоторые участники «Сборника», в том числе и князь Черкасский, подверглись ограничению в правах печатания и полицейскому надзору: все это было снято с них лишь по воцелствии на престол ныне благополучно царствующего Государя.

Но и затем Черкасский не пользуется никаким случаем для составления себе служебной карьеры. В 1857 году, в известном славянофильском издании «Русская беседа» он поместил несколько небольших статей, преимущественно по вопросам внешней политики, и этим первым своим печатным дебютом сразу обратил на себя внимание как на первоклассного публициста.

Наконец, в конце 1857 года наступила пора, так давно чаемая Черкасским, к которой вся предшествовавшая его жизнь была только приготовлением. Высочайше разрешено было образовать в губерниях комитеты для обсуждения способов к освобождению крестьян, или «к улучшению их быта», как это тогда официально называлось. Черкасский отдался любимой задаче вполне, всеми силами духа, и, стоя во главе меньшинства, громил большинство своими блистательными и, правду сказать, несколько язвительными речами. Борьба была его

* Чистая доска (лат.). – Прим. ред.

стихийей... Большинство не могло ему простить, ему – князю, аристократу по происхождению, – демократическую будто бы затею наделения крестьян землей: добро бы он был человек неумный, искренний, простодушный идеолог, увлекающийся фантазиями либерализма, гуманности и т. д.! Но такого права на ересь помещичье большинство в Черкасском не признавало, а между тем чувствовало в нем опасную себе силу. Раздражение дошло, наконец, до того, что на выборах в тульском дворянском собрании два дня стояла буря: препирались об исключении князя Черкасского, как недостойного, из числа тульских дворян. С иронической улыбкой на устах выдержал он весь этот ураган, стихший поневоле за неимением законного повода к исключению. Но в то самое время, когда партия крепостников пыталась подвергнуть его такому остракизму, неистово бесновалась против Черкасского, – забавно, но и стыдно вспомнить, – либеральная, т.е. наша претендующая на либерализм журналистика – за то, что в одной из своих по крестьянскому вопросу статей в журнале А. И. Кошелева «Сельское благоустройство» Черкасский предполагал предоставить в селениях старшинам право наказывать провинившихся крестьян, за неимением других мер взыскания, несколькими ударами розог. Не ведая никаких условий народной жизни, не принимая никакого участия в тяжелых трудах по крепостному вопросу, нисколько не соображаясь с положением самих борцов за дело крестьянской свободы, только вскарабкавшись на ходули «цивилизации», наши арлекины либерализма и гуманности вместе с ругательствами присылали по почте целые пучки розог в редакцию «Сельского благоустройства»! О том же, как решался вопрос о наделе, пустоголовым крикунам не было дела. Не удивляйтесь, что я упомянул об этом, по-видимому, ничтожном, мелочном обстоятельстве: еще недавно, после двадцати лет, в некоторых петербургских журналах (и самых значительных) возобновлен покойному деятелю освобождения тот же шутовской упрек!

Призванный в члены редакционных комиссий для составления Положения о крестьянах, Черкасский переехал в

Петербург и сдружился на общей работе с Н. Милютиным и в особенности с Юрием Самариным. Сближение с последним, по собственному сознанию Черкасского, оказало на него значительное нравственное влияние. Дни и ночи самоотверженного одушевленного труда в течение более двух лет, постоянная упорная борьба, шаг за шагом, с могущественными противниками; хулы, клеветы, ненависть, остервенелая брань, – все пережитое и испытанное этими тремя главными работниками величайшего в мире благодетеля, вечной славы нынешнего Государя, – все это теперь уже мало ценится или позабыто. Но таково значение для России дела 19 февраля 1861 года, как бы оно ни было несовершенно в частности, что имена упомянутых деятелей должны бы произноситься не иначе, как с благоговейною признательностью!..

Это была лучшая эпоха в жизни князя Черкасского. По издании Положения и он, и Самарин поспешили на новый подвиг – практического применения своей работы к жизни: Самарин – в качестве члена губернского по крестьянским делам присутствия, в Самару; Черкасский – в должности мирового посредника, в родной Веневский уезд. Его разумные действия были тотчас же оценены как крестьянами, так и помощниками, и прежняя озлобленная вражда тульского дворянства к Черкасскому была вскоре оставлена.

После двух лет труда открылось новое поприще. Начался польский мятеж, испробованные способы укрощения и умирения не приводили к цели. Сила штыков при слабой мысли оказывалась недостаточной. Государю угодно было признать необходимость новых приемов и поручить дело Н. Милютину. Но Милютин не стал работать один, а пригласил к содействию своих обоих сподвижников крестьянского дела. С Высочайшего соизволения, но в качестве частных людей, Черкасский и Самарин вместе с Милютиным не без опасности для жизни объехали Царство Польское, и плодом их усиленных трудов явилось Положение 19 февраля 1864 года, наделившее польских крестьян землей и освободившее их от шляхетского материального гнета. По исполнении своей задачи Самарин возвратился

в Россию, а Черкасский по совету Милютина вступил в *первый* раз на службу – на должность главного директора Комиссии внутренних и духовных дел. Тут-то впервые обнаружил в себе Черкасский блистательные способности администратора в высшем политическом значении этого слова; впервые почувствовали польские мятежные паны и ксендзы присутствие новой, не проявлявшейся дотоле силы, силы мысли и сознательной воли. Русское знамя поручено было твердой и умной руке! Зато какой дружный поход озлобленной ненависти воздвигло против себя это новое невиданное пугало – *русский ум* – не только в польской среде, но и в Риме, и в Австрии, особенно когда Черкасский завел живые сношения с Галицией и с русскими униатами. Вообще в Австрии особенно ненавидели Черкасского, и были правы: Русь карпатская и Русь галицкая были его любимой, задушевной мечтой. В русской административной рутине новая струя мысли и сознательного русского национального чувства, внесенная Черкасским из общественной сферы, – Черкасским, прямо из общественных вольных деятелей, из мировых посредников вскочившим почти в министры, – представлялась также чем-то инородным, какой-то занозой, неспособной раствориться в этой стихии посредственности, бездарности и пошлости. Те, которые могли считать себе Черкасского будущим соперником и многочисленная дружина врагов, нажитая себе Черкасским за участие в Положении 19 февраля, и не менее многочисленная фаланга высокопоставленных иностранцев с русскими именами, не признающих в России ни русского народа, ни народности, ни истории, – всё и все, соединясь в общий стан, направили свои стрелы против Черкасского. Последнему было еще нетрудно действовать при поддержке Н. А. Милютина в Петербурге; но паралич, сразивший этого доблестного государственного мужа, и замена его другим заставили Черкасского выйти в отставку. Он был убежден, может быть, и ошибочно, что ему не будет дано прежнего простора для деятельности, что он не будет уже таким хозяином дела, каким был, – а он мог управлять делом только в качестве старшего, в качестве хозяина почти самовластного. Несколько более гиб-

кости, более ловкости, более терпения, более «корыстного расчета», и Черкасский остался бы, без сомнения, на службе и достиг бы, без сомнения, высших верхов знати и почести. Как согласить такой неблагоприятный образ действий Черкасского с представлением о честолюбце, лишенном всяких убеждений и руководящемся только соображением личных выгод?!.. Как ни желал он себе высшего административного поприща, где бы его силы могли найти себе полное развитие и применение, как ни клонило его в эту сторону – чести и власти, – был в нем, стало быть, какой-то нравственный центр тяжести, который перевесил расчет и поставил на своем...

Снова Черкасский в бездействии, но через два года снова выступает общественным деятелем уже в звании Московского городского головы... Здесь снова является такой эпизод его жизни, который совершенно противоречит понятию о Черкасском, сложившемуся во всех умах, даже очень близких к нему людей. Никто не мог себе объяснить, как «человек расчета», чуждый всяких увлечений, ловкий и т. д. мог совершить ту ошибку, которая заставила его сложить с себя звание головы и окончательно закрыла ему пути к высшим постам администрации. А между тем инициатива этой ошибки принадлежала всецело Черкасскому, хотя, по-видимому, самое дюжинное благоразумие способно было без труда предугадать, что лично для него она не может иметь иных последствий, кроме самых вредных. Как торжествовали его враги, как осмеивали его неловкость, не соображая, что подобную неловкость, подобную непоследовательность трудно, однако же, поставить в нравственную вину человеку. Да и не была ли эта непоследовательность только мнимой? Наперекор всем расчетам, не было ли в этом поступке чего-то такого, что согласовалось со внутренними, высшими требованиями его души?..

Тяжело было видеть Черкасского осужденным на жизнь частного человека, эти силы, эти способности бездействующими; но еще томительнее было ему самому. Он старался рассеяться путешествием по Европе, где все, от Бисмарка до Тьера, разом оценили его по достоинству и только дивились

России, небрегающей такими талантами. Но путешествие не могло удовлетворить жажду деятельности этого атлета работы. Годы проходили, силы ржавели в праздности, душу точило раздражение. Прошло шесть лет. Раздалось знаменитое царское слово 11 октября 1876 г., как дальний раскат грома, предвещавший военную бурю. Черкасский не счел для себя возможным оставаться в стороне и предоставил себя в распоряжение высшей власти. Настало его новое и последнее земное служение. Кроме обязанностей уполномоченного при действующей армии от центрального Петербургского управления Общества Красного Креста, доверие Государя Императора возложило на него звание заведующего гражданской частью во вновь занимаемом крае.

Если только представить себе исполинский объем, обстановку, все трудности порученной Черкасскому задачи, так можно лишь дивиться, как сумел одолеть ее Черкасский и дать ей удовлетворительное решение. Предстояло вводить гражданский строй в страну, политически не существовавшую, которая даже не имела и признанных географических очертаний, которая была дотоле не более как этнографическим термином; в страну почти неизвестную, о которой ни русская наука, ни Министерство иностранных дел не заготовили никаких точных сведений; в страну, постепенно отвоевываемую у неприятеля, так что нельзя было даже заложить общего фундамента сразу и вывести здание хоть вчерне, с тем чтобы потом заняться его отделкой и приспособить к жилью, а приходилось, держа общий план, общую систему в уме, строить кусками, то в одном, то в другом месте и, не имея целого, приводить в жизнь и в действие отдельные второстепенные части; наконец, в страну, представлявшую менее удобств для решения подобной задачи, чем даже какая-нибудь Ферганская область. В последней достаточно было сменить хана и высших чинов и воспользоваться существующим гражданским материалом; здесь же совершался целый социальный переворот, перемещение слоев населения. Весь верхний, правящий слой – турецкий – снимался или уничтожался; с появлением русского войска бежало

все, от паши до последнего каваса¹, рушился весь административный порядок: надлежало вновь созидать все сверху-донизу, спешно, без малейшего промедления.

Прибавьте к этому, что этот гражданский строй вводился на самом театре войны, по пятам воюющих войск, действующих естественно в сфере «военного положения», которое в то же самое время есть прямое отрицание гражданского! Рядом с насилием, хотя бы и организованным, приходилось водворять организованную свободу, законность, порядок, и в то же время удовлетворять военным потребностям трехсоттысячной армии! Идут полки, гонят турок, отнимают город; вслед за ними водворяется гражданское управление, – и новые полки, проходя, не имея уже права распоряжаться по военному положению, настойчиво предъявляют свои неотлагательные нужды к управлению, созданному лишь накануне! Сколько поводов обвинять это управление в недостатке порядка и распорядительности! Прибавьте к этому еще, что гражданскому организатору приходилось иметь дело с населением хотя и родственным, расположенным к нам, но терроризованным насилиями турок и нашими неудачами, – населением, от пятисотлетнего рабства лишившимся всякой инициативы. Да и какое же могло быть добровольное содействие болгар в тех местностях, например, которые переходили не раз от турок к русским и от русских к туркам? Могли ли болгары, особенно в селах, приниматься охотно за самоуправление по приглашению русских властей и способствовать успеху гражданской организации, имея пред собою пример Ени-Загры, Казанлыка, Елены? Вспомните, наконец, что до самого конца войны едва ли кому могло быть известно – вся ли Болгария или только небольшая часть ее будет освобождена, будет ли она независима или полузависима и какую получит политическую форму.

А между тем русское правительство не могло поступить иначе и ограничиться введением только военного управления, потому что военное управление упраздняется с отбытием войск, и тогда Болгария была бы ввергнута в тот хаос, в котором оставило ее падение турецкой администрации. Эта безурядица

могла бы подать Европе повод ко вмешательству и снова поднять вопрос о реформах посредством европейской комиссии; введением же гражданской организация Россия заявляла, что призывает Болгарию к немедленному самостоятельному бытию. И князь Черкасский, что бы ни говорили, с замечательным искусством решил эту, по-видимому, неразрешимую задачу. Введенное им гражданское управление не предопределяет и не исключает никакой политической формы; оно – необходимая принадлежность всякого благоустроенного гражданского организма. Для самоуправления сельского, земского и городского он дал широкий простор, воспользовавшись порядками, уже существовавшими при турках, и применив их к потребностям болгарской политической автономии. Благодаря ему, Болгария имеет теперь орудия, необходимые для самостоятельного национального развития и правильного, беспрепятственного отправления гражданской жизни. И при каких условиях совершил он этот высокий подвиг? Он не имел возможности свободного выбора подчиненных. Откуда было взять людей для наполнения должностных мест, когда болгары могли выставить лишь самое небольшое число образованных работников, и почти никого способного к административному делу?.. Один, вдалеке от России, без друзей и товарищей, среди тревог и лишений походной жизни, в суеде главной квартиры с ее многочисленным личным составом, среди пререканий всегда борющихся двух стихий, военной и гражданской, среди интриг и сплетен, неразлучных с высшими сферами власти; неся ответственность и пред армией за слабость гражданского управления и чуть ли не за всякого запуганного болгарина, и пред Болгарией и общественным мнением России – за каждый произвол воинского начальника и за каждую излишнюю ревность гражданских чиновников при удовлетворении военных нужд: вот та обстановка, при которой ему приходилось работать, та атмосфера, которой он дышал. В то же время он исполнял и другие, не менее тяжкие обязанности по званию уполномоченного Красного Креста и также конечно был осыпан градом разнообразнейших нареканий, как будто Красный Крест призван

удовлетворять всем санитарным нуждам армии и восполнять собой недостаточность военно-медицинского управления! Я, впрочем, не намерен касаться этой стороны его деятельности. Позволю себе заметить только одно: едва ли, не говоря уже о Бисмарке или Питте, но Пальмерстон или даже граф Андраши, которому сравнение с Черкасским, конечно, может быть только лестным, пригодились бы для звания уполномоченного Красного Креста при действующей армии. Эта высокопочтенная, благая деятельность едва ли требует способностей государственных, во всяком случае, требует способностей несколько иного калибра и иной категории. Замечу также, что князь Черкасский не щадил жизни при уборке раненых под Плевной и, по свидетельству иностранных корреспондентов, распоряжался делом под пулями с поразительным мужеством...

Не под силу было одному человеку нести такие задачи, такую тяготу труда, забот и борьбы. Он изнемогал от истомы и раздражения, – и раздражение плодило ему новых врагов... В то же время в дорогом отечестве нашлись досужие борзописцы, у которых хватило духа пустить по России лживые, дерзкие пасквили, зная, что в нашем обществе, при его детской незрелости, всякому печатному слову еще готовы дать веру; зная также, что обвиняемый, по отдаленности и по своему официальному положению, поставлен в невозможность опровергнуть клевету. Такие статьи, затрудняя задачи России возбуждением к ней недоверия в среде болгар, так совпадают с целями Англии и Австрии в настоящую пору, что можно было бы принять их писанными по иностранному заказу, если бы только они были дельнее и умнее. Но увы! – все это доморощенные продукты той нашей интеллигенции, преимущественно петербургской, которая своим лакейством пред Европой, своим отчуждением от русской народности обрекла себя на вечное недомыслие, вечное больное, худосочное детство...

Перейдя пешком Балканы и вступив вскоре потом, вместе с торжествующими нашими войсками, в Адрианополь, князь Черкасский, по его словам, был вознагражден этой миной за все 14 месяцев трудов и скорбей. Его благоговению

пред русским солдатом не было меры. На него и на русский народ возлагал Черкасский непоколебимую надежду за будущее России. «Всю ее держит, – писал он из-за Дуная, – на своих могучих плечах этот простой, этот сиволапый мужик!.. Все одолеет, все вынесет наш добрый, наш великий страсто-терпец – русский солдат!»

Я, может быть, слишком увлекся и подробнее, чем предполагал, изложил вам главные характеристически данные жизни князя Черкасского. Предлагаю вам самим сделать логическую посылку, добыть вывод и затем сверить его с обычными, банальными суждениями об этом великом гражданском бойце и доблестном подвижнике. В знаменательном совпадении дня смерти князя Черкасского со днем 19 февраля, днем освобождения русских крестьян и днем освобождения Болгарии, днем исполнения Россией своего великого исторического призвания, видится что-то свыше правосудное. Этой смертью как бы запечатлена вечная, неразрывная связь имени князя Черкасского с величайшими христианскими деяниями не только русской, но и всемирной истории...

**Из предисловия кн. О. Трубецкой к книге «Князь
В. А. Черкасский и его участие в разрешении
крестьянского вопроса. Материалы для биографии»**

В бытность свою в Париже, в начале зимы 1876 г., кн. В. А. Черкасский, уступая просьбам и убеждениям друзей и главным образом Ю. Ф. Самарина, принялся писать статью, которую думал издать в виде особой брошюры под заглавием: «Крестьянское дело в 1861 и 1876 г.». Он начал ее с торжественного посвящения: «Дорогой памяти всех тех остающихся в живых и отошедших в вечность друзей и недругов, кто на заре нынешнего благополучного царствования, в светлый день освобождения крестьян с чистым сердцем и искренней волей

трудились в губернских дворянских комитетах, редакционных комиссиях и Главном комитете над приисканием путей к решению задачи, последовательно томившей пять царствований и олицетворявшей лучшие чаяния русского общества».

К сожалению, от задуманного труда уцелело лишь несколько страниц черновой рукописи, напечатанной в посмертном сборнике статей и речей князя, и едва ли больше и было им написано. После долголетнего молчания, приступая к изложению созревших в нем убеждений по вопросу, имевшему для него первостепенную политическую важность, кн. Черкасский хотел в беседе с читателем проверить свою совесть и взвесить те побуждения, которые склонили его к писанию.

«Человек, – писал он, – в той или другой форме, более или менее близко прикасавшийся к государственной деятельности и в своей жизни хотя бы только два-три раза, в обстоятельствах чрезвычайных, на день или на два привлечший к себе доверие правительства и сознательно несший на себе лестное, но ответственное бремя власти, невольно приступает впоследствии не без некоторого недоумения к гласному, печатному обсуждению тех же самых, хотя бы и видоизменившихся, вопросов, которые составляли некогда предмет его деятельности в сферах правительственных. Если впечатление это не вполне покидает человека даже и в западноевропейском обществе, где гражданская и политическая личность деятелей несравненно самобытнее выделяется из общего государственного строя, всегда и всюду сохраняя за собой свою особую краску и резкую индивидуальность, то тем сильнее и, смею думать, законнее оно в нашем русском обществе, политические и гражданские условия которого, обусловленные нашим своеобразным историческим развитием, оставили сравнительно так мало простора личному развитию человека, где его личное значение так всецело расплывается и так быстро исчезает в безличной правительственной массе.

Более чем кто-либо я склонен думать, что это неслучайное условие нашей жизни налагает на русских людей особенные условия осторожного и скромного обхождения как с исто-

рической истиной ближайшего времени, так и с обсуждением современных политических вопросов. Этим взглядом я руководствовался в течение долгих лет и, находясь не у дел, хранил добросовестное молчание по множеству вопросов, возбуждавшихся в течение минувшего десятилетия, и из которых не один касался близко моих самых заветных убеждений».

Теперь раньше всего князь хотел уяснить себе вопрос: имеет ли он наравне со всяким другим нравственное право и возможность обсуждать современное положение крестьянского дела, взяться хладнокровно и беспристрастно за перо и подвести итоги под совершившиеся факты, чтобы извлечь из них и из своих личных наблюдений указания тех задач, которые в самом близком будущем неизбежно потребуют себе разрешения. Он спрашивал себя: не настала ли пора для всех жаждавших с юных лет совершения великого дела, счастливых свидетелей и участников в нем, – высказать с полной откровенностью свои последние выводы и заключения? Не обязаны ли они дать отчет в тех советах, которые в свое время давали правительству на свой страх? Если в чем ошибались – не пора ли признаться в ошибках, или же «во всеуслышание засвидетельствовать неизменность своего убеждения, избегая двусмысленного и лукавого молчания». Хотя князю казалось, что благоприятная минута для такой исповеди наступила, и что заданные им себе вопросы разрешаются сами собой их откровенной постановкой, однако набросавшее их перо выпало из рук, и статья осталась недописанной, как будто тогда лишь представилась ему во всей своей сложности трудная и щекотливая задача подвести свои и чужие итоги, быть судьей самого себя и других в деле, где было пережито столько взаимной страстной борьбы.

Приступая к настоящему изданию, мы не задавались мыслью подводить эти итоги за князя и писать историю крестьянского дела в губернских комитетах и редакционных комиссиях. Довольствуясь материалом, собранным в архиве кн. В. А. Черкасского, мы позволяли себе некоторые отступления лишь тогда, когда это представлялось необходимым для внутренней связи и освещения некоторых инцидентов, истинный

смысл и значение которых нельзя было бы понять, не поставив их в известные исторические рамки и не изложив вкратце ход дела или суть вопроса. Благодаря тем своеобразным условиям русской жизни, на которые указывал князь Черкасский, говоря о том, как быстро расплывается и исчезает личное значение человека в безличной правительственной массе, – часто теряются нити к разумению недавнего еще прошлого, и в истории каждого вопроса является столько непонятных противоречий, затемняющих их принципиальное значение и смысл данного им разрешения. Положение 19 февраля полно таких противоречий, в которых трудно разобраться, если не распутать сложные нити личных влияний и борьбы противоположных мнений и взглядов, сообщивших характер компромисса всей крестьянской реформе. Часто, как будто в укор князю Черкасскому, слышится обвинение, что он более, чем кто-либо другой, способствовал такому характеру реформы, возводя компромисс и уступки в вопросах государственной политики чуть ли не в теорию. Но вопрос в том, можно ли было привести дело к желанному окончанию без известных уступок временным требованиям действительности. «Законодательная работа, – писал как-то князю Ю. Ф. Самарин по этому поводу, – никогда не должна быть рассматриваема, как символ веры, а всегда имеет характер сделки между чаемой будущностью и всеми условиями настоящего».

Вспомним, для примера, как в бытность князя Черкасского членом Тульского губернского комитета мысль о выкупе занимала его, и как хлопотал он о ее популяризации. Однако по приезде в Петербург в мае 1859 г., находя правительство в полной нерешительности перед сложностью столь трудной финансовой операции, он писал И. С. Аксакову: «Нужно стараться главное о том, чтобы вопрос разрешился удовлетворительно для крестьян и, если можно, выхлопотать выкуп. Здесь меня бранят за то, что я слишком его требую настойчиво; в Москве думают, что нам стоит только заикнуться, чтоб его получить. Я же предложу вопрос: если и не будет выкупа, должны ли поэтому только мы удалиться из комиссии и пре-

доставить главное дело на произвол случайностей. Я твердо думаю – нет, и в этом смысле буду действовать по совести, как бы ни ругали меня».

В этих немногих словах характерно выражается взгляд князя Черкасского и его отношение к делу. Главная цель, главное дело, о котором князь говорит в своем письме – освобождение крестьян с достаточным наделом земли – служили путеводной звездой редакционным комиссиям и привели их к такой принципиальной постановке вопроса, что, несмотря на все недочеты, положение о крестьянах, выработанное ими, представляет в общем полную, строго определенную систему, набросанную с такой широтой, что комиссия могла связать и согласовать крестьянское дело со всеми последующими, в то время еще лишь чаемыми реформами. Указывая на эту черту, отметившую труды комиссий, князь Черкасский подчеркивает, что она может быть вполне оценена лишь теми, кто даст себе труд «вспомнить то полное отсутствие твердого плана и незыблемых, прочных оснований для крестьянского дела, какое в то время замечалось не только в обществе, но даже, к сожалению, и в среде огромного большинства государственных людей того времени».

В настоящее время, когда перед нами вновь выдвигается крестьянский вопрос в новой стадии своего развития, когда пересмотр крестьянского положения уже на очереди, – не бесполезно оглянуться на пройденный путь и уяснить себе все случайные и неслучайные изгибы его и уклонения, а также – остановиться с благодарной памятью на бескорыстных тружениках, благородное честолюбие которых преследовало лишь одну цель – служение верному делу правды и справедливости».

Кн. О. Трубецкая.
10 декабря 1903 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

Статьи В. А. Черкасского, записки, письма, речи (его и о нем), а также биографические справки, опубликованные до 1917 года, можно найти в следующих изданиях:

Черкасский В. А. Обзорение политических событий в Европе за 1855 г. – М., 1856.

Черкасский В. А., Милютин Н. А., Хрущев Д. П. Материалы для истории управления крепостного состояния помещичьих крестьян в царствование Александра II: В 3-х т. [Сборник]. – Берлин, 1860–1862.

Черкасский В. А. Его статьи, его речи и воспоминания о нем. – М.: Тип. П. А. Лебедева, 1879.

Черкасский Владимир Александрович // Энцикл. словарь / Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. – СПб., 1903. – Т. XXXVIII. – С. 573–575.

Черкасский Владимир Александрович // Русский биогр. слов.– СПб., 1905.– [Т. 22]. – С. 198–208.

Черкасский Владимир Александрович // Тульский биогр. слов.– Тула, 1996. – Т. 2. – С. 301–302.

Черкасский Владимир Александрович // Энцикл. словарь т-ва «Бр. А. и И. Гранат и К». – 7-е изд. – М., б.г.– Т. 45, ч. 3. – С. 729–731.

Трубецкая О. Князь В. А. Черкасский и его участие в разрешении крестьянского вопроса: Материалы для биографии. Т. 1, кн. 1, ч. 1–2. – М.: Тип. Лисснера и Гешеля, 1901.

Трубецкая О. Князь В. А. Черкасский и его участие в разрешении крестьянского вопроса: Материалы для биографии. Т. 1, кн. 2, ч. 3–4. – М.: Тип. Лисснера и Гешеля, 1904.

Общественно-политическая деятельность князя Черкасского отражена в работах:

Крыжановский Е. М. Князь В. А. Черкасский и холмские греко-униаты: В 2-х т. – М., 1879–1882.

Овсяный Н. Р. Русское управление в Болгарии 1887–1879 гг.: В 3-х т. – СПб.: Военно-историческая комиссия Главного штаба, 1906–1907. – Т. I. (Заведовавший гражданскими делами действующей армии кн. В. А. Черкасский).

Семевский В. И. Крестьянский вопрос в России в XVIII в. и первой половине XIX в.: В 2-х т. – М., 1886–89.

В советский период работы князя Черкасского не переиздавались. Его имя и деятельность упоминались лишь эпизодически, в отдельных изданиях:

Захарова Л. Г. Самодержавие и отмена крепостного права в России. 1856–1861. – М.: Изд-во МГУ, 1984. – 254 с. – Указ. имен: с. 250–253 [Черкасский В. А.].

Черкасский Владимир Александрович // Сов. историческая энцикл. – М., 1974. – Т. 15. – Стб. 842–843.

Черкасский Владимир Александрович // БСЭ. – 3-е изд. – М., 1978. – Т. 29. – С. 80.

В постсоветский период личность и общественно-политическая деятельность князя Черкасского освещалась в следующих статьях и монографиях:

Белоус А. Борец за свободу крестьян // Тула вечерняя. – 1994. – 22 февраля.

Голиков А. К. В. Черкасский / Мир политической мысли. Хрестоматия по политологии: В 4-х ч. – Ч. IV. Русская политическая мысль. – Кн. 5. XIX век / Под ред. А. К. Голикова, Б. А. Исаева и В. Е. Юстужева. – СПб, 2001. – С. 196–218.

Голиков А. К. Личность и государство в русской социально-философской и политической мысли (XIX– начало XX века). Монография. – СПб.: Нестор, 2004. – 372 с.

Крутиков В. Князь-реформатор Владимир Черкасский // Тул. известия. – 1998. – 21 июля.

В настоящем издании впервые после 1879 и 1904 годов публикуются статьи, записки, речи и письма князя В. А. Черкасского, а также тексты посвященных ему выступлений.

ПРЕДИСЛОВИЕ

¹ Кошелев А. И. Записки (1812–1883). – Берлин, 1884. – С. 84.

² Трубецкая О. Материалы для биографии кн. В. А. Черкасского: В 2-х т. – М., 1904. – Т. 1, кн. 2. – С. 123.

³ Там же. Т. I, кн. 1, с. 33.

⁴ Там же. Т. I, кн. 2, с. 348.

⁵ Там же. Т. I, кн. 1, с. 71–72.

⁶ Князь Владимир Александрович Черкасский. Его статьи, его речи и воспоминания о нем. – М., 1879. – С. 299.

⁷ Трубецкая О. Князь В. А. Черкасский и его участие в разрешении крестьянского вопроса. – М., 1901. – Т. 1, кн. 2, прилож. № 8. – С. 38.

⁸ Там же. Т. 1, кн. 1, с. 64–65.

⁹ См.: Князь Владимир Александрович Черкасский. Его статьи, его речи и воспоминания о нем. – М., 1879. – С. 75.

¹⁰ Трубецкая О. Князь В. А. Черкасский и его участие в решении крестьянского вопроса. – М.: Тип. Лисснера и Гешеля, 1901. – Т. 1, кн. 1, прилож. № 2. – С. 13.

¹¹ Князь Владимир Александрович Черкасский. Его статьи, его речи и воспоминания о нем. – С. 296.

¹² Там же. Т. 1, кн. 1, с. 41.

¹³ Там же, с. 42.

¹⁴ Там же, с. 127.

¹⁵ См.: Князь В. А. Черкасский и холмские греко-унииаты: В 2-х вып. – М., 1879. – С. 4–5, вып. 1.

¹⁵ Русское управление в Болгарии в 1887–78–79 гг.: В 3-х т. – СПб., 1906. – Т. 1. – С. 143.

I. СТАТЬИ КНЯЗЯ В. А. ЧЕРКАССКОГО

Обозрение политических событий в Европе за 1855 год

Впервые напечатана в 1-й книге «Русской беседы» в 1856 году.

Печатается по: Князь Владимир Александрович Черкасский. Его статьи, его речи и воспоминания о нем. – М., 1879. – С. 3–38.

¹ Священный союз (1815–1833) – объединение европейских монархов, возникшее после падения империи Наполеона I. 14 (26) сентября 1815 российский император Александр I, австрийский император Франц I и прусский король Фридрих Вильгельм III подписали в Париже т. наз. «Акт Священного союза», по которому его участники обязывались «во всяком случае и во всяком месте... подавать друг другу пособие, подкрепление и помощь». Цели участников «Акта» заключались в сохранении европейских границ, установленных Венским конгрессом 1815 года, и борьбе против всех проявлений «революционного духа».

² Декабрьский трактат – договор, заключенный в 1855 году между Францией с Великобританией с одной стороны и Австрией с другой и предусматривающий помощь последней Молдавии и Валахии в случае вторжения России.

³ Порта – принятое в истории дипломатии и международных отношений наименование правительства (канцелярия великого визиря и дивана) Османской (Оттоманской) империи, распавшейся после Первой мировой войны 1914–1918.

⁴ Пилисты – партия сторонников и последователей сэра Роберта Пиля, премьер-министра Великобритании в 1841–1846.

⁵ Пэры – звание высшей аристократии в Великобритании и Франции.

⁶ Тории – члены партии Тори, предшественницы современной консервативной партии Великобритании.

⁷ «Кредит Мобилер» («Credit Mobileur») – французский банк, основанный в 1852 году вследствие прихода к власти Наполеона III и ликвидированный в 1870 после его поражения. Оказал значительное влияние на экономику Франции.

⁸ Зундская пошлина – пошлина, взимаемая Данией с XV в. с иностранных судов за проход через пролив Эресунн (Зунд). С начала XIX в. большинство европейских стран выступает с требованиями отмены пошлины, что и было сделано Данией в 1857 году.

Протоколы Парижского конгресса

Впервые напечатана в 2-й книге «Русской беседы» 1856 года.

Печатается по: Князь Владимир Александрович Черкасский. Его статьи, его речи и воспоминания о нем. – М., 1879. – С.41–70.

¹ Парижский конгресс 1856 года проходил с 13 (25) февраля по 18 (30) марта; завершил Крымскую войну 1853–1856. В К. приняли участие представители России и находившихся с ней в состоянии войны Великобритании, Франции, Турции и Сардинии, а также Австрии и Пруссии, проводивших в период войны враждебную по отношению к России политику. В основу переговоров легли т. наз. «четыре условия» мирного договора (выдвинутые антирусской коалицией летом 1854 и рассматривавшиеся с участием России на Венской конференции 1855 года), а также добавленное к ним после падения Севастополя требование нейтрализации Черного моря. В ходе К. России удалось использовать противоречия между победителями и на основе некоторого сближения с Францией добиться смягчения условий мира. Подписанный на заключительном заседании К. Парижский мирный договор 1856 года провозглашал восстановление мира между участниками войны и предусматривал: возвращение Россией Турции г. Карса с крепостью в обмен на Севастополь и др. города в Крыму, занятые союзниками Турции; объявление Черного моря ней-

тральным с запрещением России и Турции иметь там военные флоты и арсеналы; провозглашение свободы судоходства по Дунаю под контролем 2 международных комиссий; передачу Россией Молдавии устья Дуная и примыкающей к нему части Южной Бессарабии; отмену права России «говорить в пользу» княжеств Молдавии и Валахии, установленного Кючук-Кайнарджийским мирным договором 1774 (окончательно статус этих княжеств был определен на Парижской конференции 1858 года); гарантии внутренней автономии Сербии, Молдавии и Валахии в рамках Османской империи.

К договору прилагались 3 конвенции: 1-я подтверждала Лондонскую конвенцию о проливах 1841, запретившую проход военных судов европейских держав через проливы Босфор и Дарданеллы; 2-я устанавливала ограничения в отношении кол-ва и водоизмещения легких военных судов России и Турции, предназначенных для несения сторожевой службы в Черном море (по 6 паровых судов в 800 т. и по 4 паровых или парусных судна в 200 т.); 3-я обязывала Россию не возводить военных укреплений на Аландских о-вах в Балтийском море. Вопрос о передаче покровительства над христианскими подданными Турции европейским державам был разрешен султанским рескриптом (хатти-гумаюном) от 18 ноября 1856, в котором объявлялась свобода всех христианских вероисповеданий.

Парижский мирный договор положил начало новому курсу внешней политики России. В условиях распада Священного союза, напряженности в русско-турецких отношениях и враждебного России курса Великобритании основные усилия российской дипломатии были направлены на дальнейшее сближение с Францией. Укрепление международного положения России позволило ей 19 (31) октября 1870 отменить ущемлявшие ее суверенитет положения Парижского мирного договора о нейтрализации Черного моря. Серьезные изменения в систему международных отношений на Балканах, созданную решениями К., внесли Русско-турецкая война 1877–78 гг. и завершивший ее Сан-Стефанский мирный договор 1878, а также Берлинский конгресс 1878 годов.

² Амьенская конференция – подписание мирного договора между Францией с ее союзниками и Англией в 1802 в Амьене (Франция), ознаменовало распад второй антифранцузской коалиции.

³ Хатти-гумаюн (Hatt-i Hümayun – **собственноручный декрет** (*тур.*)) – здесь и далее имеется в виду декрет султана Абдул-Меджида I, принятый 18 ноября 1856 года по настоянию Англии и Франции и уравнивавший христианских и мусульманских подданных Османской империи в правах.

⁴ Хатти-шериф Гюльханский (Гюльанейский) (Gülhane Hatt-i Şerif – высочайший декрет обители роз (*тур.*)) – манифест султана Абдул-Меджида I, определявший прогрессивные принципы новой политики турецкого правительства и ознаменовавший начало масштабной реформы – танзимата. Издан 3 ноября 1839 года.

⁵ Каперство – военные действия против военных судов и враждебных государств, осуществляемые частными судами-каперами, получившими на то специальное разрешение правительства.

⁶ Утрехтский мир – общее название ряда мирных договоров 1713 года, завершивших войну за Испанское наследство (1701–1714).

⁷ Парижский мир – Парижский мир – мирный договор 1763 года между Великобританией и Португалией с одной стороны и Францией и Испанией – с другой, завершивший участие этих стран в Семилетней войне 1756–1763.

⁸ Губертсбургский мир – мирный договор между Пруссией с одной стороны и Австрией и Саксонией – с другой, завершивший участие этих стран в Семилетней войне.

Обозрение внутреннего законодательства

Впервые напечатана в 3-й книге «Русской беседы» 1856 года.

Печатается по: Князь Владимир Александрович Черкасский. Его статьи, его речи и воспоминания о нем. – М., 1879. – С. 73–94.

¹ Кяхтинская торговля – русско-китайская торговля, названа по бурятскому городу Кяхта, расположенному на границе с Монголией и ставшему после заключения Буринского договора 1727 года центром торговых операций между Россией и Китаем.

Тройственный союз

Статья написана 15 апреля 1856. Впервые напечатана во 2-й книге «Русской беседы» в 1857 году.

Печатается по: Князь Владимир Александрович Черкасский. Его статьи, его речи и воспоминания о нем. – М., 1879. – С. 97–130.

¹ Непотизм (от лат. *nepos* – форма род. пад. слова «*perotis*» – внук, племянник) – раздача римскими папами доходных должностей, высших церковных званий и земель родственникам в целях укрепления своей власти. Был широко распространен в XV–XVI вв.

² Сент-джемский кабинет – название английского правительства по имени Сент-Джемского дворца – резиденции английских королей до 1697.

О сочинениях Монталамбера и Токвиля

Статья написана 15 апреля 1856. Впервые напечатана во 2-й книге «Русской беседы» в 1857 году.

Печатается по: Князь Владимир Александрович Черкасский. Его статьи, его речи и воспоминания о нем. – М., 1879. – С. 133–208.

¹ Нантский эдикт – французский закон 1598 года, окончательно даровавший французский протестантам-гугенотам вероисповедные права.

² *Pays d'états* – категория французских провинций, имевших право самостоятельно распределять взыскиваемую государством сумму между жителями через собственных должностных лиц.

³ Земельный налог в дореволюционной Франции, распространявшийся только на крестьян и неблагородных землевладельцев.

Два слова по поводу Восточного вопроса

Впервые напечатана в 4 книге «Русской беседы» в 1858 году.

Печатается по: Князь Владимир Александрович Черкасский. Его статьи, его речи и воспоминания о нем. – М., 1879. – С. 211–243.

¹ Богдыхан – титул китайского императора (от монг. богдохан) (*уст.*).

² Мандарин – китайский чиновник

³ Райя – первоначально обозначение всех подданных в мусульманских странах Ближнего и Среднего Востока; позднее – податное сословие (крестьяне и горожане).

⁴ Танзимат (от тур. *tanzimat* – приведение в порядок) – название реформы, проводившейся в Османской империи с 1839 по нач. 70-х гг. XIX в.

⁵ Бег (бей) (тюрк. – властитель, господин) – титул знати в странах Ближнего и Среднего Востока.

⁶ Фанариоты – от названия греческого квартала Фанара, представители греческого духовенства и торгово-денежной аристократии. В XVII в. пользовались особым влиянием при дворе султанов. В XVIII в. составляли значительную часть правящего подкласса на территориях вассальных Османской империи Молдавии и Валахии.

Несколько слов по поводу книги «История печати в Англии и Соединенных Штатов»

Статья написана в Туле 10 января 1859 года. Впервые напечатана во 2-й книге «Русской беседы» в 1859 году.

Печатается по: Князь Владимир Александрович Черкасский. Его статьи, его речи и воспоминания о нем. – М., 1879. – С. 247–256

О Православной церкви в Австрии и Турции

Неоконченная статья, писалась в конце 1857 года. Впервые напечатана: Князь Владимир Александрович Черкасский. Его статьи, его речи и воспоминания о нем. – М., 1879. С. 259–267.

Печатается по: Князь Владимир Александрович Черкасский. Его статьи, его речи и воспоминания о нем. – М., 1879. – С. 259–267.

II. ЗАПИСКИ КНЯЗЯ В. А. ЧЕРКАССКОГО ПО КРЕСТЬЯНСКОМУ ВОПРОСУ

1-й проект постепенного освобождения крестьян

Печатается по: Трубецкая О. Князь В. А. Черкасский и его участие в решении крестьянского вопроса. Т. 1, кн. 1, прилож. № 1. – М.: Тип. Лисснера и Гешеля, 1901. – С. 1–7.

Записка о лучших средствах к постепенному исходу из крепостного состояния

Написана в конце декабря 1856 года.

Печатается по: Трубецкая О. Князь В. А. Черкасский и его участие в решении крестьянского вопроса. Т. 1, кн. 1, прилож. № 2. – М.: Тип. Лисснера и Гешеля, 1901. – С. 11–67.

О главных и существеннейших условиях успеха нового Положения

Печатается по: Трубецкая О. Князь В. А. Черкасский и его участие в решении крестьянского вопроса. Т. 1, кн. 2, прилож. № 3. – М.: Тип. Лисснера и Гешеля, 1904. – С. 67–93.

¹ Иструб – *иск.* сруб, срубленная вчерне изба без крыши.

**Соображения по некоторым дополнительным
вопросам, имеющим связь с крестьянским делом**

Печатается по: Трубецкая О. Князь В. А. Черкасский и его участие в решении крестьянского вопроса. Т. 1, кн. 1, прилож. № 3. – М.: Тип. Лисснера и Гешеля, 1901. – С. 15–21.

**Записка кн. В. А. Черкасского, составленная по
поручению административного отделения**

Печатается по: Трубецкая О. Князь В. А. Черкасский и его участие в решении крестьянского вопроса. Т. 1, кн. 1, прилож. № 4. – М.: Тип. Лисснера и Гешеля, 1901. – С. 21–25.

Мнение кн. В. А. Черкасского «о наделе»

Записка написана 27 февраля 1859 года.

Печатается по: Трубецкая О. Князь В. А. Черкасский и его участие в решении крестьянского вопроса. Т. 1, кн. 1, прилож. № 17. – М.: Тип. Лисснера и Гешеля, 1901. – С. 152–167.

¹ Половническая система – вид аренды земли, при которой арендная плата составляет половину урожая.

О положении крестьянского дела

Печатается по: Трубецкая О. Князь В. А. Черкасский и его участие в решении крестьянского вопроса. Т. 1, кн. 1, прилож. № 8. – М.: Тип. Лисснера и Гешеля, 1901. – С. 36–49.

**Соображения по некоторым дополнительным
вопросам, имеющим связь с крестьянским делом**

Печатается по: Трубецкая О. Князь В. А. Черкасский и его участие в решении крестьянского вопроса. Т. 1, кн. 1. – М.: Тип. Лисснера и Гешеля, 1901. – С. 106–128.

Объяснительная записка к проекту устройства земских собраний и хозяйственного управления

Печатается по: Трубецкая О. Князь В. А. Черкасский и его участие в решении крестьянского вопроса. Т. 1, кн. 1. – М.: Тип. Лисснера и Гешеля, 1901. – С. 106–128.

Крестьянское дело в 1861 и 1876 году

Начальные страницы задуманного большого сочинения написаны предположительно в конце 1877 года.

Впервые напечатана: Князь Владимир Александрович Черкасский. Его статьи, его речи и воспоминания о нем. – М., 1879. – С. 271–276.

III. РЕЧИ КНЯЗЯ В. А. ЧЕРКАССКОГО

Студенческое воспоминание

Печатается по: Печатается по: Князь Владимир Александрович Черкасский. Его статьи, его речи и воспоминания о нем. – М., 1879. – С. VII–X.

¹Колонат – особая форма производственных взаимоотношений между непосредственным производителем и крупным землевладельцем, наиболее распространенная система земельного держания в поздней Римской империи.

²Емфитевзис – в ряде античных государств вид долгосрочной аренды земельных участков.

Набросок речи к мировым посредникам Тульской губернии (1861)

Печатается по: Князь Владимир Александрович Черкасский. Его статьи, его речи и воспоминания о нем. – М., 1879. – С. 279–280.

**Речь, сказанная в Варшаве
перед вступлением в управление Комиссией
внутренних дел в 1864 году**

Печатается по: Князь Владимир Александрович Черкасский. Его статьи, его речи и воспоминания о нем. – М., 1879. – С. 281–282.

**Речь во время Первого всеславянского
съезда на празднике в Москве в
Сокольничьей роще, 21 мая 1867 года**

Печатается по: Князь Владимир Александрович Черкасский. Его статьи, его речи и воспоминания о нем. – М., 1879. – С. 281–289.

Речь на заседании Общей Думы 29 апреля 1869 года

Печатается по: Князь Владимир Александрович Черкасский. Его статьи, его речи и воспоминания о нем. – М., 1879. – С. 290–293.

**Речь на прощальном обеде,
который был дан князю Черкасскому
Московской Городской Думой по выходе его
из должности городского головы, 6 апреля 1871 года**

Печатается по: Князь Владимир Александрович Черкасский. Его статьи, его речи и воспоминания о нем. – М., 1879. – С. 290–293.

Речь на юбилее М. П. Погодина 29 декабря 1872 года

Печатается по: Князь Владимир Александрович Черкасский. Его статьи, его речи и воспоминания о нем. – М., 1879. – С. 300–303.

**Из речи в Московском губернском земском
собрании 8 января 1877 года**

Печатается по: Князь Владимир Александрович Черкасский. Его статьи, его речи и воспоминания о нем. – М., 1879. – С. 304–312.

**IV. ПИСЬМА КНЯЗЯ В. А. ЧЕРКАССКОГО
В ПЕРИОД ПОДГОТОВКИ И НАЧАЛА
РЕАЛИЗАЦИИ КРЕСТЬЯНСКОЙ РЕФОРМЫ**

**Письмо кн. В. А. Черкасского А. И.
Кошелеву и Ю. Ф. Самарину**

Печатается по: Трубецкая О. Князь В. А. Черкасский и его участие в решении крестьянского вопроса. Т. 1, кн. 1, прилож. № 7. – М.: Тип. Лисснера и Гешеля, 1901. – С. 3–36.

Письмо В. Черкасского А. Кошелеву

Печатается по: Трубецкая О. Князь В. А. Черкасский и его участие в решении крестьянского вопроса. Т. 1, кн. 1. – М.: Тип. Лисснера и Гешеля, 1901. – С. 246–256.

Письмо кн. В. А. Черкасского – Ю. Ф. Самарину

Печатается по: Трубецкая О. Князь В. А. Черкасский и его участие в решении крестьянского вопроса. Т. 1, кн. 1. – М.: Тип. Лисснера и Гешеля, 1901. – С. 296–303.

Письмо кн. Черкасского Ю. Ф. Самарину

Печатается по: Трубецкая О. Князь В. А. Черкасский и его участие в решении крестьянского вопроса. Т. 1, кн. 1. – М.: Тип. Лисснера и Гешеля, 1901. – С. 390–392.

Письмо кн. Черкасского Я. А. Соловьеву

Печатается по: Трубецкая О. Князь В. А. Черкасский и его участие в решении крестьянского вопроса. Т. 1, кн. 1. – М.: Тип. Лисснера и Гешеля, 1901. – С. 394–397.

Письмо кн. В. А. Черкасского Ю. Ф. Самарину

Печатается по: Трубецкая О. Князь В. А. Черкасский и его участие в решении крестьянского вопроса. Т. 1, кн. 1. – М.: Тип. Лисснера и Гешеля, 1901. – С. 431–435.

**V. ПОСЛЕДНИЕ ДНИ ЖИЗНИ КНЯЗЯ В. А.
ЧЕРКАССКОГО И ПАМЯТНЫЕ РЕЧИ О НЕМ**

**О последних днях жизни и кончине
князя В. А. Черкасского**

Печатается по: Князь Владимир Александрович Черкасский. Его статьи, его речи и воспоминания о нем. – М., 1879. – С. 351–370.

¹ Конак – дворец, дом сановника на Балканском полуострове и в Турции.

² Чауш – страж, пристав (*тур.*).

Речь князя А. Васильчикова

Печатается по: Князь Владимир Александрович Черкасский. Его статьи, его речи и воспоминания о нем. – М., 1879. – С. 343–345.

Речь кн. А. А. Щербатова

Печатается по: Князь Владимир Александрович Черкасский. Его статьи, его речи и воспоминания о нем. – М., 1879. – С. 316–317.

Речь И. С. Аксакова

Печатается по: Князь Владимир Александрович Черкасский. Его статьи, его речи и воспоминания о нем. – М., 1879. – С. 317–320.

Речь Д. Ф. Самарина

Печатается по: Князь Владимир Александрович Черкасский. Его статьи, его речи и воспоминания о нем. – М., 1879. – С. 320–321.

Болгары о кн. Черкасском

Печатается по: Князь Владимир Александрович Черкасский. Его статьи, его речи и воспоминания о нем. – М., 1879. – С. 346–348.

¹ Вали – должность в администрации исламских стран, соответствующая должности наместника провинции или другой административной единицы, на которые делится страна.

² Чорбаджи (от тур. *çorbaci* – господин) – в Болгарии до освобождения страны от турецкого ига – представитель социальных слоев, связанных с турецкой администрацией.

Речь И. С. Аксакова на публичном заседании Славянского Благотворительного Общества 5 марта 1878 года

Печатается по: Князь Владимир Александрович Черкасский. Его статьи, его речи и воспоминания о нем. – М., 1879. – С. 322–337.

¹ Кавас – название мусульманской почетной стражи, а равно и особ, приставляемых к послам и дипломатическим агентам.

**Из предисловия кн. О. Трубецкой к книге
«Князь В. А. Черкасский и его участие в решении
крестьянского вопроса. Материалы для биографии»**

Печатается по: Трубецкая О. Князь В. А. Черкасский и его участие в решении крестьянского вопроса. Т. 1, кн. 1. – М.: Тип. Лиснера и Гешеля, 1901. – С. 1–7.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Абдул-Меджид I (1823–1861) – султан Османской империи – 224.

Абердин Джордж Гамильтон Гордон (1784–1860) – английский политический деятель, премьер-министр Великобритании во время Крымской войны – 31, 38–39, 87, 118–119.

Август Гай Октавий (63 до н.э.–14 н.э.) – римский император – 143.

Адемар (XIX в.) – посланник Франции в Лондоне – 28.

Адлерберг Александр Владимирович (1818–1888) – граф, генерал, государственный деятель – 7.

Аксаков Иван Сергеевич (1823–1886) – публицист, редактор-издатель, поэт и критик, один из идеологов славянофильства – 5, 11, 380, 464, 474, 518, 525, 543.

Аксаков Константин Сергеевич (1817–1860) – славянофил, историк, публицист – 6, 8, 11 .

Александр I Благословенный (1777–1825) – Император Всероссийский – 25, 28, 61, 83, 89–90, 108, 169, 218, 276, 299, 303, 337, 394, 436, 444.

Александр II Освободитель (1818–1881) – Император Всероссийский – 7, 12, 23, 66, 92, 98, 393–394, 402, 409, 417, 433, 440, 447, 497, 533, 546.

Али-паша Мехмед Эмин (1815–1871) – великий визирь Османской империи – 64, 51, 87.

Алтыналмаз – грек, принимавший в своем доме в Адрианополе князя Черкасского – 501.

Альба Фердинанд Альварец де Толедо (1508–1582) – герцог, испанский военачальник – 178.

Амвросий (в миру Ключарев Алексей Иосифович) (1821–1901) – архиепископ Харьковский и Ахтырский, церковно-общественный деятель и проповедник – 513.

Андраши Дьюла (1823–1890) – граф, венгерский государственный и политический деятель – 539.

Анна Иоанновна (1693–1740) – Императрица Всероссийская, племянница *Петра I* – 390.

Анучин Дмитрий Гаврилович (1833–1900) – генерал-губернатор Восточной Сибири, военный писатель – 511.

Арсений III (Черноевич) († 1706) – Патриарх Сербский – 259.

Аугсбургская газета – см. *Allgemeine Zeitung*.

Аффр Дени-Август (1793–1848) – архиепископ Парижский, убит во время революции 1848 – 135.

Балдуин – имя нескольких членов правившего во Фландрии графского дома, которые, отправившись на Святую Землю как крестоносцы, стали в XII веке иерусалимскими королями, а в XIII – императорами Латинской империи – 52.

Баринг Бингэм (1799–1864) – барон, английский банкир и политик – 38.

Бартелеми Франсуа (1750–1830) – маркиз, французский дипломат и политик – 28.

Бах Александр (1813–1884) – барон, австрийский государственный деятель, министр юстиции, внутренних дел – 139.

Бахтияров – предводитель дворянства Ефремовского уезда Тульской губернии в 1859 – 382.

Беляев Иван Дмитриевич (1810–1873) – историк-юрист славянофил – 9.

Бибиков Дмитрий Гаврилович (1792–1870) – государственный деятель – 375–378.

Бисмарк-Шёнхаузен Отто-Эдуард-Леопольд (1815–1898) – граф, прусский государственный деятель, канцлер – 535, 539.

Благоустройство – см. *Сельское благоустройство*.

Бланк Огюст (1805–1808) – французский социалист и революционер – 221.

Бобринский Алексей Алексеевич (1800–1868) – граф, сельскохозяйственный деятель – 291–292, 370.

Бобчев Стефан (1853–1940) – болгарский писатель и общественный деятель – 23, 524.

Боголюбов Андрей Андреевич (1841–1909) – русский военный агент в Черногории, впоследствии губернатор Закаспийской области – 507.

Бодянский Осип Максимович (1808–1877) – филолог и историк – 440.

Болгарин – газета, издавалась в Бухаресте во второй половине XIX в. – 522.

Брайт Джон (1811–1889) – английский политический деятель – 41, 137.

Броглио (Брой) Леонс-Виктор де (1785–1870) – французский политический деятель – 134.

Брук Карл Людвиг (1798–1860) – австрийский политический деятель – 48–49, 138–139.

Брунов Филипп Иванович (1797–1875) – барон, политик, дипломат – 69.

Буль – см. *Буль-Шауэнштейн*.

Буль-Шауэнштейн Карл Фердинанд (1797–1865) – австрийский политик, дипломат – 29–30, 64–65, 67, 71–73.

Бурбоны – европейская династия, младшая ветвь рода Капетингов – 145.

Бурк Эдмунд (1729–1797) – английский политик и философ – 156.

Буркенеи (Буркене) Франсуа Адольф де (1799–1869) – барон, французский дипломат – 31, 64.

Валевский (Колонна-Валевский) Александр Жозеф Флориан (1810–1868) – французский политик и дипломат – 32, 62, 67–74, 76.

Валуев Петр Александрович (1815–1890) – граф, государственный деятель – 490–491.

Вальполь (Уолпол) Роберт (1767–1745) – граф, английский государственный деятель – 157.

Варрон Гай Теренций (III в. до н.э.) – римский государственный и военный деятель – 150.

Васильчиков Александр Илларионович (1818–1881) – князь, экономист, мыслитель – 513, 526–527.

Васильчиков Петр Алексеевич (1829–1898) – князь, шурин В. А. Черкасского – 512.

Васильчиков (в замужестве Черкасская) Екатерина Алексеевна (1825–1888) – супруга В. А. Черкасского – 10.

Васильчиковы – дворянский род – 11.

Ват Тилер (Уот Тайлер) († 1381) – предводитель крестьянского восстания в Англии – 161.

Вашингтон Джордж (1733–1766) – первый президент США – 167.

Веллингтон Колли-Уэлсли Артур (1769–1852) – герцог, английский военный деятель – 150, 174.

Вергилий Марон Публий (70–19 до н.э.) – римский поэт – 410.

Вержень Шарль де (1717–1787) – граф, французский государственный деятель, дипломат – 28.

Верон Луи Дезире (1798–1867) – французский журналист и политик – 145.

Викенель Огюст († 1867) – французский геолог – 221.

Викентий (Винсент) де Поль (1581–1660) – французский католический святой – 263.

Виктор Эммануил II (1820–1878) – король Сардинского королевства, первый король единой Италии – 60.

Виктория (1819–1901) – королева Великобритании – 60.

Вильгельм I (1781–1864) – король Вюртембергский – 80.

Виндишгриц (Виндишгрец) Альфред Кандид Фердинанд (1787–1862) – князь, австрийский государственный деятель – 85.

Вобан Себастьян (1633–1707) – маршал Франции, военный инженер – 193.

Волоцкий Сергей Алексеевич (XIX в.) – полковник, участвовал в подготовке Крестьянской реформы – 373, 375.

Габсбурги – королевская династия, правившая в Священной Римской империи, Австрии, Чехии, Венгрии и Испании – 26, 116.

Газета берлинской биржи – см. *Berliner Borsenzeitung*.

Галл А. А. – гофмаршал Великого князя *Николая Николаевича* – 506.

Гампден (Гемпден) Джон (1594–1643) – деятель Английской революции XVII в. – 167.

Ганнибал (Аннибал) (ок. 270–183 до н.э.) – карфагенский полководец, возглавивший многолетнюю войну с Римом – 150.

Гаррис – см. *Мальмсбери*.

Гизо Франсуа-Пьер-Гийом (1787–1874) – французский политик и историк – 134.

Гильфердинг Александр Федорович (1831–1872) – славянофил, собиратель и исследователь русского фольклора – 222, 232, 238.

Глебов Владимир Петрович (1848–1926) – уполномоченный Красного Креста в ходе Русско-турецкой войны 1877–78 – 504.

Глыбина – сестра милосердия, ухаживавшая за В. А. Черкасским в Адрианополе – 505.

Годунов Борис (1552–1605) – русский царь – 390.

Головацкий Яков Федорович (1814–1888) – ученый, фольклорист, поэт – 439–440.

Головнин Александр Васильевич (1821–1886) – государственный деятель – 490.

Горчаков Александр Михайлович (1798–1883) – князь, государственный деятель, дипломат – 31–32, 87, 110, 128, 430.

Грановский Тимофей Николаевич (1813–1855) – историк и социолог – 429.

Григорий (в миру Георг Немцов) (ок. 1828–1898) – митрополит Рущукский (Русенский) – 512.

Григорий (Яхимович) (1792–1863) – митрополит Галицкий – 440.

Григорьев Аполлон Александрович (1822–1864) – поэт, философ – 6.

Гутри Джеймс (1792–1869) – американский государственный деятель – 55.

Гюбнер Александр (1811–1892) – граф, австрийский дипломат – 67.

Двусветное обозрение – см. *Revue des deux monds*.

Дедицкий Богдан Андреевич (1827–1909) – галицко-русский журналист – 441.

Делоне Борис Петрович († 1887) – военный доктор, ухаживавший за В. А. Черкасским в его последние дни – 505–507, 509–511.

Денисьев – поручик Орловского полка на Русско-турецкой войне 1877–78 – 497.

День – ежемесячный журнал славянофильского направления, издавался в 1861–1865 – 411.

Дерби Смит-Стенли Эдвард (1799–1869) – граф, английский государственный деятель – 38, 40.

Джон Буль – шутовское прозвище англичан – 83.

Дизраэли Бенджамин (1804–1881) – английский государственный деятель – 117–118.

Дионисий V (1820–1891) – митрополит Адрианопольский, впоследствии Патриарх Константинопольский – 501, 511.

Друэн де Льюис Эдуард (1805–1881) – французский государственный деятель – 30–32.

Дубельт Леонтий Васильевич (1792–1862) – военный деятель, руководитель III Отделения – 531.

Екатерина II Великая (1729–1796) – Императрица Всероссийская – 16–17, 27–28, 74–76, 89–90, 109, 216, 256, 273, 299, 327, 331.

Елагин – соученик В. А. Черкасского по Московскому университету – 430.

Елена Павловна (Фредерика-Шарлотта-Мария) (1806–1873) – Великая княгиня – 13, 332.

Жупан – адрианопольский врач, осматривавший В. А. Черкасского – 505.

Журнал землевладельцев – общественно-политический журнал, издавался в Москве в 1858–1859 – 385.

Завойко Василий Степанович (1810–1898) – адмирал, военный губернатор Камчатки – 35.

Зеебах Лео († после 1856) – саксонский дипломат – 57.

Зинаида – монахиня болгарского женского монастыря близ Казанлыка – 498.

Зубрицкий Денис Иванович (1777–1862) – галицко-русский ученый, историк – 440.

Игнатъев Николай Павлович (1832–1908) – граф, дипломат-панславист, политик – 502, 508–509.

Игнатъев Павел Николаевич (1797–1879) – граф, санкт-петербургский генерал-губернатор – 373.

Игнатъева (урожд. Голицына) Екатерина Леонидовна (1842–1917) – супруга графа Н. П. Игнатъева – 508.

Идаров Темрюк († 70-е гг. XVI в) – старший князь Кабарды предок В. А. Черкасского – 9.

Илья – солдат, спутник В. А. Черкасского в переходах во время Русско-турецкой войны 1877–78 – 496.

Инал – легендарный родоначальник кабардинских князей – 9.

Иннокентий (в миру Иван Евсеевич Попов-Вениаминов) (1797–1879) – свт., митрополит Московский и Коломенский, апостол Америки и Сибири – 35.

Иоанн II Добрый (1319–1364) – король Франции – 205.

Иоанн III (1440–1505) – Великий Князь Московский – 281.

Иоанн IV Грозный (1530–1584) – первый русский царь – 148.

Иосиф I (Иовчев) († 1915) – Экзарх Болгарский – 512.

Иосиф II Австрийский (1741–1790) – император Священной Римской империи – 27, 67, 216, 276.

Исаков П. Н. – уполномоченный Красного Креста в ходе Русско-турецкой войны 1877–78 – 504.

Кавелин Константин Дмитриевич (1818–1885) – правовед, историк, публицист – 19.

Кавеньяк Луи Эжен (1802–1857) – генерал, военный министр французского Временного правительства – 183.

Кавур Камилло (1810–1861) – граф, лидер национального объединения Италии – 70–72, 419.

Камбулатовичи – ветвь рода Черкасских, берущая начало от князя Бориса Камбулатовича – 9.

Каннинг Джордж (1770–1827) – английский государственный деятель – 217, 247.

Канробер Франсуа (1809–1895) – маршал, французский военный деятель – 52.

Карл VI (1685–1740) – австрийский император, значительно расширивший территорию Австрии – 205.

Карл VII (1403–1461) – король Франции – 205.

Карл X (1757–1836) – король Франции – 217.

Карлейль Томас (1795–1881) – английский философ, историк и публицист – 152.

Карл-Фердинанд (1818–1874) – эрцгерцог Австрийский – 80.

Кастльрей (Каслрей) Стюарт Роберт (1769–1822) – виконт, английский государственный деятель – 217.

Каули (Коули) Уэлсли Генри Ричард Чарльз (1804–1884) – виконт, английский дипломат – 63.

Кене Франсуа (1694–1774) – французский экономист – 186.

Кеппен Петр Иванович (1793–1864) – статистик – 275, 313.

Киреев Александр Алексеевич (1833–1911) – генерал, русский военный и общественный деятель – 380.

Киреевский Иван Васильевич (1806–1856) – философ, публицист, один из идеологов славянофильства – 11.

Кларендон Вильерс Джордж Уильям (1800–1870) – граф, английский политический деятель – 30, 65, 69–70, 72–74.

Кобден Ричард (1804–1865) – английский политический деятель – 41, 137.

Комин Филипп де (ок. 1447–1511) – французский историк – 205.

Котошихин Григорий Карлович (ок. 1630–1667) – подьячий, писатель – 390.

Кошелев Александр Иванович (1806–1883) – публицист, общественный деятель – 6, 11–12, 300, 462–476, 493, 532.

Крылов Никита Иванович (1807–1879) – юрист – 9, 428.

Ламартин Альфонс (1791–1869) – французский поэт, историк и политический деятель – 163.

Ландсдоун (Лансдоун) Петти-Фицморис Генри (1780–1863) – маркиз, английский политический деятель – 38.

Ланской Сергей Степанович (1787–1862) – государственный деятель, министр внутренних дел – 372.

Левицкий – участвовал в подготовке Крестьянской реформы – 373.

Лейнинген-Вестербург Христиан Франц (1812–1856) – граф, австрийский генерал, чрезвычайный австрийский посланник во время Крымской войны – 28.

Лейхтенбергский, герцог – см. *Романовский*.

Леммель (XIX в.) – австрийский банкир – 48.

Ленг Сэмюэль (1810–1897) – английский финансист и политический деятель – 38.

Леннокс Чарльз (1735–1806) – герцог Ричмондский, английский политический деятель – 156.

Ленорман Франсуа (1837–1883) – французский археолог и филолог – 172.

Леонтьев Константин Николаевич (1831–1891) – философ, писатель и публицист – 430.

Лессепс Фердинанд (1805–1894) – французский инженер, автор проекта Суэцкого канала – 124.

Ливчак Иосиф Николаевич (1839–1914) – изобретатель, писатель – 441.

Линдгорст (Линдхерст) Синглтон Копли Джон (1772–1863) – барон, английский юрист и политический деятель – 65.

Ло Джон (1671–1729) – французский финансист еврейского происхождения – 198.

Лок-Кинг Питер Джон (1811–1885) – английский политический деятель – 138, 177.

Лондонская газета – см. *London gazette*.

Лукьянов С. И. – правовед, участник разработки Тырновской конституции Болгарии 1879 года – 512.

Людовик IX Святой (1214–1270) – король Франции – 193.

Людовик XI (1423–1483) – король Франции – 148.

Людовик XIV (1638–1715) – король Франции – 161.

Людовик XV (1423–1483) – король Франции – 187.

Людовик XVI (1754–1793) – король Франции – 26, 193.

Людовик XVIII (1755–1824) – король Франции – 82.

Людовик Филипп I (1773–1850) – король Франции – 26–27, 115, 182.

Людовик Наполеон – см. *Наполеон III*.

Лямин Иван Артемьевич (1822–1894) – купец, Московский городской голова – 448, 450.

Магомет II Завоеватель (1432–1481) – султан Османской империи – 229.

Мальмсбери Гаррис (Харрис) Джеймс (1746–1820) – граф, английский государственный деятель – 75.

Мантейфель Эдвин Рохус фон Карл (1809–1885) – барон, генерал-фельдмаршал, прусский военный деятель и дипломат – 70, 72–73.

Марианна – тайное революционно-социалистическое общество во Франции в 1850-х гг. – 135.

Мария Александровна (1824–1880) – Императрица, супруга *Александр II* – 384.

Марков – участник разработки Крестьянской реформы – 373, 380.

Марси Уильям (1786–1857) – американский государственный секретарь (министр иностранных дел) – 53.

Матье – французский писатель – 221, 232–233, 236.

Мельников Павел Петрович (1804–1880) – инженер-транспортник и государственный деятель – 491.

Меньшиков Александр Сергеевич (1787–1869) – государственный деятель и дипломат – 27–28.

Меттерних Клеменс (1773–1859) – князь, австрийский государственный деятель, канцлер Австро-Венгрии – 26–28, 215.

Мехмет (Мухаммед)-Али Египетский (1769–1849) – правитель Египта – 224.

Миллер – адъютант военного министра *Д. А. Милютин* – 507.

Милютин Дмитрий Алексеевич (1816–1912) – граф, военный и государственный деятель – 507, 509.

Милютин Николай Алексеевич (1818–1872) – государственный деятель – 20, 473, 483, 533–534.

Милютин Юрий Николаевич (1856–1872) – общественный деятель, журналист – 507.

Милютин – одна из дочерей *Н. А. Милютин* – 507.

Михаил (Куземский) (1808–1876) – униатский епископ Холмский – 440.

Михаил Керулларий I (ок. 1000–1059) – Патриарх Константинопольский – 263.

Моллиен (Мольен) Николя-Франсуа (1758–1850) – граф, французский государственный деятель – 133.

Монитор – см. *Moniteur Universel*.

Монталамбер Шарль-Форб де Трион (1810–1870) – граф, французский политический деятель, писатель – 12, 101–102, 134, 141–142, 145, 148–149, 151–154, 156–160, 163, 165, 167, 169–170, 172–173, 176–179, 181–182, 186, 190, 195, 211, 246.

Моренгейм Артур (Артемий) Павлович (1824–1907) – барон, дипломат – 430.

Москвитянин – «учено-литературный журнал», издавался *М. П. Погодиным* в Москве в 1841–1856 – 427.

Московский сборник – литературно-художественный сборник работ славянофилов, выходил в 1846, 1847 и 1852 – 11–12, 531.

Муравьев-Амурский Николай Николаевич (1809–1881) – граф, государственный деятель – 10, 35.

Муррей Чарльз Огастас (1806–1895) – английский дипломат – 35.

Назимов Владимир Иванович (1802–1874) – генерал, государственный деятель, виленский генерал-губернатор – 372.

Наполеон I (Бонапарт) (1769–1821) – французский император – 26, 28, 35, 61, 77, 112–113, 115, 132, 151, 172, 174, 196, 216.

Наполеон II (1811–1832) – король Римский, сын *Наполеона I* – 26.

Наполеон III (Людовик-Наполеон) (1808–1873) – племянник *Наполеона I*, император Франции – 28, 30–32, 46–47, 56–57, 60, 68–69, 74, 87, 112, 114, 116, 119, 121–124, 130–133, 135, 143, 145–146, , 183, 211–213, 245, 250, 419.

Насреддин-шах Каджар (1831–1896) – шах Персии – 34–35.

Наумович Иоанн Григорьевич (1826–1891) – протоиерей, писатель-просветитель, общественный деятель – 440.

Небольсин Григорий Павлович (1811–1896) – экономист, государственный деятель – 94.

Неккер Жак (1732–1804) – французский финансист и государственный деятель – 193.

Неклюдов П. В. – секретарь В. А. Черкасского – 495, 497, 501, 503–506, 508–512.

Нелидов Александр Иванович (1835–1910) – государственный деятель, дипломат – 497, 511, .

Непир Чарльз (1786–1860) – английский адмирал, командующий английским флотом в ходе Крымской войны – 37, 122.

Нессельроде Карл Васильевич (1780–1862) – граф, государственный деятель, канцлер – 87.

Нибур Бартольд-Георг (1776–1831) – немецкий историк – 429.

Николай I (1796–1855) – Император Всероссийский – 25, 89, 299, 331, 394, 426.

Николай Николаевич (старший) (1831–1891) – великий князь, главнокомандующий русской армией в ходе Русско-турецкой войны 1877–78 – 497, 499–500, 503–504, 506–508, 511.

Новосильцев – помещик, соученик В. А. Черкасского по Московскому университету – 430.

Норт Фредерик (1732–1792) – граф, английский государственный деятель – 76.

Обермиллер – военный доктор, ухаживавший за В. А. Черкасским в его последние недели – 504, 510–511.

Олсуфьев Алексей Васильевич (1831–1915) – граф, филолог, писатель – 495–498.

Омер-паша (Михаил Латас) (1806–1871) – османский военачальник – 34, 233.

Орлеанский дом (семейство) – младшие ветви королевских династий Валуа и Бурбонов – 36, 47, 115, 131, 145, 217.

Орлов Алексей Федорович (1786–1861) – граф, дипломат – 64, 70, 74, 78.

Орлов Алексей Федорович (1787–1862) – князь, государственный деятель, председатель Государственного Совета – 405.

Орри Филибер (1689–1747) – граф, французский государственный деятель – 206.

Оскар I (1799–1859) – король Швеции – 80.

Осман-паша (1832–1900) – маршал, османский военачальник – 226, 512.

Павел I (1754–1801) – Император Всероссийский – 89, 273.

Пальмерстон Темпл Генри Джон (1784–1865) – виконт, премьер-министр Великобритании в период Крымской войны – 30, 38–39, 65, 71, 81, 83, 86, 117–119, 136–138 539, .

Панарет (Мишайков) (1805–1883) – митрополит Пловдивский – 512.

Панин Виктор Никитич (1801–1874) – граф, государственный деятель – 482.

Панмюр Фокс Мол (1801–1874) – барон, английский государственный деятель – 38.

Пелисье Эмабль Жан-Жак (1794–1864) – маршал, французский военный деятель – 34, 132.

Персеваль Спенсер (1762–1812) – английский государственный деятель – 249.

Петр I – (1672–1725) – русский царь, Император Всероссийский – 91, 103–105, 148, 168, 298–299, 331, 428.

Петрусевич (Петрушевич) Антоний (1821–после 1900) – галицийский ученый, историк Церкви – 440.

Пий IX (1792–1878) – Папа Римский – 33, 121.

Пий XI (1717–1799) – Папа Римский – 262.

Пиль Роберт (1788–1850) – английский государственный деятель – 47, 157, .

Пирс Франклин (1804–1869) – американский президент – 53–55.

Питт Уильям (1759–1806) – английский государственный деятель – 150, 539.

Пиципиос Иаков – историк Церкви – 221, 230, 239–241.

Погодин Михаил Петрович (1800–1875) – историк, писатель – 9, 428, 434, 450–453.

Полонский Яков Петрович (1819–1898) – поэт – 430.

Полянский А. – сотрудник Общества попечения о раненых и больных воинах в ходе Русско-турецкой войны 1877–78 – 512.

Понятовский Юзеф-Антоний (1763–1813) – польский князь, маршал *Наполеона I* – 109.

Попов – врач, участвовал в бальзамировании тела В. А. Черкасского – 511.

Потанов Алексей – камердинер В. А. Черкасского – 495, 505, 510.

Потемкин-Таврический Григорий Александрович (1739–1791) – граф, генерал-фельдмаршал, государственный и военный деятель, дипломат – 216.

Поццо ди Борго Карл Андрей (1764–1842) – русский дипломат – 244.

Приселков Василий Иванович (1828–1894) – военный врач – 505.

Путятин Евфимий Васильевич (1803–1883) – адмирал, государственный деятель и дипломат – 35.

Пушкин Александр Сергеевич (1799 –1837) – великий поэт – 453.

Пушкин И. А. – близкий друг В. А. Черкасского, участник разработки Крестьянской реформы – 366, 373, 375–378, 382.

Пюзей Эдвард Бовари (1800–1882) – английский теолог, историк Церкви – 175.

Раглан Фицрой Джеймс (1788–1855) – барон, английский фельдмаршал – 122.

Раден Эдита Федоровна (1825–1885) – баронесса, общественный деятель – 13.

Редкин Петр Григорьевич (1808–1891) – правовед и педагог – 429.

Рейтерн Михаил Христофорович (1820–1890) – государственный деятель – 484, 490–491.

Реневаль – французский посланник в Риме при *Наполеоне III* – 120–121, 123.

Ренодо Теофраст (1586–1653) – основатель первой французской газеты, врач – 247–248.

Реуф (Рауф)-паша (1780–1859) – османский государственный и военный деятель – 512.

Ригер Франтишек Ладислав (1818–1903) – барон, один из лидеров партии старочехов – 434.

Ризе (Риза)-паша Али (1860–1920) – османский государственный и военный деятель – 234.

Ричмондский, герцог – см. *Леннокс Чарльз*.

Ришелье Арман Жан де Плесси (1585–1642) – герцог, кардинал, первый министр Людовика XIII – 148, 247.

Робок Джон Артур (1802–1879) – английский политический деятель – 37–39.

Рокингамский, маркиз – см. *Уотсон-Уэнворт*.

Романовский Сергей Максимилианович (1849–1877) – герцог Лейхтенбергский, участник Русско-турецкой войны 1877–78 – 512.

Россель (Рассел) Джон (1792–1878) – английский политический деятель – 30–32, 38–39, 138.

Ростовцев Яков Иванович (1803–1860) – государственный деятель – 384, 398.

Ротшильд Ансельм (Амшель) Майер (1773–1855) – австрийский финансист – 48.

Русская беседа – журнал патриотического направления, издавался в Москве в 1856–1860 – 11–12, 48, 88, 92, 163, 169, 222, 531.

Русский вестник – литературный и общественно-политический журнал, издавался в Москве и Петербурге с 1856 по 1906 – 92, 222, 382.

Савойский дом – династия правителей Савойи, королей Сардинского королевства и объединенной Италии – 81.

Савостьянов – уполномоченный Красного Креста в ходе Русско-турецкой войны 1877–78 – 504.

Саид-паша Мухаммед (1822–1863) – египетский вице-король – 124.

Самарин Дмитрий Федорович (1827–1901) – славянофил, философ, публицист – 475, 485, 520.

Самарин Юрий Федорович (1819–1876) – публицист и философ, один из основоположников славянофильства – 6, 11–13, 20, 463–466, 473–474, 476–485, 489–494, 513, 517–519, 533, 541, 543.

Селим I Грозный (1465–1520) – османский султан – 500.

Сельское благоустройство – ежемесячный журнал, отдел «Русской беседы», издавался в Москве с 1858 по 1859 – 11, 464, 532.

Сидмут Эддингтон Генри (1757–1844) – виконт, английский государственный деятель – 250.

Слово – галицийский русскоязычный журнал (XIX в.) – 441.

Соболев Леонид Николаевич (1844–1913) – генерал, премьер-министр Болгарии – 511.

Соловьев Яков Александрович (1820–1876) – общественный деятель, участник подготовки и проведения Крестьянской реформы – 275, 430, 485–489.

Стефан – главный врач турецкой армии в 1877 – 505.

Столетов Николай Григорьевич (1834–1912) – генерал – 497.

Стоу Гарриет Бичер (1811–1916) – американская писательница – 169.

Страхов Николай Николаевич (1828–1896) – русский философ, литературный критик – 6.

Страхонуд – ежемесячный галицийский русскоязычный сатирический журнал, издавался в Ведене и Львове с 1863 по 1892 – 441.

Стратфорд Редклифф (Стрэтфорд-Рэдклиф) Чарльз (1786–1880) – виконт, английский дипломат – 35, 50, 56, 217, 223.

Стюарт Дэниэл (1766–1846) – английский издатель – 249.

Стюарты – королевская династия, правившая в Шотландии и Великобритании – 251.

Суворов Александр Васильевич (1730–1800) – великий полководец, генералиссимус – 67.

Сунчалевиичи – ветвь рода Черкасских, берущая начало от князя Григория Сунчалеевича – 9.

Сципион Эмилиан Африканский (ок. 185–129 до н.э.) – римский военный и государственный деятель – 150.

Темрюковичи – ветвь рода Черкасских – 9.

Тенгоборский Людвиг Валерианович (1793–1857) – экономист, статистик и государственный деятель – 94, 275, 313.

Титов Владимир Павлович (1807–1891) – писатель, дипломат – 31.

Токвиль Алексис (1805–1859) – французский политолог и историк – 12, 34, 141–143, 148, 165, 182–211.

Трубецкая Ольга Николаевна (1867–1947) – княжна, писательница – 540, 544.

Трюден – лионский интендант мостов и дорог в 1743–1769 – 206.

Тургенев Иван Сергеевич (1818–1883) – писатель – 477.

Тьер Адольф (1797–1877) – французский государственный деятель, ученый-историк – 196, 535.

Тюрго Анн Робер Жак (1727–1781) – французский государственный деятель – 209–211.

Убичини Абдолоним (XIX в.) – итальянский писатель – 221.

Уотсон-Уэнворт Чарльз (1730–1782) – маркиз Рокингамский, английский государственный деятель – 156.

Ушинский Константин Дмитриевич (1824–1870) – педагог, основоположник научной педагогики в России – 430.

Фаллу Альфред Фредерик-Пьер (1811–1886) – французский политический деятель и историк – 134.

Фердинанд II (1810–1859) – король Обеих Сицилий – 33, 72.

Ферук-хан (XIX в.) – иранский посол в Париже – 122.

Фет (Шенин) Афанасий Афанасьевич (1820–1892) – поэт – 430.

Филипп II (1527–1598) – король Испании – 179.

Фокс Чарльз Джеймс (1749–1806) – английский государственный деятель – 27.

Фонвизин Денис Иванович (1745–1792) – писатель, переводчик – 299, 327.

Фотий I (ок. 820–891) – свт., Патриарх Константинопольский – 263.

Франц Ал. – статистик – 258.

Фредерик VII (1808–1863) – король Дании – 53.

Фрелих Франсуа (1849–?) – швейцарский историк и филолог – 260.

Фридрих II Великий (1712–1786) – прусский полководец и король – 27, 187, 276, 327.

Фридрих Вильгельм III (1797–1840) – король Пруссии – 409.

Фуад-паша (1815–1869) – османский государственный деятель – 225.

Хитров – спутник В. А. Черкасского в Адрианополе – 501.

Хомяков Алексей Степанович (1804–1860) – философ, публицист, поэт, основоположник славянофильского направления русской мысли – 11–12, 300, 475, 513.

Черкасская (урожд. Окунева) Варвара Семеновна (1786–1877) – мать В. А. Черкасского – 9.

Черкасский Александр Александрович (1772–1828) – князь, отец В. А. Черкасского – 9.

Чёрниг Карл (1804–1889) – барон, австрийский статистик – 260.

Черный Принц – см. Эдуард.

Чичерин Борис Николаевич (1828–1904) – русский правовед, философ, историк – 410–411, 414.

Чтения в Обществе истории и древностей российских – периодическое издание Общества истории и древностей российских при Московском университете. Издавалось в 1846–48 и 1858–1918 – 427.

Шамбор Анри Шарль Фердинанд (1820–1883) – последний представитель династии *Бурбонов* во Франции – 131.

Шварценберг Карл Филипп (1771–1820) – князь, австрийский военный и государственный деятель – 28.

Шенин Николай Васильевич (1827–1858) – военный и государственный деятель – 463.

Шереметев Дмитрий Николаевич (1803–1871) – граф, государственный деятель – 291.

Шишков Н. П. – помещик, участник разработки Крестьянской реформы – 382.

Штейн Генрих Фридрих Карл (1757–1831) – прусский политик – 332, 515–516.

Шуйский Василий Иванович (Василий IV Иоаннович) (1553–1612) – русский царь – 390.

Щербатов Александр Алексеевич (1829–1902) – князь, Московский городской голова – 444, 445–448, 516, 518.

Эдуард (1330–1376) – английский военачальник – 160.

Экономист – см. *Economist*.

Элленборо Лоу Эдвард (1790–1871) – граф, английский государственный деятель – 39.

Эстергази Павел-Антон (1786–1866) – князь, австрийский государственный деятель – 29.

Юнг (Янг) Артур (1741–1820) – английский путешественник и писатель – 193.

Юридические записки – специализированный журнал, издавался в Москве с 1841 по 1860 – 427.

Юсуф – афганский князь, способствовавший захвату Герата иранскими войсками в 1855 – 35.

Яков II (1430–1460) – английский король – 179.

Яков Кед (Джек Кэд) – предводитель крестьянского восстания в Англии в 1450 – 161.

Allgemeine Zeitung (Всеобщая газета) – общенациональная ежедневная немецкая газета, издавалась с 1798 по 1929 годы, с 1807 по 1882 – в Аугсбурге, под названием «Augsburger Allgemeine Zeitung» («Аугсбургская всеобщая газета») – 66.

Berliner Borsenzeitung (Берлинская биржевая газета) – ежедневная финансовая газета, издавалась в Берлине с 1855, закрыта во время Второй мировой войны – 44.

Chavanne (Шаванн) Daresté Rodolphe de la (1824–1911) – французский юрист – 193.

Constitutionnel (Конституционалист) – французская политическая и литературная газета, издавалась в Париже с 1815 по 1914 – 117–118.

Courier and advertiser (Курьер и объявления) – ежедневная газета, издается в Данди (Шотландия) с 1801 – 249.

Cucheval-Clarigny (Кюшеваль-Клариньи) Philippe-Athanase (1822–1896) – французский журналист – 245–246, 248–249, 251–253.

Economist (Экономист) – еженедельный журнал, издается в Лондоне с 1843 – 45.

Edinburgh Review (Эдинбургское обозрение) – общественно-политический журнал, издавался в Эдинбурге с 1802 по 1929 – 169.

Journal de St.-Petersbourg (Санкт-Петербургский журнал) – ежедневная газета, издававшаяся Министерством иностранных дел России в 1825–1914 – 32.

Journal des Debats (Журнал обсуждений) – французская общественно-политическая газета, издавалась с 1789 по 1944 – 134, 246, 514.

Laboulaye (Лабуле) Edouard (1811–1883) – французский писатель и публицист – 223.

Le Nord (Север) – ежедневная политическая газета на французском языке, субсидированная правительством России. Издавалась в Брюсселе в 1855–1862, 1865–1872 и в Париже в 1863–1864, 1894–1907 – 145.

Le Play (Лепле) Pierre-Guillaume-Frédéric (1806–1882) – французский ученый и публицист – 166.

London gazette (Лондонская газета) – официальное издание правительства Великобритании, издается с 1665 – 256.

Moniteur Universel (Всеобщий обозреватель) – французская официальная правительственная газета, издавалась с 1789 по 1901 – 37, 46, 116.

Morning Post (Утренняя почта) – ежедневная газета консервативного направления, издавалась в Лондоне с 1772 по 1937 – 118, 138, 249.

Neue Freie Presse (Новая свободная пресса) – ежедневная общественно-политическая газета, издавалась в Вене с 1864 по 1938 – 514.

Public Advertiser (Всеобщие объявления) – ежедневная общественно-политическая газета, издавалась в Лондоне в XIX в. – 248.

Revue des deux monds (Обозрение двух миров) – ежемесячный литературно-общественный журнал, издается в Париже с 1829 – 222.

Saint-Marc (Сен-Марк) Girardin (1801–1873) – французский писатель и литературовед – 236, 242.

Times (Время) – ежедневная английская газета, издается в Лондоне с 1785 по настоящее время – 236, 248–250.

Walter (Уолтер) John (1738/9–1812) – английский издатель, основатель газеты «*Times*» – 249.

Именной указатель составил Д. В. Орлов

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
--------------------------	---

I. СТАТЬИ КНЯЗЯ В. А. ЧЕРКАССКОГО

Обозрение политических событий в Европе за 1855 год	25
Протоколы Парижского конгресса	59
Обозрение внутреннего законодательства	88
Тройственный союз	108
О сочинениях Монталамбера и Токвиля	141
Два слова по поводу Восточного вопроса.....	214
Несколько слов по поводу книги «История печати в Англии и Соединенных Штатах» Кюшеваль-Клариньи ...	245
О Православной церкви в Австрии и Турции (Неоконченная статья).....	255

II. ЗАПИСКИ КНЯЗЯ В. А. ЧЕРКАССКОГО ПО КРЕСТЬЯНСКОМУ ВОПРОСУ

1-й проект постепенного освобождения крестьян.....	265
Записка о лучших средствах к постепенному исходу из крепостного состояния.....	272
О главных и существеннейших условиях успеха нового Положения (две записки, составленные для В. Кн. Елены Павловны).....	332
Записка кн. Черкасского, составленная по поручению административного отделения.....	362
Мнение кн. В. А. Черкасского «о наделе».....	366

О положении крестьянского дела	384
Соображения по некоторым дополнительным вопросам, имеющим связь с крестьянским делом.....	399
Объяснительная записка к проекту устройства земских собраний и хозяйственного управления	407
Крестьянское дело в 1861 и 1876 году.....	420

III. РЕЧИ КНЯЗЯ В. А. ЧЕРКАССКОГО

Студенческое воспоминание	426
Набросок речи к мировым посредникам Тульской губернии.....	431
Речь, сказанная в Варшаве перед вступлением в управление Комиссией внутренних дел в 1864 году	432
Речь во время Первого всеславянского съезда на празднике в Москве в Сокольничьей роще, 21 мая 1867 года.....	434
Речь на заседании Общей Думы 29 апреля 1869 года.....	441
Речь на прощальном обеде, который был дан князю Черкасскому Московской Городской Думой по выходе его из должности городского головы, 6 апреля 1871 года.....	445
Речь на юбилее М. П. Погодина 29 декабря 1872 года	450
Из речи в Московском губернском земском собрании 8 января 1877 года	454

IV. ПИСЬМА КНЯЗЯ В. А. ЧЕРКАССКОГО В ПЕРИОД ПОДГОТОВКИ И НАЧАЛА РЕАЛИЗАЦИИ КРЕСТЬЯНСКОЙ РЕФОРМЫ

Письмо кн. В. А. Черкасского А. И. Кошелеву и Ю. Ф. Самарину.....	463
Письмо кн. В. А. Черкасского А. И. Кошелеву.....	466
Письмо кн. В. А. Черкасского – Ю. Ф. Самарину	476
Письмо кн. Черкасского Ю. Ф. Самарину	483
Письмо кн. Черкасского Я. А. Соловьеву	485
Письмо кн. В. А. Черкасского Ю. Ф. Самарину	489

V. ПОСЛЕДНИЕ ДНИ ЖИЗНИ КНЯЗЯ

В. А. ЧЕРКАССКОГО И ПАМЯТНЫЕ РЕЧИ О НЕМ

О последних днях жизни и кончине князя	
В. А. Черкасского	495
Речь князя А. Васильчикова	513
Речь князя А. А. Щербатова	516
Речь И. С. Аксакова	518
Речь Д. Ф. Самарина	520
Болгары о князе Черкасском	522
Речь И. С. Аксакова на публичном заседании Славянского Благотворительного Общества 5 марта 1878 года.....	525
Из предисловия кн. О. Трубецкой к книге «Князь В. А. Черкасский и его участие в разрешении крестьянского вопроса. Материалы для биографии»	540

ПРИМЕЧАНИЯ	545
-------------------------	-----

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ	562
--------------------------------	-----

Автономная некоммерческая организация Институт русской цивилизации создана в октябре 2003 г. для осуществления идей и в память великого подвижника православной России митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Иоанна (Снычева). Предшественником Института был Научно-исследовательский и издательский центр «Энциклопедия русской цивилизации» (1997—2003).

Целью Института является творческое объединение ученых и специалистов, занимающихся изучением истории и идеологии русского народа, проведение научных исследований, конференций, семинаров и систематизация знаний по всем вопросам русской цивилизации, истории, философии, этнографии, культуры, искусства и других научных отраслей, связанных с жизнедеятельностью русского народа с древнейших времен до начала XXI века. Приоритетным направлением деятельности института является создание 20-томной «Энциклопедии русского народа» (вышло 10 томов), а также научная подготовка и публикация самых великих книг русских мыслителей, отражающих главные вехи в развитии русского национального мировоззрения и противостояния силам мирового зла, русофобии и расизма (вышло более 30 томов).

Редактор Д. В. Орлов
Корректор О. А. Рогачева
Компьютерная верстка Д. Е. Поляков
Институт русской цивилизации Тел.: 8-495-605-25-35.

Подписано в печать 28.11.2009 г. Формат 84 x 108 ¹/₃₂.
Гарнитура «Times». Объем 27,8 изд. л.
Печать офсетная. Заказ №
Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.

**ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ
ВЫПУСКАЕТ
БОЛЬШУЮ ЭНЦИКЛОПЕДИЮ
РУССКОГО НАРОДА**

Главный редактор О. А. Платонов

Энциклопедия включает следующие тома:

- Русская цивилизация (*вышел*)
- Русское Православие в трех томах (*вышли*)
- Русское государство (*вышел*)
- Русский патриотизм (*вышел*)
- Русское мировоззрение (*вышел*)
- Русский образ жизни (*вышел*)
- Русская география
- Русское хозяйство (*вышел*)
- Международные отношения
- Национальные отношения
- Русская литература (*вышел*)
- Русское искусство
- Русский театр
- Русская музыка
- Русская наука
- Русская школа
- Русское воинство
- Памятники Отечества
- Русские за рубежом
- Противники русской цивилизации

Каждый том Энциклопедии посвящен определенной отрасли жизни русского народа и будет завершенным сводом энциклопедических знаний по этой отрасли от «А» до «Я». Читатели могут в зависимости от потребностей подбирать либо полный комплект Энциклопедии, либо необходимые один или несколько томов.

К подготовке издания привлекаются лучшие русские ученые и специалисты, используются опыт и наиболее ценные материалы предыдущих русских энциклопедий и словарей. Критерием подготовки и отбора статей для Энциклопедии являются православные и национальные традиции русской науки, соответствие сделанных оценок национальным интересам русского народа.

Редакция Энциклопедии привлекает к сотрудничеству всех заинтересованных русских людей и организаций. Будем признательны за любую помощь в подготовке нашего издания.

Настоящая Энциклопедия является первой попыткой создания всеобъемлющего свода православных и национальных сведений о жизни русского народа. После выхода первого издания Энциклопедии предполагается ее совершенствование и подготовка нового издания.

Приглашаем к сотрудничеству всех русских людей, разделяющих идеи Святой Руси, русской цивилизации.

Будем благодарны за любые отзывы, замечания, поправки и дополнения.

Просим направлять их по адресу: 121170, Москва, а/я 18. Платонову О. А., e-mail: info@rusinst.ru

Электронную версию Энциклопедии можно получить на нашем сайте: www.rusinst.ru.

ВЫШЛИ В СВЕТ КНИГИ, ПОДГОТОВЛЕННЫЕ ИНСТИТУТОМ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ:

СЕРИЯ «РУССКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ»

- Митр. Иоанн. Самодержавие духа, 528 с.
Киреевский И. Духовные основы русской жизни, 448 с.
Гиляров-Платонов Н. П. Жизнь есть подвиг, а не наслаждение, 720 с.
Аксаков И. С. Наше знамя – русская народность, 640 с.
Гоголь Н. В. Нужно любить Россию, 672 с.
Тихомиров Л. А. Руководящие идеи русской жизни, 640 с.
Филиппов Т. И. Русское воспитание, 448 с.
Григорьев Ап. Апология почвенничества, 688 с.
Данилевский Н. Я. Россия и Европа, 816 с.
Хомяков А. С. Всемирная задача России, 800 с.
Самарин Ю. Ф. Православие и народность, 720 с.
Катков М. Н. Идеология охранительства, 800 с.
Булгаков С. Н. Философия хозяйства, 464 с.
Аксаков К. С. Государство и народ, 680 с.
Концевич И. М. Стяжание Духа Святого, 864 с.
Флоровский Г. В. Пути русского богословия, 848 с.
Гильфердинг А. Ф. Россия и славянство, 496 с.
Страхов Н. Н. Борьба с Западом, 576 с.
Мещерский В. П. За великую Россию. Против либерализма, 624 с.
Свт. Филарет митр. Московский. Меч духовный, 720 с.
Зеньковский В. В. Христианская философия, 1072 с.

СЕРИЯ «РУССКОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ»

- Ильин И. Национальная Россия: наши задачи, 464 с.
Нилус С. Царство антихриста «Близ есть при дверех...», 528 с.
Шарапов С. Ф. После победы славянофилов, 624 с.
Грингмут В. А. Объединяйтесь, люди русские!, 544 с.
Вязигин А. С. Манифест созидательного национализма, 400 с.
Пасхалов К. Н. Русский вопрос, 720 с.
Платонов. О. Загадка сионских протоколов, 800 с.
Платонов О. Почему погибнет Америка, 528 с.
Бутми Г. Кабала или свобода, 400 с.
Жевахов Н. Еврейская революция, 480 с.
Никольский Б. В. Сокрушить крамолу, 464 с.
Величко В. Л. Русские речи, 400 с.

СЕРИЯ «ИССЛЕДОВАНИЯ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ»

- Лебедев С. Слово и дело национальной России, 576 с.
Платонов О. Экономика русской цивилизации, 800 с.
Антонов М. Экономическое учение славянофилов, 416 с.
Каплин А. Д. Мировоззрение славянофилов, 400 с.
Романов И. Стратегия восточных территорий, 320 с.
Евдокимов А. Ю. Биосфера и кризис цивилизации, 480 с.
Крыленко А. К. Денежная держава, 368 с.
Черная сотня. Историческая энциклопедия, 640 с.
Славянофилы. Историческая энциклопедия, 736 с.
Морозова Г. А. Третий Рим против нового мирового порядка, 272 с.
Троицкий В. Ю. Судьбы русской школы, 480 с.

СЕРИЯ «ТЕРНОВЫЙ ВЕНЕЦ РОССИИ»

- Платонов О. История русского народа в XX веке в 2-х томах, т. 1 – 804 с.; т. 2 – 1040 с.
Платонов О. Тайная история масонства, 912 с.
Платонов О. История масонства. Документы и материалы в 2-х томах, т. 1 – 720 с.; т. 2 – 736 с.
Платонов О. Пролог цареубийства, 496 с.
Платонов О. История цареубийства, 768 с.
Платонов О. Святая Русь. Открытие русской цивилизации, 816 с.
Башилов Б. История русского масонства, 640 с.
Шевцов И. В борьбе с дьяволом, 656 с.
Лютостанский И. Криминальная история иудаизма, 992 с.
Платонов О. Тайна беззакония. Иудаизм и масонство против христианской цивилизации, 880 с.
Платонов О. Загадка сионских протоколов, 800 с.
Платонов О. Заговор цареубийц, 528 с.
Платонов О. Николай II в секретной переписке, 800 с.

Книги, подготовленные Институтом русской цивилизации, можно приобрести в Москве: в Книжном клубе «Славянофил» (Большой Предтеченский пер., 27, тел. 8(495)-605-08-58), в книжной лавке «Русского вестника» (Покровский бул., 18/15, тел. 8(495)-916-29-41), в книгоиздательской фирме «Крафт+» (Пр. Серебрякова, 14, тел. 8(499)-186-93-78) и в магазине «Политкнига» (тел. 8(495)-543-87-93, www.politkniga.ru)

**В 2010 ГОДУ
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ
ВЫПУСТИТ В СВЕТ СЛЕДУЮЩИЕ ИЗДАНИЯ:**

СЕРИЯ «РУССКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ»

Достоевский Ф. М. Дневник писателя.
Погодин М. П. Вечное начало. Русский дух.
Ламанский В. И. Идеология панславизма.
Фадеев Р. А. Государственный порядок.
Черкасский В. А. Национальная реформа.
Лешков В. Н. Русское государство.
Солоневич И. Л. Народная монархия.
Хомяков Д. А. Православие, Самодержавие, Народность.
Победоносцев К. П. Православие и государство.
Леонтьев К. Империя духа.
Валуев Д. А. Начала славянофильства.
Астафьев П. Е. Национальное самосознание.
Щербатов А. Г. Православный приход – твердыня русской народности.
За русскую народность. Идеология Галицкой Руси.

СЕРИЯ «РУССКОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ»

Фотий Спасский. Борьба за веру. Против масонства.
Булацель В. Ф. Борьба за правду.
Святые черносотенцы. За Веру, Царя и Отечество.

СЕРИЯ «ИССЛЕДОВАНИЯ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ»

Государственно-правовой идеал славянофилов.
Русская цивилизация. История и идеология Святой Руси.
Русская цивилизация. Философия и литература.
Святая Русь – высший этап развития мировой цивилизации.
Святые и подвижники Православия. Историческая Энциклопеди.
Монастыри и храмы России. Историческая Энциклопеди.